

491.71(08)
У-945

ДѢТСКІЙ МІРЪ

И

ХРЕСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ,

приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и
наглядному знакомству съ предметами природы.

ИЗДАНИЕ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

Пересмотрѣнное Я. Н. Наумовымъ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

См. КОМПЕТЕНЦІЯ

ГОС НАУЧНАЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. К. Д. УШЛИНОВА

№ 924667

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 апрѣля 1904 года

~~С 330203~~

Бумага, на которой печатается „Д...“
снабжена водяными знаками: Изданіе Н. С.

афилахъ: М. Меркушева, Невскій пр., д. № 8, листы: 1,
титულъ и обертка.
венная Польза», Вол. Подъяческая, № 39, листы: 3

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Первое знакомство съ дѣтскимъ міромъ.

	стр.		стр.
Дѣти въ рождѣ	1	Волкъ	58
Дѣти въ училищѣ	3	Лисица	59
Зима	8	Медвѣдь	60
Весна	10	Хорекъ	62
Лѣто	14	Бѣлки и другіе грызуны	64
Осень	19	Кротъ	68
О человѣкѣ	22	Летучая мышь	69
Чудный домикъ	36	Мартышка	71
		Тюлень	73
		Китъ	75
		Канарейка	77
		Утка	79
		Куры	81
		Соловей	83
		Ласточка	84
		Аистъ	86
		Кобчкъ и другія хищныя птицы	89
		Дятель	91
		Страусъ	93
		Ящерица	95
		Ужъ	96
		Лягушка	99
		Окунь	103
		Сельдь	106
		Стерлядь	108
		Яблоня	110
		Части яблони	—
		Чѣмъ питается яблоня	112

Отдѣлъ II.

Изъ природы.

Лошадь	36
Корова	38
Осель	39
Овца	41
Одногорбый верблюдъ или дрома- деръ	43
Сѣверный олень	45
Свинья	48
Слонъ	49
Кошка	52
Левъ и тигръ	54
Собака	55

Кленовое сѣмячко	113
Размноженіе растений	115
Польза, доставляемая человѣку растениями и животными.	117
Кремень	120
Глина, и что изъ нея дѣлается	121
Поваренная соль	123
Сѣра	124
Производство стекла	—
Жельзо	126
Мѣдь	128
Золото	129
Ртуть	131
Вода	132
Воздухъ	135
Путешествіе воды	139
Дождь	140
Роса, иней, снѣгъ и градъ	143
Вѣтеръ	144
Магнитъ	146
Электричество	149

Отдѣлъ III.

Первое знакомство съ родиной.

Пѣздка изъ столицы въ деревню	158
Наше отечество	168
Что было въ Россіи за тысячу лѣтъ	169
Призваніе князей	170
Олегъ	172
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ	173
Игорь	175
Ольга правительница	176
Святославъ	180
Первые удѣлы и междоусобія	185
Владиміръ язычникъ	187
Крещеніе Руси	188
Владиміръ христіанинъ	190
Святополкъ братоубійца	193
Ярославъ и первые его преемники	197
Основаніе Кіево-Печерской лавры	199

ХРЕСТОМАТІЯ.

Отдѣлъ I.

Басни и рассказы въ прозѣ.

Играющія собаки	1
Два козлика	—
Лошадь и осель	2
Вѣтеръ и солнце	—
Два плуга	3
Органы человѣческаго тѣла	4
Братъ и сестра	—
Любопытство	5
Гуси	6
Наблюдательность	7
Вѣрная собака	8
Бодливая корова	9
Чужое яичко	10
Гадюка	12
Богатство	13
Добросовѣстный дикарь	14
Два путешественника	—
Дѣдушка и внучекъ (Гримма)	15
Раскаяніе	16
Паукъ	17
Пѣсня птички	18
Ось и чека (Далъ)	20
Что знаешь, о томъ не спраши- вай (Далъ)	22
Медвѣдь и бревно	—
Байка о щукѣ зубастой	23
Лихо одноглазое	—
Вареный топоръ	25
Охотникъ до сказокъ	26
Никита Кожемяка	27
Богатырь Вольга и орабай Мику- лушка	29
Юпитеръ и лошадь	31
Юпитеръ и овечка	32
Птицы	33
Грядки гвоздикъ	—

Сумка почталіона	34
Слѣпая лошадь	38

Отдѣлъ II.

Стихи.

Птичка (Пушкина)	41
Муха (Дмитріева)	42
Чижъ и голубь (Крылова)	—
Лисица и виноградъ (Ело-же)	—
Пѣтухъ и жемчужное зерно (Ело-же)	43
Соловей и чижъ (Хемницера)	—
Мартышка и очки (Крылова)	44
Слонъ и моська (Ело-же)	—
О рыбахъ и рыбкѣ (Пушкина)	45
Чижъ и ябллица (Дмитріева)	48
Мотъ и ласточка (Крылова)	49
Пѣсня пахаря (Колмова)	50
Лебедь, щука и ракъ (Крылова)	51
Щука и котъ (Ело-же)	—
Школьникъ (Некрасова)	52
Зима (Пушкина)	—
Пѣтухъ, котъ и мышенокъ (Дми- тріева)	53
Осель и соловей (Крылова)	54

Сказка о купцѣ Остолопѣ и работ- никѣ его Балдѣ (Пушкина)	55
Зеркало и обезьяна (Крылова)	60
Полевой цвѣтокъ (Дмитріева)	—
Весеннія воды (Тютчева)	—
Казачья колыбельная пѣсня (Лер- монтова)	61
Любопытный (Крылова)	—
Береза (Фета)	62
Ласточки (Майкова)	—
Весна (Ело-же)	63
Урожай (Колмова)	—
Крестьянская пирушка (Ело-же)	65
Лисица и осель (Крылова)	66
Пѣсня бѣдняка (Жуковскаго)	67
Утро (Никитина)	—
Трудолюбивый медвѣдь (Крылова)	68
Свинья подъ дубомъ (Ело-же)	—
Волкъ и котъ (Ело-же)	69
Листы и корни (Ело-же)	70
Всенощная въ деревнѣ (Аксакова)	71
Лѣтній вечеръ (Жуковскаго)	—
Молитва дѣтяти (Никитина)	72
Крестьянская дума (Колмова)	—
Урокъ (Беранже, пер. Курочкина)	73

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ДѢТСКИМЪ МІРОМЪ.

ДѢТИ ВЪ РОЩѢ.

1. Двое дѣтей, братъ и сестра, отправились въ школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тѣнистой рощи. На дорогѣ было жарко и пыльно; а въ рощѣ прохладно и весело.

„Знаешь ли что?“ сказалъ братъ сестрѣ: „въ школу мы еще успѣемъ. Въ школѣ теперь и душно, и скучно, а въ рощѣ должно быть очень весело. Послушай, какъ кричатъ тамъ птички; а бѣлокъ-то, бѣлокъ сколько прыгаетъ по вѣткамъ! Не пойти ли намъ туда, сестра?“

2. Сестрѣ понравилось предложеніе брата. Дѣти бросили азбуки въ траву, взяли за руки и скрылись между зелеными кустами, подъ кудрявыми березками. Въ рощѣ точно было весело и шумно. Птички перепархивали безпрестанно, пѣли и кричали; бѣлки прыгали по вѣткамъ; насѣкомыя суетились въ травѣ.

3. Прежде всего дѣти увидѣли золотого жучка.

„Поиграй-ка съ нами“, сказали дѣти жуку.

— Съ удовольствіемъ бы, отвѣтилъ жукъ,—но у меня нѣтъ времени:—я долженъ добыть себѣ обѣдъ.

„Поиграй съ нами“, сказали дѣти желтой, мохнатой пчелкѣ.

— Некогда мнѣ играть съ вами, отвѣчала пчелка:— мнѣ пужно собирать медъ.

„А ты не поиграешь-ли съ нами?“ спросили дѣти у муравья. Но муравью некогда было ихъ слушать: онъ тащилъ соломинку втрое больше себя и спѣшилъ строить свое хитрое жильѣ.

4. Дѣти обратились было къ бѣлкѣ, предлагая ей также поиграть съ ними; но бѣлка махнула пушистымъ хвостомъ и отвѣчала, что она должна запасти орѣхами на зиму. Голубь сказалъ: „я строю гнѣздо для своихъ маленькихъ дѣтокъ“. Свѣренкій зайчикъ бѣжалъ къ ручью умытъ свою мордочку. Вѣлому цвѣтку земляники также некогда было заниматься дѣтьми; онъ пользовался прекрасной погодой и спѣшилъ приготовить къ сроку свою сочную, вкусную ягоду.

5. Дѣтямъ стало скучно, что всѣ заняты своимъ дѣломъ и никто не хочетъ играть съ ними. Они подбѣжали къ ручью. Журча по камнямъ, пробѣгали ручей черезъ рошу.

„Тебѣ ужъ вѣрно нечего дѣлать?“ сказали ему дѣти: „поиграй же съ нами!“

— Какъ! мнѣ нечего дѣлать? прожурчалъ сердито ручей:—ахъ, вы, лѣнныя дѣти! Посмотрите на меня: я работаю днемъ и ночью, и не знаю ни минуты покою. Развѣ я не пою людей и животныхъ? Кто же, кромѣ меня, моетъ бѣлье, вертитъ мельничныя колеса, носитъ лодки и тушитъ пожары? О, у меня столько работы, что голова идетъ кругомъ! прибавилъ ручей и принялся журчать по камнямъ.

6. Дѣтямъ стало еще скучнѣе и они подумали, что имъ лучше было бы пойти сначала въ школу, а потомъ ужъ, идучи изъ школы, зайти въ рошу. Но въ это самое время мальчикъ примѣтилъ на зеленой вѣткѣ крошечную, красивую малиновку. Она сидѣла, казалось, очень спокойно и отъ нечего дѣлать насвистывала прѣвеселую пѣсенку.

„Эй, ты, веселый запѣвало!“ закричалъ малиновкѣ мальчикъ: „тебѣ-то ужъ, кажется, ровно нечего дѣлать; поиграй же съ нами“.

— Какъ, просвистала обиженная малиновка:—мнѣ нечего дѣлать? Да развѣ я цѣлый день не ловила мошекъ, чтобы накормить моихъ малютокъ! Я такъ устала, что не могу поднять крыльевъ; да и теперь убаюкиваю пѣсенкой моихъ милыхъ дѣтокъ. А вы что дѣлали сегодня, маленькіе лѣнвцы? Въ школу не пошли, ничего не выучили, бѣгаете по рошѣ, да еще мѣшаете другимъ

дѣло дѣлать. Идите-ка лучше, куда васъ послали, и помните, что только тому пріятно отдохнуть и поиграть, кто поработалъ и сдѣлалъ все, что обязанъ былъ сдѣлать.

Дѣтямъ стало стыдно: они пошли въ школу, и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

ДѢТИ ВЪ УЧИЛИЩѢ.

ГЛАВА I.

Школа.

1. Въ понедѣльникъ утромъ Ваня и Коля проснулись очень рано. Поспѣшно встали они, одѣлись, помолились Богу и позавтракали. Давно ужъ ждали дѣти дня, когда имъ въ первый разъ придется отправиться въ школу: день этотъ наконецъ насталъ.

„Ведите-же себя, какъ слѣдуетъ добрымъ и умнымъ дѣтямъ: слушайте учителя и учитесь прилежно“, сказала Ванѣ и Колѣ ихъ добрая мать, и велѣла кухаркѣ Аннѣ отвести дѣтей въ школу.

2. Черезъ полчаса Анна остановилась съ дѣтьми у сѣраго длиннаго дома. Вверху надъ окнами, на большой черной доскѣ, Ваня прочелъ крупную надпись „училище“. Было еще рано. Дверь школы была заперта. Анна дернула за колокольчикъ. Сѣдой, уса-тый старикъ, въ солдатской шинели, отперъ дверь. Это былъ сторожъ Потапычъ. Въ рукахъ у сторожа была метла и тряпка.

„Что такъ рано?“ спросилъ онъ; но, замѣтивъ, что это были *новички*, прибавилъ: „классы начинаются въ восемь часовъ, а теперь еще только семь; придется вамъ подождать, голубчики“.

Дѣти пошли за Потапычемъ въ переднюю, гдѣ у стѣны стояла длинная вѣшалка со множествомъ колышковъ. Анна помогла дѣтямъ раздѣться, общала придти за ними, когда кончатся классы, и проворно побѣжала на рынокъ за провизіей.

3. Потапычъ ввелъ дѣтей въ классъ, сказалъ имъ, чтобы они сѣли на скамью и сидѣли смирно, а самъ сталъ подметать полъ. Въ классѣ, кромѣ Потапыча, Вани и Коли, никого еще не было. Дѣти, сидя на скамьѣ, робко посматривали на незнакомые для

нихъ предметы. Комната, гдѣ помѣщался классъ, была большая и высокая. Въ ней дѣти насчитали трое дверей и шесть оконъ. Стѣны были обиты желтыми обоями, потолокъ выбѣлеть чисто, но на полу было уже много чернильныхъ пятенъ. Въ одномъ углу стояла большая печь, въ другомъ, переднемъ, висѣла икона.

4. Больше всего удивлялись дѣти множеству длинныхъ черныхъ скамеекъ. Большая половина класса была заставлена ими. Скамейки и столы стояли рядами. Такой мебели Ваня и Коля никогда еще не видали. Скамейки были придѣланы къ столамъ, крышки у столовъ—покатыя, подъ крышками—ящики, а наверху столовъ были вдѣланы большія оловяння чернильницы, куда Потапычъ только-что налилъ свѣжихъ чернилъ. Впереди, на небольшомъ возвышеніи, стояли столъ и стулъ, вѣроятно, для учителя; а возлѣ стояла на трехъ высокихъ ножкахъ—большая черная доска. На доскѣ еще оставались слѣды мѣлу.

5. Потапычъ подмелъ полъ, смахнулъ пыль со скамеекъ и столовъ и чисто-на-чисто вытеръ классную доску. Потомъ онъ принесъ нѣсколько кусковъ мѣлу, губку, полотенце—и пошелъ убирать другой классъ. Уходя, Потапычъ отворилъ дверь, и дѣти увидѣли, что въ другой комнатѣ было все то же: длинныя черныя скамьи для учениковъ, кафедра для учителя, классная доска и, вдобавокъ, на стѣнѣ висѣла географическая карта.

Г Л А В А II.

Товарищи и учитель.

1. Ваня и Коля не долго оставались одни. Скоро раздался громкій звонокъ: Потапычъ отперъ дверь—и въ классъ съ шумомъ и крикомъ вбѣжала толпа дѣтей.

„А, новички! новички!“ раздалось со всѣхъ сторонъ. Въ ту же минуту ученики окружили нашихъ пріятелей и осыпали ихъ вопросами: „кто вы? чьи вы? какъ васъ зовутъ? сколько вамъ лѣтъ? гдѣ вы живете? умѣете-ли читать и писать? въ который классъ поступаете?“

2. Ваня и Коля не успѣвали отвѣчать. Они никогда не ви-

дали такого множества дѣтей и невольно робѣли, тѣмъ болѣе, что не всѣ спрашивали ихъ ласково. Одинъ большой и, должно быть, очень злой мальчикъ успѣлъ даже толкнуть Ваню. Къ счастью нашихъ новичковъ, скоро пробило 8 часовъ и въ школу пришли учителя. Лишь-только ученики завидѣли учителей, какъ тотчасъ же разбѣжались по классамъ и усѣлись каждый на свое мѣсто. Ваня и Коля одни стояли между скамейками: у нихъ еще не было своихъ мѣстъ.

3. Въ классъ, гдѣ были Ваня и Коля, вошелъ учитель русскаго языка. Это былъ человекъ еще не старый, невысокаго роста, въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами. Онъ поздоровался съ учениками и велѣлъ одному изъ нихъ прочесть молитву. Ученикъ прочелъ внятно и громко „Молитву предъ учениемъ“. Ваня и Коля молились очень усердно и просили Бога, чтобы онъ благословилъ начало ихъ ученія. Послѣ молитвы всѣ сѣли, а учитель подозвалъ къ себѣ нашихъ новичковъ. Онъ спросилъ у нихъ, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, умѣютъ ли читать и писать, кто ихъ родители, гдѣ они живутъ. Потомъ учитель заставилъ дѣтей прочесть немного изъ книги, сказать наизусть двѣ-три молитвы и написать на доскѣ нѣсколько строкъ. Дѣти читали хорошо, знали молитвы твердо, писали порядочно. Учитель, казалось, остался ими доволенъ: вынулъ изъ кармана записную книжку и записалъ въ ней имена двухъ новыхъ учениковъ: Ивана и Николая Почининыхъ, дѣтей вдовы Почининой, съ отмѣткою, что Ивану девять, а Николаю восемь лѣтъ.

4. „Хорошо!“ сказалъ потомъ учитель Ванѣ и Колѣ: „видно, что и дома вы не теряли времени даромъ, когда выучились читать, писать и молиться. Продолжайте же учиться прилежно; будьте внимательны въ классѣ; думайте о томъ, что читаете; слушайте также, о чемъ я спрашиваю и что объясняю; замѣчайте все, что дѣлается въ классѣ. Послѣ класса я спрошу у васъ, что вы замѣтили“.

Потомъ учитель указалъ дѣтямъ ихъ мѣста на первой скамейкѣ, гдѣ сидѣли самыя маленькіе.

Что дѣлается въ классѣ.

1. Урокъ начался чтеніемъ. Учитель требовалъ, чтобы ученики читали внятно, громко, не торопясь, и произносили каждое слово, какъ слѣдуетъ. Когда кто-нибудь ошибался, учитель съ охотою поправлялъ. Но видно было, что онъ не любилъ поправлять въ третій и четвертый разъ одно и то-же. Всякое непонятное слово учитель немедленно объяснялъ. Онъ не только не сердился, когда его спрашивали, что значитъ какое-нибудь слово, но даже былъ этимъ очень доволенъ.

2. Когда одинъ изъ учениковъ прочиталъ нѣсколько строкъ, учитель сталъ спрашивать о томъ, что было прочитано и объяснено; кто читалъ и слушалъ со вниманіемъ, тотъ и отвѣчалъ хорошо; кто былъ разсѣянъ, тотъ и отвѣчалъ дурно; однихъ учитель хвалилъ, другимъ дѣлалъ выговоръ.

3. Ваня и Коля замѣтили, что одни отвѣты учитель называлъ *полными*, а другіе *неполными*. Такъ онъ спросилъ у одного ученика: „почему Господа называютъ Создателемъ?“ Ученикъ отвѣчалъ: „потому что Онъ создалъ міръ“. Учитель назвалъ этотъ отвѣтъ *неполнымъ*, спросилъ другого ученика, и тотъ отвѣчалъ: „Господа называютъ Создателемъ, потому что Онъ создалъ міръ“. Учитель назвалъ такой отвѣтъ *полнымъ*. Ваня и Коля поняли, что въ полномъ отвѣтѣ долженъ быть повторенъ вопросъ.

4. Когда все прочитанное и объясненное было повторено учениками, тогда стали продолжать чтеніе. За чтеніемъ опять послѣдовали вопросы и объясненія. Раза три или четыре учитель обращался съ вопросами къ Ванѣ и Колѣ. Наши знакомцы слушали внимательно и потому отвѣчали очень хорошо. Такъ былъ прочтенъ и объясненъ весь рассказъ.

5. Чтеніе кончилось. Ученики вынули грифельныя доски. Учитель написалъ на большой классной доскѣ нѣсколько вопросовъ и сказалъ ученикамъ, чтобы они на своихъ доскахъ написали отвѣты. У Вани и Коли не было грифельныхъ досокъ и они не могли писать. Одинъ изъ учениковъ писалъ отвѣты мѣломъ на большой

классной доскѣ. Учитель поправилъ и требовалъ, чтобы каждый ученикъ сдѣлалъ то же на своей доскѣ. Пересматривая доски учениковъ, учитель хвалилъ тѣхъ, у кого всѣ ошибки были исправлены.

6. Когда отвѣты на вопросы были написаны, учитель сталъ спрашивать урокъ. Къ этому классу было задано выучить на память небольшую басню. Многіе отвѣчали отлично: безъ ошибки, ясно, громко и выразительно; объясняли каждое слово, когда учитель спрашивалъ. Видно было, что они въ прошедшій классъ слушали внимательно и дома прочитали нѣсколько разъ заданную на урокъ басню. Такихъ учениковъ учитель называлъ *прилежными*. Но нашлись и такіе лѣнвые ученики, которые почти ничего не знали. Ваня и Коля замѣтили, что урокъ не знали тѣ-же ученики, которые были невнимательны въ классѣ.

7. Объяснивъ новый урокъ, учитель приказалъ ученикамъ вынуть тетради и приготовить перья. Ваня и Коля замѣтили, что учитель хвалилъ тѣхъ, у кого тетради и книги были чисты и неизмяты, и очень былъ недоволенъ, когда увидалъ, что у одного ученика тетрадь была не сшита, а книга запачкана и измята.

„Хорошій ученикъ“, сказалъ при этомъ учитель, „долженъ быть внимателенъ въ классѣ, прилежно повторять уроки дома; а книги и тетради держать въ чистотѣ и порядкѣ“.

8. Едва успѣлъ учитель продиктовать объясненную имъ въ классѣ басню, какъ зазвонилъ колокольчикъ. Наши новички и не замѣтили, какъ кончился классъ. Много новаго узнали они безъ всякаго труда и чувствовали, что стоитъ имъ раза два прочесть заданный урокъ, и они будутъ знать его очень твердо. „Вотъ что значитъ быть внимательнымъ въ классѣ“, подумали они, „и вотъ почему учитель хочетъ, чтобы всѣ были внимательны“.

9. Послѣ класса учитель подозвалъ къ себѣ нашихъ новичковъ и сталъ у нихъ спрашивать, что они замѣтили. Ваня и Коля рассказали ему все, что дѣлалось въ классѣ: кого учитель спрашивалъ, чѣмъ онъ былъ доволенъ и чѣмъ недоволенъ. Учитель похвалилъ дѣтей за вниманіе и сказалъ имъ, что если они всегда будутъ такъ же вести себя въ классѣ, какъ въ этотъ разъ, то скоро сдѣлаются хорошими учениками.

З И М А.

1. Зимой солнышко хоть и свѣтитъ, но мало грѣетъ. Оно не долго остается на небѣ. Зимніе дни гораздо короче лѣтнихъ, а ночи длиннѣе. Въ Россіи зимы продолжаются долго и бываютъ иногда очень холодны. Рѣки и озера замерзаютъ, такъ-что по льду можно ходить и ѣздить. Земля покрывается толстымъ слоемъ снѣга. Снѣгъ очень полезенъ, потому что подъ нимъ и въ сильные морозы сохраняются невредимо сѣмена травъ, цвѣтовъ и хлѣбовъ. Безъ снѣга сѣмена могли бы вымерзнуть.

2. Листъ еще въ концѣ осени опадаетъ съ деревьевъ, и березовая и дубовая роща, тѣнистая лѣтомъ, къ зимѣ становится прозрачною. На голыхъ сучьяхъ, вмѣсто листьевъ, развѣшиваются хлопья мягкаго, бѣлаго снѣга. Однѣ только ели и сосны зелены зимою. На нихъ всю зиму остаются зеленыя иголки или *хвои*. Деревья, съ хвоею вмѣсто листьевъ, называются *хвойными*. Деревья, одѣтыя листьями, — *лиственными*.

3. Зимой гораздо менѣе птицъ въ лѣсахъ и звѣрей въ поляхъ, а насѣкомыя совсѣмъ исчезаютъ. Иныя изъ нихъ погибаютъ, оставляя лички, другія забираются глубоко въ землю, какъ напр. муравьи. Нѣкоторыя насѣкомыя засыпаютъ на зиму и просыпаются только весною, когда земля оттаетъ. (Что дѣлается зимою съ мухами?) Многія птицы улетаютъ на зиму въ теплые края, иногда за тысячи верстъ. Ласточки, грачи, дрозды, жаворонки, соловьи покидаютъ насъ еще съ осени. Дикіе гуси, утки, лебеди еще съ осени тянутся по небу съ сѣвера на югъ длинными вереницами. Онѣ очень хорошо чувствуютъ, что чѣмъ южнѣе, тѣмъ теплѣе, и ищутъ такихъ странъ, гдѣ не бываетъ зимы. (Знаете-ли вы, какія это страны?) Такихъ называютъ перелетными. Галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики зимуютъ съ нами и потому называются *зимующими*. Остаются также и воробьи въ своихъ теплыхъ гнѣздахъ; по и тѣ зимою прыгаютъ не такъ весело, какъ лѣтомъ.

4. Звѣри, большею частію, также скрываются на зиму въ берлоги, норы и дупла деревьевъ. Иныя засыпаютъ на самое холодное время, какъ напр.: снѣгъ, медвѣдь, байбакъ, сурокъ. Но бѣлка не засыпаетъ:

она приберегла себѣ съ осени хорошей запасъ орѣховъ въ дуплѣ дерева и грызетъ ихъ цѣлую зиму. Животныя, засыпающія на зиму, называются *зимоспящими*. Домашнія животныя: лошади, коровы и овцы, погибли-бы зимою отъ голода и холода, если-бы человекъ не выстроилъ для нихъ теплыхъ хлѣбовъ и конюшенъ и не приготовилъ сѣна и овса.

6. При наступленіи зимы человекъ старается устроиться по зимнему. Онъ вставляетъ двойныя рамы въ окна, сильно топить печи, надѣваетъ теплое платье, прячетъ колесные экипажи до весны и выдвигаетъ изъ сарая сани. (Что у санией вмѣсто колесъ?) Зимняя дорога гораздо легче лѣтней, и потому зимою по всѣмъ дорогамъ тянутся обозы съ разными тяжелыми товарами. Почтовая тройка весело бѣжитъ, побрякивая колокольчикомъ; даже деревенская кляча — и та зимой прибавляетъ шагу. Сани легко, со скрипомъ, скользятъ по снѣгу. Полевая работа прекращается еще осенью. Но крестьяне безъ работы не остаются и зимою: когда они перемолотятъ хлѣбъ, то идутъ на заработки; нанимаются на *фабрики* или пускаются въ извозъ. Женщины зимою прядутъ и ткутъ. Вотъ почему крестьяне такъ весело похлопываютъ рукавицами, когда первый снѣгъ закроетъ кочки и лужи и ляжетъ гладкимъ первопуткомъ. Мальчики тоже рады первому снѣгу. Пришла для нихъ пора играть въ снѣжки, лѣпить бабъ, кататься на салазкахъ и на конькахъ. Свѣчей въ домахъ горитъ зимою гораздо болѣе, чѣмъ лѣтомъ (почему?) Не очень давно въ избахъ жгли для освѣщенія лучину, но теперь почти вездѣ заведены даже у крестьянъ керосиновыя лампочки.

6. Весело зимою, особенно, когда солнышко свѣтитъ ярко, на снѣжныхъ поляхъ блестятъ миллионы искръ, а деревья точно убраны дорогимъ хрусталемъ! Но весело зимою только тому, у кого есть теплый домъ и теплое платье, кто въ сильную стужу можетъ сидѣть дома передъ ярко пылающимъ огонькомъ печи и спокойно ждать сытнаго ужина и теплой постели. Но каково бѣдному сѣдому старику пицему? Не смотря на стужу, долженъ онъ таскаться подъ окнами и *ради Христа* выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба.

На старикѣ нѣтъ теплаго тулупа, ланти его худы, армякъ весь въ дырахъ; голосъ его дрожитъ отъ старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги трясутся. Не хорошо и мальчику, который ведетъ слѣпого старика: бѣдняга перескакиваетъ съ ноги на ногу, дуетъ себѣ въ оконченныя пальцы; а сильный холодъ выжимаетъ у него слезы изъ глазъ. Пустите ихъ обогрѣться, накормите и подайте имъ, что можете! Лучше отказаться отъ новой игрушки или какихъ-нибудь сластей и подать милостыню бѣдняку.

7. Но не всегда-же зимою свѣтлые дни: бываютъ и метели. Когда подымется вьюга, то сильный вѣтеръ несетъ хлопья снѣгу и, свистя и завывая, крутитъ его въ воздухѣ. Въ иную метель, какъ говорится, *зи не видно*: въ десяти шагахъ нельзя различить человѣка, и нѣтъ ничего легче, какъ сбиться съ дороги въ такую непогодь. Не бѣда еще, если нѣтъ сильного мороза и путешественникъ успѣетъ забиться въ сугробъ снѣгу: подъ снѣгомъ тепло. Но если вьюга и морозъ, тогда не мудрено и замерзнуть. Какъ от-ратно въ такую погоду добраться до деревни! Хотя ее занесло снѣгомъ, хотя избы въ ней и черны, но за то въ нихъ тепло. Добрый крестьянинъ радушно встрѣчаетъ иззябшаго, неожиданнаго гостя и угощаетъ его, чѣмъ Богъ послалъ. У насъ нерѣдко зимою замерзаютъ бѣдные люди или отмораживаютъ себѣ носы, уши, руки и ноги. Самые сильные *трескучіе* морозы бываютъ обыкновенно посрединѣ зимы, около Крещенія, почему ихъ и называютъ *крещенскими*. Большіе морозы трескучими называются потому, что отъ нихъ иногда лопаются и трещатъ бревна въ стѣнахъ домовъ. Въ такой холодъ, говорятъ, даже птицы замерзаютъ въ воздухѣ и падаютъ на землю. Зиму, въ которой много бываетъ сильныхъ морозовъ, крестьяне зовутъ *литою*, т. е. очень злою.

ВЕСНА.

1. День пачинаетъ замѣтно прибавляться еще съ половинны декабля, а къ 9-му марта онъ займетъ уже половину сутокъ. Начало весны потому и считается съ 9-го марта. Солнце весною но только дольше остается на небѣ, но и грѣетъ съ каждымъ днемъ замѣтно сильнѣе. Снѣгъ начинаетъ мало-по-малу таять, и вода

ручейками сбѣгаетъ съ земли въ рѣки и озера. (Откуда берется эта вода?) Скоро и ледъ на рѣкахъ уступаетъ влиянію лучей солнца. По берегамъ рѣкъ появляются большія *полянны*. Пройдетъ еще съ недѣлю—и весь ледъ подымется прибывающей водою, почернѣетъ, начнетъ ломаться и рыхлыя льдины понесутся по теченію рѣки. Воды въ рѣкѣ въ это время прибываетъ столько, что она не можетъ помѣститься въ берегахъ: выступаетъ и разливается по окрестнымъ лугамъ. Разливъ рѣкъ зовутъ *водопольемъ*. Иная рѣченка, такая маленькая, что лѣтомъ ее переходили въ бродъ, въ водополье разливается на пять, на шесть верстъ и болѣе. Наша Волга-матушка, въ которую вливаются тысячи рѣкъ и рѣченочъ, разливается весною, словно море. Люди спѣшатъ воспользоваться недолгимъ богатствомъ воды,—и большія барки, нагруженные товарами, ходятъ весною тамъ, гдѣ лѣтомъ чуть не бродятъ куры.

На поляхъ появляются сначала *проталины*; но скоро земля, мокрая, пропитанная водою, повсюду показывается изъ-подъ снѣга. Пройдетъ еще недѣля, другая—и снѣгъ останется развѣ гдѣ-нибудь въ глубокомъ оврагѣ, куда не заглядываетъ солнце. Небо становится все синѣе, а воздухъ все теплѣе.

2. Еще не весь снѣгъ сойдетъ, когда тамъ и сямъ начнетъ уже показываться, возлѣ старой, пожелтѣвшей травы, новая, ярко-зеленая травка. На поляхъ, гдѣ крестьяне еще съ осени засѣяли рожь или пшеницу, подымается и зеленеетъ *озимъ*, словно зеленый бархатъ. Вмѣстѣ съ травою появляются и первые цвѣты. Голубенькій подсиѣжничъ пробивается въ лѣсахъ изъ-подъ прошлогодняго листа. Появляется кое-гдѣ и желтый одуванчикъ, тотъ самый, что со временемъ надѣнетъ свою пушистую, бѣлую шапочку, круглую, какъ шаръ, и до того легкую, что стоитъ только на нее дунуть,—и она вся разлетится. Деревья также пробуждаются отъ зимняго сна и, разогрѣтыя солнышкомъ, наполняются соками. Если прорубить въ это время кору березы или клена, то изъ-подъ нея закаплетъ сладкій и душистый сокъ.

Почки листьесвъ подготовлены деревомъ еще съ осени. Всю зиму оставались онѣ въ одномъ положеніи и были едва замѣтны,

теперь-же онѣ начинаютъ быстро наливать, расти, скидать свою коричневую шелуху и развертываться въ зеленые листья. На вербѣ появляются пушистые цвѣты, или барашки. Вы, вѣроятно, замѣтили ихъ на вербовыхъ вѣткахъ въ Вербное воскресенье? (Когда бываетъ Вербное воскресенье?). Потомъ появляются чуть замѣтные липкіе и душистые листья березы. Прошло еще дней десять, и кудрявая, ярко-зеленая березка, съ бѣлымъ опрятнымъ стволомъ своимъ, стоитъ разубранная, будто на праздникъ: веселая, яркая, душистая. За березой спѣшить распустится липа, ольха, дубъ. *Ланчатые* листья клена не заставляютъ долго ждать себя. Кустарники и деревья другъ передъ другомъ спѣшатъ нарядиться на праздникъ весны. Сначала зелень на деревьяхъ кажется жидкою, потому что листочки еще очень малы, да и сквозь зеленую яркую траву кое-гдѣ просвѣчиваетъ еще черная земля. Но листочки и трава растутъ быстро, — къ маю все зазеленѣетъ: рощи снова станутъ непроглядными, а на поляхъ запедрѣютъ тысячи цвѣтовъ. Зимой не царствуетъ разнообразіе: все одинъ и тотъ-же снѣгъ. Но весной каждый день появляется что-нибудь новое: то проглянетъ голубенькій глазокъ незабудки; то развернется благоухающая чашечка ландыша, а еще вчера ея не было; то заблестятъ въ зелени бѣленькіе цвѣточки земляники, изъ которыхъ къ концу весны выйдутъ сочныя, красныя ягоды. Вишни, яблони, груши покрываются бѣлыми и бѣло-розовыми цвѣтами. Все празднуетъ весну, все цвѣтеть и благоухаетъ.

Не вездѣ весна начинается въ одно и то-же время. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ и весна становится раньше. Въ *Крымѣ* уже въ февралѣ рвутъ цвѣты, а въ *Архангельскѣ* и въ апрѣлѣ можно отморозить носъ.

3. Птицъ, вмѣстѣ съ весной, появляется множество. (Откуда онѣ возвращаются къ намъ? Почему онѣ улетаютъ на зиму?). Первые прилетаютъ грачи и крикомъ своимъ напоминаютъ, что весна началась. Они появляются почти всегда около 9-го марта. Но вотъ и жаворонокъ, поднявшись высоко въ воздухъ, запѣлъ свою звучную пѣсню. Быстрыя, острокрылыя ласточки прилетаютъ нѣ-

сколько позже. Скворцы, дрозды, кулики, дикіе голуби, кукушки появляются одни за другими и населяютъ поля, лѣса и рощи, недавно еще безмолвныя.

Высоко въ воздухъ тянутся съ юга на сѣверъ стаи журавлей, дикихъ утокъ, гусей и лебедей. (Почему съ юга на сѣверъ?). Скоро и соловей начнетъ свою звонкую пѣсню. Однѣ изъ этихъ птицъ: дикіе гуси, журавли, лебеди, летятъ далѣе; другія остаются у насъ на все лѣто. Тѣ, которыя остаются, принимаютъ вить гнѣзда, носятся, кричатъ, трудятся, собираютъ сухія вѣточки, солому, мохъ, траву, глину и строятъ жилища для будущихъ своихъ птенцовъ.

Хлопотливые муравьи, пестрыя бабочки, неуклюжіе жуки, а потомъ несносные комары и мошки, — тысячи самыхъ разнообразныхъ летающихъ и ползающихъ насккомыхъ выходятъ на свѣтъ Божій. Трудлюбивая пчелка, проспавшая всю зиму въ тепломъ уголкѣ, просыпается, покидаетъ свою восковую келью и летитъ собирать сладкій медъ съ цвѣтовъ.

Въ звѣриномъ царствѣ замѣтно меньше переменъ. Дикихъ звѣрей вообще видѣть можно рѣдко. Но за то нельзя не видѣть, какъ радъ веситъ домашній скотъ. Простоявъ долгую зиму въ хлѣвахъ, лошади, коровы, овцы весело выбѣгаютъ въ поле, и пастуху не приходится долго вызывать ихъ изъ дому своей длинной трубой.

4. Рады люди первому снѣгу; но рады еще болѣе первымъ цвѣтамъ. Всякое время года приноситъ свои удовольствія и свои заботы. (Какія удовольствія зимы? Что дѣлаютъ крестьяне зимою?). Зимнія рамы вынимаютъ въ домахъ; свѣжій воздухъ и яркій свѣтъ врываются въ комнату. Звуки съ улицы, которыхъ цѣлые полгода не было слышно за двойными стеклами, раздаются громко. А для крестьянъ сколько предстоитъ работы! Но они работы не боятся. За зиму хлѣбъ, овесъ, сѣно и даже солома — все переведется: одно на пищу людямъ, другое на кормъ скоту. Надобно приниматься за работу, чтобъ было что ѣсть къ будущей осени и зимѣ.

Исправляетъ крестьянинъ телѣгу, *ладитъ* борону и соху и, когда земля немного пообогрѣется и пообсохнетъ, ѣдетъ въ поле. Онъ пашетъ, боронитъ поле и сѣетъ на немъ *яровое*, что должно

быть посеяно и собрано въ одномъ и томъ-же году: овесъ, гречиху, ячмень, просо. Въ огородахъ копають гряды, сажаютъ картофель, лукъ, горохъ, бобы, рассаду капусты; сѣютъ коноплю, свеклу, морковь, рѣпу. Въ столицахъ люди достаточные переѣзжаютъ на дачу, гдѣ садовники устраиваютъ клумбы, сажаютъ и сѣютъ цвѣты. Радуется веснѣ и бѣднякъ: слава Богу, стало теплѣе! Божье солнышко свѣтитъ для всѣхъ даромъ, для всѣхъ одинаково; дровъ пужно меньше и худое платье сносите.

Л Ъ Т С.

1. Въ началѣ лѣта бываютъ самые долгіе дни. Часовъ двадцать солнце не сходитъ съ неба, и вечерняя заря еще не успѣетъ погаснуть на западѣ, какъ уже на востокѣ показывается бѣловатая полоска—признакъ приближающагося утра. И чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ дни лѣтомъ длиннѣе и ночи короче.

Высоко-высоко подымается солнышко лѣтомъ, не то, что зимою; еще немного повыше, и оно стало бы прямо надъ головою. Почти *отъсыные* лучи его сильно грѣютъ, а къ полудню даже и жгутъ немилосердно. Вотъ подходитъ полдень; солнце взобралось высоко на прозрачный голубой сводъ неба. Только кое-гдѣ, какъ легкія серебряныя черточки, видны *перистыя* облачка, — предвѣстники постоянной хорошей погоды, или *вѣдра*, какъ говорятъ крестьяне. Выше уже солнце идти не можетъ и съ этой точки станетъ спускаться къ западу. Точка, откуда солнце начинаетъ уже склоняться, называется *полднемъ*. Станьте лицомъ къ полдню, и та сторона, куда вы смотрите, будетъ югъ; налѣво, откуда поднялось солнце, — востокъ; направо, куда оно клонится—западъ, а позади васъ — сѣверъ, гдѣ солнце никогда не бываетъ.

Въ полдень не только на самое солнце невозможно взглянуть безъ сильной жгучей боли въ глазахъ, но трудно даже смотрѣть на блестящее небо и землю, на все, что освѣщено солнцемъ. И небо, и поля, и воздухъ залиты горячимъ яркимъ свѣтомъ; глазъ невольно ищетъ зелени и прохлады. Ужъ слишкомъ тепло! Надъ отдыхающими полями (тѣми, на которыхъ ничего не посеяно въ

этомъ году) струится легкій паръ. Это теплый воздухъ, наполненный испареніями; струясь, какъ вода, подымается онъ отъ сильно нагрѣтой земли. Вотъ почему наши умные крестьяне и говорятъ о такихъ поляхъ, что они *отдыхаютъ подъ паромъ*. На деревѣ не шелохнется, и листья, будто утомленные жаромъ, повисли. Птицы попрятались въ лѣсной глуши; домашній скотъ перестаетъ пастись и ищетъ прохлады; человекъ, облитый потомъ и чувствуя сильное изнеможеніе, оставляетъ работу; все ждетъ, когда спадетъ жаръ. Но для хлѣба, для сѣна, для деревьевъ необходимы эти жары.

Однакожъ долгая засуха вредна для растений, которыя любятъ тепло, но любятъ и влагу; тяжела она и для людей. Вотъ почему люди радуются, когда набѣгутъ грозовые тучи, грянетъ громъ, засверкаетъ молнія и освѣжительный дождь напоитъ жаждущую землю. Только-бы дождь не былъ съ градомъ, что иногда случается среди самаго жаркаго лѣта; градъ губителенъ для поспѣвающихъ хлѣбовъ и *лоскомъ* кладетъ иное поле. Крестьяне усердно молятъ Бога, чтобы града не было.

2. Все, что начала весна, доканчиваетъ лѣто. Листья вырастаютъ во всю свою величину, и недавно еще прозрачная роща дѣлается непрогляднымъ жилищемъ тысячи птицъ. На *заливныхъ* лугахъ густая, высокая трава волнуется, какъ море. Въ ней шевелится и жужжитъ цѣлый міръ насекомыхъ. (Какіе луга называются *заливными*?). Деревья въ садахъ отцвѣли. Ярко-красная вишня и темномалиновая слива уже мелькаютъ между зеленью; яблоки и груши еще зелены и таятся между листьями, но въ тиши зрѣютъ и наливаются. Одна липа еще въ цвѣту и благоухаетъ. Въ ея густой листвѣ, между ея чуть бѣлѣющими, но душистыми цвѣточками, слышенъ стройный, невидимый хоръ. Это работаютъ съ пѣснями тысячи веселыхъ пчелокъ на медовыхъ, благоухающихъ цвѣточкахъ липы. Подойдите ближе къ поющему дереву: даже пахнетъ отъ него медомъ.

Ранніе цвѣты уже отцвѣли и заготовляютъ сѣмена; другіе еще въ полномъ цвѣту. Рожь поднялась, заколосилась и уже начинаетъ желтѣть, волнуясь, какъ море, подъ напоромъ легкаго вѣтра. Гре-

чиха—въ цвѣту, и нивы, засѣяныя ею, будто покрыты бѣлою пеленою съ розовымъ оттѣнкомъ; съ нихъ несется тотъ-же пріятный медовый запахъ, которымъ приманиваетъ пчель цвѣтущая липа.

А сколько ягодъ, грибовъ! Слово краснаго *коралл*, рдѣть въ травѣ сочная земляника; на кустахъ развѣсилась прозрачныя сережки смородины... Но возможно-ли перечислить все, что появляется лѣтомъ! Одно зрѣетъ за другимъ, одно догоняетъ другое.

3. И птицѣ, и звѣрю, и насѣкомому лѣтомъ раздолье! Вотъ уже и молоденькія птички пищать въ гнѣздахъ. Но пока еще у нихъ подрастутъ крылья, заботливые родители съ веселымъ крикомъ снуютъ въ воздухѣ, отыскивая кормъ для своихъ птенцовъ. Малятки давно уже высовываютъ изъ гнѣзда свои тоненькія, еще худо оперившіяся шейки и, раскрывъ свои носики, ждуть подачки. И корму довольно для птицъ: та подымаетъ оброненное колосомъ зерно, другая и сама потреплетъ зрѣющую вѣтку конопли или почуетъ сочную вишню; третья гонится за мошками, а онѣ кучками толкуются въ воздухѣ. Зоркій ястребъ, широко распустивъ свои длинныя крылья, рѣетъ высоко въ воздухѣ, зорко высматривая цыпленка, или другую какую-нибудь молоденькую, неопытную птичку, отбившуюся отъ матери,—завидитъ и, какъ стрѣла, пустится онъ на бѣдняжку: не миновать ей жадныхъ когтей *хищной плотоядной* птицы! Старые гуси, гордо вытянувъ свои длинныя шеи, громко гогочутъ и ведутъ на воду своихъ маленькихъ дѣтокъ, пушистыхъ, какъ весенніе барашки на вербахъ, и желтыхъ, какъ яичный желтокъ.

Мохнатая разноцвѣтная гусеница волнуется на своихъ многочисленныхъ ножкахъ и гложетъ листья и плоды. Пестрыхъ бабочекъ порхаетъ уже много. Золотистая пчелка безъ усталости работаетъ на липѣ, на гречихѣ, на душистомъ, сладкомъ клеверѣ, на множествѣ разнообразныхъ цвѣтовъ, доставая всюду то, что ей нужно, для изготовленія ея хитрыхъ, душистыхъ сотовъ. Неумолкающій гуль стоитъ въ пасѣкахъ (пчельникахъ). Скоро пчелкамъ станетъ тѣсно въ ульяхъ и онѣ начнутъ *роиться*, раздѣляться на новыя трудолюбивыя царства, изъ которыхъ одно остается дома, а дру-

гое полетитъ искать новаго жилья, гдѣ-нибудь въ дуплистомъ деревѣ. Но пасѣчникъ перехватитъ рой на дорогѣ и посадитъ его въ давно приготовленный для него новенькій улей. Муравей уже много настроилъ новыхъ подземныхъ галлерей; запасливая хозяйка, бѣлка, уже начинаетъ таскать въ свое дупло поспѣвающіе орѣхи. Всѣмъ приволье, всѣмъ раздолье! Для всѣхъ широко раскрылъ свою щедрую длань милосердый Создатель и сыплетъ на землю—и тепло, и благодатный громовой дождь, и цвѣты, и безчисленныя сѣмена травъ и хлѣбовъ.

4. Много, много лѣтомъ работы крестьянину! Вотъ онъ вспахалъ озимыя поля и приготовилъ къ осени мягкую колыбельку хлѣбному зерну. Еще не успѣлъ онъ копчить пахоты, какъ уже настанетъ пора косить. Косари въ бѣлыхъ рубахахъ, съ блестящими и звенящими косами въ рукахъ, выходятъ на луга и дружно подкашиваютъ подъ корень высокую, уже *обстменившуюся* траву. Острыя косы блестятъ на солнцѣ и звенятъ подъ ударами набитой пескомъ лопатки. Женщины также дружно работаютъ граблями и сваливаютъ уже подсохшее сѣно въ копны. Пріятный звонъ косъ и дружныя звонкія пѣсни несутся повсюду съ луговъ. Вотъ уже строятся высокіе круглые стога. Мальчики валяются въ сѣнѣ и, толкая другъ друга, заливаются громкимъ смѣхомъ; а мохнатая лошаденка, вся засыпанная сѣномъ, едва волочитъ на веревкѣ тяжелую копну.

Не успѣлъ отойти сѣнокосъ—начинается жатва. Рожь, кормилица русскаго человѣка, поспѣла. Отяжелѣвшій отъ множества зеренъ и пожелтѣвшій колосъ сильно понагнулся къ землѣ; если еще его оставить на полѣ, то зерно станетъ сыпаться, и пропадетъ безъ пользы Божій даръ. Бросаютъ косы, принимаютъ за серпы. Весело смотрѣтъ, какъ, разсыпавшись по нивѣ и нагнувшись къ самой землѣ, стройные ряды жнецовъ *валятъ подъ корень рожь высокую*, кладутъ ее въ красивые тяжелые снопы. Пройдетъ недѣля, двѣ такой работы, и на нивѣ, гдѣ еще недавно волновалась высокая рожь, будетъ повсюду торчать сѣванная солома. За то на сжатой полосѣ рядами станутъ высокія, золотистыя копны хлѣба.

Не успѣли убрать рожь, какъ пришла уже пора приниматься за

С 330200
С 330900

золотистую пшеницу, за ячмень, за овесъ; а тамъ, смотришь, уже покраеѣла гречиха и просить косы. Пора дергать ленъ: онъ совѣмъ ложится. Вотъ и конопля готова, воробьи стаями хлопочутъ надъ нею, доставая *маслянистое зерно*. Пора копать и картофель; а яблоки давно уже валяются на высокую траву. Все спѣеть, все зрѣеть, все надобно убрать во-время; даже и длиннаго лѣтняго дня не хватаетъ!

Поздно вечеромъ возвращаются люди съ работы. Они устали, но ихъ веселыя, звонкія пѣсни раздаются громко по вечерней зарѣ. Утромъ, вмѣстѣ съ солнышкомъ, крестьяне опять примутся за работу; а солнышко лѣтомъ встаетъ куда-какъ рано!

5. Отчего-же такъ веселье крестьянинъ лѣтомъ, когда работы у него такъ много? И работа не легкая! Нужна большая привычка, чтобы промахать цѣлый день тяжелой косою, срѣзывая каждый разъ добрую охапку травы; да и съ привычкой много еще нужно прилежанія и терпѣнія. Не легко и жать подъ палящими лучами солнца, нагнувшись до самой земли, обливаясь потомъ, задыхаясь отъ жары и усталости. Посмотрите на бѣдную крестьянку, какъ она своей грязной, но честной рукой отираетъ крупныя капли пота съ разгорѣвшагося лица. Ей даже некогда покормить своего ребенка, хотя онъ тутъ-же въ полѣ барахтается въ своей люлькѣ, висящей на трехъ кольяхъ, воткнутыхъ въ землю. Маленькая сестра крикуна, сама еще ребенокъ и недавно начала ходить, но и та не безъ дѣла: въ грязной, изорванной рубашонкѣ сидитъ она на корточкахъ у люльки и старается закачать своего расхолодившагося братишку.

Но почему-же веселье крестьянинъ лѣтомъ, когда работы у него такъ много и работа его такъ трудна? О, на это есть много причинъ! *Во-первыхъ*, крестьянинъ работы не боится, онъ выросъ въ трудахъ. *Во-вторыхъ*, онъ знаетъ, что лѣтняя работа кормитъ его цѣлый годъ и что надо пользоваться *вѣдромъ*, когда Богъ дастъ его; а не то—можно остаться безъ хлѣба. *Въ-третьихъ*, крестьянинъ чувствуетъ, что его трудами кормится не одна его семья, а весь міръ: и я, и вы, и всѣ разодѣтые господа; хотя иные изъ нихъ и съ презрѣніемъ поглядываютъ на крестьянина. Онъ, копясь въ

землѣ, своей тихой, неблестящей работой кормитъ всѣхъ, какъ корни деревъ кормятъ гордыя вершины, одѣтыя зелеными листьями.

6. Много прилежанія и терпѣнія нужно для крестьянскихъ работъ; но не мало также требуется знанія и опыта. Попробуйте жать, и вы увидите, что на это надобно много умѣнья. Если-же кто безъ привычки возьметъ косу, то немного съ нею поработаетъ. Сметать хорошій стогъ сѣна—тоже дѣло не легкое; пахать надо умѣючи; а чтобы хорошо посѣять, ровно, не гуще и не рѣже того, чѣмъ слѣдуетъ,—то даже не всякій крестьянинъ за это возьмется. Кромѣ того, нужно знать, когда и что дѣлать, какъ сладить соху и борону, какъ изъ конопли, наприкладъ, сдѣлать пеньку, изъ пеньки нитки, а изъ нитокъ соткать холстъ... О! много, очень много знаетъ и умѣетъ дѣлать крестьянинъ, и его никакъ нельзя назвать невѣждою, хотя-бы онъ и читать не умѣлъ. Выучиться читать и выучиться многимъ наукамъ гораздо легче, чѣмъ выучиться всему, что долженъ знать хорошій, опытный крестьянинъ.

Сладко засыпаетъ крестьянинъ послѣ тяжкихъ трудовъ, чувствуя, что онъ выполнилъ свой святой долгъ. Да и умирать ему не трудно: обработанная имъ нива и еще засѣянное имъ поле остаются его дѣтямъ, которыхъ онъ вспоилъ, вскормилъ, приучилъ къ труду и, вмѣсто себя, поставилъ работниками передъ Богомъ и людьми.

О С Е Н Ъ .

1. Уже съ 9-го іюня начинается понемногу убавляться день и прибавляться ночь. 11-го сентября день снова равенъ ночи. Это день осенняго равноденствія и начало осени. Съ этого числа ночь все увеличивается и къ 12-му декабря становится втрое длиннѣе дня. Въ это время солнце едва покажется на небѣ и слѣшитъ спрятаться, въ 9-ть часовъ утра еще темно, въ 3 часа послѣ обѣда надо уже зажигать свѣчи.

Облака почти не сходятъ съ неба, и это уже не красивыя лѣтнія облака, громоздящіяся серебряными горами или высоко бѣгуція по небу серебристыми барашками: небо застилается все ров-

ною пеленою свинцоваго цвѣта. Съ конца августа въ воздухѣ начинается холодѣть. Свѣжесть замѣчается особенно по утрамъ, а въ сентябрѣ появляются иногда и легкіе морозы. Просыпаясь по утру, вы видите, какъ побѣлѣла трава или крыша сосѣдняго дома. Еще немного—и лужи, которыхъ осенью довольно вездѣ, начинаютъ по ночамъ замерзать.

Мелкіе осенніе дождики совсѣмъ не похожи на лѣтніе грозовые дожди: они идутъ безпрестанно, и земля уже не просыхаетъ скоро, какъ бывало лѣтомъ. Вѣтеръ дуетъ безъ устали, далеко разнося созрѣвшія сѣмена деревьевъ и травъ и доставляя мальчику удовольствіе высоко запустить бумажнаго змѣя.

2. Листъ на деревьяхъ начинается кое-гдѣ желтѣть еще въ концѣ августа; въ сентябрѣ вы замѣчаете, какъ на березѣ, все еще зеленой, появляются тамъ и сямъ совершенно желтыя, золотистыя вѣтки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла ихъ мимоходомъ. Первая распустилась береза, она и первая начинается желтѣть. Съ каждымъ днемъ все больше и больше становится желтыхъ листьевъ. Еще два-три дня—и трепетная осина стоитъ вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенній вѣтеръ срываетъ и это послѣднее убранство: крутя въ воздухѣ легкіе, высохшіе листья, устилаетъ онъ ими мокрую землю.

Поля мало-по-малу пустѣютъ; даже копны хлѣба уже свезены и только высокіе стога сѣна, обнесенные плетнемъ, остаются зимовать на лугахъ. Цвѣты исчезли и пожелтѣвшая, перезрѣвшая трава, гдѣ ее оставили, клонится къ землѣ и какъ будто проситъ снѣгу. Одна только озимъ подымается ровнымъ, зеленымъ бархатомъ. Но этимъ молодымъ, запоздавшимъ побѣгамъ суждено скоро погибнуть. За то корешки хлѣбовъ сохраняются невредимо подъ снѣгомъ и весною выглянуть снова на Божій свѣтъ зелеными стѣблышками.

Все глохнетъ, пустѣетъ, темнѣетъ, теряетъ яркіе цвѣта лѣта, а пріобрѣтаетъ однообразный, грязноватый, сѣрый видъ осени. Въ это время природа похожа на усталого, много поработавшаго человека, котораго одолеваетъ сонъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней, и она, закрывшись пушистымъ бѣлымъ одѣяломъ, заснетъ на цѣлую зиму.

3. Отлетныя птицы одиѣ за другими собираются въ дальній путь. Первые поднимаютъ тревогу ласточки, и еще въ концѣ августа онѣ вдругъ исчезаютъ; онѣ чувствуютъ приближеніе осени, и ранній отлетъ этихъ птичекъ предсказываетъ раннюю зиму. Потомъ потянутся съ сѣвера на югъ длинныя *вереницы* журавлей, утокъ и гусей. Съ крикомъ, то длинною цѣпью, то угломъ, съ передовымъ впереди, улетаютъ отъ насъ лѣтніе гости. Лѣса рѣдѣютъ, затихаютъ и пустѣютъ; только тяжелая, мокрая ворона каркаетъ, усаживаясь на обнаженную вѣтку, да галки съ отчаяннымъ крикомъ носятся стаями.

Вотъ уже и деревья стоятъ все голыя; только на рябинѣ висятъ еще красныя *гроздья*, дожидаясь мороза. Пусто, глухо и въ поляхъ, и въ лѣсахъ. Земля, почернѣлая, грязная, пропитанная дождемъ, смотритъ уныло подъ свинцовымъ небомъ; хотя-бы снѣгъ поскорѣ закрылъ ея неприятную наготу. Появляется и снѣгъ; но долго еще онъ не можетъ удержаться и, оставшись иногда на нѣсколько часовъ, снова исчезаетъ.

4. Работы у крестьянина осенью замѣтно убываетъ; по все-же онъ не остается безъ дѣла. Въ началѣ осени нужно пахать, боронить и засѣвать *озимыя* поля; потомъ надо свозить хлѣбъ съ полей въ риги: телѣги, спрятавшіяся подъ тяжелыми снопами, скрипятъ по всѣмъ дорожкамъ. Свезши хлѣбъ, надобно сушить его въ овинѣ, а потомъ молотить. Удары молотильныхъ цѣповъ съ ранняго утра до поздняго вечера слышатся осенью на гумнахъ. Намолотивши зерна, крестьянинъ складываетъ его въ мѣшки и снѣшитъ на мельницу. Если-же онъ не молотитъ и не сидитъ на мельницѣ, дожидаясь очереди, то навѣрное, съ топоромъ въ рукахъ, поправляетъ что-нибудь около своей избы. Женщины мочатъ и потомъ треплютъ коноплю, чешутъ ленъ и готовятъ себѣ прядиво на долгіе зимніе вечера.

Но все же осенью работы, сравнительно съ лѣтомъ, гораздо меньше, и крестьянинъ снѣшитъ повеселиться. Осенью праздниковъ много; крестьянскія свадьбы устраиваются всегда въ эту пору года, когда дѣла меньше и всякаго добра много. Вездѣ варятъ пиво, и веселыя, подгулявшія толпы ходятъ въ гости изъ избы въ избы, изъ

деревни въ деревню. Сильно поработалъ мужичокъ за лѣто: надобно же ему отдохнуть и повеселиться.

6. Въ городахъ тоже замѣтна осень. Безъ зонтика, шинели и кашошъ нельзя выгнать на улицу. Сверху моросить мелкій холодный дождикъ; съ мокрыхъ блестящихъ крышъ каплетъ вода. Нога скользитъ по обмокшему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшіе заборы смотреть уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестахъ. Вездѣ моютъ окна и вставляютъ зимнія рамы. Въ комнатахъ становится темно и глухо. Уличнаго шума не слышно; а по вечерамъ свиститъ и завываетъ въ трубахъ вѣтеръ, нагоняя тоску. На за то осенью-же начинаются въ столицахъ и большихъ городахъ театры, концерты и собранія. Только все это идетъ какъ-то вяло, пока веселый снѣгъ не заблѣдетъ на улицахъ и не ляжетъ санная дорога. Тогда все проснется и зашевелится. Яркій огонекъ затрещитъ въ печи, дымъ столбами подымется изъ трубъ, снѣгъ заблеститъ брилліантовыми искорками, бодро побѣжитъ лошадка, сани заскрипятъ, разрумянится и лицо у старика—весело покатится зимняя русская жизнь.

О ЧЕЛОВѢКѢ.

Я человекъ, хотя еще и маленькій, потому что у меня есть такая-же душа и такое-же тѣло, какъ и у другихъ людей.

Тѣло мое состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: головы, туловища и конечностей, т.-е. двухъ рукъ и двухъ ногъ; голова соединяется съ туловищемъ посредствомъ шеи.

1. Голова моя по формѣ нѣсколько похожа на шаръ; но не такъ кругла, какъ мячикъ,—а имѣетъ *овальную* форму. Съ боковъ голова немного сжата, сзади выдалась; одна часть ея покрыта волосами, другая—нѣтъ.

2. Верхняя часть головы называется *теменемъ*, выдающійся задъ—*затылкомъ*, передняя часть—*лицомъ*.

3. Различныя части лица носятъ различныя названія, а именно:

лобъ, виски, щеки, скулы, глаза, носъ, ротъ, подбородокъ; по бокамъ головы расположены уши.

4. Голову съ туловищемъ соединяетъ гибкая шея, отчего я могу дѣлать головою различныя движенія: подымать, опускать ее и поворачивать въ стороны. Передняя часть шеи называется *горломъ*.

5. Туловище—самая большая часть моего тѣла, и вокругъ него расположены другія части: голова и четыре *конечности*, то-есть—двѣ руки и двѣ ноги.

6. Одна рука называется *лѣвою*, другая—*правою*. Онѣ совершенно похожи одна на другую и расположены *симметрически*, по обѣимъ сторонамъ моего туловища. Руки называются *верхними* конечностями, ноги—*нижними*. Правая и лѣвая нога также похожи одна на другую.

1. Рука состоитъ изъ трехъ частей: верхняя, отъ плеча до локтя, называется *плечевою* частью руки, или просто *плечомъ*; средняя, отъ локтя до кисти, называется *локтевою* частью, или *предплечьемъ*, а нижняя—*кистью*.

3. Нога также раздѣляется на три части: верхняя, отъ туловища до колѣна, называется *бедромъ*, средняя, отъ колѣна до ступни,—*голенью*, а нижняя—*ступнею*.

1. Въ кисти есть *ладонь* и *пальцы*. Пальцевъ на каждой рукѣ по пяти. Каждый палецъ, кромѣ большого, состоитъ изъ трехъ суставовъ; въ большомъ пальцѣ только два сустава. На концахъ пальцевъ, сверху, расположены твердые *роговые ногти*.

2. Верхняя часть ступни называется *подъемомъ*; нижняя—*подошвою*, задняя—*пяткою*; напередѣ ступни расположены пять *пальцевъ*. Каждый изъ ножныхъ пальцевъ имѣетъ по три сустава (въ большомъ два сустава); на концахъ пальцевъ сверху расположены также ногти; но ножные пальцы не такъ длинны, гибки и подвижны, какъ пальцы рукъ.

У птицъ двѣ ноги, но вмѣсто рукъ—крылья; у лошади, коровы, кошки, кролика и у множества другихъ звѣрей—по четыре

ноги, а рукъ вовсе нѣтъ; у обезьянъ всѣ четыре конечности—руки. Птицъ зовутъ *крылатыми*; звѣрей, у которыхъ четыре ноги,—*четвероногими*, а обезьянъ—*четверорукими*; одного только чело-
вѣка можно назвать *двурукимъ*.

1. Цвѣтъ предметовъ, величину ихъ, число и форму я различаю *зрѣніемъ*; стукъ, крикъ, шелестъ, звонъ, слова другого чело-
вѣка и всякіе другіе звуки я различаю *слухомъ*; запахъ предме-
товъ—*обоняніемъ*; кислое, сладкое, горькое и соленое—*вкусомъ*.
Осязаніемъ я различаю форму и величину предмета; но, кромѣ
того, посредствомъ осязанія-же я узнаю, твердъ или жидокъ пред-
метъ, тепелъ или холоденъ, шероховатъ или гладокъ.

2. Зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ называются *пятью*
внѣшними чувствами чело-вѣка,—въ отличіе отъ *внутреннихъ*
или *душевныхъ* чувствъ, каковы: горе, радость, гнѣвъ, любовь,
благодарность и мн. др.

3. Я гляжу глазами, слушаю ушами, обоняю носомъ, различаю
вкусъ предметовъ языкомъ, осязаю почти всею поверхностью моего
тѣла и въ особенности концами пальцевъ; я говорю ртомъ, вдыхаю
воздухъ ртомъ и носомъ, хожу ногами, работаю руками, жую зу-
бами, перевариваю пищу желудкомъ. Всякая часть моего тѣла,
исполняющая какую-нибудь отдѣльную службу, называется *орудіемъ*
или *органомъ*.

4. Все чело-вѣческое тѣло состоитъ изъ множества различ-
ныхъ, необходимыхъ для жизни его, органовъ, а потому все оно
называется *организмомъ*, т. е. соединеніемъ многихъ органовъ,
изъ которыхъ каждый выполняетъ свое особое дѣло, а всѣ вмѣстѣ
даютъ чело-вѣку возможность жить *).

5. Чело-вѣкъ, у котораго недостаетъ хотя одного важнаго ор-
гана, или какой-нибудь органъ перестанетъ дѣйствовать, какъ слѣ-
дуетъ, ведетъ очень печальную жизнь. Тяжело жить чело-вѣку *слѣ-*
*по*му, потерявшему зрѣніе; не легко и *нѣ*мому, лучше сказать *глу-*

*) См. въ Хрестоматіи басню «Органы чело-вѣческаго тѣла».

*хотѣ*мому, потому что чело-вѣкъ отъ рожденія глухой не имѣетъ
возможности выразить словами своихъ мыслей и желаній *); жа-
локъ и *калька*, который потерялъ возможность употреблять руки
или ноги **).

6. Но есть еще болѣе важныя органы въ тѣлѣ чело-вѣка,
такіе, безъ которыхъ онъ уже рѣшительно жить не можетъ. Эти
важныя органы скрыты внутри чело-вѣческаго тѣла и называются
внутренними, въ отличіе отъ наружныхъ, т. е. тѣхъ, которые
видны снаружи.

1. Изъ всѣхъ пяти органовъ внѣшнихъ чувствъ, органъ зрѣнія
самый необходимый для чело-вѣка. Глаза расположены подо лбомъ,
въ особенныхъ углубленіяхъ, называемыхъ *глазными впадинами*.
Снаружи мы видимъ только наружныя части глаза.

2. Въ серединѣ глаза мы различаемъ круглый черный *зрачекъ*
и вокругъ зрачка—цвѣтной кружочекъ, называемый *цвѣтнымъ*
ободкомъ, или *райкомъ*. У разныхъ людей раекъ бываетъ разнаго
цвѣта. Вокругъ райка мы видимъ *бѣлокъ*, имѣющій молочно-бѣлый
цвѣтъ; а въ углахъ глаза красноватая *мочка*. Глазъ закрывается
двумя *вѣками*. Нижнее вѣко почти неподвижно; верхнее же без-
престанно подымается и опускается—*мигаетъ*. Вѣки по краямъ
усажены *рѣсницами*; надъ глазами растутъ *брови*.

Уши, какъ и глаза,—органъ *парный*. Мы видимъ только на-
ружную часть уха, внутренняя-же его часть скрыта въ головѣ. На-
ружная часть уха называется *ушной раковиною*. Ощупывая ушную
раковину, мы чувствуемъ, что въ ней, подъ кожу, есть что-то такое,
что тверже мяса и мягче кости: это—*хрящъ*. Въ серединѣ ушной
раковины есть отверстіе, начало *канала*, который ведетъ во-вну-
треннюю часть слухового органа, скрытую въ височной кости черепа.

Носъ выдается посрединѣ лица. Ощупывая носъ, мы чувству-
емъ, что вверху подъ кожей онъ твердый, костяной, а внизу—

*) Въ настоящее время глухонѣмыхъ выучиваютъ говорить и понимать
другихъ по движеніямъ губъ.

**) См. въ Хрестоматіи басню «Богатство».

хрящевой. Верхняя его часть, между глазами, называется *переносемъ*, потомъ слѣдуетъ *основаніе* носа, а затѣмъ *кончикъ* носа и двѣ *ноздри*. Внутри носовая полость выстлана *слизистой оболочкою* и раздѣлена перегородкою на двѣ равныя части; перегородка эта внизу хрящевая, а вверху костяная и называется *септикомъ*. Носомъ мы различаемъ запахъ, носомъ-же мы вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ—даже болѣе, чѣмъ ртомъ.

1. Ротъ очень сложный органъ. Снаружи онъ закрывается двумя мягкими красными губами. Внутри рта мы различаемъ *челюсти, десны, зубы, нѣбо и языкъ*.

2. За ртомъ находится полость *глотки*, которая отдѣляется ото рта нѣбной занавѣской; эту занавѣску въ видѣ маленькаго язычка можно видѣть у себя, если разсматривать передъ зеркаломъ раскрытый ротъ. Изъ глотки ведутъ внутрь тѣла два канала: одинъ, которымъ мы дышемъ, проходитъ въ передней части шеи и называется *дыхательнымъ* горломъ; другой идетъ сзади и называется *пищевымъ* горломъ. Въ верхней части дыхательнаго горла помѣщается *органъ голоса—гортань*.

1. Въ каждомъ зубѣ различаются двѣ части: верхняя—*коронка* и нижняя—*корень*. Снаружи коронка покрыта гладкою блестящею *эмалью*. Человѣкъ рождается безъ зубовъ; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по рожденіи зубы у ребенка начинаютъ показываться одинъ за другимъ; эти первые зубы называются *молочными*. На седьмомъ или восьмомъ году жизни молочные зубы начинаютъ постепенно выпадать и замѣняться *постоянными*.

2. Зубы имѣютъ различную форму, смотря по тому, гдѣ они сидятъ. Спереди, въ обѣихъ челюстяхъ, находится въ каждой по 4 плоскихъ зуба, съ рѣзущимъ краемъ (всѣхъ 8). Они служатъ для того, чтобы ими, какъ ножами, отрѣзывать, т. е. откусывать пищу, потому и называются *рѣзцами*. За рѣзцами, по обѣ стороны и въ обѣихъ-же челюстяхъ, сидитъ по одному коническому зубу. Эти зубы называются *клыками* или *глазными зубами*. Клыки служатъ для разрыва пищи; всѣхъ ихъ 4. Далѣе расположены толстые зубы съ такими

коронками, на которыхъ замѣтны бугорки; эти плоскіе зубы называются *коренными*. Коренными зубами мы раздавливаемъ, растираемъ и разрѣзываемъ пищу, т. е. жуемъ. Всѣхъ зубовъ у человѣка 32.

1. Ротъ, какъ очень сложный органъ, выполняетъ нѣсколько службъ: ртомъ мы *ѣдимъ, говоримъ, и вдыхаемъ и выдыхаемъ* воздухъ.

2. Въ произношеніи различныхъ буквъ всѣ части рта и даже носъ принимаютъ участіе. Букву *а*, на примѣръ, мы можемъ произнести просто открытымъ ртомъ, тогда какъ для произношенія буквы *и* или *б* мы должны употребить наши губы; для произношенія буквы *в* мы нижнюю губу прижимаемъ къ верхнимъ зубамъ; для того, чтобы произнести букву *ж*, мы прижимаемъ языкъ къ нѣбу; букву *д* выдѣлываютъ зубы и языкъ вмѣстѣ; въ произношеніи буквы *н* принимаетъ участіе и носъ.

1. Все мое тѣло одѣто снаружи кожей. Я чувствую всякое прикосновеніе къ кожѣ, и потому кожа называется *органомъ осязанія*.

2. Кожа у большей части звѣрей почти вся покрыта шерстью; у человѣка почти вся кожа кажется обнаженною и гладкою; но присматриваясь ближе, мы видимъ на ней маленькія точки: эти точки—небольшія отверстія, называемыя *порами*, чрезъ которыя проходитъ испарина. На верхней части головы, на кожѣ, растутъ длинныя, густыя волосы. На всей кожѣ также разсеяны небольшіе, бѣловатые волоски, но они такъ рѣдки и малы, что ихъ почти не видать.

1. Ощупывая части моего тѣла, я чувствую, что въ немъ, подъ кожей и мясомъ, есть что-то твердое—это *кости*. Снаружи, ощупью, я могу различить только самыя главныя и большія изъ костей.

2. Притрогиваясь къ головѣ, я ощупываю *черепъ*. Черепъ состоитъ изъ нѣсколькихъ выпуклыхъ костей, похожихъ на черепки горшка, сложенные краями. Всѣ кости черепа составляютъ одинъ костяной ящикъ, въ серединѣ котораго скрытъ очень важный и очень нѣжный органъ—*мозгъ*.

3. Въ головѣ еще я ощупываю *двѣ челюсти*: верхнюю и нижнюю. *Верхняя челюсть* такъ прикрѣплена къ черепу, что можетъ двигаться только вмѣстѣ съ нимъ, а сама по себѣ неподвижна.

Нижняя челюсть движется отдѣльно отъ черепа, потому что прикрѣплена къ нему особенными крѣпкими и упругими связками. Я могу опускать ее, подымать, двигать ею изъ стороны въ сторону, что даетъ мнѣ возможность закрывать и раскрывать ротъ, говорить и жевать. Въ обѣихъ челюстяхъ укрѣплены зубы.

1. Голова держится не на мягкой шеѣ, а на *хребетномъ столбѣ*, идущемъ отъ затылка, черезъ шею, по срединѣ спины, во всю длину туловища. Хребетный столбъ сложенъ изъ 33-хъ небольшихъ костей, называемыхъ *позвонками*, почему весь хребетный столбъ называютъ также *позвоночнымъ хребтомъ*, или *позвоночникомъ*.

2. Позвонки, которые отчасти можно оцунать рукою, лежатъ одинъ на другомъ и срастаются между собою хрящами и крѣпкими, упругими связками. Еслибы позвоночный хребетъ былъ одною сплошною твердою костью, то человѣкъ не могъ бы ни наклонять, ни разгибать, ни склонять на бокъ своего *стана*, не могъ бы ни поворачивать шеи, ни двигать головою. Каждый позвонокъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) тѣло позвонка, это его массивная часть, и 2) дуга съ отростками. Дуги всѣхъ позвонковъ, будучи сложены вмѣстѣ, образуютъ одинъ длинный каналъ, наполненный, какъ и черепъ, мозгомъ. Этотъ мозгъ называется спиннымъ и соединяется съ головнымъ мозгомъ черезъ затылочное отверстіе въ черепѣ.

3. Позвоночный хребетъ составляетъ главную, *срединную* твердую часть туловища. Къ нему прикрѣплены слѣдующія кости: въ верхней части—*ребра*; въ нижней—большія и крѣпкія *тазовыя кости*.

4. *Ребра*, начинаясь отъ позвоночнаго столба, круто загибаются на обѣихъ *бокахъ* и составляютъ основаніе груди или *грудную клѣтку*, гдѣ бьется *сердце* и лежатъ *легкія*, которыми мы дышимъ. Всѣхъ реберъ у человѣка 12 паръ. Семь верхнихъ паръ прикрѣпляются своими передними концами посредствомъ хрящей къ плоской и широкой *грудной кости*, которую я могу оцунать рукою. Пять нижнихъ паръ реберъ, которыя не прикрѣпляются прямо къ грудной кости, а соединяются хрящами съ вышележащими ребрами, называются *ложными*.

5. Къ нижней части позвоночнаго хребта прикрѣплены *тазовыя* кости, сросшіяся въ двѣ половинки, которыя составляютъ какъ-бы одну крѣпкую и большую кость, называемую *тазомъ*. Тазъ поддерживаетъ все туловище, и къ нему-то прикрѣплены кости ногъ.

1. Съ грудною клѣткою соединены кости каждой руки посредствомъ двухъ костей: *лопатки* и *ключицы*. *Лопатка*—широкая треугольная плоская кость—лежитъ на ребрахъ сзади, на спинѣ. *Ключица*—небольшая тонкая, изогнутая кость—идетъ отъ лопатки къ верху грудной кости.

2. Въ верхней части руки находится одна толстая, длинная кость, называемая *плечевою*; въ средней части руки, называемой *предплечьемъ*, расположены двѣ кости рядомъ: одна образуетъ локоть и называется *локтевою*, другая лежитъ спереди и называется *лучевою*; къ лучевой кости прикрѣплена кисть руки.

3. Въ кисти довольно много костей, составляющихъ *запястье*, *пясть* и *пальцы*. Запястье соединяетъ кисть съ предплечьемъ; пясть составляетъ ладонь; кости пальцевъ соединяются съ костями пясти.

1. Въ верхней части ноги одна толстая длинная кость, называемая *бедромъ*; въ средней, такъ называемой *голенѣ*—двѣ кости: *большая берцовая* и *малая берцовая*. Въ колѣнѣ есть плоская круглая косточка, которая называется *колѣнною чашечкой*.

2. Въ ступнѣ много костей. Кости ступни, какъ и кости кисти, раздѣляются на три части: *предплюсну*, *плюсну* и *кости пальцевъ*. Въ *предплюсну* упираются кости голени, средину ступни составляетъ *плюсна*, и къ ней прикрѣплены *кости пальцевъ*.

Всѣ отдѣльныя кости соединены между собою или швами, напр. кости черепа, или хрящами, какъ напр. ребра съ грудною костью, или крѣпкими, упругими *связками*, образуя *сочлененія*, напр. кости рукъ, ногъ и др. Соединенныя между собою кости, всѣ вмѣстѣ, на-

зываются *скелетомъ*, или *остовомъ*. Скелеть составляетъ какъ бы основаніе человѣческаго тѣла, на которомъ все оно держится.

1. Ощупывая наше тѣло, мы чувствуемъ, что въ немъ кости покрыты чѣмъ-то мягкимъ, но довольно упругимъ: это мясо, или *мускулы*. Мускулы упруги и могутъ укорачиваться, или *сокращаться*, и потомъ опять ослабѣвать, что даетъ намъ возможность двигать нашими членами. Такъ, напримѣръ, когда сократятся мускулы, лежащія на плечевой кости спереди, то рука въ локтѣ согнется; а когда сократятся мускулы, расположенные на противоположной сторонѣ плечевой кости, то рука опять выпрямится. Когда сократятся затылочные мускулы, то голова откинется назадъ, а если сократятся переднія мышцы, то голова наклонится впередъ.

2. Мускуловъ большихъ и маленькихъ очень много въ тѣлѣ человѣка: малѣйшее движеніе въ лицѣ выполняется сокращеніемъ особенныхъ мускуловъ. Языкъ нашъ есть тоже очень большой и очень гибкій мускуль.

3. Мускулы становятся болѣе плотными и болѣе сильными отъ упражненія. Кто много ходитъ, у того мускулы ногъ дѣлаются крѣпкими, твердыми и сильными; кто много работаетъ руками, у того дѣлаются крѣпкими и сильными мускулы рукъ. У лѣнивыхъ людей мускулы вялы, слабы и скоро утомляются.

4. Мускулы прикрѣпляются къ костямъ *сухожиліями*.

1. Но мускулы сокращаются и заставляютъ органы двигаться не сами собою: ихъ побуждаютъ сокращаться, по волѣ человѣка, тоненькіе, какъ ниточки, *нервы*. Этихъ нервовъ множество во всякой самой маленькой частицѣ человѣческаго тѣла, которая только имѣетъ способность что-нибудь чувствовать или двигаться.

2. Нервы расходятся по всему тѣлу, но выходятъ изъ мозга черезъ отверстія, находящіяся въ черепѣ и между позвонками хребетнаго столба. Нервы, идущіе отъ мозга къ глазамъ, называются *зрительными*; идущіе къ слуховому органу — *слуховыми*, и т. д. Нервы, проходящіе въ мускулы и заставляющіе ихъ сокращаться, называются

двигательными нервами, потому что посредствомъ ихъ производится движеніе всѣхъ частей тѣла.

3. Еслибы нервы, идущіе отъ мозга къ глазамъ, повредились и перестали дѣйствовать, то человѣкъ потерялъ бы способность зрѣнія, хотя бы глаза его смотрѣли по прежнему. Еслибы повредились и перестали дѣйствовать нервы, идущіе отъ хребетнаго мозга въ мускулы ногъ, то человѣкъ потерялъ бы употребленіе ногъ, хотя онѣ казались бы съ виду совершенно здоровыми. Но если бы повредился и пересталъ дѣйствовать самый мозгъ, отъ котораго нервы распространяются по всему тѣлу, то человѣкъ пересталъ бы чувствовать и двигаться. Вотъ почему Творецъ скрылъ этотъ важный и нѣжный органъ внутри крѣпкихъ костей черепа и хребетнаго столба.

1. Если мы прорѣжемъ гдѣ нибудь нашу кожу, то изъ-подъ нея покажется жидкая, красная, теплая кровь. Кровь протекаетъ въ тѣлѣ человѣка въ мягкихъ, иногда очень тоненькихъ трубочкахъ, называемыхъ *кровеносными сосудами*, или, по-просту, *жилами*. Тѣ изъ жилъ, которыя довольно толсты и проходятъ близко подъ кожей, можно видѣть сквозь кожу. Щупая *пульсъ* на рукѣ, на шеѣ или на вискахъ, мы чувствуемъ, какъ что-то бьется подъ кожей — это сжимается и расширяется жила, по которой пробѣгаетъ теплая кровь.

2. Разсматривая руку, мы видимъ, какъ подъ кожей расходятся жилы, точно вѣточки дерева. Но самыхъ тоненькихъ жилъ мы черезъ кожу видѣть не можемъ. Онѣ проходятъ не только между мускулами, но и въ самыхъ мускулахъ. Красноватый цвѣтъ нашей кожи зависитъ отъ того, что въ ней находится множество очень тонкихъ, *волосныхъ* сосудовъ, наполненныхъ кровью, которая и просвѣчивается. Красный цвѣтъ нашихъ щекъ и губъ зависитъ также отъ мелкихъ кровеносныхъ жилъ, проходящихъ подъ кожей и въ самой кожѣ. Если мы ударимъ довольно сильно по рукѣ другою рукою, то замѣтимъ, что то мѣсто, гдѣ мы ударили, сначала побѣлѣетъ, а потомъ покраснѣетъ. Это зависитъ отъ того, что кровь сначала убѣжитъ изъ этого мѣста, а потомъ прилетѣтъ къ нему въ большемъ количествѣ.

3. Кровеносные сосуды расходятся, какъ безчисленные вѣтки, по всему тѣлу; но всѣ они собираются къ *сердцу*, которое находится въ серединѣ грудной полости, за грудною костью, а узкимъ концомъ своимъ, или *вершиной*, обращено въ лѣвую сторону; оно постоянно бьется, т.-е. сжимается и расширяется. Когда сердце расширяется, то кровь въ него вливается; когда сердце сжимается, то и гонитъ кровь въ кровеносные сосуды.

1. Для жизни мнѣ, какъ и всякому другому человѣку, необходимы пища и питье. Безъ пищи и питья я могъ бы умереть отъ голода и жажды. Когда я долго не ѣмъ, то испытываю неприятное чувство голода, усталость и слабость во всѣхъ членахъ; а когда поѣмъ, то становлюсь бодрѣе и сильнѣе.

2. Пищу я кладу въ ротъ, пережевываю ее зубами, увлажжаю слюной и глотаю. При глотаніи нѣбная занавѣска приподнимается и не пускаетъ пищу вверхъ, въ полость носа, почему пища изъ глотки проходитъ черезъ *пищеводъ* въ *желудокъ*, находящійся въ лѣвой сторонѣ туловища, подъ ребрами.

3. Желудокъ перевариваетъ пищу, т.-е. перемѣшиваетъ ее съ желудочнымъ сокомъ и обращаетъ въ *пищевую кашичу*. Пищевая кашича поступаетъ въ *кишки*; тамъ она смѣшивается съ желчью, выделяющеюся изъ *печени*, потомъ съ сокомъ *поджелудочной железы*, находящейся подъ желудкомъ, затѣмъ съ кишечнымъ сокомъ, выделяющимся изъ стѣнокъ кишки, и, окончательно переварившись, т. е. растворившись во всѣхъ этихъ сокахъ, всасывается стѣнками кишекъ, а потомъ смѣшивается съ кровью. Все то, что не могло перевариться, передвигается дальше, къ концу кишки, и выбрасывается изъ тѣла.

4. Легкія находятся въ грудной полости. Этотъ большой и мягкой парный органъ состоитъ изъ безчисленнаго множества крошечныхъ трубочекъ, которыя оканчиваются пузырьками. Легкими мы дышимъ, т. е. вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ. *Легкими* эти органы названы потому, что, будучи положены на воду, плаваютъ на ней. Воздухъ входитъ въ легкія и выходитъ изъ нихъ посредствомъ ды-

хательнаго горла, носа и рта. Для дыханія необходимъ воздухъ, и безъ воздуха человѣкъ умеръ бы еще скорѣе, чѣмъ безъ пищи.

5. Кровь, побывавъ въ легкиихъ и придя тутъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ, дѣлается ярко-красною. Изъ легкиихъ кровь опять льется въ сердце; а сердце, расширяясь и сжимаясь, разгоняетъ ее по всему тѣлу, сначала по большимъ сосудамъ, потомъ по мелкимъ и, наконецъ, по волоснымъ сосудамъ, гдѣ и происходитъ питаніе тѣла кровью. Питаніе тѣла состоитъ въ томъ, что изъ крови выделяются нужныя частицы и остаются въ тѣлѣ, а ненужныя частицы уносятся волосными сосудами. Такимъ образомъ кровь въ тѣлѣ *портится* и дѣлается *темною*. Кровеносные сосуды несутъ темную кровь въ сердце, а оно гонитъ ее въ легкія, гдѣ она отъ дѣйствія воздуха очищается и снова расходуется по всему тѣлу.

Кости, соединенныя упругими связками и другими способами; мускулы, прикрѣпленные къ костямъ сухожилиями, кровеносные сосуды и нервы—все это одѣто снаружи *кожею*. Внутри же тѣла находится нѣсколько важныхъ отдѣльныхъ органовъ, изъ которыхъ мы знаемъ самые главные: *мозгъ*—внутри черепа и хребтнаго столба, *сердце* и *легкія* въ груди и *желудокъ* и *кишки* въ животѣ.

1. Я и теперь не очень великъ и не очень силенъ, когда сравню себя съ большими, взрослыми людьми; но прежде былъ еще меньше и еще слабѣе, даже, какъ говорятъ, не могъ ходить и говорить, хотя и не помню этого времени.

2. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, я вырасту, сдѣлаюсь большимъ и сильнымъ, сдѣлаюсь *взрослымъ* человѣкомъ; пройдетъ еще десятка три лѣтъ—и я начну старѣться: силы станутъ упадать, лицо покроется морщинами, глаза ослабѣютъ, зубы выпадутъ, я сдѣлаюсь старикомъ. Потомъ придется мнѣ и умереть: тѣло потеряетъ способность чувствовать и двигаться, потомъ разрушится, превратится въ землю, изъ которой оно создано; но душа моя не умретъ никогда, потому что Богъ, давшій мнѣ смертное тѣло, далъ мнѣ *безсмертную* душу.

3. Но теперь тѣло мое живетъ, питается и растетъ, чувствуетъ и движется, потому что оно одарено *жизнью*.

1. Я понимаю то, что мнѣ говорить, могу выражать мои мысли и желанія словами, такъ что меня понимаютъ и другіе люди: у меня есть *даръ слова*.

2. Если я что-нибудь разсматриваю или слушаю внимательно, то потомъ могу, когда мнѣ угодно, припомнить то, что видѣлъ и слышалъ. Я могу выучить урокъ и потомъ вспомнить и рассказать то, что выучилъ; помню лица и имена знакомыхъ людей, помню названія множество предметовъ. У меня есть способность *памяти*.

3. Я представляю себѣ очень живо, какія я буду имѣть удовольствія, когда настанетъ лѣто; я воображаю, какъ я буду гулять, собирать ягоды, ловить рыбу, играть съ товарищами. Я также очень живо могу представить себѣ лицо знакомаго мнѣ человѣка. Ночью я часто вижу сны и вижу во снѣ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. У меня есть *способность воображенія*.

4. Я понимаю не все то, что мнѣ говорятъ, и не все, что читаю въ книгѣ; но когда мнѣ объясняютъ хорошенько, и я слушаю внимательно объясненія, то мнѣ становится понятнымъ и то, чего я прежде не понималъ. Я теперь знаю немного, но прежде зналъ еще меньше; а чѣмъ больше буду учиться, тѣмъ больше буду знать и понимать. Случалось мнѣ выучить наизусть и не понимать того, что я выучилъ; но когда мнѣ объясняли, то я начиналъ понимать то, чего прежде не понималъ. У меня есть *умъ*.

1. Мнѣ пріятно, когда меня хвалятъ, и непріятно, когда бранятъ; я люблю своихъ родителей, люблю многихъ изъ своихъ товарищей. Когда мнѣ сдѣлаютъ добро или какое-нибудь удовольствіе, то я чувствую благодарность. Я сержусь, когда мнѣ досаждаютъ; смѣюсь, когда мнѣ весело, плачу, когда мнѣ грустно. У меня есть много *душевныхъ внутреннихъ чувствъ*.

2. Когда я выучу свой урокъ, сдѣлаю все, что долженъ, когда за мною нѣтъ никакой шалости, тогда у меня на душѣ спокойно, легко и свѣтло; когда же я полѣнюсь, или не послушаюсь, или на-

спалю, тогда душа моя беспокоится и недовольна моими поступками. У меня есть *совѣсть*.

3. Мнѣ иногда не хочется учиться; но я могу принудить себя сѣсть за дѣло, зная, что должно трудиться и лѣниться стыдно. Мнѣ иногда не хочется сдѣлать того, что мнѣ приказываютъ, но я могу принудить себя исполнить волю родителей или наставниковъ, зная, что я долженъ имъ повиноваться и что они желаютъ мнѣ добра. Мнѣ хочется иногда и того, чего не должно; но я могу принудить себя сдѣлать то, что должно. У меня есть *воля*.

1. Я не видѣлъ и не могу видѣть Бога, потому что Онъ Духъ; но вѣрю, что Онъ существуетъ, видитъ все, знаетъ все, управляетъ всѣмъ.

2. Я иногда пошалу, иногда полѣнюсь, иногда разсержусь, иногда не слушаюсь, иногда сдѣлаю или скажу какую-нибудь глупость; случается, что скажу неправду; но у меня есть желаніе быть умнымъ, знать много, быть послушнымъ, правдивымъ, добрымъ, и я могу сдѣлаться такимъ, если постараюсь: у меня есть *желаніе и возможность сдѣлаться умнѣе и добрѣе*.

1. Всѣ эти способности—даръ слова, память, воображеніе, умъ, совѣсть, воля, вѣра въ Бога, желаніе и возможность сдѣлаться лучше—называются *способностями душевными*.

2. Въ тѣлѣ человѣка живетъ невидимая *душа*, безъ которой тѣло было бы мертво, не могло бы ни чувствовать, ни двигаться, не смотря на всѣ свои прекрасно-устроенные органы. Душа человѣка одарена множествомъ способностей, изъ которыхъ нѣкоторыя есть и у животныхъ. Но у животныхъ нѣтъ дара слова, нѣтъ разума, нѣтъ совѣсти, нѣтъ свободной воли, они не могутъ имѣть понятія о Богѣ, не имѣютъ желанія и возможности сдѣлаться лучше.

Человѣкъ одаренъ прекрасно устроеннымъ тѣломъ, одаренъ жизнью, одаренъ душою свободною, разумною и безсмертною, желающею добра и вѣрающею въ Творца вселенной.

ЧУДНЫЙ ДОМИКЪ.

Чудный я знаю домикъ и съ полнымъ хозяйствомъ. Есть въ немъ мельничка; есть въ немъ и кухня, гдѣ и день, и ночь готовится теплая пища. Въ этомъ домикѣ множество ходовъ и переходовъ, и проворные маленькіе слуги разносятъ по нимъ теплую пищу во все углки дома. Есть въ этомъ домѣ неугомонный эконокъ. Ни днемъ, ни ночью не засыпаетъ онъ ни на минуту: все тукъ, да тукъ, и говить проворныхъ слугъ во все углки дома, гдѣ только спрашивается пища, питье или тепло. Есть въ этомъ домѣ обширная зала, куда свободно входитъ чистый воздухъ; есть два свѣтлыя окошечка со ставеньками; ночью эти ставеньки запираются, днемъ отпираются. Въ домѣ живетъ невидимая хозяйка. Хозяйки этой не видно, но она-то все распоряжается и все оживляетъ: для нея-то хлопочетъ эконокъ, для нея-то работаютъ маленькіе слуги, она-то смотрится въ свѣтлыя окошечки, подымаетъ и опускаетъ ставеньки. Уйдетъ хозяйка изъ дому, и все замолкнетъ: эконокъ перестанетъ стучать, слуги останутся въ переходахъ, и во всемъ домикѣ станетъ тихо, пусто и холодно, а ставеньки закроютъ окошки. Но куда же уходитъ хозяйка? Туда, откуда пришла: на небо. На землѣ она только гостя; а домикъ безъ хозяйки рассыпается въ прахъ.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ ПРИРОДЫ.

ЛОШАДЬ.

Лошадь самое красивое и одно изъ самыхъ большихъ нашихъ домашнихъ животныхъ. У лошади красивая продолговатая голова, гибкая шея, широкая грудь, продолговатое туловище и четыре высокія тонкія ноги, а на каждой ногѣ по одному твердому копыту. Все тѣло лошади покрыто короткою, но густою и блестящею шерстью. На шеѣ у лошади длинная грива; на лбу, между ушами, челка; на

ногахъ назади и повыше копытъ щетки; а сзади туловища красивый длинный хвостъ. Волосы на хвостѣ начинаются у самого его корня. Лошади бываютъ различной масти: вороныя, гнѣдыя, рыжія, сѣрыя, пѣгія.

Глаза у лошадей большіе и смотрятъ понятливо. Два длинныхъ уха торчатъ кверху. Ротъ довольно большой; въ каждой челюсти обыкновенно все три рода зубовъ, *рѣзцы, клыки и коренные*, но у иныхъ лошадей не достаетъ клыковъ.

Сравнивая заднюю ногу лошади съ ногою человѣка, мы замѣтимъ, что лошадиная нога, какъ будто, состоитъ только изъ двухъ частей, и коленно выгибается не впередъ, какъ у насъ, а назадъ. Однакоже, взглянувъ на остоу лошади, мы увидимъ, что и въ ея ногѣ три части; но *бедро* у лошади такъ скрыто кожей туловища, что его снаружи сразу и не замѣтишь. Коленно лошади, направленное взадъ и видимое снаружи, собственно не коленно, а то же, что у насъ пятка; остальная часть ноги лошади не что иное, какъ единственный палецъ животнаго съ огромнымъ твердымъ ногтемъ вокругъ всей вершины пальца; этотъ большой ноготь мы и называемъ *копытомъ*. Мы не ошибемся, если скажемъ, что лошадь ходитъ на четырехъ пальцахъ.

Хребетный или позвоночный столбъ у лошади очень длиненъ и идетъ горизонтально отъ черепа въ хвостъ. Въ груди у лошади есть легкія, которыми она дышитъ, и сердце, которое бьется и разгоняетъ по жиламъ красную теплую кровь. Молодыхъ лошадокъ называютъ *жеребятами*. Они сначала кормятся молокомъ своихъ матокъ. Потомъ лошади ѣдятъ траву, сѣно, овесъ, любятъ соль и хлѣбъ.

У лошади все тѣ же пять вышнихъ чувствъ, какія и у человѣка. Особенно хорошъ у лошади слухъ. Ее не трудно приучить вы-

ступать подь музыку мѣрными шагами. Лошадь очень сильна. Есть такія лошади, что могут возить по хорошей дорогѣ до 200 пудовъ и болѣе. Лошадь бѣгаетъ быстро: хорошая скаковая лошадь можетъ проскакать въ четверть часа болѣе 8 верстѣ. Лошадь смѣла: она храбро идетъ въ сраженіе, а въ степи, говорятъ, лошадиный косякъ, собравшись въ кругъ, защищается отъ цѣлой стаи волковъ. Лошадь скоро привыкаетъ къ хозяину и вообще доброе животное. Впрочемъ, если съ лошадьми худо обращаются, то онѣ дѣлаются злыми и тогда лягаются и кусаются.

Лошадь помогаетъ человѣку обрабатывать поле. Она ходитъ и въ упряжи, и подь верхомъ. Изъ толстой лошадиной кожи выдѣлываютъ подошвы. Изъ лошадиной шерсти сбиваютъ войлоки. Лошадинымъ навозомъ удобряютъ поля. Кочевые народы ѣдятъ лошадиное мясо и готовятъ изъ кобыльего молока шипящій и нѣсколько опьяняющій питательный напитокъ кумысъ.

Лучшія лошади — арабскія; хороши наши донскія, вятскія, шведки, громадныя ломовыя и орловскіе рысаки.

К О Р О В А.

Корова ниже лошади, но въ длину бываетъ не меньше. Голова у нея шире и короче лошадиной. На головѣ два рога, состоящіе изъ рогового чехла снаружи и костяного пенька внутри; большія уши торчатъ въ стороны; шея безъ гривы, короткая, широкая; подь шей виситъ подгрудокъ, т. е. складка кожи; грудь узкая. Туловище у коровы широкое, толстое, спина заостренная, кости выдающіяся, бока оттопыренные, хвостъ длинный, но длинные волосы

только на концѣ хвоста. Ноги у коровы короче лошадиныхъ; на каждой ногѣ по два копыта. У коровы въ верхней челюсти нѣтъ рѣзцовъ, и потому она откусываетъ траву помощью нижнихъ рѣзцовъ и твердой

мозолистой десны верхней челюсти; клыковъ вовсе нѣтъ. Она не можетъ сразу хорошо пережевать траву или сѣно: пожуетъ, проглотитъ и потомъ, когда пища нѣсколько размягчится у ней въ желудкѣ, отрыгнетъ ее и, лежа спокойно, начнетъ опять медленно пережевывать ее зубами и перетирать шерстками языкомъ. У коровы не одинъ желудокъ, какъ у лошади, а четыре: въ первомъ и второмъ готовится та жвачка, которая потомъ пережевывается вторично и идетъ уже прямо въ третій, а изъ него въ четвертый желудокъ. Шерсть на коровѣ бываетъ различной масти, длиннѣе, чѣмъ у лошади, но не такъ гладко лежитъ и не такъ лоснится. Изъ виѣшнихъ чувствъ у коровы особенно развито обоняніе. Коровамъ даютъ въ кормъ траву, сѣно и сытное пойло; онѣ любятъ лизать соль.

Коровы доставляютъ людямъ молоко, изъ котораго отстаиваютъ сливки и готовятъ творогъ, сметану, масло, сыръ. Толстыя бычачьи и коровьи кожи идутъ на выдѣлку сапожнаго товара; рога — для выдѣлки различныхъ мелкихъ вещей; изъ копытъ вываривается столярный клей, навозомъ удобряютъ поля. На быкахъ, а за границей и на коровахъ, пашутъ и возятъ грузы.

Лучшими породами рогатаго скота считаются тирольская и голландская, а въ Россіи — холмогорская.

О С Е Л Ъ.

У осла на ногахъ по одному копыту, какъ у лошади, и по устройству зубовъ онъ похожъ на нее, но хвостъ у осла такой же, какъ у коровы. По росту осель обыкновенно гораздо меньше лошади. (Какая разница между зубами лошади и коровы? Чѣмъ отличается хвостъ коровы отъ хвоста лошади?)

При взглядѣ на осла, прежде всего кидается въ глаза его смиренная, мохна-

Осель въ $\frac{1}{30}$ естеств. вел.

тая морда и два непомѣрно-длинные, подвижные уха. Ослы бываютъ различной масти, по большей части—темно-сѣрые; двѣ болѣе темныя полосы идутъ крестообразно вдоль спины и поперекъ плечъ. Ослиный ревъ слышенъ далеко, но чрезвычайно неприятенъ: это какое-то тяжелое, печальное завываніе съ перерывами—точно колючая шишка лопушника остановилась у него въ горлѣ. Однако же ревомъ своимъ осель замѣняетъ для крестьянъ барометръ, предсказывая дурную погоду, которой ослы очень не долюбиваютъ. Вообще, это домашнее животное теплыхъ странъ и не можетъ выносить холодныхъ и продолжительныхъ зимъ. У насъ ослы обыкновенны только въ Крыму и Бессарабин; въ южной Германіи и Швейцаріи ослы еще плохи; только въ Италіи и въ Испаніи достигаютъ они значительнаго роста (съ порядочную лошадь), бываютъ стройны и красивы, не такъ обрастаютъ неровною шерстью, какъ на сѣверѣ.

Нельзя однакоже не пожалѣть, что осель не можетъ приучиться

Зебръ въ $\frac{1}{30}$ естеств. велич.

къ холодному климату, — такъ какъ это одно изъ полезнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, содержаніе котораго обходится не дорого. Осель ѣсть всякій бурьянъ, на который лошадь и не взглянетъ, и лакомится лопушникомъ, съ которымъ можетъ сладить только его неприхотливое горло; за то къ чистотѣ воды онъ очень внимателенъ. Работаетъ онъ медленно, но выносливъ въ работѣ, силъ же у него

болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать по его небольшому росту: забавно видѣть, какъ иной осликъ, ростомъ съ полугодовалого теленка, тащитъ на себѣ, и притомъ въ крутую гору, саженаго туриста англичанина, который долженъ сильно подгибать свои ноги, чтобы онѣ не волочились по землѣ. Правда, осель не бѣгаетъ такъ скоро, какъ лошадь; но шагъ его очень вѣренъ, такъ что по узкимъ горнымъ тропинкамъ безопаснѣе ѣхать на ослѣ, чѣмъ на лошади.

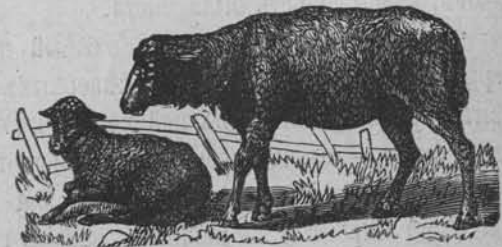
Ослиная кожа еще толще лошадиной: отъ такихъ ударовъ палкою, какими погонщики угощаютъ ослевъ, самая лѣнвая лошадь пустилась бы вскачь; а осель едва-едва прибавляетъ шагу. Изъ ослиной кожи выдѣлываютъ пергаментъ; ее же часто натягиваютъ на барабаны.

Къ животнымъ *однокопытнымъ* причисляется также и житель африканскихъ пустынь—полосатый *зебръ*. Онъ очень красивъ, но довольно слабосиленъ, и до сихъ поръ не успѣли еще сдѣлать его животнымъ домашнимъ.

О В Ц А

Животныхъ, полезныхъ для человѣка, всего болѣе въ *отрядѣ жвачныхъ*, или *двукопытныхъ*. (Какія животныя называются двукопытными? Почему они называются жвачными?)

Достаточно сказать, что къ этому отряду, кромѣ быковъ и коровъ, причисляютъ барановъ и овецъ, а также козъ самыхъ разнообразныхъ породъ, верблюдовъ и оленей.

Овца въ $\frac{1}{20}$ естеств. велич.

Кажется, нѣтъ на свѣтѣ животнаго безобиднѣе и беззащитнѣе овцы, но едва-ли есть и полезнѣе. Все въ ней идетъ въ пользу человѣка: изъ ея длинной, курчавой, мягкой шерсти приготовляются и тончайшія, и грубѣйшія сукна, т. е. главная и лучшая одежда человѣка; изъ овечьяго мѣха шьютъ теплые тулупы, дающіе намъ возможность защищаться отъ нашихъ сѣверныхъ морозовъ; баранье

и овечье сало обращается въ свѣчи, освѣщаетъ насъ въ долгія зимнія ночи; изъ бараньей кожи готовится лучший сапожный товаръ; мясо даетъ вкусное жаркое, а въ странахъ пастушескихъ изъ овечьяго молока готовится сыръ.

У барана и овцы голова, сравнительно съ туловищемъ, не велика; лобъ на-выкатъ, носъ горбомъ; уши у иныхъ породъ торчатъ въ стороны, у другихъ висятъ; глаза очень добрые, но нельзя утаить—глуповатые. У барановъ на лбу рога, очень красиво завитые въ витушку, но потому-то именно и безобидные. Бараньи рога, какъ рога коровъ и козъ, будучи сняты съ костяныхъ пеньковъ, пусты, или *полы*, въ серединѣ, отчего всѣхъ этихъ животныхъ называютъ *полорогими*. Хвостъ у иныхъ породъ овецъ не великъ; у другихъ же; какъ напр. у нашихъ крымскихъ, до того толстъ и тяжелъ, что подъ него пастухи подвязываютъ колесца, чтобъ барану было легче таскать свой жирный *курдюкъ*.

Шерсть на овцѣ курчавая, длинная, иногда бѣлая, какъ снѣгъ, иногда сѣровая или черная, иногда въ пятнахъ или рыжеватая. Для добыванія съ овецъ шерсти, ихъ стригутъ разъ, а въ другихъ мѣстахъ и два раза въ годъ; передъ стрижкой овецъ тщательно моютъ, чтобы шерсть была чиста.

Овцеводство составляетъ важный промыселъ во всѣхъ почти странахъ, исключая самыхъ сѣверныхъ. Чѣмъ холоднѣе страна, тѣмъ труднѣе развести въ ней хорошую *тонкорунную* овечью породу (*руно*—овечья шерсть). Лучшею породою считаются *мериносы*—испанская порода овецъ, которая разведена теперь по всей Западной Европѣ и въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, гдѣ безчисленныя овечьи стада составляютъ главное богатство края.

Къ одному семейству животныхъ съ овцою причисляются *козлы* и *козы*, хотя съ виду они мало похожи на барановъ и овецъ.

Сухое, *поджарое* тѣло козла, его угловатая формы, выдающіяся кости, рога, загнутые назадъ, а не свернутые въ витушку, голая верхняя губа, борода подъ нижнею губою,—всѣ эти признаки очень отличаютъ козла отъ барана. Но бараны и овцы, козлы и козы составляютъ одно *козловое семейство*, принадлежащее, какъ сказано

уже, къ отряду двукопытныхъ, жвачныхъ животныхъ. Дикая легконогая *серна*, съ крючковатыми, загнутыми назадъ рогами, принадлежитъ также къ жвачнымъ. Мясо старыхъ козловъ имѣетъ неприятный запахъ и въ пищу не годится, но мясо молодыхъ козловъ очень вкусно. Козлиная кожа идетъ на сапожный товаръ; изъ нея же преимущественно выдѣлывается сафьянъ. Козлиныхъ породъ много; самыя дорогія породы, по длинной, шелковистой и мягкой шерсти,—*кашмирская* и *ангорская*.

ОДНОГОРВЫЙ ВЕРБЛЮДЪ, ИЛИ ДРОМАДЕРЪ.

Дромадеръ, т. е. бѣгунъ, котораго арабы зовутъ также *кораблемъ пустыни*, служилъ въ пустынѣ уже во времена Авраама.

Дромадеръ въ $\frac{1}{30}$ естеств. велич.

Въ настоящее время верблюдъ, какъ домашнее животное, живетъ въ юго-западной Азій, сѣверной Африкѣ, Греціи и Турціи, въ Крыму, Астрахани и вообще въ южныхъ степяхъ Россіи. Въ дикомъ состояніи верблюды нынѣ не встрѣчаются.

Хотя по многимъ признакамъ своимъ верблюдъ похожъ на знакомыхъ намъ животныхъ, отрыгающихъ жвачку, каковы, на примѣръ,

корова и овца, но онъ во многомъ отъ нихъ отличается. Верблюда нельзя назвать красивымъ животнымъ. Неуклюжая, тяжелая, мозолистая стопа его; высокія, некрасивыя ноги, съ паростами на переднихъ колѣняхъ; кривая, широкая спина, на которой подымается горбъ, а у иныхъ и два; длинная, согнутая шея, которую верблюдъ на бѣгу вытягиваетъ впередъ; морда, похожая на овечью; короткій, всегда грязный хвостъ; длинные жесткіе волосы грязно-бураго цвѣта, — все эти признаки не дѣлаютъ верблюда привлекательнымъ по наружности. Но за то, какія драгоценныя, полезныя для человѣка свойства имѣетъ это некрасивое созданіе! Въ пищу верблюдъ очень неприхотливъ, и совершенно доволенъ, если ему удастся поѣсть сухихъ и колючихъ степныхъ растений; безъ воды же можетъ оставаться до восьми дней. Верблюдъ великъ, силенъ и ходитъ быстро; въ длину онъ бываетъ болѣе четырехъ аршинъ, а въ высоту около трехъ; на него вьючатъ иногда отъ 10 до 15 пудовъ, и съ такимъ грузомъ верблюдъ можетъ пройти безъ остановки 12 часовъ и даже дольше, проходя по 4 версты въ часъ. Верблюдовъ обучаютъ также и для верховой ѣзды; рысью онъ можетъ бѣжать такъ же быстро, какъ и лошадь, но утомляется не скоро и можетъ пробѣжать не отдыхая 16 часовъ. Понятно, что такое животное является для человѣка истиннымъ сокровищемъ въ песчаныхъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ ни воды, ни травы, и гдѣ солнце жжетъ невыносимо; не будь верблюда, никакая торговля не была бы возможна въ этихъ страшныхъ пустыняхъ; а теперь по нимъ тянутся цѣлые караваны верблюдовъ, нагруженныхъ дорогими товарами. Милосердъ Создатель, подарившій верблюда пустынямъ Африки и Азии, а снѣжнымъ тундрамъ сѣвера легконогого оленя!

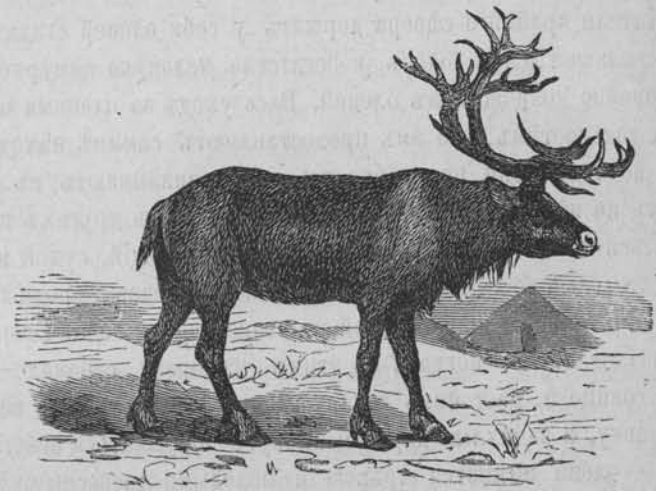
Верблюжье молоко и мясо, хотя рѣдко, но употребляется въ пищу, изъ верблюжьей шерсти дѣлаютъ сукно, и даже навозъ верблюжий идетъ на топливо, точно такъ-же, какъ навозъ лошадей и рогатаго скота въ нашихъ южныхъ степяхъ, гдѣ, какъ и во всѣхъ степяхъ, нѣтъ лѣса.

Извѣстно два вида верблюдовъ: верблюдъ *одногогорбый* и *двугорбый*; но оба эти вида одинаково полезны и сходны въ главныхъ своихъ признакахъ. Одногорбый верблюдъ разводится въ Африкѣ,

а двугорбый въ среднеазиатскихъ степяхъ. Горбы верблюда состоятъ изъ жира и опадаютъ, когда животное долго терпитъ голодь и жажду: это запасныя кладовыя верблюда про черный день, и жиръ горбовъ, всасываясь въ кровь, питаетъ животное и поддерживаетъ его силы довольно долгое время. Чтобы удобнѣе навьючить столь высокое животное, его приучили ложиться и, такимъ образомъ, подставлять спину для вьюка.

СѢВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Для насъ олень не болѣе, какъ предметъ любопытства и забавы: но для жителя крайняго сѣвера это животное, не требующее почти

Сѣверный олень въ $\frac{1}{35}$ естеств. вел.

никакого ухода за собою, является совершенно необходимымъ и замѣняетъ ему лошадь, овцу и корову.

Сѣверные олени бываютъ ручные (домашніе) и дикіе; въ дикомъ состояніи, впрочемъ, олени теперь встрѣчаются уже рѣдко. Ручные сѣверные олени ростомъ обыкновенно бываютъ въ высоту аршина полтора, а въ длину аршина два съ половиною; голову свою, съ вѣтвистыми, нѣсколько отброшенными назадъ рогами, олени держатъ низко понуривъ; ихъ шерсть лѣтомъ бываетъ короткая, темно-сѣрая, а зимою длинная, болѣе свѣтлая. Лѣтомъ сѣверные олени лишаются, а осенью, какъ самцы, такъ и самки, сбиваютъ съ себя рога и въ

продолженіе всей зимы, до весны, остаются безъ нихъ. Рога у оленей не имѣютъ внутри костяного пенька, какъ у коровъ, барановъ и козъ, а состоятъ изъ плотнаго костяного вещества. На первый годъ у оленя вырастаетъ острый пенекъ безъ развѣтвленій. На второй годъ—рога съ двумя вѣтками, на третій съ тремя и т. д. Ноги оленя, оканчивающіяся двумя копытами, тонки; хвостъ почти незамѣтный. Плоскія, широкія, раздвигающіяся копыта и находящіяся за ними копытца, называемыя шпорцами, даютъ животному возможность бѣгать по снѣгу, не проваливаясь слишкомъ глубоко. Олень животное двукопытное, жвачное, плотнорогое, травоядное.

Жители крайняго сѣвера держатъ у себя оленей стадами, часто въ нѣсколько тысячъ головъ, и богатство человѣка измѣряется тамъ обыкновенно количествомъ оленей. Весь уходъ за оленями ограничивается только тѣмъ, что имъ предоставляютъ самимъ находить себѣ пищу; но чтобы они не разбрелись, то привязываютъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку оленей, что и заставляетъ другихъ постоянно оставаться вблизи привязанныхъ товарищей. Тошій, сухой и по виду не питательный бѣлый мохъ (ягель) и вообще разнаго рода лишай составляютъ главную пищу оленей во всякое время года. Сверхъ того, въ короткое лѣто,—когда и въ этихъ угрюмыхъ странахъ показывается солнце и, растопивъ ледяную кору, вызываетъ изъ земли бѣдную травку, а зачахлая деревья начнутъ покрываться небогатою зеленью,—олени питаются травою и молодыми древесными листьями ивы, осины и березы. Зимой олени обыкновенно тощатъ, потому что съ большимъ трудомъ должны добывать себѣ скудную пищу, раскапывая снѣгъ и копытами пробивая ледяную кору, плотно одѣвающую землю послѣ осеннихъ дождей. На лѣто олени, водящіяся у обывателей нашихъ сѣверныхъ владѣній, цѣлыми стадами переселяются съ хозяевами своими къ югу, чтобы тамъ, въ болѣе гористыхъ мѣстахъ и отчасти въ лѣсахъ, спастись отъ страшныхъ враговъ своихъ—комаровъ и оводовъ. Весною и рано лѣтомъ оводы обыкновенно цѣлыми роями летаютъ надъ стадами оленей и, садясь къ нимъ на спину, кладутъ въ ихъ густую шерсть свои яйца, величиною въ горчичное зерно. Изъ этихъ яицъ скоро выходятъ червяч-

ки, которые, отыскивая пищу, пробуравливаютъ кожу оленей и живутъ подъ нею, отчего иногда вся спина оленей покрывается большими желваками, имѣющими на вершинкѣ своей небольшія отверстія. Отъ нестерпимаго зуда олени расчесываютъ себѣ спину до крови, большую часть дня проводятъ въ водѣ, куда заходятъ по самую шею, отказываются совершенно отъ корма и часто даже умираютъ. Въ тѣлѣ оленя червякъ (личинка овода) мало-по-малу вырастаетъ до величины желудя и вываливается черезъ устье на землю, зарывается въ нее и обращается въ куколку, изъ которой черезъ нѣсколько недѣль вылетаетъ уже оводъ, способный летать и класть яички.

Осенью олени возвращаются обратно въ свои родныя мѣста, и если встрѣчаются по дорогѣ рѣки и ручьи, то обыкновенно переплываютъ ихъ очень быстро. Совершая эти путешествія, они постоянно слѣдуютъ въ извѣстномъ порядкѣ: впереди идутъ самки съ оленятами, самцы же слѣдуютъ за ними только черезъ нѣсколько дней.

Оленье молоко необыкновенно жирно и даетъ очень много масла; но такъ какъ масло это невкусно, то изъ молока чаще готовятъ сыр; мясо оленей пріятно на вкусъ и питательно; изъ оленьихъ роговъ туземцы выдѣлываютъ ножи, ложки, иглы; а шкура оленей идетъ на одежду. Самоѣдъ, тунгусъ, корякъ и другіе жители сѣвера съ головы до ногъ одѣты въ оленью кожу, и одежда эта такъ тепла и удобна, что на сѣверѣ рѣшительно незамѣнима никакою другою. Въ одеждѣ, сшитой изъ однихъ оленьихъ шкуръ, и не нитками, а оленьими же высушенными жилками, туземцы отправляются въ дальній путь не иначе, какъ на оленяхъ. Въ свои высокія, легкія сани они впрягаютъ по одному или по нѣскольку оленей. Олени на ходу никогда не скачутъ, а бѣгутъ постоянно бойкою рысью, и обыкновенно пробѣгаютъ въ часъ верстъ по десяти и болѣе; но могутъ бѣжать и гораздо быстрее. Безъ оленей люди не могли бы жить постоянно въ холодныхъ странахъ сѣвера, гдѣ зима продолжается едва не цѣлый годъ и никакія хлѣбныя растенія не могутъ вызрѣвать.

СВИНЬЯ.

Свинья очень некрасива съ виду, любитъ валяться въ грязи и рыться въ сору, лѣнива, неповоротлива, прожорлива и неразборчива въ пищу. Вотъ почему самое имя свиньи звучитъ какъ-то неприятно.

Свинья въ $\frac{4}{30}$ естеств. вел.

Но, тѣмъ не менѣе, люди держать и откармливаютъ свиней очень охотно. Питаясь полусгнившими листьями капусты, испортившимся картофелемъ, помоями, желудями, травой, корнями растений, словомъ всякаго рода *расти-*

тельною и *животною* пищею, свинья быстро растетъ, толѣетъ, и мясо ея покрывается большимъ слоемъ жира. Всѣ части ея толстой *туши* идутъ въ пищу, а изъ крѣпкой *щетины* дѣлаютъ щетки и кисти для красильщиковъ. Вотъ почему бѣдняки, которые не въ состояніи содержать ни коровы, ни лошади, держатъ свиней, прокармливая ихъ всякими остатками отъ своего бѣднаго хозяйства. Свиньи еще выгодны въ хозяйствѣ тѣмъ, что очень сильно размножаются: у нихъ бываетъ отъ 10 до 16 поросятъ, которые быстро растутъ.

Фигура у свиньи самая непривлекательная. Прежде всего кидается въ глаза ея огромная голова съ длиннымъ тупымъ рыломъ, отлично приспособленнымъ къ тому, чтобы взрывать имъ землю. На концѣ рыла—подвижной *пяточекъ*, которымъ свинья ворочаетъ во всѣ стороны. Она вѣчно смотритъ въ землю, изъ-подлобья, своими маленькими голубыми глазами. У иныхъ свиней уши не очень велики и торчатъ кверху, особенно у *дикихъ*; у другихъ болтаются, какъ тряпки.

Верхняя челюсть свиньи, съ выдающимся рыломъ, кажется гораздо длиннѣе нижней; ротъ огромный и во рту 44 зуба: обращенные впередъ лопатчатые рѣзцы нижней челюсти, дѣйствующіе какъ скребокъ, а надъ ними загнутые пемного внутрь рѣзцы верхней челюсти, удобные для схватыванія и удержанія добычи; за рѣзцами слѣдуютъ очень большіе трехгранные, выдающіеся изъ рта клыки, или

бивни, служащіе для защиты, а также и для разрыванія корней, ихъ по одному съ каждой стороны въ каждой челюсти, и наконецъ 28 коренныхъ зубовъ. Концы верхнихъ бивней загнуты крючкомъ кверху и у кабановъ составляютъ страшное оружіе, которымъ эти животныя наносятъ опасныя раны. По кореннымъ зубамъ видно, что свинья животное *всаядное*, такъ какъ первые коренные зубы ея имѣютъ на коронкѣ острые бугорки, а задніе—тупые бугорки. Первые удобны для размельченія мясной пищи, а послѣдніе для перетиранія твердыхъ растений.

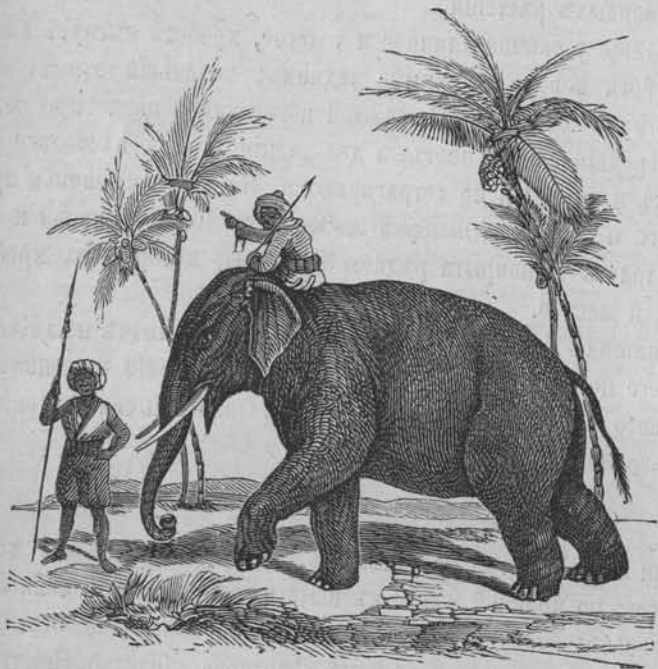
Туловище у свиньи длинное и толстое, хребетъ выгнуть кверху; переднія ноги короче и прямѣе заднихъ; тоненькій хвостъ почти всегда согнуть колючкомъ. На каждой ногѣ свиньи по четыре копыта; на два переднія она ступаетъ, а два заднія стоятъ нѣсколько выше переднихъ и до земли не дотрагиваются. Вотъ почему свинью причисляютъ къ *парнокопытнымъ* животнымъ. Кожа у свиньи необыкновенно толста и покрыта рѣдкою щетиною, которая на хребтѣ и длиннѣе, и жестче.

Въ нашихъ большихъ лѣсахъ, особенно въ Литвѣ и на Кавказѣ, чаще всего по берегамъ рѣкъ, гдѣ растетъ высокій тростникъ, водятся много дикихъ свиней, или кабановъ. Они очень сильны, свирѣпы, и охота за ними опасна.

СЛОНЪ.

Если вамъ никогда не удавалось видѣть самаго слона, то посмотритесь, по крайней мѣрѣ, къ нему на картинкѣ, и если вы, въ своемъ воображеніи, увеличите свинью разъ въ 50, то, безъ сомнѣнія, отыщете между нею и слономъ нѣкоторое сходство. Понятно, что у такой громадной свиньи (средній слонъ вышиною сажени полторы, а въ длину болѣе двухъ), при очень короткой неповоротливой шеѣ, не позволяющей ни опускать головы, ни подымать ее, *подвижной пяточекъ* долженъ былъ вытянуться въ длинный подвижной *хоботъ*: иначе животное не могло бы питаться ни травой, которая у него подъ ногами, ни древесными листьями, которые у него надъ головой; а такому большому звѣрю пищи надо не мало. Уши у слона очень

широки и, как у иной свиньи, болтаются по сторонамъ, глаза не велики, прекрасные, каріе, и смотрять необыкновенно умно; а изъ рта, у самцовъ, торчатъ два громадные бивня, иногда по полсажени въ длину, дающіе драгоценную слоновую кость. Бивни—это верхніе рѣзцы слона; клыковъ и нижнихъ рѣзцовъ у него нѣтъ вовсе; коренныхъ зубовъ по одному съ каждой стороны въ каждой челюсти; зубы эти очень широки и по строенію коронокъ похожи на коренные зубы травоядныхъ животныхъ. На толстой кожѣ слона только мѣстами

Слонъ въ $\frac{1}{100}$ естественной величины.

замѣтна щетина, и хвостъ очень напоминаетъ свинной. Но по устройству зубовъ видно, что слонъ животное *травоядное*, а не *всеядное*, какъ свинья; пищу онъ срываетъ хоботомъ, громадные же бивни отлично служатъ ему для прочистки себѣ дороги въ лѣсу и для защиты, но никакъ уже не могутъ служить для разрыванія мясной пищи. Паль-

цевъ съ копытами у индійскаго слона на каждой ногѣ не по четыре, какъ у свиньи, а по пяти на переднихъ и по 4 на заднихъ ногахъ; но эти пальцы срастаются между собою такъ, что на концѣ ноги видны лишь одніѣ копыта, которыя всѣ касаются земли. Африканскій слонъ имѣетъ 4 пальца на переднихъ ногахъ и по 3 на заднихъ.

Самая интересная часть слоноваго тѣла—*хоботъ*. Онъ составляетъ продолженіе носа, необыкновенно подвиженъ и имѣетъ въ длину сажень и болѣе; животное однако совершенно произвольно можетъ сокращать его до аршина. На концѣ хобота отростокъ въ родѣ пальца; въ серединѣ хобота проходитъ носовая перегородка. Хоботъ состоитъ изъ верхней кожаной оболочки, нервовъ и мускуловъ, и потому представляетъ собою совершенный по чувствительности органъ осязанія. Слонъ своимъ хоботомъ дѣлаетъ все, что дѣлаемъ мы руками; онъ можетъ свертывать его и развѣрживать, поворачивать въ разныя стороны; а кончикомъ своего хобота слонъ поднимаетъ съ земли самыя маленькія монеты, открываетъ ключемъ замки, раскупориваетъ бутылки, срываетъ цвѣты; набравши въ хоботъ воды, брызгаетъ ею, какъ изъ фонтана, и пр. Кромѣ удивительной чувствительности, хоботъ надѣленъ необыкновенною силою, такъ что однимъ ударомъ его слонъ можетъ убить человѣка, высоко поднимаетъ съ земли тяжести вѣсомъ до 5-ти пудовъ; на себѣ же слонъ можетъ нести до 50 пудовъ и болѣе; вообще, онъ обладаетъ силою 6-ти лошадей. Когда слонъ идетъ обыкновенною своею походкою, то лошадь догоняетъ его только рысью; впрочемъ, слоны могутъ бѣгать и плавать хорошо. Живутъ слоны стадами, иногда до 400 головъ, въ тѣнистыхъ лѣсахъ внутренней Африки, въ Южной Азии и на островахъ Цейлонѣ и Суматрѣ; доживаютъ до 150 лѣтъ. Питаются растительною пищею; любятъ хлѣбныя растенія и потому часто причиняютъ страшный вредъ полямъ, засѣяннымъ рисомъ. Содержаніе ручныхъ слоновъ обходится весьма дорого: среднимъ числомъ полагается слону въ сутки пуда полтора варенаго риса и столько же травы и листьевъ.

Сдѣлавъ слоновъ ручными, люди заставляютъ ихъ исполнять различныя работы: употребляютъ для подъема и перевозки всякаго рода тяжестей, для поѣздокъ на охоту, и на нихъ же въ остъ-индской ар-

ми перевозят пушки. Слоновъ не впрягаютъ въ экипажи, но обыкновенно садятся въ палатку, устроенную на спинѣ слона. Для управления слонѣмъ, у головы его сидитъ вожатый (корнакъ); въ рукахъ вожатаго острый молотокъ, которымъ онъ бьетъ слона въ голову и, такимъ образомъ, управляетъ животнымъ. Всѣ правильныя требованія своего вожатаго слонъ исполняетъ покорно, безъ гнѣва переносить заслуженное наказаніе, но за несправедливое и жестокое обращеніе мститъ страшно.

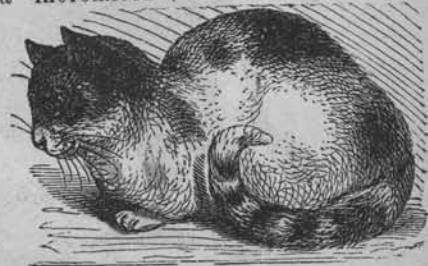
Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что однажды вожатый, сидя на слонѣ, вздумалъ бить у него на головѣ твердые кокосовые орѣхи. Животное терпѣливо перенесло жестокую боль; но, проходя въ тотъ же самый день базарную площадь, слонъ остановился передъ кучею кокосовыхъ орѣховъ, взялъ одинъ орѣхъ хоботомъ, и такъ ударилъ имъ по головѣ своего вожатаго, что тотъ мертвымъ свалился на землю.

Примѣчаніе. До сихъ поръ мы читали все о *копытныхъ* животныхъ, ноги которыхъ вооружены копытами. Всѣхъ этихъ животныхъ, по устройству копытъ, мы можемъ раздѣлить на *непарнокопытныхъ*, куда относятся: лошади, осель, зебрь и носорогъ; *парнокопытныхъ*, куда относятся: бегемотъ и свинья, а также жвачныя—корова, овца, коза, жирафъ, олень, верблюдъ и др., и *хоботныхъ*, куда относится слонъ. Кромѣ того, между *рогатыми* животными мы замѣтили *плотнорогихъ* (какія?) и *полорогихъ* (какія?). Составьте табличку всѣхъ пройденныхъ животныхъ. Повторите по табличкѣ все, что прочли.

КОШКА.

Наша хорошенькая кошечка, которая такъ мило мурлычитъ, красиво выгибаетъ спину и поминутно чистится, принадлежитъ къ одному семейству съ самыми страшными хищными звѣрями—тиграми, львами, барсами, и такъ на нихъ похожа, что все это семейство называютъ *кошачьимъ*. Разсмотримъ же кошку повнимательнѣе. Голова у нея круглая; на головѣ торчатъ два небольшія, очень чуткія уха. Надъ ртомъ длинныя щетинистыя волосы. Ротъ, сравнительно съ головою, очень великъ; а во рту *шероховатый* языкъ и 30 чрезвычайно острыхъ зубовъ,—особенно остры и длинны *кривые клыки*;

коренные зубы съ высокими, острыми бугорками, что весьма удобно для пережевыванія мяса. Замѣчательны глаза кошки: они какъ-будто расколоты по серединѣ; но эта узенькая щель (зрачекъ) сильно расширяется въ темнотѣ, что и нужно кошкѣ для ея ночныхъ охотъ за мышами. Все тѣло кошки мягко и гибко; хвостъ длинный и пушистый; ноги коротки, но сильны; на переднихъ ногахъ по пяти развитыхъ пальцевъ, а на заднихъ по четыре; пятый палецъ заднихъ ногъ не развитъ и имѣетъ видъ бородавки; каждый палецъ вооруженъ *острымъ изогнутымъ когтемъ*. Кошка, однакожъ, умѣетъ сдѣлать свою лапу *бархатною*: ловко прячетъ свои *тяжелые* когти, чтобы они не иступились даромъ, но и мгновенно выпускаетъ ихъ, когда понадобится. Ходитъ она на *пальцахъ*, но не стучитъ когтями по полу, какъ собака, что даетъ ей возможность безъ малѣйшаго шума подкрасться къ мышкѣ. Все тѣло кошки покрыто короткою, но густою, шелковистою шерстью. Кошка очень высоко прыгаетъ и ловко лазитъ по деревьямъ и крышамъ, что показываетъ, какъ сильны ея лапы. Она чистоплотна, не любитъ мокроты и грязи; очень привязана къ своимъ дѣтенышамъ и защищаетъ ихъ отчаянно. Бѣтъ она все мясное, но любитъ болѣе всего животрепещущую птичку или мышъ; не пропускаетъ и рыбы, если она ей попадется.

Кошка въ $\frac{1}{10}$ естеств. величины.

Къ человѣку кошка не такъ привязана, какъ къ дому, гдѣ живетъ. Кошка ласковое, но лукавое животное: завидя добычу, она притворяется, будто ея не видитъ, подходит тихонько, едва замѣтно присѣдаетъ, полузакрываетъ горящіе жадностью глаза, граціозно поворачиваетъ хвостъ—и вдругъ, какъ молнія, съ необыкновенною силою и ловкостью, кидается на бѣдную жертву.

ЛЕВЪ И ТИГРЬ.

Льва и тигра несравненно безопаснѣй видѣть въ звѣринцѣ, чѣмъ на волѣ; стоитъ вамъ только посмотрѣть, какъ эти страшныя животныя поворачиваются въ своихъ клѣткахъ, прячуть и выпускають свои длинныя кривыя когти, протягивають лапы, выгибають спину, играютъ хвостомъ, то полузакрываютъ свои глаза, то вновь открываютъ ихъ во всю величину, и вы убѣдитесь, что они не что иное, какъ громадныя кошки. Левъ, имѣющій гриву, еще менѣе похожъ на кошку; но сходство тигра съ кошкой съ перваго взгляда кидается въ глаза.

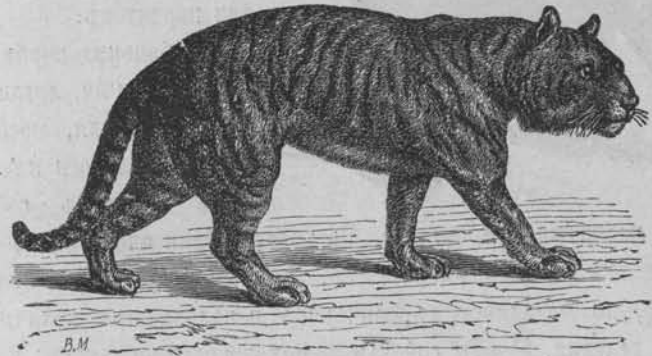

Левъ въ $\frac{1}{30}$ естественной величины.

Левъ, котораго, по его величественному виду, громадной силѣ, страшному голосу, назвали царемъ звѣрей, бываетъ обыкновенно сѣро-желтоватаго цвѣта, до сажени въ длину и аршина полтора въ высоту. У него на концѣ длиннаго хвоста большой пучекъ волосъ, а на головѣ, шеѣ и груди длинная косматая грива; у львицы гривы нѣтъ. Въ древнія времена левъ жилъ въ южной Европѣ; теперь въ Европѣ онъ бываетъ только въ звѣринцахъ. Въ дикомъ состояніи левъ водится въ Африкѣ и встрѣчается въ юго-западной Азій. Самые большіе

львы встрѣчаются въ Абиссиніи и Южной Африкѣ. Левъ, какъ говорятъ, кидается на человѣка только голодный и раздраженный.

Тигръ—самое страшное и самое злое изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ. Онъ бываетъ красновато-желтаго цвѣта, съ черными полосами. Въ длину онъ тоже иногда достигаетъ сажени, но въ высоту нѣсколько меньше льва. Онъ необыкновенно ловокъ, быстръ, дѣлаетъ огромныя прыжки и нападаетъ на всѣхъ животныхъ, не исключая и человѣка, не только голодный, но и сытый. Тигръ живетъ

Тигръ въ $\frac{1}{30}$ естественной величины.

только въ Азій; чаще всего въ Индіи, но встрѣчается и въ холодныхъ странахъ, напр. на берегахъ Амура.

Чтобы судить о силѣ этихъ животныхъ, довольно сказать, что левъ однимъ ударомъ лапы можетъ перебить крестецъ у лошади и унести быка, какъ волкъ ягненка. Онъ выступаетъ величаво, но, кидаясь на добычу, дѣлаетъ прыжки сажени въ четыре. Вотъ почему, когда посреди ночи въ пустынѣ раздается ревъ льва, подобный грому, то все живое трепещетъ и спѣшитъ укрыться. Тигръ немногимъ уступаетъ льву въ силѣ, а дерзостью и кровожадностью далеко превосходить его.

СОБАКА.

Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ самое привязанное къ человѣку и самое умное, безъ сомнѣнія, собака. Она живетъ съ человекомъ повсюду, какъ въ самыхъ жаркихъ, такъ и въ самыхъ холодныхъ странахъ; оберегаетъ его домъ, имущество и стада; помогаетъ

ему на охотѣ; часто утѣшаетъ его своею безкорыстною дружбою и верѣдко жертвуетъ за него своею жизнью. Въ сѣверныхъ странахъ на собакахъ ѣздятъ, въ Германіи на нихъ возятъ небольшія тяжести, а въ Китаѣ ихъ ѣдятъ; собачій мѣхъ идетъ для дешевыхъ воротниковъ и теплыхъ сапоговъ, а кожа для перчатокъ.

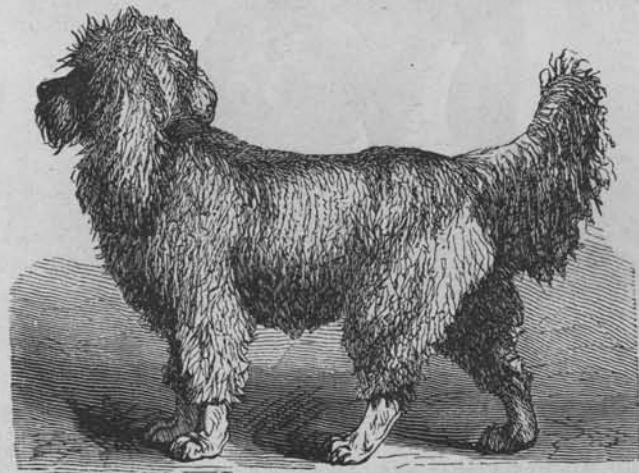

Собачьихъ породъ много: борзья, гончія, лягавья, водолазы, пуделя, моськи, левретки, бульдоги и т. д.; однихъ главныхъ собачьихъ

породъ насчитываютъ до 30. По росту собаки очень разнообразны, начиная отъ самыхъ маленькихъ, которыя могутъ помѣститься въ карманѣ, до меделянскихъ, овчарокъ и водолазовъ, величиною съ добраго телянка. Морды собачьи не похожи одна на другую: у борзой, напримѣръ, длинная, красивая, сухая морда; а у бульдога точно будто обрублена. Верхняя губа по большей части покрываетъ нижнюю. Уши или торчатъ кверху, какъ у дворняшекъ, или висятъ книзу, какъ у лягавыхъ; языкъ длинный, широкій и *гладкій*; носъ влажный и холодный, а слизистая носовая оболочка имѣетъ у иныхъ породъ такъ много складокъ, что еслибы ее растянуть, то она могла бы закрыть всю собаку; вотъ почему у собакъ чрезвычайно чуткое обоняніе. Зубы у собаки — единственное ея оружіе; они остры и ихъ больше, чѣмъ у лошади, а именно 42. Рѣзцы, числомъ по шести въ каждой челюсти, небольшіе; клыки коническіе и длиннѣе всѣхъ другихъ зубовъ, ихъ четыре, т. е. по одному въ каждой челюсти съ каждой стороны; коренные зубы съ значительными возвышеніями на коронкахъ. Такіе зубы имѣютъ всѣ плотоядныя животныя. Заднія ноги у собакъ немного длиннѣе переднихъ, и у нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, у борзыхъ, очень длинны, что даетъ имъ возможность прыгать и бѣгать съ необыкновенною быстротою. Хвостъ по большей

части длинный, покрытый волосами, иногда косматый. Кожа покрыта шерстью, которая, какъ по длинѣ, такъ и по цвѣту, бываетъ чрезвычайно разнообразна: иногда гладка и блеститъ, а иногда завивается, какъ напримѣръ у пуделя и овчарки, оберегающей стада отъ волковъ. Ноги оканчиваются пальцами, которые вооружены не копытами, а когтями; на переднихъ ногахъ по пяти развитыхъ пальцевъ, а на заднихъ по четыре; пятый палецъ на заднихъ ногахъ не развитъ и имѣетъ видъ бородавки. Нѣсколько искривленные когти не втяжные и не столь кривые, какъ у кошки. Собаки такъ-же, какъ и кошки, ходятъ на пальцахъ, почему этихъ животныхъ называютъ *пальцеходящими*, въ отличіе отъ *стопыходящихъ*, каковы, напримѣръ, медвѣдь, барсукъ, енотъ, которыя, ходя, опираются на всю стопу, какъ человѣкъ.

Собака ѣстъ и хлѣбъ, и молоко, и овсянку, но охотнѣе всего мясо, для отдиранія и пережевыванія котораго приспособлены ея зубы, а потому ее и причисляютъ къ *плотояднымъ* животнымъ. Щенки ро-

дятся слѣпыми и только черезъ 10 или 12 дней начинаютъ смотрѣть; они долго кормятся молокомъ матери. Собака можетъ визжать, лаять, выть и ворчать. Во снѣ собака часто бредитъ. Собаки иногда подвергаются болѣзни, называемой бѣшенствомъ, или *водо-*

боязнию. Бѣшеную собаку можно узнать по мутнымъ глазамъ, опущенному хвосту, по пѣвѣ, иногда клубящейся изо рта, но болѣе всего по хриплому лаю.

Вы, можетъ быть, видали на картинахъ злую фигуру *гиены*, съ покатою къ заду спиной, нагнутой внизъ головой, съ жадными, смотрящими изъ-подлобья глазами, съ оскаленными зубами, съ оцетинившеюся на спинѣ шерстью. Это животное замѣчательно тѣмъ, что у него лапы съ невтяжными когтями, какъ у собаки, а языкъ шероховатый, какъ у кошекъ.

ВОЛКЪ.

У волка нѣтъ ни одного признака, который рѣзко отличалъ бы его отъ собаки; но всякій, кто хоть разъ видѣлъ волка, узнаетъ его легко по жаднымъ, злымъ глазамъ, глядящимъ изъ-подлобья, по сильной, неповоротливой шеѣ и по всей его разбойничьей фигурѣ.

Волкъ въ $\frac{1}{20}$ естественной величины.

Волки у насъ водятся вездѣ въ степныхъ оврагахъ и заросляхъ; но въ большіе дремучіе лѣса забираются неохотно. Волки рвутъ всякаго рода животныхъ, не брезгаютъ и падалью. Они бѣгаютъ иногда стаями и съ страшной дерзостью нападаютъ на стада и даже на людей. Волкъ, разъ отвѣдавшій человѣческаго мяса, очень опасенъ. Въ образованныхъ и густонаселенныхъ странахъ успѣли совершенно истре-

бить волковъ: такъ, въ Англии давно уже нѣтъ ни одного волка. Собака и волкъ—непримиримые враги, и трудно согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что собака тотъ же волкъ, только сдѣлавшійся домашнимъ. Были попытки сдѣлать волка ручнымъ, но онъ все только оправдалъ русскую пословицу: „сколько волка ни корми, а онъ все въ дѣсь смотреть“.

ЛИСИЦА.

И по зубамъ, и по когтямъ лиса принадлежитъ къ одному семейству съ волкомъ и съ собакою; но вся ея фигура обличаетъ въ ней хитрость, ловкость, умъ и притворяться. Мордочка у ней длинная, тонкая; верхняя губа немножко приподнята, точно улыбается; а изъ-за губъ скалятся бѣлые и острые зубы. Глаза небольшіе, пронзательные; уши всегда на-сторожѣ; лапки маленькія, легкія. Ходитъ

Лисица въ $\frac{1}{20}$ естественной величины.

лиса тихо, крадучись, нѣсколько нагнувшись впередъ, точно просить дозволенія войти. Одѣта она всегда чисто и прилично: рыжеватая шубка ея отливаеъ золотомъ и всегда лоснится, какъ шелкъ. На горлышкѣ у лисы бѣлый галстучекъ, на груди бѣлый жилетъ; свой пушистый хвостъ носить она на отлетѣ, очень осторожно и ловко. По всему видно, что лиса занимаетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ *пушиныхъ* звѣрей.

Живетъ лисица по-барски: гдѣ-нибудь въ глуши, подальше отъ людскихъ глазъ, роетъ она себѣ глубокую и очень вмѣстительную нору съ нѣсколькими выходами на всякій случай. Въ норѣ у ней не одна комната, а полы выстланы мягкимъ мхомъ: все очень уютно и

прилично. Возлѣ своего жилья лиса ведетъ себя скромно; но гдѣ-нибудь подале, на сторонкѣ, занимается разбойничьимъ промысломъ. У кумушки лисы зубы остры и апшетить отличный; но она не кидается, какъ волкъ, на всякую пададь. Напротивъ, лиса большая лакомка и любитъ разнообразіе въ пищѣ: зайчикъ, мышка, мелкая птичка, курочка, гусекъ и даже рыбка попеременно являются за ея столомъ; она не прочь освѣжиться послѣ обѣда и кистью сочнаго винограда.

Лиса не труслива, но сильно не любитъ длиннорылыхъ борзыхъ, отъ которыхъ ей не всегда удается унести свой пушистый хвостъ. Бѣжитъ она быстро и дѣлаетъ большіе прыжки; ловко увертывается отъ собакъ, даже прилегается къ землѣ, когда тѣ ее догоняютъ, и даетъ имъ перескочить черезъ себя. Если же лиса видитъ, что убѣжать ей нельзя, то защищается отчаянно; но въ капканъ попадаетъ развѣ какая-нибудь глупая. Лисій мѣхъ довольно дорогъ, такъ какъ изъ него дѣлаютъ прекрасныя шубы; особенно цѣнятся темный *чернобурый* мѣхъ. Лисицы водятся во всей Европѣ и въ Азіи

М Е Д В Ъ Д Ъ .

Въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ самый большой и самый сильный звѣрь—бурый, или обыкновенный, медвѣдь. Прежде медвѣдей было очень много, и русскіе, промышляя медвѣжьей шкурой, хорошо ознакомились со всѣми привычками медвѣдя и даже полюбили этого проказника Мишку, величая его Михайломъ Потапычемъ, а медвѣдицу Марьей Михайловной.

Медвѣдь закутанъ въ такую теплую мохнатую шубу, что нельзя даже хорошенько разсмотрѣть, какъ онъ сложенъ. Морда у него вытянутая; устройство коренныхъ зубовъ показываетъ, что онъ животное *всеядное*, такъ какъ одни изъ этихъ зубовъ снабжены острыми бугорками, другіе—лишь очень небольшими возвышеніями; медвѣдь ѣстъ плоды, коренья, ягоды, овесъ, мясо, большой охотникъ до меда; прирученный даже не прочь выпить стаканъ водки, послѣ чего выдѣлываетъ самыя забавныя штуки и валяется, какъ пьяный человѣкъ.

Замѣчательно устройство медвѣжьихъ лапъ: онъ ступаетъ не только на пальцы, какъ собака, кошка и другіе *пальцеходящіе*

звѣри, но на всю стопу, какъ человѣкъ; почему его причисляютъ къ животнымъ *стопыходящимъ*. Ходитъ медвѣдь довольно тяжело, двигая лапами какъ-то вкось, почему его и назвали, очень удачно, *косолапымъ*; но можетъ бѣгать быстро.

На каждой лапѣ у медвѣдя по пяти пальцевъ съ крѣпкими когтями. Переднія лапы у него вообще гораздо подвижнѣе заднихъ, и медвѣдь часто беретъ въ лапы пищу, чего не дѣлаетъ собака. Онъ очень ловко лазитъ по деревьямъ и даетъ передними лапами отличныя пощечины собакамъ, когда онѣ на него нападаютъ. Медвѣдь очень силенъ, ловокъ и не трусливъ, если только на него не нападаютъ врасплохъ. Но, тѣмъ не менѣе, у насъ много смѣльчаковъ, которые, съ рогатиной въ рукахъ и съ винтовкой за плечами, ходятъ на медвѣдя одинъ на одинъ и отлично справляются съ косолапымъ Мишкой. Раненый, онъ рѣдко обращается въ бѣгство, но храбро защищается зубами и лапами до послѣдняго издыханія. Бурый медвѣдь на самые холодные мѣсяцы забирается въ берлогу. Тамъ онъ пре- дается зимнему сну, почему и причисляютъ его къ *зимоспящимъ* животнымъ. Впрочемъ медвѣдь не такъ крѣпко спитъ, какъ сурокъ

или соня: его легко разбудить. Въ это время онъ ничего не ѣстъ и очень худѣетъ, потому что въ немъ совершается питаніе на счетъ его же собственного жира, котораго у медвѣдей лѣтомъ очень много. Нашъ народъ говоритъ, что во время зимняго сна медвѣдь сосетъ свою лапу, потому что спящій медвѣдь прикрываетъ себѣ морду лапами, и потому также, что весной у него перемѣняется кожа на лапахъ: старая спадаетъ и паростаетъ новая.

Медвѣдь легко дѣлается ручнымъ, если его поймаютъ еще ма-

Медвѣдь въ $\frac{1}{20}$ естественной величинѣ.

ленькимъ; но такъ какъ онъ все же очень опасенъ по своей громадной силѣ, то ему подпиливаютъ когти и зубы. Прежде у насъ мужики водили по городамъ и деревнямъ медвѣдей на цѣпяхъ, продѣвъ одно кольцо цѣпи въ ноздри или губу медвѣдя. Такіе медвѣди плясали очень забавно, кувыркались, кланялись; но вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, что подобныя шутки надъ бѣднымъ звѣремъ слишкомъ жестоки, и потому порадуется, что нынче запрещено водить медвѣдей.

Медвѣжій мѣхъ очень тепелъ и хорошей цѣнится очень дорого. Медвѣжьи окорока вкусны; а охотники хорошо покушать любятъ въ особенности медвѣжьи лапы.

На берегахъ Ледовитаго океана и даже на его плавающихъ льдахъ водятся громадные *бѣлые медведи*. Они бываютъ до сажени въ длину, отлично плаваютъ, смѣлы и кровожадны, но питаются по большей части рыбою и *морскими* звѣрями. Бѣлый медвѣдь въ берлоги не забивается и на зиму не засыпаетъ.

Енотъ, мѣхъ котораго такъ часто употребляется на шубы, есть тоже небольшое стопоходящее животное, которое водится въ сѣверной Америкѣ, по берегамъ рѣкъ, и любитъ полоскать пищу въ водѣ, за что и зовутъ его также *полоскуномъ*.

ХОРЕКЪ

Въ нашихъ деревянныхъ домахъ заводится часто тайный врагъ, котораго видѣть очень трудно; но слѣды его присутствія появляются послѣ каждой ночи. Ключница, отправившаяся поутру въ погребъ, находитъ, что кринки съ молокомъ опрокинуты и яйца, которыя, казалось, спрятала она очень тщательно, выпиты; хозяйка, завернувши въ птичникъ, видитъ страшное опустошеніе: пять-шесть цыплятъ лежатъ безъ головъ, и кровь изъ нихъ, видимо, выпита. Достается также курамъ, индѣйкамъ, кроликамъ; но попадаетъ также мышамъ и крысамъ. Этотъ невидимый хищникъ и разоритель, появляющійся изъ своихъ глубокихъ норъ только по ночамъ, не кто другой, какъ *хорекъ*, или *тхоръ*. Хорекъ—небольшое, но очень смѣлое и *кровожадное* животное, любящее питаться только кровью звѣрковъ и птицъ. Всѣ его зубы очень остры; рѣзцы и клыки нѣсколько изогнуты, коренные

зубы имѣютъ на коронкахъ острые бугорки, а невтяжные когти его такъ крѣпки, что хорекъ часто съ успѣхомъ защищается противъ большой собаки. Хорекъ величиною съ кошку, но только гораздо ниже и потоньше ея, съ нѣскольکو выгнутой спиной, съ мохнатымъ, довольно длиннымъ хвостомъ и короткими ногами о пяти пальцахъ. Гибкое, тонкое тѣло хорька густо покрыто желтоватымъ пухомъ и темными волосами, концы которыхъ черны; ноги и хвостъ чернаго цвѣта; на мордочкѣ бѣлыя пятна, края ушей тоже бѣлые. Хорекъ очень длиненъ и тонокъ; голова у него маленькая, и потому онъ пролѣзаетъ даже въ небольшія щели. Мѣхъ его тепелъ, красивъ и употребляется на шубы, но имѣетъ непріятный запахъ.

Хорекъ въ $\frac{1}{5}$ естеств. величины.

Къ семейству хорьковъ принадлежитъ множество *пушиныхъ* звѣрей, небольшихъ, но отличающихся своимъ прекраснымъ мѣхомъ, который иногда цѣнится очень дорого. Мы перечислимъ самыхъ замѣчательныхъ изъ звѣрковъ хорьковаго семейства, которые всѣ устройствомъ тѣла очень похожи другъ на друга: 1) *Соболь* водится только въ большихъ лѣсахъ, въ горахъ Сибири и Сѣверной Америки. Онъ гнѣздится обыкновенно въ дуплахъ деревьевъ, подъ колодами и между камнями. Соболь очень похожъ на хорька, только хвостъ у него длиннѣе, пушистѣе, мордочка острѣе и мѣхъ гуще, теплѣе и красивѣе. Шкура иного соболя стоитъ рублей до 100 и дороже. 2) *Куница* живетъ въ лѣсахъ Европы и средней Азии. Она, какъ и соболь, отлично лазитъ по деревьямъ, гоняясь за птичками. Мѣхъ куницы также очень хорошъ, но дешевле собольяго. 3) *Ласочка*, или *ласка*, лѣтомъ красновато-бурая, а зимою съ бѣловато-бурыми пятнами, водится во всей Россіи. Хотя она также душитъ цыплятъ, какъ и хорекъ, но наши деревенскія хозяйки очень ее любятъ за то, что она усердно истребляетъ мышей. 4) *Горноста*, зимою весь бѣлый, но съ чернымъ кончикомъ хвоста, похожъ на ласку, но больше рос-

томъ, мѣхъ его пушистѣе, теплѣе и цѣнится дорого. 5) Къ одному же семейству съ хорьками принадлежит и *выдра*, живущая по берегамъ небольшихъ рѣчекъ. Она по преимуществу кормится рыбой, но не пропускаетъ и маленькихъ звѣрковъ; плаваетъ и ныряетъ отлично. Сюда же относится *морская выдра*, которая, величиною съ тюленя, водится въ сѣверной части Тихаго океана и доставляетъ самый дорогой мѣхъ, такъ называемый *морской* или *камчатскій* боберъ. 6) Рыбою кормится также и *норка*, мѣхъ которой, красноватобураго цвѣта, идетъ на шубы.

Всѣхъ животныхъ хорьковаго семейства охотники безжалостно преслѣдуютъ—иногда ружьемъ, а иногда капканами.

Примѣчаніе. Всѣ вышеописанныя животныя, начиная съ кошки, принадлежатъ по формѣ зубовъ къ отряду *хищныхъ*.

БѢЛКИ, ЗАЙЦЫ, МЫШИ И ДРУГІЕ ГРЫЗУНЫ.

Навѣрное каждому изъ васъ знакома бѣлка: это маленькое, красивое, проворное созданіе съ остренькой мордочкой, цѣпкими лапками и длиннымъ пушистымъ хвостомъ, который она загибаетъ на спину и на голову, когда сидитъ, и разстилаетъ по воздуху, когда прыгаетъ. Но если бѣлочка попадетъ вамъ въ руки, то разсмотрите хорошенько этого маленькаго звѣрка, котораго, за его проворство, смышленность и ловкость, иные называютъ обезьяною сѣверныхъ лѣсовъ. Переднія ноги ея короче заднихъ; вотъ почему она прыгаетъ лучше, чѣмъ бѣгаетъ. На переднихъ лапахъ у бѣлки по четыре пальца, а пятый такъ малъ, что его можно счесть за бородавку; на заднихъ лапкахъ пять пальцевъ; на каждомъ пальцѣ по одному цѣпкому когтю. Бѣлка охотно сидитъ на заднихъ лапкахъ и ловко держитъ въ переднихъ лапахъ—орѣхъ, желудь, каштанъ, яблоко, почку дерева или какое-нибудь сѣмячко. Голова у бѣлки небольшая, почти четырехугольная; верхняя губа раздвоена; верхняя челюсть замѣтно длиннѣе нижней. Всего замѣчательнѣе зубы бѣлки: спереди у нея 4 острыхъ четырехгранныхъ рѣзца—два вверху и два подлиннѣе внизу, но такъ какъ

нижняя челюсть у бѣлки короче, то верхніе рѣзцы заходятъ за нижніе. Клыковъ у бѣлки вовсе нѣтъ, и тамъ, гдѣ они бывають у другихъ животныхъ, остается довольно значительный промежутокъ, за которымъ въ обѣихъ челюстяхъ и по обѣ стороны помѣщены плоскіе коренные зубы съ насѣчками, для перемалыванія изгрызенной пищи. Рѣзцы у бѣлки, какъ и у другихъ, подобно ей, *грызущихъ* животныхъ, обладаютъ замѣчательнымъ свойствомъ: стираясь отъ безпрестаннаго употребленія, они безпрестанно подрастають. Если бѣлку долго держать въ клѣткѣ и не давать ей ничего грызть, то рѣзцы у нея такъ вырастутъ, что она не будетъ въ состояніи ѣсть. Устройство челюстей и зубовъ бѣлки ясно показываетъ, что ей суждено не рвать, не откусывать и не глотать цѣпкомъ, а *грызть* свою пищу; и въ самомъ дѣлѣ, какъ вы вѣроятно замѣтили, бѣлка прогрызаетъ скорлупу самаго твердаго орѣха съ необыкновеннымъ проворствомъ и потомъ принимается также грызть и зерно.

Бѣлка въ $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

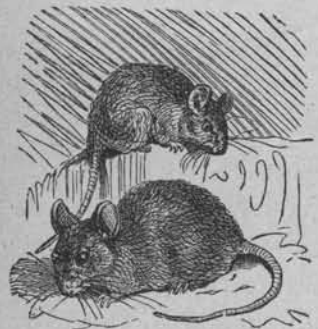
Бѣлка устраиваетъ себѣ гнѣзда на деревьяхъ и очень искусно защищаетъ ихъ отъ вѣтра, снѣга и холода. Въ пустыя дупла деревьевъ собираетъ она себѣ на зиму запасы—различнаго рода орѣховъ, плодовъ и древесныхъ сѣмянъ. Она обладаетъ зоркими глазами, сильнымъ чутьемъ, необыкновенно проворными ножками, съ быстрою стрѣлою перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, прыгаетъ съ вершины дерева на землю и не убивается; но все это не всегда спасаетъ ее отъ зубовъ нѣкоторыхъ хищныхъ звѣрей, отъ когтей орла и отъ пули охотника, для котораго нужна ея пушистая, мягкая шкурка. Охотятся на бѣлокъ зимою, когда шерсть ихъ гуще, чѣмъ лѣтомъ, и сѣраго цвѣта, тогда какъ лѣтомъ она рыжая.

Бѣлка принадлежитъ къ обширному отряду животныхъ, которыя все, по устройству своихъ зубовъ, похожи на бѣлку и называются *грызунами*. Отрядъ грызуновъ очень многочисленъ. Къ нему принадлежитъ болѣе 600 видовъ различныхъ животныхъ. Изъ этихъ животныхъ мы перечислимъ только тѣхъ, которыя намъ болѣе извѣстны или которыя чаще попадаются намъ на картинкахъ.

Заяцъ въ $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Заяцъ два переднихъ зуба, въ верхней у него четыре: два спереди—большіе, и два сзади—маленькіе. Нижніе передніе зубы сходятся вершинками только съ маленькими верхними, а передними верхними зубами заяцъ упирается въ то, что грызеть. Задними верхними рѣзцами заячье семейство, заключающее въ себѣ нѣсколько различныхъ родовъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ семействъ отряда грызуновъ.

Но если уже кого-нибудь можно назвать неутомимыми грызунами, то это, безъ сомнѣнія, крысы и мыши. Эти грызутъ все: прогрызаютъ полы, изгрызаютъ мебель, платья, книги, раштены, и острые зубы ихъ, устроенные какъ у бѣлки, наносятъ много вреда и въ кладовыхъ, и на поляхъ. Мышиныхъ видовъ очень много: одни живутъ въ домахъ, другія на поляхъ, третьи по берегамъ рѣчекъ.

Лѣнивый, толстый *байбакъ*, засыпающій на зиму, *сурокъ*, живущій у насъ въ степяхъ, *сусликъ*, или *овражекъ*, который такъ вреденъ въ нашихъ степяхъ,—все эти животныя, хотя и грызуны,

но болѣе другихъ любятъ рыться въ землѣ и вырывать себѣ для жилья глубокия и длинныя норы; они составляютъ особое *сурковое* семейство отряда *грызуновъ*.

Бобръ, мѣхъ котораго цѣнится довольно дорого, по устройству зубовъ, тоже грызунъ; но такъ какъ онъ частію живетъ въ водѣ и частію на сушѣ, то ноги и хвостъ его имѣютъ замѣчательныя особенности: хвостъ покрытъ чешуею, а между пальцами заднихъ ногъ растянута плавательная перепонка. Бобръ устраиваетъ свое жилье по берегамъ рѣчекъ, гдѣ роетъ длинныя норы, выходящія въ воду. Тамъ же, гдѣ бобровъ не пугаетъ человекъ, они устраиваютъ у бере-

Бобръ въ $\frac{1}{10}$ естественной величины.

говъ и на отмеляхъ замѣчательныя жилища изъ вѣтокъ, колевь, травъ, скрѣпляя все это клейкою глиною. Эти дома бобровъ имѣютъ два этажа: нижній скрытъ подъ водою; верхній же сухой, гдѣ болшею частію лежитъ самъ бобръ, находится надъ поверхностью воды. Но такъ какъ вода въ рѣчкѣ, прибывая и подымаясь весной или отъ дождей, могла бы потопить и верхнее жилье, то бобры, собравшись цѣлымъ обществомъ и дружно помогая одинъ другому, огораживаютъ свои жилища большими и крѣпкими плотинами изъ колевь, хворосту, травы и глины. Изъ этого вы уже видите, какъ уменъ и смѣливъ бобръ; онъ такъ-же запасливъ и остороженъ. Лѣтомъ онъ собираетъ пищу (болшею частію вѣтки молодыхъ деревьевъ) на дол-

гую зиму и устраивает на всякій случай нѣсколько выходовъ изъ своего жилья. При малѣйшей опасности бобръ уходитъ въ воду, а если опасность грозитъ изъ воды, то выходитъ на сушу. Но, не смотря на весь свой умъ, бобръ часто дѣлается добычею охотниковъ, потому что шкура его мягка, тепла, пушиста и цѣнится довольно дорого.

КРОТЪ.

Кротъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ млекопитающихъ, которыя находятъ себѣ пищу подъ землею; за то и весь организмъ крота приспособленъ къ подземной жизни. Длинною онъ бываетъ, вмѣстѣ съ хвостомъ, немногое трехъ вершковъ. Его длинная головка оканчивается хоботообразнымъ рыльцемъ; на концѣ рыльца твердый подвижной хрящъ, какой мы уже видѣли у свиньи, тоже любящей

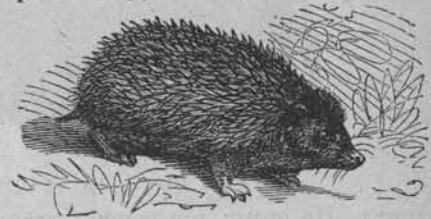
Кротъ въ $\frac{1}{2}$ естественной величины.

взрывать землю. Головка крота соединяется незамѣтно съ длиннымъ, ровнымъ туловищемъ; короткія лапы очень невелики сравнительно съ туловищемъ, и переднія, которыя гораздо сильнѣе заднихъ, прекрасно приспособлены къ тому, чтобы ими вырывать и выбрасывать землю: онѣ вывернуты наружу и снабжены пятью широкими и твердыми когтями. Сначала кротъ носомъ разроетъ, разрыхлитъ землю, а потомъ передними лапами прокладываетъ себѣ дорогу. Заднія ноги крота гораздо слабѣе переднихъ и обращены подошвами внизъ; онѣ служатъ кроту только для передвиженія. Всѣ отверстія на головѣ крота очень тщательно защищены отъ земли, которая могла бы туда попасть: кожа, спускающаяся съ верхней губы, прикрываетъ ротъ; а густые волосы закрываютъ маленькіе черные глазки, которые такъ малы и незамѣтны, что многіе считаютъ крота слѣпымъ. Волоса защищаютъ также уши крота или, лучше сказать, ушные отверстія, потому что ушныхъ раковинъ у крота

взрывать землю. Головка крота соединяется незамѣтно съ длиннымъ, ровнымъ туловищемъ; короткія лапы очень невелики сравнительно съ туловищемъ, и переднія, которыя гораздо сильнѣе заднихъ, прекрасно приспособлены къ тому, чтобы ими вырывать

нѣтъ. Все тѣло крота покрыто мягкимъ, скользкимъ, лоснящимся мѣхомъ черного цвѣта.

Многіе думали прежде, что кротъ питается корнями растений и потому очень вреденъ для полей, садовъ и лѣсовъ; но, осмотрѣвши внимательно зубы животнаго, убѣдились, что они у крота вовсе не такъ устроены, какъ у грызуновъ, напр., у зайца или бѣлки. Въ верхней челюсти у крота 6, а въ нижней 8 острыхъ переднихъ зубовъ; за ними—очень острые согнутые клыки, а потомъ идутъ очень острые коренные зубы; слѣдовательно, кротъ—маленькій хищникъ. И дѣйствительно, въ желудкѣ кротовъ находили яички и личпки насѣкомыхъ, дождевыхъ червей и другихъ вредныхъ для полей маленькихъ животныхъ, но ни кусочка какого-нибудь растенія. Вотъ почему крота, равно какъ и ежа, причисляютъ къ отряду животныхъ *насекомоядныхъ*, которыя приносятъ пользу растеніямъ, истребляя вредныхъ насѣкомыхъ.

Ежъ въ $\frac{1}{2}$ естеств. величины.

Норы крота вырыты очень искусно: это цѣлыя подземныя зданія со множествомъ галлерей и переходовъ. Тѣ небольшія, черныя кучки земли, которыхъ такъ много нарывають кроты повсюду, содержатъ отверстія, служація для прохода воздуха въ подземныя жилища кротовъ; безъ нихъ кроту нельзя было бы дышать. Кромѣ истребленія насѣкомыхъ, вредныхъ корнямъ растеній, пользы отъ кротовъ мало; впрочемъ, изъ шкуръ ихъ выдѣлываютъ иногда очень непрочный и потому недорогой мѣхъ.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

Каждому, вѣроятно, случалось видѣть летучую мышъ, когда она, въ сумерки, снуетъ взадъ и впередъ около жилыхъ мѣстъ. По величинѣ и устройству головы и туловища, она нѣсколько походитъ на обыкновенную мышъ; но въ устройствѣ конечностей имѣетъ много особенностей. Голова и туловище летучей мыши покрыты мягкими, темносѣ-

рыми волосами, которые на брюшкѣ принимаютъ свѣтло-сѣрый оттѣнокъ; носъ у нея тупой, плоскій, съ двумя очень замѣтными ноздрями, образующими длинные разрѣзы, идущіе кверху; глаза маленькіе и уши большія, съ особымъ отросткомъ въ серединѣ; широкій ротъ вооруженъ очень острыми зубами. Разсматривая крылья летучей мыши, мы вовсе не замѣчаемъ на нихъ перьевъ, какъ у птицъ: это тонкая, полупрозрачная перепонка, соединяющая и покрывающая сверху конечности животного, изъ которыхъ двѣ переднія гораздо длиннѣе

Летучая мышь въ $\frac{1}{2}$ естественной величины.

заднихъ. По этому признаку летучихъ мышей причисляютъ къ отряду *рукокрылыхъ* млекопитающихъ животныхъ. Изъ-подъ перепонки, соединяющей конечности и хвостъ, выдается по пяти пальцевъ заднихъ ногъ, съ острыми когтями; четыре очень длинныхъ пальца на двухъ переднихъ ногахъ соединены перепонкою, а одинъ палецъ остается свободенъ и вооруженъ острымъ, цѣпкимъ когтемъ, въ видѣ крючка. У летучей мыши очень много железъ, отдѣляющихъ жирную, зловонную жидкость, которою она увлажаетъ себѣ тѣло и перепонку.

Днемъ летучихъ мышей не видно; только въ сумерки вылетаютъ онѣ изъ своихъ притоновъ, находящихся обыкновенно подъ крышами, въ разрушенныхъ и покинутыхъ зданіяхъ, овинахъ или въ дуплахъ деревьевъ. Далеко отъ своихъ притоновъ летучія мыши не рѣшаются отлетать:—много-много, если шаговъ на сто. За то это небольшое пространство пролетаютъ онѣ разъ двадцать въ минуту, безпрестанно на лету описывая неправильныя линіи: бросаясь изъ стороны въ сторону, ловятъ онѣ ночныхъ бабочекъ, жучковъ и другихъ насѣкомыхъ. Съ наступленіемъ темной ночи возвращаются онѣ опять въ свои притоны и засыпаютъ до вечера. Летучія мыши принадле-

жать къ числу животныхъ зимоспящихъ; осенью онѣ отыскиваютъ мѣста темныя, сырыя, но защищенныя отъ стужи, и тамъ, уцѣпившись за что-нибудь задними ногами и совершенно повиснувъ на нихъ головою внизъ, спятъ всю зиму.

Въ маѣ самка приноситъ не больше двухъ дѣтенышей. Только что родившаяся летучая мышь крѣпко прицѣпляется къ груди матери, носится съ нею повсюду и питается ея молокомъ въ продолженіе 10-ти недѣль; по истеченіи же этого времени, почувствовавъ въ себѣ достаточно силъ, молодая мышь оставляетъ мать и отправляется сама отыскивать пищу.

Сняться съ ровной земли, какъ птица, и подняться вверхъ летучая мышь не можетъ; чтобы полетѣть, она должна непременно взобраться на возвышеніе и броситься съ высоты на воздухъ, который тогда упрется въ ея перепонку, какъ упирается наприкладъ въ зонтикъ, если, держа его въ рукахъ, прыгнуть съ высоты. Кромѣ способности летать, летучія мыши могутъ ползать; цѣпляясь своимъ крючковатымъ когтемъ переднихъ ногъ и хватаясь попеременно то правымъ, то лѣвымъ пальцемъ, подвигаются онѣ впередъ, хотя очень медленно и съ трудомъ. Летучія мыши—существа не только совершенно безвредныя, но, напротивъ, полезныя, потому что истребляютъ вредныхъ насѣкомыхъ.

МАРТЫШКА.

Въ Европѣ чаще другихъ обезьянъ можно видѣть такъ называемую *мартышку*, не только въ звѣринцахъ, но и на плечахъ шарманщиковъ, разгуливающихъ съ нею по улицамъ большихъ городовъ. Особый видъ мартышекъ, *маго*, не имѣющій хвоста, водится въ сѣверной Африкѣ, но переселился на скалы у Гибралтара, гдѣ живетъ до сихъ поръ въ небольшомъ числѣ.

Обезьянъ существуетъ много породъ, и всѣ онѣ свойственны только жаркимъ странамъ, приче́мъ американскія обезьяны отличаются отъ обезьянъ Стараго Свѣта.

Орангутанъ въ $\frac{1}{20}$ естеств. велич.

По устройству тѣла обезьяна имѣетъ нѣкоторое сходство съ человѣкомъ; въ крупныхъ видахъ обезьянъ сходство это выдается еще рѣзче; мартышка же ростомъ рѣдко бываетъ выше аршина. Тѣло мартышки все покрыто сѣрыми волосами, и одно только лицо остается свободнымъ отъ волосъ и бываетъ тѣлеснаго цвѣта; хвостъ иногда длинный, иногда едва замѣтный.

У американскихъ обезьянъ хвостъ очень длиненъ и цѣпокъ, т. е. онѣ могутъ концомъ хвоста уцѣпиться за вѣтку дерева и висѣть внизъ головою. Голова мартышки отличается отъ головы ребенка сильно выдающимся впередъ лицомъ, не выдающимся, плоскимъ подбородкомъ, разстояніемъ между глазами и заходящими одинъ за другой клыками. Число и названіе зубовъ вообще такое, какъ и у человѣка; но конечности устроены нѣсколько иначе: у обезьянъ на всѣхъ четырехъ конечностяхъ большой палецъ, какъ на рукахъ человѣка, отдѣленъ отъ другихъ пальцевъ, такъ что обезьяна можетъ задними конечностями хватать предметы, какъ мы это дѣлаемъ руками. Такое устройство конечностей мѣшаетъ обезьянамъ свободно ходить, но даетъ возможность превосходно лазать.

Мартышки живутъ въ лѣсахъ теплаго пояса, по большей части стадами. На деревья взбираются онѣ, обхватывая стволъ, а не цѣпляясь за кору ногтями. По землѣ ходятъ съ трудомъ, ступая на всѣ четыре конечности. Хотя плоды и составляютъ главную ихъ пищу, но онѣ ѣдятъ также насѣкомыхъ и яйца маленькихъ птичекъ.

Хищническіе походы свои онѣ совершаютъ всегда подъ предводительствомъ стариковъ. Обезьяны вообще живы, вертлявы, проворны, хитры, перенчивы; но, старѣясь, глупѣютъ и дѣлаются злыми; ручными становятся, по большей части, съ трудомъ. Страсть ихъ къ подражанію извѣстна всѣмъ.

Кромѣ мартышки, мы замѣтимъ между прочими еще одну большую обезьяну—*орангутана*, живущаго только въ лѣсахъ жаркаго климата, на островѣ Борнео. Орангутанъ ростомъ бываетъ съ 12-тилѣтняго ребенка, но верхнія руки у него доходятъ до ступней. Взрослый онъ свирѣпъ и не дается живой; но, взятый маленькимъ, легко дѣлается ручнымъ. Орангутанъ устраиваетъ себѣ гнѣзда на высокихъ деревьяхъ. Перевезенный въ страны, имѣющія болѣе холодный климатъ, скоро умираетъ отъ болѣзни легкихъ.

Въ тропическихъ лѣсахъ западной Африки живетъ обезьяна *горилла*, которая ростомъ съ взрослога человѣка и очень свирѣпа.

Примѣчаніе. Мы узнали теперь 7 *отрядовъ* животныхъ: 1) копытныхъ, 2) хоботныхъ, 3) хищныхъ, 4) грызуновъ, 5) насѣкомоядныхъ, 6) рукокрылыхъ, 7) обезьянъ. Составьте табличку всѣхъ животныхъ, о которыхъ мы прочли. Повторите по табличкѣ все, что прочли о животныхъ.

ТЮЛЕНЬ.

Тюлень живетъ въ моряхъ, чаще въ сѣверныхъ, изъ которыхъ заходитъ иногда въ устья рѣкъ. Голова его похожа на собачью, и звуки, которые онъ издаетъ,—на лай. Трудно себѣ представить, что тюлень—животное млекопитающее; но, тѣмъ не менѣе, это справедливо, и маленькіе родившіеся тюленьчики питаются молокомъ матери. Массивное туловище тюленя удлинено и сверху приплюснуто; толстая кожа покрыта короткими, гладкими, довольно жесткими волосами. Великоною совершенно взрослый тюлень бываетъ около 2-хъ аршинъ. На круглой головѣ у него замѣтны ушные отверстия съ клапанами и большіе ласковые глаза; ноздри, при погруженіи животнаго въ воду, закрываются также особенными клапанами; во рту находятся острые зубы, похожіе на зубы хищныхъ млекопитающихъ. Короткія, загнутыя назадъ, широкія переднія ноги тюленя называются *ластами*;

онѣ плохо служатъ для ходьбы по сушѣ, но зато отлично исполняютъ должность весель при плаваніи. Что ласты назначены для послѣдняго употребленія, это замѣтно и по перепонкѣ, соединяющей и

Тюлень въ $\frac{1}{15}$ естественной величины.

покрывающей пальцы. На заднихъ, сильно повернутыхъ назадъ ногахъ, служащихъ тюленю при плаваніи вмѣсто руля, перепонка идетъ еще дальше, и пальцы едва замѣтны. По особому устройству своихъ конечностей, называемыхъ ластами, тюлени причисляются къ особому отряду животныхъ—*ластоногихъ*, куда принадлежатъ еще моржи и сивучи, тоже жирные обитатели холодныхъ морей.

Тюлени очень добрыя и смирныя животныя. Они съ любопытствомъ высовываютъ свои головы изъ воды, когда слышатъ шумъ, но такъ же быстро и прячутся. Плаваютъ они на брюхѣ и на спинѣ, ныряютъ отлично, живутъ болѣе въ водѣ, чѣмъ на сушѣ, но не могутъ долго пробыть подъ водою: имъ непременно надобно вынырнуть, чтобы выдохнуть изъ легкихъ испортившійся воздухъ и вдохнуть свѣжій. Зимой тюлени пробиваютъ ледъ, чтобы просунуть сквозь него морду и подышать воздухомъ, чего рыбы не дѣлаютъ, обладая жабрами, добывающими воздухъ изъ воды. Тюлени часто выходятъ на берегъ или на льдину, чтобы отдохнуть или покормить своихъ дѣтенышей, которыхъ, впрочемъ, не оставляютъ на берегу, но уносятъ въ воду, придерживая ихъ передними ластами. На сушѣ тюлени очень неповоротливы, а потому ихъ легко убиваютъ, ударяя по головѣ чекушею (дубиною) или вонзая въ толстое тѣло острые крючья.

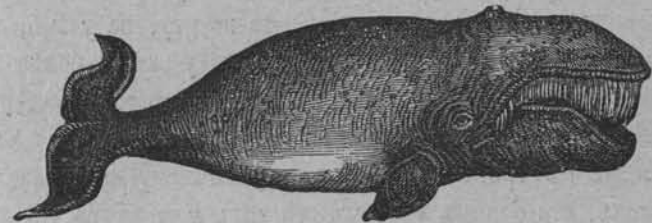
Питаются они рыбами, моллюсками (водяныя животныя, похожія на улитокъ) и другими морскими животными.

Пользу людямъ приносятъ тюлени своимъ жиромъ, котораго у всѣхъ *ластоногихъ* очень много, и кожею, идущею на различныя подѣлки. Тюленью кожу съ шерстью можно иногда видѣть у насъ на ранцахъ, ящикахъ и погребцахъ. Жиръ тюлений извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ ворвани и идетъ, большею частью, на выдѣлку кожъ.

Моржъ—тоже ластоногое животное и похожъ и видомъ, и образомъ жизни на тюленя, но онъ значительно больше тюленя, а два большіе, торчащіе внизъ клыка на верхней челюсти отличаютъ моржей съ перваго взгляда. Кость моржевыхъ клыковъ употребляется на различныя подѣлки; но она не такъ бѣла и крѣпка, какъ слоновою.

КИТЪ.

„*Чудо-юдо рыба китъ*“, говорится въ русскихъ сказкахъ; но въ томъ-то и дѣло, что китъ вовсе не рыба, а звѣрь,—такое же млекопитающее животное, какъ корова или лошадь, и что киту, хоть изрѣдка, необходимо высовывать голову изъ воды, чтобы подышать воздухомъ, которымъ дышимъ и мы съ вами. Но китъ, не будучи рыбой, которая, какъ вы знаете, дышитъ жабрами и не питается въ

Китъ въ $\frac{1}{300}$ естественной величины.

дѣтствѣ молокомъ матери, по формѣ тѣла такъ похожъ на рыбу, что его причислили къ особому отряду животныхъ—*китообразныхъ*, куда относится и дельфинъ, о которомъ вы, можетъ быть, слышали; но у дельфина есть зубы, а у кита зубовъ нѣтъ.

Величина и тяжесть кита таковы, что изъ сорока слоновъ можно было бы слѣпить не болѣе одного кита. Въ длину онъ бываетъ иногда до десяти сажень. Голова кита несоразмѣрно велика и со-

ставляет почти треть его тѣла. Въмѣсто переднихъ ногъ у него два плавника, а задняя часть тѣла оканчивается широкимъ хвостомъ, лежащимъ горизонтально; это такъ называемый *плесъ*. Уши у кита очень малы, а небольшіе глаза его помѣщаются почти у самыхъ плавниковъ. Ноздри находятся на вершинѣ головы, и когда животное, поднявшись изъ воды, съ силой выдыхаетъ воздухъ, то сгустившійся въ немъ отъ холода водяной паръ и водяныя брызги образуютъ видъ фонтана саженн въ двѣ высоты. Кривой ротъ въ длину имѣетъ до двухъ саженъ, а въ ширину немного менѣе; языкъ бываетъ саженн въ три; но глотка такая маленькая, что въ нее едва можно просунуть руку. Зубовъ у кита нѣтъ, а на ихъ мѣстѣ въ верхней челюсти находится до 360 роговыхъ пластинокъ, изъ которыхъ каждая бываетъ до двухъ саженъ длиною и въ полвершка шириною, а къ концу растрепливается на мелкія волокна. Изъ кита этихъ роговыхъ пластинокъ добываютъ до 60-ти пудовъ и онѣ извѣстны подъ именемъ *китоваго уса*, который вы, вѣроятно, видели. Пластинки эти служатъ киту вмѣсто невода для удерживанія между ними мелкихъ морскихъ животныхъ, которыми онъ кормится. Зачерпывая огромное количество воды своимъ широкимъ ртомъ, китъ пропускаетъ ее обратно сквозь свои усы; все, что можетъ служить киту для пищи, остается у него во рту, за усамн, и идетъ въ глотку. Плавники, которые бываютъ у кита болѣе саженн, замѣняютъ ему также и руки. Китовая самка иногда поддерживаетъ ими своихъ дѣтенышей, когда тѣ устанутъ плавать. Хвостъ у кита саженн въ три въ ширину и служитъ ему для плаванія; онъ такъ силенъ, что однимъ ударомъ его китъ можетъ не только опрокинуть, но разбить въ щепы большую лодку. Подъ кожей у этого громаднаго звѣря холодныхъ морей лежитъ слой жира, толщиною иногда въ полъ-аршина и болѣе. Китовый усъ и китовый жиръ, называемый въ продажѣ *ворванью*, употребляется въ различныхъ производствахъ. Несмотря на величину свою, китъ питается только самыми маленькими рыбками, моллюсками, раками и т. п. небольшими водяными животными. Онъ плаваетъ очень быстро и проплываетъ иногда въ часъ до 20-ти верстѣ. Подъ водою китъ можетъ оста-

ваться минутъ двадцать и даже больше; но потомъ ему необходимо выплыть на поверхность воды и разъ десять вдохнуть въ себя воздухъ.

Множество кораблей отправляется для ловли китовъ въ сѣверныя моря. Одинъ изъ матросовъ садится на мачту и смотритъ, не видно ли гдѣ-нибудь кита. Какъ только сторожевой увидитъ чудовище, то даетъ знать объ этомъ; тогда съ корабля спускаютъ лодку съ матросами и гарпунщиками. Въ рукахъ у гарпунщиковъ длинныя, острые желѣзные шесты съ крючками (гарпуны), привязанные на длинной веревкѣ. Тихо подплываетъ лодка къ громадному животному, и гарпунщикъ изо всей силы вонзаетъ въ него свое оружіе; въ ту же минуту китъ опускается въ воду, и канатъ, къ которому привязанъ гарпунъ, бѣжитъ съ лодки съ такою силою и быстротою, что если онъ нечаянно какъ-нибудь попадетъ на человѣка, то разрѣжетъ его въ то же мгновеніе. Побывъ подъ водою нѣсколько времени, китъ непременно долженъ вынырнуть наверхъ, чтобы подышать воздухомъ. Тогда опять вонзаютъ ему въ тѣло гарпуны и острые копыя; море окрашивается кровью животнаго. Китъ бьется въ это время съ такою силою, что удары его тяжелаго хвоста по водѣ бываютъ слышны за нѣсколько верстѣ. Наконецъ онъ истекаетъ кровью, теряетъ силы, поворачивается на бокъ и издыхаетъ. Тогда подтягиваютъ кита къ кораблю, сходятъ на громадное животное, какъ на островъ, вырѣзываютъ жиръ, а изъ пасти достаютъ усы, остальное же бросаютъ на жертву акуламъ и другимъ хищникамъ. Теперь китовъ часто убиваютъ, стрѣляя въ нихъ изъ особаго вида пушекъ; но нужно стрѣлять гарпуномъ, къ которому привязана веревка, потому что китъ тонетъ въ водѣ, если не придерживается веревкою.

Примѣчаніе. Еще узнали мы два новые разряда звѣрей: *ластоношанъ* и *китообразныхъ*. Прибавьте ихъ къ табличкѣ и повторите прочитанное.

КАНАРЕЙКА.

Желтенькая канарейка — одна изъ самыхъ маленькихъ птичекъ; но и въ ея тѣльцѣ, покрытомъ перьями, много замѣчательнаго. Перышки у канарейки двухъ сортовъ: однѣ, маленькія и мягкія, называются пухомъ; другія, побольше и потверже — собственно перья; самыя большія въ хвостѣ и крылышкахъ. Каждое перышко устроено

такъ: въ немъ есть стержень и опахало; снизу стержень пустъ и прозраченъ, сверху украшенъ узкими, мягкими пластинками, которыя плотно сдѣляются между собой и образуютъ опахало. У канарейки круглая головка съ двумя черными круглыми глазами, которые закрываются не двумя вѣками, какъ у насъ, а тремя: это третья вѣка есть *мигательная перепонка*, выдвигающаяся, когда нужно, изъ внутреннихъ угловъ глазъ. Головка оканчивается твердымъ толстенькимъ клювомъ, заостреннымъ къ концу. Когда канарейка откроетъ свой клювъ, то можно видѣть, что у нея нѣтъ зубовъ, хотя и есть языкъ. Клювъ или носикъ канарейки, какъ его обыкновенно называютъ, состоитъ изъ двухъ частей: верхней и нижней, напоминающихъ наши челюсти. На верхней части клюва можно замѣтить двѣ маленькія дырочки: это ноздри канарейки. Ушей у канарейки не видать; но однако не трудно убѣдиться, что канарейка слышитъ очень хорошо; а если она слышитъ, то, слѣдовательно, у нея долженъ быть въ головѣ слуховой органъ, хотя снаружи и нѣтъ ушныхъ раковинъ.

Туловище у канарейки овальное, похожее формою на яйцо. Между туловищемъ и головою — шейка съ звонкою гортанью; позади туловища — хвостъ. По бокамъ у канарейки, вмѣсто рукъ, два крыла. Крылья состоятъ изъ костей, какъ и ноги млекопитающихъ, и къ нимъ прикрѣпляются твердые, такъ называемыя, *маховыя* перья. Махая крыльями, канарейка поддерживаетъ себя на воздухѣ, т. е. летаетъ.

Внизу туловища двѣ ноги, и на каждой ногѣ по четыре пальца: три идутъ впередъ, а одинъ назадъ. Такое устройство пальцевъ даетъ птичкѣ возможность держаться на вѣтвяхъ. На пальцахъ когти изъ твердаго, рогового вещества, изъ котораго состоитъ и оболочка клюва. Канарейка не можетъ переступить нога за ногу, какъ ходить, напримеръ, пѣтухъ, и если не летаетъ, то прыгаетъ обѣими ногами разомъ. Канарейка поетъ очень пріятно, и ее причисляютъ къ числу

Канарейка въ $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

пѣвчихъ птицъ. Она очень мило купается и разглаживаетъ клювомъ свои перышки. Кормить ее канареечнымъ и коноплянымъ сѣменемъ, булкою, сахаромъ, зеленымъ салатомъ и другою травкою. Канарейка поетъ только при свѣтѣ, а въ темнотѣ засыпаетъ. Осенью и весною канарейка линяетъ, т. е. теряетъ свои перышки, на мѣсто которыхъ вырастаютъ другія, и на это время она прекращаетъ свои пѣсни. Въ иныхъ домахъ разводять канареекъ и потому держать ихъ по нѣсколько паръ въ большой клѣткѣ, приготовляя для нихъ по угламъ гнѣздышки и хлопчатую бумагу. Въ эти гнѣздышки канарейка сама наноситъ хлопчатой бумаги, накладываетъ собственныхъ своихъ перышекъ и пуху, а потомъ *снесетъ* туда же нѣсколько маленькихъ яичекъ блѣдно-зеленаго цвѣта съ красно-бурыми пятнышками, изъ которыхъ, черезъ двѣнадцать дней насиживания, выходятъ крошечныя канареечки, совсѣмъ голыя; мать кормитъ ихъ зернышками, которыя размягчаетъ прежде во рту, — кормитъ до тѣхъ поръ, пока птенчики не оперятся и не начнутъ летать и сами кормиться.

Канарейка дышитъ легкими, какъ и млекопитающія; у нея есть сердце, которое очень сильно бьется, когда бѣдную птичку возьмутъ въ руки; у нея есть теплая, красная кровь, протекающая въ жилахъ; есть и желудокъ, переваривающій пищу. Для жизни канарейкѣ, какъ и человѣку, необходимы пища, питье и воздухъ.

УТКА.

Утка очень мало похожа на канарейку, но, тѣмъ не менѣе, всякій легко замѣтитъ, что утка птица, а не звѣрь.

Голова утки широка, приплюснута сверху, съ длиннымъ, широкимъ роговымъ клювомъ; изогнутая шея довольно длинна, хотя короче гусиной; туловище овальное, тяжелое; у нея короткій хвостъ, довольно короткія крылья и двѣ желтоватыя ноги, каждая съ тремя пальцами напередъ, соединенными перепонкою, и однимъ малень-

Утка въ $\frac{1}{4}$ естеств. величины

кимъ позади. Эта перепонка показываетъ, что утка принадлежитъ къ числу *плавающихъ* птицъ; перепончатыми лапами своими утка загребаетъ воду, какъ веслами. Перья утокъ по цвѣту бываютъ очень разнообразны, но большею частью сѣроватаго, а у дикихъ иногда совершенно сѣраго цвѣта. Дикія утки живутъ почти постоянно на водѣ и стараются выбирать такія мѣста, гдѣ имъ удобно было бы строить свои гнѣзда. Въ эти гнѣзда онѣ кладутъ весною по 14 сѣровато-бѣлыхъ яицъ, изъ которыхъ недѣли черезъ три выходятъ утята. Какъ только утята выходятъ на свѣтъ Божій, такъ мать и ведетъ ихъ тотчасъ на воду плавать.

Утка очень прожорливая птица. Она ѣсть съ утра до поздней ночи, ѣсть все, что ни попало: щиплетъ растущую по берегамъ молодую траву, водяной мохъ, разную другую зелень и всѣ водяныя растенія; жадно глотаетъ мелкую рыбешку, рачатъ, лягушекъ и всякихъ водяныхъ, воздушныхъ и земляныхъ насѣкомыхъ; за недостаткомъ же всего этого, набиваетъ зобъ тиной и жидкою грязью, и производитъ это нѣсколько разъ въ день.

Дикія утки прилетаютъ къ намъ весною, и всю весну и лѣто онѣ живутъ парами, но къ осени собираются въ большія стаи, а при наступленіи зимы улетаютъ въ теплые края, гдѣ воды не замерзаютъ.

Изъ птицъ, болѣе известныхъ намъ, къ *плавающимъ*, кромѣ утки, принадлежатъ: лебедь, гусь, чайка и баба-птица, или пеликанъ, съ огромнымъ мѣшкомъ подъ нижней челюстью: въ этотъ мѣшокъ онѣ набираетъ рыбу.

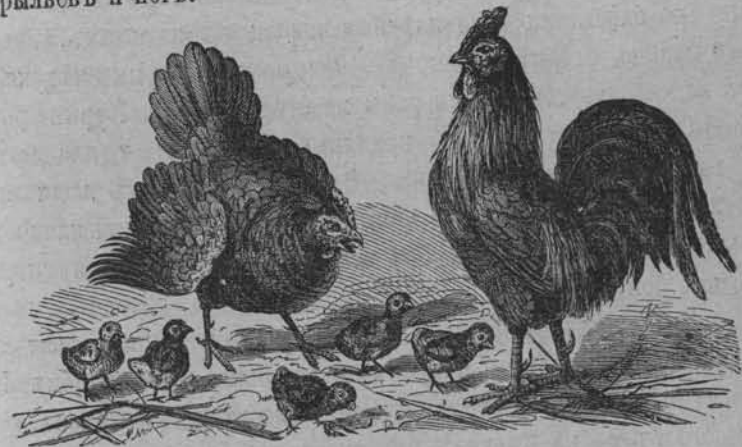
Замѣтимъ здѣсь кстати разницу между канарейкой и уткой въ выводѣ дѣтенышей. Обѣ онѣ, какъ и всякія другія птицы, несутъ яйца и, согрѣвая своимъ тѣломъ, сидятъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока изъ яицъ не выйдутъ дѣтеныши; но этимъ и оканчивается сходство. Маленькая канареечка вылупляется изъ яйца совершенно голая, безъ перьевъ, слѣпая, слабая, не имѣя силъ не только ходить или стоять, но даже клевать зерна; такъ что мать долго кормитъ ее изъ клюва въ клювъ, сначала размягчая зерна въ мягкую кашку. Утенокъ, напротивъ, выходитъ изъ яйца уже молодцомъ:

самъ, своимъ твердымъ посикомъ, разбиваетъ онѣ яичную скорлупу и является на свѣтъ съ открытыми глазами, весь въ перьяхъ, которыя, впрочемъ, еще такъ мягки, что скорѣе похожи на пухъ; на ножкахъ стоитъ онѣ крѣпко, проворно бѣгаетъ и черезъ часъ уже ловко и быстро плаваетъ по водѣ, ловитъ мошекъ, клюетъ зерно, щиплетъ травку; заботливая же мать охраняетъ его отъ охотника и хищниковъ до тѣхъ поръ, пока у него самого не подрастутъ крылья.

Всѣ птицы выводятся или какъ канарейки, или какъ утки; тѣхъ птицъ, которыя выводятся какъ канарейки, каковы: голуби, вороны, орлы, воробьи, чижики, соловьи и многое множество другихъ, называютъ *птенцовыми*, потому что онѣ долго остаются безперыми и слабыми птенцами; тѣхъ же птицъ, которыя выводятся какъ утки, каковы: гуси, утки, журавли и др., называютъ *выводковыми*.

КУРЫ.

Курица не птица — говорится въ одной русской поговоркѣ, но это несправедливо: курица птица, хотя лучше бѣгаетъ по землѣ, чѣмъ летаетъ по воздуху. Это зависитъ отъ особеннаго устройства ея крыльевъ и ногъ.

Куры въ $\frac{1}{8}$ естественной величины.

Крылья у куръ коротки и слабы, а ноги сильны. Вотъ почему курица ступаетъ твердо, шагъ за шагомъ, а не прыгаетъ обѣими но-

гами разомъ, какъ воробей. Если вамъ попадутся косточки курицы, то рассмотрите внимательно ея ногу и крыло. Вы увидите, что нога курицы состоитъ изъ слѣдующихъ частей: *бедряной кости*, которая вся спрятана въ туловищѣ; *голенн* (изъ двухъ костей), которая начинается у туловища; *плюсны* и четырехъ пальцевъ—трехъ длинныхъ, впередъ, и одного поменьше, назадъ. Въ крылѣ курицы, какъ и всякой другой птицы, мы замѣтимъ три части, какъ въ нашей рукѣ: верхнюю—плечо, среднюю—предплечье и нижнюю—кисть, съ тремя недоразвитыми пальцами. Къ кисти прикрѣплены *большія маховыя* перья крыла, а къ предплечью—*малыя маховыя* перья, такъ что птица распростираетъ свое крыло, какъ мы пальцы, и машетъ имъ, какъ мы машемъ рукою. Мускулы, управляющіе движеніемъ крыльевъ, прикрѣпляются къ грудной кости, выдающейся впередъ гребнемъ. Чѣмъ сильнѣе крылья птицы, тѣмъ и гребень выше, толще и крѣпче. У курицы слабо развито крыло и хорошо развита *нога*, а потому-то курица плохо летаетъ, но хорошо ходитъ и ловко разгребаетъ землю своими тупыми когтями.

Пѣтухъ гораздо красивѣе курицы. На головѣ и на щекахъ у него красивые, мясистые наросты—*гребешокъ* и *борода*; въ хвостѣ и крыльяхъ блестящія разноцвѣтныя перья; на плюснахъ, лопыше задняго пальца, острый отростокъ—*шпорецъ*, которымъ пѣтухъ наноситъ весьма чувствительныя раны своему сопернику. Курица робка, глуповата и смирна; пѣтухъ крикливъ, задоренъ, и два пѣтуха рѣдко разойдутся, не подравшись. Въ иныхъ странахъ люди забавляются пѣтушьями боями, при чемъ пѣтухамъ надѣваютъ на шпорцы маленькіе стальные ножички; бои эти часто оканчиваются смертью одного изъ бойцовъ.

Изъ домашнихъ птицъ къ *отряду куриному* принадлежатъ еще индѣйскія куры, цесарки и павлины съ роскошнымъ опереніемъ. Изъ дикихъ птицъ къ тому же отряду относятся блестящихъ фазановъ, которыхъ много у насъ на Кавказѣ, рябчиковъ, куропатокъ и тетеревовъ.

Глухой тетеревъ—съ синимъ отливомъ въ перьяхъ и съ красными бровями—одна изъ самыхъ большихъ дикихъ птицъ куриного семейства. Онъ водится въ большихъ *хвойныхъ* лѣсахъ

и очень чутокъ; но когда весною, сидя на вѣткѣ, начинаетъ кричать, *токовать*, то ничего не видитъ и не слышитъ, такъ что охотникъ легко можетъ къ нему подкрасться. Въ иномъ глухарѣ бываетъ фунтовъ десять вѣсу.

Глухарь въ $\frac{1}{10}$ естественной величины.

СОЛОВЕЙ

Соловей—эта прекрасная поющая *пѣвая* птичка, прилетающая къ намъ только на лѣто, носить очень простую сѣренькую одежду, по которой никакъ нельзя узнать, какіе богатые таланты скрываются въ этомъ маленькомъ созданіи. Онъ любитъ гнѣздиться въ густыхъ кустарникахъ, поближе къ водѣ, особенно въ кустахъ крыжовника и боярышника. Соловьи поютъ обыкновенно по утрамъ рано и по вечерамъ, а иногда и всю ночь, особенно вскорѣ по возвращеніи изъ своего путешествія. Питаются они маленькими жучками и личинками насекомыхъ, которыхъ отыскиваютъ на землѣ и на деревьяхъ. Чтобы поближе и чаще слушать соловьевъ, люди ловятъ ихъ и запираютъ въ клѣтки; но этотъ дурной обычай должно бы вовсе искоренить, потому что отъ него во многихъ мѣстахъ соловьи совершенно переели. Вблизи жилья опасными врагами соловьевъ являются кошки. Бѣдные маленькіе пѣвцы сидятъ обыкновенно очень не высоко, и когда поютъ, то закрываютъ глаза, какъ будто наслаждаясь самою собственною пѣснейю, а потому ло-

Соловей въ $\frac{2}{3}$ естеств. велич.

вить ихъ кошкамъ очень удобно. Сова также обижаютъ соловьевъ, а глухие мальчики часто разоряютъ соловьиныя гнѣзда.

Соловей очень похожъ на воробья, только потоньше его, и вся небольшая фигура соловья стройнѣе и благороднѣе; точно такъ же похожа на воробья и канарейка, только цвѣтъ ея перышекъ не тотъ; вотъ почему и канарейку, и соловья естественныя испытатели относятъ къ одному отряду птицъ, *воробьиному*. Этотъ пѣвучій отрядъ очень многочисленъ, и къ нему причисляются почти все мелкія птички, пѣнье, чириканье и свистъ которыхъ наполняютъ наши лѣса и поля: жаворонки, коноплянки, чижики, подорожники, ласточки, дрозды, синицы, а также и вороны, хотя онѣ, какъ кажется, вовсе уже не похожи на воробьевъ; но дѣло въ томъ, что и у воронъ есть тотъ органъ, который называется *пѣвчимъ аппаратомъ* и который имѣютъ другія названныя птицы.

Многочисленный воробьиный отрядъ птицъ подраздѣляется на множество *семействъ*, изъ которыхъ наиболѣе намъ извѣстны слѣдующія: семейство *жаворонковыхъ*, семейство *воробьевыхъ*, *дроздовыхъ*, *ласточковыхъ*, *синицевыхъ*, *скворцовыхъ*, *вороновыхъ*. Въ каждомъ изъ этихъ семействъ есть много родовъ и видовъ; такъ, напримѣръ, есть много видовъ ласточекъ, синицъ и т. д.

Красивыя, блестящія золотомъ и брилліантами, крошечныя *колибри*, изъ которыхъ нѣкоторыя бываютъ величиною немного больше шмеля, причисляются также къ воробьиному отряду птицъ. Колибри живутъ только въ жаркихъ странахъ Америки. Въ Европу колибри еще ни разу не удалось перевезти, главнымъ образомъ потому, что эти птички питаются крошечными насѣкомыми, живущими въ роскошныхъ тропическихъ цвѣтахъ, а у насъ подобныхъ насѣкомыхъ нѣтъ. Цвѣта ихъ перьевъ до того разнообразны и ярки, что крошечная птичка, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, кажется носящимся въ воздухѣ драгоценнымъ камнемъ.

Л А С Т О Ч К А .

Ласточка принадлежитъ къ числу птицъ, довѣрчиво селящихся около человѣческаго жилья, снаружи домовъ или даже

подъ крышами зданій. Уже своею довѣрчивостью къ человѣку она возбуждаетъ въ каждомъ любовь къ себѣ, не говоря про то удовольствіе, которое она доставляетъ намъ своею необычайною подвижностью, своимъ веселымъ щебетаньемъ, своею привязанностью къ птенцамъ, наконецъ, своею пользою для насъ по истребленію массы мухъ, комаровъ и тому подобныхъ надоедливыхъ и вредныхъ насѣкомыхъ.

Ласточка—перелетная птица. Она питается только летающими насѣкомыми, которыхъ зимою у насъ нѣтъ, почему она и вынуждена на зиму летѣть на югъ. Пройдетъ зима—ласточка вернется, отыщутъ свои прошлогоднія гнѣзда, выправятъ ихъ за-ново, натаскаютъ въ нихъ перышекъ, пуху и волосъ; потомъ самки положатъ въ гнѣзда яички и станутъ высиживать ихъ; въ это время самцы кормятъ самокъ и забавляютъ ихъ своимъ пѣніемъ. Недѣли черезъ 1½ въ каждомъ гнѣздѣ появляются голые, слѣпые и слабые птенцы, которыхъ усердно кормятъ оба родителя, пока они не оперятся, не окрѣпнутъ и не сдѣлаются способными летать.

Почти вся жизнь ласточки проходитъ въ воздухѣ, и къ воздушной жизни, какъ нельзя лучше, приспособлено все ея тѣло. Легкое туловище, длинная, узкія, острья крылья и длинный, виллообразный хвостъ даютъ ей возможность долго, быстро и изворотливо летать, а чрезвычайно широкій ротъ помогаетъ ловить насѣкомыхъ на-лету. Какъ слабыя и короткія ноги ея непригодны для бѣганія и лазанія, а только развѣ для цѣпленія за стѣны при помощи острыхъ когтей, такъ короткій и слабый клювъ ея непригоденъ для разрыванія земли или для доставанія насѣкомыхъ изъ-подъ коры деревьевъ.

Ласточка въ ¼ естеств. велич.

По отношенію къ постройкѣ гнѣздъ, ласточка принадлежитъ также къ наилучшимъ искусникамъ. Она лѣпитъ свое гнѣздо изъ глины, размягчая ее въ слюнѣ, при помощи одного клюва.

Такъ какъ ласточка не причиняетъ никому ни малѣйшаго вреда, а приноситъ только пользу, то никто и не думаетъ у насъ никогда о ло-

влѣ ея или о разореніи ея гнѣздъ, справедливо считая это грѣхомъ.

Если бы ласточка умѣла говорить, то какія бы диковинки рассказала она о южно-русскихъ степяхъ, о крымскихъ горахъ, покрытыхъ виноградомъ, о бурномъ Черномъ морѣ, которое ей нужно было перелетѣть, не присѣвши ни разу, о Малой Азій, гдѣ все цвѣло и зеленѣло, когда у насъ выпадалъ снѣгъ, о голубомъ Средиземномъ морѣ, гдѣ пришлось ей разъ или два отдохнуть на островахъ, объ Африкѣ, гдѣ она ловила мошекъ, когда у насъ стояли крещенскіе морозы.

Жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикія утки, гуси и множество другихъ птицъ, которыхъ также называютъ *перелетными*, улетаютъ отъ насъ на зиму, подобно ласточкѣ, въ теплыя страны. Однѣ долетаютъ только до южной Германіи и Франціи; другимъ нужно перелетѣть высокія снѣжныя горы, чтобы пріютиться на зиму въ цвѣтушихъ лимонныхъ и померанцевыхъ рощахъ Италіи и Греціи; третьимъ надобно летѣть еще дальше. Не остаются эти птицы на одномъ мѣстѣ цѣлый годъ потому, что имъ недостаетъ корму на сѣверѣ—во время морозовъ, губящихъ или заставляющихъ насѣкомыхъ прятаться въ теплыя мѣста и покрывающихъ воду льдомъ; на югѣ—отъ сильныхъ жаровъ, производящихъ тамъ ту же мертвенность, что у насъ морозы. Осѣдлы только тѣ птицы, которыя умѣютъ находить себѣ пищу въ данномъ мѣстѣ круглый годъ.

Примѣчаніе. Въ классѣ птицъ мы замѣтили нѣсколько отрядовъ. Покуда намъ извѣстны слѣдующіе отряды: *плавающихъ*, *куриныхъ*, *воробьиныхъ*. Въ каждомъ отрядѣ мы замѣтили нѣсколько *семействъ* (какія?). Напишите табличку птицъ. Расскажите по ней, что прочли о птицахъ.

А И С Т Ъ.

Кто бывалъ на югѣ или на западѣ Россіи, тотъ, вѣроятно, видѣлъ длинноносаго, длинноногаго аиста, какъ онъ вытягиваетъ свою шею гдѣ-нибудь на крышѣ дома или съ величайшею важностью бродитъ по мокрымъ лугамъ и глотаетъ лягушекъ десятками. Въ вышину аистъ достигаетъ до полутора аршина; довольно большая голова его украшена длиннымъ, острымъ, твердымъ клювомъ краснаго цвѣта; зато хвостъ очень коротокъ. Яйцевидное туловище аиста поддер-

живается двумя длинными, красными ногами, въ которыхъ длинныя голени на половину не покрыты перьями, почему аиста и причисляютъ къ отряду птицъ *голенастыхъ*. Аистъ можетъ простаивать цѣлые часы на одной ногѣ, и въ такомъ положеніи его чаще всего можно видѣть на крышахъ домовъ и овиновъ.

Цвѣтъ перьевъ аиста бѣлый, но въ крыльяхъ у него есть и черныя перья. Есть также и черный аистъ, но тотъ очень дикъ и живетъ въ уединенныхъ мѣстахъ, тогда какъ бѣлый рѣдко совѣтъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на деревѣ, а всегда почти ставится примоститься поближе къ жилищу человѣка. Шея у аиста длинная, гибкая, покрытая бѣлыми перьями.

Взглянувъ на длинныя, неоперенныя и крѣпкія ноги аиста, можно уже догадаться, что ему суждено бродить по мокрымъ лугамъ и болотамъ; а такая же длинная шея и длинный, острый, крѣпкій клювъ, говорятъ, что аисту приходится вытаскивать свою пищу изъ воды и земли. И дѣйствительно, аистъ принадлежитъ къ птицамъ болотнымъ. Онъ питается животною пищею, но не терзаетъ

Аистъ въ $\frac{1}{8}$ естествен. велич.

ее, какъ хищныя птицы, а глотаетъ цѣликомъ змѣй, ящерицъ, мышей, кротовъ, лягушекъ, изъ которыхъ иная еще долго бьется, проходя чрезъ горло аиста. Аистъ часто таскаетъ и глотаетъ съ перьями маленькихъ птичекъ, цыплятъ и даже гусятъ, и въ гнѣздѣ

его нередко находят такія вещи, которыя конечно ему вовсе не нужны, какъ напр. куски полотна, платки или рубашки. Но, не смотря на такія воровскія наклонности, аиста всё любятъ: онъ какъ-то сдружается съ тѣмъ домою, на которомъ советъ свое гнѣздо, и хозяева думаютъ, что онъ приноситъ имъ счастье. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ много ядовитыхъ змѣй, аистъ дѣйствительно оказываетъ людямъ важную услугу, истребляя этихъ вредныхъ гадовъ; онъ ловко схватываетъ змѣю за шею и, нисколько не страшась ея ядовитыхъ зубовъ, пропускаетъ ее въ свое длинное горло.

Аисты принадлежатъ къ числу *перелетныхъ* птицъ. Ранней весною появляются они въ умѣренныхъ странахъ Европы и проводятъ тамъ цѣлое лѣто. Осенью улетаютъ въ жаркую Африку, гдѣ зимы никогда не бываетъ, и спокойно проводятъ всю зиму, потому что тамъ ихъ также берегутъ и любятъ. Нельзя не удивляться непостижимому *инстинкту* аистовъ, которые не только находятъ себѣ воздушную дорогу за тысячи верстъ, но отыскиваютъ именно ту деревню, тотъ домъ и то гнѣздо, въ которомъ жили прошлый годъ.

Въ гнѣзда, сдѣланныя довольно грубо изъ хвороста, соломы и кусковъ дерна, самка аиста кладетъ отъ трехъ до пяти бѣлыхъ яицъ; черезъ мѣсяць появляются изъ нихъ маленькіе, уже одѣтые пухомъ аисты, которыхъ заботливые родители около 2-мѣсяцевъ кормятъ сами мышами и лягушками. У молодыхъ аистовъ и клювъ, и ноги сѣраго цвѣта; красными становятся они впоследствии.

Передъ отлетомъ въ южныя страны, аисты собираются большими стаями и суетливо посяетъ въ воздухъ. Послѣ такого сборища, оканчивающагося часто дракой, почти всякій разъ находятъ на землѣ нѣсколько мертвыхъ аистовъ. Говорятъ, что аисты своими острыми и твердыми клювами убиваютъ тѣхъ своихъ товарищей, отъ которыхъ не ожидаютъ, чтобы они могли совершить далекое странствованіе.

Въ Россіи много болотъ, а потому лѣтомъ прилетаетъ къ намъ много *болотныхъ*, длинноногихъ, длинношеихъ, длинноклювыхъ птицъ, принадлежащихъ къ одному *отряду* съ аистами; таковы: осторожный

журавль, бывающій вышиною аршина въ полтора; синеватая цапля съ чернымъ хохломъ на головѣ; выпь, которая, запрятавшись въ камыши, *вопитъ*, реветъ, какъ быкъ, почему въ иныхъ мѣстахъ и называютъ ее водянымъ быкомъ; кулики разнообразныхъ видовъ и др.

КОВЧИКЪ И ДРУГІЯ ХИЩНЫЯ ПТИЦЫ.

Кобчикъ—птичка небольшая, да поготовъ у ней востеръ. Кобчикъ не больше голубя, но съ перваго же взгляда видно, что у него должны быть вовсе не голубиные свойства. И клювъ, и когти кобчика такого рода, что, безъ сомнѣнія, должны держать въ почтительномъ отдаленіи маленькихъ птичекъ. Клювъ у него короткій, но толстый, крѣпкій, загнутый книзу острымъ крючкомъ и при основаніи, гдѣ ноздри, одѣтъ тонкой, чувствительной желтой кожицей, такъ называемой *восковицей*. Небольшія ноги сильны, почти до низу покрыты перьями, а пальцы вооружены очень крѣпкими, острыми, крючковатыми когтями; три пальца идутъ впередъ, одинъ назадъ; первые суставы пальцевъ короче послѣднихъ; особенно крѣпки, длинны и остры когти на заднихъ пальцахъ и на среднемъ изъ переднихъ. Крючковатый клювъ и острые, крѣпкіе когти созданы для того, чтобы разрывать мясо животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кобчикъ принадлежитъ къ отряду *хищныхъ* птицъ и питается мясомъ воробьевъ, цыплятъ, гусятъ и другихъ маленькихъ, беззащитныхъ птичекъ.

Орелъ въ $\frac{1}{10}$ естеств. величины.

Кобчики живутъ, какъ и вообще все хищныя птицы, уединенно и летаютъ высоко; остановившись въ воздухъ и трепеща крыльями,

зорко высматривают они добычу и стрѣлюю спускаются на нее. Гнѣздо свое кобчикъ вѣсть на высокихъ деревьяхъ; самка кладетъ отъ трехъ до шести зеленоватыхъ яичекъ съ сѣрыми крапинками; она кормитъ дѣтенышей остатками своей кровавой пищи, приучая ихъ смолоду терзать маленькихъ птичекъ. Насѣкомыми кобчики питаются рѣдко, только въ крайней необходимости; мясо позвоночныхъ животныхъ, и притомъ животрепещущее, только-что растерзанное, самая любимая и почти единственная ихъ пища; они ощипываютъ и разрываютъ пойманную птичку, а не глотаютъ ее цѣликомъ, какъ аистъ, который одинаково проглатываетъ и лягушку, и цыпленка.

Крючковатый, острый клювъ, кривые, заостренные, крѣпкіе когти, широкія, остроконечныя крылья, образъ жизни и пища кобчика составляютъ рѣзкіе признаки какъ его, такъ и всякой другой хищной птицы. Орель, коршунъ, соколъ, ястребъ имѣютъ тѣ же признаки, хотя по величинѣ и по виду своему отличаются отъ кобчика. Всѣ эти хищныя птицы летаютъ за добычей днемъ, а потому и зовутся

Филинъ въ $\frac{1}{3}$ естественной величины.

и видятъ отлично. Вотъ почему днемъ совы прячутся въ дуплахъ де-

дневными. Но кромѣ дневныхъ хищныхъ птицъ, есть еще ночныя: совы. Острый, крючковатый клювъ, острые, крѣпкіе, крючковатые когти показываютъ, что и совы принадлежатъ къ хищникамъ. Глаза у совъ напереды головы и окружены торчащими перьями, которыхъ на головѣ у совы весьма много; зрачки большіе и такъ устроены, что сову ослѣпляетъ сильный дневной свѣтъ, зато ночью она раскрываетъ свои круглыя зрачки во всю величину

ревьевъ, въ старыхъ строеніяхъ, и только послѣ солнечнаго заката вылетаютъ искать пищи; онѣ тогда ловко ловятъ маленькихъ птичекъ, мышей и вообще маленькихъ животныхъ. Летаютъ совы тихо: крылья у нихъ неспособны къ быстрому полету, мягки, слабо разсѣкаютъ воздухъ; но зато на этихъ мягкихъ крыльяхъ сова неслышно подкрадывается къ своей добычѣ. Слухъ у совъ очень тонокъ, и изъ всѣхъ птицъ только нѣкоторые виды совъ имѣютъ пучки перьевъ въ родѣ ушныхъ раковинъ, напримѣръ, у изображеннаго на нашемъ рисункѣ филина.

Всѣ птицы ненавидятъ совъ, и если совѣ случится какъ-нибудь днемъ выпорхнуть изъ своего гнѣзда, то даже самыя мелкія пташки съ яростью нападаютъ на нее: онѣ знаютъ, что днемъ сова плохо видитъ и ее можно щипать безнаказанно. Самая крупная изъ совъ филинъ.

Д Я Т Е Л ь .

Кто бывалъ въ лѣсу, особенно въ большомъ сосновомъ, тотъ, вѣроятно, часто слышалъ странные звуки, — точно кто-нибудь стучитъ молоткомъ: тукъ-тукъ! тукъ-тукъ! Вы осматриваетесь кругомъ и не понимаете, кто бы это такой могъ стучать. Но вотъ посмотрите: вдали, по стволу высокой сосны пробѣжала внизъ головою какая-то странная птица, величипою немного больше голубя. Она почти вся черная, только на головѣ у нея яркія, красныя перышки, а короткій, крѣпкій хвостъ упирается въ стволъ дерева. Но какъ странно бѣгаетъ эта птица! То вверхъ, то внизъ по стволу, будто по ровному полу; то обѣжитъ кругомъ ствола, то перепорхнетъ на другое дерево; должно быть, у этой птицы ноги устроены какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, если она можетъ такъ ловко бѣгать по стволамъ деревьевъ. И, дѣйствительно, ноги и клювъ дятла (потому что это и есть дятель, который такъ стучитъ по лѣсамъ) устроены замѣчательно: на каждой лашкѣ дятла 4 пальца: два идутъ впередъ, а два назадъ, и

Дятель въ $\frac{1}{4}$ естеств. вел.

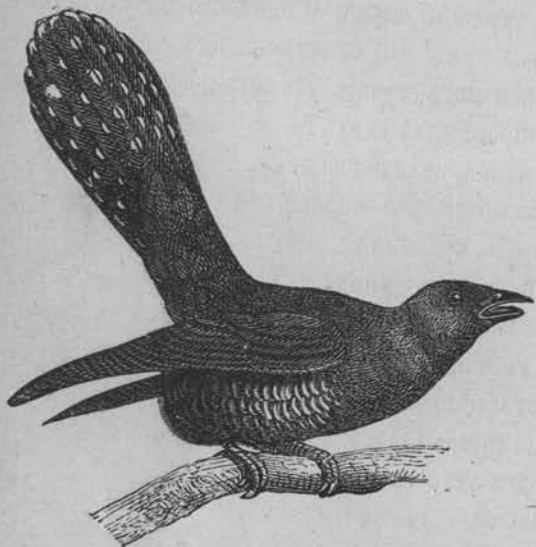
всѣ вооружены острыми, цѣпкими когтями. Крѣпкій хвостъ дятла, упираясь въ деревья, помогаетъ ему лазить. Клювъ дятла прямой, сильный, при основаніи четырехгранный, а въ клювъ скрывается длинный топкій языкъ съ твердымъ и зубчатымъ концомъ. Этотъ языкъ птица можетъ высовывать очень далеко, и онъ служитъ ей для ловли насѣкомыхъ и червей, которыми она питается. Многія насѣкомыя живутъ за корою деревьевъ, и тамъ же многіе жуки и бабочки кладутъ свои яички, изъ которыхъ потомъ выходятъ личинки. Дятель стучитъ въ дерево своимъ крѣпкимъ клювомъ, и если слышитъ звукъ, показывающій, что подъ корою пустота, то разбиваетъ своимъ клювомъ, какъ долотомъ, кору и, засовывая подъ нее свой длинный языкъ, всегда покрытый липкою слизью, вытаскиваетъ насѣкомое: жучка, гусеницу, муравья. Дятель не любитъ упускать своей добычи и, постучавъ въ стволъ дерева, быстро обѣжитъ его вокругъ, чтобы посмотрѣть сначала, не выползло ли гдѣ-

нибудь изъ-за коры насѣкомое, испуганное стукомъ. Въ нашихъ лѣсахъ встрѣчаются и пестрые дятлы, изъ которыхъ нѣкоторые ростомъ немного крупнѣе воробья.

Устройство пальцевъ дятла побудило естественныхъ испытателей причислить эту птицу къ особому отряду *парнопальныхъ*, или *лазучковъ*.

Къ этому отряду птицъ относятся также всѣ по-

пугаи. Но тогда какъ у дятла языкъ тонокъ, у попугаевъ, наоборотъ, онъ обыкновенно толстъ и мясистъ. Попугаи славятся умѣньемъ подражать голосу различныхъ животныхъ и даже словамъ человѣка.

Кукушка въ $\frac{1}{4}$ естественной величины.

Видовъ попугаевъ множество; всѣ они водятся въ лѣсахъ жаркихъ странъ и многіе изъ нихъ отличаются необыкновенною красотою перьевъ.

Къ тому же отряду относится одна знакомая намъ птица, которая въ началѣ лѣта оглашаетъ наши лѣса своимъ громкимъ, печальнымъ крикомъ,—это *кукушка*. Кромѣ своего страннаго, мѣрнаго крика, отъ котораго она получила и названіе, кукушка замѣчательна еще тѣмъ, что не вьетъ себѣ гнѣзда, а раскладываетъ свои яйца по гнѣздамъ птицъ, которыя такъ же, какъ и она, питаются насѣкомыми. Снесши яйцо на землѣ, кукушка беретъ его въ клювъ и перетаскиваетъ въ заранѣе присканное гнѣздо, выбирая новое для каждого яйца. Бѣдная птичка, которую бездомная кукушка одолжитъ своимъ яичкомъ, долго не узнаетъ пріемыша, и воспитываетъ и кормитъ его, какъ родное дѣтище. Но кукушонокъ подрастаетъ, и въ немъ начинается сказываться дурной характеръ; онъ очень много ѣсть и обижаетъ своихъ названныхъ братьевъ и сестеръ, а потомъ старается и вовсе отъ нихъ избавиться, для чего подлѣзаетъ подъ бѣднаго птенчика, подымаетъ его на себя, подноситъ къ краю гнѣзда и выталкиваетъ вонъ. Бѣдная мать никакъ не можетъ узнать причины, почему ея птенцы все падаютъ одинъ за другимъ, и кормитъ благодарную кукушку, пока та не оперится и улетитъ.

СТРАУСЪ.

Страусовъ можно у насъ видѣть только въ зоологическихъ садахъ да на картинкахъ; но ихъ перья часто укра-

Страусъ въ $\frac{1}{20}$ естественной величины.

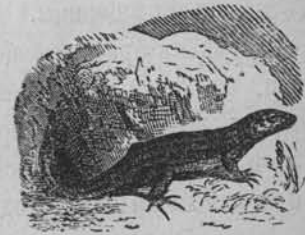
шают дамскія шляпы. Африканскіе страусы, самые большіе, достигаютъ болѣе сажени въ высоту и вѣсятъ болѣе четырехъ пудовъ. Голова страуса, шея и ноги совершенно безъ перьевъ; но зато длинныя, роскошныя перья находятся въ крыльяхъ и хвостѣ, особенно у самцовъ. Эти перья однако не приспособлены къ полету: стержень ихъ очень топокъ и мягокъ, какъ это вы можете видѣть на любомъ страусовомъ перѣ. Но если страусъ не летаетъ, зато очень быстро бѣгаетъ на своихъ крѣпкихъ ногахъ *о двухъ пальцахъ*: его не можетъ догнать даже самая быстрая лошадь. Шея у страуса очень длинна, сравнительно даже съ длиною ногъ, голова маленькая, ушныя отверстія обнажены, а глаза расположены такъ, что страусъ можетъ видѣть предметъ обоими глазами разомъ.

Страусы живутъ стадами въ песчаныхъ пустыняхъ Африки и юго-западной Азии; гнѣзда вырываютъ въ землѣ; нѣсколько самокъ кладутъ въ одно гнѣздо отъ 20 до 30 яицъ; насиживаньемъ занимается обыкновенно самецъ, самки же помогаютъ ему днемъ, когда онъ ухаживаетъ за пищей. Каждое яйцо вѣситъ до 3-хъ фунтовъ, следовательно, равняется по вѣсу 24-мъ куринымъ яйцамъ, и однимъ страусовымъ яйцомъ могутъ утолить голодъ четыре человѣка. Выходя изъ яйца, молодой страусъ бываетъ величиною съ нашу курицу. Въ случаѣ нужды, страусъ защищается клювомъ и лапами. Однимъ ударомъ лапы онъ можетъ убить собаку. Страусовъ легко дѣлаютъ ручными и держатъ при дворахъ, какъ индюковъ, для того, чтобы получить ихъ перья не изломанными и не измятыми, что часто случается у дикихъ страусовъ. Яйца страусовъ вкусны и питательны; изъ скорлупы страусовыхъ яицъ негры дѣлаютъ посуду.

Примѣчаніе. Въ классѣ птицъ 8 *отрядовъ*: 1-ый отрядъ *куриныхъ*, куда принадлежатъ: куры, тетерева, куропатки, фазаны, индѣйки, павлины и др. 2-ой отрядъ *голенастыхъ* или *болотныхъ*, куда принадлежатъ: журавли, цапли, кулики и т. д. Въ 3-мъ отрядѣ, *блуждающихъ*, мы замѣтили одного страуса. Къ 4-му отряду, *плавающихъ*, принадлежатъ: утки, гуси, чайки, бабы-птицы, лебеди и т. д. 5-й отрядъ *шумныхъ*, дневныхъ (орлы, ястреба, коршуны, кобчики и т. д.) и ночныхъ (совы и филины); 6-й отрядъ, *воробьиныхъ*, куда относятся: воробьи, канарейки, соловьи, вороны, грачи, колибри и многое множество другихъ; 7-й отрядъ, *голубиныхъ*—одни голуби; 8-й отрядъ, *парнасовыхъ* или *лазунъ*: попугай, дятло, кукушки. Налистите полную таблицу извѣстныхъ вамъ птицъ. Расскажите по табличкѣ все, что прочли о птицахъ.

ЯЩЕРИЦА.

Весною, подлѣ старыхъ стѣнъ или земляныхъ валовъ, часто удается увидѣть маленькое животное, вершка два въ длину, зеленого или сѣраго цвѣта, на четырехъ коротенькихъ ножкахъ, съ лапами о пяти пальцахъ, съ узенькой мордочкой, хвостомъ, который длиннѣе туловища и извивается по землѣ, какъ змѣйка, словомъ—ящерицу. Но ящерица такъ пуглива и быстра, что не успѣешь рассмотреть ее хорошенько, какъ она уже юркнула къ себѣ въ нору, вырытую гдѣ-нибудь по близости. Если бы у васъ достало смѣлости взять въ руки и рассмотреть это, впрочемъ, совершенно безвредное животное, то вы увидали бы, что вся кожа ящерицы покрыта тонкими чешуйками; что широкая плоская голова ея, снабженная носовыми и ушными отверстиями, непримѣтно соединяется съ шеей, а толстая шея—съ гибкимъ мягкимъ туловищемъ; что рыльце закруглено, челюсти далеко выдаются впередъ, ротъ хотя разрѣзанъ далеко, но раскрывается не широко. Языкъ ящерицы, въ видѣ тоненькой вилочки, далеко высовывается наружу; острыхъ зубовъ во рту у ней очень много и они сидятъ не только по краямъ, но даже въ серединѣ рта; маленькіе, живые глазки животного закрываются вѣками. Ящерица такъ некрасива, такъ, съ одной стороны, напоминаетъ намъ крокодианаго крокодила, котораго мы видали на картинахъ, а съ другой—гибкую, извивающуюся змѣю, такъ быстро исчезаетъ Ящерица въ '1, естеств. вел. при малѣйшемъ шумѣ и такъ жадно и ловко кидается на свою добычу: червей, муравьевъ, мухъ, жуковъ, что люди невольно заподозрили ея острые, хотя совершенно безвредные зубы въ ядовитости и часто преслѣдуютъ бѣдняжку то палкой, то камнемъ. Особенно подозрительнымъ кажется, что ея длинный и вертлявый хвостъ, который часто при самомъ легкомъ ударѣ отскакиваетъ отъ туловища, вертится послѣ этого и оказываетъ признаки жизни довольно долго. Но острые зубы ящерицы, которыми она едва можетъ прокусить кожу человѣка, вовсе не имѣютъ тѣхъ ядовитыхъ

свойствъ, которыя дѣлаютъ столь опаснымъ укушеніе ядовитыхъ змѣй; тонкій же выдвижной, раздвоенный язычекъ ея вовсе не опасенъ, потому что служитъ только для осязанія. Въ особенности неприятно то ощущеніе холода, которое испытываемъ мы, прикасаясь къ кожѣ крокодила, змѣи и маленькой ящерицы. Холодъ кожи всѣхъ этихъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу *пресмыкающихся*, объясняется тѣмъ, что у всѣхъ у нихъ, вслѣдствіе особеннаго устройства легкихъ и сердца, кровь движется медленно. Ящерица насѣкомоядное животное; вотъ почему ящерицы въ холодныхъ климатахъ на зиму забираются въ глубокія норы и засыпаютъ тамъ до весны. Ящерицы по временамъ линяютъ, т. е. перемѣняютъ свою кожу, сбрасывая ее цѣликомъ или кусками: это ящерица дѣлаетъ очень ловко, пролѣзая между камнями. Сбросивъ старую кожу, подъ которой выросла уже новая, ящерица забирается въ нору и дожидается тамъ, пока новая одежда ея достаточно затвердѣетъ. Ящерица, хотя и не птица, но такъ же, какъ и птица и какъ крокодилъ и змѣя, несетъ яйца, изъ которыхъ потомъ выходятъ маленькія ящерицы.

Разрѣзавъ брюшко ящерицы и разсмотрѣвъ ея внутренности, нашли, что у нея есть также сердце, легкія, желудокъ, мозгъ, жилы и нервы; все это устроено нѣсколько иначе, чѣмъ у млекопитающихъ и птицъ, сообразно съ образомъ жизни ящерицы. У нея есть четыре маленькія ножки, однакожъ она волочитъ свое тѣло по землѣ, т. е. *пресмыкается*, и во многомъ подходитъ къ безногой змѣѣ, къ кровожадному крокодилу и тяжелой, неуклюжей черепахѣ. Изъ всѣхъ этихъ пресмыкающихся животныхъ вполне пресмыкается, впрочемъ, одна змѣя, у которой нѣтъ ногъ.

У Ж Ъ.

Ужъ, конечно, змѣя, но самая невинная змѣя: такая же безвредная, какъ ящерица. Въ среднихъ и южныхъ мѣстностяхъ Россіи можно встрѣчать ужей очень часто. Они водятся въ сырыхъ мѣстахъ, плотинахъ, сараяхъ, овинахъ, подъ полами домовъ, а иногда цѣлыми десятками выползаютъ изъ своихъ убѣжищъ погрѣться на солнышкѣ.

Разсмотрѣвъ ужа поближе, мы увидимъ, что тѣло его длинно и кругло (въ длину ужъ иногда бываетъ больше аршина), покрыто чешуйками и щитками, головка сѣро-зеленоватая, спина отлиываетъ сталью, на бокахъ и спинѣ много бѣлыхъ и черныхъ пятенъ, а позади головы идетъ широкая желтая полоса—признакъ, отличающій ужа отъ другихъ змѣй, иногда очень на него похожихъ. Голова ужа нѣсколько приплюснута сверху и покрыта щитками. Въ мордочкѣ, закругленной спереди, два носовыя отверстія, ведущія въ пасть; глаза безъ вѣкъ; пасть, какъ и у всѣхъ змѣй, раскрывается очень широко, потому что разрѣзъ ея идетъ далеко, половинки нижней челюсти не срослись, а кожа сильно растягивается. Такая широкая пасть необходима змѣѣ потому, что она не жуетъ, а глотаетъ свою добычу цѣликомъ; добыча же эта часто бываетъ гораздо болѣе змѣиной головы. Въ пасти ужа мы замѣтимъ четыре ряда острыхъ зубовъ: одинъ рядъ въ верхней челюсти, другой въ нижней, а два по-

Ужъ въ $\frac{1}{4}$ естественной величины.

средній нѣба; всѣ эти зубы остры, неспособны перемалывать и раздавливать пищу, но могутъ только удерживать добычу. Небольшіе зубы ужа могутъ нанести маленькія ранки, но эти ранки скоро заживаютъ, потому что у него нѣтъ тѣхъ большихъ ядовитыхъ зубовъ, которые бываютъ у ядовитыхъ змѣй, наприкладъ, у водящейся у насъ *гадюки*. Такой ядовитый зубъ имѣетъ при основаніи чехоль, въ который вливается ядъ изъ особой ядовитой железы, находящейся подъ кожей позади глазъ; изъ этого чехла ядъ вливается въ капальчикъ внутри зуба, а изъ него, черезъ особое отверстіе на концѣ зуба,

выливается въ ранку, когда змѣя кусаетъ. Ядъ этотъ отравляетъ кровь, послѣ чего животное иногда умираетъ. Такъ называемое жало ужа, наводящее страхъ на людей, въ сущности есть безвредный, вилообразный языкъ, служащій змѣѣ органомъ осязанія. Этимъ языкомъ змѣя ощупываетъ предметъ, но не можетъ имъ чувствовать, вкусна-ли пища, потому что онъ покрытъ роговой кожей и прячется въ особенное влагалище всякій разъ, какъ пища проходитъ въ глотку животнаго. Глаза ужа, какъ и всякой другой змѣи, не имѣютъ вѣкъ, смотрятъ неподвижно, не мигая, отчего и родилось мнѣніе о волшебной силѣ змѣиныхъ глазъ. Ушныхъ раковинъ ужъ не имѣетъ, но слышитъ хорошо.

Ногъ у ужа, какъ и у другихъ змѣй, нѣтъ; также плавниковъ, которые мы замѣчаемъ у рыбъ; но тѣмъ не менѣе ужи движутся и плаваютъ очень быстро. Они ползаютъ на брюхѣ, извиваясь и упираясь тѣломъ въ тотъ предметъ, по которому ползутъ. Этому способствуетъ особенная сила змѣиныхъ мускуловъ и гибкость позвоночнаго хребта, идущаго во всю длину тѣла животнаго и состоящаго у нѣкоторыхъ змѣй изъ 400 позвонковъ. Къ переднимъ позвонкамъ прикрѣпляются очень подвижныя ребра, которыя двигаются тѣмъ удобнѣе, что у змѣи нѣтъ грудной кости и всѣ ребра между собою не соединяются. Реберъ этихъ бываетъ у змѣй до двухсотъ паръ.

Ужъ такъ же, какъ и другія змѣи, шипитъ. Кормится онъ лягушками, кротами, мышами, ящерицами, маленькими птичками и другими мелкими животными, которыхъ сначала задушить во рту и въ глоткѣ, обольетъ слюною и проглотитъ, не жевавши. Проглотивъ лягушку, напримѣръ, которая гораздо больше его собственной головы, ужъ по неволѣ лежитъ неподвижно, ожидая, пока въ его сильномъ желудкѣ животное переварится. Точно такъ-же кормится и огромный удавъ; только тотъ проглатываетъ иногда животное, величиною съ барашка. На зиму ужи собираются въ норы, недоступныя для морозовъ, и лежатъ тамъ неподвижно до весны. Кожу свою ужъ мѣняетъ нѣсколько разъ въ году: когда придетъ время, она лопается сначала около головы, а потомъ онъ сдираетъ ее съ себя, проползая

между камнями или въ щели. Журавли, апеты и хищныя птицы ударомъ клюва въ голову ужа убиваютъ его тотчасъ-же, потому что кости, составляющія его черепъ, не совѣмъ срастаются и очень тонки.

Ужи-самки въ августѣ мѣсяцѣ кладутъ въ кучи листьевъ или въ дупла деревьевъ отъ двадцати до тридцати небольшихъ яичекъ, которыя, вмѣсто известковой скорлупы, покрыты бѣлою кожей. Изъ этихъ яичекъ недѣли черезъ три выходятъ маленькія змѣйки, которыя сначала кормятся червяками и насѣкомыми, а потомъ, когда подрастутъ, принимаются за птичекъ, мышей, кротовъ, и т. п.

Примѣчаніе. Классъ *пресмыкающихся* животныхъ распадается на *четыре отряда*: 1. *Ящерицы*, куда относится наша маленькая, вовсе не страшная *ящерица*. 2-й отрядъ, *змѣи*, въ которомъ находятся *исподвѣтныя* змѣи, какъ напр. нашъ ужъ и громадный удавъ, и *ядовитыя*, каковы, напримѣръ, гадюка и гремучая змѣя, ядъ которой убиваетъ человѣка въ нѣсколько минутъ; къ счастью, иссохшая, но еще не спавшая кожа на хвостѣ гремучки особеннымъ, довольно сильнымъ звукомъ предупреждаетъ объ опасности. 3-й отрядъ *пресмыкающихся* составляютъ *черепахи*, покрытыя твердою броней, а 4-й отрядъ—*крокодилы*, страшные жители рѣкъ жаркихъ странъ.

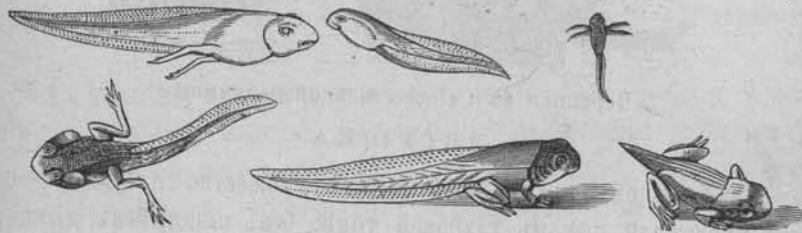
Черепахи въ 1/4 естественной величины.

ЛЯГУШКА.

Въ большомъ пруду жило вмѣстѣ множество лягушекъ; всю зиму пролежали онѣ въ глубокой тинѣ, безъ пищи, безъ дыханія, окоченѣлыя, словно мертвыя. Но вотъ весна постучалась въ ледяную кровлю пруда, и ледъ разлетѣлся въ куски. Солнце пригрѣло воду, и лягушки проснулись, стали протягивать свои опѣмѣвшіе члены и радостно подыматься кверху. Вотъ одна уже высунула мордочку изъ воды и квакнула во все горло, а за ней другая, третья— и скоро образовался цѣлый хоръ. Всю теплую майскую ночь, съ вечера до утра, кричатъ онѣ безъ устали: два толстые мѣшка, находящіеся

по обѣмъ сторонамъ шеи у самцовъ, помогаютъ имъ издавать сильные звуки. Теперь веселыя лягушки начинаютъ класть яички, развѣсивая по водянымъ растеніямъ какое-то студенистое вещество, похожее на яичный бѣлокъ; тамъ и сямъ въ немъ видны бѣлыя точки, изъ которыхъ современемъ образуются лягушата. Яички снесены, но никто о нихъ не заботится; одно щедрое солнце, катясь по голубому небу, не забываетъ заглянуть и въ тѣнистый уголокъ пруда, заросшій водяными растеніями, гдѣ безъ него маленькія точки никогда бы не едѣлались лягушками. Подъ вліяніемъ благотворныхъ лучей солнца, точки увеличиваются, а свѣтлая студенистая масса раздѣляется на части. Вотъ что-то въ ней зашевелилось: это вѣрно молодая лягушка; но какой у ней странный видъ! Круглое, черное туловище и длинный, широкій хвостъ—вотъ и все животное. Въ туловищѣ нельзя различить ни головы, ни шеи,—только глаза и ротъ, да по сторонамъ двѣ нѣжныя кисточки протягиваются въ водѣ: это жабры, которыми дышетъ маленькое твореніе; онѣ такъ устроены, что вбираютъ въ себя воздухъ, находящійся въ водѣ. Ногъ тоже нѣтъ.

Весело смотрѣть, какъ движется молодая лягушка. У многихъ животныхъ есть хвостъ: лошадь отгоняетъ имъ мухъ, собака выра-

Превращеніе лягушки.

жаетъ хвостомъ свое удовольствіе, обезьянамъ хвостъ помогаетъ карабкаться на деревья; но у всѣхъ этихъ тварей, кромѣ хвоста, есть еще другія орудія движенія; у молодой же лягушки хвостъ все—рука, нога и плавникъ. Посмотрите, какъ ловко управляетъ этимъ хвостомъ и какъ быстро движется съ его помощью скользкій малень-

кій *головастикъ*: такъ зовутъ молоденькую лягушку. Но пока головастикъ гоняется за водяными насѣкомыми, у него начинаютъ показываться заднія ноги. Сначала это только два крючка, но, день за днемъ, онѣ увеличиваются и на нихъ появляются пальцы, соединенные плавательной перепонкой. Съ такими ножками лягушкѣ плавать уже гораздо удобнѣе и она рѣже становится добычею рыбъ. Еще раньше, чѣмъ выростутъ у лягушки заднія ноги, жабры ея уходятъ внутрь тѣла.

Когда лягушка научится управлять своими задними ногами и съ помощью ихъ быстро прыгать впередъ, тогда начинаютъ у нея появляться и переднія; а съ ними лягушкѣ уже очень легко и удобно двигаться во всѣ стороны. вмѣстѣ съ тѣмъ, она вообще стала больше, и сильнѣе, и умнѣе; голова, грудь и брюшко начинаютъ обозначаться ясно. Но чѣмъ больше и ловчѣе становятся ноги, тѣмъ меньше и слабѣе дѣлается хвостъ; а когда ноги совершенно выростутъ, то хвостъ совершенно исчезнетъ. До сихъ поръ лягушка могла только жить въ прудѣ, и въ норахъ подъ водою отыскивала себѣ насѣкомыхъ и червячковъ, но теперь большая часть этихъ червячковъ уже превратилась въ комаровъ и мухъ, которые летаютъ надъ прудомъ или садятся на траву; лягушкѣ въ водѣ становится плохо и она начинаетъ посматривать, какъ бы ей выбраться на берегъ. Пока у лягушки были жабры, ей невозможно было оставаться долго внѣ воды; она погибла бы на сушѣ, какъ погибаетъ рыба, вынутая изъ воды; но въ то время, когда ея ножки дѣлались сильнѣе и пріобрѣтали способность прыгать, жабры ея совершенно исчезли и замѣнились легкими, которыми она можетъ дышать воздухъ на сушѣ, какъ и мы съ вами. Теперь выползаетъ лягушка на берегъ, учится прыгать все выше и выше и снимать вкусную муху съ голубой незабудки, при чемъ языкъ лягушки, широкій, толстый, мягкій, приросшій перед-

Лягушка въ 1/2 естеств. велич.

нимъ концомъ, оказываетъ большую услугу: быстрѣй молніи выбрасываетъ она его изо рта и ловить имъ зазѣвавшееся насѣкомое.

Лягушка не только отдѣляется отъ своего хвоста, но также по временамъ и отъ своей кожи, съ тою только разницею, что хвостъ лягушки всасывается въ ея тѣло и, мало-по-малу, употребляется весь на выдѣлку другихъ ея членовъ, а кожу она сбрасываетъ прочь. Кожа эта такъ тонка, что, разостланная на бумагу, едва замѣтна; но пайти такую кожуцу удастся весьма рѣдко, потому что, обыкновенно, какъ только лягушка сброситъ ее, такъ немедленно же и скушаетъ.

Не всѣ лягушки довольствуются искусствомъ прыгать между болотными фіалками и незабудками, водяными кувшинчиками, осокой и камышемъ: нѣкоторыя любятъ взобраться повыше, на кусты и деревья, засѣсть тамъ въ зеленыхъ листьяхъ и затянуть свою пѣсню. Вы, вѣроятно, знаете древесную лягушку или квакшу, этого предсказателя погоды, котораго иногда садятъ на лѣсенку въ стаканъ, до половины наполненный водою: въ хорошую погоду взбирается лягушка на верхнія ступеньки, въ дурную — спускается на нижнія и въ самую воду. Древесная лягушка очень ловко прыгаетъ съ листка на листокъ и, притаившись на нижней сторонѣ листа, терпѣливо выжидаетъ муху или бабочку. На каждомъ пальцѣ у древесной лягушки есть подушечка, которою она крѣпко прилипаетъ къ листьямъ и къ корѣ деревьевъ. Цвѣтъ древесной лягушки зеленый и такъ подходит подъ цвѣтъ листьевъ, что бѣдная муха летаетъ близехонько, не видя своего врага. Замѣчательно, что эта лягушка мѣняетъ свой цвѣтъ, смотря по цвѣту листьевъ: весной она ярко зеленая, лѣтомъ становится темнѣе. Она очень ловко ловитъ мухъ и бабочекъ, придерживаясь одною ногою за листокъ и бросаясь всѣмъ тѣломъ впередъ. Въ питѣ у нея также нѣтъ недостатка: ея тонкая кожа всасываетъ дождевыя капли и росу.

Такъ изъ ничтожной черной точки выходитъ, мало по-малу, рѣзвая лягушка, которая то прыгаетъ по травѣ, то лазитъ по деревьямъ.

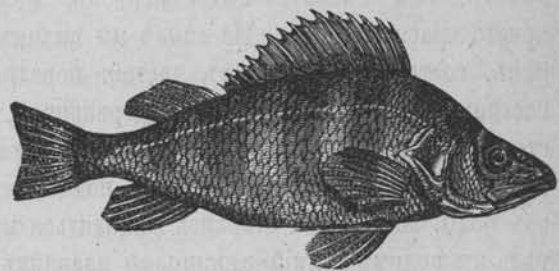
Часть жизни своей лягушка проводитъ въ водѣ, а часть на

сушѣ, почему ее нельзя причислить ни къ рыбамъ, хотя у нея смолоду и бываютъ жабры, какъ у рыбъ, ни къ звѣрямъ, ни къ птицамъ; для лягушки и подобныхъ ей существъ, саламандръ, жабъ и др., должно было создать особый классъ, *земноводныхъ*, которыхъ зовутъ еще *голыми*, потому что ихъ кожа не покрыта ни чешуей, ни волосами, ни перьями. У лягушки есть скелеть, мозгъ, нервы, желудокъ, легкія и сердце; кровь ея холодная.

Примѣчаніе. I-й классъ—*звѣри*; II-классъ—*птицы*; III-й классъ—*пресмыкающіяся*; IV-классъ—*земноводныя*. Въ этомъ послѣднемъ классѣ два отряда: *первый*—*безхвостыхъ*, каковы лягушки и жабы; *второй*—*хвостатыхъ*, какова, напримѣръ, саламандра, о которой говорятъ, что она ядовита и не горитъ на огнѣ; но и то, и другое несправедливо. Это небольшое животное имѣетъ много железъ, которыя отдѣляютъ большое количество слизи, и если бросить саламандру на уголь, то обильно отдѣляющаяся слизь спасаетъ ее на нѣсколько мгновений, не долѣе. Составьте табличку всѣхъ животныхъ, о которыхъ прочли. Расскажите по табличкѣ о двухъ послѣднихъ классахъ—*пресмыкающихся* и *земно одныхъ*.

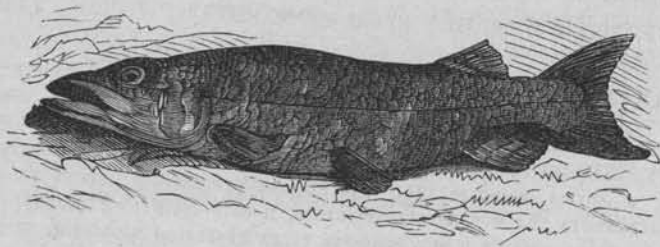
ОКУНЬ.

Вы, конечно, видали окуня, и не только видали, но и кушали, и, вѣроятно, знаете отчасти, что находится внутри его. Овальное тѣло окуня, очерченное двумя кривыми линиями, заострено съ обѣихъ сторонъ; съ боковъ оно приплюснуто. Когда окунь плыветъ, то мы видимъ сверху только узенькую полоску, т. е. спинку окуня. Онъ весь покрытъ жесткими блестящими чешуйками, которыя лежатъ краями одна на другой, какъ черепица на кровлѣ. Въ тѣлѣ окуня мы замѣчаемъ голову, туловище и хвостъ, но не видимъ ни рукъ, ни ногъ, а вмѣсто нихъ *плавательныя* перья, или *плавники*. На треугольной головѣ рыбы замѣчаемъ мы два глаза безъ вѣкъ и двѣ ноздри, которыя не сообщаются съ горломъ, какъ у людей и всѣхъ животныхъ, дышащихъ черезъ ротъ и носъ. Ушей у окуня не видно вовсе,

Окунь въ $\frac{1}{4}$ естественной величины.

но слуховой органъ у него скрытъ въ головѣ, и потому окунь хорошо слышитъ. По обѣимъ сторонамъ головы мы видимъ у окуня двѣ твердыя крышечки; а приподнявши одну, замѣтимъ подъ нею красныя, бахромистыя *жабры*. Такого органа мы не замѣчали еще ни у одного изъ животныхъ, кромѣ лягушки въ состояніи головастика. Твердыя

Щука въ $\frac{1}{10}$ естественной величины.

крышки, закрывающія жабры, называются *жаберными крышками*. Ротъ у окуня очень великъ, сравнительно съ величиною животного, и открывается широко; а во рту мы замѣтимъ маленькій языкъ и множество маленькихъ, острыхъ зубовъ, расположенныхъ неправильно по всей полости рта.

Верхняя часть туловища окуня называется спинкою, нижняя брюшкомъ; шея окуня, какъ и всякая другая рыба, не имѣетъ. Переднюю часть туловища называютъ грудью. У окуня семь плавниковъ, или плавательныхъ перьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые яркаго краснаго цвѣта. На спинѣ мы видимъ одинъ *спинной* плавникъ, состоящій изъ двухъ частей: передняя часть состоитъ изъ костяныхъ лучей, соединенныхъ перепонкой, а задняя часть его состоитъ изъ мягкихъ хрящевыхъ лучей, также соединенныхъ перепонкой; лучи этого плавника окунь подымаетъ, когда его вытаскать изъ воды, какъ будто стараясь защититься ими. На заднемъ концѣ тѣла мы видимъ мягкій *хвостовой* плавникъ, а близъ него, снизу, расположенъ еще плавникъ; снизу, на брюшной сторонѣ, два *брюшныхъ* плавника, а ближе къ головѣ такъ называемые *грудные* плавники, расположенные по бокамъ туловища, позади жабръ. Грудные

и брюшные плавники называются *парными* (потому что ихъ обыкновенно бываетъ двѣ пары), а остальные три плавника называются *непарными*. Парные плавники соответствуютъ конечностямъ другихъ позвоночныхъ животныхъ и служатъ рыбѣ для того, чтобы она могла въ водѣ поддерживать обыкновенное положеніе своего тѣла и частью измѣнять направленіе своихъ движеній; движеніе же впередъ совершается, главнымъ образомъ, посредствомъ хвоста, причемъ помогаютъ и непарные плавники: ударяя хвостомъ въ стороны, она тѣмъ самымъ упирается въ воду и такимъ образомъ подвигается впередъ.

Когда вы ѣли окуня, то, вѣроятно, замѣтили, что вамъ пришлось отдѣлять отъ костей бѣлое вкусное мясо; а въ головѣ находили нѣсколько черепныхъ костей, съ которыми соединенъ позвоночный столбъ, идущій во всю длину рыбы. Отъ столба, по обѣ стороны, до самаго хвоста идутъ острые ребра, куски которыхъ могутъ, если рыбу ѣсть неосторожно, воткнуться въ горло и надѣлать большой бѣды.

Когда чистятъ окуня, то изъ него вытекаетъ небольшое количество холодной, красной крови. Жабры служатъ окуню для дыханія. Окунь, какъ и всякое другое животное, дышитъ также воздухомъ, но только тѣмъ воздухомъ, который находится въ водѣ. Дыханіе это совершается такъ: окунь, плавая, раскрываетъ ротъ и набираетъ въ него воды; потомъ пропускаетъ эту воду къ жабрамъ и приподнимаетъ послѣ этого жаберныя крышки, изъ-подъ которыхъ вода и выходитъ вонъ. Вода, прикоснувшись къ жабрамъ, отдаетъ имъ растворенный въ ней воздухъ, который и очищаетъ кровь, находящуюся въ жабрахъ. Значитъ, жабры—это органы дыханія рыбы: къ нимъ приливаетъ кровь (вотъ почему онѣ красныя) и, прикоснувшись къ воздуху, отправляется для питанія тѣла. Когда вытаскать окуня изъ воды, то бѣдная рыба широко раскрываетъ свой ротъ, какъ будто ловитъ воздухъ; но ей пужень не воздухъ,—его ужъ слишкомъ много,—а вода, безъ которой жабры ея скоро засыхаютъ, дыханіе рыбы прекращается, и она издыхаетъ или, какъ говорятъ, засыпаетъ.

Изъ убитаго окуня кухарка вынимаетъ двойной пузырь, напол-

ненный воздухомъ, который помогаетъ рыбѣ плавать вверхъ и внизъ и называется *плавательнымъ* пузыремъ. Рыба по своей волѣ можетъ расширять и сжимать этотъ пузырь. Расширяя его, окунь становится въ водѣ легче и поднимается вверхъ; наоборотъ, сжимая его, онъ дѣлается тоньше, въ водѣ тяжелѣе, и потому опускается.

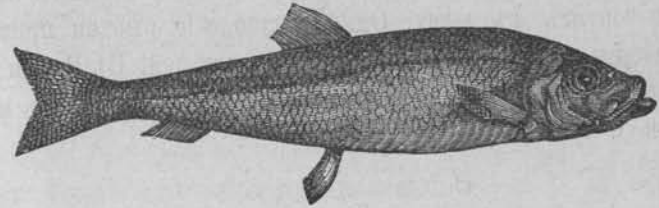
Часто въ брюхѣ окуня находятъ икру; разсмотрите ее, и вы увидите, что она вся состоитъ изъ безчисленнаго множества маленькихъ зернышекъ; это все будущіе окуни. Всѣхъ зернышекъ въ окунѣ болѣе 300,000. Окунь мечетъ икру лентами, прикрѣпляя ее слизью къ камню или къ берегу рѣки, и потомъ оставляетъ ее. Часть этой икры съѣдаютъ другія рыбы и водяныя птицы, а часть, подъ вліяніемъ солнца, въ 5 или 6 дней превратится въ маленькихъ рыбокъ. Млекопитающія животныя, не исключая тюленя и кита, рожаютъ живыхъ дѣтенышей; птицы кладутъ яйца, а рыбы *мечутъ* икру. Окунь питается червячками, маленькими водяными животными и рыбами. У окуня есть органы всѣхъ пяти внѣшнихъ чувствъ, хотя и не всѣ онѣ развиты одинаково хорошо. Въ его плоской головѣ есть немножко смысла, который помогаетъ ему избѣгать враговъ и находить себѣ пищу. Есть у него и сердце, и кровеносные сосуды, въ которыхъ течетъ холодная, красная кровь; есть мозгъ въ головѣ и позвоночномъ хребтѣ; есть нервы, мускулы и желудокъ; есть, кромѣ того, плавательный пузырь; вмѣсто легкихъ есть жабры; есть мускулы, которыми онъ двигаетъ свое тѣло; но органа голоса у него нѣтъ: онъ нѣмъ.

СЕЛЕДЬ.

Селедка не живетъ въ прѣсной водѣ нашихъ рѣкъ и озеръ; она любитъ соленую воду морей и потому называется морскою рыбою. Весною ежегодно оставляетъ она морскія глубины и плыветъ къ берегамъ и устьямъ рѣкъ, чтобы сложить тамъ свою икру, представляющую собою, какъ мы знаемъ, яички, изъ которыхъ черезъ нѣсколько времени выходятъ крошечныя селедочки; этихъ яичекъ въ одной селедкѣ бываетъ до 70,000. Сложивъ икру, взрослыя селедки опять уплываютъ, а вмѣсто нихъ появляются міриады маленькихъ

рыбокъ, которыя потомъ тоже исчезаютъ,—уходятъ въ глубину моря, гдѣ могутъ найти для себя пищу—маленькихъ морскихъ животныхъ. Особенно много приходитъ сельдей икриться къ берегамъ Нѣмецкаго моря, и здѣсь-то прежде всего люди начали ихъ ловить.

Издали еще можно замѣтить, когда плывутъ сельди, преслѣдуе-

Сельдь въ $\frac{1}{3}$ естественной величины.

мая акулами и другими хищными морскими рыбами: безчисленныя стаи сельдей покрываютъ собою море верстъ на двадцать въ окружности и плывутъ такимъ густымъ слоемъ, что если бросить въ нихъ копье, то оно не потонетъ. Шумъ отъ плывущихъ сельдей похожъ на шумъ сильнаго дождя. Чешуйки на сельдяхъ сидятъ очень не крѣпко; плывя тѣсною толпою, сельди обтираютъ другъ о друга множество такихъ чешуекъ и, кромѣ того, теряютъ по дорогѣ бездну икры, такъ что море кажется мутнымъ; а сильный запахъ, издаваемый сельдями, и особенный свѣтъ, распространяющійся отъ нихъ ночью на поверхности моря, указываютъ рыбакамъ на легкую добычу.

Сельдей начали ловить давно, лѣтъ 700 тому назадъ, но сначала эта ловля не приносила большой пользы, потому что вынутая изъ воды селедка тотчасъ же засыпаетъ и начинаетъ портиться. Въ 1416 году голландскій рыбакъ Вильгельмъ Бюкель изобрѣлъ способъ солить сельдей, такъ что теперь ихъ можно сохранять въ прокъ цѣлыя годы и развозить въ самыя отдаленныя страны. Съ тѣхъ поръ многія тысячи людей занялись сельдяной ловлею, и изобрѣтеніе Бюкеля обогатило Голландію. Вотъ почему голландцы поставили Бюкелю памятникъ.

Ловят сельдей огромными сѣтями; къ одной сторонѣ этихъ сѣтей привязываются камни, къ другой—пустыя бочки, и сѣть, опущенная въ море, стоитъ какъ стѣна. Сѣти для этой ловли плетутся иногда изъ пеньки, но чаще изъ грубаго шелка, который крѣпче пеньки. При счастливой ловлѣ можно вытащить за одинъ разъ отъ 100 до 140 тысячъ сельдокъ. Въ тотъ же день ихъ солятъ въ бочкахъ или коптятъ въ дыму. Одни голландскіе рыбаки привозятъ домой ежегодно до четырехсотъ милліоновъ сельдей. Въ Россіи также ловятъ сельдей по берегамъ Бѣлаго, Каспійскаго и Черпаго морей; но эти сельди хуже голландскихъ.

С Т Е Р Л Я Д Ъ .

Кто живаль на берегахъ Волги, или какого-нибудь изъ ея безчисленныхъ притоковъ, тому, вѣроятно, случалось видѣть красивую рыбку—стерлядь, а, можетъ быть, даже и отвѣдать вкусной стерляжьей ухи. Но мы обратили вниманіе на стерлядь не потому, что она составляетъ лакомое, прихотливое блюдо, а потому, что она принадлежитъ къ одному роду съ такими рыбами, ловля которыхъ такъ

Стерлядь въ $\frac{1}{3}$ естественной величины.

же важна для Россіи, какъ ловля сельдей для Голландіи,—къ одному роду съ осетромъ, бѣлугой и севрюгой, этими громадными рыбами южно-русскихъ морей и рѣкъ.

Разсмотрите хорошенько стерлядь, и прежде всего вамъ бросятся въ глаза твердые, колючіе костяные щитки, расположенные пятью рядами отъ головы до хвоста, и которыхъ вы не видали ни у сельдки, ни у окуня. Эти твердыя эмалевыя чешуи даютъ названіе цѣлому отряду рыбъ, которыхъ потому и называютъ *эмалевочешуйчатыми*. Верхняя челюсть у стерляди острая, выдалась впередъ; ротъ расположенъ снизу, на значительномъ разстояніи отъ конца морды, не великъ

и не имѣетъ зубовъ. Съ рыльца висятъ небольшіе усики. Скелетъ стерляди весь хрящевой, только черепъ состоитъ изъ костей.

Осетровыя рыбы, къ которымъ принадлежитъ и стерлядь, очень полезны для людей: онѣ даютъ, кромѣ вкуснаго мяса, которое ѣдятъ и свѣжимъ, и соленнымъ, и копченымъ (балыкъ, который есть спина осетра), икру, вязигу (изъ позвоночнаго хребта) и рыбій клей, добываемый изъ плавательныхъ пузырей осетровъ и бѣлугъ. Всѣ крупныя осетровыя рыбы водятся преимущественно въ моряхъ: Черномъ и Каспійскомъ, а оттуда проникаютъ далеко въ рѣки и рѣчки, льющіяся въ эти моря или непосредственно, или чрезъ другія большія рѣки. Самая меньшая осетровая рыба—стерлядь, а потому она и живетъ иногда въ самыхъ маленькихъ рѣчкахъ. Стерлядь водится также въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ и озерахъ и есть рыба прѣсноводная. Большія рыбы осетроваго семейства весною большими стаями поднимаются изъ морей въ рѣки для метанія икры; а осенью многія изъ нихъ идутъ зимовать въ рѣки и лежатъ тамъ на днѣ неподвижно, засыпая на всю зиму.

Осетровыхъ рыбъ ловятъ при проходѣ ихъ изъ морей въ рѣки и обратно, и эта ловля даетъ занятіе многимъ тысячамъ людей. Осетръ бываетъ величиною до сажени, а иногда и больше; старая бѣлуга—до двухъ саженей. Въ брюхѣ бѣлугъ находятъ иногда проглоченную водяную птицу и довольно большихъ рыбъ, потому что она очень прожорлива и глотаетъ все, что ни попадется.

Примѣчаніе. Рыбы, постоянно дышашія жабрами и живущія въ водѣ, составляютъ особый классъ животныхъ, который также раздѣляется на отряды, семейства и роды. Но мы изъ всѣхъ отрядовъ рыбъ замѣтили только два: *первый отрядъ—костистыхъ*, куда принадлежатъ: оуень, ершь, лосось, ряпушка, яорюшка, сигъ, сельдка, прожорливая щука, карпъ, голавль, судакъ, множество другихъ и даже угорь, потому что угорь также рыба, хотя очень похожъ на змѣю; но присмотритесь къ нему хорошенько, и вы найдете, что у него есть жабры и плавники. Эта рыба замѣчательна тѣмъ, что выходитъ иногда на сушу добывать себѣ пищу. Угорь очень живучъ и, разрѣзанный на части, долго шевелится. *Второй отрядъ*, замѣченный нами, къ которому принадлежатъ всѣ осетровыя рыбы, носитъ названіе *эмалевочешуйчатыхъ*. Составьте табличку всѣхъ животныхъ, о которыхъ читали.

ЯБЛОНЯ.

Въ саду у насъ стоитъ старая, большая и развѣсистая яблоня. *Корни* ея глубоко сидятъ въ землѣ, а кверху поднимается толстый стволъ, покрытый снаружы сѣрою растрескавшеюся *корою*. Вверху стволъ раздѣляется на толстые *сучья*; сучья дѣлятся на *вѣтки*, вѣтки на тоненькія молодыя вѣточки, а на вѣточкахъ дрожатъ *листочки*. Осенью листья желтѣютъ и опадаютъ, а на вѣточкахъ остаются на зиму только маленькія коричневая *почки*.

Всю зиму яблоня стоитъ голая, но весной, когда пригрѣетъ солнышко и снѣгъ растаетъ, корни яблони потянутъ изъ влажной земли питательные соки. Соки стануть подыматься по стволу вверху, побѣгутъ по сучьямъ, вѣткамъ и вѣточкамъ и стануть наполнять маленькія почки. Почки вздуются, размякнутъ; ихъ коричневая чешуйки раздвинутся и изъ-подъ нихъ развернутся зеленые листочки и бѣлорозовые цвѣточки. Когда цвѣточки отцвѣтутъ, то на ихъ мѣстѣ появляются маленькія, зелененькія яблоки — *плоды*. За лѣто яблоки выростутъ, пожелтѣютъ, покраснѣютъ, — и къ осени вся яблоня уберется спѣлыми, сочными плодами. Когда зернышки въ яблокахъ почернѣютъ, значитъ яблоки спѣлы, и начнутъ они тогда сами валиться на землю. Яблоки оборвутъ и отряснутъ; достанется и на нашу долю не одно вкусное яблоко. Осенью опять начнутъ листья желтѣть и опадать, а къ зимѣ останутся на яблонѣ только новыя коричневая *почки* — надежда будущаго года. Такъ живетъ дерево годъ за годомъ.

ЧАСТИ ЯБЛОНИ.

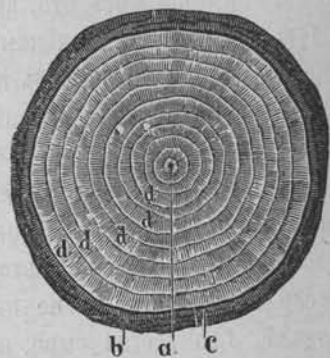
Хотя яблоня наша не говоритъ, не чувствуетъ и не движется по своей волѣ, но, тѣмъ не менѣе, она растетъ, питается, приноситъ плоды, а потомъ старѣется, сохнетъ и умираетъ. У яблони, какъ и у животнаго, есть различныя органы: *корень*, *стволъ*, *листья*, *цвѣты* и *плоды*, такъ что яблоню, какъ и всякое другое растеніе, можно назвать *организмомъ*. (Почему камень нельзя назвать организмомъ?)

Корень яблони растетъ, какъ и стволъ, и раздѣляется на корешки; только корень растетъ не вверху, а внизъ, нижними концами своихъ развѣтвленій. Молоденькіе кончики корней, *мочки*, копаются въ землѣ, сосутъ изъ нея питательную влагу. Обрѣжьте эти тонкіе кончики — и дерево засохнетъ отъ недостатка пищи, хотя вы и не тронули самаго корня. Вотъ почему при пересадкѣ дерева садовникъ заботится болѣе всего, чтобы не портить эти маленькіе корни.

Стволъ. Если перепилить горизонтально стволъ дерева, то можно видѣть, что онъ весь состоитъ изъ множества слоевъ, которые *концентрическими* кругами идутъ отъ *сердцевины* дерева къ корѣ; все эти круги вмѣстѣ составляютъ *древесину* дерева. Сколько круговъ въ стволѣ, столько лѣтъ прожило дерево; послѣдніе круги у самой коры, самые молодые и мягкіе, называются *заболонью*. Каждый годъ, пока дерево растетъ, прибавляется у него по одному кругу.

Кора одѣваетъ стволъ, сучья и вѣтки. Она также состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ. Внутренній ея слой называется *лубомъ* (изъ липоваго луба дѣлаютъ мочалу и короба). На молоденькомъ деревѣ кора гладка, на старомъ шероховата. Если отдеремъ кору отъ дерева, то найдемъ подъ ней мягкій, почти жидкій слой: это сгустившійся *образовательный сокъ* дерева, изъ котораго образуется къ серединѣ слой древесины и къ наружи слой коры.

Листъ яблони прикрѣпленъ къ вѣточкѣ тоненькимъ *черешкомъ*: отъ черешка, по серединѣ листа, идетъ главная жилка, а отъ нея маленькія жилочки расходятся, какъ вѣтки, по всему листу. По краямъ листа — зубчики; верхняя сторона листа зеленая, а нижняя сѣроватаго цвѣта. Если ножичкомъ поскоблить кожицу на листѣ, то увидимъ подъ нею сочную *мякоть*. Посмотрѣвъ на листокъ сквозь увеличительное стекло, откроемъ на немъ маленькія отверстія,

Разрѣзъ древеснаго ствола: *a* сердцевина, *b* кора, *c* лубъ, *d* годовые слои древесины.

устыца, которыми дерево вдыхаетъ воздухъ. И ему, какъ и намъ, необходимъ воздухъ.

ЧѢМЪ ПИТАЕТСЯ ЯБЛОНЯ?

У яблони нѣтъ рта, которымъ она могла бы пережевывать твердую пищу; за то кончиками своихъ корней, *мочками*, она очень хорошо можетъ высасывать изъ земли влагу, въ которой *распущены* разныя питательныя для яблони вещества, какъ распускается сахаръ въ стаканѣ чая.

Вотъ почему для всякаго растенія необходимъ дождь; безъ влаги оно не можетъ *питаться*: не можетъ высасывать изъ *сухой* земли тѣхъ веществъ, которыя ему нужны. Для яблони еще не бѣда, если дождикъ долго не идетъ. Корни яблони сидятъ глубоко въ землѣ, гдѣ всегда сыро; но маленькая травка безъ дождя желтѣетъ и вянетъ очень скоро, потому что ея коротенькіе корешки не находятъ влаги въ верхнемъ высохшемъ слоѣ земли.

Настанетъ весна, снѣгъ растаетъ и напоитъ землю, и корни яблони потянутъ изъ земли питательныя *соки*. Соки эти побѣгутъ вверхъ по корнямъ, по стволу, по вѣткамъ, какъ бѣжитъ вода вверхъ по куску сахара, когда вы обмокнете его въ воду однимъ концомъ. Если весной пробуровать кору дерева, то изъ-за нея закаплетъ сокъ. Вы, вѣроятно, пробовали, какъ сладокъ сокъ клена и березы. Сокъ подымается вверхъ не по всему стволу дерева, а только по молодымъ, еще мягкимъ его слоямъ. Вотъ почему иная старая верба еще зеленѣетъ и даетъ каждый годъ новыя вѣтки, хотя вся сердцевина ея и часть древесины давно уже истлѣла и въ ней образовалось большое дупло.

Поднявшись по стволу, по сучьямъ, по вѣткамъ, сокъ входитъ въ листья, которыми дерево дышетъ. Часть воды изъ сока испаряется, и онъ становится отъ этого гуще. Кромѣ того, черезъ *устыца* листьевъ древесный сокъ напитывается воздухомъ: беретъ изъ воздуха то, что дереву нужно, и отдаетъ то, что для дерева лишнее, но необходимо для животныхъ, также дышащихъ воздухомъ. Вотъ этимъ-то сокомъ, высосаннымъ изъ земли и измѣнившимся въ листь-

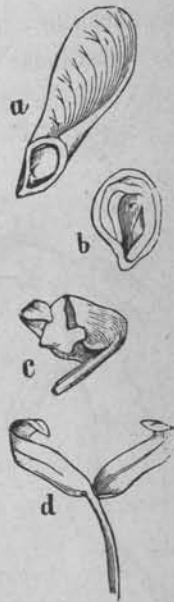
яхъ, и питается яблоня. Оборвите съ яблони всѣ листья, и она не принесетъ вамъ плодовъ, да и сама перестанетъ расти; а если вы будете обрывать листья нѣсколько лѣтъ сряду, то дерево и совѣмъ зачахнетъ.

Изъ листьевъ уже готовый древесный сокъ, сгустившійся и отяжелѣвшій, начинаетъ спускаться опять внизъ, и опять по вѣткамъ, сучьямъ и по стволу, пробираясь между корою и *заболонью*; изъ него-то образуется та сочная *образовательная мякоть*, которую мы палили подъ корою. Изъ этой-то мякоти и образуется новый кругъ древесины и новый слой коры. Если вырѣзать на деревѣ кору кольцомъ вокругъ ствола, до самой древесины, то вверху этого надрѣза дерево будетъ расти по прежнему, а внизу ростъ его остановится, потому что соки, побывавшіе въ листьяхъ, не могутъ уже тогда сверху проходить внизъ.

КЛЕНОВОЕ СѢМЯЧКО.

Старый роскошный кленъ растетъ у насъ за домомъ; три человѣка не могутъ обхватить его могучій стволъ; сотни вѣтвей поднимаются на его толстыхъ сучьяхъ; подъ тѣнью его безчисленныхъ лапчатыхъ листьевъ, какъ подъ зеленой палаткой, обѣдаемъ мы въ жаркіе лѣтніе дни; въ сильный дождь можно просидѣть подъ этимъ зеленымъ навѣсомъ, и развѣ нѣсколько капель упадутъ на платье. Говорятъ, что этому дереву болѣе ста лѣтъ; но знаете ли вы, изъ какого маленькаго сѣмячка оно выросло?

Плоды клена похожи на крылышки мотылька, но въ крылышкѣ самое сѣмячко занимаетъ очень мало мѣста. Сѣмячко въ своемъ крылатомъ плодикѣ сидѣло, сросшись съ другимъ такимъ же сѣмячкомъ, и крылышки были даны

Прорастающее кленовое сѣмячко. *)

*) *a.* Одинъ кленовый плодикъ; въ разрѣзанномъ сѣмени виденъ зародышъ. *b.* Увеличенное сѣмя въ разрѣзѣ: свернутый зародышъ въ серединѣ. *c.* Отдѣльно зародышъ съ неразвернутыми зародышевыми листьями. *d.* Зародышъ, развернувшій листики.

имъ не даромъ. Когда сѣмячки созрѣли, вѣтеръ подхватилъ ихъ и отнесъ далеко отъ родимаго дерева. Одно изъ этихъ сѣмячекъ упало на этомъ самомъ мѣстѣ, и вотъ изъ него-то, изъ этого крошечнаго сѣмячка, выросло такое могучее дерево. Разсмотримъ же это чудное сѣмячко.

Въ серединѣ каждаго кленоваго сѣмячка спитъ малютка-зародышъ, свернувъ два свои листочка и крошечный корешокъ. Кто могъ бы сказать, что этотъ зародышъ, который надо разсматривать въ увеличительное стекло, можетъ превратиться въ такое могучее дерево, какъ нашъ клень?

Упало сѣмячко во влажную землю, размокло, *кожура* на немъ лопнула, и малютка зародышъ проснулся. Онъ пустилъ бѣленькій *корешокъ* внизъ, а два первые листка выглянули наверхъ и позелѣли. Какъ однако были не похожи эти два мясистые *зародышевые листка* на будущіе лапчатые листья клена! Но вотъ между зародышевыми листками появился сверху молоденькій *стебелекъ*, съ крошечной почкой наверху, и почка раскрылась уже двумя лапчатыми кленовыми листочками. Растутъ эти новые листочки, а первые, зародышевые листики все худѣютъ и, наконецъ, засыхаютъ и опадаютъ. Они сдѣлали свое дѣло: своими собственными соками кормили они малютку-растение, пока оно еще было слишкомъ слабо, чтобы самому искать себѣ пищи въ землѣ и воздухѣ. Укрѣпилось маленькое растеньице, стало питаться само — и промежду новыми листочками появляется *новая почка*, выходитъ новый молодой *побѣгъ* и на немъ новые листики. И такъ, выгоняя побѣгъ за побѣгомъ, растетъ молодое деревцо, и черезъ нѣсколько лѣтъ тонкій стебелекъ превращается въ толстый стволъ, молодые побѣги въ крѣпкія вѣт-

Прорастающій клень. ки, крѣпкія вѣтки въ толстые сучья съ сотнями вѣтвей, и на каждой-то вѣткѣ молодые побѣги, и на каждомъ-то

побѣгѣ новые листья! Пройдетъ лѣтъ двадцать, и дерево станетъ цвѣсть и давать сѣмена; пройдетъ сотня лѣтъ — и наши правнуки цѣлой семьей усядутся обѣдать подъ его широкими, безчисленными листьями. Великую же силу вложилъ Творецъ въ крошечное сѣмячко, когда оно умѣетъ изъ земли и воздуха сдѣлать такое могучее дерево! Если свѣситъ сѣмя рѣпы и потомъ самую рѣпу, которая выросла изъ этого сѣмени въ какіе-нибудь три мѣсяца, то мы увидимъ, что рѣпа въ *милліонъ* разъ вѣситъ болѣе, чѣмъ вѣсило само сѣмя. Весь этотъ матеріалъ высосало растеніе изъ воздуха листьями и изъ земли корешками. Не дремало же оно лѣтомъ; хотя мы и не видѣли и не слышали, какъ оно работало!

РАЗМНОЖЕНІЕ РАСТЕНІЙ.

Какимъ множествомъ разнообразнѣйшихъ растеній природа ежегодно украшаетъ землю! На самомъ маленькомъ пространствѣ, — какое разнообразіе видовъ и красокъ! Не менѣе можно удивляться быстротѣ, съ которой природа закрываетъ растеніями каждое пустое мѣсто, кусокъ незаятаго поля или заброшенной дороги, почти голую скалу, даже стѣны и кровли, и сѣетъ траву, деревья и кустарники вездѣ, гдѣ окажется хотя горсть плодородной земли. Мы видимъ это безпрестанно, но не обращаемъ вниманія на это замѣчательное явленіе, потому что привыкли смотрѣть на него съ дѣтства. Величайшая мудрость Создателя проявляется въ самыхъ простыхъ явленіяхъ, которыхъ не замѣчаютъ именно потому, что они такъ просты и естественны.

Большая часть растеній обладаетъ удивительною силою размноженія. Растеніе, извѣстное подъ именемъ табака, приноситъ ежегодно до 40,000 сѣмянъ. Дубъ живетъ болѣе пятисотъ лѣтъ; положимъ, что въ это время онъ принесетъ желуди только 50 разъ и дастъ каждый разъ только до 500 желудей, что составитъ 25,000 желудей, а изъ каждаго можетъ вырасти цѣлое дерево. Если теперь предположить, что эти деревья также будутъ приносить желуди, а изъ желудей будутъ вырастать дубы, то скоро число дубовъ надобно будетъ считать сотнями милліоновъ. Такая сила размноженія объяс-

плеть, откуда берется безчисленное множество растений, покрывающих землю.

Если бы каждое зернышко, отделяясь от родимаго растения, падало тут же на землю и оставалось лежать тамъ, гдѣ упало, то подъ каждымъ растеніемъ набралась бы куча зеренъ и ни одно изъ нихъ не могло бы пустить корней въ землю и прорасти. Но Богъ своею премудростью устроилъ дѣло иначе. Многія зернышки, какъ только созрѣютъ, такъ и разносятся въ разныя стороны. Онѣ такъ малы и легки, что малѣйшее движеніе вѣтра уноситъ ихъ далеко. Зернышки нѣкоторыхъ растений снабжены примѣтными перышками, которыя помогаютъ имъ летѣть. Такія перышки, или пухъ, бываютъ, напримѣръ, на одуванчикѣ, пушистые шары котораго дѣти любятъ раздувать, помогая, такимъ образомъ, разсѣванію его сѣмянъ. Когда шишка сосны созрѣетъ вполне, то чешуи ея раскрываются, и изъ-подъ нихъ крылатыя сѣмена разсыпаются во все стороны. У степной травы ковыля къ каждому острому зернышку прикрѣпленъ длинный, пушистый и легкій хвостикъ, и вѣтеръ несетъ созрѣвшее сѣмячко ковыля за сотни верстъ.

Когда осенью вѣютъ постоянные, сильные вѣтры, на которые мы часто жалуемся, то не должно забывать, что осенью именно созрѣваютъ сѣмена растений, и что вѣтеръ дѣлаетъ то же самое, что и пахарь, когда онъ, выйдя на поле, раскидываетъ полною горстью сѣмена хлѣба. Припомните также, что именно въ это время дожди размачиваютъ землю и дѣлаютъ ее способною принять въ себя и прорастить сѣмена растений. Такъ все служитъ одно другому въ великомъ созданіи Божиемъ, и нельзя не видѣть, что вся природа есть твореніе одного всеобъемлющаго ума. Тотъ, кто повелѣлъ растеніямъ производить сѣмена, Тотъ же посылаетъ вѣтеръ, когда эти сѣмена созрѣютъ, и даетъ дожди, чтобы растворить землю.

Но этого мало: многія животныя способствуютъ, сами того не зная, размноженію растений. Такъ, сѣмена череды заключены въ плодики съ цѣпкими крючечками, которыми они прицѣпляются къ животнымъ, даже къ платьямъ людей, и разсѣваются въ самыя отдаленныя мѣста. Другія сѣмена бываютъ заключены въ такія твер-

дыя оболочки, что остаются непереваренными въ желудкѣ птицъ, и такимъ образомъ появляется, напр., вишневое дерево гдѣ-нибудь на верхушкѣ старой башни. Есть и такія сѣмена, которыя, попадая въ рѣку, уносятся въ море и остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не прибѣтъ къ берегу, гдѣ они начинаютъ проростать. Конечно, множество сѣмянъ пропадаетъ даромъ, только удобряя землю (потому-что ничто въ природѣ совершенно даромъ не пропадаетъ); множество служитъ пищею для животныхъ и людей; но зато каждое растеніе приноситъ такъ много сѣмянъ, что если тысячная доля изъ нихъ произрастетъ, то и того достаточно, чтобы покрыть землю растеніями. Такимъ образомъ, все въ природѣ—облака и дождь, вѣтеръ и буря, птицы и звѣри—содѣйствуетъ распространенію растений, повинуваясь волѣ Всемогущаго Создателя.

ПОЛЬЗА, ДОСТАВЛЯЕМАЯ ЧЕЛОВѢКУ РАСТЕНІЯМИ И ЖИВОТНЫМИ.

Человѣкъ, какъ господинъ земли, данной ему въ обладаніе, пользуется для удовлетворенія своихъ потребностей, и даже своихъ прихотей, царствомъ животнымъ и растительнымъ.

Отъ животныхъ мы получаемъ мясо, сало, ворвань, молоко, яйца, кожу, шерсть, щетину, кость, рога и копыта, пухъ, перья, китовый усъ, жемчугъ, перламутръ, медъ, шелкъ и нѣкоторые другіе предметы. Многія животныя, не служа намъ ни для пищи, ни для одежды, приносятъ намъ удовольствіе, напримѣръ, соловьи, канарейки, попугаи; другія возятъ насъ, третьи охраняютъ нашъ домъ; многія служатъ намъ, истребляя другихъ вредныхъ животныхъ; но есть и такія, которыя, сколько мы знаемъ, только вредны, какъ, напримѣръ: ядовитыя змѣи, бесполезный, хотя величественный левъ, надоедающая муха, и пр.

Царство растительное доставляетъ намъ еще гораздо болѣе пользы, чѣмъ царство животное. Въ пищу мы употребляемъ такое множество разнообразнѣйшихъ растений, что перечестъ ихъ трудно. У однихъ растений мы сѣдаемъ плоды, каковы: яблоки, груши,

апельсины, ягоды и т. д. У другихъ мы пользуемся сѣменами, таковы: рожь, пшеница, ячмень и всё вообще хлѣбныя растенія; конопля, ленъ, подсолнечникъ, изъ сѣмянъ которыхъ добываютъ конопляное, льняное и подсолнечное масло. У иныхъ идетъ намъ въ пищу сердцевина, такъ, на примѣръ: сердцевина саговой пальмы, изъ которой дѣлаютъ саго. У другихъ мы беремъ листья, какъ, на примѣръ: у капусты, у мяты, у чайнаго дерева (хотя иные чаи называются цвѣточными, но бѣлые листики, которые мы замѣчаемъ между черными, вовсе не цвѣты, а только молодые, пушистые листочки того же чайнаго дерева). Нѣкоторыя предлагаютъ намъ свой сокъ, на примѣръ: сахарный тростникъ, береза, кленъ, свекла, изъ сока которой также выдѣлываютъ сахаръ. Иныя даютъ намъ свои луковицы и клубни, на примѣръ: лукъ, чеснокъ, картофель,—или корни, на примѣръ: морковь, свекла, рѣпа и др., называемыя потому *корнеплодными* растеніями. Грибы служатъ намъ всёмъ своимъ тѣломъ. Мы уже не говоримъ здѣсь о лѣкарственномъ употребленіи растеній: растеніямъ, идущимъ въ лѣкарства, почти и числа нѣтъ.

Растенія не только питаютъ, но и одѣваютъ насъ, таковы: ленъ, конопля, хлопчатобумажный кустарникъ, въ плодахъ котораго, закрывая сѣмена, вырастаетъ бѣлая, пушистая хлопчатая бумага. Многія растенія доставляютъ краску, которою мы раскрашиваемъ наши ситцы, кисеи, сукна и различныя вещи.

Кромѣ пищи и одежды, растенія даютъ намъ матеріалъ для нашихъ построекъ, для нашихъ лодокъ и кораблей, для нашей мебели и для тысячи мелкихъ вещей, которыя мы употребляемъ: для бумаги, на которой мы пишемъ; для чернилъ, которыми мы пишемъ, и т. д.

Но всего этого мало: растенія очищаютъ воздухъ, служащій намъ для дыханія; они берутъ изъ воздуха угольную кислоту, вредную для животнаго и человѣка, отдѣляютъ изъ нея для себя углеродъ и отсылаютъ назадъ въ воздухъ чистый кислородъ, безъ котораго не можетъ жить ни одно животное. Растенія постоянно освѣжаютъ воздухъ, который портится дыханіемъ животныхъ; живот-

ныя, наоборотъ, вдыхая воздухъ, выдыхаютъ угольную кислоту, необходимую растеніямъ.

Растенія кормятъ собою не только человѣка, но и всѣхъ животныхъ. Одни животныя кормятся прямо растеніями, а другія пожираютъ тѣхъ животныхъ, которыя кормятся растеніями, по все, что живетъ, посредственно или непосредственно, кормится растеніями. Левъ разрываетъ маленькую серпу, но серна кормилась травой; орелъ терзаетъ зайчика, но зайчикъ выкормился корою молодыхъ деревьевъ, листьями и зелеными стебельками овса, лиса лакомится курицей, а вкусное мясо курицы выработалось изъ хлѣбныхъ зеренъ; быкъ и корова даютъ намъ питательное мясо, но это мясо образовалось изъ травы и сѣна, переработанныхъ въ кровь въ желудкѣ животнаго. Крѣпкая, какъ сталь, слоновая кость вырабатывается изъ рису, листьевъ и травы, которыми кормится травоядный слонъ. Пчела приноситъ намъ медъ; но она беретъ его изъ цвѣтковъ растеній. Шелковичный червь прядетъ для насъ шелковичную нитку; но матеріалъ, изъ котораго образуется эта нитка—листья шелковичнаго дерева.

А сколько красоты придаютъ растенія нашей землѣ! Они прикрываютъ, оживляютъ и украшаютъ тѣ безжизненные камни, глины, пески, тѣ безжизненные минералы, изъ которыхъ состоитъ кора земного шара. Кто бывалъ въ песчаной или каменной пустынѣ, гдѣ на многія сотни верстъ вокругъ нѣтъ ни деревца, ни травки, и потомъ вступитъ въ болѣе счастливую страну и, ставъ посреди роскошнаго, ярко-зеленаго луга, взглянетъ на волнующіяся поля, полныя хлѣбныхъ колосевъ, на пестрые цвѣты, на тѣнистыя рощи, въ которыхъ дышетъ прохладою, и на темныя задумчивыя лѣса,—тотъ невольно возблагодаритъ Господа, создавшаго землю и повелѣвшаго ей облечься въ роскошную растительную одежду.

КРЕМЕНЬ.

Всѣ мы знаемъ, что кремень есть *камень*, и, притомъ, очень *твердый* камень, который трудно раздробить на части. Края кремня могутъ быть иногда такъ остры, что ими можно рѣзать дерево и даже проводить черточки на стеклѣ, которое нельзя разрѣзать ножомъ, а только самымъ твердымъ камнемъ—алмазомъ.

Кремень находятъ иногда очень большими кусками, которые бываютъ покрыты известковой корой. Цвѣта кремень бываетъ различнаго: большею частью сѣрый, разныхъ оттѣнковъ, иногда даже черный; въ краяхъ онъ просвѣчиваетъ. Если кремень расколоть, то поверхность въ этомъ мѣстѣ не бываетъ ровной и не блеститъ. Вкуса кремень не имѣетъ никакого, потому что не распускается въ водѣ.

При ударѣ сталью о кремень выскакиваютъ искры. Если нѣсколько времени *высѣкать* искры стальнымъ огнивомъ, то сталь сотрется; а если мы положимъ листъ бѣлой бумаги и надъ нимъ станемъ высѣкать огонь, то увидимъ на бумагѣ маленькіе кусочки перегорѣвшей стали. Искра, слѣдовательно, есть не что иное, какъ кусочекъ стали, раскалившійся до-красна отъ сильнаго удара по камню. Отъ сильнаго удара и тренія не одна сталь нагрѣвается. Двѣ палки можно тереть одна о другую до того, что обѣ загорятся. Если ударить нѣсколько разъ молоткомъ по гвоздю, то можно ощутить осязаніемъ, какъ шляпка гвоздя и молотокъ нагрѣваются. Неподмазанное колесо, при скорой ѣздѣ, до того трется объ ось, что отъ обоихъ идетъ дымъ и оба могутъ загорѣться. Но чѣмъ тверже тѣла, тѣмъ отъ тренія ихъ происходитъ болѣе тепла. Вотъ почему, чтобы высѣчь огонь, бьютъ по кремню не желѣзомъ, а сталью, которая гораздо тверже желѣза.

По составу кремень называютъ *кремнеземомъ*. Изъ горныхъ жилъ добываютъ множество камней такого же состава и такой же твердости, какъ кремень, но другихъ цвѣтовъ: напр. обыкновенный *кварцъ*—бѣлаго цвѣта, *аметистъ*—фіолетовый и прозрачный, *горный хрусталь*—безцвѣтный и прозрачный, и др. Эти камни находятъ всегда въ правильныхъ формахъ, называемыхъ *кристаллами*; тогда какъ кремень никогда не встрѣчается въ видѣ кристал-

ловъ, почему его называютъ *аморфнымъ*, т. е. безформеннымъ. Въ такомъ же аморфномъ видѣ и такого же состава, какъ кремень, въ землѣ находятъ: *сердоликъ*, *агатъ*, *ониксъ*, *яшму* и много другихъ камней, идущихъ на украшенія. Бѣлый песокъ, который употребляется для приготовления стекла, есть также кремнеземъ, только сильно измельченный.

ГЛИНА, И ЧТО ИЗЪ НЕЯ ДѢЛАЕТСЯ.

Глина такой необходимой, полезный для человѣка матеріалъ, что Создатель щедро распространилъ его почти на всѣхъ мѣстахъ земного шара. Глина составляетъ одну изъ главнѣйшихъ частей почвы, т. е. той земли, по которой мы ходимъ. По большей части она бываетъ тутъ съ чѣмъ нибудь смѣшана, въ особенности съ пескомъ, а въ чистомъ видѣ находится иногда подъ почвой. Она не прозрачна, не имѣетъ никакого блеска, которымъ отличается желѣзо, золото, мѣдь и другіе металлы, и той твердости, которою отличается кремень, булыжникъ и другіе камни, хотя во многихъ камняхъ она бываетъ главною составною частью. Чаще всего попадаетъ глина желтовато-сѣраго цвѣта и рѣже глина голубая и бѣлая.

Одно изъ главныхъ свойствъ глины заключается въ томъ, что она очень любитъ воду, жадно впитываетъ ее въ себя и, въ смѣшеніи съ водою, дѣлается мягкой и лѣпкою; а когда высохнетъ, т. е. когда вода отъ тепла превратится въ паръ и испарится въ воздухъ, то глина твердѣетъ, какъ камень, и даже трескается. Это свойство глины подало людямъ мысль готовить изъ нея кирпичъ, черепицу и различную посуду.

Кирпичъ изъ глины дѣлаютъ очень просто. Выбираютъ такое мѣсто, гдѣ по близости можно было бы найти глину, песокъ и воду, и устраиваютъ на немъ кирпичный заводъ, состоящій изъ сарая съ одною крышею, безъ стѣнъ, для того, чтобы вѣтеръ могъ подъ нимъ продувать свободно, и большой печи, въ которой можно было бы обжигать кирпичъ. Возлѣ сарая вырываютъ неглубокую яму, перемѣшиваютъ глину, песокъ и воду или лопатами, или ногами, а иногда машинами, которыя приводятся въ дѣйствіе лошадьми или паромъ.

Послѣ того накладываютъ глину въ формы, въ родѣ деревянныхъ ящичковъ, открытыхъ сверху; палкой снимаютъ то, что оказывается лишнимъ, и выкладываютъ изъ формы на доску уже сырой кирпичъ, или *сырецъ*; словомъ, дѣлаютъ почти то же, что и маленькія дѣти, когда они лѣпятъ изъ песку пирожки, съ тою только разницею, что формочки, надѣланныя дѣтьми изъ песку, чѣмъ болѣе высыхаютъ, тѣмъ легче рассыпаются, а глина, напротивъ, чѣмъ становится суше, тѣмъ дѣлается тверже. Налѣпивъ, такимъ образомъ, цѣлую массу будущихъ кирпичей, раскладываютъ ихъ осторожно подъ крышей сарая, гдѣ они не могутъ размокнуть отъ дождя и гдѣ, въ то же время, ихъ со всѣхъ сторонъ хорошо прохватываетъ вѣтромъ. Искусный и прилежный работникъ въ одинъ день можетъ выработать такихъ, еще мягкихъ, кирпичей болѣе тысячи.

Давши хорошенько просохнуть кирпичамъ, ихъ складываютъ потомъ въ большую печь, которая устраивается такъ, что внизу есть у нея нѣсколько топокъ, куда кладутъ дрова, а сверху на кирпичномъ днѣ, съ отверстіями, пропускающими пламя, кладутъ въ нѣсколько рядовъ кирпичи ребрами, такъ, чтобы между ними могъ проходить огонь. Затопивъ печь, понемногу начинаютъ усиливать огонь, а когда увидятъ, что кирпичи уже достаточно обожжены, то такъ же постепенно начинаютъ уменьшать огонь, и наконецъ совершенно его тушатъ. Отъ дѣйствія жара кирпичъ прокаливается, дѣлается краснымъ, звонкимъ и, сравнительно съ сырцомъ, легкимъ, потому что отъ него отдѣлилась вода. Чѣмъ лучше обожженъ кирпичъ, тѣмъ онъ прочнѣе. Изъ кирпичей строятъ каменные дома, каменные мосты, церкви; изъ кирпичей выстроены громадныя города, въ которыхъ живутъ милліоны людей.

Глиняную посуду лѣпить тоже не очень трудно, и вы скоро поймете это производство, если заглянете въ мастерскую горшечника. Изъ особенной, тонкой, бѣлой глины, которая попадаетъ очень рѣдко, дѣлаютъ дорогую фарфоровую посуду. У насъ хорошая фарфоровая глина находится въ Черниговской губерніи, въ Глуховскомъ уѣздѣ.

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ.

Соль есть единственный минераль, употребляемый человекомъ въ пищу: въ лѣкарствахъ же употребляются нѣкоторые другіе. Она не только улучшаетъ вкусъ многихъ блюдъ, но полезна и даже необходима для здоровья; кромѣ того, солью же сохраняютъ въ прокъ мясо, сало, рыбу, птицъ, грибы, огурцы и многія другія органическія тѣла.

Какого цвѣта соль—вы это знаете; по цвѣту трудно отличить ее иногда отъ сахара, зато по вкусу мы можемъ узнать вездѣ присутствіе соли. Соль совершенно распускается въ водѣ, причѣмъ вода пріобрѣтаетъ соленый вкусъ. Но вода не можетъ распустить въ себѣ сколько угодно соли, а только опредѣленное количество, смотря по количеству самой воды, и если переложить соли, то вода перестанетъ ее распустить; тогда говорятъ, что вода *насытилась* солью.

Распустивъ соль въ водѣ, можно снова добыть ее оттуда; стоитъ только воду, насыщенную солью, кипятить до тѣхъ поръ, пока вся вода, превращаясь постепенно въ паръ и уходя въ воздухъ, выкипитъ: соль останется тогда на днѣ сосуда. Налейте соленой воды на плоское чайное блюдечко и поставьте его куда-нибудь на нѣсколько дней: вода мало-по-малу испарится, а на днѣ блюдечка появится множество маленькихъ шестигранныхъ кристалликовъ, у которыхъ всѣ шесть площадокъ равны между собою и которые называются *кубиками*. Соляные кристаллы прозрачны и блестятъ.

Соль добываютъ или выкапывая изъ земли, какъ множество другихъ камней и металловъ, или доставая изъ водъ, насыщенныхъ солью, напр. изъ озеръ, въ которыхъ соль осѣдаетъ на дно кристаллами, или изъ морской воды. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ морѣ вода вездѣ, хотя не въ одинаковой степени, напитана солью; но въ морской водѣ, кромѣ соли, есть и другія примѣси, такъ что вкусъ этой воды горько-соленый, и она для питья не годится.

Твердую, каменную соль добываютъ у насъ въ Бахмутѣ (Екатеринослав. губ.), а также въ Илецкой Западѣ (Оренбургск. губ.), въ Славянскѣ (Харьков. губ.), въ Закавказьи и въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири. Кромѣ того, у насъ есть множество пересыхающихъ лѣтомъ озеръ, въ которыхъ соль толстыми пластами осѣдаетъ

на дно, откуда ее и достаютъ. Самыя большія изъ такихъ озеръ находятся въ Астраханской губерніи: это—Баскунчакъ и Элтонъ; соль добываютъ изъ Баскунчакскаго озера, такъ какъ оно ближе къ Волгѣ, и отъ него теперь проведена къ Волгѣ желѣзная дорога. Есть у насъ и соляныя источники, вода которыхъ пріобрѣтаетъ соль, пробираясь въ глубинѣ земли между пластами каменной соли: изъ такой воды соль вываривается въ *соляныхъ варницахъ*.

С Ъ Р А.

Желтая сѣра принадлежитъ также къ минеральному царству и добывается изъ нѣдръ земли въ чистомъ видѣ, а также и въ соединеніи съ другими минералами. Она легко плавится, и не нужно большого огня, чтобъ сдѣлать ее жидкою. При охлажденіи сѣра, равно какъ и соль, принимаетъ форму кристалловъ; но только эти кристаллы уже не кубики, а двѣ четырехстороннія пирамидки, сложенныя основаніями. Въ водѣ сѣра не распускается и потому вкуса не имѣетъ; но запахъ, хотя слабый, издаетъ, особенно, если ее сильно потереть рукою.

Помается сѣра очень легко; въ водѣ тонетъ,—слѣдовательно тяжелѣе воды; въ огнѣ сильно горитъ голубымъ пламенемъ и даетъ смрадныя и удушливыя пары, которые, попадая въ легкія, возбуждаютъ сильный кашель.

Сѣра употребляется въ нѣкоторыхъ производствахъ: для полученія сѣрной кислоты, для приготовленія пороха, въ которомъ она смѣшивается съ селитрою и углемъ, а также и въ лѣкарствахъ.

ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛА.

Мы такъ привыкли пользоваться стекломъ, что не можемъ себѣ представить, какъ жили люди, не зная его употребленія. Безъ зеркалъ можно было бы еще обойтись; прекрасную стеклянную посуду можно было бы замѣнить глиняною; но чѣмъ замѣнить стекло въ окнахъ, особенно въ холодныхъ странахъ, гдѣ необходимо имѣть такія окна, которыя бы, пропуская въ комнату свѣтъ, не выпускали изъ нея тепла? А между тѣмъ, дѣтъ двѣсти тому назадъ, у насъ въ Россіи, даже въ городахъ, много было домовъ съ оконницами изъ слюды—камня, который весьма легко раздирается на тонкіе и про-

зрачные слои. У эскимосовъ и теперь, вмѣсто стеклъ, употребляются куски льда; въ землянкѣ башкира часто въ окнахъ бываетъ бумага, пропитанная масломъ. Но слюда очень быстро портится отъ солища, ледъ очень быстро таетъ, а пропитанная масломъ бумага мало пропускаетъ свѣта, и потому все эти матеріалы не могутъ вполне замѣнить собою стекла. Въ настоящее время употребленіе стекла до того уже распространено, что, кромѣ юртъ дикарей, нѣтъ такой бѣдной избытки, въ которой не было бы хотя нѣсколькихъ его кусочковъ. Но какъ же дѣлается стекло? Вѣроятно, изъ какихъ-нибудь недорогихъ матеріаловъ, если оно по цѣнѣ своей доступно всякому бѣдняку. Дѣйствительно, стекло дѣлается изъ трехъ весьма дешевыхъ веществъ: песку, поташа и извести. Изъ этихъ трехъ веществъ намъ менѣе всего извѣстенъ *поташъ*, потому-что онъ не находится въ природѣ въ чистомъ видѣ, но готовится изъ золи. Песокъ берутъ самый мелкій и чистый, но, чтобы сдѣлать его еще мельче, накалываютъ его въ сильномъ огнѣ, а потомъ бросаютъ въ холодную воду, отчего каждая песчинка трескается на нѣсколько еще меньшихъ кусочковъ. Все эти три вещества—песокъ, поташъ и известь—кладутся въ особенныя печи, устраиваемыя на стеклянныхъ заводахъ, и дѣйствіемъ сильнѣйшаго жара превращаются въ жидкую и прозрачную стеклянную массу.

Вы, вѣроятно, знаете, какъ выдуваются соломинкою мыльные пузыри; почти точно такъ же дѣлается и стекло. Но для этого берется уже не соломинка, которая сторѣла бы отъ жара жидкаго стекла, а желѣзная трубочка, обдѣланная съ одного конца деревомъ, такъ, чтобы работникъ не могъ обжечь себѣ губъ. На одинъ изъ концовъ этой трубочки набираютъ стеклянной жидкости, какъ дѣти набираютъ на соломинку жидкаго мыла, чтобы выдуть мыльный пузырь, а въ другой начинаютъ дуть: тогда изъ жидкости образуется мягкій пузырь, которому не даютъ застыть и сдѣлаться совершенно твердымъ, подогрѣвая его въ печи. Повертывая трубочку, то подымая ее вверхъ, то опуская внизъ, даютъ стеклянному пузырю форму бутылки или графина, смотря по тому, что хотятъ приготовить. Для приготовленія оконныхъ стеклъ стараются сначала выдуть такую фигуру, которая,

если ее обрѣзать сверху и снизу, походила бы на правильный *цилиндръ*. Сбоку этого цилиндра проводятъ сначала черту холодною водою, а потомъ по этой чертѣ проводятъ раскаленнымъ желѣзомъ, отчего цилиндръ даетъ трещину въ томъ самомъ мѣстѣ. Тогда его снова нагрѣваютъ, меньше прежняго, и, осторожно развертывая въ листъ, выравниваютъ желѣзнымъ брускомъ. Такимъ образомъ приготавливаютъ тѣ прозрачныя, гладкія пластинки, которыя мы видимъ въ окнахъ. Не легка эта работа; чтобы научиться сдѣлать простую бутылъ, много долженъ поработать человекъ; но сколько долженъ поработать онъ, чтобы умѣть сдѣлать гладкое, чистое и толстое зеркальное стекло въ нѣсколько аршинъ длиною и шириною. Теперь производство стекла очень усовершенствовано и упрощено: многія вещи, напр. стклянки, стаканы, блюдечки, просто выливаютъ или выдавливаютъ въ формахъ; оконныя стекла, особенно толстыя, теперь такъ же выливаютъ, какъ зеркальныя.

ЖЕЛѢЗО.

Взявъ въ руки какую-нибудь желѣзную вещь, мы легко убѣдимся, что желѣзо—металлъ очень твердый. Но, спрашивается, какъ изъ такого твердаго и негибкаго металла приготавливаютъ такія различныя вещи? И дѣйствительно, очень было бы трудно давать желѣзу разнообразныя формы, если бы оно не имѣло свойства дѣлаться мягкимъ въ сильномъ жару.

Всякій, вѣроятно, знаетъ, какъ въ огнѣ легко разгорячается и раскаляется желѣзо, причѣмъ и само оно дѣлается краснымъ, какъ огонь. Но если жаръ еще усилить, тогда желѣзо начинаетъ бѣлѣть, маленькія голубыя искры отскакиваютъ отъ него во все стороны, и оно дѣлается до того мягкимъ и ковкимъ, что кузнецъ или слесарь, съ помощью молотка и щипцовъ, дѣлаютъ изъ него все, что имъ угодно. Для того, чтобы сдѣлать желѣзо мягкимъ, требуется сильный жаръ, и каждый, кто былъ въ кузницѣ, вѣроятно замѣтилъ, какъ кузнецы усиливаютъ жаръ раскаленныхъ угольевъ посредствомъ большихъ раздувальныхъ мѣховъ. Если жаръ еще усилить, то желѣзо можетъ расплавиться, то есть превратиться въ жидкость; но

для этого жаръ долженъ быть страшно великъ, поэтому что желѣзо плавится очень трудно.

Желѣзо находятъ всегда въ видѣ *руды*, т. е. въ соединеніи съ другими тѣлами. Мѣста, гдѣ выкапываютъ изъ земли желѣзную руду, называются *желѣзными рудниками*; а люди, занимающіеся добываніемъ какъ желѣза, такъ и другихъ рудъ, — *рудокопами*. Накопавъ желѣзной руды, которая иногда находится на большой глубинѣ, а иногда лежитъ почти на поверхности, работники доставляютъ ее на *желѣзные заводы*, гдѣ изъ этой руды добываютъ чугуны, желѣзо и сталь.

На желѣзныхъ заводахъ устроены большія *доменные печи*, саженыя по пяти вышиною, изъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ. Въ такую печь кидаютъ сверху желѣзную руду вмѣстѣ съ каменнымъ углемъ, известкой и глиной, которыя помогаютъ рудѣ плавиться. Потомъ растапливаютъ печь и до того увеличиваютъ жаръ, что изъ желѣзной руды образуется тяжелое расплавленное желѣзо. Расплавленное желѣзо по своей тяжести опускается внизъ и собирается въ особенномъ, нарочно для того устроенномъ, мѣстѣ, откуда его выпускаютъ въ канавки, вырытыя въ пескѣ, или въ особенныя глиняныя формы. Желѣзо въ такомъ видѣ имѣетъ въ себѣ еще уголь, хрупко, сѣраго цвѣта, и называется *чугуномъ*. Изъ чугуна *выливаются* многія вещи: ядра, рѣшетки, заслонки для печей, цѣлыя колонны, котлы и проч.; но чугуны хрупокъ и не имѣетъ той *ковкости*, которою обладаетъ желѣзо. Заводы, на которыхъ лютъ изъ чугуна различныя вещи, называются *чугунно-литейными заводами*.

Чтобы изъ хрупкаго чугуна приготовить ковкое желѣзо, должно снова расплавить чугуны и подвергнуть его вліянію воздуха и сильнаго жара; отъ этого чугуны отдѣлится отъ себя почти весь уголь и сдѣлается ковкимъ желѣзомъ. Первоначально желѣзо готовится въ формѣ большихъ полосъ и въ такомъ видѣ называется *полосовымъ желѣзомъ*. Изъ желѣзныхъ полосъ, которыя повсюду развозятся съ заводовъ на продажу, кузнецы и слесари приготавливаютъ множество разнообразныхъ вещей. Изъ чугуна же готовится также и сталь, которая содержитъ въ себѣ также уголь, но меньше,

чѣмъ чугуны. Поэтому, для приготовления стали раскаляютъ желѣзо и прибавляютъ къ нему уголь, или чугуны расплавляютъ и посредствомъ вдвѣванія воздуха лишаютъ его части угля. Сталь въ сильномъ жару плавится, какъ чугуны.

Изъ стали дѣлаютъ такія вещи, въ которыхъ пужна особенная твердость или упругость, какъ, на примѣръ, иголки, ножи, острые сабли, бритвы, упругія часовыя пружины, пилы и проч.

Желѣзо въ восемь разъ тяжелѣе воды. Оно имѣетъ свойство, лежа на воздухѣ, и особенно въ сыромъ мѣстѣ, или въ водѣ, покрываться ржавчиной, — красноватымъ хрупкимъ веществомъ. Если кусокъ желѣза долго остается въ сыромъ мѣстѣ, то можетъ весь превратиться въ ржавчину и разсыпаться: такъ иногда ломается перержавѣвшая петля на двери или перержавѣвшій ключъ въ замкѣ.

Желѣзо — самый полезный изъ металловъ. Изъ него приготовляются тысячи самыхъ необходимыхъ вещей: топоры, сохи, подковы, замки, цѣпи, болты, петли, гвозди и пр.; изъ него же дѣлаютъ различныя машины, пароходы, крыши. Подумайте только, какъ необходимо для человѣка даже простой желѣзный гвоздь, и вы поймете, что если бы Творецъ не создалъ желѣза и не распространилъ его по всей землѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, то люди никогда не достигли бы нынѣшней степени образованія. Если гореть испанцевъ побѣждала сотни тысячъ первобытныхъ жителей Америки, то это главнымъ образомъ потому, что американцы не знали употребленія желѣза: съ топорами и копьями, сдѣланными изъ костей и кремней, трудно сражаться противъ людей, вооруженныхъ стальными мечами.

Одна желѣзная руда, чернаго цвѣта, добываемая у насъ на Уралѣ въ большомъ количествѣ, имѣетъ свойство притягивать желѣзо и намагничивать стальныя полоски; такая руда называется *магнитнымъ желѣзнякомъ*.

М Ъ Д Ъ

По твердости своей и блеску, который называется вообще металлическимъ блескомъ, мѣдь имѣетъ много сходнаго съ желѣзомъ, но совершенно отличается отъ него своимъ краснымъ цвѣтомъ; натуральный цвѣтъ мѣди можно видѣть въ новыхъ мѣдныхъ монетахъ. Мѣдь

тверже свинца и олова, но мягче желѣза; за то она легче его плавится и тянется, почему изъ нея удобнѣе дѣлать различныя тонкія вещи. Въ сыромъ воздухѣ, въ соленой и кислой водѣ, а также въ жиру, мѣдь покрывается особенною яркою зеленью; эта зелень, называемая *ярью* или *мѣдянкою*, очень ядовита. Вотъ почему самовары, кастрюли и другую мѣдную посуду, назначенную для приготовления пищи или питья, покрываютъ внутри *полудою*, т. е. слоемъ олова. Мѣдь легко распускается въ различныхъ кислыхъ и крѣпкихъ жидкостяхъ (кислотахъ), и тогда даетъ прекрасную зеленую или синюю краску, употребляемую въ различныхъ производствахъ. Иногда такою краскою покрываютъ обои и красятъ ткани; но обивать комнаты такими обоями и носить такія ткани вредно для здоровья.

Мѣдь имѣетъ еще одно драгоценное свойство — легко сплавляться съ другими металлами. Пользуясь этимъ свойствомъ, приготовляютъ изъ мѣди латунь, бронзу, томпакъ, новое серебро и другіе *искусственные металлы*, т. е. *сплавы*. Самый обыкновенный сплавъ мѣди, это *латунь* или желтая мѣдь, изъ которой дѣлаютъ самовары, ручки для дверей, петли, задвижки и т. д. Латунь есть сплавъ мѣди съ цинкомъ. Мѣдь издаетъ очень пріятный звукъ, почему изъ мѣди льютъ колокола; но чтобы звукъ былъ еще чище, прибавляютъ къ ней серебра. Такъ какъ мѣдь гораздо мягче стали, то на отполированной мѣдной пластинкѣ вырѣзываютъ острымъ стальнымъ рѣзцомъ различныя изображенія; наполнивъ же эти углубленія особенною черною краскою, отпечатываютъ на бумагѣ различныя гравюры.

Въ чистомъ видѣ мѣдь хотя и находится въ горахъ, но рѣдко; чаще ее находятъ въ видѣ мѣдной руды, въ соединеніи съ другими тѣлами; тогда должно ее отдѣлять, при чемъ поступаютъ почти такъ же, какъ и при обработкѣ желѣза. Мѣди находятъ гораздо менѣе, чѣмъ желѣза, и добывать ее труднѣе; а потому она гораздо дороже.

З О Л О Т О

Золото, по рѣдкости своей, по прекрасному цвѣту, сильному блеску и по тому, что почти никогда не находится въ соедине-

ни съ другими тѣлами и никогда не ржавѣтъ, заслуживаетъ вполне названіе *благороднаго* металла. Свойство золота никогда не ржавѣтъ подало мысль покрывать имъ главы церквей, которыя, оставаясь постоянно на воздухѣ и подъ дождемъ, тѣмъ не менѣе блестятъ ярко до тѣхъ поръ, пока остается на нихъ позолота.

Золото въ девятнадцать разъ тяжелѣе воды, слѣдовательно, гораздо тяжелѣе желѣза. Въ чистомъ видѣ оно очень мягко, а потому, если хотять изъ него сдѣлать какую-нибудь вещь, то примѣшиваютъ къ нему мѣдь и серебро. Слѣдовательно, золотыя вещи готовятся изъ сплавовъ; количество золота въ сплавѣ называется *пробой*, которая всегда и выставляется на золотой вещи. Если на вещи выставлено число 56, то это означаетъ, что въ одномъ золотникѣ этого сплава, т. е. 96-ти долей, находится 56 долей золота и 40 долей серебра и мѣди. Расплавленное золото имѣетъ зеленый цвѣтъ. Оно очень сильно тянется, и изъ одного червонца можно выковать такой тонкій листъ золота, что этимъ листомъ легко покрыть и лошадь, и всадника. Оно разъ въ пятнадцать дороже серебра, такъ что за фунтъ золота можно приобрести пятнадцать фунтовъ серебра.

Золото находятъ всегда въ чистомъ видѣ, но, по большей части, очень маленькими кусочками; впрочемъ, въ Россіи находили иногда куски пуда въ два вѣсу; но такіе куски, называемые *самородками*, попадаются рѣдко. Чаще же всего находятъ золото или въ камняхъ, маленькими крапинками,—тогда нужно разбить камень въ мелкіе кусочки, чтобы добыть изъ него золото,—или крошечными зернышками и блестками въ пескѣ, и тогда должно долго промывать песокъ, чтобы отдѣлать отъ него драгоценный металлъ. Когда камень отъ дѣйствія воды и воздуха рассыпается въ песокъ, тогда и золото изъ него освобождается. Вотъ почему золото находятъ большею частью на днѣ высохшихъ рѣкъ, которыя вынесли его вмѣстѣ съ пескомъ изъ горъ. Такія мѣста, гдѣ находится золото въ пескѣ, называются *золотыми розсыпями*. Золотыхъ розсыпей много въ Калифорніи,

Австраліи и у насъ, въ Сибири. Но не всякій золотоносный песокъ стоитъ промывать, потому что въ иномъ золотѣ слишкомъ мало.

Изъ золота дѣлаютъ монету и различныя драгоценныя вещи: имъ же покрываютъ, позлачиваютъ другіе металлы.

Р Т У Т Ъ.

Ртуть есть единственный металлъ, встрѣчающійся въ природѣ въ жидкомъ видѣ: капельками въ различныхъ камняхъ, особенно въ известковыхъ. Ртуть блеститъ какъ серебро и, по подвижности своихъ частичекъ, называется иногда живымъ серебромъ. Она въ тридцать съ половиною разъ тяжелѣе воды, слѣдовательно, гораздо тяжелѣе желѣза. Вотъ почему желѣзо въ ртути не топеть, тогда какъ очень быстро тонетъ въ водѣ. Бросьте на полъ ложку ртути, и она вся разсыплется серебристыми шариками, а не разольется, какъ вода. Въ сильномъ жару ртуть кипитъ и превращается въ пары.

Для добыванія ртути изъ камней, въ которыхъ она находится или въ видѣ маленькихъ капель, или въ соединеніи съ сѣрой (такъ называемая *киноварь*, камень краснаго цвѣта), камни эти складываютъ въ желѣзные кувшины, которые, закупоривъ плотно, ставятъ на жаръ. При этомъ ртуть превращается въ пары, и по трубчкѣ, придѣланной къ крышкѣ кувшина, переходитъ въ другой сосудъ, гдѣ охлаждается и сгущается въ жидкость.

Ртуть очень равномерно сжимается отъ охлажденія и расширяется отъ нагреванія; по этому свойству ее употребляютъ для инструментовъ, называемыхъ термометрами, которые служатъ для опредѣленія степени теплоты. По причинѣ сильнаго блеска ртути, отчего въ ней всѣ предметы ясно отражаются, она идетъ также для подкладки подъ зеркальныя стекла. На ровномъ столѣ разстилаютъ тонкій оловянный листъ, намазываютъ на него ртути, а сверху кладутъ стекло. Кромѣ этого, ртуть употребляется при позолотѣ различныхъ вещей. Для этого смѣшиваютъ ее съ золотомъ, от-

чего получается густая масса, которую натирают позолачиваемую вещь и потомъ сильно ее нагрѣваютъ: ртуть превращается въ пары, а золото остается на поверхности нагрѣваемой вещи въ видѣ тонкаго слоя. Такая позолота называется позолотою черезъ огонь.

В О Д А.

Вода есть тѣло жидкое, т. е. такое, частицы котораго такъ слабо связаны между собой, что на плоской поверхности стремятся разойтись—разлиться, не могутъ держаться одна на другой, если ихъ не подпереть еще и съ боковъ: поэтому-то воду, какъ и всякую другую жидкость, держать въ сосудахъ. Однако же, если вода находится въ очень маленькомъ количествѣ, въ видѣ капельки, то частицы ея могутъ еще держаться другъ за друга, такъ что иная капелька долго дрожитъ на вѣточкѣ растенія, пока вѣтеръ не сброситъ ее на землю; по этому свойству воду называютъ тѣломъ *капельножидкимъ*. Частицы воздуха держатся еще слабѣе другъ за друга, чѣмъ частицы воды, безпрестанно стремятся разойтись, отчего воздухъ, какъ и всякій другой газъ, надо сохранять въ закупоренномъ сосудѣ.

Вода, какъ мы знаемъ, имѣетъ свойство распускать въ себѣ многія тѣла: соль, сахаръ, известку, остатки растеній, животныхъ и пр. Но такъ какъ вода, находясь въ рѣкахъ, озерахъ, пробираясь внутри земли или собираясь въ колодцахъ, постоянно соприкасается съ какими-нибудь тѣлами и растворяетъ ихъ, то въ природѣ совершенно чистой воды вове нетъ; чище прочихъ вода дождевая и снѣговая. Вода, заключающая въ себѣ известь, называется известковою; она *жестка* и мыло распускается въ ней очень трудно. Вода морская имѣетъ горько-соленый вкусъ отъ присутствія въ ней различныхъ солей. Въ нѣкоторыхъ прудахъ и озерахъ вода наполнена органическими остатками, и такая вода скоро, какъ говорятъ, загниваетъ, издаетъ запахъ и вредна для питья; но это гниетъ не вода, а находящіяся въ ней органическія частицы; чистая же вода вездѣ одна и та же и не можетъ гнить и пор-

титься. Въ минеральныхъ источникахъ вода пріобрѣтаетъ вкусъ, запахъ, а иногда и цвѣтъ тѣхъ минераловъ, между которыми она пробиралась по землѣ, прежде чѣмъ вышла наружу въ видѣ источника. Если воду очистить совершенно отъ всякой посторонней примѣси, то она является жидкостью очень прозрачною, не имѣетъ никакого цвѣта, ни запаха, ни вкуса.

Всякій знаетъ, что вода не всегда остается въ жидкомъ видѣ: на морозѣ она превращается въ ледъ, а на раскаленной плитѣ въ паръ. Изъ этого явленія мы можемъ заключить, что вода, подъ вліяніемъ тепла и холода, измѣняетъ свой видъ. Если палить воды въ сосудѣ и долго кипятить ее, она мало-по-малу вся выкипитъ. Куда же она дѣлалась? Превратилась въ пары и разошлась въ воздухъ. Частицы воды, которыя и такъ не очень плотно держались другъ за друга, отъ теплоты еще болѣе расходятся, такъ что вода въ этомъ состояніи становится такою же невидимою, какъ и воздухъ, растворяется въ немъ, т. е. смѣшивается съ воздухомъ. Чтобы убѣдиться, что вода не пропала безъ слѣда, а превратилась въ паръ и находится въ воздухъ, стоитъ только подержать надъ самоваромъ, изъ котораго идетъ паръ, холодное блюдечко, и вы замѣтите, что на блюдечкѣ скоро появятся капли воды. Откуда же взялись эти капли? Это тѣ же пары воды: прикоснувшись къ холодному блюдечку, они охладились и сгустились, т. е. снова превратились въ капли.

Но нѣтъ надобности нагрѣвать воду, чтобы она превратилась въ паръ. Намочите платокъ и повѣсьте его даже въ холодной комнатѣ: черезъ нѣсколько времени вы замѣтите, что платокъ высохъ, т. е. вода изъ него испарилась, хотя вы пару и не видали. Но не видали вы его потому, что, уходя изъ холоднаго платка въ холодную же комнату, частицы воды прямо переходили въ паръ, тогда какъ, выходя изъ горячей кастрюльки и попадая прямо въ холодный воздухъ, онѣ сразу охладились и превращались въ маленькія капельки и пузырьки, которые нѣкоторое время остаются въ воздухъ и бывають замѣтны, пока еще не растворились въ немъ, въ видѣ тумана. Этотъ туманъ ошибочно называютъ

паромъ. Вотъ почему зимою мы видимъ, какъ идетъ паръ отъ вспотѣвшей лошади, а лѣтомъ мы этого пара не видимъ, хотя, конечно, лошадь лѣтомъ потѣетъ еще больше, чѣмъ зимою.

Такимъ образомъ, мы находимъ одну и ту же воду, при различной степени тепла и холода (*температуръ*), въ трехъ различныхъ видахъ: въ видѣ льда, въ видѣ жидкости и въ видѣ пара, или *газа*, т. е. въ видѣ воздухообразномъ, когда воды мы уже видѣть не можемъ, хотя легко можемъ открыть ея присутствіе. Внесите графинъ съ холодной водой въ теплую комнату, и вы увидите, что стекло запотѣетъ, т. е. на немъ появится вода въ видѣ капель. Откуда же взялась эта вода? Изъ воздуха, гдѣ она была невидима, какъ самый воздухъ. Прикасаясь къ холодному стеклу, она охладилась и превратилась въ капли, какъ и тогда, когда мы держали холодное блюдечко надъ кипящею водой.

Не одна только вода имѣетъ свойство, подъ вліяніемъ теплоты, переходить изъ твердаго состоянія въ жидкое и изъ жидкаго въ пары, т. е. въ состояніе воздухообразное, или, какъ его еще иначе называютъ—*газообразное*. Мы знаемъ, что воскъ отъ теплоты дѣлается жидкимъ; чугунокъ точно такъ-же при сильномъ жарѣ изъ твердаго дѣлается жидкимъ; золото не только можно сдѣлать жидкимъ, но даже превратить въ паръ. Жидкая ртуть при сильномъ морозѣ такъ замерзаетъ, что ее можно ковать, какъ серебро; но если кипятить ртуть, то она превращается въ пары, очень вредные для здоровья. Подвергая различныя тѣла вліянію жара, физики (такіе ученые люди, которые изучаютъ свойства тѣлъ) убѣдились, что всякое тѣло отъ теплоты расширяется, а отъ холода сжимается. Но что значитъ: тѣло расширяется? Это значитъ, что тѣло занимаетъ больше мѣста, чѣмъ занимало прежде, не измѣняясь въ вѣсѣ. Возьмите губку въ одинъ фунтъ вѣсомъ и сожмите ее въ рукахъ: вѣсъ въ ней останется тотъ же самый, но она будетъ занимать менѣе мѣста; перестаньте сжимать губку—и она опять распухнетъ и займетъ прежнее мѣсто, но вѣса въ ней отъ этого не прибавится. Стаканъ расплавленнаго свинца вѣситъ меньше, чѣмъ такой же стаканъ твердаго свинца; масло, замерзая въ бутылкѣ, ви-

димо уменьшается въ объемѣ, и т. д. Вотъ почему кусокъ твердаго свинца потонетъ въ свинцѣ растопленномъ, и кусокъ твердаго воску— въ растопленномъ воскѣ.

Исключеніе изъ этого общаго правила составляетъ вода: стаканъ льду вѣситъ меньше, чѣмъ такой же стаканъ воды; и если вы нальете водою бутылку до самаго верху и, закупоривъ, поставите на морозъ, то бутылка лопнетъ: вода, замерзая, превращается въ ледъ, а ледъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ занимала вода, изъ которой онъ образовался. Слѣдовательно, ледъ легче воды; а такъ какъ онъ легче воды, то плаваетъ на ней, а не тонетъ. Если вы станете замораживать масло и воду въ двухъ бутылкахъ, то увидите, что масло начинаетъ застывать снизу, а вода, наоборотъ, станетъ застывать сверху. Этому удивительному свойству воды мы обязаны тѣмъ, что наши рѣки и озера зимою покрываются льдомъ только сверху, а внизу не замерзаютъ, что даетъ возможность рыбамъ жить въ водѣ и зимою. Если бы вода, какъ всѣ прочія тѣла, замерзая, сжималась, а не расширялась, то наши рѣки и озера зимою начинали бы замерзать снизу, какъ масло въ бутылкѣ; вся вода превратилась бы въ сплошную массу льда, и всѣ водныя животныя погибли бы зимою.

В О З Д У Х Ъ.

Положимъ на столъ маленькое перышко и махнемъ на него развернутой книгой. Мы не дотронулись до пера: отчего же оно слетѣло на полъ? Испугаться оно, конечно, не могло, потому что перо предметъ неодушевленный. Между перышкомъ и книгой, которою мы махнули, должно быть, есть какое-нибудь третье тѣло, хотя мы его и не видимъ. Это третье, невидимое нами, тѣло, которое мы привели въ движеніе книгой и которое, въ свою очередь, двинуло перышко, называется *воздухомъ*.

Если мы опустимъ въ воду, налитую въ тарелку, бумажный корабликъ и, не дотрогиваясь до кораблика, станемъ чѣмъ-нибудь волновать воду, то корабликъ закачается, запрыгаетъ. Въ этомъ

явленіи мы видимъ предметъ, заставляющій прыгать корабликъ; но хотя мы и не видали, что такое мы взволновали книгою, однако, зная навѣрное, что перышко не могло подвинуться само собою, мы убѣждены, что взволновали какое-то невидимое тѣло. Когда воздухъ движется очень сильно, то развѣваетъ наше платье, срываетъ съ насъ фуражку, мѣшаетъ намъ идти, упираясь въ наше тѣло. Мы видимъ, какъ вѣтеръ несетъ пыль, листья и множество легкихъ предметовъ; но самага вѣтра мы не видимъ, хотя очень хорошо ощущаемъ его осязаніемъ. Когда же осенью вѣтеръ воетъ и свищетъ въ трубѣ, то мы знаемъ, что это воетъ и свищетъ движущійся воздухъ. Махнувъ сильно палкою, мы слышимъ легкой свистъ: это свиститъ, конечно, не палка, а воздухъ, разсѣаемый палкою. Поведя палкою по водѣ, мы тоже услышимъ звуки воды. Такимъ образомъ, не видя воздуха, мы тѣмъ не менѣе узнаемъ о его существованіи посредствомъ двухъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ: осязанія и слуха. Но отчего же мы не видимъ воздуха? Если въ окнѣ вставлено очень чистое и прозрачное стекло, то намъ кажется тогда, что стекла вовсе нѣтъ, и мы должны дотронуться до него, чтобы убѣдиться въ его существованіи. Мы не видимъ стекла, потому что оно очень прозрачно, а воздухъ еще прозрачнѣе стекла. Однако же, если слой воздуха очень уже толстъ и заключаетъ въ себѣ пары воды, какъ, напр., въ окружающей землю *атмосферѣ*, то онъ получаетъ синій, красный и другіе цвѣта, что зависитъ отъ различнаго освѣщенія солнца въ различное время дня. Голубое небо, разстилающееся надъ нашею головою, есть не что иное, какъ слой воздуха верстъ въ семьдесятъ толщиною, сквозь который мы видимъ небесныя свѣтила.

Не видя воздуха, мы не можемъ видѣть его свойствъ, а должны узнавать ихъ посредствомъ опытовъ, наблюдая, какъ онъ дѣйствуетъ на другія тѣла, напримѣръ, на воду. Возьмемъ пустой стаканъ и глубокую чашку, наполненную водою; повернемъ стаканъ отвертнемъ къ поверхности воды и станемъ понемногу опускать его въ воду. Мы увидимъ, что вода наполнить

только небольшую часть стакана, а дальше не пойдетъ, хотя мы опустили бы весь стаканъ въ воду. Что же мѣшаетъ водѣ войти въ стаканъ? Въ стаканѣ не могло ничего быть другого, кромѣ воздуха: слѣдовательно, воздухъ есть *тѣло*, которое занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ стаканѣ и не уступаетъ этого мѣста водѣ. Опуская стаканъ въ воду, мы чувствуемъ, какъ онъ упирается. Это упирается не стаканъ, а воздухъ, который въ стаканѣ; наклонимъ стаканъ — и увидимъ, какъ онъ самъ опустится и потонетъ. Это потому, что воздухъ вышелъ изъ стакана, и мы даже видимъ и слышимъ, какъ онъ выходитъ изъ воды большими пузырями, которые, достигнувъ поверхности, лопаются съ шумомъ.

Опустимъ стаканъ бокомъ въ чашку съ водою, такъ, чтобы онъ весь наполнился водою, и потомъ, повернувъ стаканъ въ водѣ дномъ вверхъ, подыдемъ его изъ воды, такъ, однако, чтобы края его все еще оставались въ водѣ, и мы вытащимъ не только стаканъ, но и воду, вмѣстѣ со стаканомъ. Отчего же вода остается въ стаканѣ и не падаетъ внизъ? Оттого, что воздухъ тяжестью своею давитъ на поверхность воды въ чашкѣ, и вода уходитъ въ стаканъ, гдѣ воздуха нѣтъ, потому что онъ былъ вытѣсненъ оттуда водою. Высосите изъ какой-нибудь трубочки воздухъ, и потомъ, не позволяя воздуху въ нее проникнуть, опустите ее однимъ концомъ въ воду: какъ только вы откроете конецъ трубочки, находящейся въ водѣ, такъ вода быстро подыметъ въ трубочку. Что же ее погонитъ туда? Воздухъ, давящій на воду, которая окружаетъ трубочку.

Воздухъ, слѣдовательно, есть тѣло прозрачное, производящее давленіе на всѣ предметы, какъ и вода, налитая въ стаканъ, давитъ на дно и стѣнки его; но мы можемъ убѣдиться, что воздухъ гораздо легче воды. Заткнемъ пустую бутылку пробкой и бросимъ на воду: мы увидимъ, что она не тонетъ; наполнимъ ее водой, и она немедленно пойдетъ ко дну; значить, бутылка съ водою тяжелѣе бутылки съ однимъ воздухомъ.

Кто не знаетъ маленькихъ пистолетовъ, которыми такъ любятъ играть дѣти? Но думали-ли вы, почему пробка выскаки-

васть изъ такого пистолета прежде, чѣмъ до нея мы дотронемся палочкой? Потому, что между этой палочкой, плотно прилегающей къ стѣнкамъ пистолетной трубки, и пробкой есть третье тѣло—воздухъ, который, когда мы его сжимаемъ, выдавливаемъ пробку. Двигая палочку, т. е. *поршень*, впередъ, прежде чѣмъ пробка выскочитъ, мы ощущаемъ, что поршень во что-то упирается: точно какая-нибудь пружина лежитъ между поршнемъ и пробкой. Это свойство тѣла сжиматься, когда его давятъ, и опять расширяться, когда его перестаютъ давить, называется *упругостію*. Воздухъ очень упругъ.

Если изъ обыкновеннаго пузыря выдавить воздухъ и потомъ крѣпко завязать его, то пузырь останется плоскимъ, и, не впуская въ него воздуха, намъ никакъ не удастся снова дать пузырю шарообразную форму. Что же такое сжимаетъ пузырь? Внѣшній воздухъ, который тѣснитъ его со всѣхъ сторонъ; а внутри пузыря воздуха нѣтъ, и давить оттуда нечему. Впустимъ въ пузырь *немножко* холоднаго воздуха, завяжемъ отверстіе пузыря крѣпко-накрѣпко и положимъ его у затопленной печи: пузырь мало-по-малу раздуется и, если мы не примемъ его во-время, лопнетъ. Воздухъ не могъ проникнуть снаружи въ пузырь, слѣдовательно, тотъ воздухъ, который мы впустили туда, нагрѣлся и отъ теплоты расширился: значитъ, воздухъ, какъ и всякое другое тѣло, отъ теплоты расширяется, а отъ холода сжимается. Зимой воздухъ холоденъ и густъ, лѣтомъ тепелъ и рѣдокъ. Теплый воздухъ легче холоднаго и долженъ подыматься вверхъ: если легкій и большой шаръ наполнить очень теплымъ воздухомъ, то шаръ полетитъ въ холодномъ воздухѣ вверхъ.

Но и безъ нагрѣванія воздухъ можетъ замѣтно расширяться во всѣ стороны: если пузырь съ небольшимъ количествомъ воздуха, крѣпко завязанный, положить подъ стеклянный колоколь и выкачивать оттуда воздухъ, то онъ быстро надуется и даже можетъ лопнуть. Вода стремится *разлиться по землѣ*—воздухъ стремится *разлетѣться во всѣ стороны*; вотъ почему воздухъ и другія тѣла, имѣющія то же свойство, называютъ не жидкостями, а *газами*.

Частички воды только слабо притягиваются другъ къ другу, но все же стремятся соединиться между собою; частички же газа стремятся одна отъ другой разлетѣться во всѣ стороны. Понятно само собою, что воздухъ и всѣ газы должны быть гораздо легче воды, когда она въ жидкомъ видѣ.

Еслибы изъ комнаты, въ которой мы теперь находимся, исчезъ весь воздухъ, то мы страшно почувствовали бы его отсутствіе. Воздухъ необходимъ для дыханія всѣмъ животнымъ, даже и рыбамъ, хотя онѣ и живутъ въ водѣ. Если пустить рыбу въ чанъ съ водою и закрыть его плотно, такъ, чтобы воздухъ къ водѣ не прикасался, то рыба не долго будетъ жить, хотя у нея и будетъ довольно воды. Вы, вѣроятно, замѣтили, что когда вода кипитъ, то на поверхности ея безпрестанно подымаются и лопаются пузыри: это выходитъ паръ вмѣстѣ съ воздухомъ, раствореннымъ въ водѣ. Если въ воду, хотя и холодную, но которая долго кипѣла, опустить рыбу, то она издохнетъ, потому что въ такой прокипяченной водѣ не будетъ воздуха. Кротъ, роясь въ своей норѣ, и червякъ, закапываясь глубоко въ землю, продолжаютъ дышать. Гдѣ ни бывали люди, и на высокихъ горахъ, и въ глубокихъ пещерахъ, вездѣ они находили воздухъ. Изъ этого мы заключаемъ, что воздухъ окружаетъ землю на подобіе моря, и на днѣ этого воздушнаго моря мы расхаживаемъ, какъ ползаютъ морскія животныя по дну моря. Воздухъ проникаетъ и въ воду, растворяясь въ ней, и отчасти въ землю. Возблагодаримъ же Создателя, Который съ такою щедростію окружилъ землю этою драгоценною стихіею, безъ которой мы не могли бы жить, такъ-же, какъ безъ хлѣба и воды.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОДЫ.

Любопытно бы знать, откуда появляется вода въ ручьяхъ, озерахъ и рѣкахъ, изъ которыхъ она вѣчно течетъ и никакъ не можетъ вытечь, и, наконецъ, въ огромныхъ моряхъ и океанахъ. Вода падаетъ изъ облаковъ на землю въ видѣ дождя, просачивается внутрь земли, откуда вновь появляется въ видѣ ключей, питающихъ ручьи;

ручьи текутъ въ маленькія рѣчки, маленькія рѣчки въ большія рѣки, а большія рѣки въ моря и озера. Но откуда же берется вода въ облакахъ? Она подымается туда невидимо водянымъ паромъ отъ сырой земли, отъ влажныхъ луговъ, отъ лужъ, озеръ, рѣкъ и отъ самага моря; сгущается наверху въ видѣ облаковъ и снова падаетъ оттуда каплями. Такъ странствуетъ безпрестанно вода между небомъ и землей, и этотъ постоянный оборотъ воды очень важенъ для людей, растений и животныхъ; безъ воды ни растенія, ни животныя, а также и мы, люди, не могли бы существовать.

ДОЖДЬ.

Мы знаемъ уже, что вода измѣняетъ свой видъ подъ вліяніемъ теплоты: ледъ превращается въ жидкость, а жидкость въ паръ; знаемъ также, что не нужно слишкомъ большого тепла, чтобы вода испарялась: платокъ, намоченный водою, высыхаетъ и на морозѣ; кусокъ льда даже и на морозѣ уменьшается въ вѣсѣ—испаряется, хотя не такъ быстро, какъ на горячей плитѣ. Намъ извѣстно также, почему иногда мы не видимъ испаряющейся воды, и почему зимою видно, какъ паръ валитъ клубами отъ разгоряченной лошади, а лѣтомъ этого не видать, хотя лошадь потѣетъ лѣтомъ еще болѣе, чѣмъ зимою. Припомнивъ всѣ эти явленія, мы легко объяснимъ себѣ, какъ вода поднимается съ земли въ атмосферу въ видѣ пара и ниспадаетъ оттуда на землю въ видѣ множества капель или дождя.

На рѣкахъ, озерахъ, моряхъ, болотахъ и на влажныхъ лугахъ мы часто видимъ въ холодные вечера испаренія въ видѣ тумана; это происходитъ оттого, что вода, нагрѣтая солнцемъ, охлаждается быстрѣе твердой земли и охлаждаетъ поэтому прикасающийся къ ней слой воздуха, въ которомъ пары сгущаются и принимаютъ видъ мельчайшихъ пузырьковъ и капель, которые держатся въ воздухѣ и образуютъ то, что мы называемъ *туманомъ*. Такіе туманы бываютъ иногда такъ густы, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя разсмотрѣть человѣка. Но вода испаряется всегда, хотя мы не всегда видимъ эти испаренія, и опытами дока-

зано, что въ воздухѣ всегда, какъ бы онъ сухъ намъ ни казался, находятся пары воды. (Припомните опытъ съ холоднымъ графиномъ, внесеннымъ въ теплую комнату).

Если пары сгущаются въ туманъ высоко въ воздухѣ, то мы называемъ ихъ *облаками* и тучами. Они отличаются отъ тумана только тѣмъ, что носятся въ высшихъ слояхъ атмосферы. Невидимые внизу, пары, подымаясь вверхъ, сгущаются тамъ, потому что, чѣмъ дальше отъ земли слой воздуха, тѣмъ они холоднѣе. Лучи солнца, проходя черезъ воздухъ и не нагрѣвая его *), нагрѣваютъ землю. Прикасающийся къ землѣ воздухъ нагрѣвается уже отъ земли и подымается вверхъ; его мѣсто замѣщается снова холоднымъ воздухомъ, и т. д. Слѣдовательно, чѣмъ больше нагрѣвается земля, тѣмъ больше нагрѣвается и воздухъ, что и бываетъ лѣтомъ. Но такъ какъ нагрѣтый воздухъ, подымаясь вверхъ, расширяется тамъ, т. е. занимаетъ больше мѣста, то и теплота въ немъ должна разойтись на большее пространство, а слѣдовательно, наверху воздухъ долженъ быть и рѣже, и холоднѣе. Если положить нѣсколько стопъ бумаги одну на другую, то нижніе листы будутъ сдавлены гораздо болѣе, чѣмъ верхніе; точно такъ-же нижніе слои атмосфернаго воздуха болѣе стиснуты и, слѣдовательно, гуще, чѣмъ верхніе. Извѣстно, что даже въ жаркомъ климатѣ есть такія высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Вотъ почему невидимыя испаренія земли, подымаясь въ верхніе слои воздуха и охлаждаясь тамъ, становятся видимыми, дѣлаются облаками.

Люди, всходившіе на высокія горы, вершины которыхъ выше облаковъ, убѣдились, что облака не болѣе, какъ туманъ. Тотъ же самый холодъ, который превращаетъ невидимые пары въ видимыя облака, превращаетъ и облака изъ тумана въ капли дождя. Если на облако, плавающее въ воздухѣ, повѣетъ холоднымъ вѣтромъ, то количество водяныхъ пузырьковъ, составляющихъ облако, увеличится,

*) Всякое прозрачное тѣло, пропуская сквозь себя лучи свѣта, нагрѣвается ими гораздо менѣе непрозрачнаго. Солнечные лучи проходятъ сквозь стекла въ комнату и сильно нагрѣваютъ стѣны, а между тѣмъ само стекло очень мало нагрѣвается.

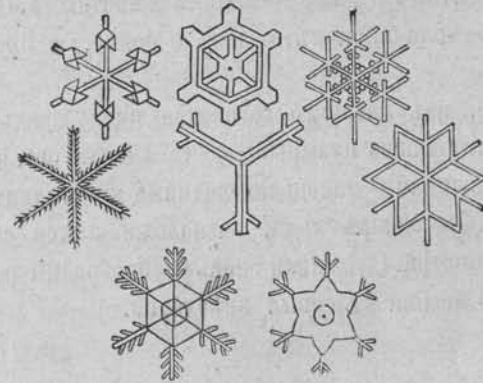
они соединятся между собою и превратятся въ капли и, сдѣлавшись тяжелѣе, станутъ падать на землю дождемъ.

Облака могутъ находиться на различной высотѣ. Самыя высокія, верстахъ въ семи или восьми отъ земли, представляются намъ легкими, серебристыми, будто составленными изъ бѣлыхъ перышекъ, а потому и называются *перистыми* облаками. На такой высотѣ очень холодно, въ чемъ убѣдились люди, всходившіе на высокія горы или подымавшіеся на воздушныхъ шарахъ, и потому перистыя облака, вѣроятно, состоятъ изъ замерзшихъ пузырьковъ или ледяныхъ кристалликовъ. Такія высокія легкія облака могутъ ходить, долго не превращаясь въ дождь, и вообще замѣчено, что перистыя облака предвѣщаютъ хорошую погоду. Когда же паровъ въ воздухъ набирается больше, тогда облака густѣютъ и опускаются ниже, собираются въ большія кучи, похожія на скалы, крѣпости, башни, и бѣгутъ быстро по направленію вѣтра; понятно, что такія *кучевыя* облака предсказываютъ дождь.

Не во всѣхъ странахъ земного шара выпадаетъ одинаковое количество дождя, да и дождь не равенъ дождю. Въ Петербургѣ почти цѣлую треть года бываютъ дождливые дни; но это еще не значитъ, чтобы Петербургъ былъ самое дождливое мѣсто на земномъ шарѣ. Въ странахъ жаркихъ, но близкихъ къ морю, дождь хотя идетъ рѣдко, да мѣтко: въ нѣсколько минутъ наливаетъ онъ столько воды, сколько не налить нашему мелкому дождику за цѣлую недѣлю. Но есть такія жаркія, сухія, степныя мѣста, вдалекѣ отъ моря и большихъ рѣкъ, гдѣ почти никогда не падаетъ дождь. Растенія въ такихъ мѣстахъ засыхаютъ, почва трескается отъ жары, птицы, звѣри и насѣкомыя погибаютъ. Такія мѣста находятся въ срединѣ Африки и въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. Есть и такія страны на землѣ, гдѣ проливной дождь идетъ нѣсколько мѣсяцевъ еряду, а потомъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣтъ его ни капли. Такіе дожди называются *периодическими* и зависятъ отъ такихъ же періодическихъ вѣтровъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ еряду дуютъ въ одномъ направленіи, принося пары воды, и потомъ столько же времени въ другомъ, унося ихъ прочь.

РОСА, ИНЕЙ, СНѢГЪ И ГРАДЪ.

Ночью, когда солнце зайдетъ, поверхность земли, нагрѣтая за день, начинаетъ холодѣть, потому что теплота ея уходитъ въ воздухъ. Когда же земля станетъ холоднѣе воздуха, то на поверхности ея начинаетъ собираться въ капли тотъ невидимый водяной паръ, который до того времени находился въ воздухѣ; точно такъ же, какъ на стѣнкахъ холоднаго графина собираются капли воды, когда мы

Снѣжинки въ увеличенномъ видѣ.

внесемъ его въ теплую комнату. Капли эти, называемыя росой, появляются на травѣ и на деревьяхъ, обыкновенно, къ утру, когда земля наиболѣе охладѣетъ. Онѣ блестятъ на солнышкѣ и остаются довольно долго, пока, наконецъ, не высохнутъ, т. е. опять не превратятся въ невидимый водяной паръ. Во время засухи, когда земля ждетъ и не дождется дождя, роса, хотя немного, освѣжаетъ растительность, жаждущую влаги.

Осенью, когда земля въ продолженіе ночи становится до того холодна, что небольшія частицы воды, дотронувшись до нея, могутъ превратиться въ ледъ, роса, образуемая на землѣ, на охладѣвшей крышѣ дома, на заборѣ или листьяхъ дерева — превращается въ *иней*; и мы, проснувшись по утру, послѣ холодной долгой сентябрьской или октябрьской ночи, замѣчаемъ, что земля, трава, листья, заборы и

крыши поблѣли. Но поднявшееся солнышко скоро снова превращаетъ иней въ росу, а росу въ невидимый паръ.

Если капли дождя падаютъ на землю сквозь воздухъ, который холоднѣе облаковъ, то эти капли на пути уже замерзаютъ и превращаются въ кусочки твердаго льда, или градъ. Болѣе крупный градъ бываетъ лѣтомъ и сопровождается обыкновенно грозою. Величина градинъ бываетъ съ горошину и даже съ голубиное яйцо, и такой градъ причиняетъ много несчастій: побиваетъ хлѣбъ на поляхъ, а иногда убиваетъ птицъ и даже большихъ животныхъ. Случалось, что выпадалъ градъ величиною въ кулакъ и болѣе, и пробивалъ даже крыши домовъ.

Если облако, изъ котораго готовится идти дождь, само очень охладѣетъ, тогда водяные пузырьки, составляющіе его, превращаются въ красивыя снѣжинки — маленькіе ледяные кристаллики, состоящіе изъ крошечныхъ кусочковъ льда, расположившихся симметрически вокругъ общаго центра. Снѣжинки очень разнообразны и иногда представляютъ собою весьма красивыя звѣздочки.

ВѢТЕРЪ.

Чтобы понять, какъ происходитъ вѣтеръ, возьмемъ зажженную свѣчу, приотворимъ немного дверь въ холодную переднюю и, поднося свѣчу къ образовавшейся щели вверху и внизу, посмотримъ, что произойдетъ съ пламенемъ свѣчи. Когда мы поднесемъ свѣчу къ низу щели, то пламя свѣчи сильно нагнетается по направленію отъ передней къ комнатѣ; когда же поднесемъ свѣчу къ верху щели — то пламя сильно пошатнется въ противоположную сторону, по направленію изъ комнаты въ переднюю. Это показываетъ, что внизу щели вѣтеръ дуетъ въ комнату, вверху же обратно, изъ комнаты въ переднюю.

Теперь постараемся объяснить себѣ, отчего это дѣлается. Мы читали уже, что воздухъ, какъ и всякое тѣло, отъ холода сжимается, становится гуще и, слѣдовательно, тяжелѣе, и, наоборотъ, отъ тепла расширяется, становится рѣже и легче. Мы знаемъ также, что

всякое тѣло, которое тяжелѣе воды, тонетъ въ ней, а то, которое легче воды, подымается вверху; то же самое дѣлается въ воздухѣ, во всякой жидкости и во всякомъ газѣ. Чѣмъ воздухъ гуще, тѣмъ онъ тяжелѣе и тѣмъ сильнѣе жмется къ землѣ; чѣмъ воздухъ теплѣе, тѣмъ онъ болѣе стремится подняться вверху. Тяжелый же и легкій воздухъ, соединившись, всегда стремятся уравниваться: тяжелый занять мѣсто внизу, а легкій вверху. Это мы видѣли сейчасъ на опытѣ: холодный воздухъ входилъ изъ передней въ комнату внизу, а теплый шелъ изъ комнаты въ переднюю вверху. Такимъ образомъ, между теплымъ воздухомъ комнаты и холоднымъ передней установились два теченія воздуха: одно вверху, другое — обратное — внизу. Это-то теченіе или стремленіе воздуха и называется вѣтромъ. На земномъ шарѣ такъ же, какъ и въ нашемъ домѣ, не все мѣста одинаково теплы и одинаково холодны. Вы, вѣроятно, слышали, что въ то время, когда у насъ бываетъ зима, въ другомъ мѣстѣ, гораздо южнѣе нашего, стоитъ самое жаркое лѣто. Вы, вѣроятно, знаете также, что есть страны, гдѣ солнце круглый годъ подымается въ полдень почти надъ головою и никогда не бываетъ зимы, и другія, гдѣ зима царствуетъ большую часть года. Кромѣ того, вы, вѣроятно, замѣчали, что песокъ и камень накаляются гораздо сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ земля, особенно влажная. Есть на земномъ шарѣ страны, почва которыхъ вся состоитъ изъ песка или камня, тогда какъ другія имѣютъ влажную почву, покрыты лѣсами и болотами; понятно, что въ одно и то же время воздухъ въ первыхъ будетъ теплѣе, чѣмъ во вторыхъ. Катаясь по рѣкѣ, вы, можетъ быть, замѣтили, что надъ водою воздухъ прохладнѣе, чѣмъ надъ землею. Надъ моремъ воздухъ лѣтомъ всегда прохладнѣе, а зимою всегда теплѣе, потому что вода въ большихъ моряхъ зимою не замерзаетъ и сообщаетъ теплоту воздуху. Слѣдовательно, на земномъ шарѣ, въ одно и то же время, въ различныхъ мѣстностяхъ воздухъ имѣетъ различную *температуру*. (Температурою называется степень тепла какого-нибудь тѣла). Вотъ почему воздухъ никогда почти не бываетъ въ спокойномъ состояніи: почти всегда движется съ большею или меньшею силою, а эти движенія воздуха и называются вѣтрами. Въ Пе-

тербургъ морской, западный вѣтеръ влаженъ и тепель, приносить облака и дождь; южный—сухъ и приносить лѣтомъ жаръ; восточный—по большей части холоденъ и сухъ; сѣверный дуетъ отъ Ледовитаго моря, наполненнаго плавающими льдинами, и всегда холоденъ. Въ Петербургъ вѣтры очень переменчивы, потому что Петербургъ окруженъ самыми разнообразными мѣстностями: на сѣверѣ у него большое Ладожское озеро, иногда долго покрытое льдомъ, на западѣ море, хотя замерзающее зимою, но только у береговъ; на югѣ и востокѣ обширныя равнины, по которымъ свободно гулять вѣтрамъ.

Если присмотрѣться къ движенію облаковъ, то легко замѣтитъ, что облака движутся иногда въ противоположныя стороны. Это случается тогда, когда облака находятся въ различныхъ высотахъ и попадаютъ, поэтому, въ различныя теченія воздуха: одни плывутъ въ низшемъ теченіи, другія — въ верхнемъ. Если пустить перышко вверху дверной щели, то оно полетѣло бы въ переднюю; пустите его внизу — и оно полетитъ въ комнату.

Облака бываютъ различнаго цвѣта отъ различнаго освѣщенія ихъ солнцемъ или луною, отъ различія въ разстояніи, на которомъ находятся отъ насъ, и, наконецъ, отъ различной степени густоты.

МАГНИТЪ.

Вотъ маленькая стальная полоска, которая по виду не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго и кажется самою простою стальною полоскою; но въ ней скрывается особенная, чудная сила, которая немедленно обнаружится, если мы поднесемъ эту палочку къ иголкѣ или къ какой-нибудь другой небольшой желѣзной или стальной вещи. Еще мы не успѣли дотронуться до иголки, а она уже подпрыгнула и пристала къ палочкѣ. Но возьмемъ иголку, продѣнемъ ее въ небольшую пробку и пустимъ плавать по водѣ, налитой въ тарелку, такъ, чтобы иголка находилась въ горизонтальномъ положеніи на черху воды. Издали уже будетъ чувствовать такая плавающая иголка приближеніе нашей волшебной палочки.

Но это еще не все. Потремъ иголку нашею стальною палочкою, начиная отъ середины и проводя къ концамъ, и притомъ такъ, чтобы одна половина иголки была натерта однимъ концомъ палочки, а другая другимъ, и замѣтимъ на самой палочкѣ, какимъ концомъ ея мы терли остріе и какимъ ушко. Положимъ, что тотъ конецъ, которымъ натерто остріе, мы означимъ буквою *C*, а тотъ, которымъ натерто ушко, означимъ буквою *Ю*; тогда мы увидимъ очень замѣчательное явленіе. Поднесемъ конецъ *Ю* къ острію иголки, и иголка побѣжитъ прочь или обернется къ намъ ушкомъ; поднесемъ конецъ, означенный буквою *C*, и иголка остріемъ поплыветъ къ нашей полоскѣ; поднесемъ конецъ *C* къ ушку иголки—иголка отойдетъ; поднесемъ конецъ *Ю*,—и иголка приблизится.

Но этимъ еще не исчерпываются чудеса нашей палочки и иголки, натертой палочкою. Возьмите прочь вашу палочку: иголка получила уже отъ нея силу, которой прежде не имѣла. Привяжите ее по срединѣ къ тонкой ниточкѣ такъ, чтобы она приняла горизонтальное положеніе, и посмотрите, какъ одинъ ея конецъ всегда стремится въ одну и ту же сторону, другой всегда въ противоположную: поверните ее какъ угодно, и она непременно сама станетъ въ прежнее положеніе. Замѣтьте же, куда смотритъ остріе иголки, и вы увидите, что оно постоянно смотритъ или на сѣверъ, или на югъ, т. е. туда, гдѣ солнце бываетъ въ полдень. Кромѣ того, вы замѣтите, что ежели остріе иголки смотритъ на югъ, а ушко на сѣверъ, то вы ничѣмъ не заставите смотрѣть остріе на сѣверъ, а ушко на югъ.

Что такое притягиваетъ иголку къ палочкѣ, что отталкиваетъ ее, что заставляетъ ее становиться однимъ концомъ на сѣверъ, а другимъ на югъ — этого никто не знаетъ. Однако же, хотя мы не знаемъ *причины* этого явленія, но можемъ пользоваться имъ весьма хорошо. Положимъ, мы замѣтили, что остріе иголки смотритъ всегда на сѣверъ, а ушко на югъ; взявъ такую иголку съ собой, пошли въ большой темный лѣсъ, находящійся отъ нашего дома къ сѣверу; положимъ, наконецъ, что, пробродивъ въ этомъ лѣсу долго взадъ и впередъ, мы потеряли дорогу и рѣшительно не знаемъ, куда идти

и какъ намъ выбраться изъ лѣсу. Мы знаемъ, что домъ нашъ лежитъ на югѣ, но не знаемъ, гдѣ югъ и гдѣ сѣверъ; можно бы узнать это по солнцу, да день, какъ говорится, выдался сѣрый, солнце не показывается, и мы можемъ легко пробродить по лѣсу очень долго. Но вспомнимъ, что у насъ есть спасительная иголка, которая и безъ солнца знаетъ, гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ; положимъ же ее на маленькую щепочку и пустимъ на первую попавшуюся лужу: остріе иголки тотчасъ обернется на сѣверъ, а ушко на югъ.

Но что же это за чудная палочка? Это не болѣе, какъ простая стальная палочка: она и сама получила отъ другого предмета ту силу, которую передала иголкѣ. Вы уже знаете, что такое магнитный камень: это желѣзная руда, обладающая магнитными свойствами. У насъ, въ Россіи, магнитнаго камня находятъ много, особенно въ Уральскихъ горахъ. Магнитный камень не только самъ обладаетъ свойствомъ притягивать желѣзныя вещи, но можетъ сообщить его стальнымъ и желѣзнымъ полоскамъ, съ тою только разницею, что въ желѣзѣ магнитныя свойства удерживаются до тѣхъ поръ, пока оно находится въ соприкосновеніи съ магнитомъ, а въ твердой стали, натертой такимъ образомъ, какъ мы натирали иголку, сохраняется навсегда.

Давно уже было извѣстно свойство магнита, но еще никто не зналъ въ Европѣ, какую пользу можно изъ него извлечь; только въ XIV вѣкѣ одинъ итальянецъ, по имени Джіойо, вздумалъ примѣнить свойства намагниченной иглы къ морскимъ путешествіямъ. До тѣхъ поръ, плавая по морямъ, моряки узнавали дорогу по солнцу, лунѣ и звѣздамъ, а въ туманную или облачную погоду рѣшительно не знали, куда ѣхать, и потому боялись пускаться въ далекія морскія путешествія. Намагниченную иголку для этой цѣли не пускаютъ на воду, какъ мы дѣлали это съ вами, но, сдѣлавъ особую стальную стрѣлку, съ колпачкомъ посрединѣ, надѣвають ее этимъ колпачкомъ на острый шпенецъ, вдѣланный посрединѣ круглаго ящика, такъ, чтобы стрѣлка могла свободно обращаться вокругъ. На томъ концѣ стрѣлки, который обращается къ сѣверу, пишутъ букву N (Nord—по-русски сѣверъ), а на южномъ S (Süd—югъ). По бокамъ отмѣ-

чаютъ востокъ и западъ. Между востокомъ и сѣверомъ, востокомъ и югомъ, югомъ и западомъ и т. д. дѣлаютъ еще нѣсколько дѣлений, указывающихъ направленіе на сѣверо-востокъ, сѣверо-западъ, юго-востокъ и т. д. И съ такимъ простымъ инструментомъ смѣло пускаются люди въ море, зная, что въ туманную погоду и ночью всегда можно будетъ отыскать ту дорогу, по которой должно ѣхать. Такой инструментъ называется *компасомъ*. Благодаря компасу, португальцы объѣхали Африку и приплыли въ Индію; Колумбъ, плывя постоянно на западъ, открылъ Америку, а Магелланъ—первый объѣхалъ вокругъ всю землю.

Такъ полезно намъ знаніе законовъ природы и такія громадныя выгоды можетъ дать намъ маленькая стрѣлка, если мы умѣемъ быть наблюдательными и прилагать наши наблюденія къ дѣлу.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО *).

Положите на столъ маленькіе кусочки бумаги, потрите кусокъ сургуча или гутаперчевую гребенку о сукно и потомъ приблизьте къ бумажкамъ: тогда вы увидите, что бумажки притянутся, какъ желѣзо

Рис. 1

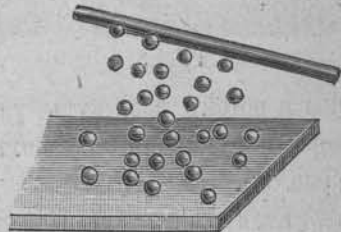

Рис. 2

къ магниту. То же самое явленіе произойдетъ, если сухое стекло потереть совсѣмъ сухой кожей: оно также нѣкоторое время будетъ притягивать легкія тѣла. Такія явленія называются *электрическими* и происходятъ отъ тренія всякихъ тѣлъ, а сила притяженія,

*) Эта статья составлена преподавателемъ С.-Петербургскаго Учительскаго Института, Я. Н. Наумовымъ.

являющаяся въ тѣлахъ при треніи ихъ, называется *электричествомъ*.

Сдѣлайте маленькій шарикъ изъ высушенной сердцевины бузины, повѣсьте его на тонкую шелковинку и приблизьте къ нему стеклянную палочку, потертую о кожу, т. е. *наэлектризованную*, и вы увидите, что шарикъ притянулся къ палочкѣ, а затѣмъ, получивъ отъ нея часть электричества, оттолкнется, и если приближать къ нему эту палочку, то онъ уже будетъ удаляться отъ нея, а не притягиваться. Если же въ это время мы приблизимъ къ нему гутаперчевую (смоляную) палочку, потертую о сукно, то онъ притянется.

Возьмите теперь два бузиновыхъ шарика на шелковинкахъ и прикрѣпите концы шелковинокъ такъ, чтобы шарики висѣли рядомъ и касались бы другъ друга, а затѣмъ приблизьте къ нимъ наэлектризованную стеклянную палочку; тогда вы увидите, что оба шарика притянутся къ ней и, получивъ отъ нея часть электричества, т. е. наэлектризовавшись сами, оттолкнутся отъ

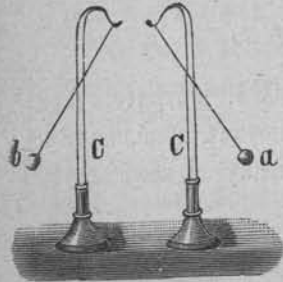

Рис. 3.

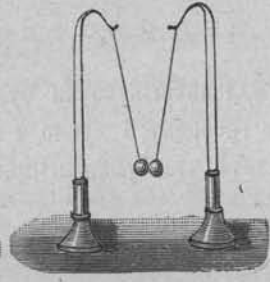

Рис. 4.

нея и потомъ повиснуть уже не касаясь другъ друга, а на нѣкоторомъ разстояніи—значитъ будутъ отталкиваться и между собою (рис. 3).

Если же мы будемъ держать шарики на шелковинкахъ далеко одинъ отъ другого и наэлектризуемъ одинъ электричествомъ отъ стекла (стекляннымъ), а другой электричествомъ отъ смолы (смолянымъ), и затѣмъ будемъ приближать ихъ одинъ къ другому, то на нѣкоторомъ разстояніи они притянутся другъ къ другу (рис. 4).

Слѣдовательно, есть два рода электричества, одно—стеклянное—называется *положительнымъ*, а другое—смоляное, называемое *отрицательнымъ*. Шарики, наэлектризованные однороднымъ электричествомъ, отталкиваются, а разнороднымъ—притягиваются.

Зачѣмъ мы брали для опытовъ шарики изъ сердцевины бузины, а не изъ другого какого матеріала? А потому, что сердцевина бузины легче всѣхъ другихъ матеріаловъ, напр. дерева, пробки, бумаги, и, слѣдовательно, притяженіе и отталкиваніе такихъ бузиновыхъ шариковъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ другихъ.

А нужны ли непременно шелковинки? Нельзя ли ихъ замѣнить простыми нитками? Нѣтъ, нельзя. Если вы ихъ замѣните простыми нитками, то ни притяженія, ни отталкиванія между шариками не замѣтите. И это потому, что электричество, полученное шарикомъ, уходитъ по ниткѣ въ руку, и затѣмъ черезъ наше тѣло въ землю; а по шелковинкѣ, если только она не сырая, электричество не уходитъ и, слѣдовательно, остается въ шарикѣ *).

Значитъ, шелкъ не проводитъ электричества, почему и называется *непроводникомъ*. Стекло и смола также непроводники, а металлы, дерево, бумага и другія тѣла проводятъ электричество, почему и называются *проводниками*. Металлы проводятъ электричество лучше всѣхъ другихъ тѣлъ; поэтому, если хотять провести электричество отъ одного тѣла къ другому, то соединяютъ ихъ проволокой.

Если натирать одинъ конецъ стеклянной или гутаперчевой палочки, то она наэлектризуется только на этомъ концѣ, и электричество не перейдетъ на другой конецъ, который мы держимъ въ рукѣ, и, слѣдовательно, останется на палочкѣ и не уйдетъ въ землю. Если же натирать металлическую палочку, держа ее въ рукѣ, то все электричество будетъ уходить въ землю черезъ руку, и чтобы удерживать его въ этой палочкѣ, надо прикрѣпить ее къ стеклянной или гутаперчевой подставкѣ и не прикасаться къ ней рукой, т. е. *удединить* ее. Поэтому, если бы захотѣли наэлектризовать металлическій шаръ, то должны сначала уединить его; а потомъ уже электризовать, прикасаясь къ нему наэлектризованной стеклянной или гутаперчевой палочкой.

Подставки изъ стекла или гутаперчи, т. е. *удединители*, должны

*) Всѣ эти простые опыты надо сдѣлать въ классѣ.

быть совсѣмъ сухи, потому что по сырымъ уединителямъ электричество уходитъ въ землю; также и сырой окружающій воздухъ быстро отнимаетъ электричество.

Въ сухомъ воздухѣ и на сухихъ и чистыхъ уединителяхъ наэлектризованный шаръ долго сохраняетъ на себѣ электричество. Если къ такому наэлектризованному шару приблизить палецъ, то мы увидимъ искру и услышимъ трескъ. Причесывая гутаперчевой гребенкой сухіе волосы, мы слышимъ трескъ, а въ темнотѣ увидимъ и искры. Такъ же точно, когда мы сухой рукой гладимъ въ темнотѣ кошку, то видимъ искры и слышимъ легкій трескъ.

Отчего же происходитъ эта искра съ трескомъ?

Раньше было сказано, что отъ тренія является электричество, и особенно замѣтно оно бываетъ, когда натирать стекло о кожу, а смолу о шерсть; тогда на стеклѣ получается *положительное* электричество, а на смолѣ *отрицательное*. Но при этомъ мы кожу держали просто въ рукѣ, когда натирали стекло. Если же мы сначала обернемъ руку шелковой матеріей, т. е. уединимъ кожу отъ нашей руки, а потомъ уже возьмемъ въ нее кожу и будемъ натирать стекло, тогда и на кожѣ явится электричество, но противоположное стеклянному, т. е. отрицательное, въ чемъ можно убѣдиться при помощи нашихъ бузинныхъ шариковъ. Если точно такъ же поступить и при натирании гутаперчевой палочки или пластинки, то на гутаперчѣ явится отрицательное электричество, а на сукиѣ — положительное.

Слѣдовательно, при треніи двухъ какихъ бы то ни было тѣлъ, на одномъ всегда является положительное электричество, а на другомъ отрицательное.

Мы видѣли раньше, что два бузинныхъ шарика на шелковинахъ, наэлектризованные разнороднымъ электричествомъ, притягиваются другъ къ другу; это происходитъ отъ того, что разнородныя электричества стремятся соединиться, и легкіе бузинные шарики движутся одинъ къ другому, прикасаются, и тогда разнородныя электричества соединяются. Что произошло въ шарикахъ, то же происходитъ и во всѣхъ тѣлахъ, наэлектризованныхъ разнороднымъ электри-

чествомъ: когда они прикасаются одно къ другому, то разнородныя электричества ихъ соединяются между собою, и послѣ того въ нихъ уже нельзя замѣтить электричества.

При соединеніи двухъ разнородныхъ электричествъ на разстояніи, всегда является свѣтъ, называемый искрой, и при этомъ всегда слышенъ трескъ, происходящій отъ сотрясенія воздуха при соединеніи электричествъ.

Во всякомъ тѣлѣ всегда есть два рода электричества, соединенныя вмѣстѣ и не замѣтныя для насъ, что называется *естественнымъ* состояніемъ, но при треніи они раздѣляются и становятся замѣтными, или, какъ говорятъ обыкновенно, становятся *свободными*.

Не однимъ только треніемъ можно разложить въ тѣлѣ электричество. Если приблизить на небольшое разстояніе наэлектризованную стеклянную палочку (со свободнымъ положительнымъ электричествомъ) къ уединенному металлическому шару, то въ немъ, отъ *вліянія* наэлектризованной палочки, начнется разложеніе электричества на положительное и отрицательное, причемъ отрицательное будетъ ближе къ палочкѣ, а положительное отойдетъ въ немъ дальше. Если разстояніе это еще уменьшить, то черезъ воздухъ произойдетъ соединеніе двухъ противоположныхъ электричествъ, причемъ и появится искра. Послѣ этой искры, по удаленіи палочки, въ шарѣ останется свободное положительное электричество, и если приблизить къ нему палецъ, то получится опять искра, и это отъ того, что свободное электричество шара разложить черезъ *вліяніе* естественное электричество нашего тѣла, притянетъ къ себѣ противоположное, т. е. отрицательное, и соединится съ нимъ (искра), а положительное оттолкнетъ въ землю, такъ какъ тѣло наше не было уединено. Но если тѣло наше уединить, то свободное электричество въ немъ останется на нѣкоторое время.

А какимъ образомъ уединить наше тѣло?

Надо стать на скамеечку со стеклянными ножками и потомъ электризовать тѣло.

Для того, чтобы наэлектризовать бузинные шарики, достаточно стеклянной палочки, потертой о кожу; но чтобы наэлектризовать наше

тѣло и получать изъ него искры, одной стеклянной палочки мало; для этого нужна электрическая машина (рис. 5).

Машина эта устраивается такъ: берутъ большой стеклянный кругъ (к), ось его ставятъ на подставки и къ ней придѣлываютъ рукоятку, чтобы вращать кругъ. Для получения электричества на кругъ, онъ слегка зажатъ въ одномъ мѣстѣ между двумя кожаными подушками (п); кожа на подушкахъ натерта еще амальгамой *): отъ этого получается больше электричества на стеклѣ. На небольшомъ

разстояніи отъ круга помѣщается металлическій проводникъ (пр.) въ видѣ шара на стеклянной подставкѣ. Когда мы станемъ вращать кругъ, то на немъ отъ тренія о подушки появится положительное электричество, а на подушкахъ отрицательное,

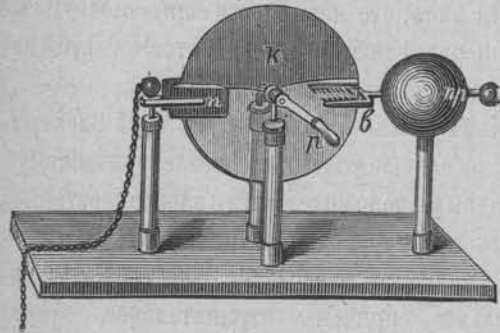

Рис. 5.

которое съ подушекъ и уйдетъ въ землю по деревянной подставкѣ или по цѣпочкѣ; положительное же электричество круга будетъ *влиять* на электричество металлическаго шара и разложить его на два, одно — отрицательное, которое будетъ на сторонѣ шара ближе къ кругу — и другое, положительное, на противоположной сторонѣ. Чтобы этого положительнаго электричества на шарѣ стало больше, надо отрицательное электричество шара соединить съ положительнымъ стекляннаго круга, а для этого отъ шара къ кругу проведена раздвоенная въ видѣ вилки (в) проволока съ зубчиками, которая обхватываетъ стеклянный кругъ, но не прикасается къ нему, и по зубчикамъ ея положительное электричество стекляннаго круга соединяется съ отрицательнымъ электричествомъ вилки.

При постоянномъ вращеніи круга, на шарѣ такимъ образомъ постоянно будетъ скапливаться положительное электричество, которымъ и можно пользоваться.

*) Цинкъ и олово, размѣшанные съ ртутью.

Если теперь встать на скамеечку со стеклянными ножками и прикасаться рукою къ шару, то въ тѣло перейдетъ столько электричества, что изъ него можно извлекать искры, а въ темнотѣ можно будетъ замѣтить на концахъ пальцевъ и на кончикѣ носа какъ бы огненные свѣтлыя кисточки: это избытокъ электричества уходитъ въ воздухъ; въ то же время волосы на головѣ станутъ дыбомъ.

Какъ объяснить это послѣднее явленіе?

Для этого надо припомнить, что два бузиновыхъ шарика, наэлектризованные однороднымъ электричествомъ, отталкиваются другъ отъ друга; такъ же точно и волосы на головѣ, будучи наэлектризованы однороднымъ электричествомъ, отталкиваются другъ отъ друга и становятся дыбомъ.

Гроза въ атмосферѣ происходитъ тоже отъ электричества. Грозовые тучи бываютъ сильно наэлектризованы, т.-е. заряжены большимъ количествомъ свободнаго электричества. Если двѣ тучи неподалеку одна отъ другой будутъ заряжены разнороднымъ электричествомъ, то можетъ произойти соединеніе этихъ электричествъ черезъ воздухъ, и тогда появится длинная искра въ видѣ зигзага (рис. 6), называемая молніей, и послѣ этого послышится сильный трескъ, называемый громомъ. Молнія и громъ происходятъ одновременно, но такъ какъ тучи отъ насъ довольно далеко, то мы сначала видимъ молнію, а потомъ уже слышимъ громъ; и чѣмъ дальше отъ насъ эти тучи, тѣмъ позже мы услышимъ громъ. Подобно тому, какъ при выстрѣлѣ изъ ружья на далекомъ отъ насъ разстояніи мы увидимъ сначала дымъ, а потомъ уже услышимъ выстрѣлъ. Если мы услышимъ громъ черезъ 10 секундъ послѣ того, какъ мелькнула молнія, то это значитъ, что гроза отъ насъ приблизительно за три версты.

Иногда молнія ударяетъ въ дома, деревья и частью разрушаетъ ихъ и даже зажигаетъ. Это происходитъ тогда, когда грозовая туча проходитъ довольно низко надъ земной поверхностью, и дѣйствуя черезъ вліяніе на предметы, разлагаетъ ихъ естествен-

ное электричество на два и притягиваеть разнородное себѣ, которое и скопляется наверху предметовъ, а однородное отталкивается внизъ, въ землю. Если его скопится наверху много, то оно можетъ соединиться черезъ воздухъ съ электричествомъ тучи, и произойдетъ молнія съ громомъ. При такомъ случаѣ говорятъ обыкновенно, что молнія ударила въ домъ, дерево и проч.

Для того, чтобы спасти домъ отъ разрушенія молніей, устраиваютъ *громоотводы*.

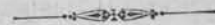
Рис. 6.

Громоотводомъ называется толстый желѣзный пруть, прикрѣпленный къ наружной стѣнѣ дома, и одинъ конецъ этого прута опущенъ довольно глубоко въ землю, а другой возвышается надъ крышей въ видѣ острія (рис. 6).

Дѣйствіе громоотвода объясняется такъ: грозовая туча, заряженная свободнымъ электричествомъ, проходя надъ такимъ домомъ, разлагаетъ его естественное электричество и притягиваетъ къ себѣ противоположное, которое и должно было-бы скопляться наверху

дома. Но, благодаря громоотводу, оно скопляться не будетъ, а по острію будетъ уходить въ воздухъ, какъ-бы стекать съ острія. Если-же не будетъ скопленія электричества наверху дома, то не будетъ и моментальнаго соединенія его съ электричествомъ тучи, т.-е. не произойдетъ и удара молніи.

Но иногда, при сильной грозѣ, съ острія громоотвода не успѣваетъ стекать электричество въ достаточной степени, и тогда можетъ произойти ударъ молніи, но ударъ этотъ будетъ въ громоотводъ. А такъ какъ громоотводъ сдѣланъ изъ желѣза, т.-е. хорошаго проводника электричества, то въ немъ и произойдетъ дальнѣйшее соединеніе электричества, и зданіе не пострадаетъ.

ОТДѢЛЪ III.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ РОДИНОЙ.

ПОѢЗДКА ИЗЪ СТОЛИЦЫ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Столица и губернской городъ.

Володя и Лиза во всю свою жизнь ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Можно себѣ представить, какъ они обрадовались, когда отецъ сказалъ имъ, что они на цѣлое лѣто поѣдутъ въ деревню, за нѣсколько сотъ верстъ.

Въ день, назначенный для отъѣзда, всѣ заняты были укладкой вещей и приготовленіемъ къ длинному путешествію. Часамъ къ четыремъ, когда все было готово, маленькая семья усѣлась въ экипажъ, и колеса его запрыгали по каменной мостовой.

Улицы черезъ двѣ, экипажъ выѣхалъ на *набережную* Невы и поѣхалъ по длинному каменному мосту, съ чугунными перилами, сдѣланными точно изъ кружевъ. На широкой, величественной рѣкѣ мелькали сотни лодокъ, летѣли одинъ за другимъ дымящіеся пароходы, а вдали, какъ лѣсъ, стояли безчисленныя мачты стройныхъ судовъ. Великолѣпная гранитная набережная, уставленная дворцами, величественныя церкви, обширныя, красивыя площади, широкія, богатая, шумныя улицы, чудесныя памятники — все это дѣти видали уже часто, и все это имъ было не въ диковину.

За мостомъ экипажъ поѣхалъ по одной изъ лучшихъ улицъ *столицы*. Сплошныя ряды громаднхъ каменныхъ домовъ подымались высокими стѣнами по обѣимъ сторонамъ. Тысячи раззолоченныхъ вывѣсокъ пестрѣли на домахъ. За огромными окнами великолѣпныхъ магазиновъ и богатыхъ лавокъ были выставлены и разложены самыя разнообразныя товары. Здѣсь было все, что угодно: золотыя и серебряныя вещи, чудныя издѣлія изъ дорогихъ камней, роскошныя матеріи для платьевъ, шитые костюмы, картины, статуэтки, книги, часы, игрушки, конфеты и пирожки, рѣдкіе, дорогіе фрукты, заманчиво разложенная зелень... Но у крыльца одного изъ такихъ магазиновъ дѣти замѣтили бѣдняка въ лохмотьяхъ, который робко

посматривалъ вокругъ, не подастъ-ли ему кто-нибудь гроша, а этотъ грошъ нуженъ былъ ему для куска хлѣба, одежды и найма квартиры гдѣ нибудь въ подвалѣ этихъ роскошныхъ домовъ.

Блестящіе экипажи неслись по мостовой; разряженныя толпы народа двигались по тротуарамъ; безпрестанно попадались на встрѣчу конные и пѣшіе отряды солдатъ, оружіе которыхъ сверкало на солнцѣ. Но Володѣ и Лизѣ хотѣлось поскорѣе за городъ: въ лѣса, въ поля, въ деревню.

Проѣхавъ еще нѣсколько улицъ, экипажъ, въ которомъ ѣхали наши путешественники, остановился у большого каменнаго зданія — станціи желѣзной дороги. Возни и суеты здѣсь было не мало. То и дѣло подѣзжали экипажи, нагруженные вещами. Люди съ номерами на груди разгружали вещи и на маленькихъ тележкахъ или просто на снѣгъ таскали большія тяжести, сундуки, чемоданы, ящики, для сдачи ихъ въ багажъ. Володю и Лизу отвели въ залъ, гдѣ сидѣли пассажиры въ ожиданіи поѣзда. Но вотъ раздался звонокъ, распахнулась огромная дверь, и всѣ устремились на платформу, у которой стоялъ уже поѣздъ, готовый къ отходу. Всѣ старались поскорѣе занять мѣста въ вагонахъ. Въ одинъ изъ вагоновъ усадили Володю и Лизу, размѣстивъ на сѣткѣ ручной багажъ. Спустя нѣкоторое время, за первымъ звонкомъ раздался второй и третій, послышался свистокъ кондуктора, и поѣздъ тронулся. Передъ путешественниками замелькали знакомыя имъ городскія постройки, дома и церкви, которыя однако скоро смѣнились фабриками съ огромными дымящимися кирпичными трубами, огородами, полями и красивыми деревянными дачками съ маленькими запыленными садиками. Черезъ извѣстныя промежутки времени поѣздъ замедлялъ ходъ, останавливаясь около встрѣчавшихся на пути станцій. На одной изъ станцій, гдѣ остановка была подлиннѣе, Володѣ и Лизѣ позволили выйти на платформу, и они видѣли, какъ наполняли паровозъ водой и въ помѣщавшейся позади паровоза огромный ящикъ накладывали гору дровъ. Отецъ объяснилъ Володѣ и Лизѣ, что дрова и вода необходимы для образованія пара, силой котораго приводятся въ

движеніе колеса паровоза, и обратилъ вниманіе дѣтей на то, какъ велика эта сила, когда одинъ паровозъ тащитъ за собой двадцать и болѣе вагоновъ, нагруженныхъ огромными тяжестями.

Начинало вечерѣть. Дѣти проснулись сегодня чуть-ли не въ три часа утра, провозились за укладкою цѣлый день, а потому глаза ихъ слипались, головки клонились на подушки, которыхъ было довольно въ вагонѣ. Скоро наши маленькіе путешественники заснули, и спали долго и крѣпко, какъ спятъ только усталыя дѣти, при небольшой убаюкивающей качкѣ вагона, подъ усыпительный стукъ поѣзда.

Очень рано по утру, когда солнце только что встало, Александръ Сергѣевичъ разбудилъ разоспавшихся дѣтей, говоря, что сейчасъ они пріѣдутъ въ городъ, отъ котораго придется имъ до деревни еще долго ѣхать, но не по желѣзной дорогѣ, а на лошадахъ въ экипажѣ. Дѣти насилу могли вспомнить, что съ ними дѣлается, гдѣ они; но едва только мелькнула у нихъ мысль, что они въ дорогѣ, на пути въ деревню, ѣдутъ въ вагонѣ, какъ сна будто и не бывало! Весело и бодро вскочили они, и съ любопытствомъ стали осматриваться кругомъ.

Городъ, гдѣ наши путешественники должны были выйти и пересѣсть въ дорожный тарантасъ, чтобы продолжать путь дальше, былъ *губернскій*. По сравненію съ столицей, онъ показался Володѣ и Лизѣ очень небольшимъ и бѣднымъ. Хотя по улицамъ его была каменная мостовая и часто попадались большіе каменные дома; но между домами не много было такихъ, къ какимъ дѣти привыкли въ столицѣ. Изъ нихъ наиболѣе выдѣлялись: *губернаторскій домъ*, новыя *присутственныя мѣста*, высокій прекрасный *соборъ*, нѣсколько старинныхъ церквей и два большія зданія мужской и женской гимназій. Веѣ эти строенія могли-бы, какъ казалось дѣтямъ, стоять безъ стыда и на петербургскихъ улицахъ. Но *гостинный дворъ*, посреди огромной, пустой площади, показался имъ и малъ, и бѣденъ, и грязенъ. Тутъ были и хорошіе на видъ магазины, но какое сравненіе съ петербургскими вывѣсками! Народу и экипажей на улицахъ несравненно меньше.

При выѣздѣ изъ города дѣти замѣтили вдаль, такъ же какъ и на окраинѣ Петербурга, нѣсколько большихъ фабрикъ съ высокими закоптѣлыми трубами.

Проѣхавъ нѣкоторое время по *шоссе*, гладкому, прямому, какъ стрѣла, съ каменными мостиками, пестрыми верстовыми и высокими телеграфными столбами, экипажъ свернулъ на мягкую, *простую почтовую дорогу*.

Почтовый колокольчикъ звонко побрякивалъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжныхъ лошадей: онъ остановилъ тройку и слѣзъ съ козелъ. Прежде всего поразила дѣтей глубокая тишина, царствовавшая въ поляхъ. Только гдѣ-то высоко пѣлъ невидимый жаворонокъ. Серебряныя трели его вольной пѣсни звонко раздавались въ прозрачномъ чистомъ воздухѣ, наполненномъ благоуханіями полей. По обѣимъ сторонамъ дороги, по волнистымъ холмамъ, подымались полосы разноцвѣтныхъ нивъ, то покрытыхъ зеленѣющими хлѣбами, то черныхъ, *отдыхающихъ подъ паромъ*. На горизонтѣ, гдѣ небо сходится съ землею, тянулась синяя, зубчатая полоса далекаго лѣса. Въ сторонѣ, между двумя длинными холмами, видѣлись соломенные крыши большого *села*, разбросаннаго на скатѣ. Позолоченный крестъ сельской церкви ярко горѣлъ на солнцѣ. Съ другой стороны можно было замѣтить вдаль небольшую *деревню*, въ которой не было церкви.

Дѣти молчали: новость и прелесть сельской картины глубоко на нихъ подѣйствовала.

Минуть черезъ двадцать тарантасъ застучалъ по деревянному, довольно ветхому, мосту, построенному черезъ глубокій оврагъ. На днѣ оврага, въ высокой травѣ, сверкала маленькая рѣчка. Громадныя вѣковныя сосны протягивали надъ дорогой свои длинные, красноватые, смолистые сучья, съ колючими, всегда зелеными вѣтвями. Колеса тарантаса врѣзались въ песокъ—и лошади пошли шагомъ.

Лѣсъ былъ болѣею частію сосновый, но кое-гдѣ видѣлись пирамиды ели съ своими стройно расположенными сучьями, выпнутыми книзу, какъ крыши китайскихъ домиковъ. Тамъ и сямъ

бѣдѣли стройныя березы съ кудрявыми, ярко-зелеными верхушками; трепетали вѣчно-дрожащія листочки осины. Внутри лѣса, между деревьями, царствовали тѣнь, прохлада и тишина. По временамъ густой лѣсъ прерывался полянами. На опушкахъ такихъ полянъ, покрытыхъ свѣжей травой, береза, осина, небольшія елки и тонкій, гибкій орѣшникъ, перемеживаясь, составляли красивыя группы. Въ высокой сочной травѣ видно было много цвѣтовъ; а кое-гдѣ блестяли, какъ коралль, ярко-красныя ягодки вызрѣвшей земляники. Кукушка отзывалась гдѣ-то далеко въ глуши лѣса; по временамъ раздавался звонкій, рѣзкій крикъ иволги.

Высокій лѣсъ тянулся вереть на пять, и дѣти не могли имъ полюбоваться. Но лошадямъ трудно было тащить тарантасъ по глубокому сыпучему песку, и, кромѣ того, бѣдныхъ животныхъ беспокоили овода. Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть и, вмѣсто большихъ сосенъ, показались кустарники. Опушка лѣса продолжалась еще съ полверсты; потомъ колеса экипажа застучали по болѣе твердому грунту. Опять по обѣимъ сторонамъ дороги пошли безконечныя поля, разстилающіяся по холмамъ до самаго горизонта.

Деревня и уѣздный городъ.

Наши путешественники проѣхали много маленькихъ *деревень*. Въ иныхъ всего-то было 10 или 15 домовъ, низенькихъ, пошатнувшихся на бокъ, съ почернѣвшими бревенчатыми стѣнами, съ полусгнившими соломенными крышами. Много проѣхали они и большихъ *селъ*, съ большими прекрасными церквями, вблизи которыхъ большею частью помѣщались хорошенькіе домики сельскихъ школъ, и гдѣ попадалось нѣсколько домовъ почище другихъ и двѣ-три маленькія грязныя лавочки, въ которыхъ деготь и баранки, пряники и колеса продавались вмѣстѣ. Эти лавочки были бѣднѣе товаровомъ, меньше и грязнѣе на видъ самой жалкой изъ мелочныхъ лавокъ столицы.

Наши путешественники проѣхали также одинъ уѣздный городъ. *Уѣздный городъ* былъ меньше и бѣднѣе губернскаго: три, че-

тыре мощеныя улицы, обстановленныя низенькими деревянными домами; длинныя, иногда полуразвалившіеся заборы, огороды и сады посреди города; деревянные столбики вмѣсто тротуаровъ; коровы и свиньи, бродящія по улицамъ; пустота, тишина, отсутствіе движенія! Были тутъ впрочемъ и каменные дома, нѣсколько церквей, соборъ, окруженный садикомъ, небольшое зданіе городского училища и площадь, на которой помѣщались десятка два лавокъ и каменная *присутственная мѣста*, выкрашенныя когда-то желтою охрою. Все это, а также вывѣски магазиновъ и попадавшіеся имъ городскіе экипажи, доказывало, что это не деревня, а городъ.

Выѣхавъ изъ города и продолжая путь дальше, экипажъ вдругъ остановился. Александръ Сергѣевичъ сказалъ дѣтямъ, что нужно выйти изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Дѣти встали и начали съ любопытствомъ осматриваться вокругъ. Тарантасъ стоялъ на берегу рѣки, къ которой круто спускалась дорога. На рѣкѣ моста не было; но съ той стороны рѣки два перевозчика, въ синихъ рубахахъ, гнали къ берегу, на шестахъ, небольшой, довольно ветхій паромъ. На этомъ берегу столпилось, въ ожиданіи парома, множество крестьянъ и крестьянокъ, пѣшкомъ и въ телѣгахъ, и возовъ до двадцати съ различною кладью. Возы были нагружены сѣномъ, соломою, мѣшками съ мукой, горшками, кирпичемъ, дровами; на иныхъ телѣгахъ мычали телята и бараны или визжали поросята, у другихъ были привязаны сзади крестьянскія лошаденки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидѣли и лежали на телѣгахъ и просто на землѣ, хотя трава была покрыта серебристой росой. За плечами у крестьянокъ висѣли корзины съ яйцами, въ рукахъ были кадочки съ масломъ; инныя держали куръ, гусей, пучки луку, рыбу въ судкахъ и раковъ въ корзинкахъ, наполненныхъ кропивой.

Александръ Сергѣевичъ узналъ отъ крестьянъ, что они отправляются на торгъ въ уѣздный городъ, который былъ виденъ на противоположномъ, крутомъ и высокомъ берегу рѣки. Володя видѣлъ, какіе товары крестьяне везли въ городъ; но ему хотѣлось узнать, что они будутъ покупать тамъ. Съ этимъ вопросомъ

онъ обратился къ сѣдому старику, который, накрывшись тулупомъ, сидѣлъ на своей телѣгѣ, терпѣливо дожидаясь перевоза. Старикъ съ трудомъ понялъ, о чемъ его спрашивалъ Володя, но, понявши, усмѣхнулся и ласково отвѣчалъ:

— Что намъ нужно въ городѣ? Какъ что? да вотъ, маленький баринъ, мнѣ нужно купить топоръ—мой совсѣмъ иступился; нужны еще двѣ косы—ужь косовица подходитъ. Женѣ куплю въ городѣ ситцевый платокъ, а дѣтямъ по прынику. Вѣдь у насъ, въ деревнѣ, ничего этого не найдешь. Кто, можетъ, ѣдетъ купить себѣ сапоги; а другому нужна шляпа, кушакъ или рукавицы. Вотъ зятю моему понадобились стекла, замокъ къ дверямъ и петли; онъ, вишь, строитъ себѣ избу; а стеколь-то у насъ въ деревнѣ не дѣлаютъ и слесарей нѣтъ; гвоздей тоже, чай, захватить, потому-что и гвоздей у насъ не найдешь. А тамъ-отъ-ко стоитъ моя сноха съ пѣтухомъ и съ корзиной яицъ: ей нужно кумачу на кичку, ситцу на сарафанъ; иголки, чай, всѣ вышли; а можетъ, купить она желѣзный ковшъ для воды или пару серповъ. Да мало-ли чего кому нужно! У насъ-же въ деревнѣ, почитай, ничего нѣту. Что есть, то, какъ видишь, и веземъ продавать. Всѣмъ-же намъ, баринъ, кромѣ того нужны деньги...

Весело было переѣзжать широкую рѣку на паромѣ. По всей рѣкѣ тянулись барки, нагруженные товаромъ, и медленно двигались по теченію длинные неуклюжіе плоты. На другомъ берегу, съ горы, спускался длинный обозъ. По всему было видно, что было мѣсто бойкое, *торговое*, гдѣ сходились судоходная рѣка и большая проѣзжая дорога. На высокомъ и крутомъ берегу былъ живописно раскинутъ небольшой, но промышленный городъ; красныя, зеленыя и сѣрыя крыши его пестрѣли посреди зеленѣющихъ садовъ; позолоченные кресты и главы церквей весело играли на солнышкѣ.

Проселочная дорога.

Наши путешественники свернули съ большой *почтовой дороги* на *проселочную*.

На проселочной дорогѣ картина нѣсколько измѣнилась, да и ѣхать было гораздо спокойнѣе. Колеса широкаго тарантаса не попадали въ глубокія колѣна, прорѣзанные узкими крестьянскими телѣгами. Тарантасъ ѣхалъ какъ-то бокомъ, и тряска увеличилась. Но дѣти не обращали на нее большого вниманія: такъ занимало ихъ все, что они видѣли. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла высокая, густая рожь. Она уже отцвѣла, налилась и начинала желтѣть. Золотистыми, колеблющими волнами разливалась она по обѣ стороны на необозримое пространство. Во ржи синѣло такое множество васильковъ, что дѣти, выйдя изъ экипажа, мигомъ нарвали два огромные пучка. Скоро два вѣлика, сплетенные искусными ручками Лизы, свѣжіе, синіе и блестящіе, перевитые съ колосьями ржи, украсили русыя головки дѣтей.

На дорогѣ почти никто не попадался. Изрѣдка только проѣдетъ мужикъ съ тяжелой сохой, пройдетъ косарь съ блестящей косой или вдали покажется пастухъ и пестрое стадо. Здѣсь деревни были ужь настоящія деревни: глухія, безмолвныя, окруженныя полями, лугами и лѣсами. Подъѣзжая къ деревнѣ, извозчикъ долженъ былъ всякій разъ вставать съ козелъ и отпирать скрипучія ворота околицы. Утлая огорожа, сдѣланная изъ жердей и кольевъ для того, чтобы скотъ, выходя изъ деревни, не вытаптывалъ полей, задолго еще предупреждала нашихъ путешественниковъ, что они приближаются къ деревнѣ.

Наступила рабочая лѣтняя пора, и деревни были почти совершенно пусты. Всѣ крестьяне были въ полѣ, на работѣ; только ребятишки играли на улицахъ, да какая-нибудь старуха выходила набрать воды въ колодецъ и немилосердно скрипѣла длиннымъ шестомъ, опуская бадью въ воду.

Крестьянская изба.

Извозчикъ остановился кормить лошадей у знакомаго крестьянина. Путешественникамъ нашимъ захотѣлось выпить чаю; но на вопросъ о самоварѣ старуха усмѣхнулась.

— Какіе у насъ, батюшка, самовары! сказала она:—мы и

чаю-то, почитай что, отродясь не пивали; а вотъ, когда сливочекъ или янчекъ милости вашей угодно, такъ это у насъ есть.

Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было, и дѣти съ удовольствіемъ съѣли даже засохшую булку, которая одна только и осталась у нихъ отъ города. Старуха, правда, вынесла краюху черного хлѣба; но онъ былъ такъ черствъ, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здѣсь въ первый разъ дѣти были въ настоящей крестьянской избѣ. Нечего грѣха таить, она показалась имъ и грязна, и тѣсна, и душна. Въ углу стояла огромная печь; наверху половину избы занимали полаты, закопѣлыя отъ дыма. Маленькія, запачканныя окна мало пропускали свѣта. Земляной полъ былъ грязенъ. По голымъ стѣнамъ, между почернѣлыми бревнами которыхъ торчалъ мохъ, ползало множество таракановъ. Вся мебель избы состояла изъ двухъ большихъ лавокъ по стѣнамъ, скамейки и большого деревяннаго стола. На столѣ стояла деревянная же солонка и лежалъ хлѣбъ, закрытый грубымъ полотенцемъ. У печи висѣлъ на веревочкѣ рукомойникъ. Въ переднемъ углу видно было нѣсколько почернѣлыхъ образовъ, украшенныхъ засохшими цвѣтами и вѣтками березы. Въ другомъ углу, за ситцевой занавѣской, стояла непривлекательная постель.

Дома, кромѣ старухи и двухъ маленькихъ ребятшекъ, русыя всклокоченныя головки которыхъ видѣлись съ полатей, не было никого; а, по словамъ старухи, семья у нея была большая: старикъ — мужъ ея, двое женатыхъ сыновей, двѣ взрослыя, еще незамужнія, дочери и даже внукъ, мальчишка лѣтъ 10-ти, съ ранней зарю ушли на косовицу, гдѣ должны были остаться цѣлый день и воротиться только поздно вечеромъ, а можетъ быть, и заночевать въ полѣ...

Версть черезъ семь или восемь дорога пошла по крутому берегу живописной рѣчки; она извивалась, какъ огромная блестящая змѣя, на днѣ глубокой лощины, посреди кустовъ лозы и орѣшника. По ту сторону рѣчки разстилались далеко луга; на нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, видны были косари, сверкающе своими

стальными косами. Извозчикъ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эти обширные зеленые луга.

— Вотъ луга, такъ луга! сказалъ онъ, обращаясь къ Володѣ, который съ позволенія отца усѣлся возлѣ ямщика на козлахъ:—какая бы ни была засуха, на нихъ всегда есть трава, и покосъ всегда хорошій.

— Отчего же это? спросилъ Володя.

— Да оттого, маленькій баринъ, отвѣчалъ ямщикъ,—что всякую весну эта рѣченка разливается куда-какъ широко — вонъ подъ тѣ самыя лозы, вереть, чай, на семь! Какъ вода потомъ сбудетъ, то и трава пойдетъ расти шибко да гонко,—да такая зеленая, сочная! Эти луга, баринъ ты мой милый, *поемные*, дорогие луга! славные луга! Много они, сердешные, кормятъ лошадушекъ, а лошадушки, баринъ, кормилицы наши. Что-бы мы безъ нихъ стали дѣлать? Онѣ насъ и возятъ, милыя; онѣ намъ и пашенку пашутъ и боронятъ; а придется-ли дровецъ изъ лѣсу привезти—опять таки за лошадушку. Онѣ намъ навозъ даютъ: безъ навоза же наши поля родятъ плохо. Вотъ и выходитъ, баринъ, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поемные. Поле вездѣ распахать можно, хотя бы изъ-подъ самаго глухого лѣсу: вырубивъ деревья, повыкорчи корни, да и распахивай землю-то; а поемнаго луга ужъ не распашешь! Гдѣ Богъ даль, тамъ и есть; а гдѣ сѣна много, тамъ и лошадка, и коровка, и овечка сыты... Эй, вы, сердешныя, трогай!—прибавилъ ямщикъ, подстегнувъ слегка правую пристяжную.

Начинало вечерѣть. Поверхность рѣчки блестѣла розовымъ цвѣтомъ. Кое-гдѣ чернѣли на ней стада дикихъ утокъ. Длинноносый бекасъ со свистомъ перепархивалъ съ одного берега на другой, а бѣлыя чайки, блестя въ воздухѣ крыльями, съ печальнымъ крикомъ носились надъ водою: зорко высматривали онѣ, не выкажется ли гдѣ-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы—такъ называютъ этихъ чаекъ—большіе охотники до рыбы, и въ этотъ вечеръ, навѣрно, охотились удачно. Рыба то и дѣло всплескивалась тамъ-и-сямъ по рѣкѣ, ловя комаровъ и мошекъ, которые,

ища сырости и не находя ея вверху, кучами толклись надъ водою, предсказывая, что и завтра будетъ такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цвѣтами, золотымъ, розовымъ и пурпуровымъ, серебряныя облака, столпившіяся къ западу. Отражая косвенные вечерніе лучи, рѣчка сверкала, какъ растопленное золото. Становилось прохладнѣе; а подъ ивами, свѣсившимися надъ водою, было уже совершенно темно. Утомленная длинною дорогою, дѣти чувствовали усталость; но до деревни, составлявшей цѣль ихъ поѣздки, было уже недалеко.

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО.

Наше отечество, наша родина—*матушка* Россія. *Отечествомъ* мы зовемъ Россію потому, что въ ней жили испоконъ вѣку отцы и дѣды наши. *Родиной* мы зовемъ ее потому, что въ ней мы родились, въ ней говорятъ роднымъ намъ языкомъ и все въ ней для насъ родное; *матерью*—потому, что она вскормила насъ своимъ хлѣбомъ, вспоила своими водами, выучила своему языку; какъ мать защищаетъ и бережетъ насъ отъ всякихъ враговъ, и, когда мы уснемъ на вѣки, она прикроетъ и кости наши.

Велика наша родина—*мать-свѣто-Русская земля!* Отъ запада къ востоку тянется она почти на *одинадцать* тысячъ верстъ; а отъ сѣвера къ югу на *четыре съ половиною*. Не въ одной, а въ двухъ частяхъ свѣта раскинулась Русь: *въ Европѣ и Азій.*

Азіатская Россія по пространству втрое больше Европейской, но наиболѣе обширную часть ея составляетъ суровая и еще очень малолюдная *Сибирь*. По ней бродятъ дикіе инородцы, но есть уже теперь въ ней довольно хорошихъ русскихъ городовъ и богатыхъ селъ. Сибирь—сторона богатая. Въ ея горахъ и по ея рѣкамъ много простыхъ и драгоценныхъ металловъ, а въ ея темныхъ лѣсахъ много пушныхъ звѣрей съ дорогими мѣхами.

Другія части Азіатской Россіи—*Кавказъ* и *Средняя Азія*, гдѣ русскія владѣнія подошли уже къ очень высокимъ горамъ и проникли въ самое сердце Азій.

Самая населенная и образованная часть Россіи—въ Европѣ. Въ Европейской Россіи обѣ наши столицы: нынѣшнее мѣстопробываніе Правительства—Санктпетербургъ и первопрестольная Москва, да множество *губернскихъ* и *уѣздныхъ* городовъ, а селамъ и деревнямъ такъ и счету нѣтъ.

Въ Россіи около *ста (96)* губерній и областей, много различныхъ племенъ и народовъ, и кормить она сто тридцать милліоновъ людей. Всѣ эти губерніи, всѣ эти милліоны людей повинуются одному государю — *Православному Русскому Царю*.

Много есть на свѣтѣ, и кромѣ Россіи, всякихъ хорошихъ государствъ и земель; но одна у человѣка родная мать — одна у него и родина.

ЧТО ВЫЛО ВЪ РОССІИ ЗА ТЫСЯЧУ ЛѢТЪ.

Теперь поѣзжай по Россіи, куда хочешь, — вездѣ услышишь русскій языкъ, найдешь городъ или село, православную церковь, порядокъ и управу: никто тебя обидѣть не смѣетъ. Промышленные люди ѣздятъ съ товарами и по глухимъ лѣсамъ, и по пустыннымъ степямъ — вездѣ, гдѣ только проложена дорога или течетъ судоходная рѣка. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ, чуть не въ полевѣта — живетъ народъ мирно, трудится и промышленяетъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Есть, правда, въ Россіи еще такіе народы, что не живутъ осѣдло на мѣстахъ, *кочуютъ*; на примѣръ, калмыки между Волгою и Дономъ, киргизы за Волгою и Ураломъ, самоѣды и лапландцы по сѣвернымъ *тундрамъ*; но они кочуютъ только тамъ, гдѣ имъ указано мѣсто, и мирно пасутъ свои стада. Есть и такіе народы, что не пашутъ, не сѣютъ, ни домашняго скота не держатъ, а бродятъ по лѣсамъ и стрѣляютъ всякаго звѣря, или ловятъ рыбу по берегамъ рѣкъ и морей; но и эти платятъ подать и рады-радехоньки, если ихъ самихъ не обижаютъ.

Не то было за тысячу лѣтъ тому назадъ! Непоглядные болотистые лѣса, что остались теперь только на сѣверо-востокѣ

Европейской Россіи да въ Сибири, занимали тогда всю среднюю Русь, тянулись по берегамъ Волги и Оки. По лѣсамъ этимъ бродили дикіе языческіе народы — чудь. Чудь больше жили въ разбродѣ, занимались звѣриною ловлею и только кое-гдѣ построили себѣ городки. Въ степяхъ тогда кочевали дикія, злая орды. Безпрестанно приходили онѣ въ южную Россію изъ азіатскихъ степей, мимо Каспійскаго моря, грабили и жгли села и города, если какіе имъ попадались, и не давали ни проѣзду, ни проходу мирнымъ людямъ.

Правда, по Дунаю, по Днѣпру, по Днѣстру, по Западной Двинѣ, по Волхову, у Ильменя-озера жили уже осѣдло славянскія племена, обрабатывали землю и торговали; но эти племена были еще грубыми язычниками, ссорились между собою и жили бѣдно.

Двое изъ славянскихъ племенъ были получше и пообразованнѣе другихъ: *поляне* и просто *славяне*. *Поляне* жили по среднему Днѣпру, занимались болѣе земледѣліемъ, и у нихъ уже былъ выстроенъ городъ Кіевъ. *Славяне* жили по Ильменю и Волхову, занимались больше торговлей, плавая по рѣкамъ и озерамъ, и у нихъ также былъ городъ—Новгородъ-Великій. Были и у другихъ племенъ города, но ихъ всѣхъ немного было.

Каждое славянское племя жило и управлялось особо; общія дѣла рѣшались на вѣчѣ. Но порядку было мало, и сосѣди сильно обижали славянъ: такъ хозары пришли съ юга, изъ степей, и брали дань съ полянъ и сосѣдей ихъ, съверянъ и вятичей; а варяги пришли съ сѣвера, изъ-за Балтійскаго моря, и наложили дань на Новгородскихъ славянъ, кривичей, жившихъ по верховьямъ Западной Двины, Днѣпра и Волги, и на чудскіе народы.

ПРИЗВАНІЕ КНЯЗЕЙ.

(862).

Въ 862 году Новгородскіе славяне, кривичи и чудь прогнали варяговъ за море, перестали платить имъ дань и начали опять управляться сами собою. Однако-же имъ стало хуже еще, чѣмъ

при варягахъ: родъ возсталъ на родъ, племя на племя, и не было конца междоусобіямъ. Тогда стали они говорить между собою: „Поищемъ себѣ князя, который-бы владѣлъ нами и давалъ намъ правый судъ“. Согласились и отправили пословъ за море, къ варяжекому племени,—по названію *Русь*. Пришли послы къ Руси и сказали: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; прійдите княжить и владѣть нами“. Собрались три русскіе князя, три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ родственниками своими, взяли съ собою все племя Русь и пришли. Старшій изъ братьевъ, Рюрикъ, поселился въ Новгородѣ, второй, Синеусъ—на Бѣло-озерѣ, а третій, Труворъ—въ Изборскѣ. Съ тѣхъ поръ и стала наша земля называться Русскою.

Вотъ почему начало русскаго государства считаютъ съ 862 года; въ 1862 году поставили памятникъ *тысячелѣтія* Россіи, именно въ Великомъ-Новгородѣ.

Черезъ два года Синеусъ и Труворъ померли, а Рюрикъ сталъ княжить одинъ и раздавалъ города своимъ приближеннымъ людямъ. Два Рюрикова боярина, Аскольдъ и Дирь, отпросились у князя въ Царь-городъ: взяли съ собою своихъ родственниковъ и поплыли внизъ по Днѣпру.

Бдучи по Днѣпру, увидали они на горѣ городокъ и спросили у жителей: „чей это городокъ?“ Отвѣчали имъ жители: „Были здѣсь три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они построили этотъ городокъ, а потомъ и сгибли; мы-же вотъ сидимъ здѣсь и платимъ дань Хозарамъ“. Аскольдъ и Дирь остались въ Кіевѣ, собрали къ себѣ много варяговъ и стали владѣть полянами, тогда какъ Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году пошли Аскольдъ и Дирь на грековъ, у которыхъ тогда царствовалъ царь Михаилъ. Михаилъ былъ на войнѣ; но, получивъ вѣсть, что Русь идетъ на Царь-городъ, воротился; а русскіе между тѣмъ вошли уже въ Цареградскую гавань и облегли городъ двумя стами большихъ ладей, такъ что царь едва могъ пробраться въ свою столицу. Всю ночь молился онъ съ патріархомъ въ церкви Влахернской Богородицы, а потомъ вы-

несли съ пѣніемъ ризу Богородицы изъ церкви и погрузили въ воду. Тихое море вдругъ заволновалось, поднялась буря, и волны выбросили на берегъ ладьи язычниковъ. Тогда греки кинулись на Аскольдовыхъ воиновъ и такъ перебили ихъ, что мало кто воротился домой. Съ тѣхъ поръ сложена церковная пѣснь: „*Взбранной Воеводѣ*“, которую и теперь поютъ православные всякій разъ, какъ Богъ поможетъ имъ одолѣть враговъ.

О Л Е Г Ъ (879—912).

Умирая, Рюрикъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику; ему-же поручилъ и сына своего Игоря, потому что Игорь былъ еще младенецъ. Олегъ, собравши много войска, пошелъ къ югу и поплылъ по Дѣпру. Взялъ сначала городъ кривичей, Смоленскъ, а потомъ Любечъ, и посадилъ тамъ своихъ правителей. Подплывая къ Кіеву, Олегъ оставилъ однихъ воиновъ позади, а другимъ приказалъ спрятаться въ лодкахъ. Приплывъ-же къ самому городу, Олегъ вышелъ на берегъ съ Игоремъ и послалъ сказать Аскольду и Диру: „Мы купцы, идемъ въ Грецію, посланы отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами“. Когда-же Аскольдъ и Диръ съ своими родными пришли, то воины Олеговы выскочили и окружили ихъ. И сказалъ Олегъ Аскольду и Диру: „Вы не князья и не княжескаго роду, я-же княжескаго роду, а вотъ сынъ Рюриковъ“. Аскольда и Дира убили, понесли на гору и тамъ погребли.

Олегу очень понравилось въ Кіевѣ; онъ остался княжить тамъ и сказалъ: „Пусть этотъ городъ будетъ матерью городамъ русскимъ!“

Изъ Кіева Олегъ расхаживалъ со своими варягами и славянами, покорялъ разные славянскіе и чудскіе народы и заставлялъ ихъ платить себѣ дань; Новгороду-же приказалъ платить варягамъ каждый годъ по 300 гривенъ. При Олгѣ прошелъ мимо Кіева кочевой народъ угры или венгры, который, къ счастью для насъ, ушелъ за Карпатскія горы.

Въ 907 году собралъ Олегъ множество воиновъ и пошелъ

къ Царь-городу на коняхъ и на лодкахъ, и было этихъ лодокъ до 2,000. Греки замкнули гавань цѣпью и затворили городъ. Олегъ велѣлъ вытащить лодки на берегъ и сталъ воевать около города; разорялъ дворцы, жегъ церкви, бралъ въ плѣнъ или убивалъ жителей и все приближался къ городу. Испугались греки и выслали сказать Олегу: „не губи города, а возьми лучше дани, сколько хочешь!“ Олегъ согласился на миръ, и греки выслали ему много разныхъ кушаній и вина; но онъ не принялъ ни того, ни другого, зная, что хитрые греки приготовили все съ отравою. Тогда еще пуще испугались греки и дали Олегу все, что онъ требовалъ; дали много серебра, золота, драгоценныхъ тканей, плодовъ и вина, на Олега и на всѣхъ его воиновъ. Тогда Олегъ заключилъ съ греками миръ и утвердилъ его клятвою: русскіе клялись своимъ оружіемъ, своимъ старшимъ богомъ Перуномъ и богомъ стады Волосомъ, а греки—по своему христіанскому закону.

Обогащенный добычею, возвратился Олегъ въ Кіевъ, и народъ прозвалъ своего умнаго и удачливаго князя—*вѣщимъ*, т. е. волшебникомъ.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ отмстить неразумнымъ хозарамъ; ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ, обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ. Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ, князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ. Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему, идетъ вдохновенный кудесникъ, покорный Перуну старикъ одному, завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, въ мольбахъ и гаданьяхъ прзведшій весь вѣкъ. И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ:

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ, что сбудется въ жизни со мною? И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ, могильной засыплюсь землею? Открой мнѣ всю правду, не бойся меня; въ награду любого возьмешь ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ, а княжескій даръ имъ не нуженъ: правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ и съ волей небесною друженъ. Грядущіе годы таятся во мглѣ; но вижу твой

жребій на свѣтломъ челѣ. Запомни-же яныѣ ты слово мое: вопелю слава — отрада; побѣдой прославлено имя твое, твой щитъ на вратахъ Цареграда; и волны, и суша покорны тебѣ, завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ. И синяго моря обманчивый валъ въ часы роковой непогоды, и пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы... Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ; незримый хранитель могучему данъ. Твой конь не боится опасныхъ трудовъ; онъ, чуя господскую волю, то смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ, то мчится по бранному полю; и холодъ, и сѣча ему ничего,—но примешь ты смерть отъ коня своего“.

Олегу усмѣхнулся; однако чело и взоръ омрачились думой. Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло, съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый, и вѣрнаго друга прощальной рукой и гладить, и треплеть по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищ, мой вѣрный слуга; разстаться настало намъ время; теперь отдыхай: ужъ не ступить нога въ твое позлащенное стремя. Прощай, утѣшайся, да помни меня. Вы, отроки-друзи, возьмите коня! Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ, въ мой лугъ подъ уздцы отведите; купайте, кормите отборнымъ зерномъ, водой ключевою поите“.

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли, а князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ при звонѣ весехомъ стакана. И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ надъ злавной главою кургана... Они поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищ, промолвилъ Олегъ, скажите, гдѣ конь мой ретивый? Здоровъ-ли? Все такъ же-ль легокъ его бѣгъ? Все тотъ же-ль онъ бурный, иривый?“

И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ. Могучій Олегъ головою поникъ и думаетъ: „что-же гаданье? Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ! Презрѣть-бы твое предсказанье: мой конь и до нынѣ носилъ-бы меня!“ И хочеть увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора, съ нимъ Игорь и старые гости, и видить: на холмѣ, у берега Днѣпра, лежатъ благородныя кости; ихъ моютъ дожди, засыпаютъ ихъ пыль, и вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ и молвилъ: „спи, другъ одинокій! твой старый хозяинъ тебя пережилъ: на тризні^{*)}, уже недалеко, не ты подъ сѣкирой ковыль обagriшь и жаркою кровью мой прахъ напоишь! Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя! Мнѣ смертью кость угрожала!“ Изъ мертвой главы гробовая змѣя, шипя, между тѣмъ выползала; какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась, и вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ на тризніѣ плачевной Олега. Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ; дружина пируетъ у берега. Бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

ИГОРЬ.

(912—945).

По смерти Олега сталъ княжить сынъ Рюриковъ—Игорь. Онъ также ходилъ по морю на грековъ; но первый походъ его былъ неудаченъ. Когда русскіе вышли на берегъ, то греческое войско окружило ихъ отовсюду. Была сильная сѣча, и русскіе уже посадились въ свои лодки, чтобы бѣжать, но другой греческій воевода встрѣтилъ ихъ на морѣ въ лодкахъ и началъ пускать на нихъ трубами огонь, такъ что страшно было смотрѣть; многіе бросались въ воду, чтобы только уйти отъ огня. Кто изъ русскихъ избѣжалъ смерти и воротился домой, рассказывалъ потомъ, что „у грековъ молнія въ рукахъ, и потому нельзя было одолѣть ихъ“.

Возвратясь въ Кіевъ, Игорь началъ собирать еще большее войско: призвалъ изъ-за моря варяговъ, нанялъ степную орду печенѣговъ и снова отправился къ Цареграду въ лодкахъ по морю и на коняхъ по берегу. Корсуницы (греки, жившіе въ нынѣшнемъ Крыму) послали сказать императору: „Идетъ Русь на тебя, все

^{*)} Тризна—языческія поминки; на могилѣ воина обыкновенно приносили въ жертву его лошадь.

море покрыла кораблями“. Болгары, жившіе по Дунаю, также послали сказать: „Идутъ русскіе, наняли и печенѣговъ“.

Услышавъ это, царь послалъ къ Игорю лучшихъ своихъ бояръ сказать ему: „Не ходи дальше, но возьми дань, какую взялъ Олегъ; я прибавлю и еще“. Прислалъ и печенѣгамъ дорогія ткани и много золота. Тогда Игорь созвалъ дружину и передалъ ей слова царскія. „Если такъ говоритъ царь, сказала дружина Игорева, то чего-же намъ больше! Возьмемъ безъ битвы и золото, и серебро, и дорогія ткани и пойдемъ домой; еще неизвѣстно, кто изъ насъ одолѣетъ; а съ моремъ заранѣе не уговоришься“. Послушалъ Игорь дружины, оставилъ печенѣговъ грабить болгарскую землю, а самъ взялъ у грековъ много золота и дорогихъ тканей и воротился въ Кіевъ.

Осенью Игорь съ дружиною пошелъ собирать дань съ древлянъ, народа славянскаго же племени, жившаго въ густыхъ лѣсахъ, по болотистымъ берегамъ Припети. Игорь собралъ дани больше, чѣмъ было установлено, и пошелъ было назадъ въ Кіевъ; но на дорогѣ раздумалъ и сказалъ дружинѣ: „идите съ данью домой, а я ворочусь и еще похожу“, и, отпустивъ дружину свою домой, съ небольшимъ числомъ людей воротился. Услышавъ, что Игорь воротился, древляне стали думать съ княземъ своимъ Маломъ: „Если повадятся волкъ къ овцамъ, то перетаскаетъ все стадо; такъ и Игорь, если не убьемъ его, то изгубитъ онъ всѣхъ насъ“. И послали къ Игорю спросить: „Ты взялъ уже всю дань, зачѣмъ же опять идешь?“ Но Игорь не послушался. Тогда жители древлянскаго города Искоростеня вышли на Игоря, перебили всю его небольшую дружину и убили его самого, вырыли яму и тутъ же, невдалекѣ отъ города, похорошили. Такъ поплатился Игорь за свою чрезмѣрную жадность.

ОЛЬГА ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

(Съ 945 по 964).

Убивши Игоря, древляне сказали: „Вотъ мы убили князя русскаго; возьмемъ же и жену его Ольгу за князя нашего Мала, возь-

мемъ и сына его, младенца Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ, что хотимъ“. И послали древляне двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ. Тѣ въ ладѣ спустились по Припети и Днѣпру къ Кіеву, стали подъ кіевскими горами и послали сказать княгинѣ, что пришли послы древлянскіе. Ольга призвала ихъ и спросила: что имъ нужно? Древляне отвѣчали: „послала древлянская земля сказать тебѣ такъ: мужа-де мы твоего убили за то, что онъ былъ хищенъ, какъ волкъ; наши же князья добры и хорошо управляютъ своею землею,—выйди замужъ за князя нашего Мала“. — „Ваша рѣчь мнѣ нравится, отвѣчала Ольга, и мужа своего мнѣ уже не воскресить; я же хочу васъ почитать передъ людьми моими. Идите же теперь въ свою ладью и разлягтесь въ ней. Я пошлю за вами утромъ, а вы и скажите: не хотимъ-де ни на коняхъ ѣхать, ни пѣшкомъ идти, и несите насъ въ ладѣ“.

Древляне ушли, а Ольга велѣла выкопать большую и глубокую яму за городомъ, на дворѣ своего терема, и утромъ послала за гостями, сказать имъ: „зоветь-де васъ Ольга на честь великую“. Они же отвѣчали: „не ѣдемъ ни на волахъ, ни на коняхъ, ни пѣшкомъ не идемъ, — но несите насъ въ ладѣ“. — „Что-жъ дѣлать? отвѣчали кіевляне, приходится намъ васъ слушаться: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ выйти замужъ за вашего князя“, — и понесли ихъ въ ладѣ; а древлянскіе послы сидѣли и величались. Ихъ принесли на дворъ княжескій и бросили въ яму съ ладѣй. „Хороша ли вамъ честь?“ спросила Ольга у древлянъ, наклонившись надъ ямой, и велѣла засыпать ихъ живыхъ землею.

Потомъ уже сама Ольга послала къ древлянамъ сказать: „Если вы поистинѣ хотите, чтобъ я вышла замужъ за вашего князя, то пришлите за мной побольше лучшихъ людей вашихъ, чтобы мнѣ идти къ вамъ съ великою честью, а то, иначе, кіевляне меня не пустятъ“. Древляне выбрали лучшихъ мужей своихъ, управлявшихъ древлянскою землею, и послали ихъ за Ольгою. Когда же пришли древлянскіе послы, то Ольга велѣла жарко вытопить баню и сказала: „пусть сначала вымоются въ банѣ и придутъ ко мнѣ“.

Когда древлянскіе послы пошли въ баню, ихъ тамъ заперли, а баню зажгли.

Послѣ этого послала Ольга сказать древлянамъ: „Вотъ ужъ я иду къ вамъ; наварите же побольше медовъ и приготовьте пиръ тамъ, гдѣ убили мужа моего; я хочу прежде поплакаться надъ его могилой и сотворить тризну“. Древляне такъ и сдѣлали. Тогда Ольга взяла небольшую дружину и налегкѣ пошла въ древлянскую землю. Плакала надъ могилой мужа своего и стала праздновать тризну, а отрокамъ своимъ велѣла прислуживать древлянамъ.

Когда же древляне спросили: „гдѣ дружина наша, которую мы за тобою послали“, то Ольга отвѣчала: „идутъ за мною, съ дружиною мужа моего“. Древляне перепились на тризнѣ,—и тогда дружина Ольгина напала на нихъ и перебила до 5000 человекъ, а Ольга возвратилась въ Кіевъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала много войска и пошла съ сыномъ своимъ Святославомъ на древлянъ. Древляне вышли противъ нея, и когда оба полка сошлись, то Святославъ бросилъ въ древлянъ копьѣ; копьѣ пролетѣло между ушей лошади и ударило ей въ ноги, потому что Святославъ былъ еще дитя. Тогда воеводы сказали: „князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ!“ Древляне были разбиты, разбѣжались и затворились по городамъ. Ольга пошла на главный древлянскій городъ, Искоростень, потому что жители этого города убили мужа ея.

Простояла Ольга подъ городомъ цѣлое лѣто, но не могла взять его. Тогда послала сказать жителямъ: „До чего вы хотите досидѣться въ городѣ?—Всѣ ваши города уже отдались мнѣ, взяли платить дань и спокойно пашутъ свои нивы; а вы хотите, вѣрно, вымереть голодомъ, жалѣючи дани“. Древляне отвѣчали: „Рады бы мы дать тебѣ дань, но ты хочешь метить намъ за мужа своего“. Отвѣчала имъ Ольга: „Вы знаете, что я уже отомстила за мужа, и разъ, и два, и три, и отпраздновала по немъ тризну; не хочу болѣе мстить—давайте мнѣ небольшую дань, и я, помирившись съ вами, пойду домой“. И спросили ее древляне: „Чего

хочешь отъ насъ? рады дать тебѣ дань и медомъ, и шкурами звѣриными“. (Древлянская земля была вся въ лѣсахъ, и много было въ ней пчелиныхъ бортей и звѣря всякаго). Отвѣчала древлянамъ Ольга: „Не нужно мнѣ ни меду, ни звѣриныхъ шкуръ; не хочу на васъ класть дани, какъ мужъ мой,—вы же теперь изнемогли въ осадѣ; а потому и прошу у васъ немногого: дайте мнѣ по три голубя и по три воробья отъ каждого дома“. Обрадовались древляне такой легкой дани, собрали отъ каждого двора по три голубя и по три воробья и послали къ Ольгѣ съ поклономъ. „Вотъ теперь вы покорились мнѣ и моему сыну“, сказала Ольга, „идите же въ свой городъ, а я завтра отступлю и пойду къ себѣ домой“.

Когда древляне ушли, Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ и приказала къ хвосту каждой птицы привязать по тряпочкѣ съ сѣрой, а когда смеркнется, зажечь эти тряпочки и пустить птицъ. Все такъ и случилось, какъ разсчитывала Ольга: голуби воротились въ свои голубятни, воробьи забились подъ свои стрѣхи, и разомъ загорѣлись всѣ дома въ городѣ, такъ что невозможно было тушить. Побѣжали всѣ люди изъ города; а Ольга велѣла убивать ихъ, или брать въ плѣнъ и обращать въ рабовъ. Потомъ пошла Ольга по всей древлянской землѣ и наложила на нее тяжелую дань.

Такъ метила язычница Ольга, по языческимъ обычаямъ, за смерть мужа. Но съ тѣхъ поръ княжила она въ Кіевѣ спокойно и мудро. Въ это время, вѣроятно, узнала Ольга христіанскую религію. Еще со временъ Аскольда и Дира въ Кіевѣ были уже христіане. Сжалился Богъ надъ русской землей и внушилъ Ольгѣ—отбросить язычество и принять христіанскую вѣру, не смотря на то, что княгиня была уже преклонныхъ лѣтъ, когда человекъ охотиѣ держится стараго. Ольгѣ было уже болѣе 60 лѣтъ, когда она, въ 955 году, отправилась въ Грецію, въ Царь-городъ, и приняла тамъ христіанство. Патріархъ крестилъ ее и далъ ей имя Елены, а царь греческій былъ крестнымъ отцомъ.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга думала преклонить и сына

своего Святослава принять христіанство. „Я познала истиннаго Бога, сынъ мой, говорила она ему, и радуясь; узнай и ты, и будешь радоваться“. Святославъ же отвѣчалъ: „Какъ мнѣ одному принять новую вѣру? Дружина станеть смѣяться надо мной!“ Ольга молилась за сына, но принуждать его не хотѣла, говоря: „да будетъ воля Божія! Если Богъ захочетъ помиловать родъ мой и землю русскую, то обратитъ ихъ къ себѣ, какъ обратилъ меня“. Желаніе Ольги скоро сбылось; и вотъ почему лѣтописецъ назвалъ ее *зарю* христіанства въ Россіи, а церковь причислила къ лику святыхъ.

Однако, принявъ христіанскую вѣру отъ грековъ, Ольга показала, что не даетъ этому хитрому народу никакого первенства надъ собою, и когда царь греческій прислалъ просить у нея вспомога- тельнаго войска и богатыхъ даровъ, то Ольга отвѣчала: „Пусть царь постоитъ у меня на рѣкѣ Почайнѣ столько, сколько я стояла и ждала у цареградской гавани, то тогда дамъ ему и войско, и дары“. Видно, гордые греки оскорбили Ольгу небрежнымъ приѣмомъ.

СВЯТОСЛАВЪ.

(964—972).

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать много храбрыхъ воиновъ и, ходя легко, какъ барсъ, только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не бралъ съ собою ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мясо, а, изрѣзавъ тонкими ломтями конину или какое другое мясо, пекъ его самъ на угляхъ. Шатра у него не было, а спалъ всегда подъ открытымъ небомъ, положивъ сѣдло подъ голову. Такъ же жили всѣ его воины. Когда же Святославъ хотѣлъ идти на кого-нибудь войною, то посылалъ сказать: „Иду на васъ!“ Святославъ воевалъ безпрестанно; ходилъ на Оку и на Волгу; на Окѣ нашель вятичей и спросилъ у нихъ: „Кому вы дань даете?“ Они отвѣчали: „хозарамъ, по шелегу отъ каждой сохи“.

Тогда пошелъ Святославъ на хозаръ и побѣдилъ ихъ, а вя-

тичей обложилъ данью. Потомъ пошелъ на Дунай, на болгаръ, и побѣдилъ ихъ, взялъ главный ихъ городъ Переяславецъ, куда сходило много товаровъ изъ Греціи и Россіи, и сталъ тутъ княжить.

Узнавъ, что Святославъ далеко, въ Переяславцѣ, печенѣги (степная орда) подошли къ Киеву и облегли его со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было никому выйти изъ города, ни вѣсти послать, и кіевляне изнемогали отъ голода и жажды. Въ Киевѣ въ это время была Ольга съ внуками своими, дѣтьми Святослава: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. На другой сторонѣ Днѣпра собралось немного русскаго войска, но нельзя ему было пройти въ Киевъ. Сильно опечалились жители Киева и говорили: „нѣтъ-ли кого-нибудь, кто-бы могъ перейти на ту сторону и сказать имъ: если къ утру никто насъ не выручитъ, то мы должны будемъ сдаться печенѣгамъ“. Вызвался одинъ мальчикъ; „я перейду“, говоритъ. Взялъ узду и, ходя по печенѣжскому стану, сталъ спрашивать на печенѣжскомъ языкѣ: не видалъ-ли кто его лошади? Печенѣги приняли его за своего. Когда-же мальчикъ подошелъ къ Днѣпру, то кинулъ платье и бросился вплавъ. Тутъ печенѣги догадались, кинулись за нимъ и стали пускать въ него стрѣлами, но не могли уже ничего сдѣлать. Люди съ той стороны Днѣпра подѣхали въ лодкѣ и взяли мальчика. Когда мальчикъ передалъ слова кіевлянъ, тогда воевода Претичъ сказалъ: „поѣдемъ завтра утромъ въ лодкѣ, возьмемъ княгиню и молодыхъ князей и умчимъ ихъ на эту сторону. Если-же этого не сдѣлаемъ, то Святославъ насъ погубитъ“. На другой день, на разсвѣтѣ, Претичъ съ воинами сѣлъ въ лодку, и начали они громко трубить, а кіевляне отвѣчали на это радостными криками. Печенѣги подумали, что пришелъ самъ Святославъ, и побѣжали отъ города, а Ольга съ внуками вышла къ лодкѣ. Князь печенѣжскій воротился одинъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ: „Кто это пришелъ?“ „Лодка съ той стороны“, отвѣчалъ Претичъ. „А ты князь-ли?“ спросилъ печенѣгъ. „Нѣтъ, я не князь, отвѣчалъ Претичъ, я воевода его, пришелъ въ передовыхъ, а за мной идетъ войско съ княземъ,—на-

роду и не перечешь!“ Испугался печенѣжскій князь и сказалъ Претичу: „будь мнѣ другомъ!“ „Пожалуй“, отвѣчалъ Претичъ. Подали другъ другу руки и помѣнялись оружіемъ: печенѣгъ далъ коня, саблю, стрѣлы, а Претичъ—броню, щитъ и мечъ.

Когда печенѣги отступили отъ Кіева, то кіевляне послали сказать Святославу: „ты, князь, ищешь чужой земли, а о своей не заботишься: чуть было не взяли насъ печенѣги, мать твою и дѣтей твоихъ; а если не воротишься, то придутъ опять и возьмутъ. Развѣ тебѣ не жаль ни родины своей, ни старухи-матери, ни дѣтей?“ Услышавъ это, Святославъ тотчасъ сѣлъ съ дружиною на коней и воротился въ Кіевъ. Пожалѣлъ онъ, что натерпѣлась мать его такого страха; потомъ собралъ войско и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь.

Но на другой же годъ соскучился Святославъ въ Кіевѣ и сказалъ матери и боярамъ: „не нравится мнѣ здѣсь жить и хочу я переселиться въ Переяславецъ на Дунай; тамъ должна быть середина земли моей, потому что тамъ сходятся много всякихъ богатствъ: отъ грековъ идетъ золото, ткани драгоценныя, вина, плоды южныя; отъ чеховъ и венгровъ—серебро и дорогіе камни, а изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и рыбы“. На это сказала ему Ольга: „ты видишь, что я больна, какъ же ты хочешь меня покинуть,—похорони меня прежде, а потомъ иди, куда вздумается“. Черезъ три дня Ольга умерла. Сынъ и внуки, и всѣ люди съ плачемъ провожали ее до могилы. Похоронилъ ее христіанскій священникъ, и не дѣлали надъ ней языческой тризны.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, Олега—въ древлянскій землѣ, Владиміра далъ новгородцамъ, самъ же опять отправился на Дунай, въ Переяславецъ. Но болгары заговорились и не хотѣли пускать Святослава. Святославъ сталъ подъ городомъ, а болгары вышли и напали на него. Началась сѣча и продолжалась цѣлый день; къ вечеру одолѣлъ Святославъ, взялъ городъ и послалъ сказать грекамъ: „хочу на васъ идти, взять вашъ городъ, какъ взялъ Переяславецъ!“ Греки отвѣчали: „мы не можемъ вамъ противиться; возьми дань на себя и на дружину; скажи

намъ только, сколько васъ, чтобы мы могли разсчитать дань по числу людей“. Хитрые греки желали только вывѣдать, сколько народу у Святослава. „Насъ двадцать тысячъ“, отвѣчалъ Святославъ, и десять тысячъ прибавилъ: русскихъ было всего десять тысячъ. Тогда греки собрали сто тысячъ войска на Святослава и окружили его. Видя множество греческаго войска, русскіе было испугались, но Святославъ сказалъ: „уже намъ некуда дѣться! волею ли, или неволею, а должны биться. Не посяршимъ же земли Русской, но ляжемъ здѣсь костью! Мертвымъ срама нѣтъ; а если побѣдимъ, то падетъ на насъ стыдъ; а отъ стыда же убѣжать некуда. Станемъ крѣпко, я пойду впередъ. Если сложу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите“.—Отвѣчали воины: „гдѣ твоя голова ляжетъ, князь, тамъ и мы свои сложимъ“. — Началась страшная сѣча: Святославъ одолѣлъ — греки бѣжали. Тогда пошелъ Святославъ къ Царь-городу, грабя и разоряя все на дорогѣ.

Сильно испугался греческій царь, созвалъ бояръ во дворецъ и сталъ говорить имъ: „что намъ дѣлать? — не можемъ никакъ одолѣть Святослава“. Отвѣчали бояре царю: „Пошли къ нему дары и испытай, что онъ больше любитъ: золото или драгоценныя ткани?“ Такъ и сдѣлали.

Когда сказали Святославу, что пришли греки съ поклономъ, онъ приказалъ ввести ихъ. Пришли послы, поклонились князю Святославу и разложили передъ нимъ золото и драгоценныя ткани. Святославъ и не взглянулъ на то, что принесли, а только небрежно сказалъ отрокамъ: „спрячьте!“

Когда возвратились послы къ царю и рассказали, что Святославъ и не взглянулъ даже на золото и на драгоценныя ткани, то одинъ бояринъ посовѣтовалъ царю: „попробуй послать ему оружіе“. Царь послушалъ совѣта и послалъ Святославу мечъ и другое оружіе. Увидавъ оружіе, Святославъ обрадовался, сталъ разсматривать, хвалить и приказалъ благодарить царя за подарокъ.

Узнавъ объ этомъ, греческіе бояре сказали царю: „Лють долженъ быть человекъ этотъ: пренебрегаетъ золотомъ, а хватается за оружіе. Соглашайся скорѣе на дань!“

Послалъ царь къ Святославу, который уже былъ недалеко отъ Царь-города, и велѣлъ ему сказать: „Не ходи къ городу, а возьми дани, сколько хочешь!“ Взялъ Святославъ дань, взялъ на живыхъ и на убитыхъ, взялъ, кромѣ того, много даровъ и воротился въ Переяславецъ съ великою славою.

Однако-же дружины осталось у Святослава мало, и сталъ онъ съ ней совѣтоваться: „Насъ осталось мало, сказалъ онъ, русская земля далеко, а печенѣги съ нами въ войнѣ. Если провѣдаютъ греки, что насъ немного, и обступятъ насъ въ городѣ, то неоткуда ждать намъ помощи. Заключимъ же миръ съ царемъ. Онъ взялся платить дань—довольно и этого. Если же перестанетъ платить, то соберемъ войско въ Руси и пойдемъ на Царь-городъ“. Понравилась рѣчь эта дружинѣ, и миръ съ царемъ былъ заключенъ, записанъ и подтвержденъ клятвами съ обѣихъ сторонъ.

По заключеніи мира, Святославъ хотѣлъ повидаться съ царемъ, и царю также хотѣлось видѣть русскаго героя. Рѣшено было устроить свиданіе на берегу Дуная.

Царь греческій Іоаннъ, въ блестящихъ латахъ, подвѣхалъ на конѣ къ берегу. Царя окружало множество всадниковъ въ богатыхъ доспѣхахъ, покрытыхъ золотомъ. Святославъ съ другого берега сѣлъ въ лодку и поплылъ, работая самъ весломъ, наравнѣ съ прочими гребцами. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ, съ голубыми глазами и длинными усами. Волосы его были подстрижены, а внизу спускался только длинный чубъ. Одѣтъ онъ былъ очень просто: въ бѣлой рубахѣ, такой же, какъ и у другихъ воиновъ, только почище. Въ одномъ ухѣ у него блестяла серьга, украшенная рубиномъ и двумя жемчужинами. Глядѣлъ онъ мужественно и сурово. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ царемъ и отправился назадъ.

Тогда начали русскіе совѣтоваться, какъ имъ воротиться домой. Старый воевода Игоря, Свѣнелдъ, совѣтовалъ идти на коняхъ, потому что на днѣпровскихъ порогахъ стояли печенѣги; но Святославъ не послушался и поплылъ въ лодкахъ.

Узнавъ объ этомъ, переяславцы послали сказать печенѣгамъ:

„Святославъ возвращается въ Русь со множествомъ богатствъ и небольшой дружиной; стерегите его!“ Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ пришелъ, то нельзя уже было обойти пороги. Русскіе перезимовали въ Бѣлобережьи, много страдая отъ голоду. Весною тронулись было опять въ путь, но печенѣги напали и одолѣли русскихъ, а Святослава убили. Воевода же Свѣнелдъ воротился въ Кіевъ и принесть вѣсть о гибели князя.

ПЕРВЫЕ УДѢЛЫ И МЕЖДОУСОВІЯ.

(972—980).

По смерти Святослава, Ярополкъ сѣдѣлъ въ Кіевѣ, Олегъ въ древлянскій землѣ, а Владиміръ въ Новгородѣ.

Но не долго они пробыли въ мирѣ. На третій-же годъ пересорились братья, и вотъ по какому случаю: сынъ кіевского воеводы Свѣнелда, Лютъ, поѣхалъ изъ Кіева въ лѣсъ на охоту и заѣхалъ въ лѣса князя древлянскаго, Олега. Здѣсь встрѣтилъ его самъ Олегъ, который также былъ на охотѣ, и, узнавъ, что онъ сынъ Свѣнелда, убилъ его. Съ тѣхъ поръ отецъ убитаго все подбивалъ Ярополка на месть, говоря: „пойди на брата своего и возьми себѣ древлянскую землю“.

На третій годъ Ярополкъ пошелъ на Олега и разбилъ его. Убѣгая въ городъ Овручъ, по мосту, перекинутому черезъ городской ровъ, воины Олега толпились и спихивали съ мосту другъ друга. Такая была свалка, что спихнули печально самого Олега, а за нимъ попадало еще много людей и лошадей. Войдя въ Овручъ, Ярополкъ послалъ искать своего брата и услышалъ, что одинъ древлянинъ видѣлъ, какъ Олега спихнули съ моста. Стали вытаскивать трупы изъ рва, вытаскивали съ утра до полудня, и наконецъ, въ самомъ низу, нашли трупъ Олега. Внесли его во дворецъ и положили на ковръ. Пришелъ Ярополкъ, сталъ плакать надъ трупомъ брата и сказалъ Свѣнелду: „посмотри, этого-ли ты хотѣлъ?“

Когда Владиміръ услышалъ въ Новгородѣ, какъ Ярополкъ

убилъ Олега, то испугался и убѣжалъ за море. Ярополкъ послалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ и владѣлъ одинъ на Руси, но не долго.

На третій годъ Владиміръ воротился въ Новгородъ съ варягами и сказалъ посадникамъ Ярополковымъ: „идите къ брату моему и скажите: Владиміръ идетъ на тебя,—приготовься!“

Подошелъ Владиміръ къ Кіеву со множествомъ войска. Ярополкъ заперся въ городѣ съ воеводою Блудомъ, которому довѣрялъ много. Владиміръ задумалъ хитростью взять городъ и подо-слалъ сказать Блуду: „помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца. Вѣдь не я началъ избивать братьевъ, а Ярополкъ: я же изъ страха пришелъ на него“. Забылъ Блудъ, чей хлѣбъ онъ ѣлъ и сколько Ярополкъ осыпалъ его дарами и честью, и передался на сторону Владиміра.

Замысливъ погибель Ярополка, Блудъ сталъ говорить ему: „Кіевляне пересылаются со Владиміромъ, хотятъ ему отдаться. Бѣги-же изъ Кіева!“ Ярополкъ, повѣривъ Блуду, убѣжалъ изъ Кіева и затворился въ маленькомъ городкѣ Роднѣ. Владиміръ вошелъ въ Кіевъ, а потомъ осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ скоро сдѣлался страшный голодъ. Тогда Блудъ сталъ опять говорить Ярополку: „видишь, сколько войска у брата, намъ ихъ не одолѣть; заключай скорѣй миръ!“ Ярополкъ на это согласился. Тогда Блудъ послалъ Владиміру сказать: „Я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ-бы убить его“. Ярополкъ собрался идти къ Владиміру, но вѣрный слуга, Варяжко, сказалъ ему: „не ходи, князь, убьютъ тебя! Убѣжимъ лучше къ печенѣгамъ и приведемъ оттуда войско“. Однако же Ярополкъ не послушалъ совѣта вѣрнаго слуги и пошелъ къ Владиміру. Какъ только Ярополкъ вошелъ въ теремъ, Блудъ захлопнулъ за нимъ дверь, а два варяга убили князя мечами. Увидѣвъ, что князь погибъ, Варяжко бѣжалъ къ печенѣгамъ и долго съ ними воевалъ противъ Владиміра, метя за своего князя.

ВЛАДИМІРЪ ЯЗЫЧНИКЪ.

(980—988).

Началъ Владиміръ одинъ княжить на Руси и поставилъ въ Кіевѣ на холмѣ, за своимъ дворцомъ, много кумировъ языческихъ: Перуна деревяннаго съ серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Дажь-бога и другихъ. Кіевляне приносили имъ богатая жертвы, даже, чего прежде не бывало, приносили въ жертву сыновей своихъ и дочерей: такъ осквернилась кровью земля русская!

Разъ, возвратившись въ Кіевъ, послѣ нѣсколькихъ побѣдъ надъ сосѣдними народами, Владиміръ захотѣлъ отблагодарить боговъ своихъ. И сказали старцы и бояре: „Бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ, и на кого падетъ жребій, того и принесемъ въ жертву богамъ“.

Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ, который пришелъ изъ Греціи и исповѣдывалъ христіанскую вѣру; у этого варяга былъ сынъ—прекрасный лицомъ и душою. На него-то и палъ страшный жребій.

Посланные къ варягу пришли и сказали ему: „боги выбрали твоего сына, отдай его намъ, и мы принесемъ его въ жертву богамъ“. Отвѣчалъ имъ варягъ: „Не боги то, а дерево; сегодня они естъ, а завтра сгніютъ, и сдѣланы они вашими же руками. Богъ же одинъ Тотъ, которому поклоняются греки. Онъ все сотворилъ: и небо, и землю, и человека; а ваши боги что сдѣлали? Они сами сдѣланы. Не отдамъ сына своего бѣсамъ“.

Узнавъ объ отказѣ варяга, народъ бросился съ оружіемъ и разломалъ заборъ около варяжскаго дома. Варягъ стоялъ въ сѣняхъ съ сыномъ и говорилъ оттуда народу: „Если ваши боги—точно боги, то пусть пошлютъ одного бога, чтобы взять моего сына. А вы о чемъ хлопочете?“ Народъ завопилъ отъ ярости, схватился за топоры, подрубилъ сѣни и убилъ обоихъ варяговъ. Никто не знаетъ, гдѣ похоронили этихъ первыхъ мучениковъ русскихъ.

Такъ царствовало въ Россіи язычество; но уже приближался конецъ его.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ. (988).

Когда слухъ разнесся о томъ, что Владиміръ очень любитъ разсуждать о различіи вѣръ, чья лучше, то стали къ нему приходить люди разныхъ вѣръ и каждый уговаривалъ принять свою вѣру. Пришли болгары съ Волги и разсказали Владиміру, въ чемъ состоитъ ихъ магометанская вѣра. Но не понравились Владиміру магометанскіе обряды и запрещеніе пить вино. „Русь любить вышитъ, сказалъ Владиміръ,—не можетъ быть безъ этого“. Пришли потомъ нѣмцы отъ папы.—Выслушалъ и ихъ Владиміръ, но видно не понравились ему нѣмцы, и сказалъ онъ имъ: „никто изъ отцовъ нашихъ не принималъ вашей вѣры, идите себѣ!“ Пришли потомъ послы жиды хозарскіе, и разсказали эти послы Владиміру, въ чемъ состоитъ еврейская вѣра. Выслушалъ Владиміръ евреевъ и спросилъ ихъ: „а гдѣ земля ваша?“—Они отвѣчали: „Въ Іерусалимѣ“. „Такъ ли, полно?“ спросилъ Владиміръ. Тогда евреи отвѣчали: „разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ странамъ, а землю нашу отдалъ христіанамъ“.—„Чего же вы хотите? сказалъ Владиміръ: не того ли, чтобы и съ нами случилось то же?“

Послѣ всѣхъ греки прислали къ Владиміру своего мудреца. И разсказалъ онъ князю, въ чемъ состоитъ истинная христіанская вѣра. Выслушалъ Владиміръ внимательно греческаго мудреца и отпустилъ его съ большою честью.

Созвалъ потомъ Владиміръ бояръ, городскихъ старцевъ и разсказалъ имъ, какъ приходили послы отъ болгаръ, жидовъ, грековъ и нѣмцевъ, и какъ уговаривали его принять каждый свою вѣру. „Всякій хвалитъ свою вѣру, сказали бояре и старцы: если же хочешь узнать правду, то выбери лучшихъ людей и пошли ихъ къ разнымъ народамъ посмотрѣть, какъ они служатъ своему Богу?“ Владиміръ такъ и сдѣлалъ.

Когда послы воротились назадъ, то князь собралъ опять бояръ и старѣйшинъ и приказалъ посламъ передъ всей дружиной разсказать, что они гдѣ видѣли. Разсказали послы, какъ были они у

болгаръ и у нѣмцевъ, но что ни то, ни другое богослуженіе имъ не нравилось. „Когда же мы пришли къ грекамъ, продолжали послы, и ввели они насъ въ то мѣсто, гдѣ служатъ Богу своему, то мы не знали, на небѣ-ли мы, или на землѣ, и не можемъ позабыть этой красоты. Знаемъ только одно, что тамъ, поистинѣ, пребываетъ Богъ, и что мы здѣсь не останемся: всякій человѣкъ, попробовавъ сладкаго, отворачивается отъ горькаго“.

Выслушали бояре и сказали князю: „Если-бы былъ дурень законъ греческій, то и бабка твоя, мудрѣйшая изъ людей, не приняла-бы его“.

Владиміръ рѣшился принять православную христіанскую вѣру; но ему казалось стыдно просить вѣры у грековъ; не хотѣлъ онъ, чтобы коварные греки надъ нимъ возгордились. И рѣшился онъ сначала показать грекамъ свою силу, а потомъ уже креститься.

Въ 988 году пошелъ Владиміръ на Корсунъ (греческій городъ въ нынѣшнемъ Крыму, около того мѣста, гдѣ стоитъ теперь Севастополь). Корсунцы заперлись въ городъ и крѣпко оборонялись. Владиміръ велѣлъ насыпать валъ вокругъ города; но корсунцы подкопали городскую стѣну и уносили по ночамъ землю съ вала къ себѣ въ городъ, такъ что валъ не увеличивался. Въ это время одинъ корсунянинъ пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: „на востокъ отъ тебя колодцы, изъ нихъ по трубамъ идетъ вода въ городъ; вели копать и перейми воду“. Когда переняли воду, то корсунцы изнемогли отъ жажды и сдались. Войдя въ городъ, Владиміръ послалъ сказать греческимъ царямъ Василію и Константину: „Вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу же я, что у васъ есть сестра дѣвица; если не отдадите ее за меня, то сдѣлаю съ Царьградомъ то-же, что и съ Корсунью“.

Услышавъ это, цари опечалились и послали сказать Владиміру: „нельзя христіанокъ отдавать за язычниковъ. Если-же крестишься, то сестру нашу получишь и царство небесное; безъ этого-же не можемъ выдать за тебя сестры нашей“. И отвѣчалъ Владиміръ посламъ царскимъ: „скажите царямъ, что я готовъ креститься, что прежде уже испыталъ законъ вашъ и что нравится мнѣ ваша вѣра

и ваше богослуженіе. Пусть священники придуть съ сестрою вашею и крестятъ меня“.

Насилу уговорили цари свою сестру Анну идти за Владиміра. „Какъ въ плѣнъ иду, говорила она, лучше-бы мнѣ умереть здѣсь“. Съ плачемъ провожали ее родственники, какъ на смерть.

Когда греческій корабль съ царевною, священниками и греческими боярами прибылъ въ Корсунь, корсунцы вышли на встрѣчу, ввели царевну въ городъ и посадили ее во дворцѣ. Въ это самое время разболѣлись у Владиміра глаза. И послала ему царевна сказать: „Если хочешь выздоровѣть, то крестись скорѣй“. Владиміръ согласился. И епископъ корсунскій съ священниками крестилъ Владиміра. Послѣ-же крещенія Владиміръ скоро обвѣнчался съ царевной и пошелъ въ Кіевъ, взявъ съ собою священниковъ, мощи, сосуды церковныя и иконы.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ повалить кумировъ: однихъ изрубить, а другихъ бросить въ огонь. Перуна-же привязать къ лошадиному хвосту и стащить въ рѣку. Потомъ Владиміръ приказалъ оповѣстить народу: „кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый-ли, бѣдный-ли — будетъ мнѣ врагомъ“. И люди шли съ радостію, говоря: „если-бъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли-бы ее“. На другой день Владиміръ вышелъ съ священниками на Днѣпръ, и сошло людей многое множество. Всѣ вошли въ воду, и кто стоялъ въ ней по шею, кто по грудь: малолѣтніе у берега, взрослые подалше, иные держали младенцевъ на рукахъ; а священникъ на берегу совершалъ обряды крещенія. И была въ этотъ день великая радость и на землѣ, и на небѣ.

Такъ русскіе приняли христіанскую вѣру; но не скоро еще она распространилась по всей Россіи, и долго держались языческія суевѣрія, въ особенности тамъ, гдѣ волхвы и кудесники, не желая утратить прежней своей власти, сбивали народъ съ толку.

ВЛАДИМІРЪ ХРИСТІАНИНЪ.

(988—1014).

Принявъ крещеніе, Владиміръ сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ, строилъ церкви, ставилъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ не-

давно стояли кумиры языческіе и приносились кровавыя жертвы; разсылалъ священниковъ по городамъ и селамъ крестить людей; устраивалъ школы и бралъ въ нихъ дѣтей лучшихъ гражданъ— при чемъ матери плакали по своимъ дѣтямъ, какъ по мертвецамъ, не понимая еще пользы ученія.

Владиміръ любилъ свою дружину, разсуждалъ съ нею обо всѣхъ дѣлахъ, награждалъ щедро. Онъ любилъ жить весело, и на дворѣ княжескомъ безпрестанно давались пиры, при князѣ и безъ князя. На пирахъ этихъ было большое обиліе всего, и гости требовали, чего хотѣли. Такъ однажды, подгулявши, начали они роптать на князя, говоря: „худо намъ жить у него: даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными“. Услыхалъ это Владиміръ и велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки. „Серебромъ и золотомъ, говорилъ онъ, я не найду дружины; а съ дружиной добуду и серебра, и золота“.

Помня слова евангельскія: „Блаженни милостивіи, яко тии помилованы будутъ“, Владиміръ не забывалъ нищихъ и убогихъ, приказывалъ имъ приходить на княжескій дворъ, одѣляя ихъ пищею, питьемъ и деньгами. „Но, подумалъ Владиміръ, больные и калѣки не могутъ сами дойти до двора моего“, и приказалъ устроить большіе возы, нагрузить ихъ мясомъ, овощами, рыбой, боченками съ медомъ и квасомъ и развозить по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, что не могутъ ходить?“ и раздавать, кому что нужно.

На пиры княжескіе, къ свѣтлому солнышку—князю Владиміру, какъ прозвалъ его русскій народъ, съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи. Бывало тутъ много умныхъ, старыхъ людей, умныя рѣчи которыхъ любилъ слушать Владиміръ; бывало много и сильныхъ, могучихъ богатырей, сослужившихъ не одну службу ласковому князю. Народъ нашъ ни про кого не сложилъ столько пѣсенъ, какъ про князя Владиміра и про его могучихъ богатырей.

Съ сосѣдними государями: Польскимъ, Венгерскимъ, Чешскимъ, жилъ Владиміръ въ любви и согласіи; но часто приходилось ему воевать съ кочевыми степными вѣрварами.

Разъ напали на Русь печенѣги, и Владиміръ встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежѣ; и стоялъ Владиміръ по сю сторону рѣки, а печенѣги—по другую, и не смѣли перейти рѣку ни печенѣги, ни наши. Тогда князь печенѣжскій подѣхалъ къ рѣкѣ, вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: „Вышли ты своего богатыря, а я своего,— и пусть поборются. Если твой одолѣетъ, мы не будемъ воевать три года;—если-же нашъ,—то три года будемъ опустошать твою землю“.

Воротившись къ себѣ въ станъ, Владиміръ велѣлъ кличь кликать по палаткамъ: „Нѣтъ-ли такого богатыря, чтобы поборолся съ печенѣгомъ?“ И не нашлось никого.

На другой день пріѣхали печенѣги и привели своего богатыря, а у насъ никого не было. Сильно опечалился Владиміръ и не зналъ, что дѣлать. Приходить къ нему одинъ старикъ и говорить: „Княже, вышелъ я на войну съ четырьмя сыновьями, а пятый, младшій, остался дома. Съ самага дѣтства никто не могъ побороть этого моего младшаго сына; а разъ, когда я бранилъ его, а онъ сидѣлъ и мять руками воловью кожу, то разсердился на меня и разорвалъ кожу руками“.

Обрадовался князь и послалъ за младшимъ сыномъ старика. Когда молодой богатырь пришелъ, то князь рассказалъ ему, въ чѣмъ дѣло. „Не знаю, князь, отвѣчалъ юноша, могу-ли я бороться съ печенѣгомъ. Пусть прежде испытаютъ меня. Нѣтъ-ли здѣсь быка большого и сильнаго?“ Нашли такого быка, раздражили его каленымъ желѣзомъ и пустили. Когда быкъ бѣжалъ мимо, то богатырь схватилъ его рукою за бокъ и вырвалъ у него кожу, и съ мясомъ, сколько рука захватила. Сказалъ тогда Владиміръ: „можешь бороться съ печенѣгомъ“.

На другое утро пришли опять печенѣги со своимъ богатыремъ; пришелъ и нашъ. Печенѣжскій богатырь былъ очень великъ ростомъ и страшенъ видомъ, а нашъ гораздо меньше. И сталъ печенѣгъ надъ нимъ издѣваться.

Размѣрили мѣсто между обоими войсками и пустили борцовъ. Схватились борцы и начали давить другъ друга руками. Нашъ

сдавилъ печенѣга до смерти и ударилъ о землю. Увидя это, печенѣги кинулись бѣжать, а русскіе погнались за ними: многихъ порубили, а другихъ прогнали въ степь. Радъ былъ Владиміръ, и заложилъ на этомъ мѣстѣ городъ Переяславль, а молодого богатыря и старика отца его сдѣлалъ большими людьми.

Стараясь оградить Русь отъ нападенія степныхъ дикарей, Владиміръ выстроилъ много городовъ по нашей степной границѣ, населяя ихъ жителями другихъ мѣстъ.

У Владиміра отъ разныхъ женъ было 12 человекъ дѣтей, и онъ раздѣлил между ними Русскую землю на 12 удѣловъ. Но и самъ Владиміръ еще при жизни своей испыталъ, какъ дурно было такое дѣленіе единой Русской земли. Ярославъ, сидѣвшій въ Великомъ Новгородѣ, отказался платить дань отцу. Владиміръ сталъ собираться войною на непокорнаго сына: велѣлъ рубить просѣки по лѣсамъ и стлать мосты по болотамъ для прохода войска; но самъ захворалъ. Въ это самое время печенѣги опять напали на Русь. Владиміръ послалъ противъ нихъ своего любимаго сына, Бориса; но самъ еще больше разболѣлся и померъ въ селѣ Берестовѣ, недалеко отъ Кіева.

Приближенные скрыли его смерть, а ночью обернули тѣло князя въ коверъ и, проломавъ въ теремѣ полъ, спустили на землю; положивши въ сани, тайно ночью провезли въ Кіевъ и поставили въ церковь Святой Богородицы; но старшій сынъ Владиміровъ, Святополкъ, котораго кіевляне не любили, все же узналъ ранѣе другихъ о смерти отца и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы занять великокняжескій престолъ: боялся Святополкъ, что кіевляне, любя Бориса больше всѣхъ другихъ князей, выберутъ его кіевскимъ княземъ.

СВЯТОПОЛКЪ ВРАТОВУЙЦА. (1015—1019).

Не найдя печенѣговъ, Борисъ возвращался съ войскомъ назадъ,—когда пришла къ нему вѣсть о смерти отца. Горько плакалъ Борисъ по отцѣ, а дружина отцовская говорила ему: „У тебя и дружина отцовская, и войско; пойдн въ Кіевъ и сядь на

мѣстѣ твоего отца!“ — „Нѣтъ, отвѣчалъ Борисъ, не подыму я руки на брата старѣйшаго. Пусть онъ будетъ мнѣ вмѣсто отца“. Тогда воины ушли отъ Бориса, и онъ остался одинъ на рѣкѣ Альтѣ съ немногими отроками своими. Святополкъ же, задумавъ погубить Бориса, послалъ къ нему сказать: „хочу жить съ тобою въ любви и прибавлю еще къ тому, что далъ тебѣ отецъ“. А между тѣмъ, самъ ночью отправился въ Вышгородъ, призвалъ къ себѣ какого-то злодѣя, Пушту, и вышгородскихъ старшинъ и спросилъ ихъ: „преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?“ — „Головы свои за тебя сложимъ“, отвѣчали Пушта и вышгородцы. Тогда Святополкъ сказалъ имъ: „ступайте же тайно и убейте брата моего Бориса“. Они обѣщали сдѣлать все, что онъ хотѣлъ.

Ночью пришли убійцы къ рѣкѣ Альтѣ, гдѣ стоялъ станъ Бориса, и когда стали подходить къ его палаткѣ, то услышали, что Борисъ поетъ заутреню; къ нему уже пришла вѣсть, что хотятъ погубить его.

Помолившись, легъ Борисъ на постель, а убійцы, какъ дикіе звѣри, бросились на шатеръ и закололи копьями Бориса и любимаго отрока его Георгія, который собою хотѣлъ закрыть князя. Убійцы завернули Бориса, который еще дышалъ, въ шатерное полотно, положили на возъ и повезли. Узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, Святополкъ послалъ двухъ варяговъ, и тѣ покончили князя.

Убивъ Бориса, окаянный Святополкъ сталъ думать, какъ бы ему убить и Глѣба, и послалъ сказать въ Муромъ къ Глѣбу, который еще не зналъ о смерти отца: „Отецъ заболѣлъ и зоветъ тебя; пріѣзжай поскорѣе“. Глѣбъ немедленно выѣхалъ къ Кіеву съ малой дружиной. Но еще на дорогѣ пришла ему вѣсть изъ Новгорода, отъ Ярослава, объ отцовской смерти. „Не ходи въ Кіевъ, извѣщаль Ярославъ, отецъ померъ, а братъ твой Борисъ убитъ Святополкомъ“. Услыхавъ о смерти отца и брата, Глѣбъ сталъ плакать и молиться; а въ это самое время пришли убійцы, посланные Святополкомъ, и по ихъ приказанію поваръ Глѣбовъ зарѣзалъ князя.

Окаянный Святополкъ убилъ и третьяго брата, Святослава. Святославъ бѣжалъ было въ Венгрію, но убійцы догнали его. Послѣ этого сталъ Святополкъ думать: „перебую всѣхъ братьевъ и стану одинъ владѣть въ Русской землѣ“. Но гроза на него приближалась изъ Новгорода.

Новгородцы дали Ярославу войско, и онъ пошелъ на Святополка. Святополкъ тоже собралъ много войска — руси и печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу. Оба брата стали другъ противъ друга на берегахъ Днѣпра, и ни тотъ, ни другой не смѣли начать битвы. И стояли они такъ три мѣсяца. Однажды воевода Святополковъ, ѣздя по берегу, сталъ корить новгородцевъ: „зачѣмъ вы, плотники, пришли сюда съ вашимъ хромымъ княземъ? (Ярославъ былъ хромъ). Вотъ, мы заставимъ васъ строить намъ дома“. Разсердились новгородцы и сказали Ярославу: „Завтра же перейдемъ на ту сторону; а если кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ“. Начались уже заморозки. Святополкъ стоялъ съ войскомъ между двумя озерами и шилъ всю ночь съ своею дружиною. На разсвѣтъ перешелъ Ярославъ съ войскомъ на другой берегъ. Новгородцы оттолкнули лодки отъ берега, чтобы никому нельзя было воротиться назадъ, и пошли на враговъ. Началась злая сѣча. Печенѣгамъ изъ-за озера нельзя было помочь Святополку, и новгородцы притиснули Святополка съ дружиною къ озеру и заставили ихъ отступать по льду; ледъ же обломился. Видя, что все пропало, Святополкъ бѣжалъ и скрылся въ Польшѣ, а Ярославъ занялъ Кіевъ.

На слѣдующій же годъ Святополкъ пришелъ опять на Ярослава съ Болеславомъ, королемъ польскимъ. Ярославъ съ варягами и русью встрѣтилъ поляковъ на рѣкѣ Бугѣ. Ярославовъ воевода и воспитатель Будый началъ издѣваться надъ королемъ Болеславомъ, говоря: „вотъ, мы проткнемъ щепкой брюхо твое толстое!“ Болеславъ былъ такъ толстъ, что едва могъ взлѣсть на лошадь, но былъ уменъ и сказалъ дружинѣ: „если вамъ не жаль, что такъ издѣваются надо мною, то я одинъ пойду на враговъ!“ Сѣлъ на лошадь и поѣхалъ черезъ рѣку вбродъ; а за нимъ кинулось войско его. Нападеніе было такъ сильно, что Ярославъ не успѣлъ приготовиться къ отпору,

быль разбить и убѣжалъ въ Новгородъ только съ четырьмя чело-
вѣками; а Болеславъ съ Святополкомъ заняли Кіевъ. Польское
войско размѣстили по городамъ. Святополку скоро показались
тяжелы такіе гости, и онъ велѣлъ избивать поляковъ. Тогда Бо-
леславъ, ограбивши Кіевъ, ушелъ въ Польшу.

Прибѣжавъ въ Новгородъ, Ярославъ хотѣлъ уже уйти за море,
но новгородцы его не пустили, говоря: „хотимъ еще биться съ
Святополкомъ“. Стали собирать деньги, войско, призвали варяговъ.
Святополкъ, оставленный Болеславомъ, узнавъ, что братъ опять
идеть на него, бѣжалъ къ печенѣгамъ, собралъ тамъ множество
войска и пошелъ на Ярослава. Братья встрѣтились на берегу рѣки
Алты. И только что показалось солнце, началась сѣча, да такая,
какой еще не видали на Руси! Рубились мечами, схватывая
другъ друга за руки; кровь по удолямъ текла ручьями. Къ ве-
черу Ярославъ одолѣлъ.

Святополкъ бѣжалъ; на него напалъ такой страхъ, что онъ,
какъ Каинъ, дрожалъ вѣмъ тѣломъ и не могъ идти; отроки взяли его
на носилки и понесли. Но какъ только хотѣли гдѣ-нибудь оста-
новиться для отдыха, то убійца кричалъ: „Вѣгите со мною, за
нами гонятся!“ хотя не видно было никого, кто бы гнался за
ними. Братоубійца не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Пробѣ-
жалъ онъ черезъ всю Польшу и погибъ гдѣ-то въ пустынь, между
польской и чешской землями.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ, но не долго былъ миръ на Рус-
ской землѣ. На пятый же годъ другой братъ Ярослава, Мети-
славъ, князь тмутараканскій, пошелъ на Ярослава войной. Это былъ
князь воинственный, храбрый и искусный въ битвахъ, не разъ
побѣждавшій народовъ прикавказскихъ. Ярославъ въ это время былъ
въ Новгородѣ, призвалъ варяговъ и пошелъ на брата. Братья
встрѣтились у Листвена. Началась страшная битва, а въ это время
была и страшная гроза; блистали и молніи, и оружіе. Метиславъ
одолѣлъ ярославовыхъ варяговъ, и Ярославъ бѣжалъ. Однако-же,
послѣ битвы, Метиславъ послалъ сказать брату: „Ты мнѣ старшій
братъ; сиди въ своемъ Кіевѣ, а мнѣ пусть будетъ эта земля по

ту сторону Днѣпра“. И остался княжить въ Черниговѣ. Съ тѣхъ
поръ былъ миръ между братьями въ Русской землѣ. Когда же,
въ 1036 году, Метиславъ умеръ, то Ярославъ сдѣлался едино-
державнымъ княземъ Руси.

ЯРОСЛАВЪ И ПЕРВЫЕ ЕГО ПРЕЕМНИКИ.

(1035—1054).

По смерти брата своего Метислава, Ярославъ сталъ княжить
одинъ въ Русской землѣ; только въ Полоцкѣ былъ свой особый
князь, Брячиславъ Изяславичъ, отъ старшаго сына Владимірова,
Изяслава. Въ княженіе Ярослава была тишина въ Русской землѣ,
и сосѣди ее не смѣли трогать.

Ярославъ любилъ церковь и ученье, устраивалъ школы, прика-
зывалъ переводить церковныя книги съ греческаго языка на сла-
вянскій, строилъ церкви, украшалъ ихъ золотомъ, серебромъ, до-
рогими иконами. Такъ, онъ построилъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ
и такой же въ Новгородѣ. Строилъ города на отдаленныхъ пре-
дѣлахъ Россіи, для защиты отъ враговъ: Ярославль—на Волгѣ,
Юрьевъ—въ чудской землѣ.

Ярославъ первый далъ письменные законы, извѣстные подъ
именемъ „Русской правды“, которые впоследствии добавлялись
другими князьями. Помня великія услуги новгородцевъ, не разъ
спасавшихъ его въ борьбѣ съ Святополкомъ, Ярославъ далъ Нов-
городу *льготныя грамоты*, и, ссылаясь на эти грамоты, новго-
родцы долго управлялись сами собою. Собирая по звуку колокола
вѣче на *Ярославовомъ дворѣ*, рѣшали они сами всѣ важнѣйшія
дѣла: объявляли войну и заключали миръ; призывали князей, а
поссорившись съ ними, изгоняли; избирали посадниковъ, тысяц-
кихъ и другія земскія власти,—тогда какъ въ прочихъ городахъ
все почти зависѣло отъ князя.

Передъ смертью Ярославъ призвалъ дѣтей своихъ; завѣщалъ
имъ жить мирно, не ссориться, слушаться старшаго брата, какъ слу-
шались отца, и раздѣлилъ между ними всю Русскую землю на пять

областей: Изяславу отдалъ Кіевъ и Великій Новгородъ; Святославу—Черниговъ; Всеволоду—Переяславль; Вячеславу—Смоленскъ; а Игорю—Владиміръ на Волыни. „Ты-же“, сказалъ онъ Изяславу, „если кто захочетъ обидѣть брата, помогай обиженному“. Вскорѣ Ярославъ разболѣлся и померъ. Тѣло его положили въ мраморномъ гробѣ, въ церкви Святой Софій.

Не долго дѣти Ярослава соблюдали завѣтъ отца своего—жить въ любви и мирѣ. Начались ссоры изъ-за того, что Ярославъ, назначивъ удѣлы сыновьямъ своимъ, не далъ ничего ни родному внуку своему Ростиславу, сыну своего старшаго сына Владиміра, умершаго еще при отцѣ, ни двоюродному, Всеславу, сыну Брячислава полоцкаго. Потомъ Святославъ черниговскій, уже безъ всякаго права, захотѣлъ отнять Кіевъ у старшаго брата, такъ что Изяславу нѣсколько разъ приходилось бѣжать изъ Кіева и искать себѣ помощи у чужеземцевъ.

Послѣ Изяслава великимъ княземъ кіевскимъ сдѣлался Всеволодъ Ярославовичъ, такъ какъ Святославъ черниговскій уже померъ. Всеволодъ былъ тоже князь слабый, котораго поддерживалъ только храбрый, мужественный сынъ его Владиміръ, прозванный Мономахомъ.

По смерти Всеволода уже не осталось въ живыхъ никого изъ дѣтей Ярослава, а были только внуки и правнуки, и великимъ княземъ былъ признанъ старшій изъ внуковъ, сынъ Изяслава,—Святополкъ.

По обычаю того времени, не сынъ наследовалъ отцу въ его удѣлѣ и въ великомъ княженіи, а старшій въ родѣ, чаще всего братъ покойнаго. Но дѣти не хотѣли уступать дядямъ отцовскаго наследства, и оттого возникали безпрерывныя распри и междоусобія между князьями. Одинъ князь губилъ другого, захватывалъ въ плѣнъ или выгонялъ изъ удѣла, а изгнанные искали часто защиты и помощи у чужеземцевъ и приводили на Русскую землю то венгровъ, то варваровъ половцевъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе размножались княжескіе роды: Русская земля дробилась, и при каждомъ новомъ передѣлѣ не обходилось безъ распрей и междо-

усобныхъ войнъ. Народъ бѣдствовалъ, духовенство громко обвиняло князей; но дружина, для которой война была ремесломъ, часто ссорила ихъ, а князья наши и безъ того любили войну.

ОСНОВАНІЕ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

При Ярославі основалась Кіево-печерская лавра. И вотъ каково было ея начало.

Въ Берестовѣ, близъ Кіева, гдѣ любилъ проживать Ярославъ, былъ священникъ по имени Иларіонъ, человекъ добродѣтельный, книжникъ и постникъ. Съ Берестова онъ часто ходилъ на холмъ, на берегу Днѣпра, и молился тамъ Богу въ густомъ лѣсу. Здѣсь выкопалъ онъ для молитвы небольшую пещерку, сажени въ двѣ, въ ней часто отпѣвалъ часы и молился тайно.

Ярославъ зналъ Иларіона, любилъ его и сдѣлалъ потомъ митрополитомъ кіевскимъ; а пещерка такъ и осталась.

Черезъ нѣсколько времени, одинъ человекъ изъ города Любеча пошелъ въ Грецію и въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей, на „Святой горѣ“, постригся въ монахи подъ именемъ Антонія. Игуменъ монастыря сказалъ Антонію: „Ступай въ Русь опять: надъ тобой будетъ благословеніе Святой горы и размножатся отъ тебя на Руси монахи“.

Антоній пришелъ въ Кіевъ, долго искалъ мѣста, гдѣ бы поселиться, нашелъ наконецъ пещеру, вырытую Иларіономъ, и поселился въ ней. Здѣсь велъ онъ строгую монашескую жизнь: молился Богу, ѣлъ сухой хлѣбъ, и то черезъ день; самую воду пилъ умѣренно и все раскапывалъ пещерку дальше и дальше, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью.

Когда Ярославъ умеръ, то Антоній сдѣлался уже такъ извѣстенъ, что сынъ Ярослава, великій князь кіевскій Изяславъ, приходилъ къ нему съ дружиною, прося молитвы и благословенія. Собралось къ Антонію 12 человекъ братіи, выкопали большую пещеру, устроили въ ней кельи и церковь. Антоній поставилъ надъ братією игуменомъ—Варлаама, а самъ сказалъ: „Вотъ вамъ игуменъ, я же привыкъ къ уединенію и пойду искать себѣ дру-

гого мѣста“. Выкопалъ себѣ въ горѣ новую пещеру и сталъ въ ней жить.

Число монаховъ размножилось, и они спросили совѣта у Антонія, какъ бы имъ устроить монастырь. Антоній послалъ одного изъ монаховъ къ князю Изяславу сказать: „Князь, Богъ умножаетъ братію, а мѣста ей мало; далъ бы ты намъ гору, что надъ пещерой“. Изяславъ далъ съ радостью. Игумень и братія заложили большую церковь, обнесли монастырь стѣною, поставили много келій. И такимъ-то образомъ начался печерскій монастырь.

Когда Варлаамъ былъ переведенъ въ другой монастырь, то Антоній выбралъ игуменомъ Θεодосіа. При Θεодосіи число монаховъ возросло до 100 человекъ. Монастырь принялъ уставъ греческаго Студійскаго монастыря, и этотъ уставъ распространился потомъ и по другимъ монастырямъ русскимъ. Антоній же, проживъ безвыходно 40 лѣтъ въ своей пещерѣ, въ ней и скончался; тамъ и теперь покоятся его мощи.

При Θεодосіи пришелъ въ монастырь 17-ти лѣтній юноша и постригся въ монахи подъ именемъ Нестора. Этотъ-то Несторъ и описалъ намъ, какъ устроилось русское государство, какъ жили наши предки, и что дѣлали наши первые князья. Мощи лѣтописца Нестора и теперь почіуютъ въ кіевскихъ пещерахъ. Лѣтопись Нестора переписывалась потомъ много разъ и разошлась по другимъ монастырямъ, а другіе лѣтописцы,—такіе же монахи, какъ и Несторъ,—прибавляли къ ней годъ за годъ то, что случалось въ ихъ время; такъ и дошло до насъ преданіе о томъ, какъ жили и что дѣлали наши предки.

Все, что вы до сихъ поръ прочитали изъ русской исторіи, взято почти слово въ слово, съ небольшими измѣненіями, изъ лѣтописи преподобнаго Нестора.

ХРЕСТОМАТІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

БАСНИ И РАЗСКАЗЫ ВЪ ПРОЗѢ.

ИГРАЮЩІЯ СОБАКИ.

Володя стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, гдѣ грѣлась на солнышкѣ большая дворовая собака Полканъ.

Къ Полкану подбѣжалъ маленькій Мопсъ и сталъ на него кидаться и лаять; хваталъ его зубами за огромныя лапы, за морду и, казалось, очень надоѣдалъ большой и угрюмой собакѣ. „Погоди-ка, вотъ она тебѣ задастъ!“ сказалъ Володя: „прочитъ она тебя!“ Но Мопсъ не переставалъ играть, а Полканъ смотрѣлъ на него очень благосклонно.

— Видишь-ли, сказалъ Володѣ отецъ, Полканъ добрѣе тебя! Когда съ тобою начнутъ играть твои маленькіе братья и сестры, то непременно дѣло кончится тѣмъ, что ты ихъ приколотишь. Полканъ же знаетъ, что большому и сильному стыдно обижать маленькихъ и слабыхъ.

ДВА КОЗЛИКА.

Два упрямые козлика встрѣтились однажды на узкомъ бревнѣ, переброшенномъ черезъ ручей. Обоимъ разомъ перейти ручей было

невозможно; приходилось которому-нибудь воротиться назад, дать другому дорогу и обождать. „Уступи мнѣ дорогу“, сказалъ одинъ.— „Вотъ еще, поди-ка ты, какой важный баринъ!“—отвѣчала другой:— „пяться назадъ: я первый взомель на мостъ“.— „Нѣтъ, братъ! я гораздо постарше тебя годами, и мнѣ уступить молокососу! Ни за что!“ Тутъ оба, долго не думавши, столкнулись крѣпкими лбами, сцѣпились рогами и, упираясь тоненькими ножками въ колоду, стали драться. Но колода была мокра: оба упряма поскользнулись и полетѣли прямо въ воду.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛЬ.

Прекрасная, сильная лошадь, безъ всякой поклажи, и тяжело навьюченный осель шли по дорогѣ за своимъ хозяиномъ. „Любезная лошадь, сказалъ осель,—возьми на себя хоть маленькую часть моей ноши; я задыхаюсь подъ тяжестью!“ Лошадь гордо отказалась. Вздохнулъ бѣдный осель и, опустивъ уши, побрелъ далѣе, но, протащившись еще кое-какъ съ версту, пошатнулся, упалъ и издохъ. Теперь только увидѣлъ хозяинъ, какъ онъ былъ несправедливъ къ бѣдному животному, и что напрасно баловалъ онъ сильную молодую лошадь. Погоревалъ хозяинъ, попенялъ на себя; но дѣлать нечего, надобно было ѣхать далѣе. И вотъ онъ навьючилъ всю ослиную ношу на гордую лошадь, да прибавилъ къ ношѣ еще и ослиную кожу, которой не хотѣлъ даромъ бросить на дорогѣ.

— По-дѣломъ мнѣ, подумала лошадь;—если бы я сжалилась надъ моимъ бѣднымъ спутникомъ, то и онъ былъ бы живъ, да и мнѣ не пришлось бы теперь такъ тяжело.

ВѢТЕРЬ И СОЛНЦЕ.

Однажды Солнце и сердитый сѣверный Вѣтеръ затѣяли споръ о томъ, кто изъ нихъ сильнѣе. Долго спорили они и, наконецъ, рѣшились помѣряться силами надъ путешественникомъ, который въ

это самое время ѣхалъ верхомъ по большой дорогѣ. „Посмотри“, сказалъ Вѣтеръ, „какъ я налечу на него; мигомъ сорву съ него плащъ!“ Сказалъ—и началъ дуть, что было мочи. Но чѣмъ болѣе старался Вѣтеръ, тѣмъ крѣпче закутывался путешественникъ въ свой плащъ; онъ ворчалъ на непогоду, но ѣхалъ все дальше и дальше. Вѣтеръ сердился, свирѣпѣлъ, осыпалъ бѣднаго путника дождемъ и снѣгомъ; проклиная Вѣтеръ, путешественникъ надѣлъ свой плащъ въ рукава и подпоясался поясомъ. Тутъ уже Вѣтеръ и самъ убѣдился, что ему плаща не сдернуть. Солнце, видя безсиліе своего соперника, улыбнулось, выглянуло изъ-за облаковъ, обогрѣло, осушило землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднаго полузамерзшаго путешественника. Почувствовавъ теплоту солнечныхъ лучей, онъ пріободрился, благословилъ Солнце, самъ снялъ свой плащъ, свернулъ его и привязалъ къ сѣдлу. „Видишь-ли“, сказало тогда кроткое Солнце сердитому Вѣтру: „лаской и добротой можно сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ гнѣвомъ“.

ДВА ПЛУГА.

Изъ одного и того-же куска и въ одной и той-же мастерской были сдѣланы два плуга. Одинъ изъ нихъ попалъ въ руки земледѣльца и немедленно пошелъ въ работу; другой долго и совершенно бесполезно провалялся въ лавкѣ купца. Случилось черезъ нѣсколько времени, что оба земляка опять встрѣтились. Плугъ, бывший у земледѣльца, блестѣлъ какъ серебро и былъ даже еще лучше, чѣмъ въ то время, когда онъ только-что вышелъ изъ мастерской; плугъ-же, пролежавшій безъ всякаго дѣла въ лавкѣ, потемнѣлъ и покрылся ржавчиной. „Скажи, пожалуйста, отчего ты такъ блестяшь?“ спросилъ заржавѣвшій плугъ у своего стараго знакома. „Отъ труда, мой милый“, отвѣчалъ тотъ; „а если ты заржавѣлъ и сдѣлался хуже, чѣмъ былъ, то это потому, что все то время ты пролежалъ на боку, ничего не дѣлая“.

ОРГАНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

Однажды Органы Человѣческаго Тѣла перессорились между собою и рѣшили не служить болѣе другъ другу. Ноги сказали: „Почему мы именно должны носить все Тѣло? пусть оно сдѣлаетъ само себѣ другія ноги, да и ходить сколько угодно“. Руки также сказали: „И мы не хотимъ работать для другихъ; устройте себѣ другія руки, и пусть онѣ для васъ трудятся“. Ротъ проворчалъ: „Глупъ же я буду, если ни за что ни про что стану пережевывать пищу для желудка, чтобы онъ ее потомъ переваривалъ, развалившись, какъ какой-нибудь важный баринъ. Нѣтъ, поищи себѣ другого рта; а я тебѣ больше не слуга!“ Глаза находили также очень страннымъ, что они должны смотрѣть за все Тѣло и стоять безпрестанно на стражѣ. Такъ разговаривали между собою всѣ Органы Человѣческаго Тѣла и рѣшили не служить болѣе другъ другу. Что же случилось? Такъ какъ ноги не хотѣли ходить, руки перестали работать, ротъ пересталъ ѣсть и глаза закрылись, то все Тѣло, оставшись безъ движенія и пищи, начало слабѣть, хирѣть и едва было совершенно не замерло. Всѣмъ Органамъ, составляющимъ Тѣло, стало тяжело и пришлось бы еще хуже, если бы они не догадались, какъ глупо они поступили. „Нѣтъ, такъ жить плохо“, подумали они: помирились, стали попрежнему другъ на друга работать—и все Тѣло поправилось и сдѣлалось здоровымъ и сильнымъ.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Сережа и Аннушка остались дома одни, и братъ сказалъ сестрѣ:—Пойдемъ, поищемъ, не осталось-ли въ домѣ чего-нибудь вкуснаго, и полакомимся.—„Еслибъ ты повелъ меня въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не увидитъ, то, пожалуй, я пошла-бы съ тобою“,—отвѣчала Аннушка.—Пойдемъ въ кладовую: тамъ мы найдемъ что-нибудь хорошенькое, и никто насъ не увидитъ.—„Нѣтъ, Се-

режа, тамъ можетъ увидѣть насъ сосѣдь: онъ колетъ на дворѣ дрова“.—Ну, такъ пойдемъ въ кухню,—уговаривалъ Сережа сестру:—тамъ стоитъ цѣлый горшокъ меду, и мы намажемъ себѣ по большому ломтю хлѣба.—„Въ кухнѣ увидитъ насъ сосѣдка: она вѣрно теперь сидитъ у окна и прядетъ“.—Ахъ, какая-же ты трусиха, Анюта, сказалъ маленькій лакомка;—пойдемъ,—если такъ, въ погребъ кушать яблоки; тамъ уже навѣрно насъ никто не увидитъ.—„Ахъ, милый Сережа, неужели ты думаешь, что въ погребѣ насъ никто не увидитъ?.. Развѣ ты не знаешь о Томъ, Кто видитъ черезъ стѣны, и отъ Котораго въ темнотѣ нельзя скрыться?“ Сережа испугался.—Правда твоя, сестрица, сказалъ онъ,—Богъ видитъ насъ и тамъ, гдѣ человѣческой глазъ ничего не видитъ; а потому ни наединѣ, ни въ темнотѣ не должны мы дѣлать ничего такого, чего не смѣли-бы сдѣлать при другихъ и при свѣтѣ.

ЛЮБОПЫТСТВО.

Павлуша (съ любопытствомъ). Что это тамъ у тебя въ передникѣ, Лиза?—*Лиза.* А тебѣ это очень нужно знать?—*Павлуша (шутя).* Покажи-же, а не то я насильно посмотрю.—*Лиза.* Ничего тамъ нѣтъ.—*Павлуша.* Не правда: ты что-то прячешь отъ меня. Покажи; пожалуйста, покажи.—*Лиза.* Не тронь; можетъ быть, это подарокъ тебѣ къ Новому Году.—*Павлуша.* Какъ? что? подарокъ къ Новому году? Покажи-же, душечка сестрица, покажи, что тамъ такое (*хочетъ вырвать передникъ изъ рукъ сестры, но Лиза не даетъ*). Скажи, по крайней мѣрѣ, что это такое? Вѣрно, кошелекъ? Не правда-ли, кошелекъ?—*Лиза.* Зачѣмъ тебѣ кошелекъ; развѣ я тебѣ не связала кошелекъ?—*Павлуша.* Что-жъ-бы это было такое? Ахъ, знаю: ты связала мнѣ шарфикъ?—*Лиза.* У тебя два шарфика, на что-же тебѣ третій?—*Павлуша.* Какъ ты меня мучаешь, сестрица! Какая ты скрытница!—*Лиза.* Какой ты любопытный!—*Павлуша.* Знаю, знаю! Это, вѣрно, батюшка купилъ мнѣ что-нибудь къ Новому Году: какая-нибудь игрушка?—*Лиза.* Можетъ быть, батюшка и купилъ

тебѣ что-нибудь; но ты знаешь, какъ онъ не любитъ, чтобы угадывали заранѣе его подарки.—*Павлуша*. Да я ему не скажу, и въ Новый Годъ притворюсь, какъ-будто ничего не знаю.—*Лиза*. Я и не знала, что ты умѣешь такъ притворяться. Покажи-же, какъ это ты сдѣлаешь.—*Павлуша*. Ужъ сдѣлаю какъ-нибудь; но помоги мнѣ, пожалуйста, отгадать, что тамъ у тебя такое. Что-нибудь изъ царства растительнаго?—*Лиза*. Нѣтъ!—*Павлуша*. Изъ царства животнаго?—*Лиза*. Нѣтъ!—*Павлуша*. Изъ царства минеральнаго?—*Лиза*. Нѣтъ!—*Павлуша*. Теперь же я тебя поймалъ: конечно, нѣтъ въ твоёмъ передникѣ чего-нибудь изъ царства духовъ?—*Лиза*. Конечно, нѣтъ (*опускаетъ со смѣхомъ передникъ и показываетъ, что въ рукахъ у нея ничего нѣтъ*). Къ какому царству принадлежитъ ничто?—*Павлуша*. Ахъ ты, плутовка! Зачѣмъ-же ты такъ таинственно закрывала руки передникомъ, какъ будто-бы у тебя и Богъ знаетъ что такое?—*Лиза*. Мнѣ просто было холодно безъ перчатокъ; а ты самъ себя наказалъ своимъ любопытствомъ.—*Павлуша*. Хорошо! Хорошо! но знаешь-ли, что я скажу тебѣ, Лиза!.. Въ другой разъ уже ты меня такъ не проведешь.

ГУСИ.

Вася увидѣлъ вереницу дикихъ гусей, которые неслись высоко въ воздухѣ.

Вася. Могутъ-ли такъ-же летать наши домашніе гуси? *Отецъ*. Нѣтъ.—*В*. Кто-же кормитъ дикихъ гусей?—*От*. Они сами отыскиваютъ себѣ пищу.—*Вася*. А зимою?—*От*. Какъ только наступаетъ зима, дикіе гуси улетаютъ отъ насъ въ теплыя страны, а весною возвращаются снова.—*В*. Но почему-же домашніе гуси не могутъ летать такъ хорошо, и почему не улетаютъ они отъ насъ на зиму въ теплыя страны?—*От*. Потому-что домашнія животныя потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у нихъ не такъ тонки, какъ у дикихъ.—*В*. Но почему это случилось съ ними?—*От*. Потому-что люди о нихъ заботятся и

отучили ихъ пользоваться ихъ собственными силами. Изъ этого ты видишь, что и люди должны стараться дѣлать сами для себя все, что только могутъ. Тѣ дѣти, которыя полагаются на услуги другихъ и не приучаются сами дѣлать для себя все, что только могутъ, никогда не будутъ сильными, умными и ловкими людьми.—*В*. Нѣтъ, теперь я буду стараться самъ все для себя дѣлать, а не то, пожалуй, и со мной можетъ сдѣлаться то же, что съ домашними гусями, которые разучились летать.

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ.

Индѣецъ Сѣверной Америки, возвратившись въ свою хижину, открылъ, что окорокъ ветчины, который онъ повѣсилъ на дерево провалиться, былъ украденъ. Осмотрѣвъ внимательно мѣстность, индѣецъ пустился преслѣдовать вора и спрашивалъ у всѣхъ, кто встрѣчался ему: не видали-ли они стараго бѣлаго человѣка, небольшого роста, съ короткимъ ружьемъ и съ небольшою собакою, у которой очень длинный и лохматый хвостъ? Многіе отвѣчали ему, что дѣйствительно встрѣчали такого человѣка; но въ то же время спрашивали, какъ онъ могъ дѣлать такое подробное описаніе лица, котораго никогда не видалъ. „Что воръ небольшого роста“, отвѣчалъ индѣецъ, „это я заключилъ изъ того, что онъ долженъ былъ подкладывать камни, чтобы снять ветчину, которую я повѣсилъ, стоя на землѣ; что онъ старикъ—я знаю это по его короткимъ шагамъ, слѣды которыхъ остались на упавшихъ листьяхъ въ лѣсу; что онъ бѣлый—я знаю это потому, какъ онъ выворачиваетъ свои пятки, чего индѣецъ никогда не дѣлаетъ. Ружье его должно быть коротко, это я видѣлъ по тому, что, поставивъ его у дерева, онъ сдернулъ немного кору. Собака его не велика—это видно по ея слѣдамъ; а что у нея пушистый хвостъ—это я замѣтилъ по знаку, который она оставила на пескѣ, когда сидѣла и облизывалась, пока хозяинъ ея красть мою ветчину“.

ВЪРНАЯ СОБАКА.

Даже животные чувствуютъ благодарность къ тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро; неужели человѣкъ можетъ быть неблагодарнымъ? Животныя привязаны и преданы своимъ господамъ; въ особенности отличаются этимъ собаки.

Одинъ купецъ отправился въ дорогу верхомъ, и слѣдомъ за нимъ бѣжалъ его вѣрный пудель. Купецъ ѣхалъ за тѣмъ, чтобы получить большую сумму денегъ. Получивъ деньги и привязавъ ихъ въ мѣшокъ къ сѣдлу, поѣхалъ онъ домой. Дорогою мѣшокъ отвязался и упалъ, а купецъ и не замѣтилъ. Зоркій пудель видѣлъ, какъ упалъ мѣшокъ; попробовалъ было поднять его зубами, но почувствовалъ, что онъ былъ ему не подъ силу. Тогда пудель, оставивъ мѣшокъ, догналъ своего господина, забѣжалъ впередъ, сталъ кидаться на лошадь и лаять съ ожесточеніемъ и упорствомъ. Не зная въ чемъ дѣло, купецъ кричалъ на пуделя, бранилъ его, ударилъ кнутомъ — ничто не помогало! Вѣрное животное продолжало кидаться на лошадь съ такою яростію, какъ-будто хотѣло стащить долой своего хозяина. Видя, что ничто не помогаетъ, и что купецъ все ѣдетъ дальше и дальше, пудель сталъ кусать за ноги лошадь, чтобы заставить хозяина воротиться. Купецъ испугался: ему пришло на мысль, что пудель его *взбѣсился*, и, зная, какъ опасны бѣшенныя собаки, купецъ рѣшился застрѣлить своего вѣрнаго слугу. Долго еще, однако-жъ, старался онъ отдѣлаться отъ пуделя то ласками, то угрозами, то ударами кнута; но видя, что ничто не помогаетъ, вынулъ пистолетъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ выстрѣлилъ въ вѣрную собаку. Вѣдное животное упало, но черезъ минуту опять поднялось и съ жалобнымъ вигомъ, обливаясь кровью, старалось слѣдовать за хозяиномъ. Купецъ очень любилъ своего вѣрнаго пуделя; ему было тяжело смотрѣть, какъ онъ страдаетъ, и потому онъ, пришпоривъ лошадь, ускакалъ впередъ. Отѣхавъ немного, купецъ захотѣлъ взглянуть, что сталося съ бѣднымъ животнымъ, и тутъ только, оборачиваясь назадъ, замѣтилъ онъ, что мѣшка съ деньгами не было у сѣдла. Понявъ

тогда купецъ, зачѣмъ такъ упорно лаяла и кидалась на него вѣрная собака, и ему было больше жаль собаки, нежели денегъ. Онъ тотчасъ же поскакалъ назадъ; но не нашелъ уже пуделя на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ. Слѣды крови по дорогѣ показывали, что собака воротилась назадъ. Какъ больно было доброму купцу, когда, отправившись по кровавымъ слѣдамъ, онъ нашелъ вѣрное животное издыхающимъ у мѣшка съ деньгами. Понятливо смотрѣла собака на своего хозяина и ласково лизала ему руку. Черезъ нѣсколько минутъ пудель издохъ; и купецъ, не радуясь и найденнымъ деньгамъ, воротился домой.

ВОДЛИВАЯ КОРОВА.

(Изъ разсказовъ хуторянина).

Была у насъ корова, да такая характерная, бодливая, что бѣда! Можетъ быть потому и молока у ней было мало. Помучилась съ ней и мать, и сестры. Бывало, прогонять въ стадо, а она или домой о полдень придереть, или въ житахъ очутится, — иди, выручай! Особенно, когда бывалъ у нея теленокъ — удержу нѣтъ! Разъ даже весь хлѣвъ разворотила, къ теленку билась; а рога-то у нея были длинные да прямые. Ужъ не разъ собирався отецъ ей рога отпилить, да какъ-то все откладывалъ; будто что предчувствовалъ, старый. А какая была увертливая, да пряткая! Какъ поднять хвостъ, опустить голову да махнетъ, — такъ и на лошади не догонишь. Вотъ разъ, лѣтомъ, прибѣжала она отъ пастуха, еще задолго до вечера: — было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорить сестрѣ, — дѣвочкѣ этакъ лѣтъ двѣнадцати: „погони, Феня, ихъ къ рѣчкѣ, пусть по бережку пасутся, да смотри, чтобъ въ жито не затесались. До ночи еще далеко; что имъ тутъ безъ толку стоять“. Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережокъ, пустила пастись, а сама подъ вербой сѣла и стала вѣнокъ плести изъ васильковъ, что по дорогѣ во ржи нарвала; плететь и пѣсенку поеть.

Слышитъ Феня, что-то въ лозникѣ зашуршало; а рѣка съ обоихъ береговъ густымъ лозникомъ обросла. Глядитъ Феня,

что-то сърое сквозь густой лознякъ продирается, и покажись глупой дѣвочкѣ, что это наша собака Сѣрко.—Извѣстно,—волкъ на собаку совсѣмъ похожъ, только шея неповоротливая, хвостъ палкой, морда понурая и глаза блестять; но Феня волка никогда вблизи не видала. Стала уже Феня собаку манить: „Сѣрко, Сѣрко!“ какъ смотреть—теленокъ, а за нимъ корова несутся прямо на нее, какъ бѣшеные. Феня вскочила, прижалась къ вербѣ, не знаетъ, что дѣлать; теленокъ къ ней, а корова ихъ обоихъ задомъ къ дереву прижала, голову наклонила, реветъ, передними копытами землю роетъ, а рога-то прямо волку выставила. Феня перепугалась, обхватила дерево обѣими руками, кричать хочетъ—голосу нѣтъ! А волкъ прямо на корову кинулся, да и отскочилъ: съ перваго разу, видно, задѣла его рогомъ. Видитъ волкъ, что нахраномъ ничего не возьмешь, и сталъ онъ кидаться то съ той, то съ другой стороны, чтобы какъ нибудь съ боку въ корову вцѣпиться или теля отхватить,—только куда ни кинется, вездѣ рога ему навстрѣчу. Феня все еще не догадывается, въ чемъ дѣло, хотѣла бѣжать, да корова не пускаетъ, такъ и жметъ къ дереву. Стала тутъ дѣвочка кричать, на помощь звать: „ратуйте, кто въ Бога вируе, ратуйте!“ Нашъ казакъ оралъ тутъ на взгоркѣ, услышалъ, что и корова-то реветъ, и дѣвочка кричитъ, кинулъ соху и прибѣжалъ на крикъ. Видитъ казакъ, что дѣлается, да не смѣетъ съ голыми руками на волка сунуться: такой онъ былъ большой, да остервенѣлый; сталъ казакъ сына кликать, что оралъ тутъ же на полѣ. Какъ завидѣлъ волкъ, что люди бѣгутъ,—унялся, огрызнулся еще разъ, два, завылъ, да и въ лознякъ. Феню казаки едва домой довели—такъ перепугалась дѣвочка. Порадовался тогда отецъ, что не отпилнлъ коровѣ роговъ.

ЧУЖОЕ ЯИЧКО.

(Изъ разсказовъ хуторянина).

Рано утромъ встала старушка Дарья, выбрала темное, укромное мѣстечко въ курятникѣ, поставила туда корзинку, гдѣ на мягкомъ сѣнѣ были разложены 13 яицъ, и усадила на нихъ хохлатку.

Чуть свѣтало, и старуха не разсмотрѣла, что тринадцатое яичко было зеленоватое и поменьше прочихъ. Сидитъ курица прилежно, грѣетъ яички, сбѣгаетъ поклевать зернышекъ, попить водицы, и опять на мѣсто; даже вылиняла, бѣдняжка. И какая стала сердитая: шипитъ, клокчетъ, даже пѣтушку не даетъ подойти, а тому очень хотѣлось заглянуть, что тамъ въ темномъ уголкѣ дѣлается?—Просидѣла курочка недѣли съ три, и стали изъ яичекъ цыплята выклеиваться, одинъ за другимъ: проклюнетъ скорлупу носомъ, выскочитъ, отряхнется и станеть бѣгать, ножками пыль разгребать, червячковъ искать.

Позже всѣхъ проклюнулся цыпленокъ изъ зеленоватаго яичка. И какой же странный онъ вышелъ: кругленькій, пушистый, желтый, съ коротенькими ножками, съ широкимъ носикомъ. „Станный у меня вышелъ цыпленокъ, думаетъ курица:—и клюетъ, и ходитъ-то онъ не по нашему; носикъ широкій, ноги короткія, какой-то косолапый, съ ноги на ногу переваливается“. Подивилась курица своему цыпленку; однако же, какой ни на есть, а все сынъ. И любить, и бережетъ его курица, какъ и прочихъ, и если завидитъ ястреба, то, распутивши перья и широко раздвинувъ круглыя крылья, прячетъ подъ себя всѣхъ своихъ цыплятъ, не разбирая, какія у кого ноги.

Стала курочка дѣтокъ учить, какъ изъ земли червячковъ выкапывать, и повела всю семью на берегъ пруда: „тамъ-де червей больше и земля мягче“. Какъ только коротконогій цыпленокъ завидѣлъ воду, такъ прямо и кинулся въ нее. Курица кричитъ, крыльями машетъ, къ водѣ кидается; цыплята тоже перетревожились: бѣгаютъ, суется, пицать, и одинъ пѣтушокъ съ испугу даже вскочилъ на камешекъ, вытянулъ шейку и въ первый еще разъ въ своей жизни заоралъ осиплымъ голосомъ: „ку-ку-ре-ку! Помогите, моль, добрые люди! братецъ тонетъ!“ Но братецъ не утонулъ, а превесело и легко, какъ клочъ хлопчатой бумаги, плавалъ себѣ по водѣ, загребая воду своими широкими, перепончатыми лапками. На крикъ курицы выбѣжала изъ избы старая Дарья, увидѣла, что дѣлается, и закричала: „Ахъ-ти, грѣхъ какой! видно, это я сослѣпу подложила утиное яйцо подъ курицу“.

А курица такъ и рвалась къ пруду; насилу могли отогнать бѣдную.

Г А Д Ю К А.

(Изъ разсказовъ хуторянина).

Вокругъ нашего хутора, по яругамъ и мокрымъ мѣстамъ, водилось не мало змѣй. Я не говорю объ ужахъ: къ безвредному ужу у насъ такъ привыкли, что и змѣей-то его не зовутъ. У него есть во рту небольшіе острые зубы, онъ ловитъ мышей и даже птичекъ и, пожалуй, можетъ прокусить кожу; но нѣтъ яду въ этихъ зубахъ, и укушеніе ужа совершенно безвредно. Ужей у насъ было множество; особенно въ кучахъ соломы, что лежала около гумна: какъ пригрѣветъ солнышко, такъ они и выползутъ оттуда; шипятъ, когда подойдешь, языкъ или жало показываютъ, но вѣдь не жаломъ змѣи кусаютъ. Даже въ кухнѣ подъ поломъ водились ужи, и какъ стануть, бывало, дѣти, сидя на полу, молоко хлебать, такъ ужъ и выползаютъ и къ чашкѣ голову тянутъ, а дѣти его ложкой по лбу.

Но водились у насъ не одни ужи: водилась и ядовитая змѣя, черная, большая, безъ тѣхъ желтыхъ полосокъ, что видны у ужа около головы. Такую змѣю зовутъ у насъ *гадюкою*. Гадюка нерѣдко кусала скотъ, и если не успѣютъ, бывало, позвать съ села стараго дѣда Охрима, который зналъ какое-то лѣкарство противъ укушенія ядовитыхъ змѣй, то скотина непременно падетъ—раздуетъ ее, бѣдную, какъ гору. Одинъ мальчикъ у насъ такъ и умеръ отъ гадюки. Укусила она его около самага плеча, и прежде чѣмъ пришелъ Охримъ, опухоль перешла съ руки на шею и грудь: дитя стало бредить, метаться и черезъ два дня померло. Я въ дѣтствѣ много наслушался про гадюку и боялся ихъ страшно, какъ будто чувствовалъ, что мнѣ придется встрѣтиться съ опасной гадюкой.

Косили у насъ за садомъ, въ сухой балкѣ, гдѣ весной всякій годъ бѣжитъ ручей, а лѣтомъ только сыровато и растетъ высокая, густая трава. Всякая косовица была для меня праздникомъ, особенно какъ сгребутъ сѣно въ копны. Тутъ, бывало, и станешь бѣгать по сѣнокоосу и со всего размаху кидаться въ копны и барах-

таться въ душистомъ сѣнѣ, пока не прогонять бабы, чтобы не разбивалъ копенъ. Вотъ такъ-то и въ этотъ разъ бѣгалъ я и кувыркался: бабъ не было, косари пошли далеко, и только наша черная, большая собака Бровка лежала на копнѣ и грызла кость. Кувыркнулся я въ одну копну, повернулся въ ней раза два и вдругъ вскочилъ съ ужасомъ. Что-то холодное и скользкое махнуло меня по рукѣ. Мысль о гадюкѣ мелькнула въ головѣ моей, и что же? Огромная гадюка, которую я обезпokoилъ, вылѣзла изъ сѣна и, подымаясь на хвостъ, готова была на меня кинуться. Въмѣсто того, чтобы бѣжать, я стою, какъ окаменѣлый, будто гадина зачаровала меня своими безвѣковыми, неморгающими глазами. Еще бы минута—и я погибъ; но Бровка, какъ стрѣла, слетѣлъ съ копны, кинулся на змѣю, и завязалась между ними смертельная борьба. Собака рвала змѣю зубами, топтала лапами; змѣя кусала собаку и въ морду, и въ грудь, и въ животъ. Но черезъ минуту только клочки гадюки лежали на землѣ, а Бровка кинулся бѣжать и исчезъ.

Тутъ только воротился ко мнѣ голосъ; я сталъ кричать и плакать; прибѣжали косари и косами добили еще трепещущіе куски змѣи.

Но страннѣе всего, что Бровка съ этого дня пропалъ и скитался неизвѣстно гдѣ. Только черезъ двѣ недѣли воротился онъ домой: худой, тощій, но здоровый. Отецъ говорилъ мнѣ, что собаки знаютъ траву, которою онѣ лѣчатся отъ укушенія гадюки.

БОГАТСТВО.

Одинъ небогатый молодой человекъ встрѣтился съ своимъ прежнимъ учителемъ и горько жаловался ему на свои неудачи въ жизни. Онъ былъ когда-то лучшимъ ученикомъ въ школѣ, и тѣ, которые учились гораздо хуже его, пользовались теперь богатствомъ и извѣстностью, тогда какъ онъ во всемъ терпѣлъ недостатокъ.—„Неужели же ты въ самомъ дѣлѣ такъ бѣденъ, какъ говоришь?“ сказалъ ему учитель: „ты, кажется, пользуешься очень хорошимъ здоровьемъ, и эта рука“, продолжалъ учитель, взявъ за правую руку своего бывшаго ученика: „сильна и способна къ работѣ. Позволилъ-ли бы ты отрѣзать ее за тысячу рублей?“—„Сохрани Боже! ни за десять!“

отвѣчалъ молодой человѣкъ.— „А за сколько же отдашь бы ты твои зоркіе глаза, которые такъ ясно видятъ Божій міръ,—твой острый слухъ и твои молодыя ноги? Я думаю, ты не промѣнялъ бы ихъ и за цѣлое королевство?“ — „Конечно, нѣтъ“, отвѣчалъ юноша.— „Какъ же ты жалуешься на свою бѣдность, обладая такими богатствами?“

ДОВРОСОВѢСТНЫЙ ДИКАРЬ.

Дикій индѣецъ попросилъ у своего сосѣда табаку. Сосѣдъ былъ человѣкъ не скупой, полѣзъ въ карманъ и вынулъ оттуда полную горсть. На другое утро первый опять пришелъ къ своему сосѣду и принесъ ему серебряную монету, которую нашель въ табакъ. „Почѣму же ты не оставилъ ее у себя?“ спросилъ случившійся при этомъ бѣлый человѣкъ: „тотъ, кто подарилъ тебѣ табакъ, подарилъ и деньги“.—Тогда дикарь положилъ руку на сердце и сказалъ: „здѣсь у меня сидятъ два человѣка—добрый и злой. Добрый говорилъ мнѣ: деньги тебѣ не принадлежатъ; отдай ихъ тому, чьи онѣ. Злой человѣкъ говорилъ: тебѣ ихъ отдали,—онѣ твои. Добрый сказалъ на это: неправда, табакъ твой, а деньги не твои. Злой человѣкъ опять сказалъ: не безпокойся, поди и купи себѣ водки. Я не зналъ, на что рѣшиться, и легъ спать. Но злой и добрый человѣкъ не переставали драться у меня въ сердцѣ и не дали заснуть всю ночь; утромъ я вскочилъ и понесъ деньги назадъ“.

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Два путешественника шли вмѣстѣ и остановились ночевать въ одной гостинницѣ. Ночью ихъ разбудилъ крикъ, и они узнали, что въ деревнѣ пожаръ. Одинъ изъ путешественниковъ поспѣшно сталъ одѣваться, чтобы идти на помощь; другой удерживалъ его, говоря: „пойдемъ нашей дорогой; тутъ и безъ насъ людей довольно. Какое намъ дѣло до чужихъ?“ Но товарищъ не послушалъ его и поспѣшилъ къ горящему дому. Передъ домомъ, который уже весь былъ объятъ пламенемъ, стояла женщина и въ отчаяніи кричала:

„дѣти мои, дѣти мои!“ Услышавъ эти крики, чужестранецъ въ ту же минуту кинулся въ огонь, не смотря на яростное пламя и обрушивающіяся балки. „Онъ погибъ! навѣрное погибъ!“ кричали многіе; но черезъ минуту путешественникъ съ обгорѣвшими волосами и пылающимъ платьемъ показался изъ огня, а въ рукахъ у него было двое дѣтей, которыхъ онъ передалъ рыдающей матери. Несчастная женщина сначала обняла дѣтей, какъ будто еще не вѣря, что они возвращены ей, а потомъ бросилась къ ногамъ чужестранца. Въ эту самую минуту рухнулъ горѣвшій домъ.

— Кто приказалъ тебѣ броситься на такое безумное дѣло? спросилъ чужестранца его товарищъ.

— Господинъ огня! отвѣчалъ мужественный человѣкъ:—Онъ же и Господинъ дома, Отецъ дѣтей и Спаситель! Онъ сказалъ въ моемъ сердцѣ: „иди“, а я только исполнилъ Его волю.

ДѢДУШКА И ВНУЧЕКЪ.

Жилъ былъ на свѣтѣ дряхлый старичокъ. Глаза его помутнились отъ старости, колѣна тряслись и слышалъ онъ, бѣдный, плохо. Когда онъ сидѣлъ за столомъ, то едва могъ держать въ рукѣ ложку, проносилъ ее мимо рта и проливалъ супъ на скатерть. Сынъ его и невѣстка смотрѣли на него съ отвращеніемъ и, наконецъ, помѣстили его въ уголкѣ за печкой, куда приносили ему скудную пищу въ старой глиняной мискѣ.

У старика часто навертывались слезы на глаза и онъ грустно посматривалъ въ ту сторону, гдѣ накрытъ былъ столъ. Однажды миска, которую слабо держали его руки, упала и разбилась въдребезги. Молодая невѣстка разразилась упреками несчастному старику. Онъ не смѣлъ отвѣтить и, только вздохнувши, поникъ головой. Ему купили деревянную миску, изъ которой онъ съ той поры и ѣлъ постоянно.

Нѣсколько дней спустя, сынъ его и невѣстка увидѣли, что ребенокъ ихъ, которому было четыре года, сидя на землѣ, складывалъ дощечки. „Что ты дѣлаешь?“ спросилъ его отецъ.

— Коробочку, отвѣчалъ онъ,—чтобы кормить изъ нея папашу съ мамашей, когда они состарятся.

Мужъ и жена молча переглянулись, потомъ заплакали; и съ тѣхъ поръ стали опять сажать старика за свой столъ и никогда больше не обращались съ нимъ грубо.

РАСКАЯНИЕ.

Отецъ своими руками насадилъ цѣлый рядъ плодовыхъ деревьевъ лучшей породы. Онъ очень обрадовался, когда черезъ три или четыре года показались на нихъ первые плоды; хотя, какъ обыкновенно на молодыхъ деревьяхъ, этихъ плодовъ было немного, но отцу очень хотѣлось попробовать, каковы они будутъ на вкусъ.

Плоды еще не созрѣли, когда въ садъ забрался сынъ сосѣда—мальчикъ шаловливый и злой. Онъ подговорилъ хозяйскаго сына, который былъ моложе его, и они вдвоемъ такъ усердно похлопотали около маленькихъ деревьевъ, что на нихъ остались одни листья. Пришелъ хозяинъ сада и, взглянувъ на опустѣвшія деревья, очень огорчился. „Безсовѣстные дѣти“, сказалъ онъ, „вы лишили меня удовольствія, котораго я такъ долго ожидалъ!“ Эти слова, сказанныя безъ гнѣва, но съ горечью, глубоко запали въ сердце хозяйскаго сына. Онъ побѣжалъ къ своему злому сосѣду и сказалъ ему:

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ огорчился батюшка, когда увидалъ, что мы надѣлали! Теперь у меня не будетъ ни минуты покоя. Батюшка не будетъ любить меня больше, какъ прежде, но навѣрное накажетъ презрѣниемъ, которое я вполне заслужилъ.

— Глупъ, братъ, ты, я вижу! отвѣчалъ ему сынъ сосѣда:—почемъ же узнаетъ твой отецъ, кто это сдѣлалъ? Ты только, смотри, самъ не проговорись.

Но когда Володя (такъ звали хозяйскаго сына) воротился домой и увидѣлъ, что отецъ его встрѣчаетъ по-прежнему дружески, то въ сердцѣ у него что-то кольнуло и онъ почувствовалъ, что самъ не можетъ побѣждать къ отцу съ прежнею радостію.

— Какъ же мнѣ, подумалъ онъ,—смотрѣть весело на того, кого

я такъ огорчилъ. О, нѣтъ! Я не могу попрежнему веселиться. Что-то давить мнѣ сердце.

Черезъ нѣсколько времени отецъ пошелъ съ дѣтьми въ садъ и далъ каждому изъ нихъ по нѣсколько прекрасныхъ плодовъ, въ томъ числѣ и Володѣ. Дѣти прыгали весело и ѣли, но Володя закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Что съ тобою, дитя мое; о чемъ ты плачешь? спросилъ его заботливо отецъ. Володя не могъ выдержать болѣе душевной муки и, рыдая, сказалъ отцу: „Ахъ! я не стою того, чтобы ты называлъ меня своимъ сыномъ, и не могу переносить долѣе, что ты считаешь меня добрымъ мальчикомъ, когда я сдѣлалъ такое злое дѣло. Батюшка, милый батюшка! не ласкай меня больше, не дари мнѣ ничего, накажи меня, чтобы я могъ къ тебѣ опять приходиться спокойно; избавь меня отъ мученій, которыя я чувствую. Накажи меня за мой безсовѣстный поступокъ, потому что я... я обобралъ молодые деревья!“ Услышавъ это, отецъ взялъ сына за руку, ласково привлекая его къ себѣ, обнялъ и сказалъ: „Я прощаю тебя, дитя мое, и дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось въ другой разъ что-нибудь скрывать отъ меня; тогда мнѣ не будетъ жаль моихъ яблоковъ“.

ПАУКЪ.

Мальчикъ пошелъ со своимъ отцомъ въ виноградникъ. Тамъ увидалъ онъ пчелу, запутавшуюся въ паутину. Паукъ уже готовился вонзить свои ядовитые зубы въ тѣло бѣднаго насѣкомаго; но мальчикъ разорвалъ сѣти хищника и освободилъ пчелу.

— Ты очень мало цѣнишь искусство этого насѣкомаго, разрывая его хитрую сѣть! сказалъ отецъ мальчику:—развѣ ты не видишь, какъ правильно и красиво переплетены эти тонкія ниточки?

— Я думаю, отвѣчалъ мальчикъ,—что паукъ такъ искусно плететъ свою сѣть для того, чтобы ловить въ нее и потомъ убивать другихъ насѣкомыхъ, а пчелка собираетъ медъ и воскъ. Вотъ почему я освободилъ пчелку и разрушилъ хитрое тканье паука.

Отцу понравилось сужденіе мальчика.—Правда твоя, сказалъ

онъ сыну;—но, можетъ быть, ты поступилъ съ паукомъ не совсѣмъ справедливо. Развѣшивая свою ткань по вѣтвямъ виноградника, онъ защищаетъ зрѣющія кисти отъ мухъ и осъ и истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ.

— Дѣлаетъ ли онъ это для того, спросилъ мальчикъ,—чтобы сберечь для насъ виноградъ, или для того, чтобы самому поживиться осами и мухами?

— Конечно, отвѣчалъ отецъ,—ему нѣтъ дѣла до нашего винограда.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ мальчикъ,—добро, которое дѣлаетъ паукъ, не можетъ быть вмѣнено ему въ заслугу.

— Правда твоя, отвѣчалъ отецъ:—мы должны благодарить за это природу, которая и вредныхъ созданій умѣетъ заставить дѣлать добро и приносить пользу.

— Но скажите, батюшка, продолжалъ мальчикъ,—почему паукъ въ одиночку тклетъ свою паутину, тогда какъ пчелы цѣлымъ обществомъ дѣлаютъ свои соты?

— Потому, отвѣчалъ отецъ,—что только добрая цѣль можетъ прочно соединить многихъ: союзъ злыхъ разрушается самъ собою.

ПѢСНЯ ПТИЧКИ.

Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большого венгерскаго города сидѣлъ бѣдный заключенный. Злые люди заковали его въ цѣпи и бросили въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ было сыро, темно и холодно. Вмѣсто постели, ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлѣбъ и воду. Онъ сидѣлъ тамъ много лѣтъ—блѣдный, больной, грустный. Солнце рѣдко свѣтило въ его узкое окошко, свѣжій воздухъ не проходилъ въ тюрьму. Печально думалъ онъ о своихъ милыхъ родныхъ, о маленькихъ дѣтяхъ своихъ; думалъ, что можетъ быть давно уже всѣ забыли его, считая умершимъ. Что-то дѣлается на землѣ, на родинѣ?

Онъ подошелъ къ окну. Былъ чудный лѣтній вечеръ. Солнце садилось за лѣсомъ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ его вершины;

люди шли и ѣхали по улицамъ. Тюрьма была высокая, и люди казались внизу маленькими. Онъ закричалъ имъ, но никто его не услышалъ. Въ синемъ небѣ летали птицы. Передъ окномъ тихо пролеталъ орель.

— Орель, орель!—закричалъ ему заключенный:—сядь ко мнѣ на окошко, Расскажи, что тамъ дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню.

„Нѣтъ“, отвѣчалъ орель: „окно твое очень мало—мнѣ негдѣ сѣсть. Я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, потому что рѣдко спускаюсь на землю. Я вью гнѣздо свое на высочайшихъ скалахъ и старыхъ дубахъ, подальше отъ злыхъ людей, чтобы они не разорили моего гнѣзда. Я не спою тебѣ пѣсни, потому что никогда не пою на землѣ. Я поднимаюсь высоко, высоко, и мои пѣсни слышитъ только вѣчное солнце...“

И могучими взмахами широкихъ крыльевъ орель гордо поднялся къ небу и скрылся изъ глазъ.

— Лебедь, лебедь! Расскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню!

„Нѣтъ“, отвѣчалъ лебедь: „я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ. Я плаваю всегда на водѣ, чистой, прохладной водѣ, между зелеными камышами. Когда вода утромъ, на зарѣ, станетъ розовая, я громко кричу зарѣ: здравствуй! Я не спою тебѣ пѣсни,—я спою пѣсню, когда стану умирать...“ И лебедь поплылъ по воздуху, блистая бѣлыми крыльями.

— Воробушки, воробушки! сядьте на окошко, расскажите, что дѣлается на землѣ? Спойте пѣсенку. „Чиликъ, чиликъ! Намъ некогда! Намъ еще нужно поклевать зернышекъ, которыя мельникъ нечаянно рассыпалъ...“

Но вдругъ порхнула сѣренькая птичка, повертѣлась передъ окномъ и сѣла на желѣзную рѣшетку.

— Здравствуй, соловушекъ! Спасибо тебѣ, милая птичка, что навѣстила меня! Расскажи, что дѣлается на землѣ, спой мнѣ пѣсенку.

„Я расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, я спою тебѣ пѣсенку“, началъ соловушекъ.

И полились такі звуки, что бѣдный заключенный заплакалъ отъ радости, упалъ на солому и все плакалъ, и все слушалъ...

„Вчера утромъ, на зарѣ“, пѣлъ соловушекъ, — „было такъ свѣжо и прохладно! Я прилетѣлъ къ твоему домику, сѣлъ на зеленый орѣховый кустъ передъ раскрытымъ окошкомъ и все пѣлъ, и пѣлъ. Въ колыбелькѣ твоей малютка, — онъ раскрылъ свои большіе, свѣтлые глазки и спрашивалъ: „гдѣ папа?“ и слушалъ мои пѣсни...

„Твои родные плачутъ, вспоминая о тебѣ. Они тебя любятъ, очень любятъ, очень хотятъ тебя видѣть. Не унывай! Богъ видитъ, какъ ты повиненъ; злые люди отпугнутъ тебя, и ты опять выйдешь на волю, на свѣтъ, на свѣжій воздухъ.

„Дѣти твои будутъ тебя ласкать и цѣловать. Будетъ тихій, лѣтній вечеръ, длинныя тѣни протянутся отъ деревьевъ, на солнцѣ засверкаютъ стекла окошекъ; ты будешь на крыльцѣ рассказывать дѣтямъ, какъ ты страдалъ.

„Будешь ихъ учить, чтобы они, когда выростутъ, не давали злымъ людямъ дѣлать злыя дѣла; чтобы они не сердились на злыхъ людей, а просили бы Бога, чтобы всѣ люди любили другъ друга, какъ братъ брата...

„И дѣти твои послушаютъ тебя. Когда они выростутъ, ты увидишь ихъ добрыми и честными, увидишь, какъ они будутъ помогать бѣднымъ. Ты будешь жить долго, долго! Волосы твои посѣдѣютъ, но сердце будетъ радостно биться.

„И когда ты умрешь, всѣ будутъ о тебѣ плакать и молиться; и понесутъ тебя на зеленое кладбище въ свѣтлый, солнечный день. Надъ могилой твоей посадятъ розовый кустъ, и я буду по зарямъ пѣть надъ твоей могилой...”

ОСЬ И ЧЕКА.

Ѣхалъ извозчикъ Семень съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному степному мѣсту. Бѣда не по лѣсу ходить; а найдетъ бѣда, растворитъ ворота, такъ одно за другимъ на тебя и валится. Задумилась у извозчика ось, а до деревни далеко. Какъ ни бился

сердечный, что ни дѣлалъ — нѣтъ, ничѣмъ не уйдетъ; кладь тяжелая, а какъ разъ уже загорѣлась ось, то, извѣстно, хоть брось тотчасъ: залеть, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; справился кой-какъ — съ версту проѣхалъ, опять стой, опять то-же!

Наѣзжаетъ сзади шажкомъ другой извозчикъ, Архипка, по пути. Семень оглянулся, а у того ось запасная сбоку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человекъ — догадался Семень нашъ, что надо было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: „Уступи, братъ, ось запасную, сдѣлай милость; вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь бери, только уступи“. Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: — Да, говоритъ, не ладно у тебя дѣло; пожалуй возьми, коли хочешь... за два цѣлковыхъ!

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказать сказалъ, какъ слышали: „что хочешь возьми, только подай“, да онъ, видишь, думалъ, что сѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, по-христіански — не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то! — „Помилуй“, говоритъ, „да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ!“ — За моремъ телушка — полушка, — сказалъ тотъ, — да рубль перевозу. Поди да купи, коли нашелъ за полтинникъ. А самъ-было и поѣхалъ дальше. Семень за нимъ, и проситъ, и кланяется — нѣтъ: два цѣлковыхъ да и полно. Кинулъ нашъ мужикъ шапку объ земь, такъ ему жаль было денегъ, — да дѣлать нечего: не ночевать тутъ; досталъ рублевники и отдалъ. — „На“, говоритъ, „землякъ, Господь съ тобой; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями“. — Не видалъ я твоихъ рублей, — молвилъ тотъ, — нешто я тебя неволю, что-ли? На возьми ихъ, да подай сюда ось, я при своемъ буду, а ты при своемъ. — „Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь: бѣда неволишь. Быть такъ, ступай съ Богомъ, спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ-бы я здѣсь сутки. Пособи, пожалуйста, поднять

передокъ, да подвести ось“. Тотъ пособилъ, справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись—Архинка хватъ—чеки нѣтъ на задней оси, колесо скатилось, телѣга лежитъ на боку.—„Стой!“ кричитъ онъ Семену, „стой, братъ, вотъ и у меня бѣда случилась. Какъ тутъ быть! Чеки-то у меня запасной нѣтъ, и тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! у меня топоръ есть, подай-ка, пожалуйста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ; я какъ разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ“.—Пожалуй,—говоритъ Семень,—возьми; только ты миѣ за нее три цѣлковыхъ подай. „Съ ума что ли ты, братъ, спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ!“—Вольному воля, сказалъ Семень:—при тебѣ деньги, при миѣ товаръ. Поди, можетъ статься, гдѣ купишь и за грошъ.

Ударилъ Архинъ руками объ полъ—хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь, либо сядь да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталъ онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ и отдалъ Семену.

ЧТО ЗНАЕШЬ, О ТОМЪ НЕ СПРАШИВАЙ.

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой идетъ ему на встрѣчу.—„Здорово!“—Здорово!—„А что везешь?“—Дрова.—„Какія дрова, вѣдь у тебя сѣно!“—А коли видишь, что сѣно, такъ зачѣмъ и спрашиваешь.

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про себя: „а вѣдь и вправду, для чего-жъ я спрашивалъ?“

МЕДВѢДЬ И БРЕВНО.

Идетъ медвѣдь по лѣсу и разнохиваетъ: нельзя-ли чѣмъ съѣстнымъ поживиться? Чуетъ—медъ! Поднялъ Миша морду кверху и видитъ на соснѣ улей, подъ ульемъ гладкое бревно на веревкѣ виситъ; но Мишѣ до бревна дѣла нѣтъ. Полѣзъ медвѣдь на сосну, долѣзъ до бревна: нельзя лѣзть выше—бревно мѣшаетъ. Миша

оттолкнулъ бревно лапой; бревно легонько откатнулось назадъ—и стукъ медвѣдя по башкѣ. Миша оттолкнулъ бревно покрѣпче—бревно ударило Мишу по сильнѣе. Разсердился Миша и хватилъ бревно изо всей силы; бревно откатнулось сажени на двѣ назадъ—и такъхватило Мишу, что чуть онъ съ дерева не свалился. Разсвирѣпѣлъ медвѣдь, забылъ и про медъ, хочется ему бревно доканиать: ну его валять, что есть силы, и безъ сдачи ни разу не остался. Дрался Миша съ бревномъ до тѣхъ поръ, пока весь избитый не свалился съ дерева; а подъ деревомъ-то были колышки натыканы—и заплатилъ медвѣдь за безумный гнѣвъ своею теплою шкурою.

БАЙКА О ЩУКѢ ЗУБАСТОЙ.

Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что бѣда! Стала она расти не по днямъ, а по часамъ, что день, то на вершокъ прибавляется. И стала щука зубастая въ Шекснѣ похаживать, лещей, окуней полавливать: издали завидитъ леща, да и хватъ его—только хруститъ на зубахъ; не то что лещей, стала ловить утокъ, гусей, всякую водяную птицу. Разлетѣлась водяная птица, а рыбамъ мелкимъ куда дѣваться? Собралась вся мелкая рыбешка и стала думу думать; пришелъ на совѣтъ и Ершъ Ершовичъ и заоралъ: „полноте думу думать, голову ломать, мозги портить; послушайте-ка, что я вамъ скажу. Не житье намъ больше въ Шекснѣ, не даетъ проходу зубастая щука; переберемтесь-ка лучше изъ Шексны въ мелкія рѣчки: Сизму, Колому да Славянку“. Вотъ и пошла рыба сама изъ Шексны въ мелкія рѣчки; много ея по дорогѣ рыбаки поймали, славную сварили уху! да на томъ и заговѣлись. Съ тѣхъ поръ въ Шекснѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы. Закинетъ рыбакъ удочку, да ничего и не вытащитъ; когда-когда попадется остроносая стерлядка, да и тѣмъ и ловлѣ шабашъ! Вотъ что надѣлала въ Шекснѣ щука зубастая.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ.

Жилъ кузнецъ припѣваючи, никакого лиха не зналъ. „Что это“, говоритъ кузнецъ, „никакого я лиха на вѣку своемъ въ глаза

не видалъ! Хоть посмотрѣть-бы, какое тамъ такое лихо на свѣтѣ“. Вотъ и пошелъ кузнецъ лиха искать. Шель, шель, зашелъ въ дремучій лѣсъ: почь близко, а почевать негдѣ и ѣсть хочется. Смотритъ по сторонамъ и видитъ, неподалеку стоитъ большая изба. Постучалъ—никто не отзывается; отворилъ дверь, вошелъ—пусто, не хорошо! Забрался кузнецъ на печь и легъ спать не ужинавши.

Сталь-было уже засыпать кузнецъ, какъ дверь отворилась и вошло въ избу цѣлое стадо барановъ, а за ними Лихо, баба огромная, страшная, объ одномъ глазѣ. Поюхало Лихо по сторонамъ и говорить: „Э, да у меня никакъ гости; будетъ мнѣ, Лиху, что позавтракать; давненько я человѣческаго мяса не ѣдала“. Вздудо Лихо лучину и стащило кузнеца съ печи словно ребенка малаго. „Добро пожаловать, нежданный гость; спасибо, что забрелъ; чай ты проголодался и отоцалъ“, и щупаетъ Лихо кузнеца, жиренъ-ли; а у того отъ страху всѣ животики подвело. „Ну, нечего дѣлать, давай сперва поужинаемъ“, говорить Лихо; принесло большое беремья дровъ, затопило печь, зарѣзало барана, убрало и изжарило.

Сѣли ужинать. Лихо по четверть барана заразъ въ ротъ кладетъ, а кузнецу кусокъ въ горло не идетъ, даромъ что цѣлый день ничего не ѣлъ. Спрашиваетъ Лихо у кузнеца: „кто ты таковъ, добрый человѣкъ?“—Кузнецъ.—„А что умѣешь ковать?“—Да все умѣю.—„Скуй мнѣ глазъ!“—Изволь, говорить кузнецъ, да есть-ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я-бы тебѣ вковалъ глазъ. Лихо принесло двѣ веревки, одну толстую, а другую потоньше. Кузнецъ взялъ веревку потоньше, связалъ Лихо, да и говорить: „а ну-ка, бабушка, повернись!“ Повернулось Лихо и разорвало веревку. Вотъ кузнецъ взялъ уже толстую веревку, скрутилъ бабушку хорошенько. „А ну-ка, теперь повернись!“ Повернулось Лихо и не разорвало веревокъ. Тогда кузнецъ нашель въ избѣ желѣзный шкворень, разжегъ его въ печи до бѣла, поставилъ Лиху на самый глазъ, на здоровый, да какъ ударить по шкворню молотомъ—такъ глазъ только зашипѣлъ. Повернулось Лихо, разорвало всѣ веревки, вскочило какъ бѣшеное, сѣло на

порогъ и крикнуло: „хорошо-же, злодѣй! теперь ты не уйдешь отъ меня“.

Пуще прежняго испугался кузнецъ, сидитъ въ углу ни живъ, ни мертвъ; такъ всю ночь и просидѣлъ, даромъ, что спать хотѣлось. По утру стало Лихо выпускать барановъ на пашню, да все по одному; пощупаетъ, точно-ли баранъ, схватить за спину, да и выкинетъ за двери. Кузнецъ вывернулъ свой тулупъ шерстью вверхъ, надѣлъ въ рукава и пошелъ на четверенькахъ. Лихо пощупало: чуетъ—баранъ; схватило кузнеца за спину, да и выкинуло изъ избы... Вскочилъ кузнецъ, перекрестился, и давай Богъ поги! Прибѣжалъ домой; знакомые его спрашиваютъ: „отъ чего это ты посѣдѣлъ?“—„У Лиха переночевалъ“, говорить кузнецъ: „знаю я теперь, что такое Лихо: и ѣсть хочется, да не ѣшь, и спать хочется, да не спишь“.

ВАРЕННЫЙ ТОПОРЬ.

Пришелъ солдатъ въ село на квартиру и говорить хозяйкѣ: „Здравствуй, божья старушка! дай-ка мнѣ чего-нибудь поѣсть“. А старуха въ отвѣтъ:—вотъ тамъ, родимый, на гвоздикѣ повѣсь.—„Аль ты совсѣмъ глуха, что не чуешь?“—Гдѣ хочешь, тамъ и заночуешь.—„Ахъ ты, старая дура! погоди, я те глухоту-то вылѣчу“. И полѣзъ было солдатъ къ ней съ кулаками: „подавай, старая, на столъ!“—Да нечего, родимый!—„Вари кашницу!“—Да не изъ чего, родимый!—Давай топоръ, я изъ топора сварю.—„Что за диво! думаетъ старуха, дай-ка посмотрю, какъ онъ изъ топора кашу сварить, и принесла топоръ. Солдатъ положилъ топоръ въ горшокъ, налилъ воды, поставилъ въ печь и давай варить. Варилъ, варилъ, попробовалъ и говорить: „всѣмъ бы кашница взяла, только бы крупъ подсыпать“. Принесла баба крупъ. Солдатъ опять сталь варить, попробовалъ и говорить: „совсѣмъ бы каша готова, только бы маслицомъ едобрить“. Принесла ему баба и масла. Сварилъ солдатъ кашу: „ну, старуха, говорить, давай теперь хлѣба да соли, да берись за ложку: станемъ кашницу ѣсть“. Похлебали вдвоемъ кашу, старуха и спра-

пиваетъ: „а что же, служивый, когда топоръ будемъ ѣсть?“ Солдаты ткнувъ въ топоръ вилкою и говорятъ: „еще не доварился, сама завтра довари!“

ОХОТНИКЪ ДО СКАЗОКЪ.

Жилъ себѣ старикъ со старухой, и былъ старикъ большой охотникъ до сказокъ и всякихъ розказней. Приходитъ зимою къ старику солдатъ, просится ночевать. „Пожалуй, служба, почуй“, говоритъ старикъ, „только съ уговоромъ: всю ночь мнѣ разсказывай; ты человѣкъ бывалый, много видѣлъ, много знаешь“. Солдатъ согласился. Поужинали старикъ съ солдатомъ и легли они оба на полаты рядышкомъ, а старуха сѣла на лавкѣ и стала при лучинѣ пряхть.

Долго разсказывалъ солдатъ старику про свое житье-бытье, гдѣ былъ и что видѣлъ. Разсказывалъ до полуночи, а потомъ помолчалъ немного и спрашиваетъ у старика: „а что, хозяинъ, знаешь-ли, кто съ тобою на полатахъ лежитъ?“ — Какъ кто? спрашиваетъ хозяинъ: вѣстимо солдатъ. — „Анъ, нѣтъ, не солдатъ, а волкъ“. Поглядѣлъ мужикъ на солдата — и точно волкъ. Испугался старикъ, а волкъ ему и говоритъ: „да ты, хозяинъ, не бойся, погляди на себя, вѣдь и ты медвѣдь“. Оглянулся на себя мужикъ — и точно сталъ онъ медвѣдемъ.

„Слушай, хозяинъ, говоритъ тогда волкъ, не приходится намъ съ тобою на полатахъ лежать; чего добраго придуть въ избу люди, такъ намъ смерти не миновать. Убѣжимъ-ка лучше, пока цѣлы“. Вотъ и побѣжали волкъ съ медвѣдемъ въ чистое поле. Бѣгутъ, а на встрѣчу имъ хозяинова лошадь. Увидѣлъ волкъ лошадь и говоритъ: „давай съѣдимъ!“ — Нѣтъ, вѣдь это моя лошадь, говоритъ старикъ. — „Ну такъ чтожь, что твоя, голодь не тетка“. Съѣли они лошадь и бѣгутъ дальше, а на встрѣчу имъ старуха, старинова жена. Волкъ опять и говоритъ: „Давай старуху съѣдимъ“. — Какъ ѣсть? да вѣдь это моя жена, говоритъ медвѣдь. — „Какая твоя!“ отвѣчаетъ волкъ. Съѣли и старуху.

Такъ-то пробѣгали медвѣдь съ волкомъ цѣлое лѣто. Настаетъ зима. „Давай, говоритъ волкъ, заляжемъ въ берлогу; ты полѣзай дальше, а я спереди лягу. Когда найдутъ на насъ охотники, то меня перваго застрѣлятъ, а ты смотри: какъ меня убьютъ, да начнутъ шкуру сдирать, выскочи изъ берлоги, да черезъ шкуру мою переметнись — и станешь опять человѣкомъ“. Вотъ лежатъ медвѣдь съ волкомъ въ берлогѣ; набрали на нихъ охотники, застрѣлили волка и стали съ него шкуру снимать. А медвѣдь какъ выскочить изъ берлоги, да кувыркомъ черезъ волчью шкуру... и полетѣлъ старикъ съ полатей внизъ головой. „Ой, ой!“ завопилъ старый, „всю спинушку отбилъ“. Старуха перепугалась и вскочила. — „Что ты? что съ тобой, родимый? отчего упалъ? кажись и пьянъ не былъ!“ — „Какъ отчего? говоритъ старикъ, да ты, видно, ничего не знаешь! и сталъ старикъ разсказывать: — мы-де съ солдатомъ звѣремъ были; онъ волкомъ, я медвѣдемъ; лѣто цѣлое пробѣгали, лошадушку нашу съѣли и тебя, старуха, съѣли“. Взялась тутъ старуха за бока и ну хохотать. — Да, вы, говоритъ, оба уже съ часъ мѣста на полатахъ во всю мочь храпите, а я сидѣла да пряхла.

Больно расшибся старикъ: пересталъ онъ съ тѣхъ поръ до полуночи сказки слушать.

НИКИТА КОЖЕМЯКА.

Въ старые годы проявился недалеко отъ Кіева страшный змѣй. Много народа изъ Кіева потаскалъ въ свою берлогу, потаскалъ и поѣлъ. Утащилъ змѣй и царскую дочь, но не съѣлъ ее, а крѣпко-на-крѣпко заперъ въ своей берлогѣ. Увязалась за царевной изъ дому маленькая собаченка. Какъ улетитъ змѣй на промыселъ, царевна напишетъ записочку къ отцу, къ матери; привяжетъ записочку къ собаченкѣ на шею и пошлетъ ее домой. Собаченка записочку отнесетъ и отвѣтъ принесетъ.

Вотъ разъ царь и царица пишутъ къ царевнѣ: „узнай-де отъ змѣя, кто его сильнѣй“. Стала царевна отъ змѣя допытываться, и допыталась: „есть, говоритъ змѣй, въ Кіевѣ Никита Кожемяка—

тотъ меня сильнѣй“. Какъ ушелъ змѣй на промыселъ, царевна и написала къ отцу, къ матери записочку: „есть-де въ Кіевѣ Никита Кожемяка; онъ одинъ сильнѣе змѣя; пошлите Никиту меня изъ неволи выручить“.

Сыскалъ царь Никиту и самъ съ царицею пошелъ его просить: выручить ихъ дочку изъ тяжелой неволи. Въ ту пору мялъ Кожемяка разомъ двѣнадцать воловьихъ кожъ. Какъ увидаль Никита царя—испугался: руки у Никиты задрожали — и разорвалъ онъ разомъ все двѣнадцать кожъ. Разсердился тутъ Никита, что его испугали и ему убытку надѣлали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну—не пошелъ.

Вотъ и придумалъ царь съ царицею собрать пять тысячъ малолѣтнихъ сиротъ—осиротилъ ихъ лютый змѣй—и послали ихъ просить Кожемяку освободить всю русскую землю отъ великой бѣды. Сжалился Кожемяка на сиротскія слезы, самъ прослезился. Взялъ онъ 300 пудъ пеньки, насолилъ ее смолою, весь пенькою обмотался и пошелъ. Подходить Никита къ змѣиной берлогѣ; а змѣй заперся, бревнами завалился и къ нему не выходитъ. „Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу“, сказалъ Кожемяка и сталъ уже бревна руками разбрасывать. Видитъ змѣй бѣду неминуемую, некуда ему отъ Никиты спрятаться, вышелъ въ чистое поле.

Долго-ли, коротко-ли они бился, только Никита повалилъ змѣя на землю и хотѣлъ его душить. Сталъ тутъ змѣй молить Никиту: „не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнѣе насъ съ тобою никого на свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ же весь свѣтъ по-ровну: ты будешь владѣть въ одной половинѣ, а я въ другой“.

— Хорошо, сказалъ Никита,—надо же прежде между проложить, чтобы потомъ спору промежъ насъ не было. — Сдѣлалъ Никита соху въ 300 пудъ, запретъ въ нее змѣя и сталъ отъ Кіева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда въ двѣ сажени съ четвертью. Провелъ Никита борозду отъ Кіева до самаго Чернаго моря и говорить змѣю: „землю мы раздѣлили, теперь давай море дѣлить, чтобы и о водѣ промежъ насъ спору не вышло“.

Стали воду дѣлить: вогналъ Никита змѣя въ Черное море, да тамъ его и утопилъ.

Сдѣлавши святое дѣло, воротился Никита въ Кіевъ, сталъ опять кожи мять, не взялъ за свой трудъ ничего. Царевна же воротилась къ отцу, къ матери.

Борозда Никитина, говорятъ, и теперь кое-гдѣ по степи видна, стоитъ она валомъ сажени въ двѣ высоту. Кругомъ мужички пахутъ, а борозды не распахиваютъ: оставляютъ ее на память о Никитѣ Кожемякѣ.

БОГАТЫРЬ ВОЛЬГА И ОРАТАЙ МИКУЛУШКА.

Давнымъ давно это было: родился въ Кіевѣ молодой богатырь, Вольга Святославовичъ. Сталъ Вольга расти, матереть; захотѣлось ему много мудрости: захотѣлъ онъ ходить щукой-рыбой въ глубокихъ моряхъ; летать подъ облаками птицей-соколомъ, сѣрымъ волкомъ рыскать по полю. Уходили отъ Вольги все рыбы въ снѣгія моря, улетали отъ него все птички за высокія облака, убѣгали все звѣри въ темные лѣса. Набралъ тогда себя Вольга дружинишку храброю: тридцать молодцовъ безъ единого; самъ Вольга тридцатый.

Пожаловалъ Вольгѣ родной его дядюшка, ласковый Владиміръ— князь стольный кіевскій, три города, и съ крестьянами. Вотъ и собрался Вольга-богатырь съ своею дружинишкою храброю ѣхать въ свои города *за получкою*.

Выѣхалъ Вольга съ дружиною въ чистое поле и слышитъ въ полѣ ратая: оретъ въ подѣ ратай, а самаго не видать; оретъ онъ, понукиваетъ; сошка у ратая поскрипываетъ, а омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.

Захотѣлось Вольгѣ поѣхать посмотрѣть на ратая. Ѣдетъ Вольга со своею дружиною по полю чистому; ѣдутъ они день, ѣдутъ другой, и только на третій день къ обѣду доѣхали до ратая. Видятъ—оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ; въ одинъ край уйдетъ, другого не видать;

коренья, камня вывертываетъ, а большіе всё камни въ борозду валить. Кобылка у ратая соловая, сошка у него кленовая, а гужики шелковые.

И сталъ говорить Вольга: „Божья-тѣ помощь, оратаюшка! орать, да пахать, да крестьянствовать, съ края на край бороздки пометывать!“

Отвѣчаетъ оратай Вольгѣ-богатырю: „спасибо тебѣ, Вольга Святославовичъ, съ твоею дружинишкою храброю; а мнѣ надобна Божья помощь крестьянствовать. Далеко-ль ты, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь со своею дружиною?“

— Буду я, отвѣчаетъ Вольга, къ своимъ городамъ за получкою; подарилъ мнѣ ихъ великій князь стольный-кіевскій.

— „Быль я третьяго дня въ твоихъ городахъ, говоритъ ратай, ѣздилъ на своей кобылкѣ соловенькой; увезъ я оттуда только соли два мѣха, въ каждомъ мѣхѣ по сорока пудъ; а живутъ въ твоихъ городахъ все разбойнички, просятъ съ проѣзжихъ людей деньги подорожныя; была со мною палочка подорожная, и расплатился я съ ними, какъ слѣдуетъ: который стоймя стоялъ, тотъ сидѣть, который сидѣть сидѣлъ, тотъ лежать лежитъ“.

— Ай да оратай-оратаюшка, говоритъ Вольга: когда такъ, то поѣдемъ со мною въ товарищахъ въ мои города за получкою.

Вотъ оратай гужики шелковые выстегнулъ, кобылку изъ сошки повывернулъ и поѣхалъ съ Вольгою въ товарищахъ; да остановился на дорогѣ и говоритъ: „оставилъ я, Вольга, сошку въ бороздочкѣ, не для ради какого проѣзжаго, а для-ради мужика-деревеньщины. Вотъ кабы ту сошку мнѣ съ земельки повывернуть, изъ омѣшиковъ земельку повывернуть и бросить бы сошку за ракивовъ кустъ“.

— Не для чего тебѣ самому, оратаюшко, за этимъ пустымъ дѣломъ ворочаться, сказалъ Вольга оратаю; послалъ своихъ пятерыхъ богатырей, пятерыхъ молодцовъ могучихъ, чтобъ они сошку изъ земельки повывернули, изъ омѣшиковъ земельку повывернули и бросили бы сошку за ракивовъ кустъ.

Приѣхали къ сошкѣ пять молодцовъ могучихъ: сошку за обжи

вокругъ вертять, а не могутъ сошки изъ земли выдернуть, не то чтобъ ужъ бросить за ракивовъ кустъ.

Посылаетъ тогда Вольга богатырей своихъ цѣлый десяточекъ. Приѣхали богатыри: сошку за обжи вокругъ вертять, не могутъ ее отъ земли поднять, не то чтобы ужъ бросить за ракивовъ кустъ.

Посылаетъ тогда Вольга всю свою дружинишкою храброю; стала вся дружина сошку за обжи вертѣть, сошка сидитъ въ землѣ и не двинется.

Подѣхалъ тогда самъ оратай-оратаюшка, на своей кобылкѣ соловенькой; взялъ онъ сошку одною рукою, изъ земельки ее повывернулъ, изъ омѣшиковъ земельку повывернулъ и бросилъ сошку за ракивовъ кустъ.

Сталъ тутъ Вольга Святославовичъ оратаю спрашивать: „скажи ты мнѣ, оратай-оратаюшко! какъ тебя по имени звать, какъ величать по отчеству?“

Отвѣчалъ оратай Вольгѣ Святославовичу: „какъ я ржи напашу, да во скирды сложу, домой выволочу, да дома вымолочу, да дровъ нарублю, да пива наварю, да и мужичковъ напою,—станутъ мужички меня покликивати: здравствуй, на многія лѣта, молодой Микулушка Селяниновичъ!“

ЮПИТЕРЪ И ЛОШАДЬ.

„Отецъ животныхъ и людей! сказала лошадь, приближаясь къ трону Юпитера: говорятъ, что я одно изъ прекраснѣйшихъ животныхъ, и я сама полагаю, что это правда; но мнѣ кажется, что многое во мнѣ слѣдовало бы улучшить“.

— Что-же, по твоему мнѣнію, можно было бы улучшить въ тебѣ? Говори: я готовъ у тебя поучиться, сказалъ Юпитеръ, улыбаясь.

„Можетъ быть, продолжала лошадь, я была бы еще быстрее, если бы мои ноги были выше и потоньше; длинная лебединая шея придала бы мнѣ еще болѣе красоты; грудь шире дала бы мнѣ побольше силы; а такъ какъ ты назначилъ меня носить твоего

любимца, человекѣ, то могъ бы положить мнѣ на спину готовое сѣдло“.

— Хорошо, сказалъ Юпитеръ,—подожди минуту! и повелѣлъ землѣ произвести верблюда.

Увидя это новое животное, лошадь задрожала отъ страха и отвращенія.

— Вотъ высокія тонкія ноги, какихъ ты желала, сказалъ Юпитеръ:—вотъ длинная лебединая шея, широкая грудь и готовое сѣдло. Хочешь-ли ты, чтобы я тебя такъ-же передѣлалъ?

Лошадь продолжала дрожать.

— Ступай-же, сказалъ Юпитеръ,—на этотъ разъ будетъ съ тебя и этого урока. Ты же, продолжалъ онъ, обращаясь къ верблюду, существуй и, не смотря на твой непривлекательный видъ, будь однимъ изъ самыхъ полезныхъ, добрыхъ и умныхъ животныхъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ верблюдъ существуетъ на землѣ; а лошадь содрагается всякій разъ, какъ только его увидить.

ЮПИТЕРЪ И ОВЕЧКА.

Бѣдная овечка такъ много обидъ терпѣла отъ всѣхъ, что, наконецъ, ей стало не въ мочь и она пошла къ Юпитеру съ горькою жалобою на свою судьбу.

„Я и самъ вижу теперь, мое бѣдное созданіе“, сказалъ Юпитеръ, сжалившись надъ овцою, „что я создалъ тебя слишкомъ беззащитною. Выбирай же теперь сама, чѣмъ я могу исправить мою ошибку. Не хочешь-ли, я дамъ тебѣ острые зубы и крѣпкіе когти?“

— Охъ, нѣтъ! сказала овечка, я не хочу имѣть ничего общаго съ кровожадными звѣрями.

„Или, можетъ быть“, продолжалъ Юпитеръ, „ты желаешь, чтобы я влилъ ядъ въ твою слюну?“

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала овечка;—ядовитыхъ змѣй всѣ ненавидятъ.

„Что же дать тебѣ такое? Пожалуй, я посажу крѣпкіе рога у тебя на лбу и дамъ силу твоей шеѣ“.

— И это будетъ нехорошо, добрый отецъ: съ крѣпкими ро-

гами на лбу я легко могу сдѣлаться такою-же бодливою, какъ козель.

„Однако-же“, сказалъ Юпитеръ: „ты должна имѣть возможность вредить другимъ, если хочешь, чтобы другіе боялись тебѣ вредить“.

— Если такъ, сказала со вздохомъ овца,—то оставь-же меня такою, какою ты меня создалъ. Я боюсь, что возможность наносить вредъ можетъ возбудить во мнѣ желаніе вредить; но лучше переносить обиды самому, чѣмъ наносить ихъ другимъ.

Съ этихъ поръ овца терпѣливо выноситъ всѣ обиды и не жалуется уже болѣе на свою беззащитность.

ПТИЦЫ.

Въ одной хорошенькой малороссійской деревенькѣ было столько садовъ, что вся она казалась однимъ большимъ садомъ. Деревья цвѣли и благоухали весною, а въ густой зелени ихъ вѣтвей порхало множество птичекъ, оглашавшихъ окрестность звонкими пѣснями и веселымъ щебетаньемъ; осенью-же появлялось между листьями множество розовыхъ яблокъ, желтыхъ грушъ и сине-пурпуровыхъ сливъ. Но вотъ нѣсколько злыхъ мальчиговъ, собравшись толпою, разорили птичьи гнѣзда. Бѣдныя птицы покинули сады и больше уже въ нихъ не возвращались. Прошла осень и зима, пришла новая весна; но въ садахъ было тихо и печально. Вредныя гусеницы, которыхъ прежде птицы истребляли тысячами, разводились теперь безпрепятственно и пожирали на деревьяхъ не только цвѣты, но и листья; и вотъ обнаженные деревья посреди лѣта смотрѣли печально, будто зимою. Пришла осень, но въ садахъ не было ни розовыхъ яблокъ, ни желтыхъ грушъ, ни пурпуровыхъ сливъ; на вѣткахъ не перепархивали веселыя птички; деревня не оглашалась ихъ звонкими пѣснями.

ГРЯДКИ ГВОЗДИКИ.

Трое дѣтей выпросили у матери каждый по небольшой грядкѣ гвоздики и дожидались съ нетерпѣніемъ, когда цвѣты распустятся, потому что на гвоздикѣ уже показались почки.

У младшаго изъ братьевъ однакожь не достало терпѣнія дожидаться, пока почки развернутся сами; и онъ, прибѣжавъ рано утромъ къ своей грядкѣ, расковырялъ сначала одну почку: хорошенькіе пестрые лепестки показались изъ-за зеленой оболочки. Мальчику это понравилось, и онъ проворно раскрывалъ одну почку за другою; наконецъ, вся его грядка зацвѣла.

— Посмотрите, посмотрите—кричалъ онъ братьямъ, прыгая отъ радости вокругъ своей грядки и хлопая въ ладоши:—посмотрите, моя гвоздика уже цвѣтеть, а на вашихъ грядкахъ только листья да зеленые почки.

Но радость мальчика была непродолжительна. Солнце поднялось повыше, и пестрые цвѣточки, раскрытые насильственно и прежде времени, печально наклонились къ землѣ, а къ полудню потемнѣли и совершенно завяли.

Преждевременная радость мальчика превратилась въ печаль, и онъ горько плакалъ, стоя у своихъ увядшихъ цвѣтовъ.

СУМКА ПОЧТАЛІОНА.

Коля былъ добрый, но очень разсѣянный мальчикъ. Онъ написалъ очень миленькое письмо къ своей бабушкѣ въ Петербургъ: поздравлялъ ее съ Свѣтлымъ праздникомъ, описывалъ свою деревенскую жизнь, чему онъ учится, какъ проводить время,—словомъ, письмо было очень, очень миленькое; но только Коля, вмѣсто письма, вложилъ въ пакетъ поллиста чистой бумаги, а письмо осталось лежать въ книгѣ, куда Коля его сунулъ. Пакетъ запечатанъ, адресъ написанъ, почтовая марка приложена—и пустой поллистъ бумаги отправился въ Петербургъ поздравлять бабушку съ праздникомъ.

Версть пятьсотъ проскакалъ Колинъ пакетъ, точно торопясь за какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Вотъ онъ и въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько минутъ и въ сумкѣ почталіона, который бѣжитъ по улицамъ, звонить у подъѣздовъ и раздавать письма по адресамъ. Но Колиному пакету не лежалось въ сумкѣ; онъ, какъ вѣсь пустяка существа, былъ очень болтливъ и любопытенъ.

— Вы куда отправляетесь и что въ васъ написано? спросилъ

пакетъ Коли у своего сосѣда, — толстаго, красиваго пакета изъ веленовой бумаги, украшеннаго большою гербовою печатью, на которой была княжеская корона и множество украшеній.

Богатый пакетъ отвѣчалъ не сразу; онъ сначала посмотрѣлъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и, видя, что дерзкій, осмѣлившійся вступить съ нимъ въ разговоръ, былъ хорошенькій глянцевитый, чистенькій пакетецъ, удостоилъ его отвѣта.

— По адресу, который на мнѣ написанъ, мой милый малютка, вы уже можете заключить, что я ѣду къ очень и очень важному лицу. Представьте-же себѣ, каково мнѣ лежать въ этой темной вонючей сумкѣ, рядомъ съ такими пакетами, каковъ, напримѣръ, мой сосѣдъ съ лѣвой стороны. Жаль, что вы не видите этого сѣраго, запачканнаго уroda, запечатаннаго какимъ-то хлѣбнымъ мякишемъ, вмѣсто сургуча, и какою-то солдатскою пуговицею, вмѣсто печати; и адресъ-то какой на немъ? каракульки! и ѣдетъ-то онъ куда? на Петербургскую сторону, въ Немощенную улицу, и то еще въ подвалъ. Фи, неволью испачкаешься, лежа возлѣ такого сосѣда!

— Я не виноватъ, что насъ положили рядомъ, отвѣчалъ сурово солдатскій пакетъ; и мнѣ, признаюсь, скучно лежать возлѣ такого надутаго, но пустого и глупаго барина, какъ ты. Обертка-то твоя хороша; но что въ серединѣ? Все пустыя фразы, въ которыхъ нѣтъ ни слова правды. Тотъ, кто писалъ тебя, терпѣть не можетъ того, къ кому ты написанъ; а между тѣмъ, посмотри, сколько желаній, искреннихъ поздравленій, и въ концѣ—глубочайшее уваженіе и совершенная преданность! а все это вздоръ и ложь! Нѣтъ тутъ ни уваженія, ни преданности, и попробуй-ка отъ этого покорнѣйшаго слуги попросить какойнибудь дѣйствительной услуги, тогда и узнаешь, чѣмъ пахнетъ эта услужливость и уваженіе.

— Грубиянъ, невѣжа, какъ ты смѣешь! Я удивляюсь, какъ почталіонъ не выкинетъ тебя на улицу за такія дерзости! Ты посмотри только на мой гербъ.

— Что гербъ! отвѣчалъ грубо солдатъ:—гербъ у тебя хорошъ; но подъ гербомъ-то что? пустышка, глупыя фразы! ни одной капли правды—все ложь, гордость, да чванство.

Гербовый пакетъ готовъ былъ лопнуть съ досады, и лопнулъ бы навѣрное, если бы въ это самое время почталіонъ не вытащилъ его изъ сумки и не передалъ раззолоченному швейцару.

— Слава Богу! однимъ дуракомъ меньше, продолжалъ расходившійся солдатскій пакетъ;—и это глупое, надутое животное смѣло еще досадовать, что лежитъ вмѣстѣ со мною... еслибы только онъ зналъ, что во мнѣ написано!

— Что же такое написано въ васъ? спросилъ Колинъ пакетъ, очутившійся по сосѣдству съ сѣрымъ пакетомъ, запечатаннымъ солдатской пуговицею.

— Да вотъ что, мой любезный, чистенькій господчикъ. Я несу извѣстіе бѣдной дряхлой старушкѣ, что сынъ ея, о которомъ она не слыхала уже лѣтъ десять, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ взяли его въ рекруты, живъ, здоровъ и скоро будетъ въ отпускъ. Правда, я запечатанъ плохимъ сургучемъ; но какъ будетъ дрожать рука старушки, разламывая этотъ сургучъ! Правда, я написанъ каракульками—и не мудрено, меня написалъ солдатъ, выучившійся этому искусству самоучкою, писалъ куда плохимъ перомъ и на самой сѣрой бумагѣ; но еслибы ты видѣлъ, какая теплая слеза скатилась съ его усовъ и упала на меня! Славная слеза! я бережно несу ее матери. Я знаю, что меня ожидаетъ славная участь, не то что гордаго барина, который, слава Богу, убрался во свояси. Въ него едва заглянуть, а потомъ разорвать и бросать сначала подъ столъ, а потомъ въ помойную яму. Мою же каждую каракульку мать подарить доброю горячею слезою, прочтетъ меня тысячу разъ, тысячу разъ прижметъ къ своему любящему сердцу и спрячетъ потомъ на груди, на своей доброй материнской груди. Эхъ, какъ бы поскорѣе принесть меня этотъ несносный почталіонъ!

— А вы куда и съ чѣмъ отправляетесь? спросилъ любопытный Колинъ пакетъ, обращаясь къ своему сосѣду съ другой стороны, пакету съ черной печатью.

— По цвѣту моей печати, отвѣчалъ тотъ, вы видите, что я несу грустную новость. Бѣдный мальчикъ, который теперь лежитъ въ больницѣ, прочтетъ во мнѣ, что его отецъ скончался.

Я также все облито слезами, но только не радостными слезами. Меня писала дрожащая рука женщины, потерявшей своего любимого мужа—рука матери, извѣщающей больного сына, что онъ потерялъ отца. Бѣдный Ваня! какъ-то онъ перенесетъ это извѣстіе? Я воображаю, какъ испугается онъ, увидя мою зловѣщую печать; какъ задрожитъ, прочтя во мнѣ страшную новость; какъ упадетъ лицомъ на свою подушечку и зальется слезами. Эхъ, право, лучше бы мнѣ провалиться сквозь землю, чѣмъ ѣхать съ такимъ извѣстіемъ!

Рука почталіона, остановившагося около какого-то учебнаго заведенія, вытащила изъ сумки печальное письмо съ черною печатью. У Колина письма очутился новый сосѣдъ, и этотъ былъ уже со-всѣмъ иного свойства.

— Ха! ха! ха! отвѣчалъ онъ на вопросъ Колина письма;—еслибы вы только знали, какія уморительныя вещи во мнѣ написаны! Человѣкъ, написавшій меня, превеселаго права; я знаю, что тотъ, кто будетъ читать меня, непременно захохочетъ; во мнѣ все написано пустяки, но все такіе забавные пустяки.

Другія письма, услышавъ разговоръ, также въ него вмѣшались. И каждое спѣшило высказать, какую новость оно несетъ.

— Я несу богатому купцу извѣстіе, что товары его проданы по высокой цѣнѣ.—А я несу другому, что онъ банкротъ.—Я иду разбранить Васю, что онъ такъ давно не пишетъ къ своимъ родителямъ.—Меня писалъ деревенскій дьячекъ, отъ имени Акулины Трифоновны, къ ея мужу въ Петербургъ, и я сверху до низу набито поклонами.—А во мнѣ, что ни слово, то ложь; даже совѣстно ѣхать съ такимъ грузомъ, право!—Въ разговоръ вмѣшались и повѣтки.—То-то обрадуется тотъ, кто получитъ меня, сказала одна повѣтка.—Есть чему радоваться, перебила другая: ты только на 10 руб., а я на 5,000.—Но тотъ, кому я адресована, отвѣчала первая,—не знаетъ, чѣмъ разговѣться въ праздникъ, а на тебя не обратятъ и вниманія.—Обрадуется и мнѣ молодчикъ, къ которому я послана; прокутить онъ денежки въ два, три дня, спуститъ онъ ихъ всѣ по трактирамъ да конди-

терскимъ; какъ будто не знаетъ, что матери, которая ихъ посылаетъ, стоила много труда и лишней каждая копейка въ этой сотнѣ рублей, и что она даже свою маленькую дочь оставила къ празнику безъ подарка.

Такъ болтали между собою въ сумкѣ почталіона повѣстки и письма; а онъ, между тѣмъ, бѣгалъ по улицамъ и равнодушно разносилъ по домамъ радость и горе, смѣхъ и печаль, любовь и злобу, дружбу и ненависть, правду и ложь, важныя извѣстія и глупыя, пустыя фразы. Дошла наконецъ очередь и до Колина письма; почталіонъ отдалъ его дворнику, дворникъ горничной, горничная старой бабушкѣ, которая сидѣла у окошка и, смотря въ четыре глаза, вязала чулокъ. Бабушка распечатала пакетъ, вынула пустой листъ и смотрѣла на него съ удивленіемъ, не понимая, кто это такъ глупо подшутилъ надъ нею.

СЛѢЗАЯ ЛОШАДЬ.

Давно, очень уже давно, когда не только насъ, но и нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ не было еще на свѣтѣ, стоялъ на морскомъ берегу богатый и торговый славянскій городъ Винета; а въ этомъ городѣ жилъ богатый купецъ Уседомъ, корабли котораго, нагруженные дорогими товарами, плавали по далекимъ морямъ. Уседомъ былъ очень богатъ и жилъ роскошно: можетъ быть и самое прозваніе Уседома или Вседома получилъ онъ отъ того, что въ его домѣ было рѣшительно все, что только можно было найти хорошаго и дорогого въ то время; а самъ хозяинъ, его хозяйка и дѣти ѣли только на золотѣ и на серебрѣ, ходили только въ соболяхъ да въ парчѣ.

Въ конюшнѣ Уседома было много отличныхъ лошадей; но ни въ Уседомовой конюшнѣ, ни во всей Винетѣ не было коня быстрѣе и красивѣе *Догони-Вѣтра*, — такъ прозвалъ Уседомъ свою любимую верховую лошадь за быстроту ея ногъ. Никто не смѣлъ садиться на *Догони-Вѣтра*, кромѣ самого хозяина, и хозяинъ никогда не ѣздилъ верхомъ ни на какой другой лошади.

Случилось купцу въ одну изъ такихъ поѣздокъ по торговымъ

дѣламъ, возвращаясь къ Винету, проѣзжать на своемъ любимомъ конѣ черезъ большой и темный лѣсъ. Дѣло было подъ вечеръ, лѣсъ былъ страшно темень и густъ, вѣтеръ качалъ верхушки угрюмыхъ сосенъ; купецъ ѣхалъ одинъ-одинешенекъ и шагомъ, сберегая своего любимого коня, который усталъ отъ дальней поѣздки. Вдругъ изъ-за кустовъ, будто изъ-подъ земли, выскочило шестеро плечистыхъ молодцовъ, съ звѣрскими лицами, въ мохнатыхъ шапкахъ, съ рогатинами, топорами и ножами въ рукахъ; трое были на лошадяхъ, трое пѣшкомъ, — и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду. Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, еслибы подъ нимъ былъ другой какой-нибудь конь, а не *Догони-Вѣтеръ*. Почувявъ на уздѣ чужую руку, конь рванулся впередъ, своей широкой сильной грудью опрокинулъ на землю двухъ дерзкихъ злодѣевъ, державшихъ его за узду, смялъ подъ ногами третьяго, который, махая рогатиной, забѣжалъ впередъ и хотѣлъ было преградить ему дорогу, и помчался какъ вихрь. Конные разбойники пустились въ догонку; лошади у нихъ были тоже добрыя, но куда же имъ догнать Уседомова коня! *Догони-Вѣтеръ*, не смотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, какъ стрѣла, пущенная изъ туго-натянутого лука, и далеко оставилъ за собою разъяренныхъ злодѣевъ. Черезъ полчаса Уседомъ уже вѣзжалъ въ родимую Винету на своемъ добромъ конѣ, съ котораго пѣна ключьями валилась на землю.

Слѣзая съ лошади, бока которой отъ усталости подымались высоко, купецъ тутъ-же, трепля *Догони-Вѣтра* по взмыленной шеѣ, торжественно общалъ, что бы съ нимъ ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего вѣрнаго коня, не прогонять его, какъ бы онъ ни состарѣлся, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три мѣры лучшаго овса. Но, поторопившись къ женѣ и дѣтямъ, Уседомъ не посмотрѣлъ самъ за лошадью, а лѣнивый работникъ не выводилъ измученнаго коня, какъ слѣдуетъ, не далъ ему совершенно остыть и напоилъ раньше времени. Съ тѣхъ самыхъ поръ *Догони-Вѣтеръ* и началъ хворать, хилѣть, ослабѣвать на ноги и, наконецъ, ослѣпъ. Купецъ очень горе-

валь и съ полгода вѣрно соблюдалъ свое обѣщаніе: слѣпой конь стоялъ по прежнему на конюшнѣ и ему ежедневно отпускалось по три мѣры овса. Уседомъ потомъ купилъ себѣ другую верховую лошадь, и черезъ полгода ему показалось слишкомъ нерасчетливо давать слѣпой, никуда негодной лошади по три мѣры овса, и онъ велѣлъ отпускать двѣ. Еще прошло полгода: слѣпой конь былъ еще молодъ, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мѣрѣ. Наконецъ и это показалось купцу тяжело, и онъ велѣлъ снять съ Догони-Вѣтра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занималъ напрасно мѣста въ конюшнѣ. Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, такъ какъ онъ упирался и не шелъ.

Бѣдный слѣпой Догони-Вѣтеръ, не понимая, что съ нимъ дѣлаютъ, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошелъ снѣгъ, спать на камняхъ было жестко и холодно для бѣдной слѣпой лошади. Нѣсколько часовъ простояла она на одномъ мѣстѣ; но, наконецъ, голодъ заставилъ ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая въ воздухъ, не попадется-ли гдѣ-нибудь хоть клочъ соломы со старой, осунувшейся крыши, брела на удачу слѣпая лошадь и натыкалась безпрестанно то на уголъ дома, то на заборъ.

Надобно вамъ знать, что въ Винетѣ, какъ и во всѣхъ старинныхъ славянскихъ городахъ, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было рѣшать какія-нибудь важныя дѣла. Такое собраніе народа для рѣшенія его собственныхъ дѣлъ, для суда и расправы, называлось *отчельмъ*. Посреди Винеты, на площади, гдѣ собиралось вѣче, висѣлъ на четырехъ столбахъ большой вѣчевой колоколь, по звону котораго собирался народъ, и въ который могъ звонить каждый, кто считалъ себя обиженнымъ и требовалъ отъ народа суда и защиты. Никто, конечно, не смѣлъ звонить въ вѣчевой колоколь по пустякамъ, зная, что за это отъ народа сильно достанется.

Бродя по площади, слѣпая, глухая и голодная лошадь слу-

чайно набрела на столбы, на которыхъ висѣлъ колоколь, и думая, быть можетъ, вытащить изъ стрѣхи пучекъ соломы, схватила зубами за веревку, привязанную къ языку колокола, и стала дергать; колоколь зазвонилъ такъ сильно, что народъ, не смотря на то, что было еще очень рано, толпами сталъ сбѣгаться на площадь, желая знать, кто такъ громко требуетъ его суда и защиты. Всѣ въ Винетѣ знали Догони-Вѣтра, знали, что онъ спасъ жизнь своему хозяину, знали обѣщаніе хозяина—и удивились, увидя посреди площади бѣднаго коня, слѣпого, голоднаго, дрожащаго отъ стужи, покрытаго снѣгомъ. Скоро объяснилось въ чемъ дѣло, и когда народъ узналъ, что богатый Уседомъ выгналъ изъ дому слѣпую лошадь, спасающую ему жизнь, то единогласно рѣшили, что Догони-Вѣтеръ имѣлъ полное право звонить въ вѣчевой колоколь. Потребовали на площадь неблагодарнаго купца; не смотря на его оправданія, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить ее до самой смерти. Особый человекъ приставленъ былъ смотрѣть за исполненіемъ приговора, а самый приговоръ былъ вырѣзанъ на камнѣ, поставленномъ въ память этого событія на вѣчевой площади.

Говорятъ, впрочемъ, что не нужно было ни разу принуждать Уседома къ исполненію вѣчевого приговора; купецъ почувствовалъ всю черноту своего поступка, кормилъ и холилъ слѣпую лошадь до ея смерти.

ОТДѢЛЪ II.

СТИХИ.

ПТИЧКА.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ.

Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ;
А муха у него сидѣла на рогахъ
И муху же они дорогой повстрѣчали.
„Откуда ты, сестра?“—отъ этой былъ вопросъ.

А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говорить: „Откуда?.. мы пахали!“

И. Дмитриевъ.

ЧИЖЬ И ГОЛУВЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался,
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.

„Не стыдно-ль?“ говорить: „среди бѣла дня

Попался!

Не провели бы такъ меня;

За это я ручаюсь смѣло“.

Анъ смотришь—тутъ же самъ запутался въ силокъ.

И дѣло!

Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;

Въ немъ винограду кисти рдѣлись.

У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;

А кисти сочныя, какъ яхонты, горять;

Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:

Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,

Хоть видитъ око,

Да зубъ нейметъ.

Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говорить съ досадою: „Ну, чтожъ!
На взгляды-то онъ хорошъ,
Да зеленъ; ягоды нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь“.

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,

И говорить: „Куда оно?

Какая вещь пустая!

Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнять?

А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ

Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,

Да сытно“.

Невѣжи судятъ точно такъ:

Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

И. Крыловъ.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖЬ.

Былъ домъ,

Гдѣ подъ окномъ

И чижь и соловей висѣли

И пѣли.

Лишь только соловей, бывало, запоетъ,

Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:

Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,

Что этакъ хорошо поетъ.

Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.

„Ну, говорить: узнай, мой свѣтъ,

Которая тебя такъ много забавляетъ?“

Тотчасъ на чижику мальчишка указалъ:

„Вотъ, батюшка, она!“ сказалъ.

И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньи:

„Какія перушки! куда какъ онъ пригожъ!

Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!“

И. Хемницеръ.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
 А у людей она слыхала,
 Что это зло еще не такъ большой руки:
 Лишь стоитъ завести очки.
 Очковъ съ подюжины себѣ она достала;
 Вертитъ очками такъ и сякъ;
 То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
 То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
 Очки не дѣйствуютъ никакъ.
 „Тьфу пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ.
 Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
 Все про очки лишь мнѣ нагали;
 А проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ“.
 Мартышка тутъ съ досады и съ печали
 О камень такъхватила ихъ,
 Что только брызги засверкали.

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ слона водили,
 Какъ видно, на-показъ.
 Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,
 Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
 Отколѣ ни возьмись, навстрѣчу моська имъ.
 Увидѣвши слона, ну на него метаться,
 И лаять, и визжать, и рваться;
 Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
 „Сосѣдка, перестань срамиться“,
 Ей шавка говоритъ: „тебѣ-ль съ слономъ возиться.
 Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
 Впередъ,
 И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“.
 „Эхъ, эхъ!“ ей Моська отвѣчаетъ:
 „Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
 Что я, совсѣмъ безъ драки,

Могу попасть въ большія забіяки.
 Пускай-же говорятъ собаки:
 —Ай, моська, знать, она сильна,
 Что лаетъ на слона“.

И. Крыловъ.

СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой И сказалъ ей ласковое слово:
 У самаго синяго моря; „Богъ съ тобою, золотая рыбка!
 Они жили въ ветхой землянкѣ Твоего мнѣ откупа не надо;
 Ровно тридцать лѣтъ и три года. Ступай себѣ въ синее море,
 Старикъ довилъ неведомъ рыбу, Гуляй тамъ себѣ на просторѣ“.
 Старуха пряла свою пряжу. Воротился старикъ ко старухѣ,
 Разъ онъ въ море закинулъ неводъ: Разказалъ ей великое чудо:
 Пришелъ неводъ съ одною тиной; „Я сегодня поймалъ-было рыбку,
 Онъ въ другой разъ закинулъ Золотую рыбку, не простую;
 неводъ: По нашему говорила рыбка,
 Пришелъ неводъ съ травую мор- Домой, въ море синее, просилась,
 скою; Дорогою цѣной откупалась:
 Въ третій разъ закинулъ онъ Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
 неводъ: Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
 Пришелъ неводъ съ золотою Такъ пустилъ ее въ синее море“.
 рыбкой, Старика старуха забранила:
 Съ непростую рыбкой, золотою. „Дурачина ты, простофиля!
 Какъ взмолится золотая рыбка, Не умѣлъ ты взять выкупа съ
 Голосомъ молвить человѣчьимъ: рыбки!
 „Отпусти ты, старче, меня въ море, Хоть-бы взялъ ты съ нея корыто:
 Дорогой за себя дамъ откупъ: Наше-то совсѣмъ раскололось“.
 Откуплюсь, чѣмъ только поже- Вотъ, пошелъ онъ къ синему
 лаешь“. морю;
 Удивился старикъ, испугался: Видитъ: море слегка разыгралось.
 Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 три года, Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 И не слыхивалъ, чтобъ рыба „Чего тебѣ надобно, старче?“
 говорила. Ей съ поклономъ старикъ отвѣ-
 Отпустилъ онъ рыбку золотую чаетъ:

„Смилуйся, государыня-рыбка! Разбранила меня моя старуха, Не даетъ старику мнѣ покою: Надобно ей новое корыто; Наше-то совѣмъ расколосось“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Будеть вамъ новое корыто“. Воротился старикъ ко старухѣ: У старухи новое корыто. Еще пуще старуха бранится: „Дурачина ты, простофиля! Выпросилъ, дурачина, корыто! Въ корытѣ много-ли корысти? Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ: Поклонись ей, выпроси ужъ избу“. Вотъ, пошелъ онъ къ синему морю: Помутилось синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; Приплыла къ нему рыбка, спросила: „Чего тебѣ надобно, старче?“ Ей старикъ съ поклономъ отвѣ- чаетъ: „Смилуйся, государыня-рыбка! Сталъ онъ кликать золотую рыбку; Приплыла къ нему рыбка, спросила: „Чего тебѣ надобно, старче?“ Ей старикъ съ поклономъ отвѣ- чаетъ: „Смилуйся, государыня-рыбка! Еще пуще старуха бранится, Не даетъ старику мнѣ покою: Избу просить сварливая баба“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ“. Пошелъ онъ ко своей землянкѣ, А землянки нѣтъ ужъ и слѣда; Передъ нимъ изба со свѣтелкой,

Съ кирпичною, бѣленою трубою, Съ дубовыми, тесовыми воротами. Старуха сидитъ подь окошкомъ, На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ру- гаеть: „Дурачина ты, прямой простофиля! Выпросилъ, простофиля, избу! Воротись, поклонися рыбкѣ: Не хочу быть черною крестьянкой, Хочу быть столбовою дворянкой“. Пошелъ старикъ къ синему морю: Непокойно синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; Приплыла къ нему рыбка, спро- сила: „Чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣ- чаетъ: „Смилуйся, государыня-рыбка! Пуще прежняго старуха вздури- лась, Не даетъ старику мнѣ покою: Ужъ не хочетъ быть она крестъ- янкой, Хочетъ быть столбовою дворянкой“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!“ Воротился старикъ ко старухѣ; Что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ, На крыльцѣ стоитъ его старуха Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ, Парчевая на маковкѣ кичка, Жемчуги окружили шею; На рукахъ золотые перстни,

На ногахъ красные сапожки. „Смилуйся, государыня рыбка! Передъ нею усердные слуги; Она бьетъ ихъ, за чупрунъ та- скаеть. Говорить старикъ своей старухѣ: „Здравствуй, барыня-сударыня дворянка! Чай, теперь твоя душенька до- вольна“. На него прикрикнула старуха, На конюшню послала. Вотъ недѣля-другая проходитъ,— Еще пуще старуха вздурилась; Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ. „Воротись, поклонися рыбкѣ: Не хочу быть столбовою дворянкой, А хочу быть вольною царицей“. Испугался старикъ, взмолился: „Что ты, баба, бѣлены объѣлась? Ни ступить, ни молвить не умѣешь— Насмѣшишь ты цѣлое царство“. Осердилась пуще старуха, По щекѣ ударила мужа. „Какъ ты смѣешь, мужикъ, спо- рить со мною, Со мною, дворянкой столбовою? Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью; Не пойдешь, поведутъ поневолѣ“. Старичокъ отпавился къ морю: Почернѣло синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; Приплыла къ нему рыбка, спросила: „Чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣ- чаетъ: „Смилуйся, государыня рыбка! Опять моя старуха бунтуетъ: Ужъ не хочетъ она быть дворян- кой; Хочетъ быть вольною царицей“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Добро! будетъ старуха царицей!“ Старичокъ къ старухѣ воротился. Что-жъ? Предъ нимъ царскія па- латы; Въ палатахъ видитъ свою старуху: За столомъ сидитъ она царицей, Служать ей бояре да дворяне, Наливаютъ ей заморскія вина, Заѣдаетъ она пряникомъ печат- нымъ; Вкругъ стоитъ ея грозная стража, На плечахъ топорики держать. Какъ увидѣлъ старикъ—испугался; Въ ноги онъ старухѣ поклонился, Молвилъ: „здравствуй, грозная ца- рица! Ну, теперь твоя душенька до- вольна?“ На него старуха не взглянула, Лишь съ очей прогнать его велѣла. Подбѣжали бояре и дворяне, Старика въ зашеи затолкали. А въ дверяхъ-то стража подбѣжала, Топорами чуть не изрубила; А народъ-то надъ нимъ насмѣялся: „По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа! Впередъ тебѣ, невѣжа, наука; Не садися не въ свои сани!“

Вотъ, недѣля-другая проходить,—Сталь онъ кликать золотую рыбку.
Еще пуще старуха вздурилась: Приплыла къ нему рыбка, спра-
Царедворцевъ за мужемъ посы- сила:

лаеть. „Чего тебѣ надобно, старче?“

Отыскали старика, привели къ ней. Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Говорить старику старуха:

„Воротись, поклонися рыбкѣ; Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Не хочу быть вольною парицей, Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочу быть владычицей морскою, Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ океанѣ-морѣ, Чтобы жить ей въ океанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая Чтобы ты сама ей служила
И была-бъ у меня на посылкахъ“. И была-бы у ней на посылкахъ“.

Старикъ не осмѣлился перечить, Ничего не сказала рыбка,
Не дерзнулъ поперекъ слова мол- Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
вить. И ушла въ глубокое море.

Вотъ, идетъ онъ къ синему морю; Долго у моря ждалъ онъ отвѣта;
Видитъ: на морѣ черная буря— Не дождался, къ старухѣ воротился.
Такъ и вздулись сердитыя волны, Глядь: опять передъ нимъ землянка,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и На порогѣ сидитъ его старуха,
воютъ. А предъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

ЧИЖЬ И ЗЯБЛИЦА.

Чижь свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ немъ, поеть:

„Ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ

И съ домикомъ меня застанетъ?

Ахъ! скоро-ли оно проглянетъ?

Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!

Какая въ воздухѣ, въ дыханѣ, въ жизни сладость:

Ахъ, я такого дня не видывалъ давно!“

Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:

Желаешь для себя, а ищешь раздѣлится!—

„Любезна зяблица!“ кричитъ мой чижь сосѣдкѣ,

Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:

„Что-жъ ты задумалась? давай-ка день хвалить!

Смотри, какъ солнышко“... Но солнце вдругъ сокрылось,

И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзда, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку

И крикомъ бурю вызываютъ;

Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;

Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ,

А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,

Ржетъ, пышетъ и летитъ черезъ ниву.

И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ,

Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,

И пали пастухи со стадомъ.

Потомъ прошла гроза и солнце разсвѣло,

Все стало ярче и свѣтлѣе,

Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе—

Лишь домикъ у чижа куда-то занесло.

О, бѣдненькій мой чижъ! Онъ, мокрыми крылами

Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ

И ей со вздохомъ и слезами,

Носокъ повѣся, говоритъ:

„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупить:

Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступить“.

И. Дмитриевъ.

МОТЪ И ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодець,

Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,

Пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ

Спустилъ все чисто; наконецъ

Съ одною шубой онъ остался,

И то лишь для того, что было то зимой,—

Такъ онъ морозовъ побоялся.

Но ласточку увидя, малый мой

И шубу промоталъ. „Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,

Что ласточки къ намъ прилетаютъ

Передъ весной;

Такъ въ шубѣ“, думалъ онъ, „нѣтъ нужды никакой!“

Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,
И въ сѣверную глушь морозы загнаны!“—

Догадки малаго умны;

Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ,
Что ласточка одна не дѣлаетъ весны.

И подлинно: опять отколь взялись морозы,

По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы,

Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло

Узорами заволокло.

Отъ стужи малаго прошибли слезы,

И ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,

Онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней,

Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:

— „Проклятая! стубила ты себя;

А, понадѣясь на тебя,

И я теперь не во время безъ шубы!“

И. Крыловъ.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка, Весело гляжу я
Пашней десятиной! На гумно, на скирды,
Выбѣлимъ желѣзо Молочу и вѣю...
О сырую землю. Ну! тащися, сивка!

Красавица зорька Пашенку мы рано
Въ небѣ загорѣлась; Съ сивкою распашемъ:
Изъ большого лѣса Зернышку сготовимъ
Солнышко выходить. Колыбель святую.

Весело на пашнѣ... Его вспонить, вскормить
Ну! тащися, сивка! Мать-земля сырая;
Я самъ-другъ съ тобою, Выйдетъ въ полѣ травка...
Слуга и хозяинъ. Ну! тащися, сивка!

Весело я лажу Выйдетъ въ полѣ травка,
Борону и соху, Выростеть и колось,
Телѣгу готовлю, Станетъ спѣть, рядиться
Зерна насыпаю. Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, Напою водою—
Зазвенятъ здѣсь косы; Водой ключевою.
Сладокъ будетъ отдыхъ Съ тихою молитвой
На снопахъ тяжелыхъ! Я вспашу, посѣю:
Ну! тащися, сивка! Уроди мнѣ, Боже,
Накормлю до сыта, Хлѣбъ—мое богатство!

А. Кольцовъ.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонь, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка;
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ;
Да только возъ и нытъ тамъ.

ЩУКА И КОТЪ.

Зубастой шукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,—
Мышей въ амбарѣ половить.
—Да, полно, знаешь-ли ты эту, свѣтъ, работу?
Сталъ шукѣ васька говорить:
—Смотри, кума, чтобы не осрамиться!
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.
—И полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.
—Такъ въ добрый часъ, пойдемъ! Пошли, засѣли.

Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отѣли.
Тутъ, видя, что кумъ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

И. Крыловъ.

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!— Подарила на чаекъ.
Небо, ельникъ и песокъ: Или, можетъ, ты дворовый,
Невеселая дорога... Изъ отпущенныхъ? Ну, чтожъ!
—Эй! садись ко мнѣ, дружокъ! Случай тоже ужъ не новый:
Ноги босы, грязно тѣло Не робей, не пропадешь...
И едва прикрыта грудь... Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Не стыдися! что за дѣло? Какъ архангельскій мужикъ,
Это многихъ славныхъ путь. По своей и Божьей волѣ,
Вижу я въ котомкѣ книжку. Сталь разуменъ и великъ.
Такъ, учиться ты идешь... Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—
Знаю: батяка за сынишку Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Издержалъ послѣдній грошъ. Будешь въ университетѣ—
Знаю, старая дьячиха Сонъ свершится на яву!
Отдала четвертачекъ, Тутъ ужъ поприще широко;
Что проѣзжая купчиха Знай работай, да не трусь!..

Н. Некрасовъ.

ЗИМА.

Зима... Крестьяннѣ, торжествуя, Въ тулушѣ, въ красномъ кушакѣ.
На дровняхъ обновляетъ путь; Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ:
Его лошадка, снѣгъ почуя, Въ салазки *жучку* посадивъ,
Плетется рысью какъ-нибудь; Себя въ коня преобразивъ;
Бразды пушистыя взрывая, Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ.
Летитъ кибитка удалая; Ему и больно, и смѣшно,
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ, А мать грозить ему въ окно.

А. Пушкинъ.

ПЯТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

О, дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!—
Мышенокъ, не выдавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
—Оставя нашу нору
И перебравшись черезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ, съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой: нахаль, крикунъ; теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожить наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусь, а подавай Богъ ноги—
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно-бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами.

— А я тебѣ на то скажу,—

Мышонка мать остановила:—

Что этотъ доброхотъ,

Котораго тебя наружность такъ прельстила,

Смиреникъ этотъ... котъ!

Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;

Другой-же былъ пѣтухъ, миролюбивый житель.

Не-только отъ него не видимъ мы вреда

Иль огорченья,

Но самъ онъ пицей намъ бываетъ иногда.

Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитриевъ.

ОСЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

Осель увидѣлъ соловья,

И говорить ему: „Послушай-ка, дружище!

Ты, сказываютъ, пѣть великій мастернице:

Хотѣлъ-бы очень я

Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,

Велико-ль подлинно твое умѣнье“.

Тутъ соловей являя свое искусство сталъ:

Защелкалъ, засвисталъ

На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;

То нѣжно онъ ослабѣвалъ

И томной вдаль свирѣлью отдавался,

То мелкой дробью вдругъ по роцѣ рассыпался.

Внимало все тогда

Любимцу и пѣвцу Авроры;

Затихли вѣтери, змолкли птичекъ хоры,

И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,

И только иногда,

Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,

— „Изрядно“, говоритъ: „сказать не ложно,

Тебя безъ скуки слушать можно;

А жаль, что не знакомъ

Ты съ нашимъ пѣтухомъ:

Еще-бъ ты болѣ навострился,

Когда-бы у него немножко поучился“.

Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей

Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

И. Крыловъ.

СКАЗКА О КУПЦѢ КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Остолопъ,

По прозванью Осинный-Лобъ.

Пошелъ Кузьма по базару

Посмотрѣть кой-какого товару.

На встрѣчу ему Балда

Идетъ, самъ не зная куда.

„Что, дядюшка, такъ рано поднялся?

Чего ты взыскался?“

Кузьма ему въ отвѣтъ:

„Нуженъ мнѣ работникъ—

Поварь, конюхъ и плотникъ.

А гдѣ найти мнѣ такого

Служителя, не слишкомъ дорогого?“

Балда говоритъ:

„Буду служить тебѣ славно,

Усердно и очень исправно

Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;

Бѣсть-же мнѣ давай вареную полбу“.

Приздумался нашъ Кузьма Остолопъ,

Сталъ почесывать лобъ.

Щелчокъ щелчку розъ—

Да понадѣялся на русскій авось.

Кузьма говоритъ Балдѣ: „ладно;

Не будетъ намъ обоимъ накладно.

Поживи-ка на моемъ подворьѣ,

Окажи свое усердье и проворье".
 Живеть Балда въ купеческомъ домѣ,
 Спитъ себѣ на соломѣ,
 Ъсть за четверыхъ,
 Работаетъ за семерыхъ;
 До-свѣтла все у него пляшетъ.
 Лошадь запряжеть, полосу вспашеть,
 Печь затопить, все заготовить, закунить,
 Яичко испечь, да самъ и облупить.
 Хозяйка Балдой не нахвалится,
 Ихъ дочка о Балдѣ лишь и печалится,
 Сыночекъ ихъ зоветъ его тятей;
 Кашу заварить, нянчиться съ дитятей;
 Одинъ Кузьма лишь Балду не любить,
 Никогда его не приголубить,
 О расплатѣ думаетъ частенько.
 Время идетъ, и срокъ уже близенько.
 Кузьма не ѣсть, не пьетъ, ночи не спать.
 Лобъ у него заранѣ трещить.
 Вотъ, онъ женѣ признается:
 Такъ и такъ, что дѣлать остается?
 Умъ у бабы догадливъ,
 На всякія хитрости повадливъ.
 Хозяйка Кузьмѣ говоритъ: „знаю средство,
 Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
 Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь,
 А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь;
 Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
 И Балду-то безъ расплаты отправишь“.

Стало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе;
 Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлье.
 Вотъ, онъ кричитъ: „поди-ка сюда,
 Вѣрный мой работникъ Балда!
 Слушай: платить обязались черти
 Мнѣ оброкъ до самой моей смерти.
 Лучшаго-бъ не надобно дохода,

Да есть на нихъ недоимки за три года.
 Какъ наѣшься ты своей полбы,
 Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный“.

Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря,
 Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
 Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
 Да конецъ ея въ морѣ мочить.
 Вотъ, изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ:
 „Зачѣмъ ты, Балда къ намъ залѣзъ?“
 — „Да вотъ, веревкой хочу море морщить,
 Да васъ, проклятое племя, корчить“.—
 Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
 „Скажи, за что такая немилость?“
 — „Какъ за что? Вы не платите obroka,
 Не помните положеннаго срока,
 Вотъ, уже будетъ намъ потѣха,
 Вамъ, собакамъ, великая помѣха!“
 „Балдушка, погоди ты морщить море,
 Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
 Погоди, вышлю къ тебѣ внука“.

Балда мыслить: „этого провестъ не штука!“
 Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
 Замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ.
 „Здравствуй, Балда-мужичокъ!
 Какой тебѣ надобно obroka?
 Объ obroka вѣкъ мы не слыхали,
 Не было чертямъ такой печали;
 Ну, такъ и быть—возьми, да съ уговору,
 Съ общаго нашего приговору—
 Чтобы впредь не было никому горя:
 Кто скорѣй изъ насъ обѣжитъ около моря,
 Тотъ и бери себѣ полный obroka;
 Между тѣмъ приготовить тамъ и мѣшокъ“.

Засмѣялся Балда лукаво:
 „Что это ты выдумалъ, право?
 Гдѣ тебѣ тягаться со мною,

Со мною, съ самимъ Балдою?
Экаго послали супостата!

Подожди-ка моего меньшого брата!“

Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ.

Поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ.

Къ морю опять онъ приходитъ,

У моря бѣсенка находить.

Держить Балда за уши одного зайку:

„Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;

Ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ,

Со мною тягаться слабенекъ—

Это было-бъ лишь времени трата,

Обгони-ка сперва моего брата.

Разъ, два, три! Догоняй-ка“.

Пустились бѣсенокъ и зайка:

Бѣсенокъ по берегу морскому,

А зайка въ лѣсокъ до дому.

Вотъ, море кругомъ обѣжавши,

Высунувъ языкъ, мордку поднявши,

Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,

Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,

Мысля: дѣло съ Балдою сладить.

Глядь: а Балда братца гладить,

Приговаривая: „Братецъ мой любимый,

Усталъ, бѣдняжка! отдохни, родимый“.

Бѣсенокъ оторопѣлъ,

Хвостикъ поджалъ, совѣмъ присмирѣлъ,

На братца поглядываетъ бокомъ.

„Погоди“, говоритъ, „схожу за оброкомъ“.

Пошелъ къ дѣду; говоритъ: „Бѣда!

Обогналъ меня меньшей Балда!“

Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;

А Балда надѣлалъ такого шуму,

Что все море смутилось,

И волнами такъ и расходилось.

Вылѣзъ бѣсенокъ. „Полно, мужичокъ,

Вышлемъ тебѣ весь оброкъ“.

— „Нѣтъ“, говоритъ Балда,

„Теперь моя чередѣ—

Условіе самъ назначаю,

Задамъ, тебѣ, враженокъ, задачу.

Посмотримъ, какова у тебя сила!

Видишь, тамъ сивая кобыла?

Кобылу подыми-ка ты,

Да неси ее полверсты;

Снесешь кобылу—оброкъ ужъ твой;

Не снесешь кобылы—онъ будетъ мой“.

Бѣдненькій бѣсъ

Подъ кобылу подлѣзъ,

Понатужился,

Понапружился,

Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,

На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.

А Балда ему: „Глупый ты, бѣсъ,

Куда ты за нами полѣзъ?

И руками снести не смогъ,

А я, смотри, снесу промежь ногъ“.

Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ,

Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;

Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду,

Разсказывать про такую побѣду.

Дѣлать нечего—черти собрали полный оброкъ,

Да на Балду взвалили мѣшокъ.

Идетъ Балда, побрякиваетъ;

А Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ,

За хозяйку прячется,

Со страху корячится.

Балда его тутъ отыскалъ,

Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.

Бѣдный купецъ Кузьма Остолопъ

Подставилъ лобъ.

Съ перваго щелчка—

Прыгнуль Кузьма до потолка;
 Со второго щелчка—
 Лишился Кузьма языка;
 А съ третьяго щелчка—
 Вышибло умъ у старика.
 А Балда приговариваль съ укоризной:
 „Не гонялся-бы ты, Кузьма, за дешевизной!..“

А. Пушкинъ.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЪЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
 Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:
 „Смотри-ка, говоритъ: кумъ милый мой!
 Что это тамъ за рожа?
 Какія у нея ужимки и прыжки!
 Я удавилась-бы съ тоски,
 Когда-бы на нее хоть чуть была похожа.
 А вѣдь, признайся, есть
 Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
 Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.“
 — Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
 Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?
 Ей Мишка отвѣчалъ.
 Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

И. Крыловъ.

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

Простой цвѣточекъ, дикій,
 Нечаянно попалъ въ одинъ пучекъ съ гвоздикой;
 И что-же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ.—
 Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

И. Дмитриевъ.

ВЕСЕННЯЯ ВОДА.

Еще въ поляхъ бѣлѣветъ снѣгъ, Бѣгутъ и плещутъ, и гласятъ...
 А воды ужъ весной шумятъ, Онѣ гласятъ во всѣ концы:
 Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ, „Весна идетъ! Весна идетъ!“

„Мы молодой весны гонцы! И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
 „Она насъ выслала впередъ...“ Румяный, свѣтлый хороводъ
 Весна идетъ, весна идетъ!— Толпится весело за ней.

Ө. Тютчевъ.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный, Богатырь ты будешь съ виду
 Баюшки-баю. И казакъ душой.
 Тихо смотреть мѣсяцъ ясный Провожать тебя я выйду—
 Въ колыбель твою. Ты махнешь рукой...
 Стану сказывать я сказки, Сколько горькихъ слезъ украдкой
 Пѣсенку спою; Я въ ту ночь пролью!..
 Ты-жъ дремли, закрывши глазки, Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
 Баюшки-баю. Баюшки-баю.
 По камнямъ струится Терекъ, Стану я тоской томиться,
 Плещеть мутный валъ; Безутѣшно ждать;
 Злой Чеченъ ползеть на берегъ, Стану цѣлый день молиться,
 Точить свой кинжалъ. По ночамъ гадать;
 Но отецъ твой—старый воинъ, Стану думать, что скучаешь
 Закалёнъ въ бою; Ты въ чужомъ краю...
 Спи, малютка, будь спокоенъ, Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
 Баюшки-баю. Баюшки-баю.
 Самъ узнаешь—будетъ время— Дамъ тебѣ я на дорогу
 Бранное житье; Образокъ святой:
 Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя Ты его, моляся Богу,
 И возьмешь ружье. Ставь передъ собой;
 Я сѣдельце боевое Да, готовясь въ бой опасный,
 Шелкомъ разошью... Помни мать свою...
 Спи, дитя мое родное, Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Баюшки-баю. Баюшки-баю.

М. Лермонтовъ.

ЛЮВОПЫТНЫЙ.

— Приятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?
 — Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;

Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
 Повѣришь-ли, не станетъ ни умѣнья
 Пересказать тебѣ, ни силъ.

Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!

Куда на выдумки природа таровата!
 Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
 Какія бабочки, букашки,
 Козявки, мушки, таракашки!

Однѣ—какъ изумрудъ, другія—какъ кораллы!
 Какія крохотны коровки!

Есть, право, менѣ булавочной головки!

— А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ?

Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?

— Да развѣ тамъ онъ?—Тамъ...—Ну, братецъ, виновать!

Слова-то я и не примѣтилъ.

И. Крыловъ.

Б Е Р Е З А .

Печальная береза	И радостенъ для взгляда
У моего окна,	Весь траурный нарядъ.
И прихотью мороза	Люблю игру денницы
Разубрана она.	Я замѣчать на ней,
Какъ гроздья винограда,	И жаль мнѣ, если птицы
Вѣтвей концы висятъ,	Стряхнуть красу вѣтвей.

А. Фетъ

Л А С Т О Ч К И .

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
 Память онъ, поломанъ и пустъ,
 Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
 Настурцій въ немъ огненный кустъ...
 Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
 И солнца осенняго блескъ,
 И листь, что съ березы спадаетъ,
 И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу—
 Пустое гнѣздо подъ окномъ;
 Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
 Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
 Двѣ ласточки, строя его!
 Какъ прутики глиной скрѣпляли,
 И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
 Какъ любо имъ было, когда
 Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
 Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
 Какъ дѣти, вели разговоръ...
 Потомъ полетѣли, летуньи!
 Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ—ихъ гнѣздо одиноко!
 Онѣ ужъ въ иной сторонѣ—
 Далеко, далеко, далеко...
 О! еслибы крылья и мнѣ!

А. Майковъ.

В Е С Н А .

Весна! выставляется первая рама! Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и
 И въ комнату шумъ ворвался, волей:
 И благовѣсть ближняго храма, Вонъ—даль голубая видна...
 И говоръ народа, и стукъ колеса. И хочется въ поле, въ широкое поле,
 Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами
 весна. *А. Майковъ.*

У Р О Ж А Й .

Краснымъ полымемъ	Огнемъ солнечнымъ,
Заря вспыхнула;	Подобралъ туманъ
По лицу земли	Выше темя горъ,
Туманъ стелется.	Нагустилъ его
Разгорѣлся день	Въ тучу черную.

Туча черная
 Понахмурилась,
 Понахмурилась—
 Что задумалась,
 Словно вспомнила
 Свою родину...
 Понесутъ ее
 Вѣтры буйные
 Во всѣ стороны
 Свѣта бѣлаго...
 Ополчается
 Громомъ, бурей,
 Огнемъ, молніей,
 Дугой-радугой;
 Ополчилась—
 И расширилась,
 И ударила,
 И пролилася
 Слезой крупною—
 Проливнымъ дождемъ
 На земную грудь,
 На широкую.
 И съ горы небесъ
 Глядитъ солнышко;
 Напилась воды
 Земля досыта.
 На поля, сады,
 На зеленые,
 Люди сельскіе
 Не насмотрятся.
 Люди сельскіе
 Божьей милости
 Ждали съ трепетомъ
 И молитвою.
 За-одно съ весной
 Пробуждаются

Ихъ завѣтныя
 Думы мирныя.
 Дума первая:
 Хлѣбъ изъ закрома
 Насыпать въ мѣшки,
 Убирать воза.
 А вторая ихъ
 Была думушка:
 Изъ села гужомъ
 Въ пору выѣхать.
 Третью думушку
 Какъ задумали,—
 Богу-Господу
 Помолилися;
 Чѣмъ-свѣтъ по полю
 Всѣ разѣхались,—
 И пошли гулять
 Другъ за дружкой,
 Горстью полною
 Хлѣбъ раскидывать;
 И давай пахать
 Землю плугами,
 Да кривой сохой
 Перепахивать,
 Бороны зубьемъ
 Порасчесывать.
 Посмотрю пойду,
 Полюбуюся,
 Что послалъ Господь
 За труды людямъ:
 Выше пояса
 Рожь зернистая
 Дремить колосомъ
 Почти до земли;
 Словно Божій гость,
 На всѣ стороны,

Дню веселому
 Улыбается.
 Вѣтерокъ по ней
 Плыветъ-лоснится,
 Золотой волной
 Разбѣгается...
 Люди семьями
 Принялися жать,
 Косить подъ корень
 Рожь высокую;
 Въ копны частыя
 Снопъ сложены;
 Отъ воевъ всю ночь

Скринить музыка.
 На гумнахъ вездѣ,
 Какъ князья, скирды
 Широко сидятъ,
 Поднявъ головы.
 Видитъ солнышко—
 Жатва кончена:
 Холоднѣй оно
 Пошло къ осени.
 Но жарка свѣча
 Поселянина
 Предъ иконою
 Божьей Матери.

А. Кольцовъ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы
 Растворилися,
 На коняхъ, на саняхъ
 Гости вѣхали;
 Имъ хозяинъ съ женой
 Пизко кланялись,
 Со двора повели
 Въ свѣтлу горенку.
 Передъ Спасомъ святымъ
 Гости молятся;
 За дубовы столы,
 За набранные,
 На сосновыхъ скамьяхъ
 Съли званые.
 На столахъ куръ, гусей
 Много жареныхъ,
 Пироговъ, ветчины
 Влюда полныя.
 Бахромой, кисеей
 Принаряжена,
 Молодая жена,

Чернобровая,
 Обходила подругъ
 Съ поцѣлуями,
 Разносила гостямъ
 Чашу горькаго;
 Самъ хозяинъ, за ней,
 Брагой хмельною
 Изъ ковшей вырѣзныхъ
 Родныхъ потчуетъ;
 А хозяйская дочь
 Медомъ сыченнымъ
 Обносила кругомъ
 Съ лаской дѣвичьей.
 Гости пьютъ и ѣдятъ,
 Рѣчи гуторятъ—
 Про хлѣба, про покось,
 Про старинушку:
 Какъ-то Богъ и Господь
 Хлѣбъ уродитъ намъ?
 Какъ-то сѣно въ степи
 Будетъ зѣлено?

Гости пьютъ и ѣдятъ, Перекликнулись;
Забавляются, Призатихъ говоръ, шумъ
Отъ вечерней зари Въ темной горенкѣ;
До полуночи. Отъ воротъ поворотъ
По селу пѣтухи Видень по снѣгу.

Д. Колюцовъ.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

„Откуда умная бредешь ты голова?“
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.

— „Сейчасъ лишь ото льва!

Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила!
Бывало, зарычить, такъ стонеть лѣсъ кругомъ,

И я безъ памяти бѣгомъ,

Куда глаза глядятъ, отъ этого уroda;
А нынѣ, въ старости, и дряхль, и хилъ,

Совсѣмъ безъ силъ,

Валяется въ пещерѣ, какъ колода.

Повѣришь-ли, въ звѣряхъ

Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.

И заплатился онъ старинными долгами!

Кто мимо льва ни шель, всякъ вымещалъ ему

По-своему:

Кто зубомъ, кто рогами...“

„Но ты коснуться льва, конечно, не дерзнулъ?“

Лиса осла перерываетъ.

— „Вотъ-на!“ осель ей отвѣчаетъ:

„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:

Пускай ослиныя копыта знаетъ!“

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,

Не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды;

Но упади лишь съ высоты,

Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

И. Крыловъ.

ПѢСНЯ ВЪ ДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить? О, щедрый Богъ! не вовсе-жъ я
Покинуть я и сирь; Тобою позабытъ:
Хотѣлъ-бы весело хоть разъ Источникъ милости Твоей
Взглянуть на Божій міръ. Для всѣхъ равно открытъ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ Въ селеніи каждомъ есть Твой
Когда-то счастливъ былъ; храмъ
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ Съ сіяющимъ крестомъ,

Какъ я ихъ схоронилъ. поръ, Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Я вижу замки богачей Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
И ихъ сады кругомъ. Любуюсь на зарю
Моя-жъ дорога мимо нихъ И, слыша благовѣсть, съ Тобой,
Съ заботой и трудомъ. Создатель, говорю.

Но я счастливыхъ не дичусь, И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Моя печаль въ тиши; Въ небесной сторонѣ;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать: Тамъ буду праздновать и я,
Богъ помочи! отъ души. Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

В. Жуковский.

У Т Р О.

Звѣзды меркнуть и гаснуть. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь—безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщить, рябить.
Провеслись утки съ шумомъ—и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенить.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ-разгорается.

Птички солнышка ждуть, птички пѣсни поютъ,
 И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
 Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ,
 За морями ночлегъ свой покинуло;
 На поля, на луга, на макушки ракигъ
 Золотыми потоками хлынуло.
 Ёдетъ пахарь съ сохой, ёдетъ—пѣсню поетъ;
 По плечу молодцу все тяжелое...
 Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
 Здравствуй, солнце да утро веселое!

И. Никитинъ.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, трудясь надъ дугами,
 Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
 (А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
 Медвѣдъ задумалъ жить такими-же трудами.
 Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
 И слышно за версту проказу.
 Орѣшника, березняка и вязу
 Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
 А не дается ремесло.
 Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта,
 И говорить: „Сосѣдъ, что за причина эта?
 Деревья-таки я ломать могу,
 А не согнулъ ни одного въ дугу.
 Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?“
 — Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдъ,
 Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
 Въ терпѣнья.

И. Крыловъ.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
 Наѣлась желудей до сыта, до отвала;
 Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;

Потомъ, глаза продравши, встала
 И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
 „Вѣдь это дереву вредитъ“,
 Ей съ дуба воронъ говоритъ:
 „Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ“.
 — „Пусть сохнетъ“, говоритъ свинья:
 „Ни чуть меня то не тревожитъ;
 Въ немъ проку мало вижу я;
 Хотъ вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю;
 Лишь были-бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю“.
 — „Неблагодарная!“ промолвилъ дубъ ей тутъ:
 „Когда-бы вверху могла поднять ты рыло,
 Тебѣ-бы видно было,
 Что эти желуди на мѣѣ растутъ“.

И. Крыловъ.

ВОЛКЪ И КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
 Не въ гости, но животь спасая;
 За шкуру онъ свою дрожалъ:
 Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
 Онъ радъ-бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,—
 Да то лишь горе,
 Что всѣ ворота на запорѣ.
 Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ
 Кота,
 И молитъ: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе:
 Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
 Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
 Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
 Все это вѣдь за мной.“—„Проси скорѣй Степана;
 Мужикъ предобрый онъ“, котъ Васька говоритъ.
 „То такъ; да у него я ободрала барана“.
 — „Ну, попытайся у Демьяна“.
 „Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
 Я у него унесъ козленка“.
 — „Бѣги-жь, вонъ тамъ живетъ Трофимъ“.

„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозитъ за ягненка!“

— „Ну, плохо-жь!—Но, авось, тебя укроетъ Климъ!“

„Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я телянка!“

— „Что вижу, кумъ! Ты всё въ деревнѣ насолилъ!“

Сказалъ тутъ Васька волку:

— „Какую жь ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?

Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,

Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.

И правы: самъ себя вини:

Что ты посеялъ, то и жни“.

И. Крыловъ.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день,

Бросая по долинѣ тѣнь,

Листы на деревѣ съ зефирами шептали,

Хвалились густотой, зеленостью своей,

И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:

„Не правда-ли, что мы краса долины всей?

Что нами дерево такъ пышно и кудряво,

Раскидисто и величаво?

Что-бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,

Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!

Не мы-ль отъ зноя пастуха

И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?

Не мы-ль красотой своей

Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?

У насъ-же раннею и поздною зарей

Насвистываетъ соловей.

Да вы, зефиры, сами

Почти не разстаетесь съ нами“.

— „Примолвить можно-бы спасибо тутъ и намъ“,

Имъ голосъ отвѣчалъ изъ подъ земли смиренно.

„Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?

Вы кто такіе тамъ,

Что дерзко такъ считаться съ нами стали?“

Листы, по дереву шумя, залепетали.

„Мы тѣ,

Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,

Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?

Мы—борни дерева, на коемъ вы цвѣтете.

Красуйтесь въ добрый часъ!

Да только помните ту разницу межъ насъ:

Что съ новою весной листъ новый народится;

А если корень изсушится,—

Не станеть дерева, ни васъ“.

И. Крыловъ.

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Приди ты, нѣмощный,

Приди ты, радостный!

Звонять ко всенощной,

Къ молитвѣ благостной!

И звонъ смиряющій

Всѣмъ въ душу просится;

Окрестъ сзывающій,

Въ поляхъ разносится!..

Въ Холмахъ, селѣ большомъ,

Есть церковь новая;

Воздвигла Божій домъ

Сума торговая:

И службы Божія

Богато справлены,

Иконъ подножія

Свѣчами уставлены.

И старъ, и младъ войдетъ:

Сперва помолится,

Поклонъ земной кладетъ,

Кругомъ поклонится...

И стройно клирное

Несетъ пѣніе,

И дьяконъ мирное

Творить глашеніе:

О благодарственномъ

Трудѣ молящихся,

О градѣ царственномъ,

О всѣхъ трудящихся.

Аксаковъ.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать солнышко утомлено;

За горы прячется оно,

Лучъ погашаетъ за лучемъ,

И алымъ тонкимъ облачкомъ

Задержувъ ликъ усталый свой,

Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;

Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.

Вездѣ-жь работа: на горахъ,

Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ:

Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,

И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты

И имъ расписывай листы;

Потомъ медвяною росой

Пчелу работницу напои,

И чистыхъ капель межъ листовъ И травку влагой окропи,
 Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ. И яркой радугой съ небесъ
 Зерну скорлупку расколи, Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
 И молодую изъ земли А гдѣ подь острою косою
 Былинку выведи на свѣтъ; Трава ложится полосой,
 Пичужкамъ приготовь обѣдъ; Туда безоблачно сійя
 Тѣхъ пріюти между вѣтвей, И сѣно въ копны собирай,
 А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй. Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ
 И вишнямъ дай румяный цвѣтъ; пестрѣль,
 Не позабудь горячій свѣтъ И съ ними рядъ возовъ скрипѣль.
 Разсыпать на зеленый садъ, И такъ совсѣмъ не мудрено,
 И золотистый виноградъ Что разгорѣлося оно,
 Отъ зноя листьями прикрыть, Что отдыхаетъ на горахъ
 И колосъ зрѣлостью налить. Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
 А если жаръ для стада жестокъ, И намъ, сходя за небосклонъ,
 Смани ихъ къ рошѣ въ холодокъ; Въ прохладѣ шепчетъ: добрый
 И тучку темную скопи, сонъ!

В. Жуковскій.

МОЛИТВА ДИТЯТИ.

Молись, дитя: тебѣ внимаеть И ихъ въ надзвѣздную обитель,
 Творецъ безчисленныхъ міровъ, Къ престолу Бога отнесеть.
 И капли слезъ твоихъ считаетъ, Молись, дитя, мужай съ лѣтами,
 И отвѣчать тебѣ готовъ. И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
 Быть можетъ, ангелъ твой хра- Такими-жъ свѣтлыми очами
 нитель Тебѣ глядѣтъ на Божій свѣтъ!
 Всѣ эти слезы собереть

И. Никитинъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДУМА.

На восьмой десятокъ Ровесникамъ дѣтки
 Пять лѣтъ перегнулось, Давно помогаютъ,—
 Какъ одну я пѣсно, Только мнѣ на свѣтъ
 Пѣсно молодую, Перемѣны нѣту.
 Пою-запѣваю Сынъ пошелъ на службу,
 Старою погудкой; А другой въ могилу;
 Какъ одну я лямку Двѣ вдовы невѣстки,
 Тяну безъ подмоги! У нихъ дѣтей куча—

Все малъ-мала меньше; Тому невидимо
 За одной головою Господь посылаетъ.
 Ничего не знаютъ, Посмотришь—одинъ я
 Гдѣ пахать, что сѣять, Батракъ и хозяинъ;
 Позабыли думать... А живу чѣмъ хуже
 Богу, знать, угодно Людей семьянистыхъ?
 Наказать, подь старость, Лиха бѣда въ землю
 Меня, горемыку, Кормилицу ржицу
 Такой тяготою. Мужичку закинуть,—
 Сбыть съ двора невѣстокъ, А тамъ Богъ уродить,
 Пустить сиротъ въ люди— Микола подсобить
 Старики, на сходкѣ, Собрать хлѣбецъ съ поля;
 Про Кузьму что скажутъ? Такъ его достанетъ
 Нѣтъ,—мой згадъ, ужъ лучше, Годъ семью пробавить,
 Доколь мочь и сила, Посбыть подать съ шеи
 Доколь душа въ тѣлѣ, И нужды поправить,
 Буду я трудиться; И лишней копѣйкой
 Кто у Бога просить, Божій праздникъ встрѣтить.
 Да работать любить—

А. Кольцовъ.

УРОКЪ.

На лужайкѣ дѣтскій крикъ: И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
 Учитъ грамотѣ ребятъ Грамотному дамъ.
 Весь сѣдой ворчунъ-старикъ, Битый—правду говоритъ
 Отставной солдатъ. Молвь людей простыхъ—
 —Я согнулся, я ужъ слабъ, Стоитъ двухъ, кто не былъ битъ:
 А виды видалъ; Грамотей—троихъ.
 Унтеръ не былъ-бы, когда-бъ Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
 Грамотѣ не знали! Буки-азъ! Буки-азъ!
 Дружно, дѣти! всѣ заразъ: Стасье въ грамотѣ для васъ.
 Буки-азъ! Буки-азъ! Митя, видишь карандашъ?
 Стасье въ грамотѣ для васъ. За моей слѣди рукой:
 У меня-ль въ саду цвѣтокъ Это *уже*, а не *нашъ*;
 Посадила я каждый самъ, Экой срамъ какой!

Да прислушайте: съ полкомъ
 Въ Греціи я былъ,
 Въ двадцать, значитъ... а въ ка-
 комъ,

Значитъ, позабылъ.
 Дружно, дѣти! всѣ заразы:
 Буки-азъ! Буки-азъ!
 Счастье въ грамотѣ для васъ.

Отстояли мы друзей!
 Разъ иду себѣ одинъ,
 Вижу—школа для дѣтей
 У воротъ Аѳинъ.
 Въ школѣ учится морякъ,
 Дѣтямъ не подстать;

Я взглянулъ—и какъ дуракъ
 Началъ хохотать.
 Дружно, дѣти! всѣ заразы:
 Буки-азъ! Буки-азъ!
 Счастье въ грамотѣ для васъ.

Но учитель мнѣ сказалъ:
 „Ты глупѣй ребенка самъ:
 „Ты героя осмѣялъ,
 „Страшнаго врагамъ.
 „Онъ за грековъ мстилъ—предъ
 нимъ
 „Трепеталъ султанъ,
 „И упалъ, сожженъ живымъ,
 Вражій капитанъ“.

Дружно, дѣти! всѣ заразы:
 Буки-азъ! Буки-азъ!
 Счастье въ грамотѣ для васъ.

„Гордость края моего—
 „Онъ Канари *)—да.
 „Въ мѣрѣ встрѣтили его
 „Горе и нужда;
 „Онъ, умѣя побѣждать,
 „Сѣлъ букварь учить,
 „Все затѣмъ, чтобы опять
 „Греціи служить!“
 Дружно, дѣти! всѣ заразы:
 Буки-азъ! Буки-азъ!
 Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ,
 Я въ смущеніи стоялъ;
 Но герой сжалъ руку мнѣ,
 Слово мнѣ сказалъ...
 Мнѣ послышался завѣтъ
 Бога самаго:

„Знанье—вольность, знанье—
 свѣтъ:
 „Рабство безъ него!“
 Дружно, дѣти! всѣ заразы:
 Буки-азъ! Буки-азъ!
 Счастье въ грамотѣ для васъ!

Беранже (переводъ Курочкина).

КОНЕЦЪ.

*) Канари—знаменитый греческій морякъ, много содѣйствовавшій освобожденію Греціи изъ подъ власти турокъ; онъ, своимъ брандерами, сжегъ множество турецкихъ кораблей, и о немъ говорили: «Турки боятся Канари болѣе, чѣмъ подводныхъ скалъ Архипелага».

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРЕСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы.

ИЗДАНИЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Пересмотрѣнное Я. Н. Наумовымъ и П. А. Шафрановымъ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сент. 1902 года.

Бумага, на которой печатается „Дѣтскій Міръ“, снабжена водяными знаками: Изданіе Н. С. Ушинской.

Въ типографіяхъ: М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, Невскій пр., д. № 8, листы: 14 по 26, титулъ и обертка.

Товар. «Общественная Польза», Бол. Подъячская, № 39, листы 1 по 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

Отдѣлъ I.

Изъ природы.

	стр.
Всякой вещи свое мѣсто	1
Хрущъ, или майскій жукъ	5
Бабочка	9
Шелковичный червячекъ	11
Комнатныя мухи	15
Паукъ	16
Дождевой червякъ	19
Улитка	21
Коралловые полипы	22
Инфузоріи, или наливочныя животныя	26
Вишня	28
Какъ изъ вишневаго цвѣтка дѣлается вишня	29
Земляника	31
Березка и ея семейство	33
Ива	37
Хвойныя деревья	39
Бѣлая лилія	43
Коволя, лень и хлопчатникъ	46
Одуванчикъ	50
Рожь	54
Другія хлѣбныя растенія, наши и не наши	56
На лугу	60
Пальма	63
Грибы	65
Классификація растеній	69
Грифельная доска	72

Гранитный валунъ	стр. 74
Известь	78
Ручей	80
Классификація минераловъ	85
Сотвореніе человека	87

Отдѣлъ II.

Изъ русской исторіи.

Лѣтописецъ (<i>А. С. Пушкина</i>)	89
Ослѣпленіе Василья	90
Владиміръ Мономахъ	94
Наши дремучіе лѣса	98
Андрей Боголюбскій	100
Наши степи	103
Походъ Игоря, князя Новгородсверскаго	105
Битва съ татарами на рѣкѣ Калкѣ	115
Нашествіе Батыя	118
Александръ Невскій	122
Возвышеніе Москвы	125
Куликовская битва (<i>Карамзина</i>)	126
Іоаннъ III-й	129
Взятіе Казани (<i>Н. М. Карамзина</i>)	131
Народная пѣсня про покореніе Казани	132
Василій Шибановъ (<i>А. Толстого</i>)	133
Великодушіе св. Филиппа (<i>Н. М. Карамзина</i>)	135
Посольство Ермака (<i>А. Толстого</i>)	138
Первое извѣстіе о Самозванцѣ (<i>А. С. Пушкина</i>)	142
Чудо св. Димитрія (<i>Его же</i>)	144
Начало осады Троицкой Лавры (<i>Н. М. Карамзина</i>)	145
Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ (<i>Островскаго</i>)	147
Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство (<i>Н. Полевскаго</i>)	152
Петръ I-й	153
День Петра Великаго (<i>Корниловича</i>)	156
Полтавская битва (<i>А. Пушкина</i>)	161
Бородино (<i>М. Лермонтова</i>)	162
Манифестъ (<i>А. Майкова</i>)	164

Отдѣлъ III.

Изъ географіи.

Вблизи и вдали	165
Земля	166

Глобусъ	стр. 167
Первое знакомство съ полушаріями	170
Христофоръ Колумбъ	173
Васко-де-Гама	180
Магелланъ	182
Капитанъ Кукъ	185
Небесный сводъ	189
Движеніе земли	191
Пифагоръ	193
Коперникъ	—
Галилей	194
Ньютонъ	196
Телескопъ	200
Горная страна	204
Море	208
Рейскій водопадъ (<i>Карамзина</i>)	213
Геркуланъ	214
Ночь на Везувіи (<i>Яковлева</i>)	217
Эскимосы	221
Самоѣды (<i>Максимова</i>)	225
Киргизскія степи (<i>Ковалевскаго</i>)	228
Голландцы	231
Въѣздъ въ Лондонъ съ моря (<i>Михайлова</i>)	233
Іерусалимъ (<i>Норова</i>)	236
Кіевъ (<i>Хомякова</i>)	239
Москва (<i>Глинки</i>)	240
Кавказъ (<i>Пушкина</i>)	—
Финляндія (<i>Батюшкова</i>)	241
Петербургъ (<i>Пушкина</i>)	—
Путешествіе по Волгѣ:	
1 письмо (<i>Отъ Петербурга до Твери</i>)	243
2 " (<i>Отъ Твери до Рыбинска</i>)	251
3 " (<i>Отъ Рыбинска до Нижняго</i>)	256
4 " (<i>Нижній Новгородъ</i>)	264
5 " (<i>Отъ Нижняго до Казани</i>)	269
6 " (<i>Отъ Казани до Астрахани</i>)	273

Отдѣлъ IV.

Первые уроки логики.

Роза и гвоздика	стр. 282
Классная и грифельная доска	—
Что такое различіе и сходство?	283

Различіе признаковъ	стр. 285
Сужденіе.	286
Тѣло	287
Различіе предметовъ	288
Роды и виды.	290
Признаки видовые и родовые	291
Споръ (<i>Понятіе</i>)	292
Опредѣленіе	294
Явленіе, причина и слѣдствіе	296
Цѣль и назначеніе	299
Законъ.	301
Законъ естественный и нравственный	303

ХРЕСТОМАТІЯ.

Отдѣлъ I.

Стихи.

Зимняя дорога (<i>А. Пушкина</i>)	1
Двѣ бочки (<i>И. Крылова</i>).	—
Прохожіе и собаки (<i>Его же</i>)	2
Крестьянинъ и работникъ (<i>Его же</i>)	—
Три пальмы (<i>Лермонтова</i>)	3
Что ты спишь, мужичокъ? (<i>Колымова</i>).	5
Раздумье селянина (<i>Его же</i>)	6
Судъ Божій надъ Епископомъ (<i>Жуковскаго</i>)	—
Волкъ на псарнѣ (<i>Крылова</i>)	8
Солнце и мѣсяць (<i>Полонскаго</i>).	9
Косарь (<i>Колымова</i>)	10
Ангель (<i>Лермонтова</i>)	12
Водопадъ (<i>Державина</i>)	—
Весенняя гроза (<i>Тютчева</i>).	13
Мирская сходка (<i>Крылова</i>)	—
Два мужика (<i>Его же</i>)	14
Овсяный кисель (<i>Жуковскаго</i>)	15
Нива (<i>Майкова</i>)	17
Утро на берегу озера (<i>Никитина</i>)	18
Мельница (<i>Его же</i>).	19
Ночлеги въ деревнѣ (<i>Его же</i>)	—
Демьянова уха (<i>Крылова</i>)	20
Три мужика (<i>Его же</i>)	—
Какъ мыши коту хоронили (<i>Жуковскаго</i>)	21
Невольничій корабль (<i>изъ Гейне, переводъ Водовозова</i>)	25

Шоссе и обыкновенная дорога (<i>Аксакова</i>).	стр. 28
Кто онъ? (<i>Майкова</i>)	29
Пѣсня Лихача-Кудрявича (<i>Колымова</i>)	30
Нищія (<i>Никитина</i>)	—
Капитанъ Боппъ (<i>Жуковскаго</i>)	31
Бада-проповѣдникъ (<i>Полонскаго</i>)	39
Кубокъ (<i>Жуковскаго</i>)	40
Воздушный корабль (<i>Лермонтова</i>)	45
Льсной парь (<i>Жуковскаго</i>)	48
Утопленникъ (<i>Пушкина</i>)	49

Отдѣлъ II.

Проза.

Пшеница и плевелы (<i>Демцеля</i>)	50
Воспитаніе (<i>Круммахера</i>)	51
Отцовскій долгъ (<i>Кокорева</i>)	52
Бѣленькій цвѣточекъ (<i>Андерсена</i>).	55
Гостинница въ степи	59
Истинно-христіанская жизнь (<i>съ французскаго</i>)	71
Переправа черезъ рѣку (<i>Круммахера</i>).	77
Смерть и сонъ (<i>Его же</i>)	78
Воробей (<i>Тургенева</i>)	79
Возвращеніе на родину (<i>Пушкина</i>)	80
Первые каникулы гимназиста (<i>Аксакова</i>)	81
Ермолай и его Валетка (<i>Тургенева</i>)	84
Льговъ (<i>Его же</i>)	86
Штольцы: отецъ и сынъ (<i>И. Гончарова</i>)	94

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗЪ ПРИРОДЫ.

ВСЯКОЙ ВЕЩИ СВОЕ МѢСТО *).

Богатый дядя, уѣзжая надолго за-границу, подарилъ двумъ своимъ племянникамъ по большому сундуку съ самыми разнообразными вещами. Здѣсь были игрушки и книги, чучела животныхъ и картины, засушенныя растенія и раковины, куски камней и образчики металловъ. Само собою разумѣется, что дѣти обрадовались такому богатому подарку: сейчасъ-же успѣли опустошить сундуки и посмотреть, что въ нихъ находится. Но вещей было такъ много и опѣ были такъ разнообразны, что дѣти никакъ не могли даже хорошо познакомиться съ своимъ богатствомъ: часто они напрасно и долго искали какую-нибудь вещь, хотя, казалось, видѣли ее недавно, и даже не знали хорошенько, что у нихъ есть и чего нѣтъ. Они, правда, разложили свои вещи довольно аккуратно, по кучкамъ; но въ каждой кучкѣ было столько разнообразныхъ предметовъ, что невозможно было припомнить, гдѣ что лежитъ. Разъ, дѣти долго искали какой то блестящей раковины, которая понравилась имъ обоимъ, — перерыли все, но не находили ее. Въ это самое время въ дѣтскую вошелъ отецъ, и дѣти рассказали ему свое горе.

*) Статья эта можетъ быть прочитана съ большою пользою только въ томъ случаѣ, если читающій хорошо и систематически ознакомился съ 1-ю частью „Дѣтскаго Мира“; если же этого, почему либо, не было сдѣлано, то слѣдуетъ эту статью пропустить. По прочтеніи статьи полезно составить таблицу и по ней резюмировать цѣлымъ классомъ, и вкратцѣ, все прочитанное о животныхъ въ 1-й части «Дѣтскаго Мира». Такое повтореніе и систематизація пріобрѣтенныхъ уже знаній составляютъ одно изъ могущественныхъ средствъ развитія вообще и укрѣпленія памяти въ особенности.

— Это происходит оттого, друзья мои, сказалъ дѣтямъ отецъ, — что ваши вещи, какъ я вижу, въ большомъ беспорядкѣ. Хотя вы и разложили ихъ по кучкамъ, но не такъ, какъ слѣдуетъ. Надобно разложить ихъ по *родамъ и видамъ*, каждый предметъ на свое мѣсто, и тогда вы будете знать, гдѣ что лежитъ, и легко отыщете то, что вамъ нужно.

— Но что значить разложить по родамъ и видамъ, спросили дѣти въ одинъ голосъ, — и какъ это сдѣлать?

— Очень легко: положите игрушки къ игрушкамъ, картины къ картинамъ, всё чучела животныхъ соберите въ одно мѣсто, растенія въ другое, камни въ третье; книги помѣстите особо.

Дѣти, съ помощью отца, исполнили то, что онъ имъ совѣтоваль.

— Вотъ теперь получше, сказалъ отецъ; но все еще порядка мало. Вы, напримѣръ, разставили книги, судя по формату, — большія къ большимъ, а меньшія къ меньшимъ, тогда какъ книги должно размѣщать по содержанию. Поставьте же учебники къ учебникамъ, сказки къ сказкамъ, путешествія къ путешествіямъ; въ книгахъ различнаго формата можетъ быть одно и то-же содержаніе, и наоборотъ. Дурно также вы разставили животныхъ и разложили растенія. Посмотрите: у васъ рядомъ съ фигурою слона стоитъ чучело орла; хотя орелъ птица, а слонъ звѣрь.

Дѣти, съ помощью отца, разставили книги, какъ слѣдуетъ, и сами отдѣлили птицъ отъ другихъ животныхъ.

— Немного болѣе порядка, а все еще мало. Посмотрите, у васъ слонъ стоитъ вмѣстѣ съ крокодиломъ, хотя эти животныя совершенно различны: слонъ живетъ на сушѣ и рождаетъ живыхъ дѣтей, а крокодилъ живетъ въ водѣ, хотя и не рыба, и кладетъ яйца, хотя и не птица. Отдѣлите сначала животныхъ, называемыхъ звѣрями, т. е. такихъ, которыя покрыты шерстью, рожаютъ живыхъ дѣтеней и кормятъ ихъ своимъ молокомъ, почему и называются *млекопитающими*.

Съ помощью отца, дѣти отдѣлили звѣрей отъ всѣхъ прочихъ животныхъ.

— Вотъ теперь уже больше порядка, а все же мало. Посмо-

трите: у васъ осель стоитъ рядомъ съ кошкой, хотя у осла копыта, а у кошки когти. Отдѣлите же въ сторону всѣхъ млекопитающихъ, у которыхъ ноги вооружены копытами.

Дѣти безъ труда исполнили приказаніе отца.

— Хорошо, сказалъ отецъ: но и тѣхъ животныхъ изъ *класса* млекопитающихъ, ноги которыхъ вооружены копытами, можно разставить въ большемъ порядкѣ. Поставимъ сначала копытныхъ съ непарнымъ числомъ копытъ (какія?) и рядомъ съ ними — съ парнымъ числомъ копытъ (какія?). Вотъ у насъ и получился 1-й *отрядъ* животныхъ *копытныхъ*, въ которомъ различаются два *подотряда*: первый — *непарнокопытныхъ*, каковы — носорогъ, лошадь, осель, зебра; и второй — *парнокопытныхъ*, заключающей въ себѣ двѣ группы. Къ первой группѣ относятся бегемотъ, свинья домашняя и кабанъ, у которыхъ сильно развиты клыки, а на коренныхъ зубахъ находятся бугорки: на переднихъ острые для разрѣзыванія, а на заднихъ тупые для перетиранія пищи. Ко второй группѣ относятся животныя съ коренными зубами только для перетиранія пищи и съ сложнымъ желудкомъ; они отгрыгаютъ *жвачку*, почему и называются *жвачными* животными. Къ этой группѣ относятся нѣсколько *семействъ*: 1-е сем. *мозолоногихъ*, въ которое входятъ двугорбый и одnogорбый верблюды и хорошенькая лама съ вытянутой шеей; 2-е сем. *оленье*, къ которому причисляются стройные олени всѣхъ видовъ съ плотными, вѣтвистыми рогами; 3-ье сем. *полорогихъ*, куда относится быкъ, бизонъ, буйволъ, зубръ — самое крупное изъ животныхъ Европы, который водится теперь только лишь въ Бѣловѣжской пущѣ и на Кавказѣ, зебу съ жировымъ горбомъ на загривкѣ, распространенный въ Индіи и восточной Африкѣ въ качествѣ домашнего скота, и разнообразные виды антилопъ, козъ и овецъ; представителемъ 4-го семейства является *жирафъ* съ очень высокими передними ногами и чрезвычайно длинной шеей. Слонъ азіатскій и слонъ африканскій хотя и имѣютъ на пальцахъ небольшія копытца, но составляютъ собою 2-й отрядъ, который носитъ названіе *хоботныхъ*, куда относятся также мамонта и мастодонта, теперь уже вымершихъ.

Теперь займемся животными, у которых на пальцах не копыта, а когти. Изъ нихъ мы легко устроимъ 3-й отрядъ—*хищныхъ* (какіе признаки хищныхъ звѣрей?). Въ отрядѣ хищныхъ мы отличимъ пять семействъ: *кошачье*, со втяжными когтями, второе семейство хищныхъ будетъ—*собачье*,¹ третье семейство—*геновое*, четвертое—*медвѣжье*, пятое семейство отряда хищныхъ—*хорьковое*. (Какіе роды и виды хорьковаго семейства вы знаете?).

Затѣмъ помѣстимъ 4-й отрядъ *грызуновъ*. (Признаки грызуновъ? Какіе звѣри относятся къ этому отряду?)

Далѣе помѣстимъ 5-й отрядъ—*насъкомаюдныхъ*. (Кого вы отнесете къ этому отряду?) Затѣмъ помѣстимъ 6-й отрядъ—*рукокрылыхъ*. (Какое рукокрылое животное вы знаете?). 7-й отрядъ составятъ *обезьяны*. (Какихъ обезьянъ вы знаете?). Наконецъ поставимъ два отряда морскихъ звѣрей: 8-й—*ластоногихъ* и 9-й—*китообразныхъ*. (Какіе звѣри относятся къ первому и какіе ко второму отряду?).

Вотъ и всѣ *млекопитающія* животныя, какихъ мы съ вами узнали. Теперь займемся размѣщеніемъ *птицъ*, которыхъ легко отличить по перьямъ, по крыльямъ, по ногамъ и по клюву. Первымъ отрядомъ поставимъ—*куриный*. (Какія птицы относятся къ этому отряду?). Второй отрядъ будетъ—*голенастыхъ* или *болотныхъ*. (Какія птицы принадлежатъ къ этому отряду? Почему онѣ такъ называются?). Третій отрядъ—птицъ *бѣгающихъ*. (Какую вы знаете бѣгающую птицу?). Четвертый отрядъ составятъ птицы *плавающія*. (Какія?). 5-й—*хищныхъ*, дневныхъ и ночныхъ (какія?); 6-й—*воробьиныхъ* (какія?); 7-й—*голубиныхъ*, куда относятся одни голуби разнообразныхъ видовъ, и 8-й—*парнопалыхъ* или *лазунновъ*. (Какія птицы относятся къ этому послѣднему отряду? Почему онѣ такъ названы?).

Вотъ мы установили два класса животныхъ: звѣрей и птицъ. О другихъ классахъ мы знаемъ немного, но постараемся и животныхъ этихъ классовъ размѣстить, какъ можемъ. Сначала размѣстимъ классъ *пресмыкающихся*, гдѣ замѣтимъ 4 отряда: *крокодилы*, *ящерицы*, *змѣи* и *черепахи*.

Четвертый классъ составлять у насъ животныя *земноводныя*. (Какое земноводное животное вы знаете и почему оно такъ называется?).

Пятый классъ займутъ у насъ *рыбы*. (Чѣмъ отличаются рыбы отъ всѣхъ прочихъ классовъ?).

У всѣхъ животныхъ этихъ пяти классовъ (какихъ именно классовъ?) есть одинъ общій признакъ: это все животныя *позвоночныя*, т. е. такія, у которыхъ есть позвоночный столбъ. У всѣхъ же остальныхъ животныхъ, которыхъ мы еще не привели въ порядокъ, нѣтъ позвоночнаго столба, и теперь мы займемся именно этими *безпозвоночными* животными.

На время, прибавилъ отецъ, мы не тронемъ животныхъ беспозвоночныхъ, и приведемъ ихъ въ порядокъ тогда, когда что-нибудь о нихъ узнаемъ. Теперь же вы уже знаете, для чего нуженъ порядокъ и *система*: иначе мы не могли бы помнить такого множества животныхъ, равно какъ и всей массы растений и минераловъ, какіе извѣстны каждому, кто изучалъ естественныя науки. Да и вообще умные люди давно замѣтили, что для того, чтобы занятія шли успѣшно, всякой вещи должно быть свое мѣсто, а всякому дѣлу свое время.

ХРУЩЪ ИЛИ МАЙСКІЙ ЖУКЪ.

Это насѣкомое очень хорошо знакомо каждому изъ насъ; но, рассмотрѣвъ его поближе и повнимательнѣе, мы откроемъ въ немъ много любопытнаго, чего прежде не замѣчали.

Небольшое тѣло хруща весьма замѣтно раздѣляется на три части: голову, грудь и брюшко. Головка у него очень небольшая и весьма малоподвижная; на ней мы замѣтимъ два большіе блестящіе глаза и ротъ, состоящій изъ шести частей: двухъ губъ и четырехъ челюстей; челюсти движутся въ стороны и зубцами своими перетираютъ пищу. На нижнихъ челюстяхъ и на нижней губѣ мы замѣтимъ еще маленькіе членистые отростки, называемые *щупальцами*; ими хрущъ ощупываетъ и поддерживаетъ пищу. Такого сложнаго рта мы не видѣли еще ни у одного животнаго. На головѣ хруща замѣтимъ мы еще два отростка въ родѣ двухъ усиковъ, утолщающихся къ концу

и снабженных на вершинѣ широкими пластинками, которыя могутъ расходиться на подобіе вѣера; усики эти называются также *саяжками*. Окончанія этихъ саяжковъ считаются органами обонянія, такъ какъ съ отрѣзанными саяжками хрущъ, какъ и всякое другое насекомое, теряетъ способность отыскивать себѣ пищу.

Грудь хруща начинается тотчасъ за головой. Она состоитъ изъ трехъ колець. Первое и ближайшее къ головѣ, сравнительно съ другими, велико: если смотрѣть сверху, то кажется, что оно одно образуетъ всю грудь. Второго и третьяго кольца, когда сложены у жука крылья, сверху не видно, потому что они бывають накрыты жесткими крыльями; впрочемъ, второе колечко замѣтно наверху между крыльями въ видѣ сердцевиднаго щитка. Къ каждому изъ грудныхъ колець снизу прикрѣплено по парѣ ногъ, а сверху ко 2-му—жесткія верхнія крылья, или *надкрылья*, къ 3-му—настоящія перепончатая крылья, служащія для летанія. Брюшко хруща, котораго сверху за надкрыльями почти не видать, состоитъ изъ семи колець чернаго цвѣта; на каждомъ изъ этихъ колець съ боковъ по бѣлому трехугольному пятнышку; роговидное окончаніе брюшка выходитъ треугольникомъ и имѣетъ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Каждая нога состоитъ изъ пяти частей; послѣдняя часть, соответствующая лапѣ звѣря, состоитъ изъ пяти суставцевъ, съ двумя коготками на послѣднемъ суставѣ, и называется *лапкой*. Эти суставчатая, членистая ноги помогаютъ животному двигаться, а крючковатая лапка даютъ ему возможность сидѣть крѣпко, уцѣпившись за листокъ дерева или за вѣтку.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что хрущъ, какъ и всякій другой жукъ, состоитъ изъ множества отдѣльныхъ члениковъ, суставцевъ: въ груди три сустава, въ брюшкѣ семь, ножки и ротъ также состоятъ изъ члениковъ; даже саяжки и тѣ не простые, а состоятъ тоже изъ члениковъ. Вотъ почему хруща причисляютъ къ животнымъ *членистоногимъ*, къ которымъ мы причисляемъ и осу, и муху, и пчелу, и муравья, и паука, и множество другихъ животныхъ, если разсмотримъ ихъ хорошенько.

Сверху, на спинѣ хруща, мы видимъ два свѣтло-коричневыхъ блестящія крыла, жесткія, глянцовитыя, по которымъ вдоль идутъ

выпуклыя полоски; но это, собственно, не крылья,— трудно было бы летать на такихъ жесткихъ и тяжелыхъ крыльяхъ,— а только крышки для настоящихъ крыльевъ, или, какъ ихъ называютъ, *надкрылья*. Когда жукъ собирается летѣть, то онъ подымаетъ эти жесткія надкрылья и развертываетъ изъ-подъ нихъ два другія крыла — тонкія,

нѣжныя и большія. Эти послѣднія, мягкія крылышки такъ тонкія, что почти прозрачны; но, тѣмъ не мѣнее, въ нихъ достаточно силы и крѣпости, чтобы поддерживать на воздухѣ довольно увѣситое тѣло жука. При полетѣ жукъ производитъ своими крыльями особаго рода, знакомое намъ *жуужжаніе*; но собственно голоса онъ не имѣетъ.

Хрущъ безопасенъ для людей; онъ не можетъ ни кусать, ни жалить, но сильно вредитъ деревьямъ и кустамъ, пожирая на нихъ листья. Самка хруща кладетъ яички въ землю, и потомъ вовсе о нихъ не заботится. Изъ яичекъ жука выползають не жуки, но маленькіе голые червячки бѣлаго цвѣта, вовсе на жука не похожіе; червячки

Превращеніе майскаго жука.

эти называются личинками; изъ нихъ, черезъ три года на четвертый, дѣлаются куколки, а изъ куколокъ выходятъ уже хрущи. Такой переходъ животнаго изъ одной формы въ другую называется *превращеніемъ* (метаморфозой). Превращеній мы не замѣчали съ вами ни у звѣрей, ни у птицъ, ни у рыбъ, и видѣли нѣчто подобное только у лягушекъ.

Если случайно раздавить жука, то изъ него потечетъ не красная, но бѣлая кровь. Костей при этомъ у жука не окажется; а наоборотъ, мы увидимъ, что внѣшняя оболочка, покрывающая его голову, грудь и брюшко, не говоря уже о крѣпкихъ надкрыльяхъ, гораздо тверже и жестче того, что мы находимъ внутри жука. У млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, земноводныхъ и рыбъ мы видѣли кости внутри; а здѣсь, напротивъ, кости замѣняются твердымъ наружнымъ покровомъ, и къ этому-то покрову прикрѣпляются снутри мускулы, дающіе животному возможность двигаться. Замѣтивъ это, мы, конечно, не будемъ уже искать въ жукѣ ни позвоночнаго хребта, ни реберъ, ни другихъ костей, а потому и не причислимъ его къ животнымъ *позвоночнымъ*. Внутри жука естественныя испытатели нашли мускулы, желудокъ, сердце и нервы, что даетъ жуку возможность, какъ и всякому другому насѣкомому, питаться, чувствовать и двигаться. Для дыханія жукамъ такъ-же необходимо воздухъ, какъ и всему, что живетъ; но дыхательный органъ у жука устроенъ совершенно иначе, чѣмъ у животныхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ читали. Это не легкія и не жабры, а маленькія трубочки, находящіяся внутри всѣхъ частей тѣла животнаго; отверстія трубочекъ, или устья, открываются по бокамъ брюшныхъ и грудныхъ колець. Эти дыхательныя трубочки называются также *дыхальцами*. Содержащійся въ дыхальцахъ воздухъ соприкасается съ кровью жука. Особыхъ органовъ слуха у жуковъ не открыли, хотя несомнѣнно жукъ слышитъ; органами обонянія служатъ сяжки, а органъ вкуса находится въ нижней губѣ. Органы осязанія есть, но чувство это не распространено у нихъ по всему тѣлу, покрытому толстою, жесткою кожею, а сосредоточено въ лапкахъ ногъ и въ щупальцахъ.

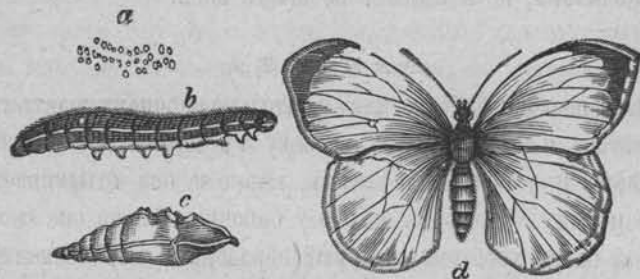
Если мы встрѣтимъ животное, которое, подобно жуку, состоитъ изъ множества члениковъ или суставцевъ и съ ногами, тоже состоящими изъ члениковъ, то причислимъ его къ обширному отдѣлу животныхъ членистоногихъ, но если мы встрѣтимъ такое членистоногое животное, у котораго, какъ у жука, *три пары ногъ*, то мы причислимъ его къ классу *насѣкомыхъ*. Паука, напримѣръ, мы назовемъ животнымъ членистоногимъ, но не можемъ назвать его насѣкомымъ, потому что у него не шесть, а восемь ногъ; не назовемъ мы также насѣкомымъ и сороконожку, хотя смѣло можемъ назвать ее животнымъ членистоногимъ; пчела же, оса и муха, хотя онѣ и мало похожи на жука, должны быть причислены къ насѣкомымъ: онѣ не только состоятъ изъ суставчиковъ, но и имѣютъ по шести ногъ.

БАБОЧКА.

Зачѣмъ пестрая бабочка такъ дѣятельно перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ и прячетъ свою головку въ душистые вѣнчики цвѣтовъ? Вѣрно и у нея есть ротикъ, вѣрно и она отыскиваетъ себѣ пищу въ цвѣтахъ? Да, ротъ есть и у бабочки, только она свою пищу не ѣстъ, а пьетъ хоботомъ, который образованъ изъ челюстей, сросшихся въ трубочку. Свой хоботокъ бабочка то вытягиваетъ, чтобы добыть себѣ соку изъ цвѣтка, то свиваетъ спирально, чтобы удобнѣе было летать съ нимъ. У нѣкоторыхъ бабочекъ хоботокъ длиненъ, а у нѣкоторыхъ онъ вовсе не развитъ. Но чѣмъ же живутъ эти послѣднія? твердой пищи онѣ жевать не могутъ, а хоботка для всасыванія жидкой у нихъ нѣтъ?—Ничѣмъ! Такія бабочки ничего не ѣдятъ во всю жизнь: за то и живутъ иногда только одинъ день, и, положивъ яички, умираютъ. На головкѣ бабочки мы замѣтимъ длинныя булавовидныя сяжки и два большихъ сложныхъ глаза, составленные изъ нѣсколькихъ сотъ маленькихъ глазковъ. На нѣсколько подтянутой груди бабочки сидятъ двѣ пары непрозрачныхъ большихъ крыльевъ и шесть маленькихъ, длинныхъ, членистыхъ ногъ. Всѣ четыре крыла бабочки усажены безчисленнымъ множествомъ маленькихъ, разноцвѣтныхъ чешуекъ, похожихъ на блестящую пыль. Если разсмотрѣть эти чешуйки въ микроскопъ, то можно видѣть, что онѣ,

какъ перышки, однимъ, острымъ, концомъ сидятъ на крылѣ, а другимъ, широкимъ, уложены другъ на друга, словно черепицы на кровлѣ. Отъ чешуекъ зависяетъ тѣ яркіе цвѣта бабочкиныхъ крыльевъ, которыми мы такъ любимся.

Бабочки, какъ и майскіе жуки, имѣютъ превращеніе. Онѣ кладутъ яички въ такія мѣста, гдѣ ихъ потомство можетъ найти пищу. Изъ личекъ выходятъ личинки, которыя называются *гусеницами*. Гусеницы имѣютъ видъ червячка, большею частью съ восемью парами ногъ: три переднія пары оканчиваются коготками, а пять, паръ—мягкія и называются ложными ногами. Гусеницы не питаются жидкими веществами, какъ бабочки, а имѣютъ крѣпкія челюсти,

Превращеніе бабочки.
а—яички. б—гусеница. с—куколка. д—бабочка.

которыми онѣ грызутъ листья и другія твердыя тѣла. Онѣ очень прожорливы, быстро растутъ и нѣсколько разъ линяютъ. Гусеницы приносятъ большой вредъ: нѣтъ ни одного почти растенія, которымъ бы онѣ не питались; иногда цѣлые лѣса уничтожаются ими, и мы у себя въ садахъ и огородахъ можемъ легко наблюдать ихъ вредъ. Хорошо еще, что птицы и многія другія животныя истребляютъ множество гусеницъ, а то онѣ уничтожили бы всю растительность. Послѣ нѣсколькихъ линій гусеница какъ бы засыхаетъ и покрывается твердой оболочкой; она превращается въ *куколку*, не ѣсть, не пьетъ, и лежитъ смиренно иногда цѣлую зиму. Большею частью весною оболочка куколки лопается, и изъ нея выползаетъ бабочка. Сначала крылья у нея сморщены и мягкія, но мало-по-малу они рас-

правляются, и бабочка появляется во всей своей красѣ. Она нѣсколько дней порхае съ цвѣтка на цвѣтокъ, затѣмъ положить яички и умираетъ.

Моль, которая летаетъ у насъ по комнатамъ, также относится къ бабочкамъ. Летаящая моль уже не вредна, такъ какъ шерстяныя матеріи и мѣха грызутъ личинки моли, дѣлая себѣ изъ огрызковъ шерсти и волосъ мягкія трубочки.

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЯЧЕКЪ.

Хорошенькая лента, красивый пестрый платочекъ, чудесное блестящее, крѣпкое платье—сдѣланы изъ шелку. Но откуда же берется шелкъ? Изъ чего онъ дѣлается? Вы засмѣетесь, если вамъ сказать, что онъ дѣлается изъ земли, воздуха и воды, и подумаете, что это шутка; но, тѣмъ не менѣе, это совершенно справедливо.

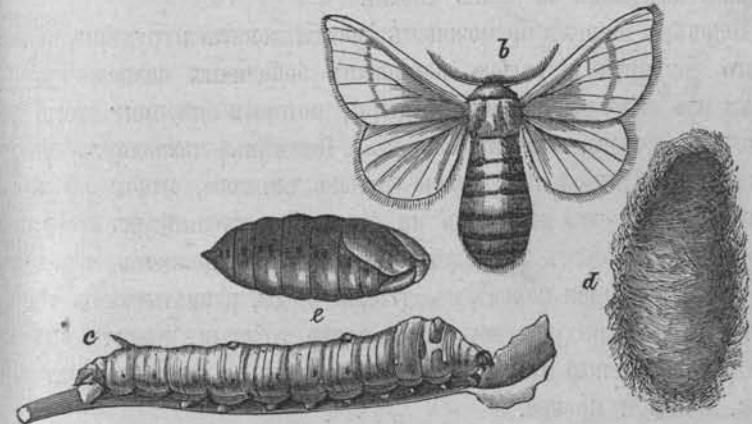
Маленькое зернышко сидитъ вмѣстѣ съ другими въ мясистомъ вкусномъ плодѣ, по формѣ и цвѣту нѣсколько похожемъ на малину. Дерево, на которомъ растетъ этотъ плодъ, называется *шелковичнымъ* деревомъ. Въ каждомъ плодѣ, какъ и въ плодѣ малины, множество зернышекъ, и одного изъ этихъ зернышекъ достаточно, чтобы изъ него выросло большое шелковичное дерево. Прилежно сосетъ шелковичное зернышко пищу, а пищу его составляютъ: земля, вода и воздухъ. И что же строить оно изъ этой пищи? Внизъ, подъ землю, пускаетъ оно сильныя, крѣпкія корни, вверхъ—стволь; изъ ствола выгоняетъ сучья, изъ сучьевъ вѣтки, изъ вѣтокъ листья; между листьями появляются маленькіе цвѣты, а изъ цвѣтовъ развиваются плоды. Откуда же берется шелкъ?

Для полученія шелка нужно еще другое зернышко, или, лучше сказать, другой зародышъ, который еще меньше перваго. Щедрый Создатель позаботился сотворить такой зародышъ. Зародышъ этотъ—маленькое яичко, величиною съ булавочную головку; снаружи оно покрыто твердою оболочкою, внутри жидко. Солнце знаетъ уже, что ему дѣлать съ этимъ яичкомъ: оно до тѣхъ поръ грѣетъ его своими теплыми лучами, пока жидкая масса, находящаяся внутри яичка, не превратится въ крошечнаго червячка, который такъ

маль, что даже и въ яичкѣ съ булавочную головку ему недостаточно мѣста, чтобы лежать свернувшись. Червячекъ имѣетъ во рту острья челюсти, которыми онъ прогрызаетъ себѣ дыру въ оболочкѣ яичка. Долго трудится онъ, но наконецъ выглядываетъ на Божій свѣтъ, радостно простираетъ на зеленомъ листочкѣ шелковицы свое измятое тѣльце и вдыхаетъ ароматный воздухъ. Послѣ тяжелой работы у червяка появляется отличный аппетитъ, и онъ имѣетъ уже средства удовлетворить ему: на головкѣ у него выпуклые глаза, которыми онъ видитъ пищу; на туловищѣ шестнадцать ножекъ, которыми онъ ползетъ къ молодому, нѣжному листку, только-что развернувшемуся изъ почки. Этотъ листокъ — завтракъ, обѣдъ и ужинъ шелковичнаго червячка: онъ день и ночь только и дѣлаетъ, что ѣсть да пить. Наконецъ червякъ до того откормится, до того растолстѣетъ, что ему становится тѣсно въ собственной кожѣ; тогда онъ призадумывается, перестаетъ ѣсть и сидитъ неподвижно, блѣднѣетъ и, кажется, готовится издохнуть; и вотъ кожа на немъ дѣйствительно лопається. Повернется червякъ нѣсколько разъ — и скинулъ старое платье, которое сдѣлалось для него слишкомъ тѣсно. Что же, неужели онъ останется безъ кожи? Нѣтъ! Подъ старой кожей у него давно заготовлена новая, свѣжая — и красивѣе, и шире прежней. Переодѣвшись, опять начинаетъ червячекъ ѣсть безъ-устали и день и ночь, пока и новая кожа станетъ ему слишкомъ тѣсна: опять переодѣванье, и въ третій, и въ четвертый разъ, и каждый разъ новое платье и свѣтлѣе, и шире стараго. Черезъ 30 дней крошечный червячекъ, который выползъ изъ яичка, величиною съ булавочную головку, вырастаетъ въ большую гусеницу, величиною въ мизинецъ, которая изъ шелковичныхъ листьевъ заготовила внутри себя много матеріала для будущихъ своихъ работъ. Изъ этого матеріала приготовляетъ она тонкую, свѣтлую нитку; выпустивъ конецъ этой нитки изъ отверстія на нижней губѣ и прикрѣпивъ его къ вѣточкѣ дерева, гусеница начинаетъ дѣлать особенныя движенія: вертась во всѣ стороны, продолжаетъ выпускать нить, которую наворачиваетъ вокругъ себя точно такъ, какъ мы наворачиваемъ клубокъ нитокъ, съ тою только разницею, что мы начинаемъ наворачивать клубокъ изнутри,

а гусеница — снаружи, и сначала прядетъ внѣшніе слои, а потомъ внутренніе. Такъ работаетъ гусеница около трехъ дней и, ни разу не порвавши своей нити, свиваетъ изъ нея вокругъ себя порядочный клубокъ бѣлаго или желтоватаго цвѣта, величиною съ голубиное яйцо, но гораздо тоньше. Такой клубокъ, пустой внутри, зовутъ *кокономъ*. Наружные слои кокона состоятъ изъ нитей, сложенныхъ неправильно, но подъ этимъ наружнымъ слоемъ нить расположена очень правильно слоями; нить эта такая длинная, что дитя должно бы было пробѣжать не менѣе четверти часа, чтобы развить ее до конца.

Внутри кокона шелковичный червякъ лежитъ сначала усталый

Шелковичная бабочка: *b)* бабочка, *c)* гусеница, *d)* коконъ, *e)* куколка.

и безсильный. 30 дней онъ ѣлъ безъ устали, четыре раза мѣнялъ свое платье и три дня кружился, свивалъ тонкія нити въ коконъ: теперь пора ему и отдохнуть. Въ послѣдній разъ снимаетъ онъ свое рабочее платье. Ему не нужны болѣе его ножки: ему некуда бѣжать; ему не нужны глаза: въ его комнату и смотрѣть не на что; ему не нужны и челюсти, которыя изгрызли столько листьевъ, — и вотъ все это сбрасывается вмѣстѣ съ кожей, и гусеница превращается въ *куколку*; куколка лежитъ неподвижно и кажется мертвою. Подъ кожей куколки вырабатывается нѣчто совершенно иное. Черезъ 10 дней темная, твердая кожа куколки лопається, и изъ нея выходитъ ба-

бочка. Два большіе глаза видны у нея на головкѣ, 4 чешуйчатыхъ бѣловатыхъ крыла на груди сверху и 6 ногъ снизу. Но какъ же бабочкѣ выйти изъ своей тюрьмы, въ которую она сама себя заперла? Ножки ея слабы и не могутъ разорвать тысячи нитокъ; прежнихъ челюстей у нея нѣтъ; нѣжный хоботокъ бабочки годится только для того, чтобы пить медъ изъ цвѣтковъ. Пришлось бы бабочкѣ погибнуть въ ея тюрьмѣ, если бы Богъ не далъ ей другого средства: изъ собственного своего сока и клея свила гусеница коконъ; нѣсколькими каплями другого сока, выдѣляемаго бабочкой, нити кокона раздѣляются, и на немъ появляется отверстіе, черезъ которое бабочка и выходитъ на свѣтъ Божій.

Человѣкъ нашелъ возможность воспользоваться трудами шелковичнаго червячка и только немногимъ бабочкамъ позволяетъ обратиться изъ тюрьмы, потому что дыры, которыя онѣ при этомъ дѣлаютъ въ коконѣ, портятъ шелкъ. Человѣкъ позволяетъ бабочкамъ высвобождаться изъ кокона только для того, чтобы онѣ могли положить яички, изъ которыхъ на будущій годъ выйдутъ гусеницы. Въ прочихъ коконахъ посредствомъ жара умерщвляютъ куколокъ, потомъ, размягчивши коконъ въ теплой водѣ, разматываютъ тонкія нити коконовъ, прядутъ изъ нихъ болѣе толстыя, красятъ ихъ въ самые разнообразныя цвѣта и ткутъ прекрасныя шелковыя матеріи, платки, ленты и прочее.

Такимъ-то образомъ шелкъ дѣлается изъ сока шелковичной гусеницы; сокъ шелковичной гусеницы—изъ сока шелковичныхъ листьевъ; а сокъ шелковичныхъ листьевъ добываетъ дерево изъ земли, воды и воздуха. Вотъ какъ шелковое платье дѣлается изъ земли, воды и воздуха съ помощью двухъ крошечныхъ зародышей: зернышка шелковичной ягоды и яичка шелковичной бабочки.

Шелковичная бабочка далеко не такъ красива, какъ ея подруги: крылышки ея скромнаго, свѣтлосѣраго цвѣта; но это именно одна бабочка, за которую человѣкъ ухаживаетъ такъ заботливо, чтобы получить шелкъ; онъ строитъ для нея особые дома, отопливаетъ комнаты, садитъ ея любимыя деревья, приготовляетъ ей пищу, кормитъ нарочно гусеницъ. Очень многія другія бабочки дѣлаютъ

себѣ коконы изъ шелка, но шелкъ этотъ не проченъ, и коконъ нельзя размотать. Поэтому настоящій шелкъ получается только отъ *тутового шелкопряда*. Почти всѣ остальные шелкопряды приносятъ вредъ лѣсамъ, напр. сосновый шелкопрядъ.

КОМНАТНЫЯ МУХИ.

Комнатныя мухи очень намъ знакомы: онѣ надоѣдаютъ намъ все лѣто и только зимою оставляютъ насъ въ покоѣ. Мы знаемъ, что у мухи два крылышка, но не знаемъ, какъ замѣчательны ея глаза: только въ *микроскопѣ* можно разсмотрѣть, что каждый изъ двухъ глазъ мухи состоитъ изъ множества крошечныхъ глазковъ. Изъ рта у мухи высовывается хоботокъ, которымъ она всасываетъ жидкости. Если ей попадется какая-нибудь твердая пища, напримѣръ сахаръ, то она сначала размягчаетъ его маленькою свѣтлою каплею, которую выпускаетъ изъ хоботка. Тѣло мухи усѣяно безчисленными, едва замѣтными волосками, и два крыла ея чрезвычайно тонки и прозрачны.

Комнатная муха въ увеличенномъ видѣ.

Но откуда появляются мухи? Онѣ появляются изъ *куколокъ*, которыхъ обыкновенно не видать, но которыя находятся въ конюшняхъ, хлѣвахъ, вообще тамъ, гдѣ происходитъ гниеніе различныхъ отбросовъ. Изъ такихъ куколокъ черезъ 14 дней выходятъ мухи. Но прежде еще куколка бываетъ червячкомъ или, какъ говорятъ, *личинкою*; личинка же выходитъ изъ яичка. Такихъ яичекъ несетъ муха цѣлыя сотни, такъ что изъ одной мухи въ годъ можетъ разродиться нѣсколько милліоновъ мухъ. Бѣда была бы человѣку отъ множества этихъ насѣкомыхъ, если бы зимніе холода не убивали большей части личинокъ и куколокъ, а куры не выкапывали ихъ изъ сору; если бы ласточки и другія маленькія птички не ловили самыхъ мухъ тысячами въ воздухѣ, а пауки не заманивали

ихъ въ свои тенета. Мухи ползаютъ очень хорошо по самымъ гладкимъ предметамъ: по стеклу и фаянсу; онѣ могутъ ползать даже вверхъ ногами, потому что у нихъ на лапкахъ есть маленькія подушечки, которыми онѣ и присасываются къ гладкимъ поверхностямъ.

Примѣчаніе. Между бабочкой, мухой и жукомъ мы замѣчаемъ большое сходство: они имѣютъ суставчатое строеніе тѣла и по три пары членистыхъ ногъ, почему и относятся къ классу *насекомыхъ*. Комарь, оса, пчела, стрекоза, муравей, тараканъ, блоха и пр. и пр.—тоже насекомыя. Насекомыхъ такое множество, что мы даже перечислить ихъ не беремъ.

Божья коровка.

Нѣкоторый порядокъ между ними мы можемъ установить, разбирая ихъ по крыльямъ. Тѣ насекомыя, которыя имѣютъ такія же жесткія надкрылья, какъ *жуки*, составляютъ отрядъ *жесткокрылыхъ*; тѣ, у которыхъ крылья покрыты чешуйками, какъ у бабочекъ, называются *чешуекрылыми*; осы, пчелы, муравьи и др.— *перепончатокрылыми*, потому что всѣ крылья ихъ состоятъ изъ прозрачной перепонки; мухи — *двукрылыми*, такъ какъ имѣютъ только два крыла.

ПАУКЪ.

Паука нельзя назвать красивымъ животнымъ; многіе чувствуютъ къ нему отвращеніе, даже боятся его: такой у него разбойничій видъ. Но не забудемъ,

Паукъ.

что ядовитыя змѣи бываютъ иногда очень красивы и что гусеницы прелестныхъ бабочекъ, за которыми дѣти такъ любятъ гоняться, часто приводятъ въ отчаяніе земледѣльца и садовника; паукъ же не только безвреденъ, но даже полезенъ, такъ какъ истребляетъ множество нашихъ крылатыхъ мучителей—комаровъ и мухъ. И посмотрите, какъ приспособлено къ этому занятію все тѣло маленькаго хищника. Голова и грудь совершенно срослись и образовали *головогрудь*; но за то круглое, шарообразное брюшко его, едва прикрѣпленное къ груди, втрое больше всего остальнаго тѣла. Въ немъ паукъ запасаетъ себѣ пищу на ненастные дни, когда мухи и комары скрываются въ дупла деревьевъ и во всякаго рода щели. Такое время постъ для паука; но въ теплую погоду ему раздолье, и онъ ѣстъ очень много; за то онъ можетъ оставаться безъ пищи цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы.

Какъ опытные охотники, пауки стерегутъ свою добычу въ раз-

ныхъ мѣстахъ и, смотря по мѣсту, гдѣ производятъ свою ловлю, различаются между собою одеждою. Пауки, стерегущіе свою добычу въ лѣсу, встрѣчаются иногда зеленаго цвѣта, подъ цвѣтъ листьевъ; тѣ же, которые живутъ на поляхъ или таятся въ углахъ зданій, бываютъ сѣрые, темные, подъ цвѣтъ съ тѣми мѣстами, гдѣ раскидываютъ свои сѣти. Восемь зоркихъ простыхъ глазъ находятся у паука на головѣ, и *восемь* длинныхъ ногъ даютъ ему возможность бѣгать очень скоро. Пауки охотятся самымъ разнообразнымъ образомъ. Многіе изъ нихъ тихо подкрадываются къ комару, который, утомясь отъ ночныхъ подвиговъ, сладко дремлетъ на какомъ-нибудь листочкѣ. Крылатому длинноногому злодѣю снится, можетъ быть, какъ онъ летитъ чрезъ окошко въ спальню, садится на бѣлое личико ребенка, глубоко запускаетъ свое острое жало и пьетъ съ наслажденіемъ чистую кровь,—пьетъ, дрожитъ отъ удовольствія, краснѣетъ и пухнетъ... Но наказаніе близко! Паукъ подкрадывается осторожно, размѣряетъ глазами разстояніе, отдѣляющее его отъ добычи, дѣлаетъ еще нѣсколько неслышныхъ шаговъ... вдругъ сильный, смѣлый, быстрый прыжокъ,—и злому комару уже не вырваться изъ цѣпкихъ лапъ паука. Во рту паука двѣ острия челюсти, съ каналами въ серединѣ, по которымъ проходитъ ядовитая жидкость, и при укушеніи острый ядъ проникаетъ въ тѣло насекомага. Челюсти паука, неопасныя для человѣка*), очень опасны для мухи, и вытекающій изъ нихъ ядъ быстро умерщвляетъ ее.

Впрочемъ, для мухъ гораздо опаснѣе тѣ пауки, которые не гонятся за ними, а плетутъ для нихъ хитрую сѣть. Мухи и комары любятъ кучами плясать въ воздухѣ по вечерамъ, и пауки, подмѣтивъ тѣ мѣста, гдѣ толкуются крылатыя насекомыя, разстилаютъ тамъ свою паутину. Но какъ и изъ чего они ее дѣлаютъ? Въ толстомъ брюшкѣ паука находится много клейкаго соку, который животное выпускаетъ разомъ черезъ множество отверстій въ концѣ брюшка и сплетаетъ изъ этихъ тончайшихъ, невидимыхъ нитей ту тон-

*) Въ жаркихъ странахъ водятся большіе пауки, называемые *тарантулами*, а въ нашихъ южныхъ степяхъ—*мизирами*. Укушеніе ихъ, хотя не смертельно, но производитъ опухоли и лихорадочное состояніе.

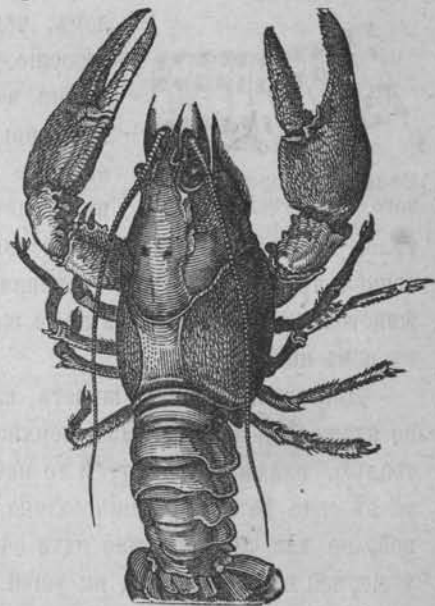
кую нитку, которую въ отдѣльности мы все же едва можем разсматрѣть, не смотря на то, что она сплетена изъ множества другихъ. Сокъ, выходя на воздухъ, твердѣетъ, и липкая паутина дѣлается достаточно крѣпкою, чтобы удержать маленькое животное. На такой паутинѣ паукъ смѣло спускается съ дерева на землю, или съ потолка на полъ, и снова подымается вверхъ легче и ловчѣ всякаго матроса; по такимъ же паутинамъ бѣгаетъ онъ взадъ и впередъ, и не проваливается. Чтобы понять такую удивительную ловкость, надобно разсматрѣть ножки паука. Ножекъ у него *восемь*, и на каждой по три лапки: двѣ большихъ и одна маленькая, и на каждой лапкѣ множество зубчиковъ и крючковъ. Такъ какъ у паука восемь ногъ, то, слѣдовательно, онъ имѣетъ двадцать четыре лапки; если одна изъ нихъ какъ-нибудь оборвется на скоромъ бѣгу, то еще двадцать три готовы поддержать его.

Какъ много у насъ пауковъ, мы можемъ судить объ этомъ по множеству паутины, особенно осенью, когда на домахъ и на заборахъ почти всё углы затканы ею; въ лѣсу нельзя сдѣлать двухъ шаговъ, чтобы паутина не попала на лицо, и даже по полямъ несутся ея длинныя, серебристыя нити. На этихъ нитяхъ летаютъ по воздуху тоже крошечныя черненькія паучки. Одни пауки охотятся днемъ, другіе вечеромъ, третьи ночью; одни въ лѣсу, другіе въ кустахъ, третьи въ травѣ, четвертые въ строенияхъ; и всюду эти животныя истребляютъ мириады вредныхъ насѣкомыхъ.

Самка паука несетъ яички, изъ которыхъ выходятъ маленькіе паучата, не подверженные превращенію. Мать защищаетъ свои яички съ опасностью собственной жизни; она опутываетъ яички толстою, мягкою паутиною, дѣлаетъ изъ нихъ крошечныя клубочки и эти клубочки прикрѣпляетъ къ своему тѣлу. Замѣчено, что пауки, таскающіе съ собою мѣшочки съ яичками, ужасно беспокоятся, когда у нихъ отымутъ хотя одинъ такой мѣшочекъ, и показываютъ признаки величайшей радости, когда получаютъ его обратно. Есть пауки, которые, выкапывая нору въ землѣ, кладутъ въ нее мѣшочки съ яичками; при входѣ въ это жилище паукъ очень искусно устраи-

ваетъ подъемную дверь, которую закрываетъ землею и очень сильно удерживаетъ снизу своею спинкою, когда врагъ хочетъ ее открыть. Такъ-то и въ разбойничьей породѣ пауковъ живетъ нѣжное и сильное чувство материнской любви!

Пауки, какъ мы уже знаемъ, принадлежатъ въ животнымъ членистоногимъ; но къ насѣкомымъ ихъ причислить нельзя. Пауки имѣютъ столько особенностей, и видовъ ихъ такъ много, что естествоиспытатели назначили для пауковъ особый классъ между животными членистоногими — классъ *паукообразныхъ*.

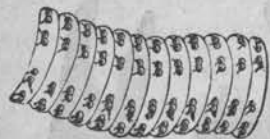
Ракъ въ естественную величину.

Примѣчаніе. Въ отдѣлѣ животныхъ членистоногихъ мы знаемъ, слѣдовательно, два класса: 1-й классъ *насекомыхъ* и 2-й классъ *паукообразныхъ*. Въ этомъ отдѣлѣ есть, кромѣ того, еще третій классъ — *ракообразныхъ*, который отличается отъ двухъ первыхъ тѣмъ, что раки дышатъ *жабрами*. Представителемъ этого класса можетъ служить для насъ рѣчная ракъ; къ классу же пауковъ относится ядовитый скорпионъ, хоть съ виду скорпионъ и похожъ нѣсколько на рака.

ДОЖДЕВОЙ ЧЕРВЯКЪ

Сравнивая дождевого червя съ орломъ, напримѣръ, мы найдемъ между ними мало сходства; но, тѣмъ не менѣе, дождевой червякъ чувствуетъ, движется, отыскиваетъ себѣ пищу, кладетъ яички, изъ которыхъ выходятъ потомъ такіе же черви; слѣдовательно, и дождевой червякъ — животное, только животное низшаго разряда. У него нѣтъ ни глазъ, ни ушей, нѣтъ явственной головы, нѣтъ настоящихъ ногъ; слѣдовательно, его нельзя причислить къ отдѣлу животныхъ членистоногихъ, хотя все его длинное, мягкое, красное тѣло и состоитъ болѣе чѣмъ изъ ста колець, изъ которыхъ каждое подвиж-

но. Первое кольцо образуетъ верхнюю губу; второе, меньшее, вытянутое хоботкомъ — нижнюю. Настоящихъ ногъ у червя нѣтъ, но по сторонамъ колець находятся едва замѣтныя щетинки, сидящія попарно и образующія вдоль тѣла четыре ряда. Съ помощью этихъ щетинокъ передвигается дождевой червь, растягиваясь всѣмъ тѣломъ, чему способствуетъ суставчатое его строеніе. Особыхъ органовъ дыханія у дождевого червя нѣтъ, а воздухъ проникаетъ въ кровь черезъ тонкую кожицу, покрывающую все тѣло его. Изъ кожи червякъ выпускаетъ жидкость, увлажняющую его тѣло. Костей у дождевого червя нѣтъ; но желудокъ, въ видѣ черной трубки, тянется, начиная отъ самаго рта, во всю длину животнаго. Черный цвѣтъ этого желудка зависитъ отъ находящейся въ немъ пищи.

Нѣсколько колець дождевого червя, увеличенныя.

Дождевой червякъ живетъ, какъ извѣстно, въ землѣ, особенно во влажной и жирной. На поверхность земли выходитъ онъ только въ теплую, влажную погоду, и то ночью. Если въ такую погоду выйти въ садъ до восхожденія солнца, то можно увидать множество червей; но для этого должно идти очень осторожно, потому что, хотя у червей нѣтъ ни глазъ, ни ушей, за то осязаніе у нихъ очень чутко. Утки, куры, сороки, вороны, кроты и ежи уничтожаютъ множество червей; садовники истребляютъ ихъ также, а рыбаки ловятъ для того, чтобы насадить на крючокъ. Между тѣмъ дождевые черви приносятъ чрезвычайно большую пользу, перерабатывая почву и образуя черноземъ. Эти черви питаются полусгнившими растеніями; они расщепляютъ гниющіе листья, соломинки и стебельки на мельчайшія волокна, проглатываютъ ихъ и потомъ выкладываютъ на поверхность земли въ видѣ изверженій. Разсчитано, что въ годъ на одной десятинѣ земли черезъ ихъ тѣло проходитъ болѣе 2000 пудовъ сухой земли, которую они превратили въ жирный черноземъ, столь нужный для произрастанія злаковъ. Можно смѣло сказать, что дождевые черви *пашутъ* землю, и дѣлаютъ это лучше, чѣмъ можетъ это исполнить самый старательный земледѣлецъ. Слѣдовательно, слыш-

комъ усердное истребленіе дождевыхъ червей вовсе не желательно. Размножаются дождевые черви яичками; изъ яичекъ выползаютъ безъ всякихъ превращеній такіе же червячки, только гораздо меньше, съ меньшимъ числомъ колець, которыя появляются потомъ. Замѣчательно еще, что червякъ долго не умираетъ, если его разрѣзать поперекъ.

Примѣчаніе. Къ *отдѣлу* червей принадлежатъ изъ знакомыхъ намъ животныхъ и полезныя пиявки, и вредныя глисты; но гусеница, хотя ее и зовутъ часто червячкомъ, есть, какъ мы уже знаемъ, только временная форма наѣкомаго.

УЛИТКА.

Въ тѣнистыхъ, сырыхъ садахъ, на валахъ, стѣнахъ и поляхъ часто можно видѣть простую улитку. Это животное очень замѣчательно. Если вамъ случится найти его, то возьмите его въ руки и рассмотрите поближе.

Прежде всего кидается въ глаза искусно состроенный изъ известки домикъ улитки: та спиральная раковина, которая держится у нея на спинѣ. Съ одной стороны раковина эта заворачивается остриемъ, съ другой — открывается широко; но какъ только мы взяли въ руку раковину, такъ животное и ушло въ нее: вы видите только, что въ срединѣ лежитъ какое-то мягкое, скользкое вещество; но дотроньтесь до этого вещества пальцемъ, и вы замѣтите, какъ оно начнетъ ежиться, стараясь спрятаться глубже въ раковину: слѣдовательно, это — животное, оно ощущаетъ ваше прикосновеніе и движется, стараясь отъ него укрыться. Положите же раковину на землю и, отойдя немного въ сторону, дожидайтесь терпѣливо. Животное успокоится и понемногу начнетъ выдвигать изъ раковины сначала головку, мягкую, слизистую, но на которой вы ясно замѣтите четыре такіе же мягкіе отростка или щупальца, а на концѣ двухъ изъ этихъ щупальцевъ черненькія точки — глаза животнаго. За головою животное выдвинетъ изъ раковины такое же мягкое, слизистое туло-

Слизень и улитка въ половину естественной величины.

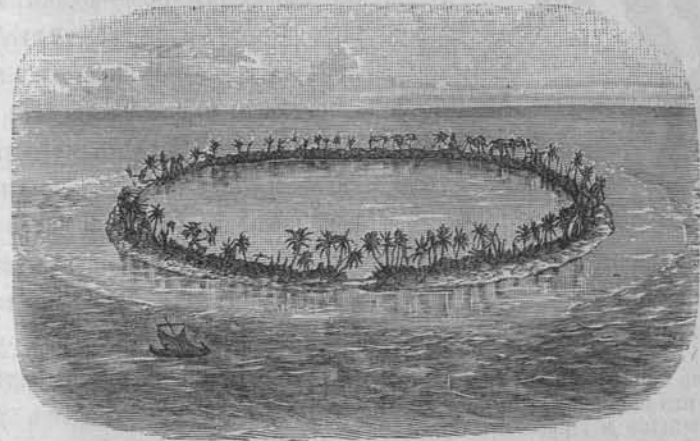
вище, называемое *ногою*; посредством этой ноги улитка ползетъ по деревьямъ, заборамъ, листьямъ, а въ водѣ присасывается къ камнямъ или къ какимъ-нибудь водянымъ растеніямъ. Самая раковина прикрѣплена къ спинѣ животнаго. Известь, изъ которой выстроена раковина, выдѣляется изъ мѣшка, называемаго *спанчею*, который плотно прилегаетъ внутри къ раковинѣ, и въ который прячется животное. Острый верхній конецъ раковины родится вмѣстѣ съ животнымъ, когда оно выходитъ изъ яичка; потомъ раковина растетъ, по мѣрѣ роста животнаго, и принимаетъ спиральную форму, потому что самое животное, выростая, мало-по-малу подвигается далѣе по спиральной линіи. Трудно было бы понять иначе, какъ такое малоподвижное животное, какъ улитка, выдѣлываетъ такую крѣпкую, искусную раковину.

Въ улиткѣ можно ясно различить только голову и ногу; все животное мягко и способно принимать самыя разнообразныя формы. Вотъ почему улитку причисляютъ къ особому отдѣлу животныхъ *мягкотѣлыхъ*. Улитки размножаются яичками, кормятся растительной пищей и имѣютъ свойство выдѣлять изъ нея известь для своихъ раковинъ. Множество разнообразныхъ раковинъ, которыя мы находимъ на берегахъ рѣкъ, озеръ и морей, не болѣе какъ домики *мягкотѣлыхъ* животныхъ. Иногда эти раковины состоятъ изъ двухъ красивыхъ блюдецекъ, которыя, будучи скрѣплены съ одной стороны, могутъ раскрываться и закрываться. Такія раковины называются двустворчатыми, и въ такихъ раковинахъ живутъ устрицы, которыхъ любители кушаютъ съ большимъ удовольствіемъ; въ подобныхъ же раковинахъ живутъ и тѣ мягкотѣлыя животныя, которыя производятъ драгоценный *жемчугъ*.

КОРАЛЛОВЫЕ ПОЛИПЫ.

Много мы съ вами разсмотрѣли животныхъ, но какого безчисленнаго множества мы еще не знаемъ! Воздухъ, земля и вода наполнены животными. За корой дерева, въ бугоркѣ, образовавшемся на листочкѣ, во внутренностяхъ животныхъ, въ каплѣ болотной воды шевелятся милліоны живыхъ существъ, до того разнообразныхъ, что

трудно назвать ихъ однимъ именемъ животныхъ; но, между тѣмъ, всѣ они живутъ, чувствуютъ, движутся, питаются, производятъ себѣ подобныхъ и умираютъ. Какое, кажется, безконечное разстояніе между орломъ, свободно рѣющимъ въ воздушныхъ пространствахъ, обезьяною, похожею на человѣка, громаднымъ слономъ и малоподвижною улиткою, которая, присосавшись къ доскѣ, брошенной въ воду, проводитъ почти всю жизнь свою на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ, сама улитка покажется намъ еще очень большимъ и сложнымъ животнымъ, если сравнить ее съ инфузоріей, видной только въ ми-

Коралловый островъ или атоль.

кроскопъ, и которая вся—одинъ крошечный пузырекъ; или съ полипомъ, который, будучи скорѣе похожъ на какое-то морское растеніе, чѣмъ на животное, выражаетъ всю свою жизнь только тѣмъ, что пошевеливаетъ усиками; или, наконецъ, съ студенистой губкой, остовомъ которой стирается мѣлъ съ доски, и которая есть также животное, очень сходное съ полипомъ.

Самые замѣчательные изъ полиповъ—*коралловые полипы*, живущіе единственно въ моряхъ жаркихъ странъ на небольшой глубинѣ. Эти животныя ростомъ не велики; но такъ какъ ихъ бываетъ въ одномъ мѣстѣ страшное множество, и они работаютъ цѣлыми обществами, то производятъ великія дѣла, хотя, конечно, не думая сдѣлать

ихъ. Вся жизнь коралловаго полипа состоитъ въ томъ, что онъ, прильнувъ къ какому-нибудь камню, лежащему не очень глубоко въ морѣ, шевелить своими усиками или щупальцами, и такимъ образомъ вгоняетъ себѣ въ ротъ воду съ различными плавающими въ ней веществами. Эти вещества питаютъ полипа, а часть ихъ передѣлывается внутри

1) Красный коралль, изъ котораго дѣлаютъ разныя украшенія, — произведеніе маленькихъ животныхъ — полиповъ, замѣтныхъ на его вѣткахъ. 2) Полипъ, отдѣльно взятый и сильно увеличенный. Около отверстія рта расположены, на подобіе лучей, мягкіе и гибкіе органы для схватыванія маленькихъ существъ, плавающихъ въ водѣ.

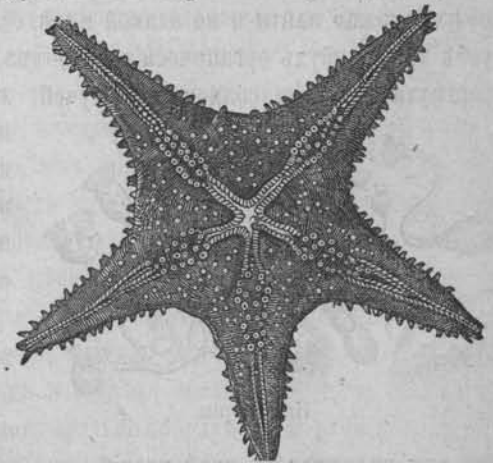
его въ твердую известковую массу. Само собою разумѣется, что у такого животнаго нѣтъ ни сердца, ни легкихъ, ни глазъ, ни костей, ни мозга; все оно — одинъ желудокъ. Новотъ известковый кусочекъ коралла все увеличивается внутри животнаго и наконецъ такъ вырастаетъ, что животному остается только умереть. Тѣмъ бы все и кончилось; но, во время своей жизни, полипъ даетъ существованіе нѣсколькимъ другимъ полипамъ, которые, не отдѣляясь, но группируясь вокругъ прежняго, какъ вокругъ вѣтки, продолжаютъ жить, какъ жили ихъ родители: хватаютъ усиками пищу, передѣлываютъ

ее въ твердый каменистый коралль, который основаніемъ соединенъ съ прежнимъ, и умираютъ, давъ жизнь новымъ почкамъ, новымъ полипамъ. — Проходятъ десятки, сотни лѣтъ, мириады полиповъ отживаютъ, другія мириады появляются на ихъ мѣсто, и ихъ известковыми отложениями, распространяющимися во всѣ стороны, какъ вѣтви, застилается дно моря на нѣсколько верстъ; масса твердыхъ коралловъ разрастается не только въ ширину, но и вверхъ. Морской песокъ и морскія растенія, приносимыя водою, помогаютъ работѣ полиповъ, которая прекращается, когда доходитъ до поверхности моря, потому что коралловые полипы могутъ жить только въ водѣ. Такимъ образомъ, подъ водою образуется весьма опасная мель, о ко-

торую часто разбиваются корабли, пока мореходцы, наконецъ, узнаютъ ее и означать на картѣ, гдѣ она лежитъ. Полипы кончили свою работу, но море и вѣтеръ ее продолжаютъ; море приноситъ песокъ и морскія растенія, сѣмена травъ и деревьевъ, яички различныхъ животныхъ; вѣтеръ приноситъ пыль и съ нею также много зародышей растений и животныхъ; новый островъ показывается изъ-подъ воды. Птицы прилетаютъ на него; морскіе звѣри выползаютъ подышать воздухомъ; на островѣ появляются травы, деревья; все это растетъ, плодится, отживаетъ, гниетъ, увеличивая черноземный, плодотворный слой земли и усиливая растительное и животное богатство острова. Пройдетъ еще сотня, другая лѣтъ, — и новое прекрасное жилище для человѣка готово.

Такъ, ничтожное, почти неподвижное, почти безчувственное животное, работая по волѣ Божіей въ глубинахъ моря, измѣняетъ самый видъ суши и создаетъ новые острова. Коралловые полипы живутъ только въ моряхъ очень теплыхъ странъ, а потому тамъ только появляются коралловые острова. Органы у полиповъ располагаются лучами около рта. Подобное же лучистое строеніе имѣютъ красивыя морскія звѣзды и морскіе ежи.

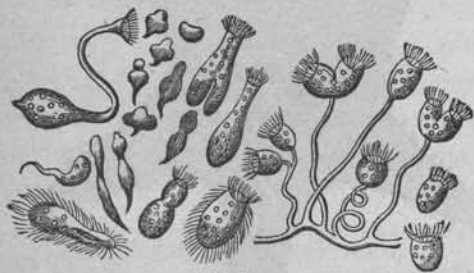
Губка, о которой мы упомянули въ этой статьѣ, живетъ, какъ и полипъ, въ моряхъ, подъ водою, прицѣпившись къ камню, и ее причислили бы къ воднымъ растеніямъ, еслибы не замѣтили, что изъ скважинъ губки періодически выпрыскивается вода, и что это прекращается, когда до нея дотронутся. Поэтому губка имѣетъ нѣкоторое сходство съ коралломъ, а слизь, ее наполняющая, — само животное.

Морская звѣзда въ $\frac{1}{2}$ естественной величины.

ИНФУЗОРИИ ИЛИ НАЛИВОЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ.

Много, много мы видимъ животныхъ простыми глазами; еще болѣе увидимъ мы, вооружившись микроскопомъ—инструментомъ, въ которомъ увеличительныя стекла сложены такъ, что показываютъ предметъ въ нѣсколько сотъ разъ болѣе его настоящей величины. Животныя, которыхъ можно видѣть только въ микроскопъ, называются животными *микроскопическими*. Такихъ животныхъ находятъ преимущественно въ стоячей водѣ, въ болотахъ и канавахъ; но ихъ можно найти и во всякой водѣ, если она только заключаетъ въ себѣ какія-нибудь органическія вещества, и, сверхъ того, была подвергнута дѣйствию солнечныхъ лучей; даже и въ дождевой и соленой морской водѣ могутъ показаться микроскопическія животныя, если такая вода постоитъ нѣкоторое время на солнцѣ.

Инфузоріи.

Этихъ микроскопическихъ животныхъ называютъ также *инфузоріями* или *наливочными* животными, потому что они являются въ водѣ всякій разъ, какъ мы *нальемъ* ее на какія-нибудь животныя или растительныя вещества, напримѣръ, хоть на сѣнную труху, и поставимъ въ тепло. Постоявъ нѣсколько дней, а лѣтомъ, въ жаркое время, нѣсколько часовъ, вода, налитая такимъ образомъ, обыкновенно затянется тонкою пленкой, и тогда, если мы возьмемъ одну каплю такой воды и станемъ наблюдать ее въ микроскопъ, то найдемъ въ ней цѣлый міръ безконечно-малыхъ, безконечно-разнообразныхъ живыхъ существъ—инфузорій.

Какою дѣятельностью кипитъ этотъ маленькій міръ! Однѣ изъ инфузорій кружатся по поверхности капли; другія, столпившись въ кучу, грѣются на солнечномъ свѣтѣ; третьи—то мгновенно разсыпаются въ разныя стороны, то гоняются за какой-нибудь чуть-чуть примѣтною частичкою растенія. Стоитъ только чѣмъ-нибудь прикоснуться къ

каплѣ воды—и все эти живыя крошки стремительно опустятся на дно: капля воды для нихъ глубокое море. Какъ онѣ разнообразны по величинѣ своей и внѣшнему виду! Однѣ представляютъ какую-то студенистую полупрозрачную массу, другія совершенно прозрачны; нѣкоторыя покрыты волосками; нѣкоторыя формой своей напоминаютъ раковъ и рыбъ—имѣютъ нѣчто въ родѣ плавниковъ, хвостовъ, ногъ, хоботковъ и когтей. Несмотря на свою ничтожную величину, инфузоріи имѣютъ также различныя органы, посредствомъ которыхъ питаются, пожираютъ другъ друга и движутся. Онѣ также одарены нѣкотораго рода чувствительностью: по крайней мѣрѣ, ясно выражаютъ чувства страха и боли. По мѣрѣ того, какъ капля воды, которую мы наблюдаемъ подъ микроскопомъ, высыхаетъ, а лучи солнца въ то же время начинаютъ пригрѣвать инфузорій сильнѣе, онѣ становятся вялыми, ихъ движения дѣлаются медленнѣе, онѣ начинаютъ дрожать и, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ капля высохнетъ совершенно,—умираютъ. Умирая, нѣкоторыя инфузоріи разлагаются мгновенно, такъ что черезъ нѣсколько секундъ не остается уже ни малѣйшихъ признаковъ ихъ существованія; разложеніе другихъ продолжается долѣе,—нѣсколько дней, даже до недѣли. Почти все инфузоріи и похожія на нихъ животныя имѣютъ свойство при засыханіи воды не умирать, а покрываться скорлупкой и замирать на нѣкоторое время. Если подобныя засохшія инфузоріи попадутъ въ воду, то онѣ снова оживаютъ и начинаютъ шевелиться. Вмѣстѣ съ пылью зародыши инфузорій разносятся повсюду, и этимъ объясняется, что даже въ самой чистой водѣ черезъ нѣкоторое время появляются разныя мелкія животныя, а также растенія.

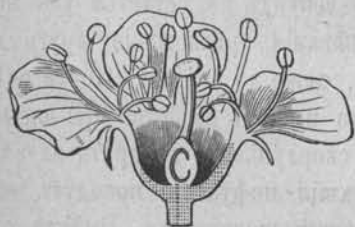
Если подумаемъ, что въ такомъ крошечномъ животномъ, которое мы едва видимъ въ микроскопъ, увеличивающій въ нѣсколько сотъ разъ, есть отдѣльныя органы, есть чувство и даже нѣкотораго рода соображеніе, то удивленіе овладѣваетъ умомъ нашимъ, удивленіе и благоговѣніе къ Создателю, который творитъ одинаково свободно и въ безграничныхъ пространствахъ, наполненныхъ громадными мірами,—между которыми земля, гдѣ мы живемъ, далеко не самый большой,—и въ крошечной инфузоріи, которую, увеличивъ даже въ

тысячу разъ, мы едва видимъ. А сколько же есть еще звѣздъ, недоступныхъ самымъ сильнымъ телескопамъ *) нашимъ; сколько есть еще животныхъ, которыхъ мы не можемъ видѣть ни въ какіе микроскопы! Безконечно и безпредѣльно всемогущъ Господь, и безграничной мудрости полны дѣла Его.

Примѣчаніе. Все царство животныхъ мы раздѣлимъ на семь отдѣловъ. 1-й отдѣлъ—животныя *позвоночныя*; ихъ мы дѣлили на *классы* (какіе?), *классы* на *отряды*, отряды на *семейства*. 2-й отдѣлъ—животныя *членистоногія*; изъ этого отдѣла мы узнали жука, бабочку, муху, паука и рака. Изъ 3-го отдѣла—*червей*—мы знаемъ дождевого червя, шаяку и глистовъ. Въ 4-мъ отдѣлѣ, *мякотельныхъ*, знаемъ улитку, жемчужницу и устрицу. Къ 5-му отдѣлу, *шлокожицъ*, относится морская звѣзда. Изъ 6-го отдѣла, *безкишечныхъ*, мы знаемъ полиповъ, а изъ 7-го отдѣла, *простѣйшихъ*, мы прочитали объ инфузоріяхъ.

ВИШНЯ.

Вишневое дерево у насъ на сѣверѣ не велико, по на югѣ бываетъ такъ же толсто и высоко, какъ у насъ яблоня. Кора на молодой вишнѣ красивая, гладкая, темно-коричневая; листочки заостроены къ концу, по краешкамъ зубчаты, гляцивиты и прекраснаго зеленого цвѣта. Но мы обратимъ особенное вниманіе на цвѣты вишни, которыми она одѣвается въ концѣ мая или въ началѣ іюня.

Вишневый цвѣтокъ въ разрѣзѣ.

Сорвемъ одинъ изъ вишневыхъ цвѣтковъ и рассмотримъ его хорошенько. Какой это сложный органъ и какъ разнообразны его части! Снизу видна цвѣточная *ножка*, которою цвѣточекъ прикрѣпляется къ вѣткѣ. Это то же, что черешокъ у листа, но подлиннѣе и кверху потолще. Эту толстую часть ножки называютъ *цвѣтоложьемъ*, потому что на немъ помѣщаются всѣ остальные части цвѣтка. Снаружи видимъ мы на цвѣтоложѣ пять зеленыхъ листочковъ; всѣ эти листочки вмѣстѣ называются *чашечкой цвѣтка*, а отдѣльно

*) Телескопъ—приборъ для наблюденія и бесныхъ тѣлъ.

чашелистиками. Въ срединѣ зеленой чашечки мы видимъ еще пять листочковъ, только уже не зеленыхъ, а бѣлыхъ, съ розовымъ отливомъ. Эти красивенькіе листочки называются *лепестками*, а всѣ лепестки вмѣстѣ—*вѣнчикомъ*. Цвѣточный вѣнчикъ—самая красивая часть во многихъ растеніяхъ, и ею-то любуемся мы. Но чашечка и вѣнчикъ еще не самыя главныя части цвѣтка. Это только теплая, красивая и иногда душистая одежда другихъ, болѣе важныхъ, частей цвѣтка: *тычинокъ* и *плодничка*. Вотъ эти маленькія ниточки съ мѣшочками наверху называются тычинками. Мѣшочки, или *пыльники* тычинокъ, наполнены желтою *цвѣточной пылью*, или *цвѣтенью*. Оборвемъ всѣ лепестки и тычинки, чтобы намъ удобнѣе было рассмотреть самую средину цвѣтка. Тогда остается передъ нами одинъ только *плодникъ*. Онъ похожъ на зеленый кувшинчикъ съ длиннымъ тонкимъ горлышкомъ, которое наверху расширяется. Каждая изъ трехъ частей плодника имѣетъ свое названіе: нижняя, толстенная часть, называется *завязью*; длинное горлышко—*столбикомъ*, а наверху столбика—*рыльце*.

КАКЪ ИЗЪ ВИШНЕВАГО ЦВѢТКА ДѢЛАЕТСЯ ВИШНЯ.

Мы видѣли уже, какой сложный органъ вишневый цвѣтокъ и какъ много въ немъ различныхъ частей. Но и дѣло цвѣтку предстоитъ не малое: онъ долженъ образовать сочную, вкусную вишню, внутри вишни—твердую косточку, а въ твердой косточкѣ—душистое зернышко, изъ котораго могло бы вырости современемъ новое вишневое дерево. Посмотримъ же, какъ выполнить эту работу вишневый цвѣтокъ.

Цвѣтокъ развертывается весною изъ почки точно такъ же, какъ и листъ. Когда цвѣтокъ совершенно развернется, а плодничекъ и тычинки созрѣютъ, тогда изъ пыльниковъ, чтò сидятъ наверху тычинокъ нитей, начинается высыпаться желтая *цвѣточная пыль*. Много этой пыли разлетается по воздуху; но довольно, чтобы одна пылинка упала на рыльце плодничка и завязла въ липкомъ сокѣ, которымъ покрыто рыльце. И вотъ пылинка, питаясь этимъ сокомъ, начинаетъ расти, вытягивается въ тончайшую ниточку, которая про-

викаетъ въ столбикъ плодника, а черезъ столбикъ—въ самую средину завязи. Тамъ, въ срединѣ завязи, ниточка находитъ крошечную *сѣмянную почку* и прилипаетъ къ ней своимъ концомъ. Вотъ и готовъ зародышъ будущаго зерна вишни! Цвѣтокъ окончилъ свое дѣло: бѣлые лепестки его и зеленая чашечка осыпаются; тычинки, рыльце и даже столбикъ плодничка вянуть и опадаютъ. На цвѣточной ножкѣ остается только нижняя часть плодничка, или завязь, съ дорогимъ зародышемъ зернышка внутри. Завязь растетъ, изменяется въ формѣ и цвѣтѣ, и наконецъ превращается въ мясистую, сочную вишню съ твердой, бѣлой косточкой внутри, а въ ней-то и лежитъ душистое горькое зернышко. Зеленая, твердая сначала вишня сдѣлалась мягкой и красной: вотъ она и готова!

У многихъ другихъ растений цвѣтокъ похожъ на вишневый; но цвѣтокъ cadaго растенія имѣетъ и свои особенности. У иныхъ растений въ цвѣткѣ не одинъ плодничекъ, какъ у вишни, а нѣсколько, и въ каждомъ плодничкѣ созрѣваетъ по нѣскольку сѣмянъ. Такъ, наприм., у мака стѣнки плодника превращаются въ большую маковую головку, закрытую сверху крышечкой, похожей на звѣзду. Внутри маковая головка перегородена тонкими стѣнками на нѣсколько отдѣлений, и въ каждомъ отдѣленіи не одно, а множество мелкихъ маковыхъ зернышекъ. Когда головка созрѣетъ, пожелтѣетъ и высохнетъ, тогда зернышки легко изъ нея высыпаются черезъ дырочки, находящіяся подъ крышкой.

У орѣха стѣнки плодника превращаются въ твердую шелуху, которую надобно раскусить, чтобы добраться до зерна. Если орѣхъ самъ вывалится изъ зеленой чашечки, въ которой онъ сидитъ, упадетъ на влажную землю и пролежитъ подъ снѣгомъ до весны, то твердая шелуха на немъ лопнетъ сама собою, и бѣлое зернышко проглянетъ на свѣтъ Божій: пустить корешокъ книзу, а два зародышевые листочка выгнать кверху. Не случилось ли вамъ найти такой проросшій орѣхъ?

У яблони плодничекъ сидитъ прямо на цвѣточной ножкѣ; въ завязи его пять отдѣлений и въ каждомъ по двѣ сѣмянныя почки, которая потомъ, когда до нихъ дотронутся ниточки цвѣточныхъ пы-

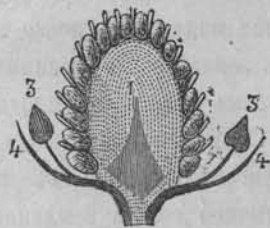
линокъ, превратятся въ яблочныя сѣмячки. Отъ завязи идутъ кверху пять столбиковъ, каждый съ рыльцемъ на вершинѣ, а вокругъ нихъ сидятъ 20 тычинокъ, потомъ 5 лепестковъ и наконецъ 5 чашелистиковъ. Всѣ эти части цвѣтка сидятъ на завязи. Разрѣзавъ яблоко пополамъ, мы ясно увидимъ въ немъ пять отдѣлений; а въ каждомъ отдѣленіи увидимъ два зернышка, которыя темнаго цвѣта, если яблоко созрѣло. Вкусная мякоть яблока образовалась изъ цвѣточного ложа, которое становится мясистымъ.

Такъ безчисленное множество растений приготавливаютъ каждое лѣто множество различныхъ плодовъ: одно готовитъ сочное яблоко, другое—вкусную вишню, третье—красивый желудь, четвертое—сладкую ягоду, и такъ далѣе.

З Е М Л Я Н И К А.

Земляника такъ заманчиво, такъ весело блеститъ въ зеленой травѣ, сначала бѣленькимъ цвѣточкомъ, а потомъ краснымъ плодомъ, что не мѣшало бы намъ знать, какъ она растетъ, и изъ чего это выходитъ у нея такой вкусный, душистый плодъ.

Цвѣточекъ земляники не очень пышенъ и красивъ; но сорвемъ его, рассмотримъ поближе, и онъ научитъ насъ многому. Разрѣзавъ вдоль цвѣтокъ и цвѣточную ножку, на которой онъ держится, мы замѣтимъ, что цвѣточная ножка покрыта снаружи маленькими волосками, а внутри она мясиста. Наверху ножки внутренняя мясистая часть выставляется выпуклой подушечкой, которая и служитъ *цветоложемъ* для плодничковъ земляники. Вокругъ цветоложа сидятъ тычинки, лепестки, а подъ нами—чашелистики. Чашечка земляничнаго цвѣтка состоитъ изъ пяти широкихъ, заостренныхъ чашелистиковъ, а снизу, въ промежуткахъ между ними, еще пять зеленыхъ, узкихъ ли-

Плодъ земляники въ разрѣзѣ *)

*) Вертикальный разрѣзъ плода земляники: 1) мягкое и сочное цвѣточное ложе; 2) отдѣльные плоднички, на немъ расположенные; 3) тычинки, прикрѣпленныя у основанія чашечки; 4) чашелистики

сточковъ, которые называются *подчасіемъ*. Листочки чашечки до половины срослись между собою краями. Пять широкихъ, бѣлыхъ лепестковъ имѣютъ почти круглую форму. Въ срединѣ цвѣтка, какъ уже сказано, на сильно выпукломъ цвѣтоложѣ, сидитъ множество плодничковъ, и вокругъ нихъ болѣе 20-ти тычинокъ. Однѣ изъ этихъ тычинокъ побольше, другія поменьше. Когда цвѣтень упадетъ на рыльца плодничковъ, тогда цвѣтоложе начинаетъ быстро расти вверхъ и въ стороны, и скоро превращается въ сочный, вкусный плодъ. Бѣлые лепестки опадаютъ, тычинки также; столбики засыхаютъ. Остаются завязи, обратившіяся въ зерновочки, которыя мы и съѣдаемъ вмѣстѣ съ ложемъ, отдѣляя его отъ чашечки, которую бросаемъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что тѣ твердые, маленькіе, черноватые бугорки, которыми усыянь плодъ земляники, неправильно называемый ягодою, не что иное, какъ зерновочки съ сѣменами внутри; а самая мякоть есть развившееся цвѣтоложе земляничнаго цвѣтка. Кушая малину, вы легко замѣтите, что она совсѣмъ не такъ устроена, какъ земляника: въ малинѣ вы кушаете одни плоды, а цвѣтоложе, на которомъ сидятъ эти плоды, бросаете вмѣстѣ съ чашечкой.

Сладкая вишняя ягода, или фи́га, растущая въ теплыхъ краяхъ на фиговыхъ деревьяхъ, также образуется изъ мясистаго ложа. Но цвѣточное ложе у земляники выпукло, у фи́ги же оно вогнуто; цвѣты фи́ги, которыхъ у нея на одномъ ложѣ множество, распускаются и цвѣтутъ въ полости ложа, отчего ихъ снаружи и не видно. Кушая мягкое, сладкое ложе фи́ги, мы съѣдаемъ вмѣстѣ съ нимъ и плоднички, т. е. зернышки, и остатки другихъ частей цвѣтковъ.

Листья земляники идутъ частью отъ главнаго стебля у самой земли, частью же сидятъ по длинѣ стебля. Они сложные, т. е. состоятъ изъ трехъ листочковъ, соединенныхъ на одномъ черешкѣ; сверху листья ярко зеленаго цвѣта, а снизу покрыты серебристыми, пушистыми волосками. Отъ стебля земляники у самой земли идутъ длинныя молодые побѣги—*плети*, которые пускаютъ изъ своихъ вершинъ корешки въ землю и даютъ новые кустики земляники. Легко замѣтить, что цвѣты и плоды клубники, разводимой въ садахъ и огородахъ, совсѣмъ похожи на землянику.

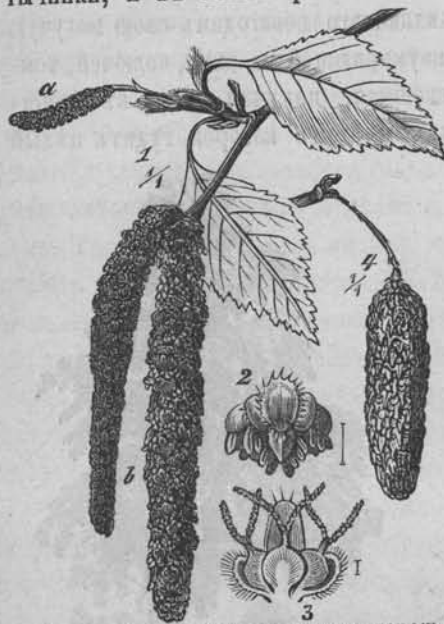
БЕРЕЗКА И ЕЯ СЕМЕЙСТВО.

У каждаго дерева есть своя особая физиономія. Толстый, коренастый дубъ, съ твердыми сучьями, на которыхъ даже сильный вѣтеръ шевелитъ только тоненькими вѣточками, напоминаетъ сильнаго богатыря, смѣло и упорно подставляющаго невгодамъ свою могучую грудь; отъ сосны и елки, отъ ихъ неумирающей на зиму, колючей, темной зелени вѣетъ грустью; роскошная, пахучая липа, въ безчисленныхъ листьяхъ и душистыхъ цвѣтахъ которой гудитъ цѣлый рой золотистыхъ пчелъ,—богатая хлѣбосольная хозяйка; дуплистая ива, шелестя своими длинными висячими космами, навѣваетъ задумчивость; стройная, трепещущая, робкая осина хороша только осенью, когда холода уберутъ ее пурпуромъ и золотомъ. Но нѣтъ у насъ дерева веселѣй и привѣтливѣй, милѣе стройной, кудрявой березки: ея длинный, гибкій стволъ покрытъ опрятной бѣлой корой; ея яркая, кудрявая зелень весною первая радуется наши глаза, утомленные однообразнымъ видомъ снѣга. Если было бы нужно съ чѣмъ-нибудь сравнить березку, то я сравнилъ бы ее съ хорошенькой дѣвочкой, въ бѣломъ платьѣ, въ зеленомъ передничкѣ, когда она утромъ, умывшись холодною водою, выбѣжитъ въ садъ: отъ нея такъ и дышетъ свѣжестью, чистотою и весельемъ.

Листья березы мелкіе, яйцевидные, заостренные вверху, съ зубринами по краямъ. Они особенно милы весною, когда только-что развернутся: тогда они имѣютъ блескъ, смолистый запахъ и

липнуть къ рукамъ. Кромѣ листьевъ, вы, вѣроятно, замѣтили на березовыхъ вѣткахъ хорошенькія длинныя *сережки*: это цвѣты березы. Такихъ сережекъ на каждой березѣ два сорта: въ тѣхъ сережкахъ, которыя подлиннѣе и красноватаго цвѣта, находятся тычинки, и въ нихъ готовится плодотворная пыль; въ дру-

Цвѣты березы: а) плодниковая сережка, б) тычиновая сережка, 2) тычиновые цвѣтки, 3) плодниковые цвѣтки, 4) спѣлая плодниковая сережка.

гихъ, которыя покорооче и зеленого цвѣта, находится масса плодничковъ, готовыхъ подхватить эту пыль.

Мы знаемъ, что у яблони, вишни и земляники, точно такъ же, какъ и у множества другихъ растений, плоднички и тычинки сидятъ въ одномъ цвѣткѣ; у березы, напротивъ, они находятся въ различныхъ цвѣткахъ, хотя на одномъ и томъ же деревѣ.

Сережки, какъ и листья, подготавливаются березою еще съ осени, и начинаютъ распускаться весною, одновременно съ листьями. При малѣйшемъ вѣтрѣ, изъ вырѣвшихъ пыльниковъ летитъ желтая, едва примѣтная для гла-

за цвѣточная пыль. Безчисленное множество этихъ пылинокъ слетитъ съ березы на землю, но много ихъ попадаетъ и на липкіе плоднички. Получивъ цвѣточную пылинку, плодничекъ начинаетъ готовить сѣмячко, которое мы можемъ назвать крылатымъ, потому что у каждаго дозрѣвшаго сѣмени березы есть два *крылышка*, и каждое крылышко гораздо больше самаго сѣмени. Осенью, когда сѣмена дозрѣютъ и выпадутъ изъ сережки, вѣтеръ подхватитъ ихъ и понесетъ въ разныя стороны. Безчисленные миллионы этихъ сѣмянъ, падая на воду, на песокъ, погибаютъ; но многія найдутъ себѣ удобную почву и прорастутъ. Впрочемъ, сѣмя березы самое неприхотли-

вое въ выборѣ мѣста; оно можетъ прорасти и на крышѣ стараго дома, и на вершинѣ старинной колокольни, куда нанесло нѣсколько горстей пыли, и на любомъ островкѣ, и на вершинѣ скалистой горы. Береза по преимуществу сѣверная красавица и менѣе всѣхъ прочихъ деревьевъ боится холода: она растетъ даже на сибирскихъ тундрахъ, невдалекѣ отъ Ледовитаго океана, гдѣ уже ни одно дерево не можетъ выносить мертвящей стужи; березка, правда, гнется, изъ стройнаго дерева дѣлается маленькимъ, кривымъ кустарникомъ, но все еще держится.

На постройки береза не употребляется, такъ какъ дерево ея въ сырости легко гниетъ, но для топлива это лучшее и наиболѣе употребительное дерево. Вы, вѣроятно, замѣтили, какъ весело трещитъ и пылаетъ на огнѣ кора березы; это потому, что въ корѣ березы, или берестѣ, какъ ее называютъ, много горючаго, липкаго и душистаго смолистаго вещества. Изъ бересты гонятъ деготь, для чего складываютъ ее въ большую кучу, насыпаютъ сверху землю, чтобы береста не могла горѣть пламенемъ, и, приготовивъ стокъ для дегтя, поджигаютъ. Подъ землю береста тлѣетъ медленно, выпуская изъ себя жидкую смолу—деготь. Берестою же, такъ-какъ она, по обилію смолы, очень трудно гниетъ, обкладываютъ иногда столбы, которымъ назначено долго простоять въ землѣ. Молодыя липкія почки и душистые листья настаиваютъ въ спиртѣ, и готовятъ изъ нихъ такимъ образомъ лѣкарство. Стволъ березы часто кривъ, сучковатъ и мало годенъ для построекъ, но древесина ея бѣлая, крѣпка, и слои ея очень красивы, а потому изъ березы дѣлаютъ иногда мебель. Изъ бугорчатыхъ наростовъ на корнѣ и стволѣ березы вырѣзывается, такъ называемая, *корельская* береза, которая, по красотѣ и очень прихотливой неправильности древесныхъ слоевъ, цѣнится дорого столярами и токарями.

а) Пыльниковыя сережки дуба, б) Одинъ плодниковый цвѣтокъ дуба, увеличенный.

Весною, когда соки дерева, разогрѣтые лучами солнца, бѣгутъ вверхъ, кору березы пробуравливаютъ и вставляютъ къ дырочку желобъ, по которому течетъ изъ дерева сладкій, душистый сокъ. Въ Троицынъ день губятъ много молодыхъ березокъ, убирая ими комнаты, крыльца и крыши.

Различаютъ нѣсколько видовъ березъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ два: одну кудрявую, веселую, *обыкновенную* березу, и другую, которая, подобно плакучей ивѣ, опускаетъ къ землѣ свои длинныя космы, точно роняетъ слезы; такая грустная березка называется *плакучею*.

По способу расположенія цвѣтовъ береза причисляется къ обширному отряду *сережчатыхъ* растений. Къ этому отряду принадлежатъ, кромѣ березы, осина, ольха, ива, тополь, орѣшникъ, платанъ или чинаръ, растущій только въ тепломъ климатѣ, и также дубъ; хотя плоды дуба называются желудями, а равно листья его вовсе не напоминаютъ березы, но намъ нѣтъ нужды вдаваться въ ученныя тонкости: для насъ достаточно того, что у дуба, какъ и у всѣхъ перечисленныхъ деревьевъ и кустарниковъ, цвѣты собраны въ сережки.

Ива, о которой мы будемъ еще говорить, представляетъ, въ свою очередь, множество видовъ: верба, лоза, ветла и даже кустарникъ, называемый у насъ тальникомъ, суть виды одного рода ивъ.

Твердое дерево дуба цѣнится дорого и употребляется для подѣлокъ, требующихъ особенной крѣпости. Желуди дуба — любимая пища свиней. На листьяхъ дубовъ образуются часто круглыя чернильные

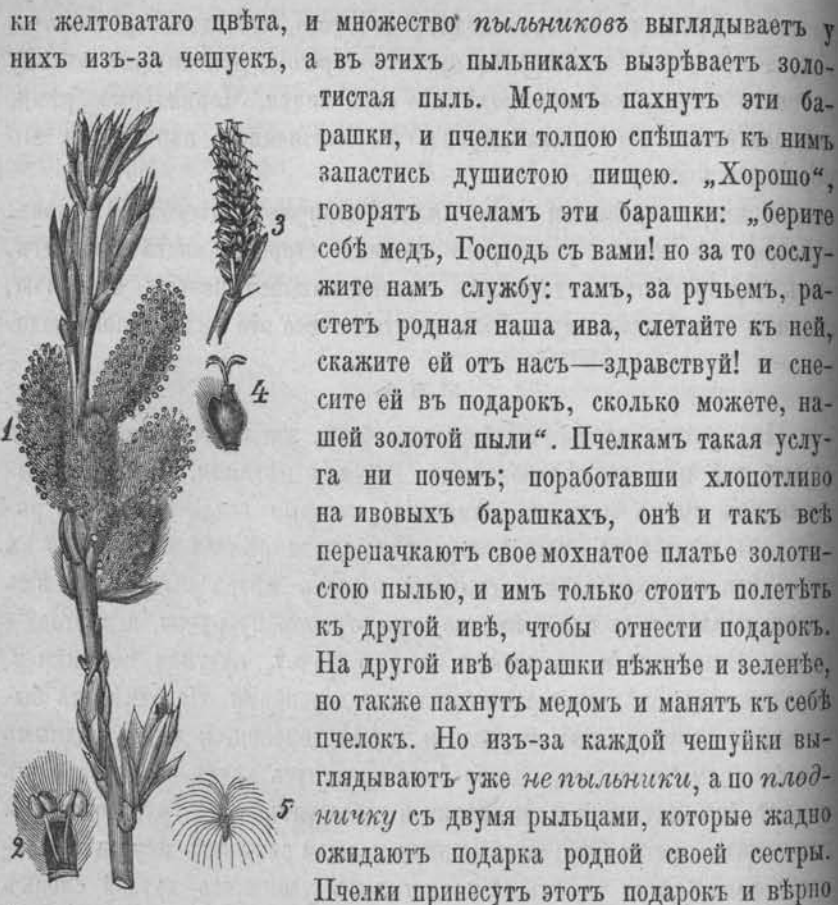
орѣшки. Орѣшки эти происходятъ отъ того, что одно перепончатокрылое насѣкомое, называемое *орѣхотворкою*, проткнувши кожу дубоваго листка, кладетъ подъ нея свои яички. Чернильные орѣхи, слѣдовательно, не плоды дерева, а болѣзненные наросты на его пораненныхъ листьяхъ.

И между стройными *тополями* различаютъ нѣсколько видовъ: серебристый тополь, у котораго нижняя сторона листа блеститъ, какъ серебро; пирамидальный, вытягивающійся кверху стройною, зеленою пирамидою; душистый и другіе — все это виды одного рода.

И В А.

На противоположныхъ берегахъ безъ умолку журчащаго ручья стоятъ двѣ ивы съ красноватыми гибкими вѣтвями. Обѣ онѣ выросли изъ двухъ родныхъ сѣмячекъ, которыя когда-то сидѣли рядышкомъ въ цвѣткѣ старой ивы. Когда эти сѣмена еще спали въ своей теплой колыбелькѣ, сильный порывъ вѣтра выхватилъ ихъ оттуда и забросилъ одно сѣмячко — по эту сторону ручья, а другое — по ту. Они попали въ мягкую, сырую почву, пустили корешки и, мало-по-малу, сдѣлались сами большими деревьями. Не однѣ онѣ были здѣсь: вокругъ нихъ выросли и другія деревья, и двумъ роднымъ ивамъ, двумъ сестрамъ, нельзя было взглянуть другъ на друга; вотъ почему онѣ опустили свои вѣтки и шелестятъ такъ грустно своими плачущими листочками; вотъ почему и люди считаютъ иву за печальное дерево, часто садятъ ее на могилахъ усопшихъ друзей своихъ и называютъ ее плакучею. Въ самомъ дѣлѣ, съ вѣтвей ивы скатываются, точно слезы, свѣтлыя капельки; но эти капельки приготавливаетъ не ива, а живущія на ивѣ насѣкомыя.

Однакожь, и плакучая ива имѣетъ свои веселые дни. Раннею весною, когда другія деревья и кустарники еще спятъ, почки ивы начинаютъ уже пробуждаться. Завернутыя на зиму въ коричневыя чешуйки, спятъ онѣ до тѣхъ поръ на вѣтвяхъ; но едва повѣетъ теплотой весны, — онѣ раскрываютъ ставни своей темницы и выступаютъ оттуда бѣлыми и мягкими, какъ шелкъ, барашками. Барашки — цвѣты ивы; но эти цвѣты на обѣихъ ивахъ различны. На одной ивѣ бараш-

Ива. 1) Тычинковая сережка. 2) Отдельный тычинковый цвѣтокъ. 3) Плодниковая сережка. 4) Плодниковый цвѣтокъ. 5) Сѣмя ивы.

съ помощью пылинокъ свои маленькія зернышки. Осенью налетитъ вѣтеръ, разнесетъ зерна, и хотя многія тысячи ихъ погибнутъ, но ихъ такъ много, что какое-нибудь непременно упадетъ на плодородную землю и сдѣлается современемъ ивой. Такъ, благодаря пчелкамъ, пересылаетъ одна ива другой благотворный подарокъ.

ки желтоватаго цвѣта, и множество *пыльниковъ* выглядываетъ у нихъ изъ-за чешуекъ, а въ этихъ пыльникахъ вызрѣваетъ золотистая пыль. Медомъ пахнутъ эти барашки, и пчелки толпою спѣшаютъ къ нимъ запасись душистою пищею. „Хорошо“, говорятъ пчеламъ эти барашки: „берите себѣ медъ, Господь съ вами! но за то сослужите намъ службу: тамъ, за ручьемъ, растетъ родная наша ива, слетайте къ ней, скажите ей отъ насъ—здравствуй! и снесите ей въ подарокъ, сколько можете, нашей золотой пыли“. Пчелкамъ такая услуга ни почему; порабатавши хлопотливо на ивовыхъ барашкахъ, онѣ и такъ все перепачкаютъ свое мохнатое платье золотистою пылью, и имъ только стоитъ полетѣть къ другой ивѣ, чтобы отнести подарокъ. На другой ивѣ барашки нѣжныѣ и зеленѣе, но также пахнутъ медомъ и манятъ къ себѣ пчелокъ. Но изъ-за каждой чешуйки выглядываютъ уже *не пыльники*, а по *плодничку* съ двумя рыльцами, которые жадно ожидаютъ подарка родной своей сестры. Пчелки принесутъ этотъ подарокъ и вѣрно передадутъ его, кому онъ посланъ; а въ награду за посольство и здѣсь получаютъ медъ. Съ радостью принимаютъ плодниковые цвѣточки подарки родной сестры и образуютъ

На яблонѣ и вишнѣ тычинки и плоднички въ одномъ и томъ же цвѣткѣ; на березѣ—въ двухъ различныхъ цвѣткахъ, но на одномъ и томъ же деревѣ; на ивѣ и тополь—на двухъ разныхъ деревьяхъ: на одномъ—цвѣтки съ плодничками, на другомъ—съ тычинками. Ива, слѣдовательно, живетъ на два дома, и ее зовутъ *двудомнымъ* растеніемъ; береза растеніе *однодомное*.

Къ двудомнымъ растеніямъ принадлежитъ и обитательница жаркихъ странъ, *финиковая пальма*, у которой кромѣ такого же расположенія цвѣтовъ на двухъ деревьяхъ, нѣтъ ничего общаго съ нашей ивой. На одной пальмѣ—плоднички, на другой—тычинки; финики не вырастутъ на первой пальмѣ, и плоднички ея засохнутъ, не давъ плода, если услужливый вѣтеръ не принесетъ цвѣточной пыли отъ родной сестры, растущей иногда гдѣ-нибудь далеко, за сотни верстъ.

ХВОЙНЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

Все наши большіе лѣса состоятъ изъ елей и сосенъ, а на сѣверо-востокѣ Россіи—также изъ кедровъ, пихтъ и лиственницъ. Кто видѣлъ эти деревья. тотъ, вѣроятно, и самъ подумалъ, что все они сродни другъ другу. Высокій, стройный стволъ, смолистая кора и древесина, а болѣе всего иглистые листья и всегдашняя зелень, остающаяся почти у всехъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, соединяютъ все эти деревья въ одно семейство и въ то-же время отличаютъ ихъ отъ прочихъ деревьевъ. Такія деревья называются *хвойными*, потому что острые, какъ иглы, листочки ихъ называются *хвоей*. Русскій народъ любитъ свои родные хвойные лѣса и называетъ ихъ *красными*, т. е. прекрасными, въ отличіе отъ тѣхъ лѣсовъ, которые, состоя изъ лиственныхъ деревьевъ, на зиму теряютъ свою листву и остаются черными, почему ихъ и называютъ *чернымъ лѣсомъ*, или просто *чернолѣсьемъ*. Хвойные лѣса въ прежнія времена покрывали собою всю среднюю и сѣверную полосу Россіи; но съ размноженіемъ народонаселенія количество лѣсовъ очень уменьшилось. Впрочемъ, и теперь еще въ нашихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, особенно въ Вологодской и Архангельской, тянутся непроглядные хвойные лѣса на многія сотни верстъ. На самомъ сѣверѣ,

въ климатѣ самомъ холодномъ, хвойныхъ лѣсовъ не бываетъ: тамъ держится только одна кривая березка.

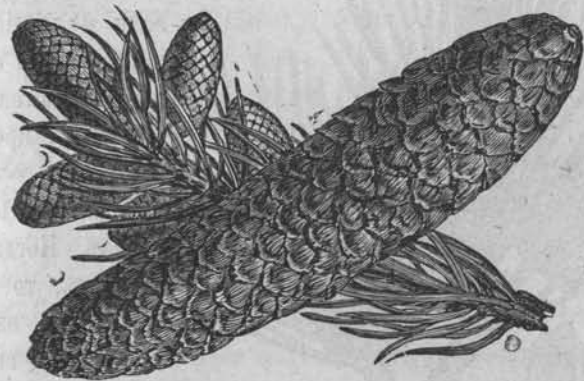
Хвойные лѣса очень полезны для человѣка: они даютъ ему огромныя и крѣпкія бревна для различнаго рода построекъ, очень хорошій матеріалъ для топлива, смолу, деготь и скипидаръ; а кедры доставляютъ еще лакомство—кедровые орѣхи. Тѣ изъ хвойныхъ

деревьевъ, которыя по прямизнѣ и высотѣ могутъ идти на постройку корабельныхъ мачтъ, называются *мачтовыми* и цѣнятся дорого.

Въ нашихъ лѣсахъ часто *ель* и *сосна* стоятъ вмѣстѣ. Ель узнать не трудно; она гораздо пышнѣ сосны. Это зависитъ отъ того, что у ели между главными вѣтками вырастаетъ еще множество мелкихъ вѣточекъ, на которыхъ гораздо больше зеленыхъ иглъ, чѣмъ на главныхъ. Кромѣ того, иглы или листики на ели короче и расположены *поодиночкѣ*, а на соснѣ *всегда по два листочка разомъ*; основанія каждаго двухъ листковъ обняты бѣловатою пленочкою.

Если ель растетъ въ тѣсотѣ, между другими деревьями, то нижніе сучья ея опадаютъ; если же на свободѣ, какъ напр. въ садахъ, то длинныя, нѣсколько обвисшіе книзу сучья ели начинаются у самой земли и идутъ пирамидою кверху. У сосны нижніе сучья всегда усыхаютъ, а верхніе часто располагаются зонтикомъ; кора на стволѣ имѣетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ, а на старыхъ сучьяхъ этотъ оттѣнокъ усиливается. По свойству древесины сосна и ель сильно различаются. Древесина сосны смолиста и потому весьма прочна. Благодаря этому, сосна предпочтительно передъ другими хвойными деревьями употребляется на бревна и брусья для построекъ, на мачты и распиливается на доски. Изъ сосны дѣлаютъ ушаты,

Еловые шишки: плодниковая и тычинковая.

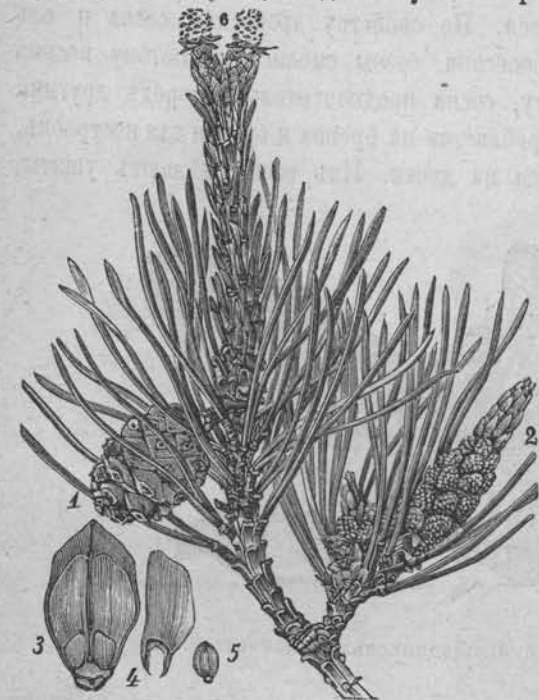
ведра, кадки, лучину для корзинокъ, а также дерево ея идетъ на дрова и уголь, и изъ него гонятъ смолу. Еловая древесина менѣ смолиста и не столь прочна, какъ сосновая. Она также идетъ на постройки, но доски изъ нея хуже сосновыхъ, и еловые дрова цѣнятся не высоко. Изъ еловой смолы дѣлаютъ канифоль. Сосна любитъ по преимуществу почву сухую, песчаную; ель, напротивъ, растетъ на почвахъ влажныхъ, глинистыхъ. Сосна и ель достигаютъ огромной высоты, двѣнадцати и болѣе сажень, а въ толщину бываютъ иногда до двухъ аршинъ въ *диаметрѣ*.

Цвѣты сосны и ели заключаются въ шишкахъ, изъ которыхъ

однѣ—тычинковыя, другія—плодниковыя. Тычинковыя шишки сосны желтаго цвѣта, а у ели онѣ красныя; какъ тѣ, такъ и другія состоятъ изъ нѣжныхъ чешуекъ, за которыми сидятъ тычинки. Плодниковыя шишки у нихъ состоятъ также изъ чешуекъ, и подъ каждой сидятъ по двѣ сѣмяпочки. Во время оплодотворенія пыль падаетъ за чешуйки; тогда чешуйки закрываются, и почти подъ

каждой начинается вырѣзывать пара твердыхъ сѣмянъ, которыя лежатъ открытыя, голыя, а не скрыты въ завязи, какъ сѣмена клена, яблони и другія. Плодниковыя или сѣмянныя шишки на ели вырѣзываютъ въ продолженіе года, на соснѣ — въ продолженіе 18-ти мѣсяцевъ. Когда шишка созрѣетъ, то она раскрывается, изъ-за чешуекъ ея выпадаютъ сѣмена съ длинными крылышками.

Иглы свои и ель и сосна мѣняють точно такъ-же, какъ и ли-

Сосна. 1) Сѣмянная шишка. 2) Тычинковые цвѣты. 3) Крылатая сѣмена сосны. 4) Крыло отдѣльно. 5) Сѣмя отдѣльно. 6) Плодниковые цвѣты.

ственныя деревья мѣняють листья; подъ каждымъ хвойнымъ деревомъ вы найдете множество красноватыхъ, отжившихъ уже и отпавшихъ иголь. Но тогда какъ на лиственныхъ деревьяхъ всѣ листья опадаютъ осенью и появляются вновь весною, слѣдовательно держатся на деревьяхъ только лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ теплое время года, хвои держатся на вѣтвяхъ по нѣскольку лѣтъ: у сосны напр два года, а у ели семь лѣтъ. Поэтому новыя хвои весной

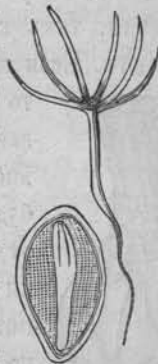
появляются, а старыя еще держатся на вѣткахъ. Вотъ почему оба эти дерева круглый годъ зелены.

Сибирскій кедръ тоже принадлежитъ къ роду сосенъ, только иголки на немъ расположены не попарно, а по пяти, и за чешуйками шишекъ образуются у него вкусныя сѣмена, которыя мы называемъ орѣхами. *Лиственница* — самое высокое и самое прочное изъ хвойныхъ деревьевъ. Иглы на лиственницѣ мягки, ярко зеленого цвѣта, сидятъ пучками и на зиму опадаютъ; потому, быть можетъ, народъ и далъ этому дереву названіе лиственницы, что она теряетъ зимою свои хвои, какъ лиственное дерево теряетъ листья. По своему пирамидальному виду лиственница походитъ на ель; древесина ея гораздо тверже, тяжелѣе и крѣпче даже, чѣмъ у сосны. Въ водѣ лиственница не гниетъ, и потому ее употребляютъ на постройку кораблей и на сваи, которыя должны находиться подъ водою. Изъ лиственницы же добывается лучшій скипидаръ, а кора ея употребляется при выдѣлкѣ кожъ. Это полезное дерево растетъ у насъ въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Оренбургской и по всей Сибири.

Къ семейству хвойныхъ деревьевъ принадлежатъ также *пихта*, *кипарисъ*, дающій пахучее желтоватое и прочное дерево, на которомъ часто пишутъ иконы и которое идетъ на обдѣлку карандашей, *можжевельникъ*, вѣтки и плоды котораго употребляются для окуриванія, и нѣкоторыя другія.

В Ъ Л А Я Л И Л І Я.

Бѣлая лилія — прекрасный, душистый, величественный цвѣтокъ, служащій, по свѣжной бѣлизнѣ своей, эмблемою чистоты, — растетъ у насъ только въ цвѣтникахъ; но въ жаркомъ и сухомъ климатѣ, въ горахъ Персіи, Аравіи и Палестины, лилію встрѣчаютъ и въ дикомъ состояніи. Если мы не пожалѣемъ прекраснаго растенія и выдернемъ его изъ земли, то увидимъ, что зеленый стебель растенія выходитъ изъ большой луковицы желтоватаго цвѣта, которая

Прорастающее сѣмя сосны. Десятъ первыхъ листочковъ или иголь.

вся состоитъ изъ длинныхъ сочныхъ чешуекъ, наложенныхъ одна на другую, какъ черепица на кровль. Разрѣзавъ луковицу вдоль, найдемъ, что чешуйки ея прикрѣплены къ стержню. Внизъ этотъ стержень, сросшись съ чешуйками, образуетъ *донце* луковицы, отъ котораго книзу виситъ пучекъ тоненькихъ корешковъ, а кверху идетъ стебель, круглый и довольно высокій.

Что такое луковица?—Корнемъ назвать ее нельзя, хотя она и въ землѣ, такъ какъ чешуи (тѣ же листья) на корняхъ никогда не бывають. Если сравнить ее съ знакомыми намъ частями растенія,

Чешуйчатая
луковица.

то болѣе всего походить она на почку. Луковица, какъ и почка, представляетъ собраніе чешуй, т. е. не вполне развитыхъ листьевъ, и стержня, т. е. стебля будущаго растенія. Когда луковицу посадить, то отъ донца ея пойдутъ корешки въ землю, чешуйки вытянутся въ листья, а стебель потянется кверху; потомъ луковица, давшая жизнь растенію, сгниетъ; но къ этому времени на донцѣ образуется нѣсколько молоденькихъ почекъ или молоденькихъ луковицъ, такъ называемыхъ *дѣтокъ*, изъ которыхъ каждая на будущее лѣто можетъ дать особое растеніе. Растенія, размножающіяся луковицами, называются *луковичными*. Нашъ обыкновенный лукъ есть тоже луковичное растеніе, и въ луковицѣ его ясно можно видѣть, какъ чешуйки или листья этой подземной

почки вложены одинъ въ другой. Въ луковицѣ чеснока вы легко можете найти между чешуями маленькія луковицы.

Картофелина, или *клубень* картофеля, какъ ее называютъ, есть толстый, округлый подземный стебель съ ямочками, такъ называемыми *глазками*, которые и есть почки. Картофель размножается клубнями, которые садятъ въ землю или цѣлыми, или разрѣзавъ ихъ на части, но такъ, чтобы на каждой части былъ глазокъ: иначе не изъ чего будетъ развиваться стеблю съ листьями. Старая картофелина, выгнавъ стебель кверху, на которомъ кромѣ листьевъ появятя современемъ лиловые цвѣточки, а затѣмъ и плоды съ сѣменами, и пустивъ подземные

стебли и мочковатый корень книзу, сама сгниетъ; но на подземныхъ стебляхъ образуется зато много новыхъ клубней.

Лукъ, чеснокъ и картофель полезны человѣку своими подземными стеблями; но морковь, рѣпа, свекла, рѣдька полезны своими корнями, почему эти послѣднія растенія называются *корнеплодными*. Картофель же и лукъ нельзя, по настоящему, назвать корнеплодными растеніями, хотя ихъ часто такъ называютъ. Корнеплодные растенія размножаются не корнями, а сѣменами, вызрѣвающими на стебляхъ; сѣмя, посаженное въ землю, даетъ толстый, мясистый корень книзу, иногда длинный, какъ у свеклы и моркови, иногда круглый и полукруглый, какъ у брюквы и рѣпы, а кверху выгоняетъ небольшой пучекъ листьевъ, называемый ботвой. Въ первый годъ между листвою, или ботвой, вы не найдете ни цвѣтовъ, ни сѣмянъ; но если на другой годъ вы оставите въ землѣ корень моркови, свеклы или рѣпы, то онѣ дадутъ уже цвѣты и сѣмена. Во всякомъ большомъ огородѣ вы встрѣтите нѣсколько такихъ корнеплодныхъ растеній, посаженныхъ на сѣмена, и, пожалуй, по незнанію, можете принять ихъ за какія-нибудь другія, неизвѣстныя вамъ растенія.

Но возвратимся къ нашей бѣлой лиліи. Стебель лиліи подымается аршина на полтора въ вышину, и отъ него идутъ листья во всѣ стороны, которые внизу широки и довольно круглы, но чѣмъ выше, тѣмъ уже и острѣе. На верхушкѣ лилейнаго стебля появляется нѣсколько большихъ бѣлыхъ, пахучихъ цвѣтовъ, сидящихъ на коротенькихъ цвѣточныхъ ножкахъ. У цвѣтовъ лиліи только одинъ бѣлый вѣнчикообразный цвѣточный покровъ, состоящій изъ шести большихъ покроволистиковъ, красиво отогнутыхъ назадъ. По числу листиковъ, составляющихъ цвѣточный покровъ, бываетъ въ цвѣткѣ лиліи шесть тычинокъ съ желтыми, большими, качающимися пыльниками. Тычинки эти нитями своими прикрѣплены къ листикамъ цвѣточнаго покрова, плодникъ же занимаетъ середину цвѣтка. Завязь плодника обращается потомъ въ плодъ-коробочку съ тремя внутренними гнѣздышками; въ каждомъ гнѣздышкѣ вызрѣваетъ по нѣсколько желтыхъ сѣмянъ; изъ сѣмянъ не такъ легко вырастить лилію; гораздо скорѣе разводится она луковицами.

КОНОПЛЯ, ЛЕНЬ И ХЛОПЧАТНИКЪ.

Кто бывалъ въ деревнѣ, тотъ вѣрно замѣтилъ на огородахъ высокое растеніе, извѣстное подъ именемъ конопли. Конопля растетъ густо, довольно толстыми стеблями, аршина въ два съ половиною вышины; она издаетъ особенный, очень сильный запахъ, любитъ жирную землю, и потому ее сѣютъ преимущественно на огородахъ и на такихъ поляхъ, гдѣ земля болѣе удобрена. Кто не видалъ самой конопли, тотъ вѣрно видалъ, по крайней мѣрѣ, конопляное сѣмя, которымъ кормятъ чижей и другихъ маленькихъ пльнищъ нашихъ клѣтокъ. Конопляное сѣмя вызрѣваетъ на коноплѣ, помящаясь на верхушкѣ стеблей кистями. Оно такъ маслянисто, что изъ него выдѣлывается большое количество постнаго масла. Стебли конопли бываютъ двоякаго рода: одни съ плодничками, въ которыхъ вызрѣваютъ сѣмена, другіе, на которыхъ сѣмянъ не бываетъ, съ тычинковыми цвѣтами. Конопля, слѣдовательно, есть растеніе *двудомное*. Плодниковые стебли собственно и зовутся коноплею, а тычинковые называются *посконью* или замашкой. Посконь совершенно вырастаетъ при созрѣваніи тычинокъ, когда на плодниковыхъ стебляхъ конопляное зернышко только-что начинаетъ наливаться; а потому *посконь берутъ*, т. е. выдергиваютъ изъ земли, гораздо ранѣе конопли и, выдергивая, машутъ ею по воздуху, чтобы разсыпать изъ тычинокъ на плодники остальную плодотворную пыль, почему посконь и зовутъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *замашкой*. Изъ поскони приготавливаются веревки и самый грубый холстъ.

Когда конопляное сѣмя совершенно созрѣетъ, тогда начинаютъ *брать* коноплю, т. е. выдергивать ея стебли изъ земли и связывать ихъ въ небольшіе пучки. Просушивъ на солнцѣ пучки конопли, выколачиваютъ изъ нихъ сѣмена, или просто отрѣзываютъ снизу корни, а сверху кисти съ сѣменами, оставляя одни стебли, для выдѣлки изъ нихъ *пеньки*. Приготовленную такимъ образомъ коноплю кладутъ въ рѣку или въ прудъ, недалеко отъ берега, такъ однако, чтобы она вся покрылась водою; а для того, чтобы ее не унесло теченіемъ, накладываютъ на нее сверху камни или бревна, и оста-

вляютъ въ такомъ положеніи недѣли на двѣ. Это называется *мочить коноплю*. Для мочки обыкновенно выбираютъ неглубокія мѣста въ рѣчкахъ или прудахъ, и притомъ такія, которыя наиболѣе освѣщены солнцемъ. Мочатъ коноплю затѣмъ, чтобы размочить въ водѣ клейкое вещество, которымъ стебель пропитанъ, и отдѣлить полезный гибкій *лубъ* отъ коры, лежащей сверху, и сердцевины, лежащей внутри. Только изъ волокнистаго и мягкаго луба конопли и можетъ быть приготовлена пенька. Когда найдутъ, что конопля довольно размочена и что волокна ея отдѣляются легко, тогда вынимаютъ ее изъ воды и ставятъ снова *сушиться на солнцѣ*. При мочкѣ и при сушкѣ конопля издаетъ сильный, тяжелый и даже вредный запахъ. Когда конопля высохнетъ, тогда сердцевина ея растирается и разсыпается легко, а тонкія и крѣпкія *волокна*, составляющія лубъ, легко раздѣляются между собою. Высушивъ коноплю, начинаютъ ее *мять* весьма не хитрою машиною, которой все назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы искрошить высохшія сердцевину и кору конопли и приготовить *пеньку*. Помявъ пеньку, начинаютъ ее трепать и расчесывать, стараясь, чтобы ея длинныя и тонкія волокна не путались и раздѣлялись по возможности тоньше. Чѣмъ лучше очищены волокна пеньки и чѣмъ тоньше они, — тѣмъ пенька лучше, и тѣмъ тоньше холстъ можно изъ нея сдѣлать. Изъ грубой, худо очищенной, толстой пеньки вьютъ веревки и канаты и ткутъ грубую дерюгу; изъ тонкой, мягкой пеньки выдѣлываютъ дорогія полотна и тончайшій батистъ.

Для льна не нужно такой жирной земли, какъ для конопли, а потому его сѣютъ на поляхъ. Ленъ растетъ гораздо ниже пеньки, но стебельки его тоньше; а чтобы стебли льна были какъ можно тоньше и длиннѣе, его сѣютъ густо. Ленъ цвѣтетъ маленькими голубоватыми цвѣточками, а маслянистыя маленькія сѣмена его вызрѣваютъ въ плодниковыхъ коробочкахъ. Его также берутъ осенью и почти такъ же мочатъ и обрабатываютъ, какъ пеньку. Изъ сѣмянъ льна также выдѣлываютъ масло.

Когда такимъ образомъ обработаютъ пеньку, или ленъ, тогда начинаютъ ихъ прядь на прялкахъ или машинами, и приготавливаютъ

нитки, изъ которыхъ уже выдѣлывается полотно. Нитки суть не что иное, какъ спученныя волокна конопли или льна. Если присмотрѣться къ куску даже самаго плотнаго полотна или тончайшаго батиста, то сейчасъ же можно замѣтить, что они состоятъ изъ нитокъ, переплетенныхъ между собою крестъ-на-крестъ. Приготовляется полотно на фабрикахъ, а также и отдѣльными ткачами. Ткачи ткутъ полотно на своихъ станкахъ, которые и называются ткацкими станками.

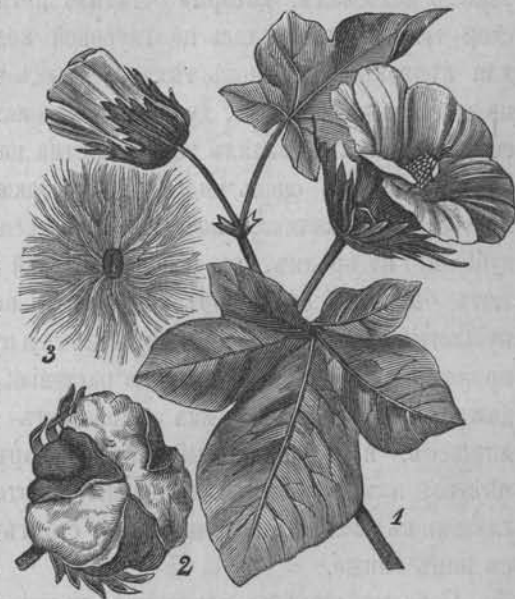
Выходя изъ рукъ ткача, полотно имѣетъ сѣрый цвѣтъ, и его надобно еще выбѣлить. Бѣлить полотно очень просто: его разстилаютъ на лугу, гдѣ чаще бываетъ солнце, и время отъ времени смачиваютъ водою, не давая полотну совершенно высохнуть. Отъ продолжительнаго дѣйствія солнца и воздуха холсты черезъ нѣсколько дней дѣлаются бѣлымъ, какъ снѣгъ. На фабрикахъ бѣленіе полотна производится химическимъ способомъ.

Изъ льна и пеньки дѣлается много различныхъ предметовъ: нитки, веревки, канаты, полотна самой разнообразной доброты и цѣны, парусина, батистъ, достигающій поразительной тонины, салфетки и скатерти. Полотно называется также холстомъ, хотя подъ именемъ холста чаще разумѣютъ ткани, сдѣланныя изъ льна. Лучшими полотнами за границу считаются голландскія и ирландскія, а у насъ славятся холсты ярославскіе.

Въ Россіи много производится льна и пеньки. Лучшимъ льномъ считается *псковской*. Много льна и пеньки отправляется отъ насъ за границу, особенно въ Англію, гдѣ требуется много пеньки для выдѣлки парусовъ, а также веревокъ и канатовъ для корабельныхъ снастей, потому что въ Англіи кораблей больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ.

Ситецъ также матерія, употребляемая для одежды; но дѣлается не изъ пеньки и не изъ льна, а изъ *хлопчатой бумаги*, которую также прядутъ и ткутъ. Хлопчатая бумага добывается изъ растенія, называемаго *хлопчатникомъ*. Это кустовое растеніе, растущее въ теплыхъ странахъ. Въ большихъ плодахъ-*коробочкахъ* лежатъ маслянистыя зёрна, завернутыя въ длинные, мягкіе волоски бѣлаго, а

иногда слегка желтоватаго цвѣта. Когда сѣмена совершенно созрѣютъ, коробочка хлопчатника трескается, и показывается *хлопокъ*, такъ называютъ эти бѣлыя нити. Съ одного куста собирается иногда до двухъ фунтовъ хлопка, что по объему очень много, такъ какъ хлопокъ чрезвычайно легокъ. Этотъ-то хлопокъ и передѣлывается въ нитки, а потомъ въ матеріи разнаго рода, которыя потому и называются хлопчатобумажными матеріями. Сѣмена хлопчатника идутъ на выдѣлку изъ нихъ масла. Хлопчатобумажныхъ матерій, которыя отлично принимаютъ различныя краски, множество, и хлопчатникъ одѣваетъ гораздо большее число людей, чѣмъ ленъ и пенька. Наибольшее количество хлопка выдѣлывается въ Америкѣ, Индіи и Китаѣ; но теперь хлопокъ разводятъ и у насъ въ Россіи, въ Туркестанѣ и на Кавказѣ. Многія тысячи фабрикъ и миллионы работниковъ занимаются передѣлкою хлопка въ хлопчатобумажныя ткани, хотя его прядутъ и ткутъ очень искусными машинами.

Хлопчатникъ: 1) Цвѣтокъ. 2) Плодь. 3) Сѣмя.

На одежду человекъ употребляетъ еще сукно. Сукно дѣлается уже не изъ растеній, а изъ овечьей шерсти, которую остригаютъ у овецъ, моютъ, чешутъ и потомъ также прядутъ и ткутъ. Изъ шерсти готовятъ многія шерстяныя матеріи.

Шелковыя матеріи дѣлаются, какъ мы уже знаемъ, изъ шелку; а шелкъ дѣлаетъ шелкоичный червякъ на шелкоичныхъ деревьяхъ.

ОДУВАНЧИКЪ.

Признайтесь откровенно, сколько вы в недолгій вашъ вѣкъ истребили одуванчиковъ? Сколько сорвали и разогнали по вѣтру тѣхъ пушистыхъ и бѣлыхъ шаровъ, которые появляются среди лѣта вездѣ, гдѣ только есть клочекъ земли, способный вырастить какую-нибудь травку: въ саду, на зеленой каймѣ цвѣтника, на лугу, по окраинѣ поля, засѣянаго хлѣбомъ, даже посреди дороги, на тѣхъ узкихъ полоскахъ, которыя оставило нетронутыми колесо крестьянской телѣги, пробираясь по глубокой колеѣ? Сколько сорвали вы для вѣнковъ и цѣпочекъ тѣхъ желтыхъ цвѣтковъ, которые сидятъ на пустыхъ въ серединѣ, дудчатыхъ ножкахъ, и бѣлый, очень горькій сокъ которыхъ оставлялъ темныя пятна на вашихъ рукахъ и вашемъ платьѣ? Много, очень много! Много также вы потоптали зеленыхъ листьевъ одуванчика, почти стелющихся по землѣ, съ большими зубцами по краямъ, съ розовой жилкой по серединѣ. Но вы, можетъ быть, до сихъ поръ не обратили вниманія на то, что бѣлый пушистый шаръ, яркій желтый цвѣтокъ и пучекъ вырѣзныхъ листьевъ принадлежатъ одному и тому же растенію; можетъ быть не замѣтили даже, что дудчатая ножка вырастаетъ изъ середины этого пучка листьевъ, и что пушистый бѣлый шаръ образуется изъ желтаго цвѣтка; а между тѣмъ это явленіе, повторяющееся передъ вашими глазами въ тысячахъ экземпляровъ, стоитъ того, чтобы познакомиться съ нимъ ближе.

Сорвемъ же еще одинъ изъ желтыхъ цвѣтковъ одуванчика, и поищемъ въ немъ тѣхъ частей, которыя нашли въ вишневомъ цвѣткѣ: чашечки, вѣнчика, тычинокъ съ пыльниками и плодничка со столбикомъ и рыльцемъ. Всѣ эти части цвѣтка также находятся у одуванчика. Но будьте осторожны! Этотъ обыкновенный цвѣтокъ устроенъ очень хитро и можетъ ввести васъ въ ошибку. Съ перваго взгляда можно подумать, что зеленые листья, обнимающіе нижнюю часть цвѣтка, изъ которыхъ нижніе нѣсколько отворочены, составляютъ чашечку, а желтые язычки, которыхъ такъ много на цвѣткѣ и изъ которыхъ каждый внизу представляетъ трубочку, а вверху вы-

тянуть въ язычекъ, — лепестки, т. е. вѣнчикъ цвѣтка. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. Оборвемте-ка съ цвѣтка всѣ желтые язычки, — всѣ, кромѣ одного, который оставимъ для того, чтобы разсмотрѣть его было удобнѣе. Теперь разорвемъ полегоньку вдоль его трубочку; и мы увидимъ скрывающійся въ немъ плодничекъ, воткнутый острымъ нижнимъ концомъ завязи въ круглое цвѣтоложе цвѣтка, на которомъ сидѣли всѣ остальные

желтые, сорванные нами, язычки. Отъ верхушки завязи идетъ кисточка, состоящая изъ тончайшихъ волосковъ, поднятыхъ кверху, и столбикъ, оканчивающійся раздвоеннымъ рыльцемъ. Столбикъ окружается желтымъ лепесткомъ, сидящимъ на завязи, и 5-ю тычинками, прикрѣпленными къ лепестку и сросшимися въ трубку пыльниками. Если осторожно выдернуть столбикъ, то останется

Части одуванчика *).

трубочка, посреди которой онъ сидѣлъ, состоящая изъ сросшихся тычинокъ. И такъ, язычекъ, который можно принять за лепестокъ,

*) *Цвѣтокъ одуванчика:* 1) Сложный цвѣтокъ и листъ. 2) Отдѣленный отъ ложа одинъ изъ цвѣтковъ, представляющій снизу округленную завязь, пушистую чашечку и язычковый лепестокъ; изъ трубочки вѣнчика выставляется столбикъ съ раздвоеннымъ рыльцемъ. Около столбика 5 тычинокъ, сросшихся между собою пыльниками. 3) Плодъ одуванчика. 4) Цвѣточная ножка, поддерживающая расширенное цвѣточное ложе, на которомъ видны углубленія, гдѣ прикрѣплялись отдѣльные цвѣточки. Книзу отъ ложа висятъ отогнутые зеленые листочки, составляющіе общій цвѣточный покровъ — поволоку.

оказывается цѣлымъ цвѣткомъ. Мы нашли въ немъ завязь со столбикомъ и рыльцемъ, нашли тычинки, нашли и вѣнчикъ, т. е. трубочку, переходящую наверху въ язычекъ. Вѣнчикъ этотъ состоитъ не изъ пяти лепестковъ, какъ у вишни, но изъ одного. Впрочемъ, разсматривая подробнѣе этотъ вѣнчикъ, ботаники нашли, что онъ сросся изъ пяти отдѣльныхъ лепестковъ, что показываютъ оставшіяся на немъ полоски. Но гдѣ же чашечка этого маленькаго цвѣтка? Ботаники считаютъ за чашечку хохолокъ, состоящій изъ волосковъ, которые сидятъ на завязи подъ вѣнчикомъ. Вотъ и всѣ части цвѣтка.

Когда одуванчикъ отцвѣтетъ, тогда вѣнчики отдѣльныхъ цвѣтковъ его соцвѣтія завянутъ, спадутъ; столбикъ съ рыльцемъ и тычинками также отвалится, а хохолокъ поднимется на своей ножкѣ и развернется; хохолки всѣхъ отдѣльныхъ цвѣтковъ вмѣстѣ составятъ тотъ бѣлый пушистый шаръ, какимъ является одуванчикъ послѣ цвѣтенія. Завязь, превратившаяся въ плодъ, въ сѣмянку, съ зрѣлымъ сѣмячкомъ внутри, едва держится своимъ острымъ концомъ въ мягкомъ цвѣточномъ ложѣ; подуетъ вѣтеръ — и плоды одуванчика, снабженные легкими хохолками, понесутся по воздуху, и гдѣ останутся на землѣ, такъ на будущій годъ, если что-нибудь не помѣшаетъ, вырастетъ новое растеніе, новый одуванчикъ.

Всѣ летучіе плоды одуванчика разлетятся во всѣ стороны; что же отъ него осталось? Какой странный видъ имѣетъ теперь остатокъ отъ сложнаго цвѣтка! На дудчатой ножкѣ торчитъ бѣлая, мягкая, выпуклая подушечка со множествомъ черненькихъ точекъ, показывающихъ мѣсто, гдѣ были воткнуты острые носики завязей: точно рабочая подушка швеи, изъ которой повысыпались иголки. Это и есть общее цвѣточное ложе всѣхъ цвѣтковъ одуванчика, изъ которыхъ каждый далъ сѣмя, улетѣвшее теперь далеко. Такимъ образомъ, мы видимъ, что желтая головка одуванчика не одинъ цвѣтокъ, какъ напримѣръ цвѣтокъ вишни, яблони, тюльпана или колокольчика, но цѣлое собраніе цвѣтковъ, сидящихъ на одномъ общемъ цвѣтоложѣ, — цѣлая *корзинка* цвѣтовъ. Такія растенія, у которыхъ на одномъ цвѣтоложѣ собрано множество цвѣтковъ, — называются *сложноцвѣт-*

ными растеніями; таковы: ярко-синіе васильки, желтые большіе подсолнечники, красивыя астры и множество другихъ.

Но что это за зеленые листочки, составляющіе исподъ подушечки? Одни изъ нихъ обнимаютъ ее плотно, другіе отвернулись внизъ. Мы сочли ихъ, было, за чашечку одуванчика, но теперь знаемъ, что въ каждой головкѣ у одуванчика цвѣтковъ много и что каждый изъ нихъ имѣетъ свою чашечку. Ботаникъ выводитъ насъ изъ недоумѣнія, доказывая, что эти зеленые листья, обнимающіе цвѣтоложе сложнаго цвѣтка, — не чашечка, а дѣйствительно листья, хотя и не похожіе на тѣ зубчатые, которые у одуванчика почти лежатъ на землѣ. Листочки, появляющіеся у иныхъ растеній не тамъ, гдѣ обыкновенно бываютъ листья, а на цвѣточной ножкѣ и иногда подъ самымъ цвѣткомъ, какъ у одуванчика или подсолнечника, называются *прицвѣтниками*. У василька, напримѣръ, изъ такихъ листьевъ-прицвѣтниковъ составляется та чешуйчатая головка, изъ которой выходятъ ярко-синіе зубчатые колокольчатые цвѣточки.

Спустимся теперь внизъ отъ цвѣтка. Ножка, на которой держатся цвѣтки и которая потому называется цвѣточной ножкою, гораздо длиннѣе у одуванчика, чѣмъ у вишни, пуста въ серединѣ и идетъ почти изъ самой земли, изъ середины пучка зубчатыхъ листьевъ. Самый стебель, пускающій цвѣточную ножку и зубчатые листья кверху, а толстый, крѣпкій корень книзу, почти скрытъ въ землѣ. Цвѣточная ножка торчитъ еще нѣсколько времени по обрѣженіи цвѣтка, но потомъ падаетъ и сгниваетъ; вянуть также и листья, но коротенькій стебель съ толстымъ, почти прямымъ корнемъ, уходящимъ довольно глубоко въ землю, остается, и весною даетъ новыя ножки съ цвѣтами и новый пучекъ зубчатыхъ листьевъ.

Бѣлый сокъ одуванчика, оставляющій темныя пятна на нашихъ рукахъ, также замѣчательнъ. Наберите побольше этого соку въ тарелку, и черезъ нѣсколько дней вы замѣтите на немъ пѣнку; возьмите эту пѣнку между пальцами, и вы почувствуете, какъ она упруга: точно резина. Это она и есть; но только резины изъ одуванчика никто не добываетъ, а добываютъ ее изъ сока особыхъ деревьевъ, растущихъ въ жаркихъ странахъ! Изъ этого древеснаго сока

добывается и гуттаперча, изъ которой теперь дѣлають столько прекрасныхъ вещей.

Вотъ сколько новаго расскажетъ вамъ одуванчикъ, если мы сумѣемъ съ нимъ заговорить. Но, чтобъ понимать рѣчь природы, должно много учиться; для человѣка необразованнаго все нѣмо во-кругъ.

Р О Ж Ъ.

Все, что очень полезно, почти всегда бываетъ и очень просто съ виду. Какимъ простымъ, незамѣчательнымъ покажется намъ колосья ржи, если мы сравнимъ его съ прекрасною розою или пышнымъ тюльпаномъ! Но безъ розъ и тюльпановъ человѣкъ очень бы могъ прожить, а безъ ржи намъ, въ нашемъ холодномъ климатѣ, пришлось бы плохо. Впрочемъ, въ томъ, что кажется простымъ съ перваго взгляда, можно найти много новаго, если разсмотрѣть его повнимательнѣе; такъ и въ колосѣ ржи мы увидимъ много такого, чего не видали у другихъ, уже знакомыхъ намъ растений.

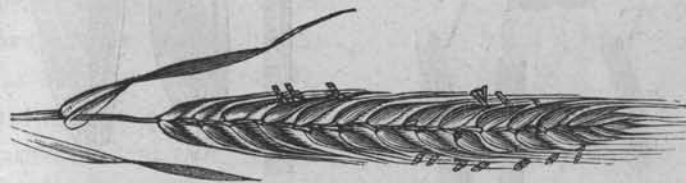
Выдернемъ стебелекъ ржи изъ земли — и мы увидимъ цѣлый пучекъ тоненькихъ корешковъ, расползающихся во всѣ стороны. Иногда изъ одного и того же пучка выходитъ три, четыре стебля. Особенно кустится озимая рожь, которая, лежа подъ снѣгомъ, успѣваетъ прочнѣе укорениться въ землю.

И стебель у ржи не такой, какъ у другихъ извѣстныхъ намъ растений. Это — длинная, тоненькая *соломинка* съ нѣсколькими *колыньцами* и *узелками*. Между узелками соломинка въ срединѣ пуста.

Но гдѣ же листья этого растенія? Теперь, когда уже колосья налились и созрѣли, листья въ соломинкѣ нѣтъ; а прежде, весной, были. И какіе замѣчательные листья! Совсѣмъ не похожіе на тѣ, какіе мы видѣли у яблони, клена, земляники, одуванчика. У листьевъ ржи нѣтъ черешка, они выходятъ всей шириною нижняго конца своего изъ тѣхъ мѣстъ соломинки, гдѣ теперь видны только узелки. Жилки на этихъ узкихъ и длинныхъ листьяхъ не расползаются во всѣ стороны, какъ на листочкѣ яблони, а идутъ прямыми линіями, вдоль всего листа. Подобные листья находятся также у лилии и

у обыкновеннаго лука. Своею нижнею частью безчерешковые листья ржи обхватываютъ соломинку, а верхняя часть ихъ заворачивается и, качаясь въ воздухѣ, вдыхаетъ изъ него тѣ газы, какіе нужны растенію, чтобы вырости, образовать колосья и наполнить его зерномъ. Когда листья, а также и корешки, высасывающіе изъ земли питательные соки, необходимые для растенія, сдѣлали свое дѣло, словомъ, когда рожь выколосилась, выцвѣла, налилась и вызрѣла, тогда листья засыхаютъ, и остается возлѣ узелка только нижняя часть каждаго листа, плотно обхватившая соломинку.

Да развѣ рожь цвѣтетъ? — спросите вы. Цвѣтетъ; но только такими простенькими цвѣточками, что неудивительно, если вы ихъ не замѣтили. Сорвите колосья ржи въ началѣ іюня, когда вамъ скажутъ, что рожь цвѣтетъ, — и вы увидите, что весь колосья будто

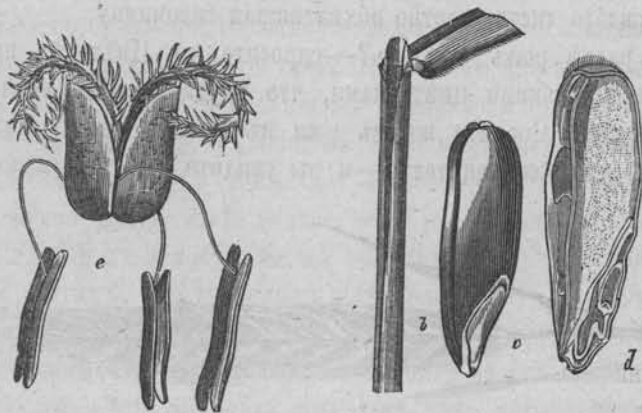

Цвѣтуцій ржаной колосья; листочки еще держатся

осыпанъ блѣдно-зеленымъ пухомъ. Если же посмотрите на этотъ пухъ въ увеличительное стекло, то убѣдитесь, что это тычинки съ мѣшочками, наполненными плодотворною пылью, высушившіяся изъ маленькихъ цвѣточковъ, составляющихъ колосья ржи. Въ глубинѣ же цвѣточковъ скрываются плоднички, въ которыхъ послѣ *опыленія* образуются зернышки; стало быть, въ каждомъ цвѣточкѣ ржи, составляющемъ большой колосья, дѣлается то же, что и въ цвѣткѣ вишни.

Но вотъ рожь отцвѣла, зерна налились и созрѣли, и много ихъ на одной общей оси колоса. Полезное зернышко ржи также очень просто съ виду. Но если ему дать нѣсколько прорасти и потомъ посмотреть на него въ увеличительное стекло, то окажется, что оно не совсѣмъ похоже на зернышко клена, которое мы разсмотрѣли. И въ немъ, кромѣ мучнистаго бѣлка, который такъ питаетъ людей,

лежить зародышъ; но зародышъ не съ двумя *зародышевыми листиками*, какъ у клена, вишни, яблони, земляники и множества другихъ растений, а съ *однимъ*. вотъ почему рожъ и прорастаетъ совсѣмъ не такъ, какъ молодой кленъ или земляника. Зародышевые листики называются еще въ ботаникѣ *долями*, почему рожъ называютъ *однодольнымъ* растеніемъ, тогда какъ кленъ, березу, землянику, розу называютъ растеніями *двудольными*. Кромѣ ржи, мы

Цвѣтокъ ржи, очень увеличенный.

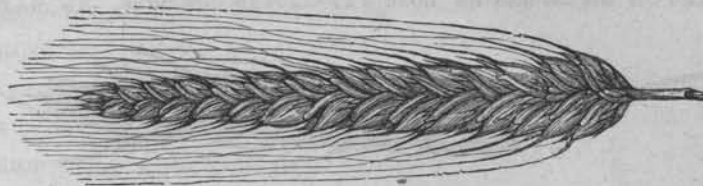
b) Часть стебля ржи съ обхватывающимъ его листикомъ. c) Плодъ или зерно, очень увеличенное. d) Зерно въ продольномъ разрѣзѣ.

знаемъ еще одно однодольное растеніе — лилію: вотъ отчего и листья лиліи, по жилкамъ своимъ, больше похожи на листья ржи, чѣмъ на листья другихъ знакомыхъ намъ растений; но лилія луковичное растеніе, а у ржи луковицы нѣтъ.

ДРУГІЯ ХЛѢВНЫЯ РАСТЕНІЯ, НАШИ И НЕ НАШИ.

Если мы въ половинѣ лѣта выйдемъ на поле гдѣ-нибудь возлѣ Москвы, то навѣрное залюбуемся, какъ волнуются и точно бѣгутъ по отлогимъ холмамъ разноцвѣтныя полосы хлѣбовъ. Здѣсь желтѣетъ густая рожъ, тамъ синѣетъ еще не дозрѣвшій овесъ, возлѣ кланяется

до земли усатый ячмень, а за нимъ, подальше отъ дороги, зеленѣетъ курчавый горохъ.

Колосъ ячменя.

Пойдемъ осторожиѣ по межамъ и рассмотримъ поближе, что растетъ на каждой нивѣ. При этомъ замѣтимъ мы, что всѣ эти растенія, кромѣ гороха, похожи одно на другое и своими колѣнчатыми соломинками, и своими длинными, узкими листьями, съ продольными жилками, и своими корнями, въ видѣ пучка нитокъ, и, наконецъ, своими колосьями, хотя у ячменя колосъ съ такими длинными *усами*, какихъ нѣтъ у ржи, а у овса вмѣсто колоса *метелка*.

Только курчавый горохъ принадлежитъ къ другой семьѣ растений: и листья у него не такіе, а круглые, и жилки на листьяхъ располагаются во всѣ стороны, и зернышки спрятаны въ ладьеобразные плоды, какъ у бобовъ, а хорошенькій синеватый или розоватый цвѣточекъ гороха похожъ на мотылька съ поднятыми крылышками. Потому-то и горохъ, и бобы причисляются къ семейству растений *мотыльковыхъ*. Въ зернахъ гороха и бобовъ зародышъ также не съ однимъ, какъ у ржи,

Метелка овса.

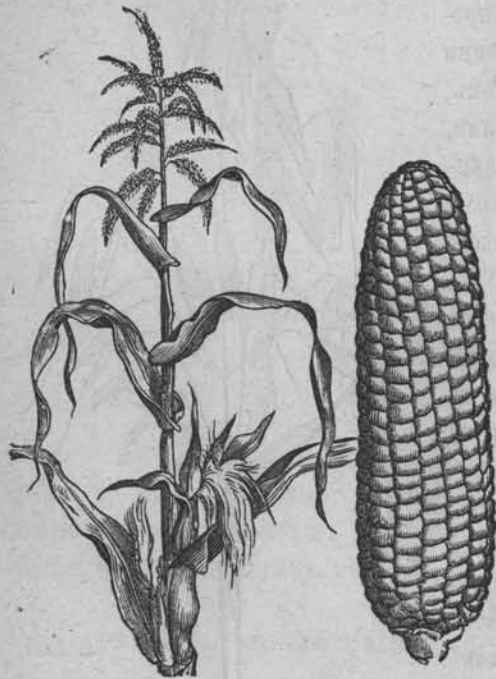
овса и ячменя, а съ двумя зачаточными листьями, съ двумя стѣмянными долями.

Если бы мы вышли на поле гдѣ-нибудь поуживѣ, въ Малорос-

Колосъ пшеницы.

сін, то увидали бы еще болѣе разнообразія. Здѣсь, вмѣсто ржи и овса, огромныя поля покрываетъ *пшеница*, съ толстыми, будто гранеными колосьями и тучнымъ зерномъ, *просо*, со своими нарядными метелками, наклоняющимися почти до земли, и *гречиха*, съ красными стебельками и розовыми цвѣточками. Разсмотрѣвъ опять эти хлѣбныя растенія, найдемъ, что пшеница и просо, по формѣ своихъ листьевъ и соломинокъ, принадлежать къ одному семейству съ рожью. Одна только гречиха, со своими розовыми цвѣтами, своими трехгранными зернами и вьющимся стеблемъ, принадлежитъ къ другому семейству, даже къ другому отдѣлу растеній.

Кукуруза или маисъ.

Для жителя среднихъ губерній Россіи нѣтъ ра-

стенія милѣе ржи; онъ не даромъ зоветъ ее своею кормилицею и говорить, что *рожь кормитъ всѣхъ сплошь, а пшеничка по*

выбору, и что *ржаной хлѣбушка пшеничному калачу гдѣдушка*. Но въ южной, *черноземной* полосѣ Россіи сѣютъ больше пшеницу и развозятъ ее оттуда по всѣмъ губерніямъ, вывозятъ и въ чужія государства.

Спустимся еще поуживѣ—въ Бессарабію, Молдавію, Турцію, Италію, и увидимъ тамъ на поляхъ новое хлѣбное растеніе—

кукурузу или *маисъ*. Большіе, длинныя листья кукурузы, несмотря на свою величину, опять напомнятъ намъ свою формою и продольными жилками листья ржи, овса, ячменя и пшеницы. Но куда же дѣвался колосъ? Наверху растенія какая-то метелка безъ зеренъ, а изъ-промежъ большихъ листьевъ, сильно прижатыхъ одинъ къ другому, словно вываливаются какія-то бѣлыя, шелковистыя кисти. Наверху растенія колосья съ тычинками, а между листьями сидятъ *початки* съ плодниками, похватывающими цвѣточную пыль. Ежели развернемъ листья въ концѣ лѣта, то найдемъ, что между ними сидятъ большія желтыя шишки, плотно покрытыя крупными зернами, похожими на приплюснутыя горошины. Кто бывалъ въ Малороссіи, тотъ знаетъ, какъ вкусна молодая *пшеничка* *) со свѣжимъ масломъ, когда ее отварятъ въ соленой водѣ,—какъ питательны ея мучнистыя зерна и какой сладкій сокъ въ ея сердцевинѣ. Но въ Малороссіи пшеничка только лакомство, а въ стра-

Рисъ.

нахъ болѣе южныхъ изъ зеренъ ея дѣлаютъ муку и пекутъ хлѣбъ. Осенью въ Италиіи всѣ дома завѣшаны высушающимъ на солнцѣ желтымъ, какъ золото, маисомъ. Кукуруза чрезвычайно плодовита. Нашъ мужичокъ доволенъ, если на одно посеянное зерно ржи получить шесть или семь; пшеница въ южныхъ плодородныхъ странахъ даетъ

*) Такъ зовутъ въ Малороссіи кукурузу, которую тамъ разводятъ только на огородахъ.

самъ тридцать, а маисъ въ теплоѣ и жаркомъ климатѣ Америки приноситъ 800 зеренъ на одно, посаженное въ плодородную землю.

Въ жаркихъ и влажныхъ странахъ Азии и Америки есть еще одно растеніе, сродное нашей ржи: это *рисъ*. Мы знаемъ рисъ только по рисовой кашѣ; но для азіатцевъ онъ такъ же важенъ, какъ для насъ рожь. Рисъ любитъ теплый воздухъ и влажную почву. Его садятъ на поляхъ, заливаемыхъ ежегодно водою, или проводятъ воду на поле канавами, такъ что въ иное время рисовыя поля всѣ потоплены. Много за рисомъ ухода; надобно прокопать канавы и провести на поле воду; надобно топтаться по колѣна въ мокрой землѣ; надобно садить зерна рядами; надобно непрерывно полоть и очищать поле отъ сорныхъ травъ и при этомъ дышать вреднымъ болотнымъ воздухомъ, пропитаннымъ сыростью. Но за всѣ эти труды рисъ вознаграждаетъ богатѣйшими урожаями, и болѣе ста милліоновъ народу кормится его зернами.

Ячмень и *овесъ*, выносящіе холодъ нашего сѣвера, — котораго не выносить уже и *рожь*, — *пшеница*, *просо*, угощающее и насъ желтою кашею, плодородный *маисъ*, болотный *рисъ* — всѣ эти растенія принадлежать къ одному семейству *злаковъ*. Плохо пришлось бы людямъ безъ этого благословеннаго семейства, которое распространилъ человекъ по всему лицу земли.

НА ЛУГУ

Пойдемте на лугъ, покрытый высокою густою травою, уляжемся на немъ и станемъ разсматривать травинку за травинкою. Вотъ душистый *клеверъ* съ красненькими головками, за которыми такъ прилежно ухаживаютъ пчелы; вотъ вьющійся *мышинный горошекъ*; вотъ *жукушкинъ цвѣтъ*: все это травы, но не злаки. А вотъ *лисий хвостъ* со своимъ пушистымъ колосомъ, очень похожій на злакъ: его колосъ, соломинка и листья напомнятъ намъ рожь; напомнитъ намъ рожь и *золотой колосокъ*, который такъ хорошо пахнетъ, что придаетъ всему сѣну прекрасный запахъ. Вотъ *овсяница*, *мятликъ*, *трясунка*, *медовая трава*, *райграссъ*: они по своему виду тоже напоминаютъ намъ то рожь, то овесъ, то просо. И дѣйствительно, все

Букетъ изъ луговыхъ злаковъ: 1) Лисій хвостъ. 2) Мятликъ. 3) Ежа. 4) Полевица. 5) Тимофеевка. 6) Гребникъ. 7) Бородачь. 8) Трясунка. 9) Овсяница. 10) Золотой колосокъ (душистый). 11) Медовая трава. 12) Метелка (заячій овесъ).

это — *злаки* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличныя *кормовыя травы*. Но не все злаки полезны — есть между ними и *сорныя травы*, портящія наши луга и поля: *плевель* особенно портитъ посѣвы овса; *костыр* встрѣчается во ржи; *серебристый ковыль* занимаетъ большія пространства въ нашихъ степяхъ

Пойдемъ теперь на берегъ нашей рѣчки: она почти вся заросла густымъ высокимъ *тростникомъ*. Изъ колѣнцевъ этого тростника, пустыхъ въ срединѣ, вы не разъ дѣлали брызгалки и дудки; посмотритесь же теперь къ листьямъ этого растенія и къ чернымъ шишкамъ, что появляются осенью на его верхушкахъ, и вы согласитесь, что тростникъ тоже злакъ, хотя его соломина гораздо толще и выше, чѣмъ у ржи и пшеницы. Не правда ли, было бы недурно, еслибы этотъ тростникъ былъ не простой, а сахарный? Но хотя *сахарный тростникъ*, какъ и нашъ, любитъ также болотистую почву, однако ему нуженъ климатъ гораздо теплѣе. Онъ растетъ дико только въ болотистыхъ мѣстахъ Восточной Индіи, очень похожъ на нашъ тростникъ, но бываетъ въ вышину до 5 арш. Крѣпкая и толстая соломина его наполнена сладкою, сочною мякотью. Изъ этой мякоти выжимаютъ сладкій сокъ, а изъ сока дѣлаютъ сахаръ. У насъ нѣтъ сахарнаго тростника; но сахаръ также добываютъ, только изъ корней свеклы.

Есть въ жаркихъ странахъ злакъ еще гораздо выше сахарнаго тростника:

Сахарный тростникъ.

это *бамбукъ*, который растетъ въ Индіи цѣлыми рощами, растетъ такъ скоро, что въ какіе-нибудь 30 или 40 дней дѣлается громаднымъ растеніемъ въ 6 и 7 сажень высоты. Колѣнчатый, пустой въ срединѣ стволъ бамбука — тоже соломина; но онъ такъ крѣпокъ, что изъ него дѣлаютъ лодки и строятъ дома, особенно въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ боятся землетрясеній. Такой легкой домъ, если и упадетъ, то не надѣлаетъ большой бѣды. Въ пищу употребляютъ сѣмена бамбука и его молодые отрпыски.

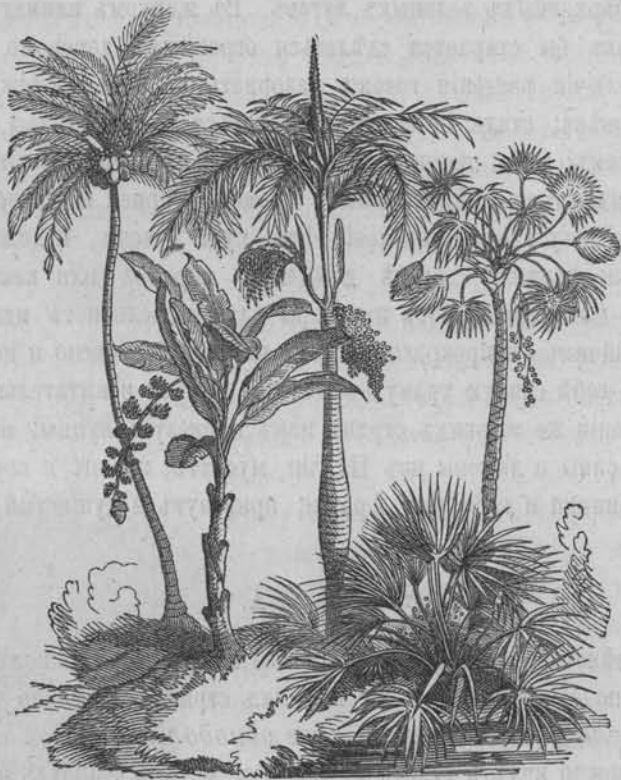
Но не будемъ завидовать жаркимъ странамъ и ихъ диковинкамъ. Правда, тамъ растутъ растенія, дающія сахаръ, кофе, мускатный орѣхъ, корицу, финики и апельсины; но за то нѣтъ тамъ нашихъ бархатныхъ зеленыхъ луговъ. Въ жаркомъ климатѣ всякая травка какъ бы старается сдѣлаться огромнымъ деревомъ или кустомъ; колючія растенія готовы разорвать не только одежду, но и тѣло человѣка; стада не могутъ пробраться въ эти травы, разросшіяся лѣсомъ; львы, тигры и барсы залегли въ гущину и выжидаютъ добычи; ядовитыя змѣи ползаютъ промежъ корней и вѣтвей. А на нашемъ-то лугу какое приволье! Иди, куда хочешь, и ложись, гдѣ вздумается; увидишь развѣ дождевого червяка или какого либо жучка, — выглянетъ кротъ изъ норы или промелькнетъ вдали трусливый зайчикъ; а прекрасныя стада пасутся безопасно и передѣлываютъ въ себѣ сочную траву въ молоко, сливки и питательное мясо. Произведенія же жаркихъ странъ намъ привезутъ купцы: привезутъ они апельсины и лимоны изъ Италіи, мускатъ, перецъ и корицу изъ Индіи, финики и кофе изъ Аравіи; привезутъ и душистый чай изъ Китая.

ПАЛЬМА.

Въ нѣкоторомъ родствѣ съ рожью находится великолѣпнѣйшее и также полезнѣйшее растеніе жаркихъ странъ, а именно *пальма*. Это — не *злакъ*, какъ рожь, но тоже *однодольное* растеніе. У насъ пальму можно видѣть только маленькую, и то гдѣ-нибудь въ теплицѣ, но въ жаркихъ странахъ пальма по большей части огромное дерево, саженой 16 и больше въ вышину. Стволъ, никогда на раздѣляющійся на сучья, какъ у нашихъ деревьевъ, кажется зубчатымъ отъ остатковъ листьевъ, а на верхушкѣ раскидывается зеленымъ шатромъ пучекъ громадныхъ листьевъ, сажени по двѣ и болѣе въ длину. Эти деревья такъ непохожи на наши, что если морякъ завидитъ издали на морскомъ берегу высоко поднимающуюся

вершину пальмы, то знаетъ уже, что подъѣзжаетъ къ тропическимъ странамъ, гдѣ растутъ такія растенія и живутъ такія животныя, о которыхъ мы знаемъ только по картинкамъ. Впрочемъ, вы знакомы съ плодомъ одной прекрасной пальмы, если вамъ удалось ѣсть сладкіе финики.

Пальма, на которой созрѣваютъ финики, любитъ жаркій и су-

Кокосовая пальма. Капустная пальма. Вѣрная пальма.
Бананъ *). Приземистая пальма.

хой климатъ: она растетъ въ Аравіи, возлѣ Иерусалима, въ Африкѣ и въ Индіи. Громадный стволъ *финиковой пальмы* украшенъ наверху пучкомъ длинныхъ *перистыхъ* листьевъ. Между этими ли-

*) Бананъ, или райское дерево, даетъ около 100 питательныхъ плодовъ, по формѣ похожихъ на огурцы, которые всѣ вмѣстѣ вѣсятъ пуда полтора. Бананамъ кормятся множество жителей жаркихъ странъ.

ствями, въ продолженіе цѣлаго года, появляются большими кистями цвѣты и сладкіе плоды съ твердыми косточками. Молодые листья этой пальмы употребляются въ пищу, старые идутъ на покрывку хижинъ; изъ сока этой пальмы готовятъ отличное сладкое вино; древесина идетъ на постройки и топливо.

Едва ли не еще полезнѣе финиковой пальмы такая же громадная и такая же красивая *кокосовая* пальма. Ни одна часть этого растенія не пропадаетъ даромъ: изъ ея огромнаго орѣха, величиною съ дѣтскую голову, добываютъ прохладительный напитокъ; изъ жирнаго зерна выжимаютъ кокосовое масло, употребляемое на мыло, помаду и освѣщеніе; изъ твердой скорлупы дѣлаютъ посуду; изъ крѣпкихъ волоконъ, въ которыя закутанъ орѣхъ, плетутъ веревки, канаты и ткютъ разныя ткани; изъ сока молодыхъ завязей добываютъ сахаръ и вино; молодые почки пальмы очень вкусны; листья идутъ на покрывку хижинъ, высокой стволъ — на мачты и постройки, корень — на корзины. Такъ же почти полезны *капустная* и *вѣрная* пальма, каждый листокъ которой похожъ на громадный вѣрь.

Одно такое дерево можетъ пропитать, одѣть и укрыть отъ непогоды цѣлую семью дикарей. Но не потому-ли дикарь дикаремъ и остается, что ему не нужно было трудиться? Въ такомъ случаѣ, наша простенькая рожь лучше великолѣпной пальмы. Она заставила насъ сдѣлаться образованными людьми.

Въ Европѣ, только въ самыхъ жаркихъ ея краяхъ, успѣли развести финиковую пальму. Дико же растетъ въ Италіи, Сициліи и Испаніи одна *приземистая* пальма, напоминающая не ростомъ, но листьями, своихъ дальнихъ сестеръ. Видовъ пальмъ множество.

Г Р И В Ы.

Если сравнимъ яблоню или вишню съ какимъ-нибудь изъ нашихъ обыкновенныхъ грибовъ, напр. съ рыжикомъ или съ бѣлымъ грибомъ, то на первый взглядъ мы не найдемъ ничего общаго между ними. Яблоня имѣетъ корень, стволъ, листья, цвѣты, плоды и сѣмена; у рыжика мы отличаемъ только округленный *пенекъ*, или ножку, ко-

торая поддерживает *шляпку* гриба. Зеленый цветъ, столь обыкновенный растеніямъ вообще, вовсе не свойственъ грибамъ; но они отличаются довольно разнообразными и иногда яркими цветами, по смотря на то, что растутъ въ тѣни.

Вникнувъ въ устройство и жизнь яблони и гриба, мы однакожь найдемъ то сходство между ними, что оба эти существа рождаются, питаются, растутъ, размножаются и умираютъ, но лишены произвольнаго движенія и ощущенія; слѣдовательно, оба они—растенія.

Яблоня и грибъ различаются между собою способомъ размноженія. У яблони мы различаемъ цветки, самую существенную часть которыхъ составляютъ тычинки и плоднички. Изъ цветовъ, послѣ оплодотворенія, образуется плодъ, служащій для храненія сѣмянъ, которыя, въ свою очередь, являются зародышами будущихъ поколѣній.

Бѣлые грибы.

У грибовъ цветовъ нѣтъ; они размножаются *крупинками*, которыя во много разъ меньше маковаго зернышка; въ крупинкахъ этихъ не открыто зародышей, почему онѣ, для отличія отъ настоящихъ сѣмянъ, называются *спорами*. Споры, у нѣкоторыхъ грибовъ, какъ напр. у рыжика или сыроѣжки, помѣщаются подъ шляпкою гриба, на тонкихъ и нѣжныхъ пластинкахъ, идущихъ отъ вершины ножки гриба къ краямъ шляпки, на подобіе косточекъ зонтика. У бѣлыхъ грибовъ, березовиковъ, подосиновиковъ и проч. нижняя поверхность шляпки, вмѣсто пластинокъ, усѣяна маленькими дырочками, которыя суть не что иное, какъ отверстія весьма тоненькихъ перепончатыхъ трубочекъ, расположенныхъ отвѣсно и плотно примы-

кающихъ одна къ другой, отчего вся нижняя часть гриба нѣсколько похожа на губку. Внутри этихъ трубочекъ помѣщаются споры, служащія для размноженія грибовъ.

Когда сѣмячко яблони попадаетъ въ сырую и теплую землю, то, по прошествіи нѣкотораго времени, появляются изъ него два сѣмянные листочка; между этими листочками образуется молоденькая почка, изъ которой впослѣдствіи разовьется стебель съ листьями, цветами и плодами. Грибъ, послѣ кратковременной своей жизни, весь разрушается или сгниваетъ; крупинки его, подобно сѣменамъ цветковыхъ растений, попадаютъ въ землю, отчасти удобренную мякотью самого гриба, и развиваются въ новое растеніе совершенно иначе. Сначала крупинка пускаетъ отъ себя во все стороны множество тонкихъ нитей, которыя, переплетаясь между собою, образуютъ родъ бѣловатой сѣтки, скрытой обыкновенно подъ слоемъ земли или подъ мхомъ. Эта сѣтка и составляетъ собственно растеніе гриба и называется *грибницей*. Нити этой сѣтки въ однихъ мѣстахъ сучиваются болѣе, нежели въ другихъ, и образуютъ родъ узловъ, которые появляются надъ поверхностью земли въ видѣ маленькихъ бугорковъ. Пенекъ и шляпка молоденькаго грибка, представляющаго бугорокъ, при его появленіи на свѣтъ, по большей части, бывають покрыты одною общею перепонкою и запряваны какъ-бы въ мѣшкѣ; впослѣдствіи перепонка эта разрывается, и шляпка гриба высвобождается изъ-подъ нея. На пенекѣ и на шляпкѣ иногда можно замѣтить остатки этой общей разорванной оболочки, которая, напримѣръ, очень ясно видна на ножкѣ опенка въ видѣ воротничка и на красной шляпкѣ мухомора въ видѣ бѣлыхъ пятенъ.

Яблоня, какъ мы знаемъ, растетъ медленно; грибы же, напротивъ, растутъ необыкновенно быстро, такъ что нѣкоторые виды грибовъ въ одну ночь успѣвають вырасти и состарѣться. Быстрый ростъ грибовъ вошелъ даже въ пословицу. По причинѣ такого быстрого роста, большая часть грибовъ имѣетъ ткань мягкую, нѣжную и скоро разрушающуюся, почему и жизнь ихъ такъ непродолжительна.

Кромѣ грибовъ, употребляемыхъ въ пищу, каковы: рыжикъ, березовики, масленики, подосиновики, бѣлые (боровики) грибы и

проч., которые имѣют шляпку, укрѣпленную на пенькѣ или ножкѣ, попадаютъ грибы весьма разнообразныя по наружному виду, величинѣ и другимъ свойствамъ. Есть грибы шаровидныя, величиною съ картошку, прикрѣпленные къ землѣ очень коротенькою ножкою; они наполнены черною пылью — спорами. Есть грибы микроскопическія, т. е. такія, которые едва замѣтны простымъ глазомъ и могутъ быть хорошо рассмотрѣны только посредствомъ увеличительнаго стекла или микроскопа. Классъ грибовъ очень обширенъ: число видовъ грибовъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ. Одни изъ грибовъ употребляются въ пищу, другіе ядовиты: таковъ, напримѣръ, мухоморъ.

Всѣ грибы растутъ на гніющихъ веществахъ и питаются ими, а не сокомъ изъ земли, какъ обыкновенныя растенія. Плѣсень, которая такъ часто появляется на гніющихъ плодахъ, залежавшемся хлѣбѣ, чернилахъ, гнилыхъ щепкахъ, бревнахъ и на стѣнкахъ въ сырыхъ погребахъ, есть также грибъ. Плѣсень произвести очень не трудно: стоитъ только густо сваренный крахмалъ оставить на нѣсколько дней въ цокѣ; на вторыя или на третьи сутки замѣтимъ на поверхности крахмала бѣловатую, бархатистую плѣсень въ видѣ небольшихъ островковъ или пятенъ. Каждый такой островокъ представляетъ цѣлый лѣсъ, состоящій изъ маленькихъ грибовъ особенной формы. Если посмотрѣть на плѣсень въ увеличительное стекло, то можно замѣтить, что каждый грибокъ ея состоитъ изъ тоненькой нити или ножки, оканчивающейся сверху крошечнымъ пузырькомъ, въ которомъ содержатся споры, служащія для размноженія. Безъ сомнѣнія, нѣсколько такихъ споръ, плавающихъ въ воздухѣ, попали на поверхность крахмала и, найдя тамъ начало гніенія, произвели новую колонію едва замѣтныхъ въ отдѣльности грибовъ. Микроскопическія споры чужеродныхъ грибовъ попадаютъ на растенія и, развиваясь въ нихъ, производятъ болѣзни этихъ растеній: такъ, напр., есть болѣзни картофеля, винограда и проч. Чужеродныя микроскопическія грибки черного цвѣта, въ теплое и дождливое лѣто, покрываютъ собою колосья ржи и овса, какъ бы сажею; грибки эти, высасывая сокъ изъ колосьевъ, совершенно приостанавливаютъ ростъ сѣмянъ.

Микроскопическія чужеродныя грибы очень часто появляются также въ видѣ пятенъ и порошковатаго налета на листьяхъ и вѣткахъ многихъ растеній, и нерѣдко въ такомъ огромномъ количествѣ, что убиваютъ дерево, истощая его силы.

Теперь даже стало извѣстно, что нѣкоторыя болѣзни у человѣка происходятъ отъ сильнаго развитія микроскопическихъ грибовъ.

КЛАССИФИКАЦІЯ РАСТЕНІЙ.

Давно уже люди стали считать, сколько есть на свѣтѣ различныхъ *видовъ* растеній; насчитывали болѣе 200 тысячъ — и не сочли всѣхъ. Трудно было бы найти и ученому человѣку въ такомъ множествѣ растеній, еслибы онъ не постарался привести ихъ въ порядокъ и, подмѣчая сходныя признаки, не раздѣлилъ бы всего растительнаго *царства* такъ же, какъ раздѣлилъ царство животное: на отдѣлы, классы, отряды, семейства, роды и виды. Мы рассмотрѣли съ вами довольно немного растеній, но и тѣ перазбудемъ скоро, если не приведемъ ихъ въ порядокъ, не распредѣлимъ ихъ по группамъ, какъ сдѣлали это съ животными.

Мы замѣтили уже, что въ сѣменахъ однихъ растеній лежитъ зародышъ съ двумя *зародышевыми листиками*, или *долями*, а въ сѣменахъ другихъ — только съ *одною сѣмянною долею*. Наконецъ есть еще растенія со *многими сѣмянными долями* (сосна). Вотъ у насъ готовы три большіе класса растеній: 1) классъ растеній *однодольныхъ*, 2) классъ растеній *двудольныхъ* и 3) классъ растеній *многодольныхъ*.

Въ классѣ *двудольныхъ* мы узнали нѣсколько растеній, принадлежащихъ къ различнымъ *семействамъ*.

Всѣ сорта яблонь и грушъ (различныхъ сортовъ этихъ плодовыхъ деревьевъ садовники насчитываютъ до 2 т.) составляютъ особое семейство — *яблонныхъ*. Къ этому семейству относятъ ботаники и знакомую намъ рябину, по устройству ея цвѣтка и плода.

Различные виды клена составляютъ семейство *кленовыхъ*. Въ Америкѣ растетъ клень, изъ сока котораго готовятъ сахаръ.

Вишня принадлежитъ также къ особому семейству *костяно-*

выхъ. Она, по своему цвѣтку и плоду съ косточкою, сродни черешнѣ, сливѣ, персику, абрикосу, черемухѣ и миндалю. У миндаля ѣдятъ, какъ вы знаете, только зернышко, которое покрываетъ твердая и невкусная кожа.

Земляника принадлежитъ также къ особой семьѣ; она въ родствѣ съ клубникой, малиной, ежевикой, костяникой, куманикой, морошкой, шиповникомъ и розою. Не правда-ли, какое пріятное семейство? Зовутъ его семействомъ *розоцвѣтныхъ* растений.

Мы уже знаемъ, что береза, ольха, дубъ, букъ, орѣхъ и каштанъ принадлежатъ, по расположенію цвѣтковъ, къ семейству *сережчатыхъ* растений, а по различному строенію сережекъ, *плодниковыхъ* и *тычинковыхъ*,—къ растениямъ *однодомнымъ*. Ива, осина, тополь и осокорь тоже *сережчатые* растенія, но *двудомные*. Одуванчикъ со сборнымъ цвѣткомъ причисляется къ обширному семейству *сложноцвѣтныхъ* растений, въ которомъ ботаники насчитываютъ болѣе 9 т. видовъ. Такіе же сложные цвѣты у синяго василька, у красивой георгины, маргаритки, бархатки, астры и другихъ хорошенькихъ растений, украшающихъ наши цвѣточные клумбы. Выдергивая вкусныя сѣмячки изъ огромнаго донца подсолнечника, вы, вѣроятно, и сами замѣтите, что подсолнечникъ тоже сложноцвѣтное растеніе. Къ этому же семейству принадлежатъ употребляемые въ лѣкарствахъ: ромашка, тысячелистникъ, мать-и-мачиха и горькая полынь.

Мы упоминали еще о бобахъ, горохѣ и клеверѣ, и замѣтили, что у всѣхъ этихъ растений красивые цвѣточки похожи на мотыльковъ. Къ семейству *мотыльковыхъ* относятся также фасоль и нѣкоторыя кормовыя травы: мышиный горошекъ и люцерна съ фіолетовыми цвѣточками.

Семействъ *двудольныхъ* растений еще очень много; но вы познакомитесь съ другими, когда будете учиться ботаникѣ.

Изъ класса *однодольныхъ* растений мы познакомились только съ представителями трехъ семействъ: семейства *лилейныхъ*, семейства *злаковъ* и семейства *пальмовыхъ*. Къ семейству *лилейныхъ* относятся лилія и лукъ, также тюльпанъ и спаржа. Семейство *злаковъ* и семейство *пальмъ* вы еще, конечно, не успѣли забыть.

Многодольныя растенія отличаются еще тѣмъ, что у нихъ сѣмена не заключаются въ завязи, какъ у яблони и вишни, а лежатъ *голыя*, какъ, напр., сѣмена сосны или ели, которыя лежатъ за чешуйками своей шишки. Изъ этого отряда *голосьмянныхъ* или *хвойныхъ* растений мы узнали только два семейства: *еловыхъ*—куда относятся сосна, ель, сибирскій кедръ, и *кипарисовыхъ*—куда относятся кипарисъ и можжевельникъ.

У всѣхъ этихъ растений есть одинъ общій признакъ: всѣ эти растенія *цвѣтутъ*. Но есть и такія растенія, которыя никогда не цвѣтутъ и размножаются не сѣменами, а маленькими крупинками—*спорами*. Изъ такихъ не цвѣтущихъ, *споровыхъ* растений наиболѣе намъ извѣстны: *папоротники*, *грибы* и *мхи*.

Напрасно бы вы, послушавшись народнаго повѣрья, пошли въ лѣсъ ночью, подъ Ивановъ день, дожидаться, когда расцвѣтетъ *папоротникъ*. Видно, нашъ народъ замѣтилъ, что папоротникъ никогда не цвѣтетъ, и подшутилъ надъ легковѣрными людьми, желавшими разбогатѣть сразу, безъ всякаго труда. Вы легко найдете въ лѣсу кустъ *папоротника*; сорвите же его *перистый* листъ и посмотрите на обратную сторону. Тамъ вы увидите правильные ряды маленькихъ бугорковъ: вотъ въ этихъ-то бугоркахъ и развиваются тѣ маленькія крупинки—*споры*, которыми размножается папоротникъ.

Грибы принадлежатъ также къ числу споровыхъ растений; споры скрываются у нихъ подъ шляпками или на шляпкахъ, въ углубленіяхъ (у сморчка).

Мховъ очень много видовъ. Они любятъ сырыя мѣста, растутъ большими обществами, и такъ одѣнуть иной участокъ земли, что превратятъ его въ мягкій коверъ.

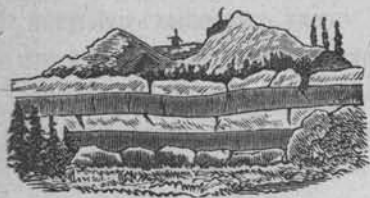
Къ отдѣлу *споровыхъ* растений относятся еще *водоросли*, названныя такъ потому, что растутъ всегда въ водѣ; въ нашихъ прудахъ и канавахъ мы находимъ ихъ часто и называемъ обыкновенно тиной. Къ споровымъ же растениямъ относятся и *хвоицы*, имѣющіе видъ или темнозеленыхъ, суставчатыхъ палочекъ, торчащихъ изъ воды, или маленькихъ свѣтлозеленыхъ елочекъ, растущихъ на влаж-

ныхъ мѣстахъ. Сюда же нужно отнести *лишай*, которые въ видѣ пленокъ или невысокихъ кустиковъ сѣраго цвѣта растутъ на деревьяхъ, камняхъ и землѣ. Между ними слѣдуетъ замѣтить олений лишай, которымъ питаются сѣверные олени.

Итакъ, мы узнали съ вами четыре большія группы растений: 1) растения *двудольныя*, 2) *однодольныя*, 3) *многодольныя*, или *голосѣмянныя*, и 4) *споровыя*. Расскажите же теперь, какія вы знаете семейства въ каждой группѣ и какія растения въ каждомъ семействѣ?

ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

Многія произведенія изъ царства минераловъ играютъ важную роль въ жизни человѣка. Справедливо восхваляютъ каменный уголь, приводящій въ движеніе многія тысячи паровыхъ машинъ; справедливо славится и желѣзо, безъ котораго человѣкъ остался бы дикаремъ; драгоценныя камни, украшающіе короны и скипетры, не разъ были прославляемы въ стихахъ и прозѣ; но на скромный шиферъ немногіе обратили вниманіе. Однако же, несмотря на свой незамѣчательный матовый черный цвѣтъ, шиферная или, чѣмъ все равно, грифельная доска не мало способствуетъ къ образованію людей, а мы съ вами такъ много ей обязаны, что изъ благодарности должны узнать ея исторію.

Ломка шифера.

каменьевъ и голоса людей. Еще нѣсколько шаговъ — и каменоломня передъ нами. Отвѣсный обрывъ горы, какъ гигантская книга, состоитъ весь изъ черныхъ слоевъ шифера, наложенныхъ одинъ на другой, наверху немножко земли, въ которой распозлились во всѣ стороны корни громаднхъ, вѣковыхъ сосенъ.

Отламывая большіе куски шифернаго камня, работники складываютъ его на телѣги и везутъ въ ближайшую деревню. Тамъ они разрѣзываютъ его на мелкіе куски и выскабливаютъ изъ нихъ доски; а другіе постоянно смачиваютъ твердую поверхность шифера водою и сглаживаютъ ее пескомъ. Наконецъ, угольнымъ порошкомъ и масломъ даютъ шиферу ту глянцовитость и политуру, которая дѣлаетъ его годнымъ для употребленія въ школахъ. Обдѣлать эти доски въ деревянныя рамки, конечно, ужъ не трудно.

Рассказать, какъ дѣлается шиферная доска, было намъ довольно легко; но какъ сдѣлалась гора изъ шифера? Это никто навѣрное не знаетъ, хотя есть много предположеній, основывающихся на самомъ составѣ шифернаго камня. Главнымъ образомъ онъ состоитъ изъ глины, тѣсно соединенной съ небольшимъ количествомъ кремня, желѣзной охры и угля, отъ котораго зависитъ черный цвѣтъ шифера. Вы, вѣроятно, замѣтили, что иногда грифель проводитъ по доскѣ красную черточку: это признакъ, что въ этомъ мѣстѣ попало побольше желѣзной охры; когда же грифель вдругъ зарѣжетъ доску, то виноватъ въ этомъ кусочекъ кремня; но почти всегда эти составныя части шифера такъ тонко раздроблены, такъ плотно соединены между собою, что ихъ трудно рассмотреть не только простыми глазами, но даже въ микроскопъ; только ученый минералогъ можетъ разыскать составныя части шифера, разъединить ихъ и даже взвѣсить.

Расположеніе шифера въ горахъ правильными слоями повело къ тому предположенію, что онъ образовался въ то отдаленное время, когда земля здѣсь еще была покрыта водою. Волны океана, размывая глинистыя и кремнистыя скалы, превращали ихъ въ илъ, который осаждался слоями гдѣ нибудь въ спокойной бухтѣ; допотопныя морскія растения, въ которыхъ было такъ же много угля, какъ и теперь въ каждомъ растеніи, дали, по всей вѣроятности, угольныя частицы, а желѣзо и другія составныя частицы шифера были принесены водою. Такимъ образомъ, изъ осаждающагося ила образовались мало-по-малу слоистыя массы шифера. Когда же потомъ, дѣйствіемъ подземнаго огня, эти слоистыя массы были выдвинуты наверхъ воды и образо-

вали горы, тогда и шиферъ затвердѣлъ и сдѣлался такимъ, какимъ теперь его находятъ. Если же мы не видимъ въ немъ остатковъ прежнихъ морскихъ растений, какъ въ другихъ слоистыхъ породахъ камней, происшедшихъ отъ осадка въ водѣ, то это, можетъ быть, потому, что подземный огонь, дѣйствуя на шиферъ, превратилъ растенія въ уголь, и, въ то же время, помогъ соединиться тѣснѣе всѣмъ составнымъ частямъ кремня. Шиферъ употребляется не только на грифельныя доски. Въ западной Европѣ, гдѣ его много, шиферомъ кроютъ крыши домовъ, дѣлаютъ изъ него панели и обкладываютъ имъ стѣны такихъ зданій, гдѣ постоянно течетъ вода.

ГРАНИТНЫЙ ВАЛУНЪ.

Вотъ самый обыкновенный гранитный булыжникъ, какихъ много валяется по полямъ; камни эти вовсе не рѣдкость, а между тѣмъ, каждый изъ нихъ могъ бы разсказать намъ очень любопытную исторію, еслибы умѣлъ говорить.

Разсмотримъ сначала, изъ чего онъ состоитъ. Онъ не похожъ на шиферъ нашей грифельной доски не только по цвѣту, но и по составу. Въ булыжникѣ вы не видите такихъ слоевъ, какъ въ шиферѣ; напротивъ, онъ какъ будто весь слѣпленъ изъ маленькихъ кусочковъ различныхъ по цвѣту камней, сплавленныхъ между собою. Каждый изъ этихъ кусочковъ, дѣйствительно, есть особенный камешекъ. Вотъ красное пятнышко — это *полевой шпатъ*, который встрѣчается во многихъ мѣстахъ отдѣльными громадными камнями; вотъ бѣлое стекловидное зернышко — это кусочекъ *кварца*; а вотъ и свѣтлая блеска — это *слюда*, которую также находятъ иногда отдѣльными, довольно большими кусками. Итакъ, булыжникъ составленъ изъ нѣсколькихъ частей и долженъ считаться не минераломъ, а *горной породой*. Горная порода, состоящая изъ вышеупомянутыхъ минераловъ, называется *гранитомъ*.

Но какъ же эти различные камни соединились въ такую плотную массу? Этому также никто хорошенько не знаетъ; но видно только, что тутъ работала страшно сильный огонь, плавившій камни, которыхъ мы теперь расплавить не можемъ. Геологи, ученые люди,

занимающіеся изысканіемъ, изъ чего и какъ составлена наша земля, предполагаютъ, что страшный огонь и теперь царитъ внутри земного шара, и что въ прежнее время этотъ огонь былъ еще сильнѣе и, прорываясь наружу, выдвигалъ наверхъ такіе сплавленные имъ камни.

Если вы размѣшаете кусокъ глины и горсть песку въ стаканѣ съ водою, и дадите смѣси спокойно отстояться, то замѣтите, что глина и песокъ лягутъ на днѣ слоями, какими легъ и шиферъ, изъ котораго сдѣланы наши доски, но которыхъ въ гранитѣ нѣтъ. Вотъ почему геологи полагаютъ, что одни изъ камней произошли силою воды, а другіе, въ которыхъ слоевъ не замѣтно, — силою огня. Гранитъ произошелъ силою огня и потому называется *огненною* породою.

Но какъ же попалъ этотъ кусокъ гранита на наше поле? Не могъ же онъ вырости здѣсь, а въ землѣ нѣтъ нигдѣ дыры, откуда онъ бы могъ выскочить. Нѣтъ, родина его не здѣсь, а далеко на сѣверѣ, въ Финляндіи, или, можетъ быть, даже Швеціи. Тамъ есть цѣлыя гранитныя горы, основанія которыхъ, вѣроятно, идутъ глубоко въ землю, и тамъ, дѣйствительно, подземный огонь могъ выдвинуть наружу гранитныя горы и скалы. Раскаленные, расплавленные вышли онѣ оттуда, и потомъ, мало-по-малу, застыли въ воздухѣ. Съ изумленіемъ смотритъ теперь человекъ на эти громадныя гранитныя горы, застывшія въ самыхъ прихотливыхъ формахъ: то въ видѣ зубцовъ каменной крѣпости, то въ видѣ громадныхъ куполовъ.

Отъ этихъ-то скалъ оторваны и тѣ куски гранита, которые валяются по нашимъ полямъ и которыми мы мостимъ наши улицы. Стоить взглянуть на составъ этого булыжника, чтобы узнать, что онъ былъ когда-то частью скалы, стоящей и теперь гдѣ-нибудь въ Скандинавіи или въ Финляндіи. Но какъ же онъ попалъ сюда, за тысячу верстъ? Конечно, никто не привезъ на лошадяхъ этихъ безчисленныхъ гранитныхъ камней и не разсыпалъ ихъ по нашимъ полямъ на зло земледѣльцу, которому они мѣшаютъ пахать землю. Да многіе изъ этихъ камней и слишкомъ велики для того, чтобы ихъ можно было привезти для шутки. Скала, на которой стоитъ статуя Петра Великаго, вся высѣчена изъ одного такого камня, найденнаго невдалекѣ отъ Петербурга: такіе камешки возить для шутки неудобно!

Но какъ-же, наконецъ, попалъ сюда нашъ камень? Должна же быть причина, передвинувшая его за сотни верстъ, потому что самъ онъ не одаренъ способностью произвольнаго движенія? Спросимъ опять у геолога, и геологъ, рассказавъ намъ исторію происхожденія нашего камня, расскажетъ намъ и о его путешествіи.

Нѣкогда, говоритъ геологъ, этотъ камень составлялъ часть скандинавской гранитной скалы. Зима смѣнялась лѣтомъ, лѣто зимою: скала казалась все одною и тою же угрюмою, незыблемою скалою; но между тѣмъ и съ нею, какъ и со всѣмъ въ мірѣ, совершались перемѣны. Солнце, вѣтеръ, дождь и морозъ постепенно разрушаютъ и твердыя скалы: на нихъ появляются сначала незамѣтныя трещины, въ которыя попадаетъ вода, замерзаетъ тамъ и тѣмъ самымъ раздвигаетъ частицы камня все дальше и дальше. Наполните бутылку водою, закупорьте и выставьте ее на морозъ; когда вода превратится въ ледъ, бутылка лопнетъ. И вотъ нашъ камень, въ одно прекрасное утро, рухнулъ со скалы и покотился внизъ; а тамъ уже лежало много подобныхъ ему камней, и лежали бы они вѣки вѣковъ. Но вотъ мало-по-малу климатъ сталъ мѣняться, становилось все холоднѣе и холоднѣе, обильно выпадавшій снѣгъ уже не таялъ, а вѣками скоплялся и постепенно покрывъ всю сѣверную Европу. Отъ сильнаго давленія верхнихъ слоевъ, снѣгъ внизу смерзался и образовалъ сплошной ледъ, имѣвшій толщину, какъ предполагаютъ геологи, около двухъ верстъ и болѣе. Этотъ великій и мощный ледникъ имѣлъ видъ выпуклаго щита и простирался на тысячи верстъ; своими размѣрами онъ значительно превосходилъ извѣстные намъ современные ледники (глетчеры), какъ, напр., альпійскіе и обширный Гренландскій. Вершина великаго ледника была на Скандинавскихъ горахъ, и оттуда онъ спускался къ югу и въ стороны, и захватывалъ всю сѣверную часть Европы, а слѣдовательно и вся полоса нынѣшней сѣверной и средней Россіи была тогда подо льдомъ. Но этотъ великій ледникъ не лежалъ на землѣ покойно, а постоянно двигался отъ своего центра къ окраинамъ, вслѣдствіе сильнаго напора съ сѣвера, гдѣ постоянно прибавлялся снѣгъ, на окраинахъ же своихъ онъ постепенно таялъ. Такое же движеніе наблюдается и нынѣ въ современныхъ намъ ледникахъ: они

текутъ подобно рѣкамъ, но очень медленно, и замѣтить это теченіе можно только посредствомъ разстановки на нихъ вѣхъ. Наблюденія, произведенныя надъ Гренландскимъ ледникомъ, показали, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ онъ течетъ со скоростію одного метра ($1\frac{1}{2}$ арш.) въ сутки. Великій ледникъ, двигаясь, разрушалъ скалы, увлекалъ за собою ихъ обломки, а также и камни, находившіеся на днѣ ледника; камни эти отъ сильнаго тренія округлялись и даже растирались въ песокъ. Впослѣдствіи, черезъ много вѣковъ, когда климатъ сталъ измѣняться и опять становилось теплѣе, ледникъ таялъ и, постепенно уменьшаясь, отступалъ все больше и больше на сѣверъ, обнажая землю, покрытую камнями; вода же, происходившая отъ таянія ледника, образовала озера, болота и рѣки. Такъ вотъ какъ попалъ сюда нашъ камень!

Но не улежали камни на своихъ мѣстахъ. Пришелъ человѣкъ и принялся за нихъ: тамъ ему понадобилось расчислить поле, и онъ свезъ камни въ кучу, а которые были побольше, то сначала изорвалъ ихъ порохомъ на куски; въ другомъ мѣстѣ понадобилось ему строить фундаментъ для дома, тамъ ограду изъ камней, а тамъ сложить изъ нихъ цѣлую избу, тамъ вымостить мостовыя, выстроить плотину или мостъ. Но когда дошло дѣло до постройки шоссе, то тутъ сѣвернымъ гостямъ пришлось ужъ очень плохо. Тщательно разыскивали ихъ въ лѣсахъ и въ болотахъ, гдѣ они, никого не трогая, лежали тысячи лѣтъ и обросли мягкимъ мхомъ; отыскивали, свезли въ кучи, и тысячи молотковъ принялись усердно колотить твердые камни на мелкіе кусочки и выкладывать ими крѣпкое шоссе. Казалось бы, что при желѣзныхъ дорогахъ могли отдохнуть камни, но не тутъ то было: нужно, чтобы дорога не раскачивалась подъ сильной, тяжелой машиной; опять бьютъ камень на куски, въ щебенку, какъ говорятъ, и кладутъ его между рельсовъ: чтобы дорога была тяжелѣе и не качалась, когда по ней полетитъ тысячу-пудовая машина.

Такъ заботился Всемогуцій Господь о человѣкѣ, когда еще человѣка не было на землѣ, и повелѣлъ стихіямъ — водѣ, вѣтру и огню — приготовить камень для шоссе и желѣзныхъ дорогъ; хотя

долго еще послѣ этого человѣкъ не имѣлъ понятія ни о шоссе, ни о желѣзныхъ дорогахъ, и передвигался пѣшкомъ, не зная даже, что можно осѣдлатъ лошадь. Но Всевидящій Творецъ подарилъ человеку умъ и зналъ, что этотъ подарокъ не пропадетъ даромъ.

Вотъ что разскажетъ намъ молчаливый булыжникъ, если мы сумѣемъ заставить его заговорить; и если-бы люди забыли Бога, то самые камни могли-бы повѣдать имъ Его славу и Его любовь къ человѣку.

ИЗВЕСТЬ.

Отецъ давно хотѣлъ показать дѣтямъ, какъ добываютъ и обжигаютъ известь, и наконецъ повелъ ихъ за городъ, гдѣ, въ крутомъ и высокомъ берегу рѣки, множество работниковъ ломали известковый камень, разбивали его на мелкіе кусочки и складывали въ телѣги.

„Теперь вы видѣли, откуда добывается известковый камень, но этого мало, сказалъ дѣтямъ отецъ: пойдемъ за телѣгами и посмотримъ, куда это везутъ известковый камень и что съ нимъ дѣлаютъ“.

Телѣги, проѣхавъ нѣсколько десятковъ сажень, остановились у громадной печи.

„Въ этой печи обжигаютъ известь, сказалъ отецъ: въ нее, какъ вы видите, кладутъ известковые камни такъ, чтобы между ними оставались пустоты, въ которыя могло бы свободно проходить пламя. Внизу разводятъ сильный огонь и поддерживаютъ его нѣсколько дней сряду. Пламя, проникая между камнями, раскаливаетъ ихъ до того, что изъ нихъ въ видѣ пара выходитъ вся находившаяся въ нихъ вода, а вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ особенное вещество, такое же прозрачное, невидимое и легкое, какъ воздухъ, но только не воздухъ: это вещество называется *углекислымъ газомъ* или просто *угольною кислотою*. Когда вся вода испарится, и вся угольная кислота улетитъ, тогда гасятъ огонь и вынимаютъ изъ печи *известь*, которая получила новое, удивительное свойство. Дотроньтесь влажною рукою или губами до куска обожженной извести, и вы почувствуете жгучую боль. Это происходитъ отъ того, что известь съ необыкновенною жад-

ностью потянетъ въ себя влагу, которою покрыта ваша рука или ваши губы“.

Отецъ взялъ кусокъ обожженной извести и, положивъ на землю, сталъ на него лить понемногу воду: вода кипѣла и испарялась, какъ будто бы ее лили на горячую плиту; кусокъ извести, бывшій до того холоднымъ, сильно разгорячился и, наконецъ, разсыпался въ мелкій порошокъ.

„Это значитъ—гасить известь, сказалъ отецъ дѣтямъ.—Возьмите этотъ порошокъ въ руки: вы чувствуете, что онъ совершенно сухъ, хотя въ немъ довольно много воды. Если на три фунта выжженной извести налить фунтъ воды, то мы получимъ четыре фунта такого блага порошка; слѣдовательно, въ этомъ сухомъ порошокѣ находится фунтъ воды, хотя ее совершенно не замѣтно. Такое стремленіе къ соединенію двухъ тѣлъ, при которомъ они образуютъ одно новое, называется *химическимъ сродствомъ*. Негашеная известь и вода имѣютъ между собою химическое сродство. Большая часть тѣлъ—сложныя тѣла и состоятъ изъ двухъ или нѣсколькихъ *простыхъ тѣлъ*, т. е. такихъ, которыхъ химики не могли уже *разложить* на какія нибудь другія тѣла. Вы знаете нѣсколько простыхъ тѣлъ: золото, желѣзо, ртуть, мѣдь, уголь; но дерево, вода, соль и многія другія тѣла—тѣла сложныя. Наука, которая показываетъ свойства простыхъ тѣлъ и изъ какихъ простыхъ тѣлъ и какъ составлены всѣ тѣла, называется *химіей*, а люди, занимающіеся ею,—*химиками*.“

„Замѣтивъ въ негашеной извести сильное сродство къ водѣ, люди пользуются этимъ свойствомъ, чтобы извлекать воду отсюду, гдѣ ей не слѣдуетъ быть; такъ, напримѣръ: если нужно очистить спиртъ отъ воды, то кладутъ въ ведро со спиртомъ нѣсколько кусковъ негашеной извести, и хотя вода сродна со спиртомъ и раздѣлить ихъ трудно, но съ известью она еще сроднѣе, а потому оставляетъ спиртъ и соединяется съ известью. Если оставить обожженую известь на воздухѣ, то она скоро потеряетъ свое жгучее свойство, потому что въ воздухѣ всегда есть пары воды, съ которыми известь соединяется. Вотъ почему—когда хотятъ сохранить известь негашеною, то складываютъ

и закрываютъ ее такъ, чтобы къ ней не прикасался воздухъ. Я также сказалъ вамъ, что огонь выгналъ изъ известковаго камня газообразное, похожее на воздухъ вещество, называемое угольною кислотою. Въ воздухѣ всегда довольно угольной кислоты, и потому, если известь долго оставлять на воздухѣ, то она химически соединится съ угольною кислотою и превратится въ углекислую известь. Добываемый изъ земли мѣлъ есть не что иное, какъ химическое соединеніе извести и угольной кислоты, т. е. *углекислая известь*. При быстромъ гашеніи извести, когда на нее льютъ много воды, изъ нея образуется тѣсто, которое каменщики употребляютъ какъ цементъ, чтобы связать кирпичи, изъ которыхъ строятся дома. Но кирпичъ съ кирпичемъ и пескомъ съ известью соединяются не *химически*, а *механически*. Механическимъ это соединеніе называется потому, что въ немъ каждая песчинка остается песчинкою и каждый кусочекъ извести — известью; тогда какъ изъ воды и обожженной извести составляется новое тѣло, равно какъ изъ извести и угольной кислоты; а угольная кислота и вода исчезаютъ для глазъ такъ, что ихъ можно выдѣлать только посредствомъ сильнаго огня“.

РУЧЕЙ.

Много я слышалъ о журчащихъ ручьяхъ, но никто мнѣ еще не говорилъ, что такое они журчатъ. Вотъ свѣтлый источникъ, пробивающійся изъ-подъ большого камня: усядусь-ка возлѣ него и послушаю, что такое онъ болтаетъ. Безчисленныя маленькія волны, перегоняя другъ друга и журча, пробиваются между камнями и пескомъ, подымая и крутя его бѣлыя зернышки.

— Послушайте-ка вы, маленькія рѣзвыя волны, расскажите мнѣ, зачѣмъ вы такъ торопитесь, куда и откуда бѣжите, почему такъ суетливо толкаете другъ друга?

— О! залепетали волны, насъ много и очень много: тамъ, въ горѣ, насъ еще столько, что и счесть невозможно; мы все хотимъ выйти на Божій свѣтъ, а ворота узки; вотъ почему мы такъ толкаемъ другъ друга, какъ школьники, когда учитель скажетъ имъ: классъ конченъ!

— Гдѣ же вы были до сихъ поръ и что вы дѣлали? Не сидѣли-же вы въ горѣ съ того самаго дня, какъ голубь принесъ Ною масляную вѣтвь, какъ знакъ, что воды снова скрылись въ землю?

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—залепетали волны, перебывая другъ друга, и каждая изъ нихъ такъ спѣшила рассказать свою исторію, что я не могъ разобрать ни слова. Я наклонился къ источнику, зачерпнулъ горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь пальцы каплю за каплей, выслушивалъ ихъ по одиночкѣ. Какія дивныя исторійки онѣ поразказали мнѣ.

— Мы, сказали двѣ капли, были сибѣжками въ прошедшую зиму и, лежа тамъ, на горѣ, весело сверкали на солнцѣ, пока оно весною не растопило насъ.

— Мы были двумя градинками, залепетали другія капли, и, увы, согрѣшили: положили на землю тяжелый колосъ.—А мы были двумя росинками и напоили жаждущій ландышъ, сказали двѣ повныя капли.— Мы носили корабли на морѣ; мы утолили жаждущаго и спасли ему жизнь; мы вертѣли мельничное колесо; насъ вспѣнивалъ пароходъ; мы были сладкимъ сокомъ въ вишняхъ; мы—вкуснымъ виномъ; мы—лѣкарствомъ; мы—ядомъ; мы—молокомъ... звенѣли одна за другою прозрачныя капли, скатываясь, какъ перлы, съ моихъ пальцевъ.

Одна свѣтлая капелька повисла у меня на пальцѣ:—я была когда-то слезою, прошептала она; я—каплей пота, сказала вслѣдъ за ней другая, падая на землю; а я уже была въ твоемъ сердцѣ, прозвенѣла третья,—была теплой капелькой крови, а потомъ, когда тыдохнулъ, я вылетѣла паромъ и понеслась къ облакамъ.

Я видѣлъ, что этимъ исторіямъ конца не будетъ, и стряхнулъ обратно въ рѣку остальные капли, не слушая болтовни.

Мнѣ хотѣлось пристыдить хвастливый ручей, и я сказалъ ему: расскажи-ка лучше, что ты видѣлъ новаго въ своей горѣ? Чему тамъ быть новому? думалъ я про себя: камни лежатъ неподвижно отъ созданія міра и будутъ лежать тамъ вѣчно; развѣ челоуѣкъ выкопаетъ ихъ и построитъ изъ нихъ дома? Но какъ же я удивился, когда ручей сталъ говорить диковинныя вещи!

— Каждая капелька, говорилъ онъ, побывши дождемъ или

снѣгомъ, градомъ или росою, проникаетъ въ землю и работаетъ въ ней изо всѣхъ силъ, не хуже вашихъ рудокоповъ: роетъ для себя самые затѣйливые ходы и переходы. Если тебѣ въ дѣтствѣ рассказывали сказки о подземныхъ горныхъ духахъ и гномахъ, которые будто бы живутъ внутри горъ и охраняютъ тамъ металлы и камни, прилежно работая надъ ними день и ночь, то знай, что эти гномы и духи—мы, маленькія капли воды. Мы кажемся тебѣ малыми и безсильными, но ты видишь, какъ насъ много, и вѣрно слышалъ, что капля, падая за каплей, пробиваетъ и твердый камень. Пробѣгая между каменными слоями горъ, каждая изъ насъ уноситъ непримѣтную для твоихъ глазъ частичку той или другой каменной породы. Скоро тяжелая ноша становится не подъ-силу маленькой каплѣ, и она оставляетъ свой кусочекъ камня или металла гдѣ-нибудь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ строимъ мы изъ известки и гипса блестящія, красивые кристаллы. Такъ же мы заносимъ съ собою то красный кусочекъ желѣзной охры, то зеленый и голубой кусочекъ мѣднаго купороса, и раскрашиваемъ ими другіе камни. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры... О, да и пещеру-то эту сдѣлали мы же! Она прежде вся была набита солью; но миллионы водяныхъ капель растворили въ себѣ эту соль и унесли ее куда-нибудь въ другое мѣсто, можетъ быть, въ море, гдѣ вода, какъ ты знаешь, такая соленая. Въ той пещерѣ намъ привольно работать; звучно падаемъ мы съ потолка и, оставляя на немъ приносимые нами кусочки камня, строимъ самыя диковинныя вещи, похожія на ваши церкви и башни. Ты видѣлъ, вѣроятно, какъ зимою, растаивая на солнышкѣ и стекая съ крыши, превращаемся мы отъ холода въ длинныя, прозрачныя сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту: только тамъ мы работаемъ сосульки не изъ воды, а изъ известки (сталактиты), сами же уходимъ дальше. На днѣ пещеръ собираются капли въ подземныя озера; потомъ выбѣгаютъ оттуда въ разсѣлины скалъ и прыгаютъ шумными водопадами со скалы на скалу. Если на дорогѣ попадется кусокъ дерева, мы начнемъ хлопотать изо всѣхъ силъ: каждую клѣточку наполнимъ кремнемъ или известкой,

дерево же разломаемъ и унесемъ прочь; въ этомъ случаѣ мы сдѣлаемъ то, что вы называете окаменѣлымъ деревомъ, но называете его такъ совершенно несправедливо, потому что тамъ дерева нѣтъ ни крошки, а все одинъ чистый камень: отъ дерева осталась одна только форма. И сколько намъ было хлопотъ, чтобы выдѣлать изъ камня каждую трубочку, каждую ячейку!

Въ это самое время набѣжала новая волна и начала мнѣ раз-

Пещера.

сказывать другую исторію: она говорила, какъ водяныя капли мало-по-малу подрыли цѣлую гору въ Швейцаріи, такъ что она со всѣми своими тяжелыми камнями, съ землею, покрывавшею эти камни, съ деревьями, которыя росли на землѣ, рухнула въ долину и засыпала четыре деревни съ людьми и животными. Но я прервалъ печальный рассказъ и сказалъ волнамъ, что не люблю слушать о дѣлахъ разрушенія и гибели.

— Расскажите-ка мнѣ лучше, спросилъ я снова у ручья, что-нибудь другое. Если твои капли внутри горы такъ много растворяютъ въ себѣ, такъ много разрушаютъ и строятъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и твоя свѣтлая вода, сквозь которую я такъ ясно вижу и

маленькій камешекъ, и крошечную блестящую рыбку, совсѣмъ не такъ чиста, какъ кажется съ виду?

— Легко, очень легко можетъ случиться, отвѣчалъ ручей, что тотъ или другой изъ моихъ маленькихъ работниковъ унесъ съ собою то тотъ, то другой матеріалъ.

— Но какіе же матеріалы, куда и зачѣмъ несуть твои хлопотливые работники? спросилъ я у ручья.

— Мы несемъ известку, отвѣчали однѣ капельки: насъ уже давно ждутъ милліоны маленькихъ морскихъ животныхъ, улитокъ, полиповъ, морскихъ звѣздъ, которымъ нужно строить себѣ жилища, а для жилищъ этихъ нужно много известки.

— Мы несемъ кремнеземъ, пролепетали другія капли: множество инфузорій и растений ждутъ насъ давно; даже травка на берегу, и та проситъ, чтобы мы дали ей частичку.—Мы несемъ воздухъ въ маленькихъ незамѣтныхъ пузырькахъ, звенѣли новыя капли,—воздухъ, безъ котораго не могли бы дышать въ водѣ ни рыбки, ни другія водяныя животныя.—Мы несемъ угольную кислоту; мы—гипсъ; мы—жельзо; мы—фосфоръ; мы—множество соли, которая нужна безчисленнымъ растеніямъ, животнымъ и даже вамъ—людямъ. Не вы ли приходите лѣчиться къ намъ и рады-радехоньки, когда почувете, что въ насъ есть или сѣра, или жельзо, или какойнибудь другой минералъ, который вамъ помогаетъ въ болѣзняхъ? Тогда вы величаете насъ минеральными ключами, цѣлебными источниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходимъ къ вамъ, нагрѣвшись прежде у подземнаго огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете отъ сору, устраняете для насъ красныя бассейны, строите возлѣ насъ богатые дома, ванны, гостиницы, цѣлые города! Неужели ты ничего не слыхалъ о Баденъ-Баденѣ, Эмеѣ, Пятигорскѣ, Кисловодскѣ, или другихъ какихъ-нибудь мѣстахъ, прославленныхъ нашими цѣлебными источниками?

— О, не думай, что мы ничего не дѣлаемъ, закурчали всѣ капли вмѣстѣ: напротивъ, мы никогда не знаемъ покоя и даже трудолюбивѣе муравьевъ, которые вѣчно строятъ свое жилище, вѣчно суетятся, бѣгаютъ и таскаютъ кусочки соломы втрое больше себя. На-

работавшись вволю въ облакахъ и въ травѣ, которую мы такъ осыбаемъ, напоивъ растенія, животныхъ и людей, мы спѣшимъ въ ручей, а по дорогѣ вертимъ мельничныя колеса и носимъ лодки; изъ ручья бѣжимъ мы въ рѣку, изъ рѣки въ широкое, безбрежное море; тутъ бы, кажется, можно намъ было отдохнуть и успокоиться; но лучи солнышка пригрѣютъ насъ и превратятъ въ легкій туманъ. Поднявшись высоко, мы станемъ облаками и понесемся по небу, пока не найдемъ мѣста, гдѣ снова ожидаетъ насъ работа. Мы работаемъ безъ усталости и не скучаемъ: намъ весело, что мы принимаемъ такое дѣятельное участіе въ Божьемъ мірѣ и поимъ неисчислимыя милліоны растеній, животныхъ и людей.

— Боже великій! сказалъ я, отходя отъ болтливаго ручья: нѣтъ предѣловъ Твоей премудрости. Сколько великихъ дѣлъ Ты совершаешь крошечною каплею воды! Сколько жизни и дѣятельности въ Твоемъ мірѣ! Сдѣлай такъ, чтобы и я не прожилъ безъ пользы, а не то мнѣ будетъ стыдно взглянуть на дѣятельную водяную каплю.

КЛАССИФИКАЦІЯ МИНЕРАЛОВЪ.

Минералы, или ископаемые, какъ ихъ называютъ, потому что они выкапываются изъ земли, отличаются одинъ отъ другого формою кристалловъ, поверхностью излома, твердостью, цвѣтомъ, блескомъ и проч. Всѣ минералы мы можемъ раздѣлить на четыре группы: въ 1-ю помѣстимъ металлы, во 2-ю—земли и камни, потому что камень, размельчившись, дѣлается составною частью земли; въ 3-ю—соли, въ 4-ю—горючіе минералы.

Металлы—тѣла простыя, по виду отличаются особеннымъ металлическимъ блескомъ, тяжелы, ковки, плавятся и удобно принимаютъ различныя формы. Металлы мы раздѣлимъ съ вами на два разряда: въ первый помѣстимъ такъ называемые *драгоценныя* или *благородныя* металлы; во второй—металлы простыя, которые такъ же называютъ *неблагородными*, хотя для человѣка нѣкоторые изъ нихъ гораздо полезнѣе самаго золота. Къ благороднымъ металламъ относятся золото, серебро, платина; изъ нихъ дѣлаютъ монету (изъ платины монеты теперь уже не дѣлаютъ) и разныя дорогія вещи и украше-

нія. Къ простымъ или неблагороднымъ металламъ относятся: мѣдь, желѣзо, свинецъ, олово, ртуть, которая также металлъ, хотя и въ жидкомъ видѣ; цинкъ, который входитъ, какъ составная часть, во множество сплавовъ, и многіе другіе, которыхъ мы не знаемъ.

Земли и камни не имѣютъ ковкости, трудно плавятся, трудно распускаются въ водѣ, не горятъ и не тянутся. Нѣкоторые изъ камней состоятъ изъ знакомаго намъ кремнезема, какъ, напримѣръ, кремень, горный хрусталь, кварцъ, халцедонъ, опаль и проч.; въ другихъ главною составною частью бываетъ вещество, содержащееся въ глинѣ, какъ, напримѣръ, въ сапфирѣ, рубинѣ, изумрудѣ и друг.; третьи содержатъ въ себѣ известь, какъ, напримѣръ, известковый камень, плитнякъ, мѣль, мраморъ, гипсъ. Нѣкоторые камни какъ бы слѣплены изъ кусковъ различныхъ земель и камней, какъ, напримѣръ, гранитъ, порфиръ и песчаникъ, который состоитъ весь изъ песчинокъ. Камни, какъ и металлы, раздѣляются на драгоценныя и простые. Самый драгоценный камень — алмазъ: онъ весь состоитъ изъ того же вещества, изъ котораго состоитъ вовсе не драгоценный уголь и графитъ, употребляемый въ карандашахъ. Бриллиантомъ называется тотъ же алмазъ, только отшлифованный особеннымъ образомъ. Къ драгоценнымъ же камнямъ, кромѣ алмаза, относятся красный рубинъ, синій сапфиръ, зеленый изумрудъ, золотистый топазъ, зеленоватый бериллъ, малиновый гранатъ, фіолетовый аметистъ, молочный опаль и другіе.

Къ недрагоценнымъ камнямъ и землямъ относятся всѣ тѣ, которые попадаютъ въ большомъ количествѣ и большими массами. Изъ земель мы знаемъ съ вами глину и известку. Песокъ состоитъ изъ крошечныхъ песчинокъ, которыя, смѣшавшись, напримѣръ, съ глиною, образуютъ песчаную землю. Черноземомъ называется земля, въ которой много остатковъ сгнившихъ растений: такая земля очень плодородна; она покрываетъ огромныя пространства въ нашихъ южныхъ губерніяхъ.

Къ *солямъ*, кромѣ извѣстной намъ поваренной соли, относятся также селитру, которая идетъ на выдѣлку пороха и на солку говядины; горькосоленую глауберову соль, употребляемую какъ лѣкарство; поташъ, идущій на выдѣлку стекла и мыла, и друг.

Къ горючимъ минераламъ причисляютъ каменный уголь, который есть не что иное, какъ обуглившіеся въ водѣ остатки допотопныхъ лѣсовъ, которые росли на сушѣ, а когда суша опустилась, то они покрылись водою и были занесены осадками. Къ горючимъ же ископаемымъ веществамъ относятъ также торфъ, образующійся изъ растений въ нашихъ болотахъ, и янтарь, который есть не что иное, какъ смола допотопныхъ деревьевъ.

СОТВОРЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Прекрасна была юная земля, только-что явившаяся по слову Божію; но человѣка въ ней еще не было, и некому было любоваться ея красотою. Днемъ яркое солнце выходило на небо и лило на землю свѣтъ и тепло; ночью подымалась кроткая луна и сверкали мириады звѣздъ; голубой сводъ неба, убранный золотыми и серебряными облаками, высоко вздымался чуднымъ, ненагляднымъ шатромъ; волновалось и шумѣло безбрежное море; высокія горы подымали выше облаковъ свои блестящія, серебряныя вершины; повсюду лились полныя, синія рѣки, кипѣли и разсыпались брызгами пѣнистые водопады, журчали сверкающіе ручьи, пробираясь въ душистой, сочной травѣ; высокія пальмы качали своими гордыми верхушками; тѣнистые лѣса говорили съ легкимъ прохладнымъ вѣтромъ; зеленыя поля, усыпанныя роскошными цвѣтами, благоухали; красивыя животныя прыгали и рѣзвились; ярко пестрыя птицы и блестящія насѣкомыя, сверкая какъ драгоценныя камни, носились въ воздухѣ; соловей пѣлъ свою громкую пѣсню;—но человѣка еще не было, и некому было наслаждаться всею роскошью Божьяго міра.

Солнце, луна и звѣзды, блестящія, но безчувственныя, текли указаннымъ имъ путемъ, не видя и не чувствуя ничего, даже своей собственной прелести. Роза благоухала и красовалась, не зная, какъ она прекрасна; соловьиная пѣсня не услаждала ничьего слуха. Животныя, хотя и видѣли и слышали все, но не понимали ни красоты природы, ни премудрости законовъ, по которымъ она создана. Удовлетворивъ своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, животное веселилось; не требуя красоты, оно искало только пищи, и жи-

рая премудрая созданія Божія, не подозрѣвало, сколько премудрости въ каждой, самой маленькой травкѣ. Ни одно изъ нихъ не могло даже поднять головы къ небу и сказать съ благодарностью: „Создатель, какъ Ты великъ и милостивъ, какъ я люблю Тебя!“ Все, что было создано, жило по законамъ Создателя и не могло жить иначе; не имѣя своей воли, не могло грѣшить, за то не могло дѣлать и добра, не зная, что такое зло и добро.

Увидя, какъ хорошъ міръ, Господь, исполненный любви, захотѣлъ создать существо, которое-бы, по безсмертному духу своему, было подобно Ему Самому, Создателю Вселенной,—которое бы исполняло Его законы не по необходимости, какъ всѣ прочія твари, не понимая ихъ мудрость и благость, а стремилось бы къ истинѣ, добру и красотѣ по собственному желанію, и убѣгало бы жи, зла и грѣха изъ отвращенія къ нимъ.

„Создадимъ человѣка по образу и по подобію Нашему“, сказалъ Господь и, сотворивъ изъ земли чудно-прекрасное тѣло, вдохнулъ въ него изъ собственныхъ творческихъ устъ Своихъ безсмертную, разумную и свободную душу. Открылъ глаза человѣкъ: съ удивленіемъ и восторгомъ взглянулъ онъ на міръ, и душа его, чувствуя свое божественное происхожденіе, исполнилась счастья, благодарности и любви къ Создателю.

„Какъ ни хороша земля, но грустно будетъ человѣку жить на ней одному“, подумалъ Господь и, желая увеличить счастье человѣка, создалъ ему прекрасную подругу. Окончивъ созданіе, сказалъ Господь первымъ людямъ: „Любите другъ друга, размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею: все, что есть на ней, я дарю вамъ!“

Мѣсто, гдѣ жили первые люди, находилось въ теплой и роскошной странѣ,—тамъ, гдѣ Тигръ и Евфратъ и теперь еще сливаютъ свои воды. Но, увы, теперь на этомъ мѣстѣ грустная и дикая пустыня. Видны развалины большихъ городовъ, занесенныхъ пескомъ; вокругъ все мертво; солнце жжетъ немилосердно—и только злой шакалъ и свирѣпый тигръ нарушаютъ своимъ ревомъ мертвое молчаніе пустыни.

ОТДѢЛЪ II. ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ

(Келья Чудова монастыря въ Москвѣ; ночь; старый, сидитъ, какъ лунь, монахъ Пименъ сидитъ и пишетъ передъ лампадой; молодой монахъ, послушникъ старика, Григорій, спитъ).

Пименъ. Еще одно, послѣднее сказанье—и лѣтопись окончена моя, исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня поставилъ и книжному искусству вразумилъ: когда нибудь монахъ трудолюбивый найдетъ мой трудъ усердный, безымянный; засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду, и пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья перепишетъ, да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минушую судьбу, своихъ царей великихъ поминаютъ за ихъ труды, за славу, за добро—а за грѣхи, за темныя дѣянья Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу; минувшее проходитъ предо мною... Давно-ль оно несло съобытій полно, волнуясь, какъ море-океанъ? Теперь оно безмолвно и спокойно: немного лицъ мнѣ память сохранила, немного словъ доходить до меня, а прочее погребло невозвратно! Но близокъ день, лампада догораетъ—еще одно, послѣднее сказанье *(Пишетъ)*.

Григорій *(пробуждается)*. Все передъ лампадой старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой, зная, во всю ночь онъ не смыкалъ очей. Какъ я люблю его спокойный видъ, когда, душой въ минувшемъ погруженный, онъ лѣтопись свою ведетъ! И часто я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ: о темномъ-ли владычествѣ татарь, о казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна, о бурномъ-ли новгородскомъ вѣчѣ, о славѣ ли отечества?—Напрасно! ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:

все тотъ же видъ смиренный, величавый... Такъ точно дьякъ *), въ приказахъ посѣдѣльи, спокойно зрять на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимаая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

А. Пушкинъ.

ОСЛѢПЛЕНІЕ ВАСИЛЬКА.

(1097).

Въ 1097 году князья русскіе рѣшились уладить свои распри миромъ и собрались на сѣздъ въ Любечѣ, на берегу Днѣпра. Тутъ были внуки Ярослава: Святополкъ—великій князь Кіевскій, Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ, Олегъ и Давидъ Святославичи и правнукъ Ярослава, Василько Ростиславичъ. Здѣсь снова раздѣлили они между собою русскія области и цѣловали другъ друга крестъ на томъ, чтобы жить имъ мирно, не обижать другъ друга и всѣмъ идти на того, кто первый подыметъ ссору.

Но тутъ же одинъ изъ удѣльныхъ князей—Давидъ Игоревичъ, недовольный своимъ удѣломъ, захотѣлъ увеличить его на счетъ своего сосѣда, Василька Ростиславича, и задумалъ противъ него злое дѣло. Приѣхавъ въ Кіевъ, онъ напугалъ великаго князя Святополка тѣмъ, что будто Василько съ Владиміромъ Мономахомъ думаютъ отнять у него Кіевскую область, и когда Василько, возвращаясь изъ Любеча, проѣзжалъ мимо Кіева со своею дружиною и остановился подъ Кіевомъ ночевать, то поутру Святополкъ прислалъ къ нему, говоря: „не уходи отъ именинъ монхъ“. Василько отвѣчалъ, что спѣшитъ домой; но тутъ прислалъ къ нему и Давидъ, говоря: „не ходи, братъ; не ослушайся брата старѣйшаго“. Василько не послушалъ и Давида. „Видишь ли“, сказалъ тогда Давидъ Святополку: „Василько не хочетъ слушать тебя, старѣйшаго брата; увидишь, что когда онъ придетъ домой, то станеть отнимать у тебя твои города; тогда вспомнишь слова мои, да будетъ поздно. Созови-ка лучше кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ“. Святополкъ послушалъ Давида и послалъ сказать Ва-

сильку: „если не хочешь дожидаться именинъ монхъ, то приди, по крайней мѣрѣ, проститься и побесѣдовать со мною и Давидомъ“. Василько сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Кіевъ. На дорогѣ встрѣтилъ его отрокъ и сказалъ ему: „Не ходи, князь, въ Кіевъ: хотятъ тебя схватить“. Но Василько подумалъ: „какъ-же имъ хотѣть схватить меня, когда они цѣловали мнѣ крестъ, чтобы намъ жить мирно. Да будетъ воля Господня!“ перекрестился—и поѣхалъ.

Когда Василько съ малою дружиною вѣхалъ на княжескій дворъ, то Святополкъ встрѣтилъ его и повелъ въ горницу, гдѣ Давидъ сидѣлъ молча, будто нѣмой. „Останься съ нами на праздникъ“, сказалъ Святополкъ Васильку; но тотъ отвѣчалъ: „не могу остаться, братъ; я уже приказалъ моему обозу отправиться впередъ“.—„Позавтракай же, по крайней мѣрѣ, съ нами“, сказалъ Святополкъ; „посидите здѣсь немного съ братомъ, а я пойду распоряджусь“, и вышелъ вонъ. Оставшись съ Давидомъ, Василько началъ было заговаривать съ нимъ, но Давидъ не отвѣчалъ ни слова (у него на сердцѣ было злое дѣло) и, посидѣвъ немного, всталъ и вышелъ. Тогда вошли воины, заковали Василька въ оковы, заперли въ горницу и приставили къ ней на ночь стражу. Поутру Святополкъ созвалъ на совѣтъ бояръ своихъ и кіевлянъ и, рассказавъ имъ все, что говорилъ ему Давидъ о Василькѣ, спросилъ ихъ совѣта. „Тебѣ слѣдуетъ самому беречь свою голову“, отвѣтили кіевляне: „если Давидъ сказалъ правду, то Василька слѣдуетъ казнить; если-же нѣтъ—то Богъ отомститъ Давиду“. Святополкъ хотѣлъ пустить Василька, но Давидъ сказалъ: „еслипустишь—то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ“, и подговаривалъ на ослѣпленіе. Въ ту же ночь отвезли скованнаго Василька въ Бѣлгородъ, небольшой городъ, верстахъ въ 10 отъ Кіева, и засадили его въ тѣсную горницу, куда, спустя немного, вошелъ торчинъ и сталъ точить ножъ. Василько догадался, что его хотятъ ослѣпить, и горько заплакалъ. За торчиномъ еще вошли два конюха и бросились на Василька, стараясь повалить его, но не могли одолѣть, потому что онъ защищался изо всѣхъ силъ. Тог-

*) Такъ назывался въ старыя времена главный чиновникъ въ судѣ.

да пришли еще люди, повалили князя, наложили на него доски, такъ что кости его захрустѣли, и ослѣпили. Князь лежалъ безъ чувствъ, какъ мертвый; его завернули въ коверъ, положили въ телѣгу и повезли во Владиміръ. На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Воздвиженѣ, провожатые князя остановились обѣдать; сняли съ него окровавленную сорочку и отдали вымытъ попадѣ. Попадья одѣла князя въ чистую сорочку и, сидя возлѣ, плакала надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Но князь очнулся и спросилъ: „гдѣ я?“ ему отвѣчали: „въ Воздвиженѣ“; тогда онъ попросилъ напиться: напился и пришелъ въ себя; ощущалъ, что на немъ была чистая сорочка, и сказалъ: „зачѣмъ меня передѣли? пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ умеръ и сталъ на судъ передъ Богомъ“. Отобѣдавши, провожатые князя повезли его далѣе по дурной и тряской дорогѣ, по грудѣ, потому что тогда была осень, и грязь на дорогахъ взялась комьями. На шестой день привезли Васильку во Владиміръ и засадили въ темницу.

Когда Владиміръ, одинъ изъ внуковъ Ярослава, прозванный Мономахомъ, услышалъ объ этомъ злодѣйскомъ дѣлѣ, то горько заплакалъ и сказалъ: „такого зла не было еще въ Русской землѣ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ“, и послалъ другимъ князьямъ сказать: „братья! исправимъ скорѣе это дѣло. Если мы начнемъ другъ съ другомъ расправляться ножами, то погибнемъ всѣ, а половцы придутъ и возьмутъ Русскую землю!“ Нѣкоторые князья пристали ко Владиміру, и онъ послалъ отъ себя и отъ нихъ сказать Святополку: „что ты это сдѣлалъ? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? если онъ былъ виновенъ, то ты могъ обличить его передъ нами“. Святополкъ началъ извиняться, сваливая всю вину на Давида: „Давидъ“, говорилъ онъ, „сказалъ мнѣ, что Васильку хочетъ убить меня, занять мои города, и что онъ и Владиміръ поклялись другъ другу выгнать меня изъ Кіева. Я долженъ былъ поневолѣ защищать свою голову; да и не я его ослѣпилъ, а Давидъ; онъ же и увелъ его къ себѣ“. — „Это не извиненіе“, отвѣчали послы Владиміровы: „не въ Давидовомъ городѣ взять и ослѣпленъ Васильку, а въ твоемъ“, и, сказавши это, ушли. На другой день, утромъ, войска Владиміра и его братьевъ стали переправляться черезъ Днѣпръ. Святополкъ испугался и хотѣлъ уже

бѣжать изъ Кіева; но кіевляне не пустили его и послали къ Владиміру знатныхъ пословъ, говоря: „Умоляемъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите вы земли Русской; если вы будете воевать между собою, то половцы возрадуются и возьмутъ нашу землю. Отцы и дѣды ваши сражались за Русскую землю; а вы хотите погубить ее“. Услышавъ это, Владиміръ заплакалъ: „по истинѣ такъ“, сказалъ онъ: „отцы и дѣды наши соблюли Русскую землю; а мы ее губимъ!“ и согласился на миръ; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Святополкъ самъ шелъ на Давида, такъ какъ Давидъ первый поднялъ весь этотъ раздоръ.

Услышавъ о близкой бѣдѣ, Давидъ Игоревичъ ночью послалъ за однимъ монахомъ, Василиемъ, котораго Васильку зналъ и любилъ. Этотъ-то Василій и описалъ страшное злодѣйство, котораго былъ отчасти очевидцемъ, а мы съ его словъ рассказали вамъ. „Мнѣ говорили“, сказалъ Давидъ Игоревичъ Василю, „что Васильку изъявилъ желаніе послать къ Владиміру и уговорить его воротиться. Поди же ты къ своему тезкѣ и скажи ему, что если онъ это сдѣлаетъ, то я дамъ ему любой городъ“, и перечислилъ при этомъ нѣсколько городовъ, принадлежавшихъ Васильку.

Монахъ пошелъ въ темницу къ Васильку и передалъ слова Давида. „Не общалъ я посылать къ Владиміру“, отвѣчалъ Васильку, „но, пожалуй, пошлю, чтобы изъ-за меня не проливать кровь; удивляюсь только, какъ это Давидъ даетъ мнѣ мои же города“. Выславъ слугъ вонъ, сказалъ Васильку монаху: „слышалъ я, что хочетъ Давидъ выдать меня ляхамъ; видно, не насытился онъ моею кровью—хочетъ еще! Я же ляхамъ много сдѣлалъ зла, хотѣлъ сдѣлать еще больше и отомстить за Русскую землю. Не боюсь я смерти; но вотъ что скажу тебѣ: справедливо наказалъ меня Господь за мою гордость; потому что когда пришла ко мнѣ вѣсть, что могутъ придти ко мнѣ на помощь жиренден, печенѣги и торки, то я подумалъ: скажу-ка я братьямъ своимъ Володарю и Давиду—дайте мнѣ только свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Самъ же думалъ: пойду зимою на ляшскую землю, а къ лѣту и возьму ее; а потомъ пойду на болгарь дунайскихъ, захвачу ихъ и посажу на мои земли; потомъ

пойду войною на половцевъ и либо сложу свою голову, либо добуду себѣ славы. На братьевъ-же моихъ, клянусь Богомъ! я не умышлялъ ничего злого; за гордость мою низложилъ меня Господь и смирилъ“.

Однако же Давидъ не выпустилъ Василька изъ тюрьмы, а далъ ему волю только тогда, когда братъ Василька, Володаръ, принудилъ его къ тому силою.

Выпущенный на волю, Василько, хотя и слѣпой, тотчасъ же принялся мстить Давиду и принудилъ его выдать тѣхъ людей, которые подучили Давида на злое дѣло. Василько повѣсилъ этихъ людей и велѣлъ разстрѣлять ихъ стрѣлами. Много перебилъ онъ и невинныхъ, мстя Давиду за свое ослѣпленіе.

Изъ этого разсказа объ ослѣпленіи Василька мы уже можемъ заключить, что Владиміръ, прозванный Мономахомъ, былъ очень умный, справедливый и добрый князь, любилъ народъ и заботился о благѣ всей Русской земли. Вотъ почему, по смерти Святополка (1113 г.), киевляне, собравшись на совѣтъ, объявили, что не хотятъ имѣть другого князя, кромѣ Владиміра, и послали звать его на престолъ великокняжескій.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

(1113—1125).

Одинъ изъ внуковъ Ярослава, Владиміръ, прозванный Мономахомъ, много послужилъ Русской землѣ еще при отцѣ своемъ, Всеволодѣ Ярославичѣ, и потомъ въ княженіе своего брата Святополка. По всей Руси извѣстенъ былъ Мономахъ своимъ миролюбіемъ, вѣрностію своему слову, любовью къ народу, милосердіемъ къ бѣднымъ, справедливостію ко всѣмъ, гостепріимствомъ, дѣятельностію, благочестіемъ, великимъ умомъ и великимъ мужествомъ. Не разъ отражалъ онъ набѣги половцевъ, не разъ билъ ихъ и въ самыхъ степяхъ; болѣе ста половецкихъ хановъ полонилъ и выпустилъ на волю, болѣе двухъ сотъ перебилъ и утопилъ. Такъ, въ 1103 году сошелся Владиміръ съ великимъ княземъ Святополкомъ и сталъ думать съ нимъ, какъ бы имъ напасть на половцевъ, которые во время раздоровъ дѣтей и внуковъ Ярослава разорили много городовъ, построенныхъ по

окраинамъ степи, врывались и въ самый Кіевъ. Дружина Святополка стала говорить, что не годится весною отнимать земледѣльцевъ отъ пашни и отбирать отъ нихъ лошадей. „Странно мнѣ, сказалъ на это Владиміръ, что жалѣете вы лошади, которою пашетъ пахарь, а того не думаете, что начнетъ пахарь орать, а половчанинъ пріѣдетъ, убьетъ пахаря стрѣлою, возьметъ и лошадь, а вѣхавъ въ село, возьметъ и жену пахаря, и дѣтей его, и все его имѣніе. Вамъ жаль лошади пахаря, а самого его, видно, не жаль!“ На это ничего не могла отвѣчать дружина Святополка; а Святополкъ всталъ и сказалъ: „Я готовъ идти съ тобою“.— „Великое добро сдѣлаешь, братъ, ты землѣ Русской“, отвѣчалъ ему Владиміръ. И послали они приглашать другихъ князей, изъ которыхъ одни согласились идти съ ними, а другіе отказались.

Однако же войска собралось довольно, и пошли русскіе внизъ по Днѣпру, на коняхъ и въ лодкахъ, и остановились пониже пороговъ, у острова Хортицы, который не разъ былъ сборнымъ мѣстомъ нашихъ степныхъ походовъ. Отсюда пошли они въ глубь степей, къ самому Дону, куда заходилъ только одинъ Святославъ. На берегахъ Сала, рѣчки, впадающей въ Донъ, русскіе сошлись съ главными толпами половецкими. Половецъ было такъ много, что нельзя было и обозрѣть, и полки половецкіе, какъ боровы, двинулись на русскихъ. Но русскіе дрались мужественно, такъ что ужасъ нашелъ на половцевъ и разбѣжались они куда попало. Русскіе же преслѣдовали ихъ по степи и убили до 20 хановъ, а одного изъ нихъ, Бельдюзя, взяли въ плѣнъ и привели къ Святополку. И началъ Бельдюзь давать за себя и золота, и серебра, и камней, и скота много; но Святополкъ отослалъ его къ Владиміру. „Ты вѣдъ зналъ“, сказалъ хану Владиміръ, „что вы клялись не воевать Русской земли; зачѣмъ же ты не уговаривалъ людей своихъ и племя свое не преступать клятвы; а еще и самъ проливаешь кровь христіанскую?“ и велѣлъ убить его.

Слухъ объ этой побѣдѣ разнесся не только по Руси, но и въ чужихъ земляхъ, и еще болѣе возвеличилъ имя Владиміра.

Вотъ почему, когда умеръ Святополкъ, киевляне никого не хотѣли имѣть своимъ княземъ, кромѣ Владиміра Мономаха, и въ

Кіевѣ сдѣлался даже бунтъ, такъ какъ Владиміръ медлилъ принять Кіевскій престолъ.

При Владиміръ Мономахѣ Русь успокоилась: междоусобія прекратились, потому что младшіе князья повиновались Владиміру, какъ отцу, а кто пытался заводить междоусобія, того онъ наказывалъ, отнимая удѣль.

Владиміръ оставилъ дѣтямъ своимъ длинное поученіе, изъ котораго можно видѣть, какъ жилъ этотъ дѣятельный князь.

„Всѣхъ большихъ походовъ моихъ, пишетъ Владиміръ, было 83, а меньшихъ и не упомню. Двадцать разъ безъ одного заключилъ я миръ съ половцами еще при отцѣ, а потомъ безъ отца; сто князей половецкихъ выпустилъ изъ плѣна, а до двухъ сотъ перебилъ и потопилъ. Много трудился я на охотѣ, по сту туровъ (зубровъ) уганивалъ въ лѣто, вязалъ дикихъ коней своими руками по десяти и двадцати. Два тура метали меня на рогахъ и съ конемъ; олень бодаль; одинъ лось топталъ ногами, а другой бодаль; дикій кабанъ сорвалъ у меня мечъ; медвѣдь прокусилъ попону у самага колѣна; лютей звѣрь вскочилъ на меня и опрокинулъ коня подо мною;— но Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Сколько разъ падалъ я съ коня! дважды разбилъ себѣ голову; повреждалъ руки и ноги и не берегъ головы своей съ юности. Что нужно было дѣлать отрокамъ моимъ, то я дѣлалъ самъ, на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, въ зной и холодъ, не давая себѣ покою. Не надѣялся я ни на посадниковъ, ни на бирючей, а самъ дѣлалъ все, что было надобно. Не давалъ я обидѣть убогой вдовицы и бѣднаго пахаря; самъ заботился о церковной службѣ. Но не думайте, дѣти, или тотъ, кто прочтетъ мое завѣщаніе, что я хвастаюсь: нѣтъ, только хвалю Бога и прославляю милость Его, что Онъ столько лѣтъ соблюдалъ меня грѣшного отъ всякой смертельной опасности и сотворилъ меня не лѣнивымъ на всякое дѣло, потребное человѣку. Такъ и вы, дѣти мои, смерти не бойтесь ни на войнѣ, ни на охотѣ; но творите всякое дѣло, приличное мужчинѣ, какъ вамъ Богъ дастъ. Если не суждено Богомъ, то не погибнете вы ни на войнѣ, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни съ коня упавши; а если смерть назначена отъ Бога, то не спасутъ васъ ни отецъ, ни мать, ни братья!“

Кромѣ того, Владиміръ въ поученіи своемъ даетъ дѣтямъ разныя совѣты, изъ которыхъ видно, какъ этотъ князь смотрѣлъ на обязанности князя и человѣка. „Нигдѣ и никогда, говоритъ онъ, не забывайте Господа и уповайте на Него; покаяніе, слезы и милостыня — не тяжкая заповѣдь Божія, а ею вы избавитесь отъ грѣховъ и царствія Божія не лишитесь. Больше же всего не забывайте убогихъ, кормите ихъ, сколько можете, и одарите сироту, а вдовицу оправдайте сами, не отдавая ея во власть сильнаго человѣка. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго и не повелѣвайте убить, если даже будетъ повиненъ смерти: не губите ни одной христіанской души. Не клянитесь по напрасну; а давши клятву, соблюдайте ее строго. Уважайте духовенство; оно молится за насъ; но болѣе всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ. Всѣ мы смертны, — сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что есть у насъ, не наше, а дано намъ Богомъ на малое время; а потому не хороните вашихъ богатствъ въ землю — это великій грѣхъ. Старика уважайте, какъ отца; молодого, какъ брата. Дома сами за всѣмъ смотрите, не полагаясь на другихъ, чтобы тотъ, кто приходитъ къ вамъ, не посмѣялся надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ вашимъ. Выйдя на войну, не полагайтесь на воеводу, не думайте о снѣ, пицѣ и питьѣ, а сами разставляйте стражу и не ложитесь спать прежде, чѣмъ все устроите. Ложитесь тутъ-же съ воинами и не снимая съ себя оружія: отъ безопасности нерѣдко гибнетъ человѣкъ. Проходя по селамъ, не позволяйте своимъ людямъ никого обижать, чтобы васъ не проклинали. Кормите странника, чествуйте гостей: они разносятъ о насъ добрую и худую славу. Больного посѣтите, мертвеца проводите, и всякому встрѣчному человѣку скажите привѣтливое слово. Что знаете, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь: отецъ мой, сидя дома, выучился пяти языкамъ. За знаніе славятъ насъ въ чужихъ земляхъ;—лѣнивый же забудетъ и то, что знаетъ. Пусть не застаютъ васъ солнце въ постели. Такъ дѣлалъ отецъ мой: отелушавъ заутреню и встрѣтивъ солнце хвалою Господу, садился думать съ дружиною, или давать судъ людямъ, или ѣхалъ на охоту, а въ полдень ложился отдыхать. Спать уже отъ Бога

присуждено полдню, и въ полдень спитъ и звѣрь, и птица, и человѣкъ“.

Мономахъ скончался въ 1125 году, оставивъ по себѣ многочисленную и сильную семью, изъ которой вышли князья Владимірскіе, а потомъ князья и цари Московскіе.

НАШИ ДРЕМУЧИЕ ЛѢСА.

Все лѣсъ, да лѣсъ: и вчера, и сегодня, и завтра, и цѣлую недѣлю лѣсъ, безъ перерыву, надоѣлъ смертельно! И тоска неволью схватываетъ душу въ этой лѣсной пустынѣ.

Я ѣхалъ верхомъ по грязной лѣсной дорогѣ. Лошадь моя то едва вытаскивала ноги изъ грязи, то спотыкалась о корни деревьевъ, то останавливалась передъ громадною сосною, которой вздумалось улечься поперекъ самой дороги. Ямщикъ мой ѣхалъ въ телѣгѣ; но я давно уже отказался отъ этого удовольствія, потому что тряска измучила меня. Особенно, какъ застучать колеса по сгнившей бревенчатой мостовой, то подумаешь, что душа съ тѣломъ разстается. Такіе мосты, вѣроятно, мостили изъ Кіева въ Новгородъ, когда Владиміръ собирался на непокорнаго Ярослава.

Но вдругъ въ глуби лѣса слышно журчанье ручья, и мы скоро выѣзжаемъ на уютный бревенчатый мостикъ, подъ которымъ свѣтлая струйка воды шумитъ по каменному *перебору*: такъ называютъ здѣсь маленькіе порожки изъ большихъ булыжниковъ, между которыми пробиваются лѣсные рѣчки и ручьи.

Слава Богу! Неспосный лѣсъ, кажется, начинаетъ рѣдѣть. Промежду толстыхъ, прямыхъ, какъ колонны, стволовъ сосенъ и лиственницъ проглядываетъ небо, которое давно уже я вижу только надъ собою. Тороплю лошадь и выѣзжаю на большую *луговину*, поросшую ярко-зеленой травой; но отчего это лошадь моя косятся на эту бархатную траву?—Увы! Этотъ зеленый лугъ—не больше какъ бездонное болото, только сверху поросшее мхомъ и травой.

Дорога идетъ по высохшимъ кочкамъ и по наброшенному *фашишнику*; но я слышу, какъ она качается подъ ногами лошади. Вдали, посреди болота, видна открытая вода. Вотъ это наши

русскіе *ледники*—источники нашихъ безчисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ. Лѣсъ своими вершинами привлекаетъ облака, а съ ними и дожди, и защищаетъ влажную землю отъ иссушающаго вліянія солнца и вѣтра. Вырубите лѣсъ—и черезъ нѣсколько лѣтъ болото превратится въ кочковый лугъ, ручьи начнутъ мелѣть и многіе потомъ совсѣмъ изсякнутъ; въ Божіемъ мірѣ все имѣетъ свое назначеніе: безъ дремучихъ лѣсовъ, которые миѣ такъ надоѣли, не было бы тѣхъ рѣкъ, по которымъ плаваютъ безчисленныя барки.

Но вотъ лѣсъ опять поглотилъ меня и моего проводника, спокойно дремавшаго на телѣгѣ, подпрыгивающей на поларшина. Какая глушь! Даже птицъ не слышать ни одной; только бѣлка иногда перепрыгнетъ съ вѣтки на вѣтку, да вдали что-то затрещитъ: видно Мишка пробирается къ себѣ домой, въ берлегу. Дорога видимо поднимается въ гору; но отъ этого нисколько не становится суше, напротивъ, еще грязнѣе. Мы поднимаемся на одинъ изъ тѣхъ *уваловъ*, которые ползутъ, какъ вѣтки, отъ Уральскаго хребта, покрытые болотистыми лѣсами, и поятъ безчисленныя рѣки и рѣчки. Вотъ мы и на вершинѣ увала. Мой проводникъ не даромъ говоритъ, что здѣсь дрались лѣшіе. На пространствѣ нѣсколькихъ верстъ вокругъ лежатъ громадныя деревья, вывороченныя съ корнемъ, перепутанныя вершинами и сучьями. По здѣшнему это называется *ломомъ*. Вѣроятно, эти ломы происходятъ отъ того, что лѣсъ на увалахъ выдвигается своими вершинами изъ общаго лѣснаго уровня и представляетъ удобный упоръ для вѣтра. Сколько гигантскихъ мачтовыхъ деревьевъ гниетъ здѣсь понапрасну! Но куда и какъ ихъ вывезти? Много *подстойнаго* лѣсу гибнетъ даромъ въ нашихъ сѣверовосточныхъ лѣсныхъ трупобахъ, тогда какъ въ степи, за немѣнѣемъ дерева, топятъ соломой или *кизякомъ* и лѣпятъ мазанки изъ глины и тростника.

Благодаря огромному лому и вершинѣ увала, передо мной открылся далекій горизонтъ, котораго я давно уже не видѣлъ. И что за оригинальный видъ! Все лѣсъ да лѣсъ кругомъ, куда ни помотришь: то поднимается, то опускается по уваламъ до самаго горизонта—цѣлое зеленое море лѣса! А вонъ на *лысинѣ* раскинулось по берегу рѣчки и то село, куда я ѣду. Село большое, съ красивою

каменной церковью. Вокруг видно нѣсколько выселковъ или *починковъ*, какъ ихъ здѣсь называютъ; иной починокъ и весь-то изъ трехъ-четырехъ вновь срубленныхъ избъ. Когда-то и это село было такимъ-же починкомъ, а со временемъ и эти починки превратятся въ такія-же села и разошлуть отъ себя по лѣсу новые выселки и починки. Топоръ, коса и соха прилежно работаютъ вокругъ cadaго поселенія; можетъ быть, лѣтъ черезъ сто или побольше, населеніе расплзется и въ этомъ мѣстѣ. Разноцвѣтныя нивы разлягутся по уваламъ, зеленые луга по берегамъ рѣчекъ; между селами и поселками пробѣгутъ дороги и дорожки, а лѣсъ превратится въ зеленые *острова*, боры и рощи. Словомъ, можетъ быть, лѣтъ черезъ сто или больше наши внуки увидятъ здѣсь то же, что мы видимъ теперь въ серединѣ Россіи, гдѣ-нибудь на берегахъ Оки. Вѣдь и тамъ прежде стояли такіе же непроглядные лѣса, по которымъ бродили чудскія племена, промышлявшія охотою. Пришелъ русскій крестьянинъ и, мало-по-малу, превратилъ дремучіе лѣса въ поля и луга, а лѣсную глушь въ населенную, оживленную мѣстность.

Отъ увала дорога пошла по берегу порядочной рѣчки, и стало замѣтно посуше. Рѣчки въ лѣсахъ служатъ вмѣсто осушающихъ каналовъ, и потому возлѣ нихъ всегда можно отыскать сухое мѣстечко. — Однако же пора на ночлегъ: и лошадь пристала, и мнѣ сильно захотѣлось отдохнуть.

АНДРЕЙ ВОГОЛЮВСКІЙ.

(1169—1174).

Самое древнее поселеніе славянъ въ Россіи было, вѣроятно, въ плодородной приднѣпровской равнинѣ. Но наши предки любили жить широко и, размножаясь, стали расселяться на сѣверъ и на востокъ. На сѣверъ расселились они по берегамъ Западной Двины, Ловати, Ильмена и Волхова, гдѣ хотя климатъ былъ суровѣе и почва не такъ плодородна, но за то многочисленныя озера и рѣчки представляли большое удобство для судоходства и торговли.

На востокъ распространились Славяне вверхъ по Деснѣ, притоку Днѣпра, и внизъ по Окѣ, притоку Волги. Уже Святославъ нашель на Окѣ славянское племя Вятичей и обложилъ его данью.

Съ Оки и съ береговъ Ильмена, изъ Новгородской области, славянскія поселенія распространились по верхнему теченію Волги.

Но чѣмъ далѣе отъ Днѣпра къ сѣверо-востоку, тѣмъ населеніе было скуднѣе, города и села рѣже, лѣса гуще, а болота непроходимѣе. По лѣсамъ бродили чудскія племена, занимались звѣроловствомъ; иныя же построили кое-какіе города и вели съ новгородцами торговлю. Скоро однако славяне повсюду вытѣснили Чудь, которая или уходила дальше, или, оставаясь возлѣ русскихъ, русѣла: принимала русскій языкъ и русскіе обычаи. Однако же эта сѣверовосточная область, названная Суздальскою, по главному своему городу Суздалью, считалась самымъ бѣднымъ удѣломъ, а потому и досталась младшему сыну Владиміра Мономаха, Юрію

Юрій былъ князь дѣятельный: строилъ въ своей области города, прокладывалъ по лѣсамъ дороги; обращалъ язычниковъ въ христіанство и переселилъ въ свою область жителей изъ южной Россіи или добровольно, или плѣнныхъ. Однако же Юрій, котораго прозвали *Долгорукимъ* за то, что онъ изъ Суздаля добивался и добился наконецъ Кіева, переѣхалъ туда, какъ только сдѣлался великимъ княземъ, оставивъ Суздальскую область своему сыну Андрею.

Андрей, по смерти отца, принялъ титулъ великаго князя, остался жить въ Суздальской области и сумѣлъ оттуда владѣть Кіевомъ и смирить Великій Новгородъ. Взявъ Кіевъ приступомъ, Андрей, первый изъ русскихъ князей, отдалъ его на разграбленіе войску и поручилъ тамъ управлять своему брату.

Андрей былъ самовластнаго характера; онъ не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ своимъ, ни племянникамъ, — вездѣ управлялъ самъ, и не позволялъ вмѣшиваться ни боярамъ, ни городскимъ вѣчамъ въ свои дѣла. Вотъ почему не взлюбилъ Андрей и старыхъ городовъ, гдѣ старинные бояре и городскія вѣча привыкли вмѣшиваться въ дѣла управленія. Андрей по захотѣлъ жить не только въ Кіевѣ, но даже въ Суздаль и Ростовѣ, а переѣхалъ въ новый городъ Владиміръ. Здѣсь, проживая по большей части около Владиміра въ монастырѣ Боголюбовѣ, заботился онъ объ усиленіи

и украшеніи Владиміра, и хотѣлъ его сдѣлать такимъ же городомъ, какъ Кіевъ: построилъ въ немъ Золотыя ворота и храмъ Богоматери, на подобіе кіевскихъ, и не жалѣлъ денегъ на украшеніе церквей. Духовенство его очень любило; но не любили Андрея Боголюбскаго старинные бояре и рады были отъ него избавиться, потому что князь былъ строгъ съ ними.

Одинъ изъ братьевъ жены князя, Якимъ Кучковичъ, узнавъ, что Андрей велѣлъ за какое-то преступленіе схватить его брата и казнить, сталъ говорить своимъ родственникамъ и друзьямъ: „Сегодня князь казнить одного, а завтра дойдетъ очередь и до насъ; слѣдуетъ намъ подумать, какъ бы отъ него отдѣлаться“. Составился заговоръ изъ 20 человекъ, которые все были близки къ князю и осыпаны его милостями. Въ день празднованія памяти апостоловъ Петра и Павла, заговорщики ночью пришли въ село Боголюбово, гдѣ жилъ тогда великій князь, вломились въ монастырскій дворъ, перебили стражу и подошли къ великокняжеской спальнѣ, дверь которой была заперта. Когда убійцы стали выламывать дверь, князь вскочилъ и сталъ искать меча своего, но меча не было. Ключникъ великаго князя, бывшій въ заговорѣ, унесъ мечъ; а былъ то мечъ замѣчательный: принадлежалъ онъ прежде святому мученику Борису. Убійцы толпою ворвались въ спальню; но князь былъ силенъ, защищался, и началась страшная свалка, такъ что заговорщики убили одного изъ своихъ. Потомъ, однако, узнавъ князя, стали рубить мечами и саблями, и, думая, что онъ уже мертвъ, подобрали убитаго товарища и ушли. Но князь еще былъ живъ. Онъ поднялся, началъ стонать и, истекая кровію, сталъ спускаться съ лѣстницы. Убійцы услышали стоны князя, воротились назадъ, зажгли свѣчку, по кровавымъ слѣдамъ отыскали Андрея подъ лѣстницею, за столбомъ, и здѣсь докончили его. Такъ погибъ этотъ умный и мужественный князь.

Можно думать, что еслибы Андрей пожилъ подольше, то удѣльная система, приносившая столько вреда Россіи, еще при немъ была бы подкопана. Но по смерти Андрея немедленно же начался междоусобіе между его братьями и племянниками. За племян-

никовъ стояли старинные города: Ростовъ и Суздаль, желавшіе отнять первенство у молодого города Владиміра, который изъ пригорода сдѣлался стольнымъ городомъ. „Владимірцы наши холопы и каменщики, говорили Ростовцы: и мы опять дадимъ имъ посадника“. Но Владимірцы отстояли свое первенство и права братьевъ Андрея. Одинъ изъ этихъ братьевъ, Всеволодъ III, одолѣлъ всехъ соперниковъ и сдѣлался самымъ могучимъ княземъ въ сѣверо-восточной Руси. Однако же власть надъ Кіевомъ была уже навсегда утрачена, и съ тѣхъ поръ южная или малая Россія стала отдѣляться отъ восточной.

Всеволодъ III, по отцу Юрьевичъ, по дѣду Мономаховичъ, получилъ прозваніе „большого гнѣзда“, потому что имѣлъ многочисленное семейство; и изъ этой-то семьи вышли великіе князья, а потомъ и цари московскіе.

НАШИ СТЕПИ.

Отличительный признакъ степи — отсутствіе деревьевъ; ѣдешь десятки, сотни верстъ, и взоръ, скользя по степи до самаго горизонта, не встрѣчаетъ нигдѣ не только синей, зубчатой полосы лѣса, но даже купы деревьевъ, даже какой-нибудь уединенной вербы или березы. Скучна покажется степь для человѣка, привыкшаго жить въ Малороссіи, гдѣ возлѣ каждого бѣло-набѣло вымазаннаго домика есть и старая липа, и десятка два плодовыхъ деревьевъ; гдѣ городки и села точно купаются въ зелени. Скучна покажется она и для жителей Великой Россіи, гдѣ поля безпрестанно смѣняются рощами, луга перелѣсками, и на горизонтѣ непременно тянется синій лѣсъ. Только въ степи начинаешь понимать, какъ украшаетъ вѣтвистое дерево всякій ландшафтъ.

Степная деревня не выглядываетъ на васъ изъ-за лѣсу или рощи, но какъ-то безпріютно разлеглась она на степи и окружена со всехъ сторонъ тою же степью. Вы слѣдите далеко за извилами степной рѣки, и нигдѣ не видите на берегу ея высокихъ, наклонившихся въ воду деревьевъ. Степное озеро открыто со всехъ сторонъ: какъ будто на ладони лежитъ оно передъ вами, а по бере-

гамь торчат кусты высокой степной полыни и шуршат камыши. Посреди озера гуляет цѣлое стадо утокъ, но охотнику трудно подкрасться къ нимъ.

Однако же и степь степи рознь. Иная степь вся покрыта роскошною, высокою травой, въ которой дребезжитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ; надъ степью то и дѣло вспархиваютъ перепелки, трепещутся звонкіе жаворонки, а высоко, въ синемъ воздухѣ, плавно носятся зоркіе орлы и коршуны. Милліоны цвѣтовъ разсыпаны по такой степи, рѣдко по одиночкѣ, а больше коврами—синими, красными, желтыми, или серебристыми, если гдѣ развелась ковыль. Таковы многія изъ нашихъ тучныхъ, черноземныхъ Новороссійскихъ степей. Холмистою равниною тянутся онѣ къ югу отъ береговъ Десны и Сулы и доходятъ до побережья Чернаго и Азовскаго морей, пропитанныхъ солью, песчаныхъ и бесплодныхъ. Таковы наши Воронежскія степи и степи по обоимъ берегамъ Дона, гдѣ раскиданы станицы Донскихъ казаковъ.

Но за Дономъ, до Волги, начиная съ того мѣста, гдѣ обѣ эти рѣки такъ близко подошли одна къ другой, что ихъ связала желѣзная дорога въ 60 вереть, и до береговъ Чернаго и Азовскаго морей и предгорій Кавказа, видъ степи сильно измѣняется: она здѣсь несчастнѣе, пустыннѣе, бесплоднѣе. Здѣсь часто можно заѣхать въ такую глушь, что куда ни взглянешь, повсюду песокъ да песокъ—поднимается и опускается холмами, будто волны песчанаго моря. Если вѣтеръ разгуляется по такой степи,—а ему есть гдѣ разгуляться,—то эти волны песку переносятся съ мѣста на мѣсто, и плохо приходится путнику въ такое время. Иногда, вмѣсто мелкаго песку, степь покрыта крупнымъ, каменистымъ *хрящемъ*, который рѣжетъ ноги лошадей и верблюдовъ. Есть въ этой мѣстности и травянистыя мѣста, особенно тамъ, гдѣ весной разливаются рѣки и рѣчки; но, къ несчастію для кочующихъ здѣсь калмыковъ, такихъ рѣкъ и рѣчекъ не очень много.

Такова же степь и за Волгой до Урала; но здѣсь она пропитана солью, и часто попадаются блестящіе на солнцѣ *солончаки* и

соляныя озера. Самыя замѣчательныя изъ этихъ озеръ—*Баскунчакское* и *Елтонское*. Поселеній мало по этимъ степямъ, а больше кочуютъ киргизы и калмыки.

Сѣвернѣе, ближе къ *Общему Сырту*, тамъ, гдѣ эти отроги Уральскихъ горъ входятъ въ степи, характеръ степей измѣняется. Здѣсь гораздо больше травы, хотя не высокой, но хорошо питающей многочисленныя башкирскія стада. Вы взбираетесь съ горы на гору, и видите повсюду ту же безграничную, безлѣсную степь. Она вѣчно одна и та же, подымается на вершины и опускается внизъ: какъ-будто какая-нибудь подземная сила взволновала эту зеленую скатерть, не разорвавъ ее нигдѣ.

Чѣмъ дальше вверхъ по Волгѣ, тѣмъ больше встрѣчается селъ и обработанныхъ полей. У Саратова степь уже превращается въ луга и тучныя поля, покрытыя пшеницей.

Вся юго-западная часть Сибири, отъ Урала до Алтая, и вся средняя Азія, отъ Алтайскихъ горъ на сѣверѣ, до Гималайскихъ на югѣ, за которыми лежитъ богатая Индія, отъ Каспійскаго моря на западѣ, до Китайской стѣны на востокъ—одна степь, кое-гдѣ перерѣзанная высокими горными хребтами; есть гдѣ разгуляться кочевымъ пастушескимъ народамъ! По горнымъ склонамъ, оживленнымъ ручьями и рѣками, теряющимися потомъ въ пескахъ, есть и города, и плодородныя мѣстности; но чѣмъ дальше отъ горъ въ степную глушь, тѣмъ рѣже попадаются покрытыя травой острова и оазисы, и тѣмъ большіе переходы должна дѣлать кочевая орда, когда, вытравивъ одну зеленую степь, ищетъ другой для своихъ многочисленныхъ стадъ. Стада же составляютъ все для кочевого челоуѣка; и когда киргиза уговариваютъ распахать землю и посеять хлѣбъ, то онъ съ гордостью отвѣчаетъ: „траву Богъ создалъ для скота, а скотъ создалъ для челоуѣка“.

ПОХОДЪ ИГОРЯ, КНЯЗЯ НОВГОРОДСѢВЕРСКАГО.

(1185 г.).

Въ 1184 и 1185 годахъ половцы нападали на Русь, но были жестоко разбиваемы кіевскимъ княземъ Святославомъ. Въ этихъ

славныхъ битвахъ не принималъ участія молодой новгородсѣверскій князь, Игорь Святославичъ;—не потому не принималъ, чтобы онъ отрекался идти на *поганыхъ* (такъ зовутъ лѣтописцы половцевъ): „не дай Богъ отрекатся“, говорилъ Игорь: „поганые намъ общій врагъ!“—но единственно потому, что не могъ же онъ перелетѣть птицею изъ Новгородсѣверска на мѣсто битвы. Поѣхалъ было даже князь, не смотря на убѣжденія старѣйшихъ изъ дружины, что ѣхать далеко, и къ битвѣ онъ не поспѣетъ; но помѣшали ему сильные степные туманы, и онъ на дорогѣ узналъ, что половцы уже ушли въ степь.

Побѣды Святослава не давали покоя удалому Игорю и его братьямъ, сѣверскимъ князьямъ.

„Развѣ мы также не князья?“ сказалъ Игорь: „пойдемъ и мы, добудемъ себѣ чести и славы!“ и сталъ готовиться къ походу; велѣлъ своему юному сыну, Владиміру, вести къ нему дружину изъ Путивля; велѣлъ племяннику своему Святославу спѣшить изъ Рыльска; выпросилъ себѣ въ помощь отрядъ черниговскихъ воиновъ; оповѣстилъ и своего младшаго брата Всеволода, князя трубчевскаго, прозваннаго *буйнымъ туромъ* за свою неукротимость въ битвахъ; не далъ только Игорь знать въ Кіевъ старому Святославу, великому князю кіевскому: боялся Игорь, что Святославъ станетъ удерживать его отъ похода, или захочетъ самъ принять въ немъ участіе.

Не долго ждалъ Игорь отвѣта отъ своего милаго брата, Всеволода Трубчевскаго.

— Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ, свѣтъ Игорь; оба мы съ тобою Святославичи! извѣщаетъ Игоря Буй-Туръ-Всеволодъ: сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, осѣдланы стоятъ у Курска. Курыне, мои молодцы, тебѣ извѣстны. Ихъ спивали подъ звуки трубъ, подъ шлемами они выросли, концомъ копья вскормлены. Имъ вѣдомы всѣ степныя дороги, знакомы всѣ степныя овраги; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли отточены; сами же они, какъ сѣрые волки, рыщутъ по полю, ищутъ себѣ чести, а князю славы.

Кони ржутъ за Сулою, трубятъ трубы въ Новгородсѣверскѣ, подняты стяги въ Путивлѣ; Игорь вступилъ въ свое золотое стремя, сѣхалъ съ горъ новгородсѣверскихъ и выѣхалъ съ дружиною въ чистое поле. Медленно подвигается онъ впередъ, собирая по дорогѣ дружину, поджидая князей. Вотъ онъ уже на берегахъ Малаго Донца, по пути къ великому Дону. Но что это дѣлается на небѣ? Солнцу еще далеко до заката, а ночная тьма легла внезапно на поля и рощи; птицы въ страхѣ кричатъ и мечутся въ воздухѣ, воли ревуть въ стадахъ, кони ржутъ и поднимаются на дыбы; изумленный Игорь смотритъ на небо—и видитъ, что солнце закрылось какимъ-то чернымъ щитомъ.

— Что это значить, братцы? спрашиваетъ князь у своей дружины.

— Не добрый знакъ, князь! говорятъ старѣйшіе изъ дружины, печально опуская головы: не добро сулитъ намъ это небесное знаменіе.

На минуту призадумался Игорь; но ему такъ сильно хотѣлось попытать счастья на берегахъ великаго Дона, что онъ не испугался даже и страшнаго знаменія, и когда солнце опять засіяло на небѣ, сказалъ дружинѣ:

— Чему быть, тому не миновать! Богъ—Господинъ всеѣмъ намъ и этому знаменію; посмотримъ, что пошлетъ Онъ намъ, добро или зло. Сядемте-жь, братцы, на своихъ добрыхъ коней и пойдемъ посмотрѣть синяго Дона. Хочу сломать копьѣ мое о край половецкой земли? Хочу либо сложить мою голову, либо шлемомъ моимъ зачерпнуть воды изъ широкаго Дона.

Двинулись русскіе далѣе. Дни стояли пасмурные; ночью ревели бури, такъ что птицы отъ страха вылетали изъ гнѣздъ, а зловѣщій филинъ наводилъ тоску своимъ крикомъ. Но Игорь, соединившись съ своимъ братомъ Всеволодомъ, идетъ все дальше и дальше. Вотъ уже Игорева дружина за границею Русской земли, за высокимъ Половецкимъ валомъ: за нимъ стелется безграничная, пустынная, враждебная степь—степь половецкая. Голоса соловьевъ замолкли въ русскихъ рощахъ, только-что одѣтыхъ весеннею зеленью; а степные орлы уже носятся надъ Игоревой

дружиною и клетотомъ своимъ будто сзываютъ дикихъ звѣрей на кровавый пиръ; крикливыя галки застилаютъ небо черными стаями и слѣзять за русскими, чужа кровавую добычу; волки воютъ въ степныхъ оврагахъ, а степныя лисицы, показываясь вдали, лаютъ на красныя щиты Игоревой дружины; но она, сомкнувшись стройными рядами, уходитъ все дальше и дальше въ безбрежную степь, ища себѣ чести, а князю славы.

Послали удалцовъ впередъ, въ степь — развѣдать, что дѣлаютъ половцы. Развѣдчики, воротясь, сказали князьямъ: „половцы всполошились, ихъ много, и они готовятся къ битвѣ: или идите скорѣй, или воротитесь назадъ, — теперь не наше время“.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Игорь и другіе князья, ворочаться поздно; стыдъ хуже смерти. Пойдемъ дальше; что Богъ дастъ, то и будетъ.

Бѣжали не быстро: кони у русскихъ были слишкомъ тучные; бѣжали весь день и всю ночь, и только на другой день къ обѣду встрѣтили полки половецкіе. Битва продолжалась не долго; перваго молодецкаго натиска не выдержали поганые и кинулись бѣжать къ своимъ вѣжамъ (кочевьямъ). Русскіе пошли въ погону за половцами. Всполошилась вся половецкая степь: поспѣшно собираютъ половцы свои кибитки, укладываются наскоро, какъ попало, гонятъ скотъ, и, не разбирая дороги, напрямикъ бѣгутъ къ великому Дону. Повсюду распространилась тревога, и въ полночь половецкія телѣги скрипятъ по степи, словно распуганное стадо лебедей. Бѣгутъ половцы, а русская дружина въ погону за ними, — рассыпалась стрѣлами по полю: ловить плѣнныхъ, беретъ награбленное золото, парчи, дорогія ткани; столько набрали добычи, что половецкими войлоками и шубами гатили болота, устилали топи.

Только ночь остановила преслѣдованіе. Русскіе расположились отдыхать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стояли половецкія кибитки. Три дня пировали русскіе, пировали и хвалились: „братья наши съ княземъ Святославомъ били половецвъ, озираясь на Переяславль, не смѣя идти въ землю половецкую; мы же сами зашли сюда, въ самую середину половецкой земли, поганыхъ пере-

били, женъ и дѣтей ихъ переловили; а теперь пойдемъ за Донъ, дойдемъ до самаго моря, куда не ходили ни отцы, ни дѣды наши; перебьемъ поганыхъ до одного и до конца возьмемъ себѣ всю славу и честь“.

Такъ-то отдыхали посреди половецкихъ степей внуки храбраго Олега Черниговскаго, птенцы одного родимаго гнѣзда. Далеко, далеко залетѣло ты, храброе гнѣздо Олегово! Но... не на обиду порождено оно ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половецанинъ!

Ханъ половецкій Гзакъ рыщетъ по степи сѣрымъ волкомъ, собирая отовсюду своихъ распуганныхъ половецвъ; ханъ половецкій Кончакъ править ему путь къ великому Дону.

На третій день встаетъ надъ степью кровавая заря, поднимаются съ моря черныя тучи, трепещутъ въ нихъ синія молніи: быть грому великому; идти дождю стрѣлами надъ Дономъ великимъ; много переломится копій, много иступится сабель о половецкіе шлемы — на рѣкѣ на Каялѣ, у великаго Дона.

Земля стонетъ, рѣки мутятся, пыль столбомъ стоитъ на степи: половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, оглашаютъ степь пронзительнымъ крикомъ; какъ черныя тучи, облекли они русскихъ со всѣхъ сторонъ; со всѣхъ сторонъ стоятъ, какъ стѣны, половецкіе полки.

— Чтожъ, братцы! мы сами этого некали, сами подняли на себя всю половецкую землю, сказалъ Игорь, вынимая изъ ноженъ свой широкій мечъ; если побѣжимъ, то простыхъ людей оставимъ и будетъ на насъ тяжелый грѣхъ; умремъ ли, будемъ ли живы, — но вмѣстѣ.

И началась кровавая сѣча.

Буй-Туръ-Всеволодъ со своими курынами впередъ всѣхъ; онъ прыщетъ на половецвъ стрѣлами, гремитъ объ ихъ шлемы стальными мечами; куда только Буй-Туръ ни кинется, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ валяются половецкія головы, разлетаются въ щепы крѣпкіе аварскіе шлемы. Чего побоятся Буй-Туръ, когда онъ все забылъ для славы, и родимый городъ — Черниговъ, и золотой престолъ своего отца, и свою милую жену, красавицу Глѣбовну?

Тяжело раненъ въ руку Игорь, но держится онъ еще на конѣ и ободряетъ воиновъ.

Съ утра до вечера и съ вечера до утра летятъ каленныя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещать стальные копья посреди необозримой глухой степи половецкой. Почернѣла зеленая степь подъ копытами лошадей; усѣяна она трупами, полита кровью... тяжелая печаль взойдетъ на ней для всей Русской земли!

Русскіе изнемогаютъ отъ усталости и жажды; половцы не пускаютъ ихъ зачерпнуть воды изъ рѣки Каялы. Пробились русскіе къ водѣ, но дорого это имъ стало: половцы прижали ихъ со всѣхъ сторонъ къ самому берегу. Много уже пало добрыхъ витязей; но бьются еще русскіе, живъ еще Игорь, буйнымъ туромъ носится еще Всеволодъ.

Бились день, бились другой, — на третій день къ полудню пали стяги Игоревы! Игорь въ плѣну, Игоря везутъ поганые половцы, пересаживаютъ изъ княжескаго сѣдла въ поганое сѣдло половецкое. Но князь забылъ все и смотритъ только на любимаго брата Всеволода. Всеволодъ еще бьется. Но уже окружили его половцы со всѣхъ сторонъ; и сталъ Игорь просить у Бога смерти, чтобы только не видать гибели брата. Но Всеволода также схватили половцы и потащили въ степь; схватили и молодого сына Игорева. Разлучились братья надолго на берегу быстрой рѣки Каялы. Дружина же вся полегла головами: не осталось даже кому принести печальную вѣсть на родину.

Такъ-то кончился этотъ пиръ! Недостало у васъ кроваваго вина, храбрые русскіе воины; сватовъ напоили вы до-сыта и сами легли головами за Русскую землю. Степная трава никнетъ отъ жалости, и тяжелая скорбь нагнетаетъ дерево къ землѣ.

Влекутъ Игоря въ плѣнъ, а онъ горько вспоминаетъ, что подѣломъ наказалъ его Господь: вспоминаетъ, какъ, взявши на щитъ Переяславль, не пощадилъ онъ жителей и пролилъ кровь христіанскую.

Не случилось бы такой бѣды, еслибы князья, позабывъ ссоры, не завидуя одинъ другому, пошли на половецвъ дружно; еслибы

Игорь далъ знать о своемъ походѣ Святославу Кіевскому, а не ушелъ въ степь тайкомъ отъ него. Сгубила Игоря и его дружину молодецкая удаля. Святославъ Кіевскій уже собиралъ въ это время войска на половецвъ и, проходя мимо Новгородсѣверска, только тутъ узналъ, что Игорь съ братьями и дружиной уже ушли въ степь. Разгнѣвался сѣдой Святославъ на Игоря; но когда услышалъ въ Черниговѣ о печальной Игоревой участи, то горько заплакалъ и, мѣшая со слезами золотыя слова, сказалъ: „Какъ прежде сердить былъ я на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало. Любезные мои братья и дѣти, князья и дружина! не сдержали вы своей молодости, своей молодецкой удали; не дали вы мнѣ притомить поганыхъ; широко вы имъ раскрыли ворота въ Русскую землю“.

Быстро разнеслась печальная вѣсть: въ Кіевѣ — стонъ, въ Черниговѣ — скорбь; лютая тоска разлилась по всей Русской землѣ! А половцы не дремлютъ: Кончакъ уже грабитъ подъ Переяславлемъ, а Гзакъ подъ Путивлемъ, уводя въ полонъ русскихъ женъ и дочерей, отгоняя въ степь богатыя стада, зажигая пожары повсюду; князья же наши и тутъ еще ссорятся и считаются между собою. Услыхавъ однако, что Святославъ съ своею дружиною уже плыветъ на лодкахъ по Днѣпру, половцы отхлынули въ степь, какъ морскія волны, унося съ собою много всякаго добра и оставляя по себѣ развалины, трупы, плачь и стонъ.

Но кто же вступится за Игоря? кто отомститъ половцамъ за его раны? кто вырветъ его изъ постыднаго половецкаго плѣна? Что бы вступиться за Русскую землю хотя великому князю Владимірскому, Всеволоду? Но далеко онъ на сѣверѣ мутитъ синюю Волгу своими лодками. Что бы вступиться хотя смѣлымъ Рязанскимъ князьямъ? Развѣ ихъ золотыя племена не забрызганы вражескою кровью? Что бы вступиться за Русь хотя Ярославу Галицкому? Не онъ ли славится повсюду своимъ великимъ умомъ? Не онъ ли сидитъ высоко на златокованномъ престолѣ, подперъ горы Карпатскія своими желѣзными полками, заступилъ путь венгерскому королю, затворилъ ворота къ Дунаю и далеко, далеко по всѣмъ землямъ разсылаетъ свои стрѣлы, нагоняя страхъ на вра-

говъ? Что бы ему послать хотя одну стрѣлу къ Кончаку, поганому Кашею, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Свято-славовича? Но всё забыли Игоря, и дѣлать уже его города и села!

Не забыла удалого Игоря одна только милая жена, прекрасная Ярославна: всякое утро выходитъ она на городскую стѣну въ Путивль, все смотритъ въ далекое поле, не ѣдетъ-ли ея милый; смотритъ, горько плачетъ и воркуетъ, какъ горлица:

„Полечу я голубкою по степи, омочу мой бобровый рукавъ въ Каяль рѣкъ, утру князю его кровавыя раны“.

Рано, рано по утрамъ плачетъ Ярославна на путивльской стѣнѣ, плачетъ, приговариваетъ:

„О вѣтеръ, вѣтрило! зачѣмъ, господинъ мой, ты такъ сильно вѣешь; зачѣмъ навѣваешь твоими легкими крыльями ханскія стрѣлы на дружину моего милаго? Развѣ мало тебѣ вѣять на горахъ подъ облаками, лелѣять паруса кораблей на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты, вѣтеръ, разносишь мою радость вмѣстѣ съ ковылемъ по степи?“

Плачетъ рано Ярославна по утрамъ на путивльской стѣнѣ, плачетъ, приговариваетъ:

„О Днѣпръ, Днѣпръ, рѣка славная! ты пробилъ каменные горы, ворвался въ землю половецкую; ты не разъ носилъ на себѣ княжескія лодки къ полкамъ половецкимъ; принеси же ко мнѣ, лелѣючи, моего милаго“.

Плачетъ Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивль, плачетъ, приговариваетъ:

„О свѣтлое, пресвѣтлое солнышко! для всѣхъ-то ты тепло и красно: зачѣмъ же ты, солнышко, мечешь свои жгучіе лучи на дружину моего милаго? въ безводной степи и такъ иссохли ихъ луки, разсыпались колчаны!“

Тяжело Игорю въ половецкомъ плѣну, — тяжело, хотя и самые половцы, устыдясь его удалства, держатъ его въ чести: приставили къ нему крѣпкую стражу, но позволяютъ тѣшиться княжеской забавой, соколиной охотой. Въ чести держать половцы и сына Игоревы, молодого князя Владиміра; сильно онъ приглянулся

степной красавицѣ, дочери хана половецкаго Кончака; полюбилъ его за удалство и самъ старый ханъ.

Но не тѣшитъ Игоря соколиная охота: скучно орлу и въ 'золотой клѣткѣ; гложетъ Игоря тоска по святой Руси; смотритъ онъ угрюмо въ пустую, безграничную степь, гдѣ осенній вѣтеръ катитъ серебристые, легкіе клубы ковыля; думаетъ князь крѣпкую думу, забываетъ онъ соколиную охоту: хочется ему на святую Русь.

Не сжалилися люди — сжалился Богъ надъ Игоремъ. Нашелся между половцами одинъ добрый человѣкъ; предлагаетъ онъ князю бѣжать съ нимъ въ Русскую землю. Мать у Авлуря была русская, и ему давно хотѣлось убѣжать къ русскимъ, бросить поганое племя и поганую вѣру. Задумался князь на слова половчанина: стыдно показалось Игорю бѣжать тайкомъ отъ поганыхъ половецвъ. Но вѣрный конюшій, бывший съ княземъ въ плѣну, говоритъ ему:

— Бѣги, князь, если Богъ кажетъ тебѣ путь въ Русскую землю; высокія мысли твои Богу не угодны; слышно, что половцы хотятъ перебить всѣхъ васъ, русскихъ князей, и истребить всю землю Русскую; не будетъ тебѣ тогда ни славы, ни жизни.

И вотъ Игорь рѣшился бѣжать, а Авлуръ взялся приготовить ему коня за рѣкою. Стало темнѣть; половцы перепились кумыса и заснули по своимъ кибиткамъ. Притворяется спящимъ и князь Игорь; но онъ не спитъ, а мысленно мѣряетъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца.

Раздался свистъ за рѣкою: Авлуръ даетъ знать князю, что быстрый конь уже ждетъ его.

Тихо поднялся Игорь со своей постели, поклонился Спасову образу и Кресту честному; горячо помолился онъ, хотя и коротка была его молитва: „Господи сердцеѣдче! спаси меня недостойнаго!“ сказалъ Игорь, и надѣлъ на себя крестъ и икону, родительское благословеніе; поднялъ тихо полу кибитки, вышелъ; горностаемъ проскользнулъ въ тростникъ, бѣлымъ гоголемъ проплылъ по водѣ — и кинулся на борзаго коня. Соколомъ летитъ князь по степи, прикрываемый ночью тьмою; сѣрымъ волкомъ спѣшитъ за нимъ

Авлурь, отрясая съ себя холодную ночную росу, загоняя на смерть легкаго коня; спѣшать они къ берегамъ Донца.

Проснулись поутру половцы, а князя уже и слѣдъ простылъ! Застрекотали поганые, какъ сороки, кинулись Гзакъ и Кончакъ въ погоню; но не могли найти, не могли догнать удалого князя. Бѣглецы ѣхали быстро, пока несли ихъ добрые кони; но когда кони пали—пошли пѣшкомъ: ночью—прямо по степи, а днемъ въ глубокихъ степныхъ оврагахъ. Часто приходилось имъ ползти ползкомъ въ травѣ или красться по дну глубокаго оврага, угадывая путь только по птичьему крику, слушая, какъ раздавались надъ ними вверху пѣсни свободныхъ пташекъ.

Воротились ханы домой съ неудачной погони, воротились сердитые, злые, и Гзакъ говорить Кончаку:

— Если соколъ улетаетъ изъ гнѣзда, то соколенка должно разстрѣлять стрѣлами.

Но старому Кончаку стало жаль молодого Игорева сына, и сказалъ онъ злему Гзаку:

— Если соколъ улетѣлъ изъ гнѣзда, то опутаемъ соколенка красною дѣвицею.

— Если опутаемъ соколенка красною дѣвицею, отвѣчалъ Гзакъ, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы; а начнутъ насъ самихъ клевать хищныя птицы посреди нашихъ же степей половецкихъ.

На одиннадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проѣхалъ въ Новгородѣсверскъ. Тяжело головѣ быть безъ тѣла; тяжело тѣлу быть безъ головы: тяжело было Новгородѣсверску безъ князя Игоря. Но не долго праздновалъ Игорь съ милой женой и друзьями; вспомнилъ онъ свою молитву и поѣхалъ въ Кіевъ, къ Святой Богородицѣ Пирогощей: молился усердно, а потомъ просилъ своихъ братьевъ, князей, помочь ему отомстить поганымъ половцамъ.

Сынъ Игоря женился на красавицѣ-дочери стараго хана Кончака и черезъ нѣсколько времени воротился на родину, вмѣстѣ съ дядей своимъ, Буй-Туръ-Всеволодомъ.

БИТВА СЪ ТАТАРАМИ НА РѢКѢ КАЛЕВЪ.

(1224 г.).

Разнесся слухъ въ Руской землѣ, что пришелъ изъ Азіи какой-то невѣдомый народъ и сильно бьетъ половцевъ. Одни говорили, что это татары, другіе называли ихъ таурменами, третьи печенѣгами; но никто не зналъ навѣрно, что это за люди, откуда вышли, какого они племени, что у нихъ за языкъ, что за вѣра. Слышно было только, что они покорили уже много народовъ и много странъ. Скоро прибѣжали половцы къ границамъ русскимъ, Днѣпру и валу Половецкому, прибѣжали уже не грабить, но съ просьбою о помощи. Князя ихъ съ ужасомъ говорили о новыхъ пришельцахъ; рассказывали, какъ татары убили ихъ старшаго хана, сына Кончакова, Юрія; перебили множество половцевъ, загнавъ ихъ на берегъ Азовскаго моря; покорили уже семь сильныхъ народовъ. Ханъ половецкій Котянъ, тесть галицкаго князя Мстислава Удалого, щедро дарилъ русскихъ князей, прося у нихъ подмоги противъ татаръ: „помогите намъ“, говорилъ онъ русскимъ князьямъ: „если же не поможете, то сегодня они побили насъ, а завтра побьютъ васъ“.

Русскіе князья съѣхались на совѣщаніе въ Кіевъ. Тутъ были три старѣйшіе князя, три Мстислава: Мстиславъ галицкій, прозванный удалымъ за свое мужество въ битвахъ; Мстиславъ кievскій, князь добрый, но слабый; Мстиславъ черниговскій. Много здѣсь было и молодыхъ князей: Даниль Романовичъ волынскій, 18-ти лѣтній князь, сильный, смѣлый и прекрасный собою, у котораго, по словамъ лѣтописца, отъ головы до ногъ не было порока; Всеволодъ, сынъ кievскаго князя; Михайлъ, племянникъ князя черниговскаго, и много другихъ князей. Мстиславъ галицкій сильно настаивалъ на томъ, чтобы помочь половцамъ: „если не поможемъ имъ“, говорилъ онъ: „то они пристанутъ къ татарамъ, и тогда намъ будетъ еще труднѣе бороться съ ними“. Долго совѣщались князья, и наконецъ порѣшили на томъ, что лучше имъ встрѣтить татаръ на половецкой землѣ, чѣмъ въ своей; оповѣстили другихъ князей, оповѣстили великаго князя владимірскаго; назначили всѣмъ

войскамъ сойтись на Днѣпрѣ, у Варяжскаго острова, и выступили изъ Кіева. Тутъ пришли къ нимъ десять пословъ татарскихъ и сказали: „слышали мы, что вы, послушавъ поганыхъ половцевъ, нашихъ холопей и конюховъ, идете на насъ; но мы земли вашей не трогали, ни сель, ни городовъ вашихъ не занимали. Половцы дѣлали вамъ много вреда: бейте же ихъ оттуда, какъ мы бьемъ отсюда, и добро ихъ берите себѣ“. Но Русскіе князья велѣли перебить татарскихъ пословъ, думая, что татары обманываютъ ихъ, какъ обманули прежде половцевъ, которыхъ они сначала пригласили въ союзники, а потомъ стали бить.

Русскіе князья стояли уже на Днѣпрѣ, у Олешья, когда явились новые татарскіе послы. „Вы послушали половцевъ“, сказали они, „пословъ нашихъ перебили и идете противъ насъ; идите же, но помните, что мы васъ не трогали,—и пусть Богъ насъ разсудитъ“. Этихъ пословъ князья отпустили.

Скоро на правомъ берегу Днѣпра, у Варяжскаго острова, собралось много бодрого русскаго войска: черниговцы, киевляне, смоляне, волынцы, куряне, трубчане, путивльцы,—все пришли со своими князьями. Галицкое войско, спустившись на лодкахъ по Днѣстру въ Черное море, вошло потомъ въ Днѣпръ и прибыло на сборное мѣсто. На Днѣпрѣ, у устья рѣчки Хортицы, собралось такое множество лодокъ, что по нимъ можно было перейти съ одного берега на другой, не замочивъ ногъ. Скоро наши сторожевые извѣстили, что вдали показались татары и желаютъ, вѣроятно, осмотрѣть русское войско. Даниилъ волынской, а съ нимъ и другіе молодые князья кинулись на лошадей и поскакали впередъ, любопытствуя посмотреть, что такое за народъ татары. Татарскіе наѣзники, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, скрылись въ степи, а русскіе молодые князья, воротившись назадъ, толковали о томъ, что видѣли. Одни говорили, что это народъ пустой, еще хуже половцевъ; другіе замѣчали, что татары хорошо стрѣляютъ. „Это добрые воины“, сказалъ опытный галицкій воевода Юрій.

„Нечего же здѣсь стоять“, говорили молодые князья старымъ: „пойдемъ на нихъ“. Старшіе согласились, и все русское войско

двинулось въ половецкія степи. Скоро русскіе встрѣтили татарскихъ стрѣлковъ; ударили, прогнали и захватили много скота.

На девятый день пришли русскіе къ берегамъ рѣки Калки, за которою стояли уже татары. Мстиславъ Удалой приказалъ половцамъ, Даниилу волынскому и другимъ войскамъ перейти за рѣку, а самъ пошелъ за ними. Осмотрѣвъ же татарскій станъ, немедленно началъ битву, не уведомивъ о своемъ рѣшеніи двухъ другихъ Мстиславовъ, съ которыми была у него ссора.

Даниилъ волынской, сильный, смѣлый и пылкій, ворвался со своею дружиною въ ряды татаръ и сгоряча не замѣчалъ даже, что тяжело раненъ въ грудь; Олегъ курскій со своими курянами не отставалъ отъ Даниила; Мстиславъ Удалой готовился также кинуться въ битву. Но вдругъ половцы, послѣ первой же стычки съ татарами, обратили тылъ и въ безпорядкѣ, съ крикомъ, бросились бѣжать отъ татаръ, топча и смѣшивая русскія войска; ворвались даже въ русскій станъ и все привели въ безпорядокъ. Измѣнники половцы дали побѣду татарамъ. Даниилъ, видя, что татары одолеваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить, и тутъ только почувствовалъ, что раненъ въ грудь. Все побѣжало.

Мстиславъ Кіевскій, стоя съ дружиною на каменной горѣ надъ рѣкою Калкою, видѣлъ бѣгство русскихъ и не тронулся съ мѣста. Онъ велѣлъ обгородить станъ свой тыномъ изъ кольевъ и приготовился защищаться. Татары раздѣлились: одна часть ихъ облегла станъ Мстислава, а другая помчалась въ погоню за убѣжавшими къ Днѣпру русскими дружинами. Убіенство было страшное: едва десятый человѣкъ изъ русскаго войска спасся; Мстиславъ черниговскій съ сыномъ были убиты; семьдесятъ славныхъ богатырей погибли, а наши друзья, половцы, добивали раненыхъ и сдирали съ убитыхъ одежду. Мстиславъ Удалой, достигнувъ Днѣпра съ небольшою дружиною, кинулся въ лодки, переѣхалъ на другую сторону и велѣлъ лодки сжечь, чтобы татары не могли за нимъ гнаться.

Три дня отбивался Мстиславъ кіевскій отъ татаръ, и татары не могли взять укрѣпленнаго стана; наконецъ татары прибѣгнули къ

хитрости и предложили Метиславу отпустить его съ дружиною домой, если онъ дастъ выкупъ за себя и за дружицу. Но едва только рускіе вышли изъ укрѣпленія, какъ татары бросились на нихъ, всѣхъ перебили, а трехъ князей, изловивъ, положили подъ доски и уселись на доскахъ обѣдать.

Татары дошли до самаго Днѣпра, убивая всѣхъ, кто попадался имъ навстрѣчу, зажигая села и города. Они могли бы зайти далеко: защищать предѣловъ было некому; но неожиданно повернули назадъ и скрылись въ свои степи такъ же быстро, какъ и пришли. Племянникъ Юрія, великаго князя владимірскаго, Василько, велъ сѣверныя дружины на помощь южнымъ князьямъ; но, услышавъ въ Черниговѣ о Калкской битвѣ, повернулъ назадъ.

Рускіе не знали, откуда налетѣла на нихъ эта грозная туча и куда она скрылась; но черезъ тринадцать лѣтъ татары снова появились въ Россіи, уже въ большей силѣ.

НАШЕСТВІЕ БАТЫЯ.

(1237—1241 г.).

Послѣ битвы на рѣкѣ Калкѣ не было въ Руси слуха о татарахъ. Но черезъ тринадцать лѣтъ они снова появились изъ среднеазиатскихъ степей, на этотъ разъ уже въ числѣ 300,000. Ханъ Октай, наслѣдникъ Чингисъ-хана, основателя татарскаго могущества, царствовавшій въ глубинѣ азиатскихъ степей, послалъ своего племянника Батыя покорить земли по Волгѣ и за Волгою. Одно уже появленіе татаръ повсюду наводило ужасъ: лица у нихъ были звѣрскія, скулы широкія, глаза узкіе, носы приплюснутые. Татары были вооружены копьями, мечами, луками, стрѣлами, топорами и веревками. Съ ними ѣхало множество телѣгъ, нагруженныхъ всякими запасами, лѣстницами, стѣнобитными машинами и войлочными кибитками. Маленькія рѣчки татары переходили въ бродъ, большія переплывали на кожаныхъ мѣшкахъ, привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ. Впереди шли легкіе отряды и, убивая каждаго встрѣчнаго, зажигая села и деревни, старались навести ужасъ на жителей, которые обыкновенно уходили въ лѣса. Сзади

двигалась главная сила, не давая ни чему пощады. Встрѣчаясь съ непріателемъ, татары пускали кучу стрѣлъ,—а стрѣляли они мѣтко,—и потомъ уже, перебивъ сколько можно больше людей, вступали въ рукопашный бой. Укрѣпленные города окружали со всѣхъ сторонъ; строили тынъ, чтобы укрываться за нимъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ, и понемногу подвигали его къ городу; отводили рѣку отъ города или затопляли ею городъ, какъ было имъ удобнѣе, а городскія стѣны разбивали тяжелыми бревнами, висящими на цѣпяхъ; одинъ отрядъ смѣнялъ другой, не давая осажденнымъ покою. Обыкновенно сначала татары предлагали жителямъ осажденнаго города сдаться добровольно; но если тѣ соглашались, то годныхъ для работы брали въ плѣнъ, а остальныхъ убивали. Взявши же городъ приступомъ, они не щадили никого: ни женщинъ, ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей, предавая все мечу и огню. Покая какой-нибудь народъ, татары брали себѣ десятую часть людей и имущества, а остальныхъ переписывали и облагали данью.

На Волгѣ татары встрѣтили богатое и торговое царство волжскихъ болгаръ, разорили его до тла и потомъ вступили въ область князей рязанскихъ.

Рязань, напрасно просившая помощи у великаго князя владимірскаго, защищалась упорно, но не долго. По одному рязанцу приходилось на сто татаръ. Взявъ Рязань приступомъ, татары убили князя рязанскаго и жену его, а жителей рубили мечами, разстрѣливали стрѣлами, бросали въ огонь; самый же городъ сожгли.

Разоривши Рязань, татары пошли далѣе. У Коломны разбили войско, посланное великимъ княземъ, и сожгли Москву—тогда еще маленькій, недавно выстроенный городокъ. Въ Москвѣ татары захватили въ плѣнъ сына Юрія—Владиміра.

Узнавъ о гибели своего войска, великій князь Юрій Всеволодовичъ (племянникъ Андрея Боголюбскаго и сынъ Всеволода *Большое гнѣздо*) поѣхалъ на Волгу собирать новое войско. А въ это время татары, многочисленные какъ саранча, со всѣхъ сторонъ обложили городъ Владиміръ, гдѣ оставалась жена великаго

князя и два его сына: Всеволодъ и Мстиславъ. Подъѣхавъ къ „Золотымъ воротамъ“, татары спросили: „въ городѣ ли великій князь?“ Въмѣсто отвѣта, владимірцы пустили въ нихъ стрѣлами. Отвѣтивъ тѣмъ же, татары сказали: „погодите, не стрѣляйте!“ и, подѣхавъ ближе къ воротамъ, показали владимірцамъ плѣннаго сына Юріева, Владиміра. Бѣдный княжичъ такъ исхудалъ въ плѣну, что братья насилу его узнали. Много было слезъ, но пособить было нечѣмъ.

Когда собралось все татарское войско, часть котораго въ это время разграбила и сожгла Суздаль, татары начали готовиться къ приступу, окружили городъ тыномъ и подвезли стѣнобитныя орудія. Не видя никакой возможности защищаться, князь Всеволодъ, жена его и многіе бояре приготовились къ смерти и постриглись въ монахи.

7-го февраля начался приступъ, и, не смотря на упорную защиту русскихъ, татары вломились въ городъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною заперлись въ среднемъ городѣ, а супруга Юріева, дочь его, снохи и внучата, множество бояръ и народу—въ соборѣ. Когда татары зажгли соборъ, и дымъ наполнилъ церковь, то епископъ Митрофанъ, благословляя всѣхъ на смерть, сказалъ: „Господи, простри руку Твою невидимую и прими съ миромъ души рабъ Твоихъ“. Скоро татары отбили двери собора, и началось страшное убійство. Великокняжеская семья, скрывавшаяся на верху, въ ризницѣ, задохлась отъ дыму. Князья же Всеволодъ и Мстиславъ положили свои головы за городомъ.

Великій князь стоялъ въ это время съ собравшимся войскомъ недалеко отъ Волги, на рѣкѣ Сити. Узнавъ о судьбѣ жителей Владиміра и своей семьи, онъ горько заплакалъ. „Лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ, сказалъ онъ; зачѣмъ я остался одинъ!?“ Скоро ему дали знать, что татары обходятъ его войско. Началась жестокая сѣча; русскіе не устояли. Великій князь былъ убитъ, а племянникъ его Василько взятъ въ плѣнъ. Это былъ замѣчательный князь; прекрасный лицомъ, добрый

сердцемъ, онъ былъ мужественъ, отваженъ, но ласковъ, особенно къ бѣднымъ, такъ что всѣ его любили. „Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами Великаго Батя“, сказали Васильку татары, вѣроятно, оцѣнивъ его необычайное мужество.—„Враги моего отечества и Христа не могутъ быть мнѣ друзьями, сказалъ Василько: какъ ни велико мое горе, но и вамъ не принудить меня сражаться противъ христіанъ! Придетъ и твоя гибель, о глухое и скверное царство!“ Скрежеща зубами отъ злости, татары убили Василька и бросили его тѣло въ лѣсу. Послѣ уже русскіе отыскали тѣла великаго князя и Василька и похоронили ихъ въ Ростовскомъ соборѣ. Великаго князя узнали по одеждѣ, потому что голову нашли въ другомъ мѣстѣ.

Истребивъ великокняжеское войско, татары взяли и сожгли всѣ города по Волгѣ и приближались уже къ Великому Новгороду. Но за 100 верстъ отъ него повернули назадъ, вѣроятно, испугавшись, что наступающій разливъ рѣкъ можетъ помѣшать имъ воротиться домой. Однако на возвратномъ пути ихъ долго задержалъ маленькій городокъ Козельскъ (въ нынѣшней Калужской губерніи). Семь недѣль защищались козельцы противъ безчисленныхъ полчищъ татарскихъ, защищали себя и своего маленькаго князя, который потомъ, когда городъ былъ взятъ, пропалъ безъ вѣсти: говорятъ—утонулъ въ крови. Татары не могли безъ досады вспомнить о маленькомъ Козельскѣ и назвали его „злымъ городомъ“.

Возвратившись въ степь, Батый прогналъ изъ нея половцевъ и на слѣдующій же годъ отправился покорять Южную Россію. И здѣсь не встрѣтили татары дружнаго сопротивленія: видя страшнаго врага передъ собою, князья продолжали ссориться и не хотѣли помогать другъ другу. Всякій городъ защищался упорно, геройски; но всѣ дѣйствовали поодиночкѣ, тогда какъ татары безпрекословно повиновались своему предводителю и дѣйствовали, какъ одинъ человекъ. Татары взяли и сожгли Переяславль и Черниговъ, и приступили къ Кіеву. Даніилъ Галицкій, только-что отнявшій тогда Кіевъ у Михаила Черниговскаго, при приближеніи татаръ отпра-

вился въ Венгрію за помощью, а защиту города поручилъ храброму боярину Димитрію.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1240 года несмѣтная татарская сила облегла Кіевъ, любуясь на красивый городъ. Татаръ было такъ много, что отъ скрипа татарскихъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія лошадей нельзя было слышать другъ друга въ городѣ. Скоро стѣнитныя орудія проломилъ кіевскія ворота; началась страшная сѣча въ самомъ городѣ. Русскіе заперлись въ Софійскомъ соборѣ и оборонялись, что было силъ; но скоро и это послѣднее убѣжище пало. Раненаго Димитрія татары взяли въ плѣнъ, но не убили, уваживъ его великое мужество.

Разрушивъ Кіевъ, Батый пошелъ на Воынь, на Галицію, на Польшу и, перейдя Карпаты, вторгнулся даже въ Венгрію. Вся Европа была въ ужасѣ; папа уже призывалъ противъ татаръ крестовый походъ, но, къ счастью для западной Европы, въ это самое время умеръ татарскій ханъ Окай, и Батый долженъ былъ воротиться въ приволжскія степи, чтобы принять участіе въ избраніи новаго хана.

Не вдалекѣ отъ устьевъ Волги, на берегу притока ея, Ахтубы, устроилъ себѣ Батый степную столицу — Сарай. Вокругъ, въ степяхъ астраханскихъ и саратовскихъ, отъ Урала до Дона, привольно было кочевать татарскимъ ордамъ, и отсюда-то онѣ болѣе 200 лѣтъ распоряжались судьбами Россіи; ставили и низводили князей, судили ихъ, собирали дань съ народа или черезъ своихъ баскаковъ, или черезъ откупщиковъ, а время отъ времени вторгались въ Русь, грабили ее и разоряли.

Братъ Юрія Всеволодовича, Ярославъ, поѣхалъ на поклонъ къ Батю, и тотъ призналъ его старшимъ княземъ надъ князьями русскими.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ Н Е В С К І Й.

(Великимъ княземъ 1252—1263).

Тяжелое зрѣлище представляла Россія послѣ Батыева нашествия! Сожженные города и села, повсюду кучи развалинъ и труповъ; торговля и земледѣліе прекратились; населеніе уменьшилось;

остатки народа безъ пристанища бредили по лѣсамъ; татарскіе баскаки ѣздили повсюду, переписывая людей и облагая ихъ данью. Ярославъ Всеволодовичъ, братъ великаго князя Юрія, убитаго татарами при Сити, былъ утвержденъ Батыемъ въ великокняжескомъ достоинствѣ. Грустное княженіе выпало на долю Ярослава: ему приходилось собирать разбѣжавшее населеніе, очищать отъ труповъ города, ѣздить на поклонъ въ орду, чтобы избавить Русь отъ новыхъ набѣговъ.

На сѣверо-востокѣ въ то время жить было лучше: Новгородъ былъ не тронутъ татарами, и въ немъ княжилъ сынъ Ярослава, Александръ, прославившійся своими побѣдами надъ шведами, приплывшими изъ-за моря, нѣмцами, приходившими на Новгородъ изъ Ливоніи (нынѣшнія Остзейскія губерніи), и надъ Литвою, которая въ это время тоже начала выходить изъ своихъ лѣсовъ и нападать на ослабѣвшую Русь.

Въ 1240 году, подученные папою, шведы собрали большое войско, посадили на суда и, подъ начальствомъ Бюргера, пришли въ Неву, къ устью Ижоры, думая взять Ладогу, а потомъ и Новгородъ.

Мужественный Александръ, не успѣвшій даже увѣдомить отца и собрать подкрѣпленіе изъ новгородской области, помолился усердно Богу въ храмѣ св. Софін и съ небольшимъ войскомъ поспѣшилъ отразить сильнаго непріятеля.

Разсказываютъ, что въ ночь передъ битвою одинъ ижорецъ, старшина языческаго чудскаго племени, но самъ уже христіанинъ, имѣлъ чудное видѣніе. Стоя на почной стражѣ, видѣлъ онъ на зарѣ, что по рѣкѣ плыветъ лодка, одѣтая утреннимъ туманомъ; на лодкѣ сидѣли гребцы, а посреди стояли Борисъ и Глѣбъ въ блестящихъ ризахъ. И сказалъ Борисъ: „братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе; поможемъ сроднику нашему Александру“.

Старшина поспѣшилъ разсказать князю свое видѣніе; но тотъ приказалъ ему сохранить его въ тайнѣ.

Александръ быстро напалъ на шведовъ и, сражаясь самъ какъ простой воинъ, собственнымъ копьемъ своимъ „положилъ печать“ на лицо шведскаго полководца Бюргера. Воины Александровы не

отставали отъ князя: одинъ, преслѣдуя Бюргера, верхомъ на конѣ наскочилъ на шведскій корабль по доскѣ, и хотя шведы опрокинули его съ лошадыю въ воду, но онъ выбрался на берегъ и опять врубился въ самую середину враговъ; другой—съ пѣшею дружиною потопилъ три шведскія судна; а третій—наѣхалъ на златоверхій шатеръ самого Бюргера, подрубилъ шатерный столбъ—и шатеръ рухнулъ при радостныхъ крикахъ русскихъ.

Три полныхъ корабля наклали шведы трупами своихъ лучшихъ людей и потопили въ морѣ, а прочихъ безъ числа побросали въ яму, выкопанную на берегу.

За эту-то побѣду на берегахъ Невы и прозвали Александра *Невскимъ*. Почти 500 лѣтъ послѣ этой побѣды, когда Петръ Великій навсегда уже отнялъ Неву у шведовъ и при устьяхъ ея заложилъ Санктъ-Петербургъ (въ 1703 г.), мощи Александра Невского были перенесены изъ Владиміра въ новую столицу и положены въ Александро-Невской лаврѣ.

Побѣдилъ Александръ и нѣмцевъ, напавшихъ на псковскую землю, и много перебилъ ихъ на льду Чудскаго озера, такъ что льда не было видно изъ-за труповъ. Смирилъ онъ и литовцевъ, которые потомъ боялись имени Александра; но противъ татаръ не рѣшился возстать. Когда Батый, слыша объ Александрѣ и его мужествѣ, послалъ сказать ему: „Богъ покорилъ мнѣ многихъ народовъ: ты-ли одинъ хочешь противиться? Если желаешь сохранить свою землю, то приди ко мнѣ и увидишь честь и славу моего царства“,—Александръ пошелъ въ орду и былъ отпущенъ съ богатыми дарами.

Сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірекимъ, Александръ смирился передъ ханомъ, и умною покорностію не разъ спасалъ Русь отъ новаго татарскаго погрома. Даже скончался Александръ, возвращаясь изъ орды и проведя въ ней тяжелую зиму. Ѣздилъ же онъ въ орду умоливать хана, разсерженнаго тѣмъ, что въ Ростовѣ, Суздальѣ и Владимірѣ русскіе перебили безжалостныхъ сборщиковъ татарской дани, бесерменскихъ (восточныхъ) купцовъ, въ явившихъ эту дань на откупъ.

ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКВЫ.

Еще сыну Мономаха, Юрію Владиміровичу Долгорукому, поправилось хорошее мѣстоположеніе на берегу Москвы рѣки, на холмахъ, посреди густыхъ лѣсовъ, и онъ заложилъ здѣсь городокъ Москову, въ 1147 году. Въ Батыево нашествіе Москва было сожжена, а по смерти Александра Невского досталась въ удѣлъ младшему его сыну, Данилу. Удѣлъ былъ незавидный, и никто вѣрно не думалъ тогда, какая славная доля предстоить этому маленькому городку!

Данилъ былъ князь умный, и при немъ уже Московскій удѣлъ устроился. Данилъ получилъ отъ племянника по завѣщанію хорошій городъ Переяславъ-Залѣскій и отнялъ у рязанцевъ Коломну.

Сынъ Данила, Юрій, женился на сестрѣ хана, Кончакѣ, и разными неправдами добился великокняжескаго достоинства, погубивъ клеветою въ ордѣ своего дядю Михаила, князя тверского. Но и самъ Юрій погибъ отъ руки сына Михаила, Дмитрія *Грозныя очи*, который, встрѣтившись съ Юріемъ въ ордѣ, не выдержалъ и убилъ убійца отца своего.

Угождая татарамъ, получилъ великокняжескій престолъ братъ Юрія, Іоаннъ Даниловичъ Калита. При Калитѣ митрополитъ Петръ переѣхалъ изъ Владиміра въ Москву, которая съ этихъ поръ и сдѣлалась навсегда великокняжеской столицей Восточной или Великой Руси. Южная же или Малая Россія, съ своимъ старымъ Кіевомъ, подпала въ это время подъ власть литовцевъ, а потомъ, вмѣстѣ съ Литвою, присоединилась къ Польшѣ.

Іоаннъ I-й, Калита, умеръ въ 1340 году. Послѣ него княжили въ Москвѣ, одинъ за другимъ, два его сына: Симеонъ Гордый и Іоаннъ II-й. При Іоаннѣ II-мъ, князь кроткомъ и миролюбивомъ, значеніе Москвы поддерживалъ митрополитъ Алексѣй. Онъ такъ прославился даже между татарами своимъ умомъ и святою жизнью, что когда у хана Чанибека заболѣла жена, то ханъ написалъ великому князю и просилъ его послать въ орду митрополита, чтобы тотъ испросилъ у Бога здоровье ханшѣ. Святой Алексѣй поѣхалъ въ орду, и ханша выздоровѣла. Когда слѣдующій затѣмъ ханъ началъ

грозить новымъ разореніемъ Русской землѣ, то митрополитъ Алексѣй опять поѣхалъ въ орду и укротилъ злобу хана, найдя покровительство въ матери его, Тайдулѣ.

Сынъ же Іоанна II-го, Дмитрій Іоанновичъ Донской, былъ уже такъ силенъ, что отважился попробовать вступить въ открытую борьбу съ татарскими ханами.

Такъ, мало-по-малу, выросло въ Москвѣ единовластіе и подготавливалось освобожденіе Руси отъ татарскаго ига.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(1380 г.).

6 сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами: тамъ ли ожидать монголовъ или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надо оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій — шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорой сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе литовскаго князя Ягайла съ ханомъ Мамаемъ. Великій князь рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ тотъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣтились съ татарскими и гнали ихъ. Дмитрій, собравъ воеводъ и сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ“, велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы. Дмитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленные знамена, развѣваемые легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду Государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, — Дмитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая

руки къ золотому образу Спасителя, сіявшему въ дали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, помолился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и *милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ объщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Дмитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя“ — говорили они — „смотреть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды“. Но Дмитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *Братья! умремъ за отечество!* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ“. Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію; громогласно читая псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общою.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и вѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россияне тѣснили монголовъ, индѣ монголы россиянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, малодушные бѣжали: такъ, нѣкоторые московскіе неопытные юноши обратили тыль. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими, если бы вѣрная дружина не отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опыт-

нымъ Димитріемъ Волинскимъ. Насталъ девятый часъ дня,—сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время“. Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятели, и быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодрого, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣвъ общее бѣгство своихъ, терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ влѣдъ за другими. Полки російскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоценностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ*, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ мой братъ и *первоначальникъ* нашей славы?“ Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его живого или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всталъ; видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнявъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ; Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчислен-

ныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятели и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, сопровождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россиянь, но вчетверо болѣе непріятели, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

І О А Н Н Ъ ІІІ.

(1462—1505 г.).

Куликовская битва показала русскимъ, что татаръ можно побѣждать, но не сбросила съ Россіи татарскаго ига. Тохтамышъ, новый татарскій ханъ, заступившій мѣсто Мамаю, уже при Димитріѣ Донскомъ ворвался въ Россію, разграбилъ и сжегъ Москву. При Василіѣ I-мъ, сынѣ и наслѣдникѣ Димитрія Донскаго, новый страшный завоеватель, Тамерланъ или Тимуръ, вышелъ изъ степей средней Азіи и, преслѣдуя Тохтамыша, также ворвался въ Россію; но, къ счастью, отъ Ельца неожиданно поворотилъ назадъ. За Тамерланомъ мурза Едигей показалъ русскимъ, что татары еще сильны. При Василіѣ II, *Темномъ*, сынѣ и наслѣдникѣ Василія I, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ: такъ называлось татарское царство, столицею котораго былъ Сарай, основанный татарами при устьяхъ Волги. Отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: царство *Казанское* и ханство *Крымское*. Казань и Крымъ дѣлали много зла Россіи, пока не были окончательно покорены ею. Былъ въ это время у юнаго Московскаго государства и еще одинъ сильный врагъ—Литва, подчинившая себѣ надолго Кіевъ и всю юго-западную Русь; былъ еще и буйный Великій Новгородъ, не хотѣвшій признать надъ собою власти московскихъ князей; были еще и удѣлы, мѣшавшіе русскимъ сосредоточить свои силы для отпора вѣдшихъ враговъ. При Василіѣ II, Темномъ, кровавыя удѣльныя усобицы еще разъ напомнили Россіи времена ослѣпленія Василька. Между Василіемъ II и его дядею Юріемъ, сыномъ Димитрія Донскаго, завязалась распря о томъ, кому изъ нихъ сидѣть въ Москвѣ и быть великимъ княземъ. Эти семейные раздоры про-

должались и при дѣтяхъ Юрія: Василиѣ Косомъ и Дмитріѣ Шемякѣ. Василий II-й ослѣпилъ своего двоюроднаго брата, Василия Косого, но во время своей поѣздки въ Троицко-Сергіевскую Лавру попался въ руки Дмитрія Шемяки и былъ ослѣпленъ въ свою очередь, отчего и получилъ прозваніе *Темнаго*.

Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый, который бы, не подвергаясь случайностямъ войны, сколь возможно щадя кровь и силы народа, умѣлъ сосредоточить въ рукахъ своихъ всѣ силы Россіи; таковъ былъ Іоаннъ III, сынъ и наслѣдникъ Василия II-го, *Темнаго*. Въ продолженіе своего 43-хъ лѣтняго царствованія онъ окончательно присоединилъ къ Москвѣ Великій Новгородъ, уничтоживъ въ немъ вѣче и народное правленіе; присоединилъ Тверское великое княженіе, еще нѣсколько малыхъ удѣловъ и сдѣлался самодержавнымъ государемъ всей тогдашней Восточной Руси.

Іоаннъ III-й былъ, конечно, несравненно сильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему московскихъ государей; однако, по крайней осторожности своей, не вступалъ въ открытую борьбу съ Ордою и продолжалъ платить ей унижительную дань; но между тѣмъ старался воспользоваться раздѣленіемъ ея на части и ненавистью однихъ татарскихъ хановъ къ другимъ. Онъ подружился съ сильнымъ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ и, только увѣрившись въ его помощи, отказался платить обычную дань сарайскому хану Ахмату и выгналъ его пословъ изъ Москвы. Ахматъ спѣшилъ метить Іоанну и смирить своего возмущившагося данника: собралъ значительное войско и пошелъ къ Москвѣ. На берегахъ Угры встрѣтилъ его Іоаннъ; но, несмотря на многочисленное и хорошо устроенное свое войско, несмотря на убѣжденія духовенства, не рѣшился вступать въ битву съ татарами, которые также медлили. И хорошо сдѣлалъ Іоаннъ, потому что Ахматъ самъ поворотилъ назадъ, узнавъ, что Менгли-Гирей, соединившись съ отрядомъ москвичей, грабитъ и разоряетъ его столицу, Сарай, оставленную безъ всякой защиты.

Такимъ образомъ, 1480 годъ мы можемъ считать годомъ, въ который окончилось татарское иго, тяготѣвшее надъ Россіей болѣе

двухъ столѣтій. Болѣе 200 лѣтъ продолжалось это тяжелое иго, и въ то время, когда другія европейскія государства устранились, образовывались, дѣлали быстрые успѣхи въ просвѣщеніи, мы боролись съ татарами. Сообразивъ это, мы не будемъ удивляться, что тогдашняя Россія отстала далеко въ образованіи отъ другихъ европейскихъ государствъ, и что иностранные послы, пріѣзжая въ Москву, удивлялись нашимъ татарскимъ обычаямъ, грубости нашихъ правовъ и нашему невѣжеству.

Съ уничтоженіемъ татарскаго ига не все еще кончилось. Россіи предстояло сломить Казань, покорить Астрахань, усмирить крымцевъ, вынести тяжелые годы междоусобствія, поставить предѣлы распространенію на востокъ Литвы и Польши, отбиться отъ ливонцевъ и шведовъ, проникавшихъ въ Россію съ сѣверо-запада, завоевать хоть одинъ портъ на Балтійскомъ или Черномъ морѣ, чтобъ имѣть возможность войти въ непосредственныя сношенія съ образованными государствами Европы,—и тогда только думать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Для этого нужно было еще два съ половиною столѣтія и цѣлый рядъ кровавыхъ войнъ.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

(Въ 1552 г.).

Заря освѣтило небо ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ, россияне—предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ; въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдно. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкopa и густую тьму надъ всею Казанью; глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ обла-

какъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви; Иоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердить Всевышній державу Иоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго,—и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки російскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ. Но россияне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглись, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россиянъ. Число ихъ уменьшилось, многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили, спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріателемъ въ отверстіяхъ... И въ минуту, какъ Иоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Тайнъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

Вы, молодые ребята, послушайте, что мы, стары старики, будемъ сказывать про грознаго царя Ивана Васильевича; какъ онъ, нашъ царь-государь, подъ Казань городъ ходилъ, подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ, за Сулай рѣку бочки съ порохомъ каталъ, а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.

А татары по городу похаживаютъ и всяко грубіанство оказываютъ; они грозному царю насмѣхаются: а и не быть нашей Казани за бѣлымъ царемъ!

Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался, что подрывъ такъ долго медлился: приказалъ онъ за то пушкарей казнить, подкопщиковъ и зажигальщиковъ; какъ всё тутъ пушкари призадумались, а одинъ пушкарь поотважился: „прикажи, государь-царь, слово выговорить!“ Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи, и вдругъ разрывало бочки съ порохомъ, какъ стѣны бросало за Сулай за рѣку. Всѣ татары тутъ, братцы, устрашились, они бѣлому царю покорилися.

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ, съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный. Дородень былъ князь, конь измученный палъ—какъ быть среди ночи туманной? Но рабскую вѣрность Шибановъ храня, своего отдаетъ воеводѣ коня: „Скачи, князь, до вражьяго стану, авось я пѣшой не отстану“.

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ опальный сидитъ воевода; стоять въ изумленьи литовцы кругомъ,—безъ шапокъ толпятся у входа. Всякъ русскому витязю честь воздаетъ; не даромъ дивится литовскій народъ, и ходятъ ихъ головы кругомъ: „Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!“

Но князя не радуется новая честь, исполненъ онъ желчи и злости; готовится Курбскій царю перечестъ души оскорбленной зазубы: „Что долго въ себѣ я таю и ношу, то все я пространно царю напишу: скажу напрямикъ, безъ изгиба, за всё его ласки спасибо!“

И пишетъ бояринъ всю ночь на пролетъ, перо его местию дышетъ; прочтеть, улыбнется и снова прочтеть, и снова безъ отдыха пишетъ; и злыми словами язвить онъ царя, и вотъ ужъ, когда занялася заря, поспѣло, ему на отраду, посланіе, полное яду.

Но кто-жъ дерзновенныя князя слова отвезть Иоанну возьмется? Кому не любя на плечахъ голова? Чье сердце въ груди не сожмется?

Невольно сомнѣнья на князя нашли... Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли: „Князь, служба моя не нужна ли? вишь, наши меня не догнали!“

И въ радости князь посылаетъ раба, торопить его въ нетерпѣнны: „ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба, а вотъ и рубли въ награжденье!“ Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро! тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро, а я передамъ и за муки письмо твое въ царскія руки“.

Звопъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой; царь въ смиренной одеждѣ трезвонитъ: зоветъ ли обратно онъ прежній покой, или совѣсть на вѣки хоронитъ? Но часто и мѣрно онъ въ колоколь бьетъ, и звону внимаютъ московскій народъ, и молится, полный боязни, чтобы день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема, звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый, звонитъ всей опрични кромѣшная тьма, и Васка Грязной, и Малюта, и тутъ же, гордяся своею красой, съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой, любимецъ звонитъ Иоанновъ, отверженный Богомъ Басмановъ. Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ, и съ нимъ всѣхъ околныхъ собранье. Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ, надъ шапкою держитъ посланье.

И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой, къ царю Иоанну подходитъ пѣшой и молвитъ ему, не блѣднѣя: „Отъ Курбскаго, князя Андрея!“ И очи царя загорѣлися вдругъ: „Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого! Читайте-же, дьяки, читайте мнѣ велухъ посланье отъ слова до слова!“

„Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“ И въ ногу Шибанова острый конецъ жезла своего онъ вонзаетъ, налегъ на костыль и внимаютъ: „Царю, прославляему древле отъ всѣхъ, но тонущу въ сквернахъ обильныхъ! Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?“

„Отвѣтствуй, не ими-ль, средь тяжелой войны, безъ счету твердыни враговъ сражены? Не ихъ-ли ты мужествомъ славенъ? И кто имъ бысть вѣрностью равенъ? Безумный! Или мнишишь безсмертнѣе насъ, въ небытную ересь прельщенный? Внимай же! При-

идеть возмездія часъ, писаніемъ намъ предреченный, и азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ за тя, аки воду, лияхъ и лияхъ, съ тобой предъ Судьею предстану!“ Такъ Курбекій писалъ къ Иоанну. Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги кровь алымъ струилася токомъ, и царь на спокойное око слуги взиралъ испытующимъ окомъ.

Стоялъ неподвижно опричникъвъ рядъ; былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ, какъ будто исполненъ печали, и всѣ въ ожиданьи молчали. И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ, и нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной; кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ, я пещь недостойный и смрадный“.

„Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ; и много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ, что выдалъ тебя за бездѣнокъ. Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!“

Изъ стихотвор. графа А. Толстого.

ВЕЛИКОДУШІЕ СВ. ФИЛИППА.

(1568 г.)

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Иоаннъ (Грозный), препровождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его была въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлякахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Иоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: „Святый Владыко! се государь: благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Иоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семь видѣ, въ семь одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго, не узнаю и въ дѣлахъ царства... О, государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская! Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слышано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достоянiе и жизнь гражданъ не имѣетъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убій-

ства—и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ мукъ? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіють о мести!... Государь, вѣщаю, яко пастырь душъ. Боюсь Господа единого!“ Иоаннъ затрепеталъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ; отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ и ничего не свѣдали.

Изобрѣли доносы, улики, представили Иоанну и велѣли митрополиту явиться въ судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи: игумень Паисій стоялъ и клеветалъ на святого мужа съ неслыханною дерзостью. Въмѣсто оправданія бесполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождельнаго, а царю: „Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти; нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не зная въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клубукъ и мантия, конми ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ и страшитесь Небеснаго царя еще болѣе, нежели земного“. Онъ хотѣлъ удалиться; царь остановилъ его, сказавъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судію: принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8-го ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооружен-

ныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Вонны вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы. Филиппъ, съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: „молитесь!“ На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Иоаннъ, для выслушанія приговора. Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ великодушно, умиленно: не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Иоанна скалиться надъ Россією, не терзать подданныхъ: вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа войнамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ былъ перевезенъ въ обитель Св. Николая *Стараго*, на берегу Москвы рѣки, терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Иоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ; прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту, слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотря на келію заключеннаго и рассказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости,—царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троїцкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступити мѣсто Филиппа.

ПОСОЛЬСТВО ЕРМАКА.

Иоаннъ то предавался подозрѣніямъ и казнилъ самыхъ лучшихъ, самыхъ знаменитыхъ гражданъ, то приходилъ въ себя, каляя всенародно и посылалъ въ монастыри богатые вклады и длинныя синодики съ именами убитенныхъ, приказывая молиться за ихъ упокой. Изъ прежнихъ его любимцевъ не уцѣлѣло ни одного. Послѣдній и главный изъ нихъ, Малюта Скуратовъ, не испытывъ ни разу опалы, былъ убитъ при осадѣ Пайды, или Вейсенштейна, въ Ливоніи, и въ честь ему Иоаннъ сжегъ всѣхъ плѣнныхъ Нѣмцевъ и Шведовъ на кострѣ.

Сотни и тысячи русскихъ, потерявъ всякое терпѣніе и надежду на лучшія времена, уходили толпами въ Литву и Польшу.

Одно только счастливое событіе произошло въ теченіе этихъ лѣтъ: Иоаннъ постигъ всю бесполезность раздѣленія земли на двѣ половины, изъ которыхъ меньшая терзала большую, и, по внушенію Годунова, уничтожилъ ненавистную опричнину. Онъ возвратился на жительство въ Москву, а страшный дворецъ въ Александровской слободѣ запусѣлъ навсегда.

Между тѣмъ много бѣдствій обрушилось на нашу родину. Голодъ и моръ опустошали города и селенія; нѣсколько разъ ханъ *) вторгнулся въ наши предѣлы, и въ одинъ изъ своихъ набѣговъ сжегъ всѣ посады подъ Москвой и большую часть самаго города. Шведы нападали на насъ съ сѣвера; Стефанъ Баторій, избранный сеймомъ послѣ Жигимонта, возобновилъ литовскую войну, и, несмотря на мужество нашихъ войскъ, одолѣлъ насъ своимъ умѣньемъ и отнялъ у насъ всѣ наши западныя владѣнія.

Царевичъ Иоаннъ хотя раздѣлялъ съ отцомъ его злодѣйства, но почувствовалъ на этотъ разъ униженіе государства и попросился у отца съ войскомъ противъ Баторія. Иоаннъ увидѣлъ въ этомъ замыселъ свергнуть его съ престола и, въ припадкѣ бѣшенства, убилъ сына ударомъ остраго посоха. Разсказываютъ, что Годуновъ, бросившійся между нихъ, былъ жестоко израненъ царемъ и сохранилъ жизнь только благодаря врачебному искусству пермскаго гостя Строгонова.

*) Ханъ Крымскій.

Послѣ этого убійства Иоаннъ, въ мрачномъ отчаяніи, созвалъ думу, объявилъ, что хочетъ идти въ монастырь, и приказалъ приступить къ выбору другого царя. Снисходя однако на усиленные просьбы бояръ, онъ согласился остаться на престолѣ и ограничился однимъ покаянiемъ и богатыми вкладыми; а вскорѣ потомъ снова начались казни. Такъ, по свидѣтельству Одерборна, онъ осудилъ на смерть двѣ тысячи триста человекъ за то, что они сдали врагамъ разныя крѣпости, хотя самъ Баторій удивлялся ихъ мужеству.

Теряя свои владѣнія одно за другимъ, тѣснымъ со всѣхъ сторонъ врагами, видя внутреннее разстройство своего государства, Иоаннъ былъ жестоко пораженъ въ своей гордости, и это мучительное чувство отразилось на его приемахъ и наружности. Онъ сталъ небреженъ въ одеждѣ; высокій станъ его согнулся, очи померкли, нижняя челюсть отвисла, какъ у старика; и только въ присутствіи другихъ онъ дѣлалъ усилія надъ собою, гордо выпрямлялся и подозрительно смотрѣлъ на околныхъ, не замѣчаетъ ли кто въ немъ упадка духа. Въ эти минуты онъ былъ страшнѣе, чѣмъ во дни своего величія. Никогда еще Москва не находилась подъ такимъ давленіемъ унынія и боязни.

Въ это скорбное время неожиданная вѣсть пришла отъ краяго востока, ободрила всѣ сердца и обратила горе въ радость.

Отъ отдаленныхъ береговъ Камы прибыли въ Москву знатные купцы Строгоновы, родственники того самаго гостя, который излѣчилъ Годунова. Они имѣли отъ царя жалованныя грамоты на пустыя мѣста земли пермской и жили на нихъ владѣтельными князьями независимо отъ пермскихъ намѣстниковъ, съ своею управой и своею дружиной, при единственномъ условіи охранять границы отъ дикихъ сибирскихъ народовъ, нашихъ недавнихъ и сомнительныхъ данниковъ. Тревожимые въ своихъ деревянныхъ крѣпостяхъ ханомъ Кучумомъ, они рѣшились двинуться за *Каменный поясъ* *) и сами напасть на непріятельскую землю. Для успѣвнѣйшаго исполненія этого замысла, они обратились къ нѣсколькимъ раз-

*) Т. е. Уральскія горы.

бойничьимъ или, какъ они себя называли, казачьимъ атаманамъ, опустошавшимъ въ то время съ шайками своими берега Волги и Дона. Главнѣйшими изъ нихъ были Ермакъ Тимофеевъ и Иванъ Кольцо, осужденный когда-то на смерть, но спасшійся чудеснымъ образомъ отъ царскихъ стрѣльцовъ и долгое время пропадавшій безъ вѣсти. Получивъ отъ Строгоновыхъ дары и грамоту, которою они призывались на славное и честное дѣло, Ермакъ и Кольцо, съ тремя другими атаманами, подняли знамя на Волгѣ, собрали изъ удалой вольницы дружину и явились на зовъ Строгоновыхъ. Сорокъ струговъ были тотчасъ нагружены запасами и оружіемъ, и небольшая дружина, подъ воеводствомъ Ермака, отслуживъ молебень, пошла съ веселыми пѣснями вверхъ по рѣкѣ Чусовой, къ дикимъ горамъ Уральскимъ. Разбивая вездѣ враждебныя племена, перетаскивая суда изъ рѣки въ рѣку, они добрались до береговъ Иртыша, гдѣ разбили и взяли въ плѣнъ главнаго воеводу сибирскаго, Маметкула, и овладѣли городомъ Сибирью, на высокомъ и крутомъ обрывѣ Иртыша. Не довольствуясь этимъ завоеваніемъ, Ермакъ пошелъ далѣе, покорилъ весь край до Оби и заставилъ побѣжденные народы цѣловать свою кровавую саблю во имя царя Ивана Васильевича всея Руси. Тогда только онъ далъ знать о своемъ успѣхѣ Строгоновымъ и въ то же время послалъ любимаго своего атамана Ивана Кольцо въ Москву бить челомъ великому государю и кланяться ему новымъ царствомъ.

Съ этою радостною вѣстью Строгоновы пріѣхали къ Иоанну, и скорѣ послѣ нихъ прибыло Ермаково посольство.

Ликованіе въ городѣ было неслыханное. Во всѣхъ церквахъ служили молебны, всѣ колокола звонили, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Царь обласкалъ Строгоновыхъ, назначилъ торжественный пріемъ Ивану Кольцу.

Въ большой кремлевской палатѣ, окруженный всемъ блескомъ царскаго величія, Иванъ Васильевичъ сидѣлъ на престолѣ въ Мономаховой шапкѣ, въ золотой рябѣ, украшенной образами и дорогими камнями. По правую его руку стоялъ Царевичъ Θεодоръ, по лѣвую — Борисъ Годуновъ. Вокругъ престола и дверей размѣщены

были рынды *) въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, шитыхъ серебромъ, съ узорными топорами на плечахъ. Вся палата была наполнена князьями и боярами.

Воспрянувъ духомъ послѣ извѣстія, привезеннаго Строгоновыми, Иоаннъ смотрѣлъ уже не такъ мрачно, и на устахъ его появлялась даже улыбка, когда онъ обращался къ Годунову съ какимъ нибудь замѣчаніемъ. Но лицо его сильно постарѣло, морщины сдѣлались глубже, на головѣ осталось мало волосъ, а изъ бороды вылѣзли все.

Борисъ Θεодоровичъ въ послѣдніе годы быстро пошелъ въ гору. Онъ сдѣлался шуриномъ царевича Θεодора, за котораго вышла сестра его Ирина, и носилъ теперь важный санъ конюшаго боярина. Разказывали даже, что Царь Иванъ Васильевичъ, желая показать, сколь Годуновъ и невѣстка близки его сердцу, поднялъ однажды три перста кверху и сказалъ, дотрогиваясь до нихъ другою рукою: „Се Θεодоръ, се Ирина, се Борисъ; и какъ рукъ моей было бы одинаково больно, который изъ сихъ перстовъ отъ нея бы ни отсѣкли, такъ равно тяжело было бы моему сердцу лишиться одного изъ трехъ возлюбленныхъ чадъ моихъ“.

Такая необыкновенная милость не родила въ Годуновѣ ни надменности, ни высокомерія. Онъ былъ по прежнему скромнень, пріятливъ къ каждому, воздерженъ въ рѣчахъ, и только осанка его получила еще болѣе степенности и ту спокойную важность, которая была прилична его высокому положенію.

Глядя на царевича Θεодора, нельзя было удержаться отъ мысли, что слабы тѣ руки, которымъ, по смерти Иоанна, надлежало поддерживать государство. Ни малѣйшей черты ни умственной, ни душевной силы не являло его добродушное, но безжизненное лицо. Онъ былъ уже два года женатъ, но выраженіе его осталось дѣтское. Ростомъ онъ былъ малъ, сложеніемъ дряблъ, лицомъ блѣднень и опухловатъ. При томъ онъ постоянно улыбался и смотрѣлъ робко и запуганно. Не даромъ ходили слухи, что царь, жалѣя о

*) Царскіе тѣлохранители.

старшемъ сынѣ, говариваль иногда Θεодору: „Пономаремъ бы тебѣ родиться, Феда, а не царевичемъ!“

Шопоть, раздававшійся во дворцѣ между придворными, былъ внезапно прерванъ звуками трубъ и звономъ колоколовъ. Въ палату вошли, предшествуемые шестью стольниками, посланные Ермака, а за ними Максимъ и Никита Строгоновы, съ дядею ихъ Семеномъ. Позади несли дорогіе мѣха, разныя странныя утвари и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія.

Иванъ Кольцо, шедшій во главѣ посольства, былъ человекъ лѣтъ подь пятьдесятъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми, пронизательными глазами, съ черной, густою, но короткою бородою, подернутою легкою просѣдою.

— „Великій государь! сказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола:—казацкій твой атаманъ, Ермакъ Тимофеевъ, вмѣстѣ со всѣми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старались заслужить свои вины и бьютъ тебѣ челомъ и новымъ царствомъ. Прибавь, великій государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ Казанскому и Астраханскому еще и это, Сибирское, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру!“

И, проговоривъ свою краткую рѣчь, Кольцо, вмѣстѣ съ товарищами, опустился на колѣни и преклонилъ голову свою до земли.

— „Встаньте, добрые слуги мои! сказалъ Иоаннъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость!“

Изъ ром. „Князь Серебряный“ гр. А. Толстого.

ПЕРВОЕ ИЗВѢСТІЕ О САМОЗВАНЦѢ.

(Царскія палаты; царевичъ Θεодоръ чертитъ географическую карту; входитъ царь Борисъ).

Царь. А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Θеодоръ. Чертежъ земли Московской, наше царство изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва, тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море; пермскіе дремучіе лѣса; а вотъ Сибирь.

Царь. А это что узоромъ здѣсь вѣется?

Θеодоръ. Это Волга.

Царь. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья! Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть все царство вдругъ: границы, грады, рѣки. Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни. Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть, всѣ области, которыя ты нынѣ изобразилъ такъ хитро на бумагѣ, всѣ подь руку достанутся твою. Учись, мой сынъ: и легче, и яснѣе державный трудъ ты будешь постигать (*входитъ Шуйскій, Борисъ обращается къ нему*). Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить. Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ! я выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій. Такъ, государь, мой долгъ тебѣ повѣдать вѣсть важную.

Царь. Я слушаю тебя.

Шуйскій (*тихо, указывая на Θεодора*). Но, государь...

Царь. Царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій. Царь! изъ Литвы пришла къ намъ вѣсть...

Царь. Не та ли, что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ?

Шуйскій (*про себя*). Все знаетъ онъ! (*вслухъ*). Я думалъ, государь, что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь. Нѣтъ нужды, князь; хочу сообразить извѣстія: иначе не узнаемъ мы истины.

Шуйскій. Я знаю только то, что въ Краковѣ явился самозванецъ, и что король и паны за него.

Царь. Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій. Не вѣдаю.

Царь. Но чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій. Конечно, царь, сильна твоя держава! Ты милостью, радѣньемъ и щедротой усыновилъ сердца своихъ рабовъ. Но знаешь самъ: бессмысленная чернь измѣнчива, мятежна, суетвѣрна; легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна, для истины глуха и равнодушна, и баснями питается она. Ей нравится безстыдная отвага; такъ, если сей невѣдомый бродяга

литовскую границу перейдетъ, къ нему толпу безумцевъ привлечетъ Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ. Димитрія... какъ... этого младенца? Димитрія!.. Царевичъ, удались!

Шуйскій (*про себя*). Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

Феодоръ. Государь, дозволишь ли?

ЦАРЬ. Нельзя, моя сынъ, поди (*Феодоръ уходитъ*). Димитрія!...

Шуйскій (*про себя*). Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ. Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ, чтобъ отъ Литвы Россія оградилась заставами; чтобъ ни одна душа не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ, чтобъ воронъ не пролетѣлъ изъ Кракова. Ступай*).

ЧУДО СВ. ДИМИТРІЯ.

(*Царскія палаты; царь Борисъ, патриархъ, бояре; патриархъ говоритъ Борису*).

„Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ; въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь благословилъ на царскую державу, — въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды простой пастухъ, уже маститый старецъ, и чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну. „Въ младыхъ лѣтахъ“, сказалъ онъ, „я ослѣпъ, и съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи до старости: напрасно я лѣчился и зелиемъ, и тайнымъ нашептаниемъ; напрасно я ходилъ на поклоненье въ обители къ великимъ чудотворцамъ, напрасно я изъ кладезей святыхъ кропилъ водой цѣлебной темны очи — не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья. Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду и къ тѣмъ своей привыкъ, и даже сны мнѣ видѣнныхъ вещей ужъ не являли, а снилися мнѣ только звуки. Разъ, въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ мнѣ говоритъ: „встань, дѣдушка, поди ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья; тамъ помолись ты надъ моей могилой; Богъ милостивъ — и я тебя прощу“. Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ. „Царевичъ я Димитрій. Царь небесный пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ, и я теперъ великій чудотво-

*) Отрывокъ изъ драмы „Борисъ Годуновъ“, гдѣ рассказывается убіеніе царевича Димитрія, помѣщенъ въ статьѣ „Повѣдка по Волгѣ“.

рецъ. Иди, старикъ“.— Проснулся я и думалъ: что жъ? можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Богъ мнѣ позднее даруетъ исцѣленье: пойду — и въ путь отправился далекий. Вотъ Углича достигъ я, прихожу въ святой соборъ и слушаю обѣдно и, разгорясь душой усердной, плачу такъ сладостно, какъ будто слѣпота изъ глазъ моихъ слезами вытекала. Когда народъ сталъ выходить, я внуку сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ царевича Димитрія. И мальчикъ повелъ меня — и только передъ гробомъ я тихую молитву сотворилъ, глаза мои прозрѣли, я увидѣлъ и Божій свѣтъ, и внука, и могилку“. Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ. (*Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ*).

„Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ, и свѣдано, что многіе страдальцы спасеніе, подобно, обрѣли у гробовой царевича доски. Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святяя мощи перенести, поставить ихъ въ соборъ Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно тогда обманъ безбожнаго злодѣя, и мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ“.

Изъ др. «Борисъ Годуновъ» А. Пушкина.

НАЧАЛО ОСАДЫ ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.

(1608 г.).

Троицкая лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоценныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ Россіи: съ Новымъ-городомъ, Вологдою, Пермью, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою, Казанскою, откуда шли на помощь къ царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, лавра, еще въ царствованіе Іоанна IV, была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ сажени) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени), съ баш-

нями, острогомъ и глубокимъ ровомъ; предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами дѣтей боярскихъ, казаковъ вѣрныхъ, стрѣльцовъ и, съ помощью усердныхъ иноковъ, снабдить всею нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сии иноки—изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили царямъ въ чинахъ воинскихъ и думныхъ—взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавыя въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ ряса надѣвъ доспѣхи, ждали неприятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы царскіе; дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клеветовъ у самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще не закоспѣлыхъ измѣнниковъ и предоставляя имъ въ спасительное убѣжище лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось.

23-го сентября Сапѣга, а съ нимъ и литовскій князь Константинъ Вишневскій, Тышкевичи и многіе другіе знатные паны, предводительствуя тридцатію тысячами ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ. Осадные воеводы лавры, князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать неприятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ лавру. Неприятель въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ все высоты и пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ, лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келіяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень. Легко было предвидѣть дальнѣйшія гибельныя слѣдствія тѣсноты, но добрые иноки говорили: „Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ“—и всехъ принимали. Воеводы, архимандритъ Иосафъ и соборные старцы урядили защиту: вездѣ разста-

вили пушки, назначили кому биться на стѣнахъ или въ вылазкахъ, и князь Долгоруковъ съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осаду безъ измѣны*. Все люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ лавры ни днемъ, ни ночью.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

КОЗЬМА ЗАХАРЬЕВИЧЪ МИНИНЪ-СУХОРУКЪ.

(Дѣйствіе происходитъ на площади Нижнегородскаго Кремля, подлѣ собора. Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Все утираютъ слезы).

Проходятъ двое.—1-й. Экой плачь! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й. Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы каменные, что ли? *(Проходятъ)*.

Старикъ и женщина.—Старикъ. Гибнетъ, говорятъ, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Скажи ты мнѣ, каково слышать?

Женщина. Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ; этакъ не то что своихъ ближнихъ, и Бога то забудешь *(Проходятъ)*.

Проходятъ четверо.—1-й. Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й. А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й. Потому, что ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наследуешь.

4-й. Безпремѣнно. *(Проходятъ)*.

(Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицу для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Аксеновъ (богатый торговый человекъ), Поставловъ (боярскій сынъ), Темкинъ, Губанинъ (торговые люди)).

Поставловъ. Выходишь отъ обѣдни, помолясь съ усердіемъ и досыта поплакавъ, и такъ тебѣ легко на сердцѣ станеть: и подѣ

ногами ты земли не чуешь, и ногъ не слышишь; и заря-то ярче горитъ на небѣ; точно сладкій медъ, пьешь воздухъ утренній. Такое диво! Какая легкость для души молитва! Взялся бы съ мѣта, да и полетѣлъ! А день придетъ—забота за заботой навалится, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ. Вѣстимо, утромъ человекъ помягче, пока не заболтался въ суетѣ; и разумъ крѣпче, да и воля тверже, и особливо помолясь усердно. Сейчас наказывалъ Кузьма Захарычъ сказать народу, чтобъ не расходился. Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь, да и сердца-то огрубѣть успѣютъ. Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ оъ Ангелу Хранителю, Козьмѣ-Безсребреннику. Вы поговорите съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу—одинъ съ одну сторону, другой съ другую).

Темкинъ. Почтенные! Маленько подождите: Кузьма Захарычъ хочетъ говорить.

Губанинъ. Коли не въ трудъ, повремените малость: Кузьма Захарычъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора).

Мининъ *) *(съ лобнаго мѣста)*. Друзья и братья! Русь святая гибнетъ! Друзья и братья! Православной вѣрѣ, въ которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоитъ. Святители, молитвенники наши, о помощи взываютъ, молютъ слезно. Вы слышали ихъ слезное прошенье! Поможемъ, братья, родинѣ святой! Что-жъ, развѣ въ насъ сердца окаменѣли? Не всѣ-ль мы дѣти матери одной? Не всѣ-ль мы братья отъ одной купели?

Голоса. Мы всѣ, Кузьма Захарычъ, всѣ хотимъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

Мининъ. И еще, братья, похотимъ помочь, не пожалѣемъ нашихъ достояній! Не пощадимъ казны и животовъ! Мы продадимъ дворы свои и дома! А будетъ мало—женъ, дѣтей заложимъ!

*) Земскій староста Нижняго посада.

Голоса. Заложимъ женъ! дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ. Что мѣшкать даромъ? Время насъ не ждетъ! Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы: изыщемъ, братія, честнаго мужа, которому то дѣло за обычай—вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править. Кто воеводой будетъ?

Голоса. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій!—Другого намъ не надо!

Мининъ. Воля Божья! Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ, ему и править нами. Гласъ народа—гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ просить и кланяться, чтобъ шель къ намъ на слѣхъ. Теперь, друзья, несите, кто что можетъ, на дѣло земское, на помощь ратнымъ. Я, Господи, благослови начало! свои, копленья и трудовыя, всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ. И мы, и мы всѣ за тобой готовы отдать свою копѣйку трудовую!

Другіе голоса. Что деньги! Деньги дѣло наживное: какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ. Да изъ собора я послалъ Нефеда *), чтобъ изъ дому несли, что подороже: жены Татьяны подноси и серьги, весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя, камку и бархатъ, соболь и лисицу; да взяли-бъ у святыхъ иконъ взаймы, на время только, ризы золотыя. Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса. Все отдадимъ! Теперь не до нарядовъ! Въ нарядахъ суета мірская ходить! *(Начинается приношеніе)*.

Мининъ. Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну. Ты, дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то, постой у денегъ. Принимайте вмѣстѣ.

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаятъ приносить даже вещи).

Губанинъ *(Темкину)*. Пойти домой, принесть свое хоботье! Оставлю чашку щей да хлѣба на день, съ меня и будетъ.

*) Сынъ Минина.

Темкинъ. Погоди, успѣешь! Мы первые пошли на это дѣло — не спатимся.

(Входитъ Колзаковъ, стрѣлковій сотникъ).

Колзаковъ *(Минину)*. А я что дамъ? До нитки промотался! А надо бы беречь на черный день. И у меня добра довольно было, да сплыло все. Теперь людямъ завидно. Не то завидно, милый человекъ, что хорошо живутъ да чисто ходятъ; а то завидно, что добро несутъ, а мнѣ вотъ нечего. И одежка вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльничъ на шеѣ, серебряный, большой. Ну, славу Богу! Нашлось-таки что Господу отдать. *(Снимаетъ)*. Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни поидеть на дѣло и моя копѣйка.

(Входитъ Татьяна Юрьевна, жена Минина, и Нефедь. За ними несутъ сундуки и ларцы).

Нефедь. Какъ, батюшка, изволилъ приказать, такъ точно мы, по твоему приказу, и сдѣлали: все принесли сюда.

Мининъ. Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ! Кладите въ кучу — послѣ разберуть.

Татьяна Юрьевна. Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарычъ, ты приказалъ женѣ своей, Татьянѣ, прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья, и съ камешками перстеньки, и всю забаву нашу бабью. Я не знаю, на что тебѣ; я все въ ларецъ поклала, не думавши, взяла и принесла. Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарычъ, ты слово твердое — такъ что намъ думать.

Мининъ. Сама Петру Аксенычу отдай!

Татьяна Юрьевна. Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Уходитъ. Входитъ Марья Борисовна, богатая вдова; за нею несутъ сундуки и ларцы).

Марья Борисовна. Богатое наслѣдство мнѣ осталось отъ мужа моего и господина. Отцы и дѣды прежде накопили, а онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много къ отцовскому наслѣдію прибавилъ, и умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ ему Господь плоды трудовъ увидѣть, покрасоваться нажитымъ добромъ. Благословенна не было отъ Бога мнѣ на дѣтей — однимъ-одна осталась хозяйкою несчетнаго добра чужого, — я съ собою мало въ домъ принесла.

Искала я родныхъ, — родни его ни близкой не осталось, ни дальней. Вздумала я, догадалась раздать казну за упокой души, — и весело мнѣ стало, что заботу такую дорогую Богъ послалъ. И вотъ, благословясь, я раздавала по храмамъ Божиимъ, на поминъ души, и нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу, убогимъ и слѣпымъ, и прокаженнымъ, сиротамъ и въ убогіе дома, колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ, къ обители — и въ Кіевъ, и въ Ростовъ, въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ, на Бѣлоозеро, и въ Галичъ, и въ Поморье, и въ Грецію, и на Святую Гору — и не могла раздать. Все прибавлялось, — то долгъ несутъ, то кортому съ угодій. И не внуши вамъ Богъ такого дѣла, ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ. Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте! На добрыя дѣла, на обиходъ еще немного у меня осталось. Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмите. А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно — однихъ угодій хватить на прожитокъ. *(Отходитъ къ сторонѣ. Народу все больше прибываетъ на площадь)*.

Одинъ изъ толпы. Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги.

Другой. Зипунишко! *(Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами)*.

Голоса. Вотъ наши деньги изъ квасного ряду! — Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! — Костромичи собрали — принимайте! Стрѣльцы Колзакова Банма сотни!

Поспѣловъ. Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

Мининъ. И я смотрю, душа во мнѣ растетъ. Не явно ли благословенне Божье! Теперь у насъ и войско, и казна, и полководецъ. Недалеко время, когда, вооружась и окрылатѣвъ, какъ непоборные орлы, помчимся и грянемъ на враговъ! Пусть лютый врагъ, какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ вооружаемъ; не страшень намъ злохитрый ковь его! За насъ молитвы цѣлаго народа, дѣтей и женъ и старцевъ многолѣтнихъ, и пѣнье иноковъ, и клиръ церковный, елей лампадъ, куреніе кадиль! За насъ угодники и чудотворцы, и легионы грозныхъ силъ небесныхъ, полкъ ангеловъ и Божья благодать!

(Изъ драмы Островскаго).

ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

(1613 г., 21 февраля).

Слова: „Москва взята! Въ Москвѣ уже нѣтъ ляховъ!“ казались волшебными словами, утишившими буйныя страсти. Казалось, вся Россія опомнилась послѣ безумнаго опьяненія, продолжавшагося *восемь лѣтъ*, съ тѣхъ поръ, когда самозванецъ вступилъ въ Россію *въ октябрь 1604 года*, до того времени, когда истинная вѣра и безкорыстная любовь къ отечеству, преодолевая всѣ препятствія, отняли Кремль у поляковъ. *Въ октябрь 1612 года*, къ искренней радости, примирились и соединились всѣ бояре, вожди войска русскаго, духовенство. Никто не напоминалъ другъ другу о прошедшемъ: *кто не былъ грѣшнѣе?* Предавая забвенію все минувшее, всѣ учредились по прежнему старшинству и прежде всего рѣшились общою думою избрать царя. До тѣхъ поръ положили править государствомъ отъ общаго имени бояръ, и поклялись не приставать ни къ самозванцамъ, ни къ Владиславу. Противъ Заруцкаго отправили войско; его разбили, прогнали изъ рязанской области. Делагарди, обманутый напраснымъ ожиданіемъ, прислалъ пословъ—говорить объ избраніи шведскаго принца; ему отвѣчали, что онъ опоздалъ. Отовсюду спѣшили въ Москву люди, избранные по городамъ, для выбора царя.

Въ Москву съѣхались зимою избранные люди изъ городовъ, отслужили молебенъ, приступили къ освященіямъ. Авраамій, уважаемый всѣми, краснорѣчивый, умѣлъ согласить умы, утишить раздоры. Не хотѣли избрать никого изъ старыхъ, мятежныхъ бояръ, и всѣ голоса слились во-едино, всѣ провозгласили юнаго, непорочнаго *Михаила*, сына Филаретова, послѣднюю отрасль знаменитаго дома Захарьинныхъ, того, чье имя предлагалъ нѣкогда къ избранію страстотерпецъ Гермогенъ. Архіепископъ рязанскій Феодоръ, Авраамій и бояринъ Морозовъ вышли къ народу, нетерпѣливо ожидавшемуся рѣшенія земскаго совѣта. Едва произнесено было имя *Михаила*, толпа привѣтствовала его радостными восклицаніями. Безъ условія, безъ оговорокъ, избраніе *Михаила* совершилось 21-го

февраля 1613 года; 25-го Москва и земскій совѣтъ присягнули новому царю, *избранному отъ Бога, а не отъ человекъ*, по выраженію современниковъ; ибо единодушіе, съ какимъ произошло избраніе, приписали единственно милосердію и внушенію Божію.

(Изъ соч. Полевого).

ПЕТРЪ I.

Петръ былъ слишкомъ 2-хъ аршинъ 14 вершковъ, и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Саардамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и, бросивъ ее вверхъ, кортикомъ перерубилъ ее на воздухъ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслию и увлекался разговоромъ.

Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при руссійскомъ дворѣ, а именно цесарскій (австрійскій) посоль, графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на переговорахъ: ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность; но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была

самая простая; лѣтомъ черный бархатный картузь или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна, сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикава, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимой, вмѣсто бархатнаго картуза, носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой, изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы были подбиты собольями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь неохотно разставался съ сей простотою и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ, въ молодости Людовика XV, пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Приѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ; ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва прикрывалъ волосы. Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностью: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей. Въ день коронаціи Императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самую государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отчего нѣсколько канители осыпалось на полъ. „Смотри, Катенька“, сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки: „слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ,—а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата“.

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно. Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда подлежало расплачиваться, трактирщикъ—вѣроятно, узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ

сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить деньги, но не могъ забыть этой издержки и, угощая въ Петербургѣ приѣзжавшихъ на судахъ голландцевъ, всякій разъ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. „Мнѣ мотать не изъ чего“, говаривалъ онъ въ другое время: „жалованья заслуженнаго у меня не много, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ во всемъ отдать отчетъ Богу“. Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатавшихся, и чулкахъ; штопаныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье.

Вздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ сапяхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя денщиками—однимъ, который сидѣлъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ.

Та же простота, какую соблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. „Если хотите остаться моими друзьями“, говорилъ онъ саардамскимъ корабельщикамъ въ 1698 году, то обходитесь со мною не какъ съ царемъ; иначе я не буду ученикомъ вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, котораго требуетъ свѣтъ“. Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ Государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: „чего ты?“ и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ, „эхъ, братъ!“ продолжалъ Петръ, ударивъ его по плечу: „у тебя свои дѣла, у меня мои; зачѣмъ время тратить по пустому; ступай своей дорогой“. „Менѣе низости“, говаривалъ онъ, „и болѣе усердія къ службѣ и вѣрности къ государству и ко мнѣ—вотъ почести, которыхъ я хочу“.

Въ Петербургѣ царь былъ то же, что отецъ въ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, пировалъ съ другими, плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ ча-

сто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоповой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ *дубинки*, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ то же, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходился съ нимъ безъ чиновъ. Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ; иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но, обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто задумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. „За признаніе — прощеніе; за утайку нѣтъ помилованія“, повторялъ онъ часто: „лучше грѣхъ явный, нежели тайный“.

Онъ любилъ правду, даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною. „Князь Яковъ въ сенатѣ“, отзывался онъ о Долгоруковѣ: „прямой помощникъ. Онъ судить дѣльно и мнѣ не потакаетъ; безъ краснбайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо“.

ДЕНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ царь жилъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра, и ходилъ часъ по комнатѣ: читалъ въ это время С.-Петербургскія Вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по-латыни, по-нѣмецки и по-голландски, и понималъ французскій языкъ, хотя не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и безъ кофею, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростью въ одной и записною книжкою въ дру-

гой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ бранденбургскому посланнику пріемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была, вѣрно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворецъ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военного корабля. Посланникъ, имѣвшій важныя порученія и не могши вступитъ въ переговоры съ русскими министрами, не выдавъ Царя, принужденъ былъ отправиться вслѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. „Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ“, сказалъ Петръ, когда ему доложили о его пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взобраться на гротъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принималъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія подъ открытымъ небомъ, на корабельной мачтѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія и подписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при этомъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то Государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ-подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 16-го марта 1711 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, причемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь

давалъ имъ аудіенцію въ средней галлерей Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или, въ хорошую погоду, въ главной аллеѣ. Туда могъ приходиться всякій: и богатый, и неимущій, и знатный вельможа, и человѣкъ простого званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ столовую блюда прямо изъ печи, черезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой радисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ, съ солеными огурцами или лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ отъ всѣхъ прочимъ. У прибора его клалась всегда деревянная ложка, оправленная слоновною костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному денщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть передъ Царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Петръ не терпѣлъ много прислуги. Дежурный денщикъ служилъ Государю, Императрицѣ и Великимъ Князьямъ. Онъ находился при царѣ безотлучно днемъ и ночью; былъ довѣреннымъ его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря.

Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ С.-Петербургскія Вѣдомости; потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцомъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ для этого вставалъ изъ-за стола, приказавъ однакожь гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа уходилъ онъ въ токарню или въ кабинетъ; сюда приходили къ нему по дѣламъ. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что

ему приходило въ тотъ день на мысль, и удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

„Трудиться надобно, братецъ“, говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ: „я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобъ показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству“.

Море было любимую стихією Петра. Одинъ голландскій шкиперъ сказалъ ему, когда Государь объявилъ, что предпринимаетъ катанья по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: „Нѣтъ, Царь, ты не забудешь! я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ“. Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу, или окружены каналами, надъ которыми онъ частью самъ трудился. Движимый сей страстію къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣсколькимъ часамъ съ зрительною трубою въ Монплезира или въ Екатерингофскомъ *подзорномъ* дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу; выѣзжалъ на встрѣчу тѣмъ, которыя приходили къ Кронштадту, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру или по кровѣ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго Фапъ-деръ Гейдена; трудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признательности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и понятливый ученикъ; безъ ропота исполнялъ самыя трудныя порученія, переносилъ строгіе выговоры. Вотъ тому доказательство. Герцогу Мальбургу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хотѣлось видѣть Петра. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Ло въ Амстердамъ и явился для этого къ хозяину, у котораго Царь былъ въ ученіи. Домъ сего мастера находился на берегу залива Эй; передъ окнами между плотниками работалъ Петръ. „Я назову его по имени, сказалъ мастеръ Маль-

боругу: онъ оборотится, и вы успѣете свободнѣе разсмотрѣть его“. Въ это время нѣсколько челоуѣкъ пронесли на плечахъ большое бревно. „Петръ изъ Саардама, что-жъ ты зѣваешь? пооди помогать другимъ“, продолжалъ мастеръ, обращаясь къ Царю. Государь тотчасъ всталъ, бросилъ топоръ и, подставивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ его съ другими въ надлежащее мѣсто.

Но я никогда не кончилъ бы, если бы захотѣлъ теперь исчислять всѣ роды упражненій Императора Петра I, если бы вздумалъ подробно рассказывать, какъ онъ ткалъ въ Утрехтѣ на фабрикахъ Моллема полотно; ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера, неподалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ, и бралъ за пудъ по алтыну; какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ и т. п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы онъ не занимался, или, по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Самый отдыхъ Петра былъ работою. Онъ отдыхалъ или за токарнымъ станкомъ, или вырѣзывая на мѣди достопамятные случаи своего царствованія.

Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, охотно рассказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и въ морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и російскимъ. Обыкновенно онъ былъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъясняясь коротко: тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лицо, въ глазахъ блистали радостныя слезы, слова лились рѣкою и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ тираномъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины

отдѣланный, или кормщика, проведшаго челнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній.

Изъ Русской Стар. Корниловича.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

1709 года, 27 іюня.

Горитъ востокъ зарею новой;	Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ	Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый	Почуя роковой огонь,
Кругами входить къ небесамъ	Дрожатъ, глазами косо водить,
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.	И мчится въ прахъ боевомъ,
Полки ряды свои сомкнули;	Гордятся могучимъ сѣдокомъ.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;	Ужъ близокъ полдень. Жаръ пы-
Катятся ядра, свищутъ пули;	лаетъ.
Нависли хладныя штыки.	Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Сыны любимые побѣды,	Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы:	Равняясь, строятся полки;
Волнуясь, конница летитъ;	Молчатъ музыка боевая;
Пѣхота движется за нею	На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
И тяжелой твердостью всею	Прервали свой голодный ревъ;
Ея стремленія крѣпить.	И се—равнину оглашая,
И битвы поле роковое	Далече грянуло ура!
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;	Полки увидѣли Петра.
Но явно счастье боевое	
Служить ужъ начинаетъ намъ.	И онъ промчался предъ пол-
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,	ками,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,	Могучъ и радостенъ, какъ бой.
И Бога браней благодатью	Онъ поле пожиралъ очами.
Напгъ каждый шагъ запечатлѣвъ.	За нимъ вослѣдъ неслись толпой
	Сии птенцы гнѣзда Петрова—
Тогда-то, свыше вдохновенный,	Въ премѣнахъ жребія земного,
Раздался звучный гласъ Петра:	Въ трудахъ державства и войны
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,	Его товарищи, сыны:
Толпой любимцевъ окруженный,	И Шереметевъ благородный,
Выходитъ Петръ. Его глаза	И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣбининъ,
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.	И счастья баловень безродный,
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,	Полудержавный властелинъ.
Онъ весь, какъ Божія гроза.	И передъ сними рядами

Своихъ воинственныхъ дружинъ, Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Несомый вѣрными слугами, Прахъ роютъ и въ крови ни-
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ, пать.
Страдая раной, Карлъ явился. Шведъ, русскій—колетъ, рубить,
Вожди героя шли за нимъ. рѣжетъ;
Онъ въ думу тихо погрузился. Бой барабанный, клика, скрежетъ;
Смущенный взоръ изобразилъ Громъ пушекъ, топотъ, ржанье,
Необычайное волненье: стонъ,
Казалось, Карла приводилъ И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.
Желанный бой въ недоумѣнье... Но близокъ, близокъ мигъ по-
Вдругъ слабымъ маиёмъ руки бѣды.
На русскихъ двинулъ онъ полки. Ура! мы ломаемъ; гнутся шведы;
О славный часъ! о славный видъ!

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскален-
нымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій
строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ-плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевые?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнить вся Россія
Про день Бородина».

Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали;
Досадно было, боя ждали;
Ворчали старики:
«Что-жъ мы? на зимнія квартиры?»

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя.

Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе разорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ стоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ:
Что толку въ этакой бездѣлкѣ!
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добратся до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ от-
крытый:
Кто киверъ чистилъ весь избѣ-
тый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сер-
дито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.

Полковникъ нашъ рожденъ былъ
хватою!
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его, сраженья булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ
летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестяль,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колотъ устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не
мало,
Что значить русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груды;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой.

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Завтра бой затѣять новый
И до конца стоять...
И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

М А Н И Ф Е С Т Ъ.

19 февраля 1861 года.

Посмотри: въ избѣ, мерцаая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ замкнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что-жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Темень имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ.

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сияетъ
Вѣковѣчный день.

А. Майковъ.

ОТДѢЛЪ III.

ИЗЪ ГЕОГРАФІИ.

ВВЛИЗИ И ВДАЛИ.

У кого зрѣніе хорошо, тотъ можетъ ясно читать на разстояніи аршина; но если ту же книгу отодвинуть аршинъ на пять, на шесть, то и дальнорекій человекъ будетъ видѣть однѣ только чернѣющія строчки и много-много если различитъ большія буквы. Пусть кто-нибудь возьметъ въ руки книгу и, продолжая ее держать такъ, чтобы мы могли видѣть листы и на нихъ строчки, станетъ уходить съ нею все дальше и дальше; за десять, за пятнадцать саженой строчки исчезнутъ; саженой за сто вся книга покажется бѣлымъ пятномъ; еще десятка два саженой дальше—и не только нельзя будетъ разобрать, что держитъ уходящій человекъ въ рукахъ, но и самага человека будетъ трудно узнать по лицу на такомъ разстояніи. За версту нельзя уже различить цвѣта одежды уходящаго человека, а за пять, за шесть—и весь человекъ покажется чуть замѣтною точкою и, притомъ, точкою, почти неподвижною, хотя бы онъ шелъ очень скоро; еще нѣсколько саженой дальше—и самая эта точка исчезнетъ!

Случалось ли вамъ видѣть, какъ орелъ или коршунъ, снявшись съ камня или съ дерева, быстро начнетъ подыматься вверхъ? Сначала вы очень ясно различите широкія крылья, хвостъ и голову хищной птицы, но черезъ минуту вся птица, быстро улетающая вверхъ, покажется вамъ чернымъ и почти неподвижнымъ пятномъ, хотя она улетаешь съ прежнею быстротою; еще минута, другая—пятно превращается въ точку, а потомъ и самая точка исчезнетъ въ синевѣ небесной.

Всѣ предметы, какъ бы они велики ни были, дома, церкви, цѣлые города, громадныя горы, уменьшаются для насъ по мѣрѣ того, какъ мы отъ нихъ удаляемся, и если вамъ скажутъ, что черточка, которую вы видите на горизонтѣ, находится отъ васъ

на разстояніи десяти верстъ, то вы, зная, какъ уменьшаются предметы вдаль, вѣроятно, догадаетесь, что эта черточка совсѣмъ не такъ мала, какъ вамъ кажется, и что это должно быть какое-нибудь очень высокое зданіе, если можно еще видѣть его на разстояніи десяти верстъ. Но если вы увидите какой-нибудь предметъ на горизонтѣ на разстояніи пятидесяти, шестидесяти верстъ, то хотя бы этотъ предметъ казался вамъ не больше болотной кочки, вы, безъ сомнѣнія, подумаете, что это должно быть какая-нибудь громадная гора.

Но что же подумаете вы, если вамъ скажутъ, что луна, которая намъ кажется величиною съ большую тарелку, находится отъ насъ за 360.200 верстъ? Вѣроятно, вы повѣрите послѣ этого, что поперечникъ луны на самомъ дѣлѣ менѣе поперечника земли только въ четыре раза, даже немного меньше. Однако по объему луна въ 81 разъ меньше земли. Солнце же, которое кажется не меньше луны, еще гораздо, гораздо дальше. Можно себѣ представить, какъ громадно должно быть оно, если мы его еще видимъ такимъ большимъ за 144 милліона верстъ! Многія звѣзды еще гораздо, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ самое солнце; какъ же должны быть велики эти маленькія звѣзды, когда мы ихъ видимъ натакомъ неизмѣримо-далекомъ разстояніи!

З Е М Л Я.

Мы уже знаемъ, что звѣзды, которыя кажутся намъ блестящими, мигающими точками, такія большія, что на нихъ весьма просторно могли бы помѣститься многіе и многіе милліоны людей. Живутъ ли тамъ люди, мы не знаемъ; но знаемъ только то, что если бы съ одной изъ этихъ звѣздочекъ можно было взглянуть на нашу землю, то ее или совсѣмъ не было бы видно, или она показалась бы намъ такою же крошечною, блестящею точкою, какою съ земли кажутся намъ звѣзды. Однако на этой точкѣ довольно мѣста для тысячи милліоновъ людей, для ихъ городовъ, сель и полей, много необитаемыхъ пустынь, хотя болѣе двухъ третей всей земной поверхности занято водою: океанами и морями.

Естественно, что человѣку захотѣлось узнать, какую форму

имѣетъ та звѣздочка, на которой онъ живетъ. Но какъ это сдѣлать? Мы знаемъ, что форму предметовъ человѣкъ узнаетъ посредствомъ зрѣнія и осязанія, и когда хотимъ узнать форму яблока, то беремъ его въ руки и осматриваемъ со всѣхъ сторонъ; но нельзя не согласиться, что съ землею это довольно трудно сдѣлать. Въ руки ее не возьмешь, да и осмотрѣть сразу невозможно. Представьте себѣ, что по огромному, почти шарообразному куполу какой-нибудь церкви ползетъ маленькая мошка; трудно будетъ ей узнать форму этого купола, и долго она проползаетъ по немъ, прежде чѣмъ узнаетъ, что онъ имѣетъ форму шара. Человѣкъ же въ отношеніи земли, на которой онъ живетъ, меньше, чѣмъ самая маленькая мошка въ отношеніи самага большого церковнаго купола. И долго человѣкъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ, прежде чѣмъ догадался, что Богъ далъ ей форму большого шара.

Если человѣку удавалось быть на морѣ или на большой равнинѣ, гдѣ ни лѣса, ни горы не мѣшали его взору, то онъ видѣлъ только крошечную частичку земли, которая на краю повсюду сходилась съ небомъ. Неудивительно, что прежде, чѣмъ угадали люди истинную форму земли, они считали ее плоскимъ кругомъ и полагали, что гдѣ-то далеко есть край земли, съ котораго, пожалуй, можно и соскочить; но куда соскочить — неизвѣстно. Были, правда, такіе умные люди, которые догадывались, что это не такъ, и что у земли нѣтъ краевъ, какъ нѣтъ ихъ у шара; но такихъ людей было не много, и имъ мало вѣрили. Но вотъ люди выучились дѣлать хорошіе корабли и стали плавать на нихъ по морю, каждый разъ заходя все дальше и нигдѣ не находя края земного. Наконецъ, нашлись такіе смѣльчаки, которые плыли, плыли и, не возвращаясь назадъ, доплыли до того мѣста, съ котораго отправились. Точно то же случилось бы съ мухою, еслибы она ползла все прямо вдоль купола, не возвращаясь назадъ: она приползла бы наконецъ къ тому мѣсту, съ котораго отправилась.

Г Л О В У С Ъ.

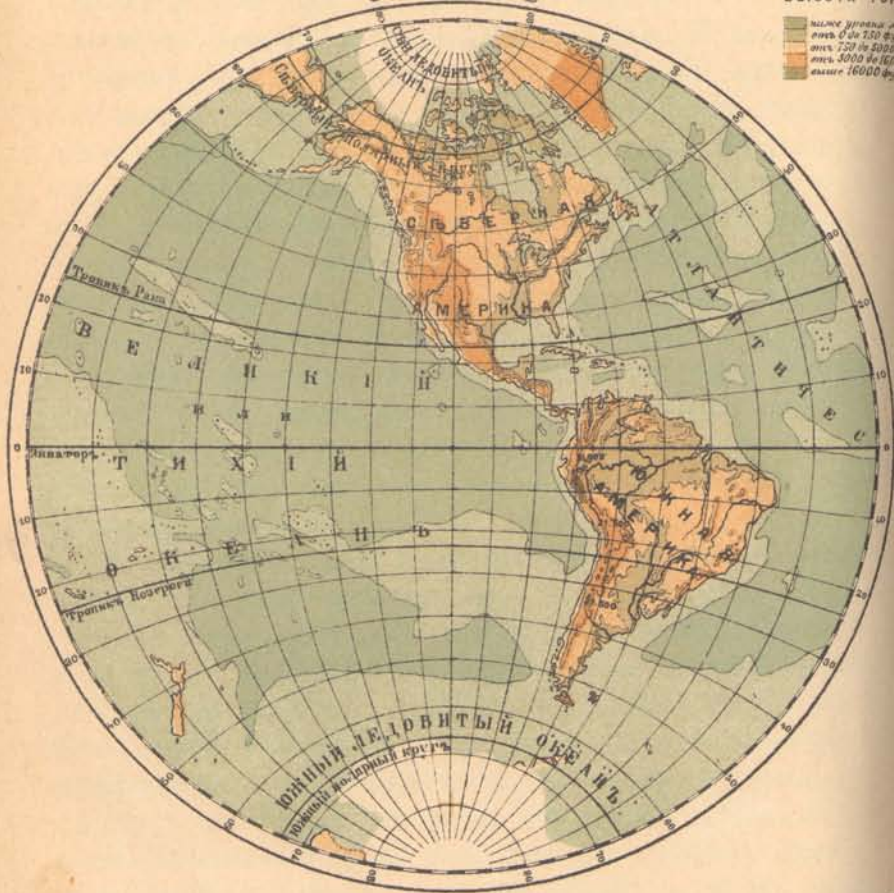
Смотря на картинку, на которой нарисована ловля кита, мы

говоримъ: какое большое животное! А между тѣмъ на картинкѣ это животное не больше вершка. Но китъ намъ кажется и на картинкѣ большимъ, потому что возлѣ него нарисована лодка, въ которой сидитъ человекъ десять китолововъ: а лодка эта въ четыре раза меньше кита. Зная же, какъ великъ человекъ въ натурѣ, мы заключаемъ о величинѣ громаднаго морского звѣря. На картинкахъ по большей части всѣ предметы изображаются гораздо меньше ихъ натуральной величины. Иная высокая гора на картинкѣ точно небольшое пятнышко; за тѣмъ возлѣ такой горы человекъ и нарисовать нельзя: такъ онъ будетъ малъ; если же рисуемъ человекъ, хотя въ вершокъ величиною, то самую гору сочтемъ за маленькій холмикъ. На картинкахъ, слѣдовательно, предметы изображаются по большей части въ уменьшенномъ видѣ, но *пропорціонально*, т. е. во сколько разъ уменьшенъ на картинкѣ одинъ предметъ, во столько разъ уменьшенъ и другой. Если же на картинкѣ иногда рисуютъ человекъ больше дерева или горы, то это для того, чтобы показать, что человекъ стоитъ ближе, а гора гораздо дальше; потому что, какъ вы уже знаете, чѣмъ дальше отъ насъ предметъ, тѣмъ онъ кажется меньше.

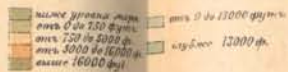
На полу нашего класса можно умѣстить много листовъ бумаги; но весь полъ можно нарисовать на одномъ листѣ: стоитъ только вымѣрить, сколько будетъ нашъ полъ въ длину, сколько въ ширину, и нарисовать на бумагѣ такой четырехугольникъ, который столько же будетъ имѣть въ длину и въ ширину вершковъ, сколько самъ полъ имѣетъ саженей. На этомъ маленькомъ четырехугольникѣ, представляющемъ полъ нашего класса, мы можемъ легко означить, гдѣ стоятъ наши скамьи, гдѣ доска, гдѣ печи и т. д. Такъ же мы можемъ нарисовать и цѣлый садъ. Если мы рисуемъ деревья, кусты, бесѣдки и представимъ всѣ эти предметы въ такомъ видѣ, какъ они представляются глазамъ нашимъ, т. е. тѣ, которые поближе—въ бѣльшемъ видѣ, а тѣ, которые дальше—въ меньшемъ, то это будетъ *картина* сада. Но если мы вымѣряемъ нашъ садъ во всѣхъ направленіяхъ и начертимъ на бумагѣ фигуру пространства, занимаемаго садомъ, конечно въ уменьшенномъ видѣ, а

ПОЛУШАРІЯ

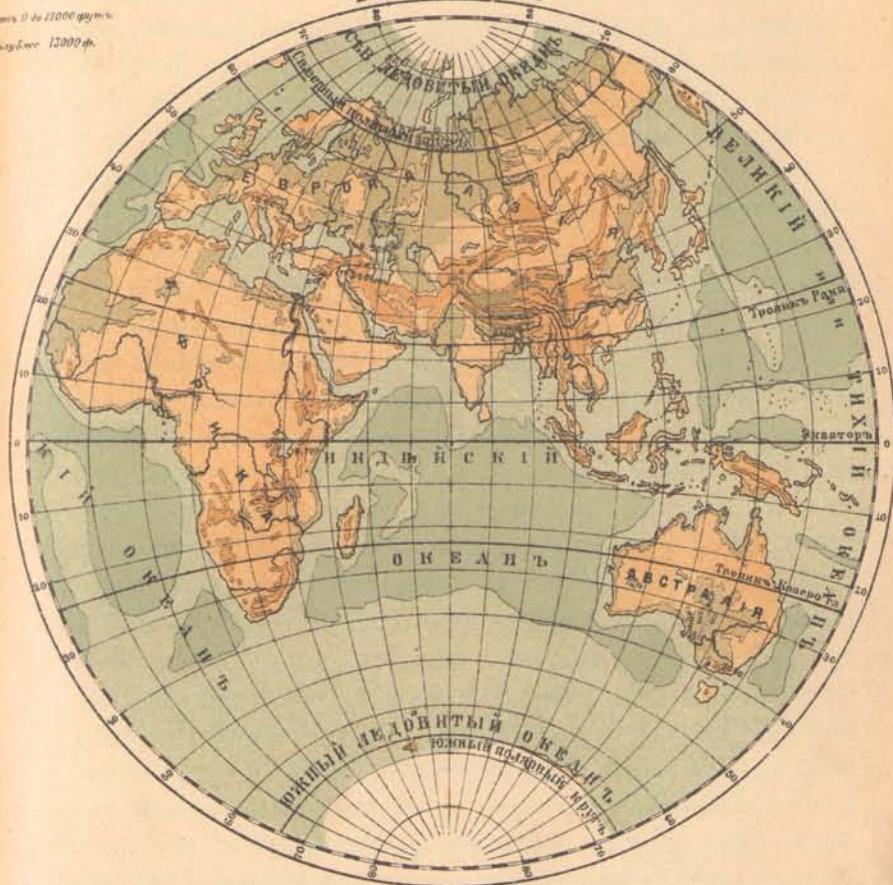
ЗАПАДНОЕ

ВЫСОТА ГОРЬ, ГЛУБИНА МОРЕЙ

ВОСТОЧНОЕ

потомъ означимъ на этой фигурѣ положеніе дорожекъ, бесѣдокъ, пруда, деревьевъ, словомъ, всёхъ предметовъ, которые находятся въ нашемъ саду, не изображая самихъ предметовъ, то это будетъ уже не картина, а *планъ* сада. Можно нарисовать такой же планъ большого города, означивъ на планѣ теченіе рѣки, положеніе улицъ, площадей, церквей и даже всякаго дома по одиночкѣ. Имѣя такой планъ въ рукахъ, мы уже не можемъ заблудиться, куда бы мы ни зашли: намъ стоитъ узнать названіе улицы, и, взглянувъ на планъ, мы сейчасъ поймемъ, гдѣ мы находимся и куда намъ должно идти.

Можно нарисовать не только *планъ* дома, сада, города, но и планъ цѣлой большой страны, и означить на этомъ планѣ всё рѣки, озера, моря, положеніе горъ, лѣсовъ, границы губерніи, города. Такой планъ называется уже *картою*. Но понятно, что рѣка, длиною въ двѣсти или триста верстъ въ натурѣ, будетъ на планѣ маленькою, узенькою черточкою въ полвершка длиною; цѣлый большой городъ—одною точкою; а домовъ или церквей и вовсе не будетъ, потому что ихъ слѣдовало бы сдѣлать такими маленькими, что нарисовать невозможно. Можете же себѣ представить, какъ надобно уменьшить всё предметы, рѣки, озера, моря и цѣлыя государства, чтобы нарисовать планъ или *карту* всей земли! Здѣсь уже рѣка, въ тысячу верстъ длиною, будетъ небольшою чертою въ полвершка.

Но какъ же рисовать карту земли: земля вѣдь шаръ, а бумага плоска? Дѣйствительно, это довольно трудно. Для этого дѣлаютъ шаръ изъ дерева и обклеиваютъ его бумагой, на которой уже нарисованы океаны, моря и земли съ озерами, горами и рѣками, въ томъ положеніи, въ которомъ они находятся на земномъ шарѣ. Такой шаръ, представляющій землю, называется *глобусомъ*. Если же представить земной шаръ на плоской бумагѣ, т. е. нарисовать карту земного шара, то обыкновенно рисуютъ ее въ двухъ кругахъ, представляющихъ два *полушарія*, но не выпуклыхъ, каковы полушарія въ натурѣ, а плоскихъ; въ одномъ кругѣ рисуютъ *карту* одной половины земного шара, въ другомъ—другой.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ПОЛУШАРІЯМИ.

Взглянувъ на карту двухъ земныхъ полушарій, легко узнать, гдѣ нарисована вода, а гдѣ земля, или суша. Вода покрываетъ двѣ трети земного шара и вся вмѣстѣ называется океаномъ. Земля составляетъ остальную треть и расположена посреди воды огромными островами, которые зовутъ *материками*, и между которыми разбросано множество маленькихъ *острововъ* и островковъ. Посреди материковъ вы замѣчаете еще воду въ видѣ *озеръ*, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ землею, или въ видѣ *рѣкъ*, изображенныхъ тоненькими извивающимися черточками, потому что рѣки и въ натурѣ никогда не текутъ прямо, а всегда извиваются. Вы видите, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море вдается въ землю и образуетъ *заливы*; въ другихъ мѣстахъ земля выдается въ море и образуетъ *полуострова*. Иногда два моря или заливъ съ моремъ соединяются узкимъ водянымъ проходомъ: такой проходъ называется *проливомъ*. Иногда два куска суши соединены узкимъ *перешейкомъ*. Большія части океана, лежація у береговъ или вдавшіяся въ материки, называются морями.

Присмотрѣвшись внимательно къ изображеніямъ обоихъ полушарій, вы замѣтите, что на одномъ изъ нихъ земли, или суши, больше, чѣмъ на другомъ. На томъ полушаріи, гдѣ больше воды, изображенъ Новый Свѣтъ; на другомъ — Старый. Длинный, вытянутый материкъ, составленный изъ двухъ большихъ кусковъ, соединенныхъ перешейкомъ, называется Новымъ Свѣтомъ, или Америкой. Америка называется Новымъ Свѣтомъ потому, что европейцы долго не знали объ ея существованіи. Между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ, къ востоку отъ Новаго, лежитъ Атлантическій океанъ, а къ западу — Тихій океанъ; на югѣ земного шара — Южный, а на сѣверѣ — Сѣверный, или Ледовитый. Всѣ эти океаны суть только части одного великаго океана земного шара, посреди котораго разбросаны материки и острова.

Въ Старомъ Свѣтѣ вы легко различите три части: Африку, Азію, соединенныя небольшимъ перешейкомъ, и Европу, самую малую часть свѣта, но жители которой, какъ вы знаете, распростра-

няютъ теперь образованіе и христіанскую вѣру по всему земному шару.

Всѣ три части Старого Свѣта, Европа, Азія и Африка, окружаютъ довольно большой заливъ Атлантическаго океана, называемый Средиземнымъ моремъ. Въ настоящее время почти во всей Европѣ живутъ образованные люди, тогда какъ въ другихъ частяхъ свѣта еще много дикарей; но за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени и въ Европѣ образованные народы были только на югѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, а далѣе къ сѣверу жили дикія, необразованные племена, не знавшія ни торговли, ни наукъ, ни искусствъ.

На одной части азіатскаго берега Средиземнаго моря жили финикіяне, народъ небольшой, но предприимчивый, который первый выучился строить хорошіе корабли и, отыскивая товары или развозя ихъ, пускался въ далекія морскія путешествія. Говорятъ даже, что финикіяне, по порученію одного египетскаго царя, по морю объѣхали кругомъ Африки, а это, по тогдашнимъ познаніямъ людей, было подвигомъ необыкновенно смѣлымъ, такъ что послѣ финикіянь ни одинъ народъ долго не могъ на него рѣшиться. На африканскомъ берегу, тамъ, гдѣ течетъ большая рѣка Нилъ, жили египтяне, народъ тоже очень умный, но не любившій пускаться въ морскія поѣздки. Далѣе къ западу, на африканскомъ же берегу, жили кароагеняне, предки которыхъ вышли изъ Финикіи. Кароагеняне были, какъ и ихъ предки, народъ торговый и странствовали по тогдашнему времени довольно далеко, — ѣздили даже въ самую Англию, населенную тогда дикарями.

На европейскомъ берегу Средиземнаго моря, на полуостровахъ, изъ которыхъ одинъ называется теперь Балканскимъ, а другой Аппенинскимъ, или Итальянскимъ, жили два самые образованные народа того времени: греки и римляне. Греки и римляне были очень умные, скоро полюбили науки и искусства, занимались и торговлею, но пускаться далеко въ море боялись. Не имѣя хорошихъ кораблей, не зная употребленія компаса, они плавали больше по Средиземному морю, и выѣхать изъ Средиземнаго моря, за *Гибрал-*

тарскій проливъ, казалось для нихъ великимъ подвигомъ, на который рѣшались немногіе. Если-же какой-нибудь корабль и выплывалъ за проливъ, казавшійся тогда для грековъ и римлянъ концомъ свѣта, то старался держаться береговъ и не пускался въ открытое море, которому, по понятіямъ тогдашняго времени, и конца не было.

Изъ этого вы можете заключить, какую небольшую часть земли знали даже самые образованные люди изъ грековъ и римлянъ. Въ далекія образованныя страны Азіи, Китай и Индію, пробраться сухимъ путемъ, черезъ огромныя пустыни, по которымъ тамъ и сямъ бродятъ необразованныя, полудикія племена людей, и теперь не легко, а тогда еще было труднѣе. Торговля съ Индіей, откуда привозили въ Европу золото, драгоценныя камни, дорогія ткани, различныя рѣдкія произведенія растительнаго царства, шла очень трудно и медленно. А между тѣмъ ходили слухи, что въ Индіи богатствамъ и счету нѣтъ, такъ что многіе думали, какъ бы найти туда болѣе удобный путь, но не могли придумать.

Мы уже говорили, что и въ то время нѣкоторые умные люди догадывались, что земля не плоскій кругъ, а шаръ; но никому не приходило въ голову, что, отправившись изъ Европы *на западъ* и не возвращаясь назадъ, можно доѣхать до Индіи, хотя она лежитъ *на востокъ* отъ Европы. Да если бы и пришла кому-нибудь такая мысль, то это было бы еще недостаточно; согласитесь, что не легко было, выѣхавъ за Гибралтарскій проливъ, пуститься въ открытое море, которому никто тогда не зналъ предѣловъ.

Прошло много лѣтъ: Римъ покорилъ Карфагенъ, Грецію и Египетъ, почти весь извѣстный міръ того времени, и, наконецъ, самъ былъ завоеванъ полудикими германскими племенами, пришедшими съ сѣвера. Исчезла торговая Финикія, исчезъ и Карфагенъ; образовались новыя государства, между которыми своею торговлею и своими далекими морскими путешествіями славились Венеція, Генуя, Испанія и Португалія. Нашлись европейцы, которые сухимъ путемъ добрались до Индіи и даже до Китая; но никто не рѣшался пуститься въ открытое море за Гибралтарскій проливъ, — никто не рѣшался попробовать объѣхать земной шаръ вокругъ. Наконецъ,

нашелся человекъ, у котораго было довольно ума и мужества, чтобы рѣшиться на такой великій подвигъ: этотъ человекъ былъ Христофоръ Колумбъ.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

Христофоръ Колумбъ, сынъ генуэзскаго ткача, родился въ 1446 году. Въ молодости своей онъ много и прилежно учился; занимался географіей и астрономіей и совершилъ нѣсколько морскихъ путешествій, и уже въ то время запада у него мысль, отправившись по морю на западъ, найти морской путь въ Индію. Долго обдумывалъ онъ эту мысль и наконецъ рѣшился ее выполнить. Но для этого нуженъ былъ флотъ. Напрасно предлагалъ Колумбъ свои услуги правительствамъ Генуи, Португаліи, Англии: никто не рѣшался ввѣрить ему флотъ для такой, какъ думали тогда, безумной цѣли. Послѣ долгихъ неудачныхъ искательствъ, удалось ему наконецъ выпросить у испанскаго короля Фердинанда и его супруги Изабеллы три небольшіе корабля и сто двадцать человекъ экипажа.

Маленькій флотъ Колумба отправился изъ Испаніи 3-го августа 1492 года и дней черезъ девять былъ уже за Гибралтарскимъ проливомъ, у Канарскихъ острововъ. Спутники Колумба были всѣ люди смѣлые и предприимчивые; но, выѣхавъ въ открытое и неизвѣстное море, стали призадумываться; одинъ только Колумбъ былъ вполне увѣренъ въ успѣхъ своего предпріятія.

Послѣ недолгаго затишья, которое задержало смѣлаго адмирала у Канарскихъ острововъ, 9-го сентября подулъ наконецъ попутный вѣтеръ, паруса наполнились, суда понеслись къ западу — и возвышенности острова Ферро скоро потонули въ морѣ: старый міръ исчезъ позади мореходцевъ, впереди же разстилался безграничный и неизвѣданный океанъ. Плывутъ день, плывутъ другой — ничего не видно, кромѣ неба и моря. Наконецъ, на пятый день, показались птицы: бѣлая хохлатая цапля и бѣлая трясогузка. Мореходы обрадовались, не зная еще, какъ далеко отъ берега могутъ улетать эти птицы. Плывутъ еще нѣсколько дней, и надежда на-

чала потухать въ сердцахъ моряковъ. Вѣтеръ постоянно былъ попутный, потому что тамъ, гдѣ испанцы плыли, дуютъ осенью *пассатные* вѣтры; но самое это постоянство вѣтра пугало подчиненныхъ Колумба. Что будетъ съ нами, думали они, если вѣтеръ постоянно будетъ дуть все въ одну сторону? Заѣдемъ-то мы далеко, но какъ же воротимся назадъ?

Погода все время стояла отличная. Прохладный, освѣжающій воздухъ, свѣтлое, синее небо, тихое море—все было хорошо. Колумбъ радовался, что ему благоприятствовала погода; но спутники его, не имѣвшие ни его ума, ни его мужества, начинали призадумываться и, можетъ быть, скоро перестали бы повиноваться своему адмиралу, если бы различныя, обманчивыя, впрочемъ, явленія по временамъ не пробуждали въ морякахъ надежды, что берегъ близко. Скоро показалось на поверхности моря множество травы, и чѣмъ далѣе плыли испанцы на западъ, тѣмъ болѣе ея появлялось: море казалось зеленымъ лугомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ растений были такого рода, что могли, казалось, расти только на берегу; другія были такъ свѣжи и зелены, какъ будто сейчасъ только отдѣлились отъ почвы. Часто возлѣ кораблей появлялись птицы, а летучія рыбы безпрестанно проносились надъ поверхностью моря. Но вотъ прошло уже пятьдесятъ дней съ тѣхъ поръ, какъ суда оставили Испанію, и, не смотря на всѣ явленія, показывающія близость берега, берега не было. Въ сердца суевѣрныхъ спутниковъ Колумба начала закрадываться опасная мысль, что можетъ быть враждебныя силы нарочно заманиваютъ ихъ этими явленіями все впередъ да впередъ, чтобы тѣмъ удобнѣе погубить ихъ. Матросы начали роптать.

Еще прошло нѣсколько дней, и количество морской травы такъ умножилось, что испанцы стали бояться, какъ бы имъ не попасть на подводную скалу. Чтобы разсѣять этотъ страхъ, адмиралъ велѣлъ бросить лотъ: бросили—и не достали дна. Еще прошло нѣсколько дней: берега не видать. Подчиненные Колумба стали роптать, собираться толпами, почти громко сожалѣть, что они ввѣрили свою судьбу упрямому человѣку, который хотѣлъ, во что бы

то ни стало, прославить свое имя. Колумбъ видѣлъ всю опасность такого расположенія умовъ, но притворялся веселымъ: однихъ онъ успокаивалъ ласковыми словами, другимъ сулилъ близкія богатства и строго наказывалъ тѣхъ, которые своимъ упрямствомъ мѣшали путешествію. Тому, кто первый увидитъ землю, адмиралъ обѣщалъ большую награду; а съ какимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ онъ самъ смотрѣлъ на западъ, объ этомъ и говорить нечего: цѣлые дни онъ почти не сходилъ съ палубы. Въ одну изъ такихъ минутъ, вдругъ послышался выстрѣлъ съ корабля, ѣхавшаго впереди, командиръ котораго, стоя на палубѣ, махалъ шляпою и въ восторгѣ кричалъ: „Земля, земля! Синьоръ, мнѣ слѣдуетъ награда!“ Все взволновалось: матросы полѣзли на мачты, карабкались по снастямъ, и всѣ утверждали, что земля видна на юго-западъ; самъ Колумбъ поколебался и велѣлъ повернуть въ ту сторону, гдѣ показалась земля. Но къ утру земля исчезла: облачко, которое всѣ приняли за землю, разсѣялось. Колумбъ снова велѣлъ править на западъ, но ему повиновались еще неохотнѣе прежняго: ничто такъ дурно не дѣйствуетъ на человѣка, какъ обманутая надежда.

По счету Колумба, флотилія его отъѣхала отъ Испаніи на семьсотъ морскихъ миль, а берега не только не было видно, но 2-го октября исчезла трава и птицы перестали показываться. Матросы думали, что они миновали уже тотъ берегъ, откуда прилетали птицы, и роптали на упрямство Колумба, который не поворачивалъ ни къ сѣверу, ни къ югу, а все правилъ прямо на западъ. Къ счастью адмирала, черезъ два дня снова показались птицы, и признаки близости земли такъ умножились, что надежда возродилась въ сердцахъ матросовъ, и они, желая получить обѣщанную награду, стали такъ часто кричать: „земля! земля!“ что не давали покою. Колумбъ долженъ былъ объявить, что тотъ, кто вспокошитъ экипажъ напраснымъ крикомъ, теряетъ право на награду, если бы потомъ въ самомъ дѣлѣ увидалъ землю. Число птицъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; показался даже пелеканъ, который, какъ думалъ Колумбъ, никогда не улетаетъ далеко отъ берега; самый воздухъ показался Колумбу напоеннымъ благоуханіями деревьевъ.

Однако прошло еще нѣсколько дней, а берега не было! Экипажъ началъ терять терпѣніе, и когда, наконецъ, на семидесятый день пути солнце, не освѣтивъ берега, снова погрузилось въ безграничный океанъ—на корабляхъ началось возмущеніе. Всѣ требовали, чтобы Колумбъ поворотилъ назадъ, и положеніе адмирала было самое отчаянное. Но, къ его великому счастью, признаки земли на слѣдующій день такъ умножились, что самые невѣрующіе стали вѣрить: появилась вѣточка съ ягодами, которая, казалось, еще недавно была оторвана отъ дерева, и наконецъ даже палка со всѣми признаками прикосновенія къ ней руки человѣческой. Снова всѣ стали глядѣть впередъ, и каждый желалъ первый увидать землю.

Оставшись ночью на палубѣ, Колумбъ не спускалъ глазъ съ запада: онъ чувствовалъ, что еще одинъ день, и ему будетъ уже невозможно удержать въ повиновеніи своихъ матросовъ,—еще одинъ день, и планъ цѣлой жизни разрушенъ навсегда! Вдругъ, около десяти часовъ вечера, показалось Колумбу, что вдали мелькаетъ огонекъ. Опасаясь снова возбудить ложную надежду, адмиралъ подзвалъ одного изъ своихъ спутниковъ, и тотъ подтвердилъ его замѣчаніе. Однако же оба молчали, потому что огонекъ то появлялся, то исчезалъ. Борясь между страхомъ и надеждою, адмиралъ смотрѣлъ на мерцающій огонекъ до двухъ часовъ утра, когда, наконецъ, пушечный выстрѣлъ съ одного изъ судовъ возвѣстилъ о появленіи земли—и на этотъ разъ уже дѣйствительной земли, берегъ которой видѣлся ясно невдалекѣ, не болѣе какъ на разстояніи двухъ морскихъ миль.

Такъ совершилъ Колумбъ свое великое предпріятіе и разоблачилъ тайну, долго скрываемую океаномъ. Мечта Колумба наконецъ осуществилась, и онъ добылъ себѣ славу, которая не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ стоять.

Утромъ, 12-го октября 1492 года, увидѣлъ Колумбъ Новый Свѣтъ. Передъ испанцами лежалъ большой и прекрасный островъ, до того свѣжій, зеленый и покрытый деревьями, что казался однимъ огромнымъ садомъ. Однако-же, не смотря на всю

дикую роскошь природы, на островѣ были люди. Они выбѣгали на берегъ и съ величайшимъ изумленіемъ и страхомъ смотрѣли на приближающіяся суда. Колумбъ велѣлъ бросить якорь, спустить шлюпки, и самъ, держа въ рукѣ королевское знамя и одѣтый въ пурпурное платье, сѣлъ на одну изъ нихъ съ толпою вооруженныхъ людей.

Приближаясь къ берегамъ, испанцы любовались громадными лѣсами, которые въ жаркомъ климатѣ растутъ съ необыкновенною роскошью; на деревьяхъ были очень красивые, незнакомые испанцамъ цвѣты и плоды. Чистота и пріятность воздуха, необычная прозрачность моря придавали всей этой картинѣ такую прелесть, что чувствительная душа Колумба была глубоко потрясена. Выйдя на берегъ, онъ бросился на колѣни, цѣловалъ землю и со слезами благодарилъ Бога. Всѣ послѣдовали его примѣру, и сердца всѣхъ были переполнены чувствомъ благодарности. Колумбъ всталъ, вынулъ мечъ, распустилъ королевское знамя—и торжественно принялъ островъ въ обладаніе испанскихъ монарховъ. Острову онъ далъ имя Санъ-Сальвадоръ, что значитъ Спаситель. Потомъ Колумбъ потребовалъ, чтобы его спутники принесли ему клятву въ вѣрности, какъ адмиралу и вице-королю. Всѣ спѣшили выразить Колумбу свою любовь и преданность: одни обнимали его, другіе цѣловали его руки, а тѣ, которые недавно еще оскорбляли его ропотомъ и недовѣріемъ, со слезами умоляли о прощеніи.

Жители острова, завидя въ утреннемъ полусвѣтѣ корабли, приняли ихъ сначала за чудовищъ, вынырнувшихъ ночью изъ морской глубины. Быстрое движеніе судовъ безъ видимыхъ усилій, паруса, напоминавшіе собою крылья громадной птицы, приводили дикарей въ крайнее изумленіе. Но когда они увидѣли, что изъ лодокъ выходятъ какіе-то диковинные бѣлые люди въ блестящихъ одеждахъ, то бросились бѣжать въ лѣсъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени они ободрились и стали по немногу приближаться къ испанцамъ, выражая глубочайшее благоговѣніе, падая на колѣни и простирая руки къ невѣдомымъ пришельцамъ, которыхъ они, казалось, приняли за боговъ, спустившихся съ голубого неба на землю.

Видность дикарей не выказывала ни богатства, ни образования. Они были безъ одежды и раскрашены яркими красками; цвѣтъ ихъ кожи напоминалъ цвѣтъ мѣди, а бороды у нихъ вовсе не было; волосы на головѣ были гладки и длинны; черты лица довольно пріятны.

Такъ какъ Колумбъ все продолжалъ думать, что онъ пріѣхалъ къ одному изъ индѣйскихъ острововъ, то и назвалъ этихъ жителей индѣйцами. Это имя такъ и осталось за жителями Америки, и даже острова, открытые Колумбомъ, до сихъ поръ называются Западною Индіею, въ отличіе отъ Восточной Индіи, до которой отъ Америки еще очень далеко.

Дикари были очень просты и добродушны, вооружены только копьями, въ концы которыхъ, вмѣсто желѣзныхъ наконечниковъ, были вдѣланы камни, зубы животныхъ и рыбы кости. Желѣза дикари, казалось, никогда не видали и, хватаясь неосторожно, какъ дѣти, за блестящіе мечи, обрѣзывали себѣ руки. Они придавали величайшую цѣнность самымъ пустымъ подаркамъ и съ восторгомъ принимали отъ испанцевъ стеклянныя бусы и разноцвѣтныя камешки, предлагая въ обмѣнъ попугаевъ и вкусные плоды. Но вниманіе испанцевъ было устремлено на небольшія золотыя украшенія, которыя у нѣкоторыхъ изъ дикарей были продѣты въ носъ. Дикари охотно мѣняли эти украшенія на бусы и маленькіе колокольчики, удивляясь простотѣ испанцевъ, и знаками объяснили Колумбу и его спутникамъ, что къ западу отъ ихъ острова есть большая земля, гдѣ много золота и драгоценныхъ камней.

Запасшись прѣсною водою, адмиралъ пустился далѣе и, плавая между множествомъ роскошныхъ острововъ, не хотѣлъ пристать ни къ одному изъ нихъ, жаждая большихъ открытій. Наконецъ, 28-го ноября приблизился онъ къ большому острову Кубѣ и бросилъ якорь въ устьѣ прекрасной рѣки. Жители, при приближеніи кораблей, покинули свои хижины и разбѣжались. Адмиралъ посѣтилъ двѣ изъ этихъ хижинъ и нашелъ въ нихъ бѣдное имущество: пару сѣтей, сплетенныхъ изъ волоконъ пальмы, крючки, багры изъ костей и, кромѣ того, собакъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что онѣ никогда не лаютъ. Плыва вверхъ по рѣкѣ, испанцы видѣли роскошные пальмовые лѣса,

покрытыя плодами и цвѣтами; огромными листьями этихъ пальмъ индѣйцы покрывали свои хижины.

Колумбъ былъ въ восторгѣ, и въ своемъ дневникѣ не можетъ нахвалиться прелестями открытой имъ страны. По его словамъ, эти чудныя тропическія страны поражаютъ дивнымъ разнообразіемъ и роскошью растительности. Зеленъ лѣсовъ и краски цвѣтовъ на поляхъ и на деревьяхъ кажутся необыкновенно яркими въ этомъ прозрачномъ воздухѣ, подъ этимъ яснымъ, синимъ небомъ; лѣса оживлены множествомъ птицъ съ яркими, роскошными перьями; пестрые попугаи мелькаютъ въ темной зелени деревьевъ; крошечные колибри, похожіе на кусочки разбитой радуги, перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; миллионы блестящихъ, какъ драгоценныя камни, насѣкомыхъ сверкаютъ въ воздухѣ; разноцвѣтныя, пестрыя рыбы наполняютъ воды, и у иныхъ изъ этихъ рыбъ чешуя отлиываетъ, подъ лучами яркаго солнца, то драгоценными камнями, то золотомъ, то серебромъ. Необыкновенная прозрачность Антильскаго моря, со дна котораго индѣйцы доставали красивыя раковины, поражала испанцевъ. Словомъ, Куба показала Колумбу земнымъ раемъ.

Послѣ этого онъ открылъ еще нѣсколько прекрасныхъ острововъ, и на одномъ изъ нихъ, который былъ названъ Испанолой, или маленькой Испаніей, выстроилъ крѣпость и основалъ первую испанскую колонію.

Оставивъ въ новой крѣпости 30 человекъ своихъ спутниковъ, Колумбъ отправился назадъ въ Испанію. На дорогѣ онъ вытерпѣлъ до того сильную бурю, что уже потерялъ надежду спастись; а потому написалъ извѣстіе о своемъ открытіи на свертокѣ пергамента, вложилъ этотъ свертокъ въ бутылку, и закупоривъ ее плотно, пустил въ море. Однако-же буря миновала, и 14 марта, при звопѣ всѣхъ колоколовъ, флотъ Колумба вѣхалъ въ Палосскую гавань, откуда выѣхалъ $\frac{1}{2}$ года тому назадъ. Король и королева приняли Колумба съ величайшими почестями, возвели его въ достоинство графа и назначили вице-королемъ ново-открытыхъ земель.

Мы не будемъ разсказывать въ подробности всей дальнѣй-

шей исторіи Колумба. Скажемъ только, что онъ предпринималъ еще нѣсколько экспедицій въ Новый Свѣтъ, пытаясь найти дорогу въ Восточную Индію, но не успѣлъ въ этомъ. Великій человекъ, въ продолженіе остальной своей жизни, много вынесъ отъ зависти и неблагодарности людей. Разъ даже король, повѣривъ наушникамъ, назначилъ другого вице-короля и послалъ его смѣнить Колумба. Бобадилла, такъ звали этого злого человека, прибылъ въ Испанію, заковалъ въ цѣпи Колумба и двухъ его братьевъ и въ такомъ видѣ отослалъ ихъ въ Испанію. Колумбъ оправдался, но никогда не могъ забыть страшнаго оскорбленія и, умирая, завѣщалъ положить къ себѣ въ гробъ цѣпи, которыми былъ скованъ.

Колумбъ умеръ 21-го мая 1506 года въ бѣдности, преслѣдуемый злобою и неблагодарностью. Онъ былъ похороненъ тамъ, гдѣ скончался, т. е. въ Вальядолидѣ; потомъ останки его были перевезены въ Картезіанскій монастырь близъ Севильи, а затѣмъ на Сентъ-Доминго. Когда же Сентъ-Доминго былъ уступленъ французамъ, то тѣло Колумба перевезли въ Гаванну на островъ Кубу, а въ 1898 г. обратно въ Испанію.

ВАСКО-ДЕ-ГАМА.

Колумбъ, какъ мы видѣли, поѣхалъ открывать путь въ Восточную Индію, а вмѣсто того открылъ Новый Свѣтъ, Америку. Въ это же самое время португальцы, тоже народъ предприимчивый и торговый, старались пробраться въ Индію другимъ путемъ, а именно—обѣхавъ вокругъ Африку.

Придерживаясь африканскихъ береговъ, португальцамъ уже удавалось забираться далеко на югъ, но никто изъ нихъ не рѣшался окончить предпріятія. Наконецъ король португальскій, Эмануилъ Великій, снарядилъ четыре корабля и отдалъ ихъ въ распоряженіе опытному и умному мореходцу, по имени Васко-де-Гама. Выборъ короля палъ на достойнаго человека.

9-го іюля 1497 года Васко-де-Гама со своимъ небольшимъ флотомъ вышелъ изъ лиссабонской гавани и направился къ югу. Противный вѣтеръ задерживалъ мореходцевъ, и только 20-го ноября обогнули они южную оконечность Африки, мысъ Доброй Надежды,

и поворотили къ сѣверо-востоку. Васко-де-Гама, также какъ и Колумбъ, терпѣлъ много отъ недовѣрія и упрямства своихъ подчиненныхъ; но также имѣлъ довольно ума и силы характера, чтобы преодолѣть это упрямство. Попутный вѣтеръ принесъ наконецъ португальцевъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится Софала. Въ началѣ марта 1498 года достигли они Занзибарскаго берега Африки*). Здѣсь ждала португальцевъ другая опасность: арабы или, какъ ихъ еще называютъ, мавры, жившіе и торговавшіе на этомъ берегу, узнали въ португальцахъ тотъ самый народъ, который такъ храбро и упорно сражался съ ними на сѣверномъ берегу Африки. Ненависть къ христіанамъ, а болѣе всего опасеніе, чтобы богатая индійская торговля не перешла въ руки европейцевъ, заставила мавровъ возбуждать въ жителяхъ африканскихъ береговъ недовѣріе къ новымъ пришельцамъ.

Надобно замѣтить, что, столѣтіи черезъ шесть послѣ Рождества Христова, одинъ предприимчивый арабъ, по имени Магометъ, выдавая себя за пророка, успѣлъ основать сильное и воинственное государство въ Аравіи. Государство это скоро распространило свои предѣлы завоеваніями, и мало-по-малу владычество *магометанъ* установилось не только во всей западной Азіи, но даже въ Египтѣ, на сѣверныхъ берегахъ Африки, а позже и въ Европѣ, гдѣ магометане завоевали Грецію и весь Балканскій полуостровъ. Съ этимъ вмѣстѣ вся индійская торговля перешла тогда въ руки магометанъ, такъ что испанцы, португальцы и жители торговыхъ городовъ Италіи, Венеціи, Генуи и друг., вели торговлю съ Индіей не иначе, какъ черезъ посредство магометанъ. Сообразивъ все это, мы поймемъ, почему маврамъ такъ неприятно было видѣть, что смѣлая толпа христіанъ, обогнувъ Африку, сама, безъ ихъ посредства, пробирается въ богатую Индію. Много нужно было мужества и ума предприимчивому португальскому адмиралу, чтобы преодолѣть всѣ тѣ препятствія и опасности, которыя выставляли ему мавры вездѣ,

*) Софала находится на африканскомъ берегу Мозамбикскаго пролива, южнѣе устья Замбези. Занзибаръ, или Зангвебаръ, есть полунезависимое государство подъ протекторатомъ Англій и лежитъ также на восточномъ берегу Африки, около 5° южной широты.

какъ только онъ приставалъ гдѣ-нибудь къ африканскому берегу. Но уже дорога въ Индію была найдена, и 20-го мая прибылъ Васко-де-Гама въ Каликуту, цвѣтущій городъ на Малабарскомъ берегу Индіи, гдѣ въ то время сосредоточивалась торговля Индіи, Аравіи и восточнаго берега Африки. Здѣсь также португальцы были встрѣчены враждебными маврами, но адмиралу удалось приобрести благосклонность государя этой страны.

Довольный сдѣланными открытіями, Васко-де-Гама отправился назадъ и въ сентябрѣ 1499 года прибылъ въ Лиссабонъ, гдѣ король осыпалъ его милостями. Въ другую свою экспедицію, по тому же пути, Васко-де-Гама основалъ на восточномъ берегу Африки двѣ португальскія колоніи: Мозамбикъ и Софала, которыя существуютъ и до настоящаго времени. Силою оружія наказалъ онъ мавровъ, строившихъ ему козни, и вошелъ въ дружескія сношенія со многими индійскими государями. Исполнивъ все это въ самое короткое время, Васко-де-Гама въ декабрѣ 1503 года возвратился въ Лиссабонъ съ тринадцатю богато-нагруженными судами.

Вскорѣ послѣ того Васко-де-Гама назначенъ былъ вице-королемъ португальскихъ владѣній въ Азіи. Онъ умеръ въ Индіи, въ 1534 году. Тѣло его было перевезено въ Португалію и предано землѣ съ большими почестями, посреди огромнаго стеченія народа, которому геніальный человѣкъ подарилъ богатую, чрезвычайно выгодную торговлю.

Васко-де-Гама отличался необыкновеннымъ умомъ, проницательнымъ духомъ, честностью, непоколебимою вѣрностью своему слову и истиннымъ благочестіемъ. Его подвиги воспѣлъ одинъ великій португальскій поэтъ Камозансъ.

МАГЕЛЛАНЪ.

Великія открытія сдѣлали Колумбъ и Васко-де-Гама; но и тотъ, и другой не объѣхали вокругъ земного шара. Это предстояло сдѣлать третьему великому путешественнику, испанскому моряку, Фердинанду Магеллану, который, впрочемъ, по рожденію былъ португалецъ. Магеллану пришлось въ голову выполнить мысль,

невыполненную Колумбомъ, и, отправившись изъ Испаніи на западъ, доѣхать до Восточной Индіи, обогнувъ Америку съ юга. Онъ изложилъ свой планъ испанскому королю Карлу V-му, и этотъ государь далъ Магеллану всѣ средства для достиженія великой цѣли.

Утромъ 20-го сентября 1519 года Магелланъ съ пятью кораблями оставилъ испанскіе берега и поплылъ сначала по тому самому пути, по которому, какъ мы видѣли, плылъ Колумбъ; но, доплывая до Америки, повернулъ къ югу и направился вдоль береговъ южной Америки, заходя иногда въ устья ея большихъ рѣкъ. Вѣтеръ дулъ попутный; но, не смотря на это, только въ декабрѣ слѣдующаго года флотъ Магеллана сталъ подходить къ южной оконечности Америки, проплывъ отъ Испаніи около шести тысячъ верстъ.

Экипажъ, столь давно оставившій родину, много терпѣлъ отъ суровости климата и недостатка провизіи. Моряки были недовольны; недовольство скоро превратилось въ ропотъ, а ропотъ въ открытое возмущеніе; только необыкновенное мужество, присутствіе духа и твердость спасли Магеллана. Онъ унялъ бунтъ и заставилъ своихъ подчиненныхъ плыть далѣе.

Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца флотъ Магеллана втѣхалъ въ проливъ, который отдѣляетъ материкъ Америки отъ острова Огненной земли. Высокія горы стояли по обѣимъ сторонамъ пролива, но плыть было свободно, и скоро испанцы вышли изъ пролива въ огромный океанъ, который, какъ вы видите на картѣ, лежитъ по ту сторону Америки, занимаетъ болѣе половины земного шара и идетъ до береговъ Азіи или Стараго Свѣта. Отыщите на картѣ маленькій американскій полуостровъ Калифорнію, на которомъ въ половинѣ прошлаго столѣтія нашли такъ много золота, и найдите въ Старомъ Свѣтѣ Китай: отъ береговъ Китая до береговъ Калифорніи около тринадцати тысячъ верстъ. Теперь вы поймете, что это океанъ не маленькій. Четыре мѣсяца плылъ по немъ Магелланъ, не видя нигдѣ земли. Погода все это время была такъ хороша и такъ тиха, что Магелланъ назвалъ это огромное собраніе воды Тихимъ океаномъ; а проливъ, которымъ испанцы проѣхали въ Тихій

океанъ, назвали потомъ, въ память смѣлаго мореходца, Магеллановымъ проливомъ. И надобно согласиться, что стоило сдѣлать безсмертнымъ имя Магеллана. Теперь, правда, плаваютъ по Тихому океану очень покойно и очень скоро; но теперь всякій матросъ знаетъ, что ждетъ его впереди; а тогда не знали этого ни капитанъ, ни матросы, и, пожалуй, многіе изъ нихъ думали, что вотъ—доплывуть до края земли, да и свалятся куда-нибудь въ бездонную пропасть. Надобно имѣть много смѣлости, чтобы четыре мѣсяца плыть, не зная куда, не видя земли, и идти все впередъ да впередъ!

Первая земля, до которой въ Тихомъ океанѣ достигъ маленькій флотъ, оказалась группою острововъ, обитаемыхъ дикарями. Эти дикари были большіе охотники до чужихъ вещей; а потому Магелланъ и самые острова назвалъ Воровскими или Разбойничьими. Отъ Разбойничьихъ острововъ смѣлый морякъ опять отправился далѣе на западъ и скоро достигъ другой группы острововъ, которые назвалъ Филиппинскими. На Филиппинскихъ островахъ король тамошнихъ дикарей принялъ Магеллана очень ласково и просилъ его помочь ему въ войнѣ съ другимъ соседнимъ королемъ, обѣщая за это принять христіанство и признать своимъ властелиномъ короля Испаніи. Магелланъ согласился, и съ частью матросовъ высадился на островъ, гдѣ жилъ тотъ король, съ которымъ онъ обѣщалъ воевать. Но едва испанцы вступили на враждебную землю, какъ были окружены огромною толпою дикарей, которые смѣло встрѣтили враговъ камнями, стрѣлами, дубинами. Испанцы, слышавшіе отъ прежнихъ путешественниковъ, какъ дикари, не зная употребленія пороха, боятся огнестрѣльнаго оружія, смѣло подвигались впередъ. Но на этотъ разъ дикари не испугались и такъ храбро защищали свою землю, что испанцы, видя, какъ мало у нихъ остается зарядовъ, начали отступать. Какъ только дикари замѣтили это, то напали вдвое яростнѣе; испанцы снѣжили добраться до лодокъ. Корабельныя пушки однѣ могли бы утратить дикихъ; но, къ несчастію, корабли по причинѣ мели, стояли слишкомъ далеко отъ берега. Смѣлый Магелланъ шелъ тише всѣхъ, защищаясь какъ левъ, и только приказалъ своимъ то-

варищамъ спастись. Дикари замѣтили Магеллана, догадались, что это должно быть начальникъ, и осыпали его градомъ стрѣлъ и копій. Скоро Магелланъ, пораженный дубиной въ ноги, упалъ и былъ убитъ. Король же, за котораго Магелланъ потерялъ свою жизнь, поступилъ какъ настоящій дикарь и язычникъ: забылъ свои обѣщанія и измѣнически перебилъ тѣхъ изъ испанцевъ, которые возвратились на его острова.

Когда испанцы, оставшіеся на корабляхъ, узнали печальную судьбу своихъ товарищей и своего капитана, то рѣшились, такъ какъ ихъ было слишкомъ мало, чтобы управлять тремя кораблями, сжечь одинъ изъ нихъ и идти далѣе. Скоро они достигли Молукскихъ острововъ и были ласково приняты тамошнимъ королемъ. Здѣсь корабли разстались: одинъ изъ нихъ попробовалъ-было воротиться въ Европу мимо Америки, но попалъ въ руки враждебныхъ португальцевъ; другой же, подъ начальствомъ Себастьяна дель-Кано, проѣхавъ мимо мыса Доброй Надежды, возвратился въ Испанію 6-го декабря 1522 года. Такимъ образомъ совершилось первое кругосвѣтное плаваніе, доказавшее, что землю можно объѣхать вокругъ. Корабль, на которомъ было сдѣлано это первое *кругосвѣтное* путешествіе, назывался Витторія (по испански—побѣда). Испанцы вытащили его на берегъ и хранятъ теперь, какъ память о замѣчательномъ подвигѣ ихъ предковъ.

Въ настоящее время кругосвѣтное путешествіе не рѣдкость: множество кораблей и пароходовъ, уже изъ однѣхъ торговыхъ выгодъ, безпрестанно обходятъ землю вокругъ. Это теперь сильно облегчено прорытіемъ Суэзскаго канала, такъ что не нужно объѣзжать кругомъ Африки; а когда будетъ прорытъ каналъ черезъ Панамскій перешеекъ, то и путь черезъ Магеллановъ проливъ будетъ оставленъ.

КАПИТАНЪ БУБЪ.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ мореплавателей, открытія которыхъ распространили наши познанія о поверхности земного шара, едва ли кто-нибудь, за исключеніемъ Колумба, прибавилъ столько по-

выхъ географическихъ свѣдѣній, какъ капитанъ Джемсъ Кукъ. Дважды онъ объѣхалъ земной шаръ по морямъ, тогда почти еще неизвѣстнымъ, и только смерть, постигая его на отдаленномъ островѣ Тихаго океана, помѣшала ему совершить третье кругосвѣтное путешествіе; кромѣ того, жизнь капитана Кука замѣчательна еще и потому, что въ ней мы видимъ примѣръ, какъ умъ и прилежаніе, постоянство и сила характера могутъ торжествовать надъ всякаго рода препятствіями.

Джемсъ Кукъ родился въ одной англійской деревнѣ 27-го октября 1728 года. Родители его были люди очень бѣдные и не могли дать сыну хорошаго воспитанія. Едва выучившись читать и писать, молодой Кукъ поступилъ сидѣльцемъ въ лавку одного мелкаго торговца, жившаго въ приморскомъ городѣ. Должность сидѣльца, конечно, не представляла ничего привлекательнаго для молодого человѣка, и хотя онъ исполнялъ ее очень добросовѣстно, но часто заглядывался на безграничный океанъ и съ жаднымъ любопытствомъ провожалъ взорами каждый парусъ, скрывавшійся за горизонтомъ.

По смерти отца, Кукъ оставилъ должность сидѣльца и опредѣлился простымъ матросомъ на одинъ купеческій корабль. Мечта его наконецъ исполнилась: онъ былъ на кораблѣ, но, увы! на такомъ кораблѣ, который плавалъ постоянно по одному направленію возлѣ береговъ, перевоза каменный уголь изъ одного мѣста на другое. Новая должность была не многимъ веселѣе прежней, но за то гораздо труднѣе. Нельзя не удивляться, какъ молодой Кукъ, пробывъ въ такой тяжелой должности около двѣнадцати лѣтъ и находясь постоянно въ обществѣ грубыхъ, необразованныхъ матросовъ, не потерялъ охоты и способности къ ученю. Напротивъ, суровая жизнь матроса была лучшею школою для будущаго великаго мореплавателя; онъ приобрѣлъ въ ней смѣтливость, опытность въ морскомъ дѣлѣ, привычку къ трудамъ и лишениямъ и желѣзную твердость характера.

При первомъ представившемся случаѣ Кукъ бросилъ купеческій корабль и перешелъ на службу на военное судно, гдѣ умъ,

прилежаніе и опытность необыкновеннаго матроса скоро обратили на него вниманіе начальства. Получая повышеніе за повышеніемъ и вездѣ обнаруживая свои способности, знаніе и твердость характера, Кукъ черезъ нѣсколько лѣтъ занялъ уже довольно важное мѣсто въ англійскомъ флотѣ, и воспользовался первымъ свободнымъ временемъ, чтобы пополнить недостатокъ первоначальнаго воспитанія. Будучи уже сорока лѣтъ, Кукъ принялся изучать геометрію и астрономію, убѣдившись опытомъ въ необходимости этихъ наукъ для моряка; не пренебрегалъ и литературою и, читая сочиненія лучшихъ англійскихъ писателей, скоро самъ привыкъ излагать свои мысли правильно и ясно.

Кукъ на практикѣ доказалъ, что учиться никогда не поздно, и скоро такъ успѣлъ въ астрономіи, что сдѣланныя имъ въ Америкѣ наблюденія надъ солнечнымъ затменіемъ обратили на наблюдателя вниманіе лучшихъ астрономовъ Англии. Эти наблюденія и молва о твердомъ характерѣ и добросовѣстности Кука побудили одно англійское ученое общество назначить его начальникомъ экспедиціи, отправляемой въ южное полушаріе для нѣкоторыхъ астрономическихъ наблюденій и открытія новыхъ земель. Нечего говорить, что Кукъ, у котораго страсть къ далекимъ путешествіямъ не только не остыла съ годами, но еще болѣе усилилась, принялъ съ восторгомъ предложеніе общества.

23 августа 1768 года корабль подъ названіемъ „Попытка“, на которомъ Кукъ былъ капитаномъ, поднялъ паруса и вышелъ изъ плимутской гавани. Обогнувъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мысъ Горнъ *), Кукъ только въ апрѣлѣ слѣдующаго года бросилъ якорь у острова *Отаити*, лежащаго на Тихомъ океанѣ. Окончивъ здѣсь всѣ предписанныя ему астрономическія наблюденія, капитанъ отправился далѣе и вскорѣ открылъ цѣлую группу маленькихъ острововъ, которымъ далъ названіе острововъ *Товарищества*, въ честь общества или товарищества, снарядившаго экспедицію. Вслѣдъ за тѣмъ, повернувъ къ юго-западу, Кукъ открылъ два большіе острова, которымъ далъ названіе *Новой-Зеландіи*. Узкій проливъ, раз-

*) Южная оконечность Огненной земли.

дѣляющій эти два острова, и теперь называется проливомъ Кука. Описавъ эти острова, на что потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ, капитанъ поплылъ обратно и едва-было не погибъ въ Ботанибейскомъ заливѣ, гдѣ корабль его попалъ на коралловый *рифъ*. Отсюда, мимо сѣверныхъ береговъ Австраліи, черезъ Торресовъ проливъ, отдѣляющій Новую Гвинею отъ материка Австраліи, достигъ Кукъ Индѣйскаго архипелага и голландскихъ поселеній на островѣ Явѣ, и наконецъ, мимо мыса Доброй Надежды, воротился въ Англію, сдѣлавъ множество открытій, важность которыхъ была оцѣнена только впоследствии.

Въ слѣдующемъ же году капитанъ Кукъ, командуя двумя кораблями, снова отправился на открытія, съ порученіемъ объѣхать землю вокругъ и подойти, какъ можно ближе, къ южному полюсу. Кукъ отправился къ югу; но проплававъ нѣсколько мѣсяцевъ вблизи полярныхъ льдовъ и не находя нигдѣ земли *), повернулъ на сѣверъ, посѣтилъ открытые имъ прежде острова Товарищества, описалъ множество острововъ, открытыхъ прежде, открылъ снова нѣсколько маленькихъ острововъ и одинъ очень большой, которому далъ имя *Новой-Каледоніи*. Отсюда Кукъ повернулъ снова на югъ, сдѣлавъ еще нѣсколько открытій, прошелъ мимо южной оконечности Америки и мыса Горна въ Атлантической океанъ и воротился въ Англію, потерявъ во все время путешествія одного только матроса, не смотря на долгое плаваніе у полярныхъ льдовъ.

На родинѣ Кукъ получилъ прекрасное мѣсто и пользовался великою извѣстностью; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые, добившись хорошаго положенія, наслаждаются потомъ спокойно плодами своихъ трудовъ, и въ слѣдующемъ же году предложилъ свои услуги для новаго кругосвѣтнаго плаванія. Онъ убѣдился уже, что у южнаго полюса нѣтъ сколько-нибудь значительной и интересной земли; но сѣверный полюсъ оставался для него еще тайною, и Кукъ надѣялся открыть сѣверный морской

*) Теперь уже открыты здѣсь берега большой, но пустынной, никогда не оттаивающей земли.

проходъ изъ Тихаго океана въ Атлантической, чего никому еще не удавалось, не смотря на смѣлыя попытки многихъ мореплавателей и богатую премію, назначенную за этотъ подвигъ англійскимъ правительствомъ.

Кукъ самъ заботился о снаряженіи двухъ кораблей, и даже взялъ съ собою нѣсколько штукъ рогатаго скота и барановъ, чтобы высадить ихъ на берегъ различныхъ острововъ. Замѣтимъ при этомъ, что много разъ бѣдствующія суда благодарили Кука за эту умную предусмотрительность. 12-го іюля 1786 года Кукъ покинулъ, и въ этотъ разъ уже навсегда, берега своей родины. Когда экспедиція, уже въ слѣдующемъ году, достигла Тихаго океана, то было слишкомъ поздно, чтобы предпринять путешествіе на сѣверъ. Не теряя даромъ времени, Кукъ описалъ въ подробности безчисленные острова Товарищества и, когда пришло время, отправился къ сѣверному полюсу. Открывъ по пути группу *Сандвичевыхъ* острововъ, Кукъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ прибылъ къ берегамъ сѣверной Америки и только въ августѣ вошелъ въ Беринговъ проливъ. Но напрасно старался смѣлый мореплаватель проникнуть за Беринговымъ проливомъ далѣе на западъ или на востокъ; массы льда, безпрестанныя бури и противные вѣтры заставили его удовольствоваться описаніемъ береговъ и воротиться назадъ на Сандвичевы острова, въ ожиданіи будущей весны. Но на этихъ островахъ ожидалъ Кука печальный конецъ. На одномъ изъ острововъ началась у англичанъ ссора съ дикарями, которые безсовѣстно обкрадывали моряковъ, и въ этой ссорѣ, перешедшей скоро въ кровопролитную драку, знаменитый Кукъ былъ убитъ. Такъ неожиданно погибъ, въ 1788 году, этотъ замѣчательный человекъ, подарившій Англію множествомъ новыхъ земель, а всѣхъ насъ множествомъ новыхъ географическихъ свѣдѣній.

НѢВѢСНЫЙ СВОДЪ.

Когда мы стоимъ у себя въ комнатѣ, то подъ ногами нашими находится полъ, а надъ головою потолокъ. Но когда выйдемъ на улицу, въ садъ или на поле, то подъ ногами нашими будетъ

земля, а надъ головою небо; не низкій потолокъ, который иногда не трудно достать рукою, но громадно-высокій, чистый, какъ хрусталь, голубой сводъ.

На этомъ высококъ, дивно-прекрасномъ сводѣ мы видимъ множество замѣчательныхъ явленій: днемъ—ярко блистающее солнце, ночью—кратко сіяющую луну, мириады весело сверкающихъ звѣздъ и изрѣдка, въ иные годы, замѣчаемъ между звѣздами бродячую комету съ ея длиннымъ хвостомъ, который такъ пугаетъ суевѣрныхъ людей. Кромѣ того, почти всегда носится по небу множество измѣнчивыхъ облаковъ, то темныхъ, лиловыхъ или синеватыхъ, то будто вылитыхъ изъ серебра, то отливающихъ, подъ лучами восходящаго или заходящаго солнца, пурпуромъ и золотомъ. Нерѣдко въ облакахъ мы видимъ сверкающую молнію, а послѣ дождя часто тѣшитъ наши взоры великолѣпная радуга: будто разноцвѣтная арка какихъ-то громадныхъ торжественныхъ воротъ протягивается она красивою дугою черезъ весь небесный сводъ, упираясь концами въ края земли, обнятой со всѣхъ сторонъ голубымъ небомъ.

Если мы стоимъ на совершенно ровномъ полѣ и ничто не мѣшаетъ нашему взору, ни дома, ни лѣса, ни горы, то намъ кажется, что вездѣ небесный сводъ своими краями упирается въ землю, какъ круглая чаша, опрокинутая на столъ; а та черта, гдѣ небо какъ бы сходитъ съ землею, ограничиваетъ намъ громадный кругъ, *посреди* котораго мы стоимъ. Но этотъ кругъ, называемый *горизонтомъ*—какой-то заколдованный кругъ: идите, куда хотите, летите за тысячу верстъ, и вы не только не выйдете изъ этого круга, но будете всегда паходиться какъ-разъ посрединѣ его. Куда ни заѣзжалъ человекъ, вездѣ онъ видѣлъ небесный сводъ, поднимающійся высоко надъ головою, и себя въ срединѣ горизонта, какъ-разъ подъ самую высокую точку свода. Наконецъ, объѣхавъ вокругъ весь земной шаръ, люди окончательно убѣдились, что нигдѣ небо съ землею не сходится, и что, слѣдовательно, оно только кажется намъ сводомъ, на самомъ же дѣлѣ вовсе не сводъ, а просто прозрачный воздухъ, облегающій землю со всѣхъ сторонъ, который въ огромной массѣ

(*атмосфера* имѣетъ болѣе пятидесяти верстъ въ толщину) кажется намъ голубымъ. Сквозь этотъ голубоватый воздухъ мы видимъ солнце, луну и звѣзды; облака же не ходятъ по небу, а плаваютъ въ воздухѣ. Что же касается до радуги, то она вовсе не упирается въ землю своими концами, не пьетъ воды, какъ думаютъ иногда дѣти, и есть не что иное, какъ разложеніе солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ. Поставьте графинъ съ водою на окошко, въ которое смотритъ солнце, и вы увидите кусочекъ радуги на подоконникѣ. Брызнувъ водою, можно иногда замѣтить въ солнечный день, какъ въ брызгахъ сверкнетъ на мгновение разноцвѣтная радуга. Слѣдовательно, радуга только кажется намъ дугою, а небо—только кажется намъ сводомъ.

ДВИЖЕНІЕ ЗЕМЛИ.

Паровозъ движется въ пятнадцать разъ быстрѣе, чѣмъ можетъ идти человекъ; но еслибы вокругъ земного шара была обведена желѣзная дорога, то паровозъ, ѣдучи день и ночь, не останавливаясь ни на минуту, объѣхалъ бы землю дней въ тридцать, потому что земной шаръ въ поперечникѣ имѣетъ около 12-ти тысячъ верстъ, а въ окружности болѣе 37 тысячъ. Шаръ не маленькій! По вычисленію же ученыхъ, земля, со всѣми своими камнями и металлами, гораздо тяжелѣе гранита и всякаго другого камня, хотя и легче желѣза. Можете же себѣ представить, какова должна быть тяжесть такого шара въ тридцать семь тысячъ верстъ въ окружности. Но объѣхавъ всю землю вокругъ, люди не замѣтили подставокъ, на которыхъ этотъ тяжелый шаръ могъ бы держаться, и убѣдились, что вокругъ земли вездѣ воздухъ, а за нимъ пустое пространство.

Въ этомъ безграничномъ пространствѣ *вселенной*, земля не остается на одномъ мѣстѣ; но, постоянно вращаясь вокругъ самой себя, какъ мячикъ, брошенный въ воздухъ, въ то же самое время обходитъ или, какъ говорятъ, описываетъ около солнца громадный кругъ, болѣе чѣмъ въ 1.000 милліоновъ верстъ въ окружности.

Вокруг самой себя земля оборачивается въ двадцать четыре часа; вокруг солнца успѣваетъ обойти только въ триста шестьдесятъ пять дней и пять слишкомъ часовъ, хотя въ каждую минуту пробѣгаетъ болѣе 1.800 верстъ. Но отчего же мы не замѣчаемъ, что земля мчится съ такою быстротою? Именно потому, что земля несется въ пустомъ пространствѣ, гдѣ ей не за что задѣтъ, не за что зацѣпиться; а останови ее что нибудь въ ея быстромъ полетѣ хотя на мгновеніе, то отъ страшнаго сотрясенія погнбло бы не только все живущее на землѣ, но и она сама рассыпалась бы въ куски. Если же мы при такой быстротѣ движенія земли не задыхаемся, то обязаны этимъ тому, что вмѣстѣ съ нею движется и воздухъ, или *атмосфера*, окружающая землю прозрачнымъ слоемъ болѣе 50-ти верстъ толщиною.

Мы несемся и вертимся вмѣстѣ съ землею и съ атмосферою, но совершенно не замѣчаемъ этого, и намъ кажется, наоборотъ, что солнце ходитъ по небу, а земля стоитъ. Кому случалось быстро плыть въ лодкѣ или, еще лучше, на пароходѣ, тотъ вѣроятно замѣчалъ, какъ убѣгаютъ берега въ противоположную сторону, хотя въ дѣйствительности бѣгутъ не берега, а пароходъ, на которомъ мы плывемъ. Точно такъ же, обращаясь съ запада на востокъ вмѣстѣ съ землею, мы видимъ, что солнце какъ будто идетъ съ востока на западъ. Но, посмотрѣвъ на колеса парохода, на воду, которую они разсѣкаютъ, мы убѣждаемся, что движется пароходъ, а не берега; тогда какъ ничто подобное не можетъ убѣдить насъ въ движеніи земли, потому что все, что есть на ней, вращается и несется въ пространствѣ вмѣстѣ съ нею.

Подумавъ хорошенько обо всемъ этомъ, мы будемъ изумляться не тому, что люди нѣсколько тысячъ лѣтъ считали землю неподвижною, но тому, какъ они узнали наконецъ, что земля движется, измѣрили ея величину, свѣсили ея тяжесть, вычислили быстроту, съ которою она вращается вокругъ самой себя и мчится вокругъ солнца, и опредѣлили даже количество верстъ въ громадномъ кругѣ, который она описываетъ. И дѣйствительно, люди, открывшіе эти истины, были великіе, геніальные люди.

ПИФАГОРЪ.

Первый, кому въ голову пришла мысль, что земля движется, былъ великій греческій мудрецъ, по имени Пифагоръ, жившій болѣе чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. Хр. Въ молодости своей Пифагоръ много путешествовалъ и повсюду прилежно узнавалъ все, что знали другіе люди, и внимательно наблюдалъ все, что ему встрѣчалось. Возвратившись на родину, въ Грецію, Пифагоръ собралъ вокругъ себя множество учениковъ и передалъ имъ много очень умныхъ мыслей; между прочимъ, говорилъ онъ также и о томъ, что земля не стоитъ неподвижно, а вертится; что отъ этого происходитъ день и ночь, и что когда какое-нибудь мѣсто земного шара поворачивается къ солнцу, тогда на этомъ мѣстѣ начинается день, а когда оно уходитъ изъ-подъ лучей солнца, тогда на этомъ мѣстѣ начинается ночь.

Пифагоръ велъ самую строгую жизнь, былъ умѣренъ въ удовольствіяхъ, и хотя былъ язычникомъ, но вѣрилъ въ безсмертіе души, во всемогущество и благодѣтельность Божію, а потому спокойно ожидалъ будущаго и хладнокровно переносилъ мелкія несчастія жизни. Поэтому неудивительно, что онъ жилъ очень долго, хотя подъ старость терпѣлъ много отъ несправедливости людей и, какъ говорятъ, умеръ въ страшной бѣдности, почти отъ голода. Но если это и правда, то все же можно позавидовать участи великаго мудреца, который отъ своихъ знаній получилъ столько истиннаго счастья, сколько не можетъ получить самый богатый человѣкъ отъ своихъ богатствъ.

КОПЕРНИКЪ.

Не смотря на слова Пифагора, люди не вѣрили въ движеніе земли очень долго, и прошло около двухъ тысячъ лѣтъ, пока явился другой человѣкъ, подтвердившій истину, открытую греческимъ мудрецомъ. Въ началѣ XVI-го столѣтія одинъ католическій священникъ, по имени Коперникъ, родомъ изъ Польши, жившій въ нѣмецкомъ городѣ Фрауэнбургѣ, сталъ наблюдать надъ движеніемъ солнца и звѣздъ, и пришелъ къ тому убѣжденію, что земля, ка-

жущаяся неподвижною, непрерывно обращается, какъ колесо, вокругъ своей оси и вмѣстѣ съ тѣмъ мчится вокругъ солнца, и что вокругъ него, кромѣ земли, обращаются и еще нѣкоторыя другія звѣздочки. Эти движущіяся звѣзды, въ отличіе отъ *неподвижныхъ*, необращающихся вокругъ нашего солнца, названы были *планетами*. Коперникъ изложилъ свои наблюденія въ особомъ сочиненіи и вскорѣ послѣ того, а именно въ 1543 году, умеръ, прежде чѣмъ мысли его стали извѣстны повсюду. Домъ, въ которомъ жилъ Коперникъ, сохранился во Фрауэнбургѣ до настоящаго времени, и путешественники съ любопытствомъ осматриваютъ дыру, продѣланную въ стѣнѣ этого дома, чрезъ которую знаменитый астрономъ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Открытіе Коперника хотя и было замѣчено, но не обратило на себя особаго вниманія, такъ что почти черезъ сто лѣтъ другой великій астрономъ, Галилей, долженъ былъ повторить людямъ ту же истину.

Галилей родился въ итальянскомъ городѣ Пизѣ и учился такъ прилежно, что ужъ на двадцать пятомъ году своей жизни былъ профессоромъ математики въ пизанскомъ университетѣ. Въ молодости еще сдѣлалъ Галилей множество очень важныхъ открытій и приобрѣлъ большую извѣстность. Узнавъ, что одинъ датчанинъ изобрѣлъ подзорную трубу, въ которую хорошо видны очень далекіе предметы и которою многіе забавлялись, какъ игрушкою, Галилей нашель, что изъ этой игрушки можетъ выйти очень важное дѣло; принялся самое за нее и скоро сдѣлалъ первый *телескопъ*. Этотъ телескопъ еще былъ очень плохъ; но тѣмъ не менѣе помогъ Галилею провѣрить справедливость открытій Коперника и сдѣлать, кромѣ того, много новыхъ.

Галилей всегда и прежде думалъ, что звѣзды—не маленькія искорки, а цѣлыя большіе міры, движущіеся въ пространствѣ. Теперь же, съ помощью своего еще несовершеннаго телескопа, онъ убѣдился въ справедливости своихъ предположеній. Смотря въ теле-

скопъ на луну, онъ увидѣлъ, что на ней есть пропасти и горы, и даже нашель возможность измѣрить высоту этихъ горъ; смотря на солнце, онъ открылъ, что на немъ есть пятна и что эти пятна движутся, то скрываются, то вновь показываются, и заключилъ изъ этого, что солнце есть огромный шаръ, гораздо больше земли, и что этотъ шаръ, облитый вокругъ свѣтящеюся атмосферою, обращается около своей оси. Потомъ Галилей сталъ разсматривать вечернюю, блестящую различными цвѣтами *планету*, извѣстную подъ именемъ Венеры, и увидалъ, что она похожа на нашу луну, прибываетъ и убываетъ, какъ луна, и иногда тоже превращается въ тоненькій рожокъ. Возлѣ другой планеты, Сатурна, Галилей замѣтилъ что-то въ родѣ блестящихъ крыльевъ; но не могъ еще разсмотрѣть, что это не крылья, а два блестящія кольца, идущія вокругъ планеты. Продолжая наблюдать далѣе, онъ убѣдился, что вокругъ Юпитера, другой большой планеты, вертятся четыре хорошенькія звѣздочки и что это четыре *луны*, которыя съ различною быстротою обращаются вокругъ Юпитера точно такъ же, какъ наша луна обращается вокругъ земли.

Мы можемъ себѣ представить, что всѣ эти открытія были сдѣланы Галилеемъ не въ одинъ день и даже не въ одинъ годъ; молодой профессоръ успѣлъ состарѣться, пока увидалъ все то, что мы рассказали здѣсь въ нѣсколькихъ короткихъ словахъ.

Въ это время имя Галилея, который сдѣлалъ много и другихъ важныхъ и полезныхъ для людей открытій, стало извѣстнымъ по всей Европѣ. Но гдѣ слава, тамъ непременно явится и зависть. Завистники, а за ними и невѣжды, оклеветали Галилея, доказывая, что его открытія противорѣчатъ будто бы словамъ Священнаго писанія; тогда какъ, напротивъ, открытія Галилея доказывали только безграничную премудрость Создателя и Его всемогущество. Однако же *инквизиція*,—такое дурное и злое судилище, которое воображало, что ложь и насиліе могутъ быть пріятны Господу Богу, и забывало, что Богъ далъ человѣку разумъ и свободную волю не для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ съ этими великими дарами,—инквизиція приговорила Галилея къ тюремному

заключенію. Великаго, гениальнаго старца, который всю жизнь свою провель въ трудахъ для пользы науки и своихъ ближнихъ, посадили въ мрачную и сырую темницу. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, бѣдный старецъ былъ выпущенъ съ тѣмъ тяжелымъ условіемъ, чтобы онъ публично отказался отъ своихъ открытій. Но, произнося торжественное отреченіе отъ великихъ истинъ, въ которыхъ былъ убѣжденъ, Галилей не выдержалъ и, ударивъ ногою о землю, сказалъ съ гнѣвомъ: „*пусть будетъ по вашему, а все же она движется*“. За эти слова Галилея опять присудили запереть въ тюрьму, и уже на всю жизнь. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, по ходатайству сильныхъ людей и изъ снисхожденія къ старости Галилея, его выпустили изъ тюрьмы, но приказали ему жить безвыѣздно въ уединенномъ мѣстѣ, недалеко отъ Флоренціи. Здѣсь Галилей провель остатокъ своей жизни въ ученыхъ занятіяхъ, въ кругу немногихъ друзей, и еще подарилъ человѣчеству нѣсколькими новыми истинами. Скоро отъ безпрестанныхъ занятій Галилей потерялъ зрѣніе, но до самой послѣдней минуты, пока владѣлъ однимъ глазомъ, продолжалъ наблюденія. Слепота, глухота, бессонница и боль во всѣхъ членахъ—слѣдствіе тюремной сырости—отравили послѣдніе годы жизни великаго старца. Наконецъ, 6-го января 1651 года, гениальный человѣкъ навсегда скрылся отъ всякихъ преслѣдованій. Тѣло Галилея покоится теперь въ церкви Святого Креста во Флоренціи, а великій художникъ Микель-Анджело соорудилъ надъ нимъ памятникъ.

Н Ы Ю Т О Н Ъ.

Лѣтъ за двѣсти до нашего времени жилъ въ Англіи одинъ гениальный человѣкъ и великій ученый, по имени Исаакъ Ньютонъ (родился въ 1642, а умеръ въ 1727 году). Онъ былъ такъ уменъ и такъ много зналъ, что часто, смотря на самые обыкновенные предметы, видѣлъ въ нихъ то, чего не видали прежде него тысячи людей.

Однажды Ньютонъ, прогуливаясь по саду, увидѣлъ, какъ яблоко, сорвавшись съ вѣтки, упало на землю. Тысячу разъ видѣлъ онъ, какъ падали яблоки, и не обращалъ на это вниманія;

но теперь въ умѣ его родился вопросъ: почему яблоко, оторвавшись отъ вѣтки, упало на землю, а не полетѣло кверху или въ сторону? Ньютонъ зналъ, что каждое явленіе должно имѣть причину, и спросилъ самого себя: какая причина, что всѣ тѣла падаютъ на землю, а не летятъ кверху или не остаются висѣть въ воздухѣ? Подумавъ хорошенько объ этомъ обыкновенномъ явленіи, на которое до сихъ поръ никто не обращалъ вниманія, Ньютонъ рѣшилъ, что въ землѣ, должно быть, находится такая же притягательная сила, какую давно уже замѣтили люди въ магнитѣ, съ тою только разницею, что магнитъ притягиваетъ желѣзо и сталь, а земля притягиваетъ всѣ тѣла, и твердыя, и жидкія, и воду, которая потому не выливается изъ морей, и воздухъ, который потому не разлетается во всѣ стороны.

Ньютонъ не остановился на такомъ рѣшеніи: онъ сталъ наблюдать далѣе и скоро замѣтилъ, что не одна земля притягиваетъ къ себѣ всѣ тѣла, но что всякое тѣло притягиваетъ къ себѣ другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой въ тарелку, бросить нѣсколько маленькихъ легкихъ тѣлъ, т. е. такихъ, которыя притягиваются землею не очень сильно, то всѣ они мало-по-малу сблизятся другъ съ другомъ или пристанутъ къ краямъ тарелки. Маленькая щепка, пущенная на рѣку, держится у большой барки, а листья и другія легкія тѣла пристають къ берегамъ. Скоро Ньютонъ убѣдился, что всѣ тѣла притягиваютъ одно другое, и что если камень не летитъ къ другому камню, лежащему возлѣ, то только потому, что притягательная сила земли во столько разъ больше притягательной силы камня, во сколько земной шаръ больше самаго камня, т. е. въ нѣсколько сотъ милліоновъ разъ. Если одинъ мальчикъ везетъ колясочку, а другой станеть удерживать ее сзади, то перетянетъ тотъ, кто изъ двухъ сильнѣе. Но если тотъ же мальчикъ схватится сзади за коляску, которую везетъ четверка лошадей, то лошади даже и не почувствуютъ, что кто-то уцѣпился сзади. Точно такъ же, хотя всѣ тѣла, находящіяся на землѣ, притягиваются другъ къ другу, но ихъ взаимная притягательная сила, въ сравненіи съ притягательною силою земли,

гораздо ничтожнѣе, чѣмъ сила мальчика въ сравненіи съ силою четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тѣла? Подымая камень съ земли, мы чувствуемъ, что онъ тяжелъ, или, другими словами, чувствуемъ, какъ сильно тянетъ его къ себѣ земля: это большее или меньшее притяженіе тѣла землею и даетъ бѣльшую или меньшую тяжесть тѣлу. Сравнивая тяжесть тѣла съ какою-нибудь испытанною тяжестью, напр., съ тяжестью фунтовика, мы открываемъ *вѣсъ* тѣла: узнаемъ, сколько въ немъ фунтовъ, пудовъ и т. д.

Желая опредѣлить вѣса вѣхъ тѣлъ, или, другими словами, ту силу, съ которою каждое тѣло давитъ на какую-нибудь поверхность, ученые стали сравнивать вѣсъ каждого тѣла съ вѣсомъ совершенно чистой воды и нашли, что стаканъ воды въ тринадцать съ половиною разъ легче стакана ртути, что желѣзо въ семь съ половиною разъ тяжелѣе воды, золото въ девятнадцать, и т. д. Такое число, которое выражаетъ отношеніе вѣса какаго-нибудь тѣла къ вѣсу воды въ томъ же объемѣ, называется *относительнымъ* или *удѣльнымъ* вѣсомъ этого тѣла. Слѣдовательно, удѣльный вѣсъ ртути будетъ— $13\frac{1}{2}$, желѣза— $7\frac{1}{2}$, золота 19, и т. д. Такъ какъ вѣса вѣхъ тѣлъ сравниваютъ съ вѣсомъ воды, то поэтому удѣльный вѣсъ воды равенъ единицѣ.

Теперь, подумавъ немного, вы легко поймете, почему маленькая свинцовая пуля, брошенная въ воду, быстро идетъ ко дну, тогда какъ большое бревно не тонетъ. Возьмите столько воды, сколько могло бы помѣститься въ бревнѣ, еслибы оно было пусто въ серединѣ, взвѣсьте ее — и вы увидите, что такая масса воды будетъ тяжелѣе всего бревна. Бревно не тонетъ потому, что *удѣльный вѣсъ* дерева менѣе *удѣльнаго вѣса* воды, т. е. менѣе единицы. Вода, какъ мы знаемъ, превращаясь въ ледъ, занимаетъ болѣе мѣста и разрываетъ бутылку, если бутылка была полна и крѣпко закупорена, а потому ледъ плаваетъ на водѣ. Масло, наоборотъ, замерзая, сжимается, и потому кусокъ замерзнувшаго масла потонетъ въ жидкомъ маслѣ, точно такъ же, какъ кусокъ твердаго свинца потонетъ въ растопленномъ свинцѣ.

Но вѣ эти наблюденія не удовлетворили Ньютона; онъ обратилъ вниманіе и на то явленіе, что мячъ или камень, брошенные въ сторону, или пуля, пущенная изъ ружья, летятъ туда, куда ихъ бросили, но въ то же время, склоняясь мало-по-малу, понемногу опускаются къ землѣ. Ньютонъ объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: здѣсь, думалъ онъ, борются двѣ силы: одна, съ которою я бросаю камень въ сторону, а другая—притягательная сила земли, которая тянетъ его книзу

Ньютонъ зналъ уже, что луна обращается вокругъ земли, а земля вокругъ солнца, и ему стало ясно, почему луна не отлетаетъ отъ земли, земля не удаляется отъ солнца. Безъ сомнѣнія потому, что земля больше луны, а солнце гораздо больше земли, и земля притягиваетъ луну, а солнце землю. Но почему же луна не упадетъ на землю, а земля не упадетъ на солнце? Безъ сомнѣнія потому, что луна движется вокругъ земли, а земля вокругъ солнца съ необыкновенною силою и быстротою.

Это взаимное притяженіе вѣхъ небесныхъ тѣлъ названо было *тяготѣніемъ*. Но мало было открыть тяготѣніе; слѣдовало еще показать, какъ оно дѣйствуетъ. Наблюдая, какъ падаютъ тѣла различной тяжести, Ньютонъ вычислилъ, съ какою скоростью падаютъ тѣла на землю и какъ увеличивается эта скорость по мѣрѣ приближенія тѣла къ землѣ. Онъ доказалъ, что если тѣло въ первую секунду своего паденія проходитъ 16 футовъ, то во вторую пройдетъ 16×3 , т. е. 48 футовъ; въ третью 16×5 , т. е. 80 футовъ; въ четвертую 16×7 , т. е. 112 ф., и т. д.

Приложивъ открытый имъ *законъ* тяготѣнія къ наблюденіямъ надъ движеніемъ земли, луны, солнца и планетъ, Ньютонъ открывалъ законы движенія свѣтилъ небесныхъ, высчитывалъ съ величайшею точностью ихъ разстояніе отъ земли, быстроту ихъ движенія, ихъ величину и вѣсъ, величину круговъ, которые они описываютъ около солнца, словомъ, далъ прочное основаніе великой наукѣ, *астрономіи*.

Будучи однимъ изъ величайшихъ людей, какіе когда-либо существовали на земномъ шарѣ, по необычному уму своему, Нью-

тонъ былъ въ то же время необыкновеннымъ человѣкомъ и по своему истинно-христіанскому характеру. Онъ былъ чрезвычайно кротокъ, ласковъ со всѣми, правдивъ во всемъ, простъ въ обращеніи и вовсе не думалъ о томъ, что громадному генію его удивляются милліоны людей и будутъ удивляться отдаленнѣйшіе потомки. Вычисляя съ необыкновенною точностью движенія безчисленныхъ міровъ, взвѣсивая тяжесть этихъ громадныхъ тѣлъ, открывая законы свѣта, измѣряя быстроту его движеній, онъ считалъ себя „ребенкомъ, играющимъ камешками на берегу безграничнаго океана вселенной“. Во всемъ же, что удавалось ему открыть, онъ признавалъ помощь Творца—источника всякой истины.

Въ глубокой старости, когда сѣдины покрывали голову Ньютона, онъ, по живости своего ума и чувства, казался прекраснымъ юношею. Можно было думать, что самое время не смѣетъ коснуться Ньютона. Однако же пришелъ часъ смерти—и великій человѣкъ былъ отозванъ къ Тому, Чье имя онъ вспоминалъ такъ часто и всегда съ такимъ благоговѣніемъ. Ньютонъ скончался въ 1727 г., на 84 году своей жизни, занимаясь изученіемъ Слова Божія.

Т Е Л Е С К О П Ъ .

Къ одному ученому человѣку, который любилъ заниматься астрономіей и часто по цѣлымъ ночамъ наблюдалъ за движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, пріѣхала въ гости его сестра съ своимъ сыномъ Сашей, мальчикомъ лѣтъ тринадцати. Послѣ довольно поздняго обѣда, кончившагося при свѣчахъ, сестра хозяйина подошла къ окну и любовалась множествомъ яркихъ звѣздъ, блестящихъ на темномъ небѣ, и полною луною, которая плыла по небу, обливая землю своимъ мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ. Въ это время подошелъ къ ней братъ и сказалъ:

— Я давно обѣщаль Сашѣ показать луну и звѣзды въ телескопъ: не хочешь ли ты, чтобъ я исполнилъ теперь свое обѣщаніе?

Сестра согласилась охотно на предложеніе брата, а Саша былъ въ восторгѣ; онъ давно уже слышалъ, что у дяди есть такая большая зрительная труба, въ которую онъ по ночамъ смотритъ

на мѣсяцъ и звѣзды. Саша даже видѣлъ эту трубу, стоящую на окнѣ въ кабинетѣ, и ему давно хотѣлось знать, что можно въ нее видѣть. Всѣ пошли въ кабинетъ.

Хозяинъ направилъ одинъ конецъ трубы на полный мѣсяцъ, и Саша, взглянувъ въ телескопъ, сказалъ съ восторгомъ:

— Теперь я вижу своими глазами, что луна не плоскій кругъ, но совершенный шаръ, и что на ней находятся дѣйствительно большія горы. Какъ странно видѣть горы на лунѣ!

Дядя. Есть телескопы еще больше моего, и въ нихъ такъ ясно видны горы и долины на лунѣ, что астрономы нарисовали подробную ея карту. Луна—самое ближайшее къ намъ небесное тѣло и находится отъ насъ не далеко: всего-то какихъ-нибудь 360 тысячъ верстъ.

Саша. Неужели это не далеко? Да это такъ далеко, что и подумать страшно.

Дядя. Паровозъ идетъ въ часъ не болѣе 60 верстъ, и если бы отъ земли до луны была проведена желѣзная дорога, то, при самой быстрой ѣздѣ, ѣдучи день и ночь, нужно было бы ѣхать двѣсти пятьдесятъ сутокъ, чтобы доѣхать до луны. Но это разстояніе ничтожно въ сравненіи съ разстояніемъ земли отъ солнца: до солнца отъ земли болѣе 144 милліоновъ верстъ, и если бы туда была проведена желѣзная дорога, то паровозъ долженъ былъ бы ѣхать почти сто сорокъ три года, чтобы доѣхать до солнца.

Саша. Сто сорокъ три года! Да для этого пужна не одна, а двѣ человѣческія жизни.

Дядя. Конечно: человѣкъ живетъ около семидесяти лѣтъ, а въ семьдесятъ лѣтъ онъ не проѣхалъ бы и половины пути отъ земли до солнца.

Мать Саша. Это такъ далеко, что если рай находится на свѣтломъ солнышкѣ, то не скоро же до него доберется душа наша послѣ нашей смерти.

Дядя (*улыбнувшись*). Конечно, если бы она отправилась туда такъ же медленно, какъ ѣдетъ паровозъ. Но не должно забывать, что свѣтъ долетаетъ отъ солнца до земли въ 8 минутъ и 13 се-

кундъ, а духъ нашъ, безъ сомнѣнія, быстрѣе свѣта. Но солнце еще не очень далеко отъ насъ. (*Направляетъ телескопъ на одну изъ звѣздъ*). Взгляните вотъ на эту звѣзду.

Саша. Ахъ, какой хорошенькій золотой шарикъ и какъ блестятъ вокругъ него какія-то серебряныя точки!

Дядя. Это Юпитеръ съ своими четырьмя спутниками *) или лунами: самая большая изъ всѣхъ планетъ, обращающихся вокругъ нашего солнца. Онъ въ четыре раза дальше отъ насъ, нежели солнце, и нашъ паровозъ едва бы добрался до него въ тысячу лѣтъ. Уранъ еще дальше Юпитера, и паровозъ, проѣзжая каждый часъ 60 верстъ, доѣхалъ бы до него въ шесть тысячъ пятьсотъ лѣтъ. А есть одна планета, которую недавно открыли, Нептунъ—та еще гораздо дальше.

Мать Саши. О, какъ же велика, какъ неизмѣримо велика вселенная!

Дядя. Всѣ эти разстоянія весьма малы въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ находятся отъ насъ *неподвижныя звѣзды*; здѣсь уже самое измѣреніе становится невозможнымъ. Мы можемъ только предполагать, что самая близкая изъ неподвижныхъ звѣздъ находится отъ насъ не ближе 28 билліоновъ верстъ.

Сестра. Но какъ могли высчитать такія громадныя разстоянія?

Дядя. Это дѣйствительно должно казаться удивительнымъ тому, кто незнакомъ съ астрономическими наблюденіями. Но вы знаете, какъ астрономы вѣрно предсказываютъ затменія солнца и луны и появленія кометъ; поэтому судите, что они считаютъ недурно. (*Перемѣняетъ направленіе телескопа*). Посмотрите-ка теперь.

Саша. Боже мой, какой блескъ, какое множество звѣздъ!

Дядя. Это Плеяды—сорокъ четыре громадныя солнца; а издали намъ кажется, что они такъ близко отстоятъ одно отъ другого. Но этого мало: посмотрѣвъ на *млечный путь* въ болѣе сильный телескопъ, мы увидали бы, что вся эта серебрястая полоса состоитъ изъ такихъ же звѣздъ или солнцъ, которыя только по

*) Въ настоящее время открытъ еще пятый спутникъ Юпитера.

своему страшному отдаленію сливаются для насъ въ одну серебрястую полосу.

Саша. Видно, нельзя пересчитать всѣхъ звѣздъ?

Дядя. Можетъ ли слабый человѣкъ счесть творенія Создателя? И представь себѣ еще, что, по всей вѣроятности, наша земля или, лучше сказать, наше солнце, со всѣми его планетами и съ землею, составляетъ только одну звѣздочку млечнаго пути, въ которомъ для насъ ближайшія звѣзды кажутся стоящими отдѣльно другъ отъ друга, а дальнѣйшія сливаются въ одну слабо блестящую серебрястую полосу, протянувшуюся чрезъ все небо. Но нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ нашего млечнаго пути, есть еще множество такихъ же собраній безчисленныхъ звѣздъ, которыя и въ самые сильныя телескопы кажутся намъ едва видными *туманными пятнами*. А каждое изъ этихъ туманныхъ пятенъ—такой же млечный путь, какъ и нашъ.

Саша. О, какъ безконечно-великъ Создатель вселенной!

Дядя. Да, и припомни теперь слова псалмопѣвца Давида: „Небеса повѣдаютъ славу Божию“.

Саша. Но какъ же малъ и ничтоженъ человѣкъ въ сравненіи со всѣми этими безчисленными мірами!

Дядя. Конечно, малъ; но не забудь, что звѣзды ничего не видятъ и не понимаютъ, а мы удивляемся ихъ безконечности и громадности, вычисляемъ ихъ пути, измѣряемъ ихъ отдаленность и величину—и возносимся душою ко всемогущему Создателю всѣхъ міровъ.

Сестра. Но, безъ сомнѣнія, на этихъ планетахъ также живутъ люди, или какія-нибудь существа, подобныя людямъ?

Дядя. Этого, конечно, никто не знаетъ; но нельзя же предполагать, чтобы сознательныя существа жили только на одной нашей землѣ—маленькой *планетѣ*, которая въ милліонъ триста тысячъ разъ меньше солнца, тогда какъ такихъ солнцъ, вокругъ которыхъ также обращаются свои планеты, безчисленное множество. Мы видимъ только тѣ планеты, которыя обращаются вокругъ нашего солнца; планетъ же другихъ солнечныхъ системъ мы и видѣть не

можемъ. Но не правда ли, что и то небольшое, что я могъ показать вамъ сегодня, довольно уже поражаетъ нашъ умъ безпредѣльностью созданія и безконечностью всемогущества и мудрости Создателя.

ГОРНАЯ СТРАНА.

Живя посреди Россіи, мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, что такое горная страна. Наши невысокіе, отлогіе холмы, на которые въѣзжаешь, почти ихъ не замѣчая, поднимающіеся много что на сто или на полтора саженей, и по скатамъ которыхъ мы видимъ все одни и тѣ-же поля, лѣса, рощи, села и деревни, конечно, мало походятъ на высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ и, подымаясь на три, на четыре версты кверху, уходятъ далеко за облака. Въ равнинѣ вы ѣдете сто, двѣсти верстъ, повсюду встрѣчая одинаковые виды, одинаковую растительность, одинаковый образъ жизни. Не то въ горахъ! Сколько разнообразія представляетъ даже одна большая гора, если взбираться на нее по дорогамъ, проложеннымъ въ долинахъ, а потомъ и по опаснымъ горнымъ тропинкамъ, которыя извиваются по ея уступамъ. Вамъ кажется тепло и даже жарко, когда вы стоите у подошвы горы: кругомъ лѣто, сады съ поспѣвающими плодами и поля съ созрѣвшимъ уже хлѣбомъ; но запаситесь теплой одеждой, если думаете добраться до вершины, потому что тамъ встрѣтитъ васъ полная зима—снѣгъ, ледъ, холодъ, и вы, посреди лѣта, легко можете отморозить себѣ руки и ноги. Запаситесь также прочными сапогами съ крѣпкими подошвами, чтобы они не истерлись о камни, крѣпкою палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ и провизіей; но главное—запаситесь силою и терпѣніемъ, потому что вамъ придется неутомимо работать ногами цѣлый день, а можетъ быть и два. Хотя вершина горы подымается только на три или на четыре версты, но это вѣдь считается въ отвѣсъ, а чтобы добраться до вершины, вамъ придется сдѣлать 15 или 20-ть верстъ самага труднаго пути по крутымъ уступамъ. Запаситесь также и смѣлостью, чтобы у васъ не закружилась голова, когда, взобравшись на иной уступъ, вы взглянете внизъ. Но

прежде всего возьмите опытнаго проводника, потому что безъ него легко можно заблудиться между скалистыми вершинами горы, въ ея темныхъ лѣсахъ, между безчисленными ручьями и рѣчками, скаты-вающимися съ ея боковъ, въ ея снѣжныхъ поляхъ и ледникахъ. Иногда, пожалуй, можно взобраться на такую вершину и зайти въ такую глушь, въ средину неприступныхъ утесовъ, или на край зіяющей пропасти, что не будешь знать, какъ и выбраться. Надобно хорошо знать горныя тропинки, чтобы пуститься въ горы.

Подняться на высокую, заоблачную гору большой трудъ; но трудъ этотъ окупается удовольствіемъ. Сколько разнообразной растительности встрѣтите вы отъ подошвы до вершины! Сколько разнообразія въ образѣ жизни людей! Если гора, на которую вы взбираетесь, лежитъ въ тепломъ климатѣ, то у подошвы ея вы покинете лимонныя и померанцовыя рощи; выше встрѣтятъ васъ деревья умѣренныхъ странъ: тополь, букъ, каштанъ, липа, кленъ, дубъ; далѣе найдете вы угрюмые хвойныя лѣса и лиственные деревья сѣвера: осину, березу. Еще выше—и деревья уже прекращаются, даже цвѣтовъ и травы очень мало—только такъ называемая альпійская роза (рододендронъ) будетъ провожать васъ до самой границы вѣчныхъ снѣговъ, да тощій мохъ напомнитъ вамъ о полярныхъ странахъ, гдѣ онъ составляетъ почти единственную пищу сѣверныхъ оленей. Еще выше—и вы вступите въ страну вѣчныхъ снѣговъ; хотя, можетъ быть, находитесь за нѣсколько тысячъ верстъ отъ полярнаго моря.

Внизу мы покинули шумные, дѣятельные города; поднявшись выше, встрѣчали хорошенькія деревеньки, еще окруженныя обработанными полями и плодовыми садами; далѣе вы не встрѣтите ни полей, ни садовъ, а только тучныя луга въ горныхъ долинахъ и полюбуетесь на прекрасныя стада; небольшія пастушья деревеньки прислонены къ горамъ, такъ что иной домикъ лѣпится у скалы, точно птичье гнѣздо; на крышахъ домовъ наложены рядами большіе камни: безъ этой предосторожности, буря, заревѣвшая на горахъ, могла бы легко снести крышу. Далѣе вы еще найдете кое-гдѣ отдѣльныя хижины горныхъ жителей: это лѣтнія жилища пастуховъ, оставляемая зимою. Сочная, прекрасная трава при-

влекаетъ сюда лѣтомъ стада. Еще выше—и вы не будете встрѣчать уже человѣческихъ жилищъ. Цѣпкія домашнія козы еще лѣзутъ по уступамъ; но еще немного далѣе, и вамъ попадутся, можетъ быть, одни небольшія стада легконогихъ дикихъ сернь и кровожадные орлы; а затѣмъ вы вступите въ страну, гдѣ нѣтъ ни растительной, ни животной жизни.

Какъ хороши и говорливы горные потоки, какъ чиста и холодна въ нихъ вода! Они берутъ свое начало въ ледникахъ и образуются изъ тающаго льда, начинаются маленькими, чуть замѣтными струйками; но потомъ эти струйки соберутся вмѣстѣ—и шумный, быстрый потокъ, то извиваясь серебряной лентой, то прыгая съ уступа на уступъ водопадомъ, то скрываясь въ темномъ ущелии и снова появляясь на свѣтъ, то журча по камнямъ, покатится внизъ смѣло и быстро, пока не доберется до болѣе отлогой долины, по срединѣ которой побѣжить уже спокойной и порядочной рѣчкой.

Если буря не реветъ въ горахъ, то чѣмъ выше вы будете подниматься, тѣмъ безмолвнѣе будетъ окрестность. На самой вершинѣ, среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, гдѣ солнечные лучи, отражаясь отъ снѣговыхъ полей, ослѣпляютъ глаза—царствуетъ мертвая тишина; развѣ камень, сдвинутый вашею ногою, надѣляетъ шуму и стучу на всю окрестность. Но вдругъ раздается страшный и продолжительный грохотъ, повторяемый горнымъ эхомъ; вамъ кажется, что гора дрожитъ подъ вашими ногами, и вы спрашиваете у проводника: „что это такое?“—„Это лавина“, отвѣчаетъ онъ вамъ спокойно: большая масса снѣгу сорвалась съ вершины и, увлекая за собою камни, а пониже деревья, стада, людей и даже дома пастуховъ, понеслась внизъ по горнымъ уступамъ. Дай Богъ, чтобы она не рухнула на какую-нибудь деревню и не похоронила подъ собою ея домовъ и жителей! Лавины чаще всего скатываются съ горъ весною, потому что снѣгъ, напавшій зимою, подтаиваетъ.

Но если, преодолевъ всѣ эти трудности и страхи, вы доберетесь наконецъ до высокой горной площадки, гдѣ проводникъ посоветуетъ вамъ уѣсться на камняхъ, позавтракать и отдохнуть, то будете вполне вознаграждены. Хотя здѣсь довольно холодно, и

каждое, сколько нибудь сильное, движеніе утомляетъ васъ, сердце бьется часто и дыханіе ускорено,—но вамъ какъ-то легко и пріятно, и вы вполне наслаждаетесь величественною картиною. Вокругъ васъ скалы, снѣжныя поляны и ледники; повсюду видны пропасти и ущелья; вдали поднимаются вершины другихъ горъ, то темныя, то лиловыя, то розовыя, то отливающія серебромъ; а внизу вереть на шестьдесятъ открывается зеленая, цвѣтущая долина, врѣзывающаяся далеко въ горы: извивающіяся по ней рѣчки, блестяція озера, города и деревни будто на ладоли передъ вами. Большія стада кажутся вамъ движущимися точками, а людей и вовсе не видать. Но вотъ подъ вашими ногами стало все закрываться туманомъ: это облака стягиваются вокругъ горы; надъ вами блеститъ яркое солнышко, а внизу изъ этого тумана идетъ, можетъ быть, проливной дождь.

Нельзя долго оставаться на такой высотѣ—для груди вредно дышать слишкомъ рѣдкимъ воздухомъ—и какъ ни хорошо здѣсь, а придется спускаться внизъ. Теперь восхожденіе на горы, особенно въ Швейцаріи, значительно облегчено. На многія очень высокія вершины построены желѣзныя дороги съ зубчатыми рельсами, и путешественники безъ труда поднимаются на высокую гору и могутъ оттуда любоваться видами горной природы. Почти на всѣхъ горахъ устроены хорошія гостиницы, гдѣ можно пользоваться здоровымъ горнымъ воздухомъ.

Самая прекрасная горная страна въ Европѣ—Швейцарія. Альпійскія горы всю ее наполняютъ; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ страшной высоты: Юнгфрау (Дѣвичья гора) поднимается на 13 т. футовъ надъ уровнемъ моря, а Монбланъ (Бѣлая гора) на 15 т. футовъ. Изъ Швейцаріи Альпійскія горы распространяются по всей западной Европѣ; отрасли ихъ идутъ отсюда въ Германію, Австрію, Италію и Францію. Съ Альпійскихъ же льдистыхъ вершинъ текутъ въ разныхъ направленіяхъ и самыя большія европейскія рѣчки: Рейнь въ Нѣмецкое море, Рона въ Средиземное и По въ Адриатическое.

Швейцарскіе Альпы, находясь въ срединѣ западной Европы, раздѣляютъ собою самыя образованныя и богатыя ея страны, такъ что прекрасныя, величественныя вершины этихъ горъ сильно за-

трудняют сообщенія. Сколько трудностей должны были преодолѣть люди, чтобы проложить удобную дорогу, отличное шоссе, черезъ такія вершины, каковы Сень-Готардь и Симплонъ! Эта дорога то подымается, то опускается, то идетъ по краю страшныхъ пропастей, то по мостамъ, висящимъ надъ бездною, то въ срединѣ скаль, которыя нужно было пробить для этой цѣли. Однако теперь уже ѣздить по желѣзной дорогѣ, такъ какъ инженерамъ удалось прорыть подъ Сень-Готардомъ туннель около пятнадцати верстъ длиною, такъ что изъ Швейцаріи въ Италію проѣздъ значительно сократился. Черезъ Монъ-Сенисъ изъ Франціи въ Италію прорыть также туннель болѣе одиннадцати верстъ длиною.

М О Р Е.

Кто въ первый разъ увидитъ передъ собою безбрежное море, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ величественнѣйшимъ явленіемъ земного шара. Хорошо оно, когда, отражая съ себѣ небо, солнце и облака, тянется къ горизонту гладкою, блестящею, какъ зеркало, поверхностью. Оно кажется тогда безпредѣльнымъ и сходится вдали съ небомъ, такъ что глазъ не различаетъ, гдѣ оканчивается вода и начинается небо. Хорошо и тогда море, когда вѣтеръ колышетъ его поверхность; хорошо, хотя и страшно немного. Высокія волны съ пѣнистыми гребнями бѣгутъ одна за другою безконечными рядами, набѣгаютъ съ шумомъ на скалистый берегъ, какъ будто хотятъ вскочить на него, но, отпрянувъ назадъ отъ твердаго камня, съ жалобнымъ стономъ и плескомъ рушатся снова въ море, уступая свое мѣсто другимъ. Весело смотрѣть, когда разыграется, расхочитъ море; весело слышать его грозный говоръ; но только весело тогда, когда стоишь на высокой твердой скаль и знаешь, что, бушуй оно, сколько хочеть, до тебя не дохватить. Но должно очень свыкнуться съ моремъ, чтобы наслаждаться этою неумолкающею игрою волнь, стоя на палубѣ корабля, когда его кидаетъ то вверхъ, то внизъ, словно легкую щепку.

Но и безъ вѣтра два раза въ день высоко подымается море, заливая далеко отлогіе берега, и два раза въ день опускается

снова, открывая далеко отлогое, мелкое дно и оставляя на берегу песокъ, небольшіе камни, раковины, множество морскихъ животныхъ и растений. Это постоянное движеніе моря называется *приливомъ* и *отливомъ*. Въ небольшихъ моряхъ, далеко вдавшихся въ средину суши, приливы и отливы бываютъ мало, а часто и вовсе не замѣтны; но въ открытомъ океанѣ они очень сильны.

Но не только вѣтеръ, приливы и отливы приводятъ море въ движеніе: въ немъ есть еще свои собственные *морскіе потоки* или *теченія*.

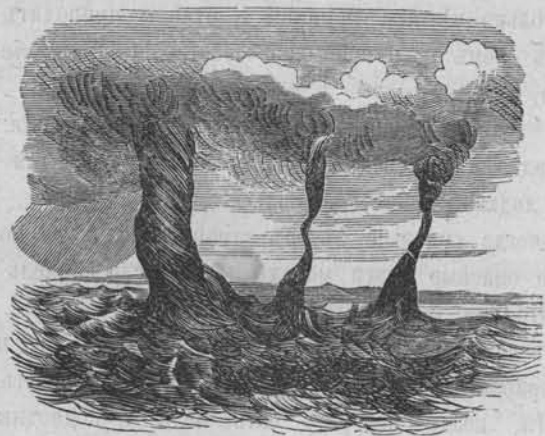
Морскія теченія очень полезны для мореплаванія: корабль, который попадаетъ въ средину такого потока, уносится его теченіемъ, какъ лодка—теченіемъ рѣки.

Бури—когда сильный вѣтеръ страшно волнуетъ поверхность моря—самые опасные враги мореходцевъ. Если корабль или пароходъ находится въ открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ, то искусный капитанъ легко можетъ его спасти и въ самую сильную бурю; но когда корабль застигнутъ бурей вблизи отъ берега, да еще такого берега, возлѣ котораго есть мели и подводные камни, тогда онъ легко можетъ разбиться объ эти камни или сѣсть на мель. Когда начинается буря, то всѣ отверстія на кораблѣ, *люки*, плотно запираютъ, чтобы волны не могли пробраться въ средину корабля.

Безвѣтріе, или *штиль*, если не опасно, какъ буря, за то гораздо несноснѣе для мореходца. Море неподвижно, какъ зеркало; въ воздухѣ не шелохнется, паруса висятъ, а троническое солнце (штиль бываетъ чаще чежду тропиками), стоя прямо надъ головою, льетъ свои жгучіе лучи на спящее море и на корабль, который не можетъ двинуться съ мѣста. Пароходъ штилей не боится; онъ движется силою пара, и если паруса его, не наполняемые вѣтромъ, не помогаютъ ему идти впередъ, за то колеса или винтъ его дружно работаютъ.

Морскіе *смерчи*, или *тромбы*, напоминаютъ отчасти тѣ крутящіяся вихри пыли, которые бѣгутъ иногда по пыльнымъ дорогамъ. Но тромбъ—не струйка пыли, а огромный крутящійся столбъ

воды, который поднимается до облаковъ и вмѣстѣ съ ними бѣжитъ по морю съ необыкновенною быстротою. Часто они появляются по нѣсколько вмѣстѣ, и плохо кораблю, если на него обрушится такая масса воды. Завидя смерчи, корабль старается свернуть съ ихъ дороги, а иногда разбиваютъ ихъ пушечными ядрами.

При *попутномъ*, свѣжемъ вѣтрѣ парусное судно несется быстро; но при вѣтрахъ, сколько-нибудь *противныхъ*, оное должно, безпрестанно перемѣняя паруса, ловить вѣтеръ и, *лавируя* изъ стороны въ сторону, неправильной, ломаной линіей, медленно приближаться къ своей цѣли. Движеніе парохода не столько зависитъ отъ вѣтра, хотя и пароходу идти гораздо легче при попутномъ вѣтрѣ, распустивъ паруса въ помощь колесамъ.

Къ прекраснѣйшимъ морскимъ явленіямъ принадлежитъ *морское сияніе*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ океана судно, гонимое вѣтромъ или парами, оставляетъ за собою длинный пламенный слѣдъ; волны, всплескиваясь, разсыпаются огненнымъ дождемъ, и даже въ глубинѣ моря видны маленькія свѣтящіяся точки. Этотъ свѣтъ зависитъ отъ морскихъ животныхъ, которыя при жизни свѣтятся въ темнотѣ, какъ наши ивановскіе червячки.

Чтобы измѣрить глубину моря, употребляютъ *лотъ*—кусокъ

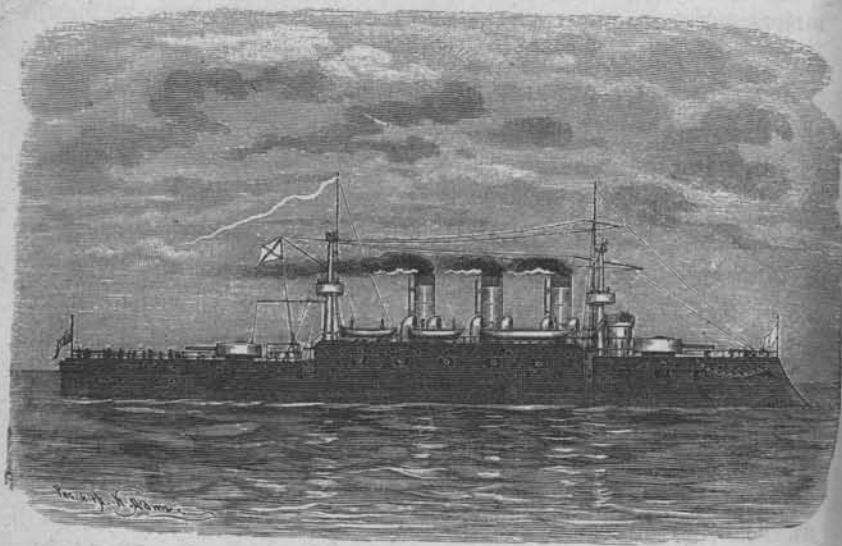
свинца, привязанный къ веревкѣ, на которой узлами отмѣчены сажени. Во многихъ мѣстахъ море довольно мелко; въ другихъ глубина его идетъ на нѣсколько верстъ, такъ что мореходцы не могутъ и лотомъ достать дна. Дно морское не ровно, такъ-же какъ и поверхность суши: на немъ также есть равнины, холмы, простыя и огнедышащія горы, скалы, ущелья, лѣса коралловъ. Иная гора, подымаясь со дна моря на многія тысячи футовъ, высовывается на поверхность небольшимъ островкомъ. Случается и такъ, что вдругъ изъ моря выдвинется огнедышащая гора, нѣсколько дней выбрасываетъ пламя, лаву, камни и дымъ, а потомъ такъ-же быстро снова скроется подъ водою. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили и о такихъ островахъ, которые появленіемъ своимъ обязаны неутомимой работѣ коралловыхъ полиповъ.

Безчисленное множество живыхъ существъ, большихъ и малыхъ рыбъ, громадныхъ морскихъ звѣрей, изъ которыхъ мы знаемъ съ вами кита, тюленя и моржа, обитающихъ преимущественно въ холодныхъ моряхъ, и неисчислимое множество мелкихъ морскихъ животныхъ населяютъ глубину моря. Здѣсь мы упомянемъ только о дельфинахъ, которые, выпрыгивая изъ воды, играми своими забавляютъ мореходцевъ; летучихъ рыбахъ, которыя иногда стаями проносятся надъ поверхностью теплыхъ морей, и о зубастой акулѣ, которая своею жадностью и дерзостью приводитъ въ ужасъ моряка, когда ему приходится или купаться возлѣ корабля, или спускаться къ водѣ, чтобы осмотрѣть его бока.

На днѣ морскомъ скрыто много богатствъ. Въ Индійскомъ морѣ преимущественно достаютъ жемчугъ, который находится на днѣ моря въ створчатыхъ раковинахъ, называемыхъ жемчужными. Эта ловля особенно прибыльна у береговъ Цейлона. Жители этихъ береговъ очень привыкли нырять на дно моря: опустившись туда съ лодки на веревкѣ, они спѣшатъ набрать въ коробъ какъ можно больше жемчужныхъ раковинъ и могутъ пробыть въ водѣ иногда до двухъ минутъ; но у бѣдняковъ, несмотря на то, что они затыкаютъ себѣ ноздри и уши хлопчатою бумагою и берутъ въ ротъ губку, напитанную масломъ, кровь часто идетъ горломъ и

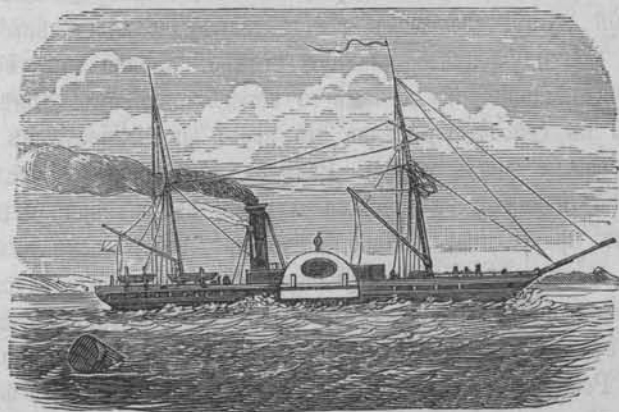
носомъ. Однако же, отдохнувъ минутъ двадцать на берегу, смѣльчаки опять пускаются на свой опасный промыселъ.

Если вы никогда не видали большого стройнаго корабля, когда онъ, распустивъ свои бѣлые паруса, гордо несется по морскимъ волнамъ, или большого сильнаго парохода, когда онъ, разрывая колесами или винтомъ морскую поверхность, разстилаетъ по воздуху длинный хвостъ дыма,—то вы не видали одного изъ величайшихъ созданий чловѣческаго генія. Нынѣшніе большіе военные корабли

дѣлаются изъ желѣза, съ очень толстыми стѣнками, отчего они называются *броненосцами*. Они бывають до 80 сажень длины, раздѣлены на нѣсколько этажей, вооружены большими и маленькими пушками и очень сложными паровыми машинами. На такомъ броненосцѣ бываетъ до 1000 чел. экипажа. Можно себѣ представить, что постройка и вооруженіе такого огромнаго судна обходятся не дешево, и что не напрасно считаютъ великимъ бѣдствіемъ для цѣлаго государства, если нѣсколько подобныхъ кораблей погибнетъ въ морскомъ сраженіи: если одни изъ нихъ пойдутъ ко дну, а

другіе взлетятъ на воздухъ отъ взрыва пороха. Купеческіе корабли и пароходы бывають меньше, не такъ стройны и красивы; но за то, перевоза товары между самыми отдаленными странами, они повсюду развозятъ довольство и образованіе, тогда какъ военныя суда охраняють берега отъ нападенія, или грозятъ неприятельскому флоту или прибрежнымъ неприятельскимъ городамъ своими страшными пушками. Можно себѣ представить, какой адъ творится, когда десятка три такихъ морскихъ колоссовъ заревутъ другъ на друга въ морскомъ сраженіи, изрыгая изъ своихъ боковъ пламя и тысячи бомбъ и ядеръ!

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстѣ. Приѣхавъ туда, мы сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась, и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ вылѣзли мы на высокой утесъ, потомъ опять спустились ниже и пошли въ галерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолевая

въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростью, наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшія брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростью летящихъ одна за другою, міриадами поднимаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревуцій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ; она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Долѣе часа стояли мы въ сей галлерей; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой нисвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, несмотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимо; а другой едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады, деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Н. Карамзинъ.

Г Е Р К У Л А Н Ъ .

Когда я пріѣхалъ въ Неаполь, Везувій дремалъ. Днемъ надъ нимъ лѣниво клубился дымокъ, бѣлый, какъ страусово перо; ночью,

когда море исчезло подъ темною синевою сумрака, и у подножія горы, вдоль берега, засвѣчивались огоньки, вулканъ по временамъ выкатывалъ изъ своего жерла багровую звѣзду пламени, которая, блеснувъ на вершинѣ, быстро потухала. Эти грозные огненные вздохи подъ небесами и эти мирные вечерніе огоньки внизу, сонный заливъ и шумный, суеящийся, осыпанный газовыми огнями Неаполь—все это сливалось въ магическую картину, отъ которой невозможно отвести глазъ безъ сожалѣнія.

Перваго августа подземные огни работали дѣятельнѣе, чѣмъ обыкновенно. Густые клубы сѣраго дыма вырывались изъ жерла и длинною цѣпью стлались надъ „кратеромъ“,—такъ неаполитанцы называютъ свой заливъ. Вечеромъ, когда солнце готово было опуститься за величественныя скалы Искія, я помчался въ Портичи по желѣзной дорогѣ *). Нигдѣ въ мірѣ рельсы не разлеглись по болѣе живописнымъ мѣстамъ: справа весело блестятъ яхонтовый заливъ, омывая амфитеатръ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ домовъ Неаполя; слѣва холмы, покрытые гранатовыми, персиковыми деревьями, виллы, потопленныя въ зеленомъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ,—и надъ всѣмъ этимъ мрачный Везувій, мѣняющій свой цвѣтъ и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. При послѣднемъ, вечернемъ освѣщеніи онъ былъ бархатисто-фіолетоваго цвѣта. Обворожителенъ этотъ берегъ; но какъ неподобенъ былъ онъ за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, когда, вмѣсто нынѣшнихъ прозаическихъ городишекъ, макаронныхъ фабрикъ и загроможденныхъ пепломъ развалинъ, широкое основаніе Везувія было окаймлено изящными портиками, амфитеатрами, колоннадами и статуями.

Въ Резинѣ **) я вспомнилъ, что хожу по пластамъ лавы, затопившей изящный Геркуланъ. Резина—это собраніе довольно пошлыхъ каменныхъ домиковъ. Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ города указали мнѣ на жалкій домишко и объявили, что тутъ входъ въ Геркуланъ. Глубоко подъ массама лавы, отвердѣв-

*) Искія — небольшой островъ въ Неаполитанскомъ заливѣ, а Портичи—городокъ вблизи Неаполя.

**) Городокъ у подошвы Везувія.

шей до степени камня, лежит античный городъ, этотъ изящный Геркуланъ, охваченный вулканическими потоками.

Съ зажженнымъ факеломъ сошелъ я въ могилу погребеннаго города; спустившись въ глубокое подземелье по каменнымъ ступенямъ, мы очутились въ мрачномъ корридорѣ: это галерея театра. Сначала вы не можете сообразить, какимъ случаемъ эти правильныя архитектурныя линіи попали сюда, въ нѣдра громадъ, подобныхъ граниту. Воображеніе отказывается представить вамъ потокъ расплавленнаго камня, нахлынувшій на самый городъ и застывшій на вѣки! Лава такъ тверда, что уступаетъ только топору и лому. Она вкатилась во внутренность домовъ, охватила памятники, колонны, многіе изъ нихъ пошатнула, нѣкоторые уронила. Не такъ губительна была налетавшая сюда вулканическая зола: она ложилась легкими слоями, наполнила собою вазы, вытѣснила изъ амфоръ вино, изъ могильныхъ урнъ пепель и, вѣроятно, еще была горяча: многія двери найдены обугленными, даже въ тѣхъ жилищахъ, куда лава не проникла, такъ что множество папирусовъ *), хлѣбъ, рожь—уцѣлѣли, сохранили свои формы. Везувій губить, но онъ же и сохраняетъ. Онъ залилъ своей смолой, закупорилъ въ прокъ два, три изъ древнихъ городовъ роскошной Кампаньи, на удивленіе и въ назиданіе потомству.

Извѣстно, что Геркуланъ открытъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. Рыли колодець, и заступы остановились на ступеняхъ полуциркульнаго театра. Теперь, сквозь этотъ цилиндрическій, значительно расширенный колодець, на днѣ котораго я стою, проникаетъ сюда слабый свѣтъ дневной. Впослѣдствіи были откапываемы многія зданія и храмы древняго города, расписанные фресками, но все это недолго было пищей законнаго любопытства ученыхъ и туристов; опасенія разрушить Резину заставили правительство снова завалить все подконы подъ ея домами. Разумѣется, это дѣлалось не прежде, какъ по тщательномъ обобраніи древнихъ жилищъ.

*) Свитокъ особой бумаги, на которой въ древности писали.

НОЧЬ НА ВЕЗУВІИ.

Я вскочилъ на добраго коня, проводникъ мой взобрался на осла, и мы поѣхали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія. Далѣе—сѣрая, угрюмая пустыня. Это море лавы, нѣкогда бушевавшее. Конь мой шагаль по стариннымъ русламъ огненныхъ потоковъ. Часа черезъ два ѣзды мы были на небольшой платформѣ, лежащей маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной нагорной пустыни. Я успѣшилъ насытить мои глаза зрѣлищемъ блистательной панорамы, открывшейся съ этой высоты. Прекрасная поляна, озаренная розовымъ и золотымъ блескомъ вечера, разстилалась подо мною, какъ эдемъ, охраняемый со всѣхъ сторонъ горами, которыя принимали различныя оттѣнки опаловъ. Улыбающіяся виллы дремали посреди лавровыхъ и миртовыхъ садовъ.

Теперь понимаю, почему широкіе скаты Везувія усеяны виллами и селеніями, почему каждый лоскутъ земли такъ смѣло оспаривается у вулкана. Неаполитанцу дорога его *гора*, какъ кормилица; онъ былъ бы глубоко огорченъ, если-бъ небо лишило Неаполь благодѣтельнаго вулкана. Всѣ эти города, построенные на развалинахъ другихъ городовъ, погубленныхъ и лавой, и пепельнымъ дождемъ, и землетрясеніями, всѣ они спятъ спокойно, охраняемые изображеніемъ святого Януарія. Настанетъ грозный часъ: колодцы мгновенно высыхаютъ, земля колеблется, какъ море; вулкана не видно, но слышенъ ревъ его, и рѣки лавы огненными цѣпями, медленно, неотразимо спускаются къ садамъ и жилищамъ; пышные виноградники блѣднѣютъ и чахнутъ въ одно мгновеніе; листья деревьевъ желтѣютъ, и огонь отъ корня разливается по вѣтвямъ... Когда же постигнутые несчастіемъ люди, изумленные, видятъ, что палящая рѣка переступила за деревянный крестъ, поставленный ей преградой, тогда ужасъ заступаетъ мѣсто безопасности.

Прошло нѣсколько дней, и на мѣстѣ гибели и разрушенія громоздятся новыя плоско-кровельныя жилища. При видѣ здѣшнихъ очаровательныхъ мѣстъ эта безопасность понятна. Природа,

когда перестает губить, становится здѣсь такъ обольстительна, съ такою изумительною щедростью торопится прикрыть слѣды своей ярости. Везувій губить въ продолженіе немногихъ дней, оплодотворяя почву на цѣлые вѣка. Поглядите на Резину, построенную на трупѣ Геркулана. Справа и слѣва—слѣды страшнаго разрушенія; высоко надъ городомъ—вѣчно дымящійся сосѣдь, ежеминутно грозящій гибелью; но куда ни поглядишь—жизнь здѣсь кипитъ, какъ-будто эта земля никогда не знала ни единой могилы. Веселые горожане, въ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, при звонкихъ пѣсняхъ, сплетаютъ виноградныя лозы съ вѣтвями шелковичныхъ деревьевъ. Женщины, сидяція у своихъ дверей, прядутъ ленъ, и мелодическая итальянская болтовня звучитъ по улицѣ, между тѣмъ какъ черноглазые ребятишки прыгаютъ въ шумныхъ хоровахъ... И ни одной изъ этихъ матерей не приходитъ на память открытый въ Геркуланѣ домикъ, гдѣ въ ваннѣ найдены два младенческіе скелета.

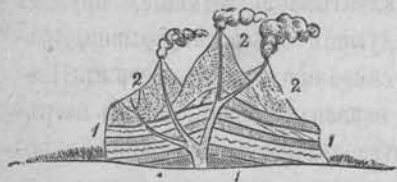
Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факель и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у самой кручи горы. Отсюда кажется, что вершины можно достигнуть менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута, ноги тонутъ въ сыпучей золѣ; но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Между тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигаемся впередъ весьма не прытко. Глубокія волны цепла и шлаковъ были намъ помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факель. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ; но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину или, точнѣе, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами вулкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается

конической холмъ: это кратеръ, это голова вулкана съ вѣчно открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина вулкана—самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ, на ребрахъ конуса, блещутъ два широкіе потока, яркіе, какъ растопленное золото: это раскаленная лава.

Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора вулкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины сіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ со свистомъ вырывался густой желтый дымъ; почва раскалялась до бѣла и, расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы, — вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ какъ жаръ, пышущій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались. Я старался возвить окончность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленнаго желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвести глаза отъ этого невиданнаго зрѣлища, — вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла... Багровые шары взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это раскаленные камни, фута въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенные вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на его закраины. Нѣсколько секундъ вулканъ дрожалъ подъ моими ногами, и снова все погрузилось во мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкло, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы; мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ

его таинственныя силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться

на самый конусъ, до края широкой бездны, — но колебавшаяся подъ мои ноги кора кратера и новые взрывы вулкана остановили меня на пол-пути. По скользкимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, ошеломленный, черный и опаленный.

Я провелъ ночь на вулканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ итальянской луны, море сверкало и ясно обозначалось бѣлѣющее зданіями полукружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижные, и перебѣгающіе одинъ за другимъ, постепенно погасали. Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на востокъ, за темной стѣной Аппенинъ, бѣлесоватая полоса яснѣла и яснѣла! Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ. Небеса были пріятнаго фіалковаго цвѣта. Вдали утесистые берега Сорренто, скалы Капри*) сбрасывали съ себя ночныя покрывала и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ утреннихъ нарядовъ. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, гдѣ-бы эти магическіе эффекты были выражены такъ удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтный вѣтерокъ вызвалъ десятки парусовъ на голубыя зыби залива. До меня долеталъ шопоть пробуждавшихся

Дѣйствующій вулканъ: 1) пласты земной коры, сквозь которые лава пробралась изъ внутренности земли наружу; 2) конусообразныя вершины (похожія на сахарныя головы), образовавшіяся изъ вулканическихъ камней и золы, выброшенныхъ дѣйствующимъ вулканомъ.

*) Сорренто—городокъ, подальше Везувія; здѣсь родился Тассъ; Капри—скалистый островъ, гдѣ жилъ Тиберій.

селеній, вмѣстѣ съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Морской вѣтерокъ заколыхалъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенныя съ вѣтвями тополей. Солнце, поднявшееся надъ мертвой Помпеей, рассыпало свои искры по волнамъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ, воздухъ наполнялся благоуханіемъ: все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-то торжеству. Вулканъ трепеталъ и бормоталъ. Румяное облачко, ночевавшее на сосѣдней горѣ, подплывало къ вершинѣ Везувія... Я воображалъ, что сейчасъ зарожусь въ розовый пухъ,—и былъ окутанъ густымъ холоднымъ туманомъ... Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ тучѣ, подарили меня лихорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ облако, улетаая, таяло въ воздухѣ на первыхъ лучахъ солнца.

(Изъ путешеств. Яковлева)

Э С К И М О С Ы .

Въ полярныхъ странахъ земного шара, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ въ году, все—и земля, и вода, покрыто однообразной снѣжной пеленой, а въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ изъ этихъ девяти солнце не показывается ни на минуту, и тьма, нарушаемая только свѣтомъ луны и сѣвернымъ сіяніемъ, покрываетъ печальную снѣжную пустыню. Однако-же и въ этой негостеприимной странѣ живутъ люди, тамъ рождаются и остаются всю жизнь, лѣто и зиму, не подозрѣвая даже, что есть на землѣ другія страны, болѣе теплыя и счастливыя. Таковы дикія племена, живущія въ трехъ частяхъ свѣта, на ихъ сѣверныхъ границахъ; по мы займемся только однимъ изъ этихъ племенъ—эскимосами.

Эскимосы живутъ въ Сѣверной Америкѣ, по берегамъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, отчасти въ бывшихъ русскихъ американскихъ владѣніяхъ, которыя въ 1867 году уступлены Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, отчасти по независимымъ землямъ, рѣдко удаляясь отъ берега далѣе шестидесяти или семидесяти верстъ. Это племя, и безъ того не многочисленное, раздѣлено на множество мелкихъ поколѣній, которыя все носятъ разныя названія.

Съ виду эскимось очень некрасивъ; круглая, несоразмѣрно большая голова, широкое, плоское лицо съ выдавшимися скулами, маленькій, запавшій носъ, черные, длинные, жесткіе волосы, замѣчательно небольшія руки и ноги, короткіе пальцы, красновато-бурый цвѣтъ кожи, вѣчно-холодной и покрытой толстымъ слоемъ грязи и жиру,—вотъ отличительныя черты эскимоса.

У эскимосовъ нѣтъ ни полей, ни садовъ, и вообще они не занимаются разведеніемъ растений; да это и невозможно въ странѣ, гдѣ девять мѣсяцевъ въ году почва бываетъ скована морозомъ. Они по необходимости должны ограничиваться одною *животною* пищею.

Море, у береговъ котораго преимущественно живутъ эскимосы, изобилуетъ множествомъ различной рыбы, а также морскими звѣрями, а именно: тюленями, моржами и китами. Сѣверные олени, лисицы, волки и бѣлые медвѣди также бродятъ по снѣжнымъ пустынямъ. Охота за этими звѣрями даетъ эскимосу пищу, одежду и топливо. Но у эскимосекаго охотника нѣтъ ни ружья, ни пороху, ни лошади. Онъ самъ себѣ дѣлаетъ копье, лукъ, стрѣлы, багры и крючки, заостривая всѣ эти орудія костями, потому что употребленіе желѣза не было извѣстно эскимосамъ до ихъ знакомства съ европейцами, да и теперь еще желѣзо распространено между дикарями весьма мало. У эскимосовъ нѣтъ пеньки, а потому нѣтъ и нашихъ веревокъ; вмѣсто ихъ они употребляютъ жилы и кожи звѣрей, разрѣзанныя длинными полосами. Изъ этихъ кожаныхъ веревокъ и изъ крючьевъ готовятъ они западни и, устроивъ ихъ, терпѣливо выжидаютъ добычу. Съ этими скудными средствами дикарь ловитъ, однако, быстроногаго оленя, кровожаднаго волка и сѣвернаго силача, медвѣдя; собравшись же значительною толпою, эскимосы одолѣваютъ даже и царя морей, кита.

Эскимосы ѣдятъ несбыкновенно много, такъ что обжорство ихъ приводитъ въ ужасъ европейца; но за то они и голодаютъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, потому что рѣшительно не знаютъ предусмотрительности и не запасаютъ пищи на черный день. Они наслаждаются покоемъ, пока у нихъ есть что ѣсть, и только

голодъ выгоняетъ ихъ изъ жилищъ. Непредусмотрительность и лѣнь, вообще отличающія дикаго человѣка отъ образованнаго, доходятъ у эскимосовъ до высшей степени. Все удовольствіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы набить себѣ животъ какъ можно туже. Особенно любятъ они жиръ, котораго очень много у всѣхъ животныхъ полярныхъ странъ, и который составляетъ для эскимоса пищу, топливо и освѣщеніе. Когда англійскій мореплаватель, капитанъ Парри, встрѣтился съ эскимосами на полуостровѣ Мельвилѣ и предложилъ имъ разныя европейскія сласти и сахаръ, то не произвелъ этимъ на дикарей никакого впечатлѣнія; но, получивъ салныя свѣчи, эскимосы начали пожирать ихъ съ такою быстротою, что матросы съ трудомъ могли вырвать изо-рта у нихъ свѣтильни, которыми они могли подавиться. Вкусъ дикарей такъ не развитъ и они такъ мало имѣютъ понятія о чистотѣ, что европейца тошнить, когда онъ смотритъ на ихъ обѣдъ. Пристрастіе эскимосовъ къ жиру объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что это вещество всего способнѣе поддерживать въ тѣлѣ теплоту, которая такъ нужна бѣдному жителю отдаленнаго сѣвера; обжорство же зависитъ отъ недостатка предусмотрительности. Завидя пищу, эскимось старается съѣсть ея какъ можно больше, и дѣйствительно съѣдаетъ за одинъ присѣсть такое количество смердящаго жира, какаго, будь эта пища гораздо вкуснѣе, не съѣсть европейцу и въ десять дней.

Жилища эскимосовъ также очень оригинальны; не имѣя ни дерева, ни кирпичей, эскимосы строятъ свои дома изъ единственнаго матеріала, котораго у нихъ много—изъ снѣгу. Какъ только начинается зима, они сбиваютъ снѣгъ въ твердые и большіе куски и, складывая одинъ кусокъ на другой, выводятъ стѣны своего круглаго жилища, похожаго формою на кошку сѣна, оставляя небольшое отверстіе вмѣсто двери и вставляя вмѣсто оконъ большія льдины. Ко входу они придѣлываютъ, также изъ снѣгу, нѣчто въ родѣ сѣней или, лучше сказать, длинной трубы, черезъ которую они на четверенькахъ влѣзаютъ въ свой снѣжный домъ. Теплота подъ снѣгомъ сохраняется довольно хорошо, потому что

снѣгъ *дурной проводникъ тепла*; но можно себя представить, какъ неудобно жить въ такомъ снѣговомъ домѣ. Въ продолженіе зимы жилища эскимосовъ совершенно заносятся снѣгомъ, и тогда можно сказать, что эскимосы живутъ какъ звѣри — въ норахъ. При наступленіи недолгаго, но жаркаго лѣта, когда солнце, невидимое нѣсколько мѣсяцевъ, почти не сходитъ съ неба, эскимосскія деревни таютъ быстро, и жители ихъ на все лѣто остаются подъ открытымъ небомъ.

Одежда эскимосовъ приспособлена къ холодному климату ихъ страны. У нихъ, конечно, нѣтъ ни сукна, ни полотна, а потому они дѣлаютъ себѣ платье изъ оленьихъ шкуръ, сшивая ихъ звѣриными жилами и притомъ по двѣ кожи вмѣстѣ: одну — вмѣсто подкладки, внутрь шерстью, другую наружу. Одежда эта состоитъ изъ оленьей рубашки съ капюшономъ, надѣваемымъ на голову, оленьихъ же широкихъ панталонъ и такихъ же сапоговъ. Платье женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ платья мужчинъ; только голенища ихъ сапоговъ необыкновенно широки, потому что за голенищами лежатъ у нихъ дѣти.

Благоустроеннаго государства и правительства эскимосы не знаютъ: они живутъ *семьями* и *родами*, уважаютъ только мужество и физическую силу. Понятія о Богѣ у нихъ самыя скудныя.

Сравнивъ жизнь эскимоса съ жизнью жителей Петербурга, Лондона или Парижа, трудно повѣрить, что было время, когда на мѣстѣ этихъ великолѣпныхъ городовъ жили дикари, подобные самоѣдамъ. Однако же это фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Въ старыхъ могилахъ, которыхъ много уже разрыто и на британскихъ островахъ, и по берегамъ Балтійскаго моря, находятъ оружіе, сдѣланное изъ заостренныхъ камней; а это показываетъ ясно, что было время, когда жители этихъ мѣстностей не знали употребленія ни желѣза, ни мѣди и, слѣдовательно, вели тяжелую жизнь дикарей.

Любопытно бы знать, какимъ образомъ многіе народы вышли изъ дикаго состоянія и достигли высокой степени образованности; какъ люди сдѣлали множество открытій, о которыхъ и не ме-

чталъ дикарь; какъ бросили они дикій бытъ и установили благоустроенныя государства; какъ изъ язычниковъ сдѣлались христианами, а изъ грубыхъ дикарей, которые видомъ и жизнью своею напоминаютъ животныхъ—образованными людьми. Все это со временемъ расскажетъ намъ *исторія*, когда мы будемъ изучать ее.

САМОѢДЫ.

При этомъ имени, какъ живая, возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицомъ, обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣдѣнкой бородкой, плохо выросшей, а сверху—черными, жесткими волосами, торчащими копною. При входѣ въ дверь моей комнаты, онъ обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку—пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Тяжело приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ, ѣхать, ну!..

И онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной—истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучшей образецъ самоѣдекаго облика.

Мы отправились. Опять снѣжныя поля раскинулись со всѣхъ сторонъ; опять скакали впереди саночекъ наши олени, понуривъ головки; опять приходилось мнѣ прятать свое лицо, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, хотя при полномъ безвѣтріи. Наконецъ, мы выѣхали изъ кустарника на поляну. Вся она уже была подернута густыми сумерками; въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ словно теплина, которую раскладываютъ волжскіе пастухи на *ночниль*; два другихъ пускали пламя и дымъ густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Кругомъ—олени; по всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную черную; одинъ постукиваетъ то правой, то лѣвой передними ногами въ снѣгъ: перестаетъ

на время, наклоняется, как будто обнюхивает то мѣсто, и опять начинает стучать копытами, смѣняя одно другимъ, и стучить долго, настойчиво. Другой олень стоит неподвижно на одномъ мѣстѣ, как будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ черную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгаютъ въ круги, двое дерутся рогами. И надъ всѣмъ этимъ глубокое, невозмутимое ничѣмъ молчаніе. Какъ конны, какъ стоги сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразные чумы—цѣль нашей поѣздки. Войдемъ въ ближайшій, или, лучше, пролѣземъ въ него черезъ узенькое отверстіе, и дальше лѣзть уже не можемъ: прямо передъ нами, посрединѣ чума, разложены горячіе дрова, надъ ними кипитъ котелокъ и клокочетъ вода; дымъ свободно лѣзетъ въ отверстіе наверху, и все-таки много этого дыма остается въ чумѣ; дымъ ѣсть глаза, не позволяя подняться на ноги. Сядишь на корточки, и при свѣтѣ довольно сильно разгорѣвшихся дровъ видишь изумленные, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежит *инькѣ*, можетъ быть женѣ хозяина чума, другое—ему самому, потому что всѣ остальные моложавы, хотя уже съ поразительными задатками на то, чтобы черезъ пять, шесть лѣтъ рѣшительно, капля въ каплю, походитъ на отца, или все равно и на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ потому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты ворота и видны голыя смуглыя груди. Самоѣдь-хозяинъ стружетъ ножомъ мерзлую рыбу и видимо съ наслажденіемъ ѣсть эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и шиваетъ оленьими жилами одну оленью постель съ другою; ребятишки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицомъ, продолжаютъ дѣлать свое: одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. И все это творится въ глубокомъ, сосредоточенномъ молчаніи. Осмотришься кругомъ: закоптѣлыя и значительно подержанныя оленьи постели лежатъ на шестахъ, сближающихся къ верхнему отверстію. Оттуда, по временамъ, какъ-будто дунетъ кто-то, и чумъ вслѣдъ затѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпнеть глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій осмотръ чума. Вы-

рвется этомъ дымъ на волю, и опять все старые виды: инька шьетъ, мужъ ея стружетъ рыбу, надъ котломъ, въ дыму, и на деревянной рѣшеткѣ коптится или вялится мясо, можетъ быть *песце-вина* (мясо песка), можетъ быть *лисицевина* или наконецъ даже оленина. По временамъ мясо это пускаетъ отъ себя неприятный, одуряющій запахъ и, того гляди, не усидишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетенномъ изъ тростника ерки, подлѣ этихъ *латъ*—деревянныхъ досокъ, которыми огражденъ со всѣхъ сторонъ огонь.

— Давно ли вы стоите здѣсь? спросилъ я самоѣда, чтобы о чемъ нибудь заговорить съ нимъ.

— Вчера, отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потушилъ глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вонъ!

Самоѣдь тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, накинувши на себя малицу *), вышелъ вонъ. Я сталъ прислушиваться; глухо раздавался вдали лай собаченокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ; мать-самоѣдка и ребятишки стали поспѣшно подбирать подручное, укладывая все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попадается самоѣдь, останавливается и вематривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь? спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдь улыбается, однако находится на отвѣтъ.

— Олешка мохъ съѣлъ... велитъ дальше!

И, съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя; тотъ останавливается, испуганный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Самоѣдь привязываетъ его къ чуму; ловитъ другого, третьяго... и съ ними дѣлаетъ то же. Между тѣмъ три хохлатыя собаченки продолжаютъ обѣгать, съ удушливымъ лаемъ,

*) Теплая мѣховая одежда изъ оленьихъ шкуръ.

вокруг стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплютъ мохъ; собаки лаютъ на нихъ долго и много; наконецъ и этихъ спугиваютъ съ мѣста и обращаютъ ихъ въ бѣгство на настороженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ уже много оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собаченками въ неподвижную, послушную кучу. Откинутыя отъ чумовъ санки стоятъ уже наготовѣ, нагруженные кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками; на остальные изъ нихъ складываются затѣмъ нюки, подночья (тѣ же олени шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю настилку); на третью санку кладутъ шесты, на четвертую или пятую садятся ребятенки, по одному и по два, на шестую мать съ груднымъ ребенкомъ, на седьмую бросаютъ хохлатыхъ собаченочекъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурившихъ, на восьмую, переднюю, взлѣзаетъ самъ хозяинъ чума и—*аршизъ* готовъ. И ѣдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху еще невытравленного, и гдѣ также оставить онъ послѣ себя тундру взбитую и такую же почернѣлою, какъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообразіи. На новомъ мѣстѣ, вереть за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы самоѣды, и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на инья мѣста. Самоѣды всегда зависятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, новыя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. И вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ проявленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей, которые поставлены въ необходимость отыскивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она есть—и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи. (Изъ соч. Максимова).

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ.

Купеческій караванъ уже собрался и черезъ нѣсколько дней уже готовъ былъ выступить изъ Семипалатинска по на-

правленію къ Чугучагу и Кульджѣ. Мы отправились впередъ, въ степь, къ султану Кошъ-Магомету, чтобы потомъ присоединиться къ каравану.

15-го ноября мы оставили Семипалатинскъ. Два слова о Семипалатинскѣ: это маленькій пограничный городокъ въ Западной Сибири, на Иртышѣ *). Лѣтомъ въ Семипалатинскѣ чрезвычайно жарко, и весь онъ занесенъ сугробами песку. Зимой въ Семипалатинскѣ очень холодно, и весь онъ занесенъ сугробами снѣга. Одно въ немъ постоянно,—вѣтеръ, который лѣтомъ дуетъ съ раскаленныхъ, отовсюду обнаженныхъ степей, а зимою со снѣжныхъ горъ.

Дня черезъ два мы уже приближались къ *зимовью* султана. Десятковъ юртъ, бѣдныхъ и побогаче, смотря по тому, принадлежатъ ли онѣ слугамъ или женамъ султана, и посрединѣ маленькой, кое-какъ сложенный, деревянный домикъ, подъ затишьемъ пригорковъ, окружающихъ озеро Сарыбулакъ, подъ защитою сотни казаковъ, составляли зимнее жилище султана, въ которое онъ не задолго до нашего прибытія перекочевалъ. Все было пестро и въ разладѣ одно съ другимъ.

Послѣ радушнаго приѣма, султанъ, желая выказать въ высшей степени свое къ намъ расположеніе и довѣренность, пригласилъ насъ посѣтить кибитку своей жены. Но пояснимъ, хотя нѣсколько, слово кибитка:—это куполообразный, войлочный шатеръ, съ войлочнымъ запономъ, вмѣсто двери, съ отверстіемъ вверху, замѣняющимъ окно и трубу. Основаніемъ кибитки служитъ круглая, деревянная рѣшетка, а куполь поддерживаютъ жерди, прикрѣпленныя петлями снизу къ рѣшеткѣ, сверху—къ правильному кругу. Избавляемъ читателей отъ киргизскихъ названій всѣхъ принадлежностей кибитки. Снаружи кошмы или войлоки обтягиваются веревками и тесьмами, которыя проходятъ внутрь и закрѣпляются близъ дверей. Все это на случай похода снимается въ пять минутъ; рѣшетка плотно сжимается, жерди собираются въ пучокъ, то и другое обвивается кошмами, и въ двѣ минуты кибитка уло-

*) Въ настоящее время это уже областной городъ въ среднеазиатскихъ владѣніяхъ Россіи, съ населеніемъ около 30 тысячъ жителей.

жена, навьючена на верблюда и отправлена; еще пять минут— и она вновь разставлена.

Кибитка старшей султанши, въ которую насъ вводили, была убрана богато. Рѣшетка внутри застилалась тонкимъ войлокомъ, испещреннымъ тесьмами, а полъ—коврами; съ правой стороны стоялъ рядъ раскрашенныхъ казанскихъ сундуковъ, надъ которыми возвышался другой; турсукъ, или большой кожаный мѣшокъ съ кумысомъ, занималъ почетное мѣсто и отличался роскошью отдѣлки; далѣе нѣсколько тюфяковъ и другихъ постелей и сѣдалищъ были расположены вдоль рѣшетки и покрыты богатыми одѣялами и коврами; одна постель была застлана краснымъ сукномъ, окаймленнымъ мишурной бахромой. На этотъ разъ кибитка была очищена отъ всѣхъ душистыхъ предметовъ киргизской гастрономіи, и все показывало нѣкоторый порядокъ и приготовленіе къ принятію русскихъ.

Мало по малу собирались къ намъ отдѣльныя толпы киргизовъ, караванныхъ возчиковъ, съ навьюченными верблюдами; наконецъ, оставивъ гостепримный кровъ султана, мы вскорѣ увидѣли вдаль обширный таборъ: это была часть каравана, вышедшая изъ Семипалатинска черезъ нѣсколько дней послѣ насъ, съ караванъ-башею Мирза-Баемъ, и уже поджидавшая нашего прихода; тутъ же были базарчи-киргизы, ходившіе въ Семипалатинскъ для мѣны и возвращавшіеся съ хлѣбомъ въ свои аулы; все смѣшалось въ одну общую, нестройную массу; начались споры и собѣщанія относительно направленія пути; наконецъ, условились, какъ хотѣлось караванъ-башѣ: соединились въ одинъ огромный караванъ и двинулись впередъ, придерживаясь китайской пограничной линіи. По соединеніи своемъ въ одно, весь караванъ состоялъ изъ 1,500 купеческихъ верблюдовъ и 1,000 принадлежавшихъ базарчійамъ, изъ которыхъ большая часть должна была впоследствии отдѣлиться отъ насъ.

Какая безконечная пустыня! Горе страннику безъ руководителя: ни холма, по которому бы онъ замѣтилъ направленіе пути, ни ручья, гдѣ бы могъ утолить жажду, ни пріюта отъ бури, ни

защиты отъ звѣря. Одинъ киргизъ усвоилъ себѣ это безбрежное пространство степи; здѣсь онъ дома, хоть бы переходилъ отъ устья Эмбы до вершины Алузы, отъ береговъ Каспійскихъ—на Иртышъ; все служить ему указателемъ пути: звѣзда, направленіе вѣтра, наклоненіе травы; каждая мулла (мазарка, киргизская могила) ему знакома. Пищей для него служатъ, въ случаѣ нужды, корни, кусокъ кожи, доскутъ его сальной одежды; воду киргизъ находитъ въ извѣстныхъ ему мѣстахъ, углубившись не болѣе какъ на пол-аршина отъ поверхности, а нѣтъ—онъ обойдется и безъ нея; ни одно животное не въ состояніи перенести того, что можетъ перенести киргизъ; окрѣпшій привычкой непрерывной нужды, онъ подавилъ въ себѣ всѣ страсти, онъ довелъ свои чувства до того огрубѣлаго состоянія, которое равняетъ его съ животнымъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ отношеніи физическомъ и по дару инстинкта онъ превосходитъ большую часть животныхъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло чаще, чѣмъ съ людьми.

Какое грустное однообразіе: сегодня какъ завтра, завтра какъ вчера. Далеко до разсвѣта пробуждаетъ васъ ревъ верблюдовъ, изрѣдка прерываемый словами „чокъ, чокъ“ или дребезжащимъ голосомъ караванъ-баши. Скорость выюченья верблюдовъ, разставленія джулумы, да еще кипяченіе чайника составляетъ славу и гордость караванныхъ людей; въ часъ все готово: джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотолъ прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхиваютъ ярко и переигрываютъ съ звѣздами своимъ блескомъ; темнота ночи дѣлается еще чернѣе. Наконецъ, пускаются и вершники въ догонку за своими верблюдами; оглянитесь назадъ: еще мерцаютъ огоньки, но какъ все глухо и пусто тамъ, гдѣ нѣсколько минутъ до того кипѣла цѣлая движущаяся община съ ея желаніями, страстями и пороками.

(Изъ путеш. Ковалевскаго).

ГОЛЛАНДЦЫ.

Кто пріѣдетъ въ Голландію и взглянетъ на жизнь голландцевъ, на ихъ набережныя, каналы, рвы, шлюзы, плотины, на ихъ пре-

красныя гавани, верфи, шоссе, желѣзныя дороги, чистенькіе города, крѣпости, башни,—кто присмотрится къ голландской смѣлости, предусмотрительности, чистотѣ, умѣренности, ясности въ словахъ и отчетливости въ поступкахъ—тотъ будетъ пораженъ изумленіемъ. Но кто узнаетъ голландцевъ поближе и познакомится съ ихъ исторіей, тотъ съ почтеніемъ будетъ смотрѣть на этотъ народъ. Вся эта богатая страна, эти прекрасные города, эти миленькія, блестящія чистотою деревни созданы рукою человѣка,—созданы на землѣ, отнятой большею частью у морскихъ волнъ. Войдя въ городъ или деревню и взглянувъ на этихъ спокойныхъ, важно-двигающихся людей, которые встрѣчаютъ васъ всегда кроткой улыбкой и медленной рѣчью, трудно подумать, чтобы всѣ эти гигантскія постройки были сдѣланы ими. Взглянувъ на голландца, на его чистое платье, на его причесанный парикъ, на цвѣты и травы, которые въ самомъ строгомъ порядкѣ украшаютъ его сады и палисадники; заглянувъ на голландское гумно и въ голландскій хлѣвъ, въ которомъ такъ чисто, что разодѣтая барыня не запачкаетъ краевъ своего платья, не вѣрится, чтобы эти спокойные, чопорные люди создали такую чудную землю изъ болота, въ которомъ плодились только жабы да лягушки; не вѣрится, чтобы эти медленные, спокойные, осторожные люди могли бороться съ моремъ и побѣдить его. Все, что вы видите въ Голландіи, дѣло могучихъ рукъ голландца, рукъ, вооруженныхъ заступомъ, лопатою и весломъ.

На морѣ тяжеловѣсный, спокойный голландецъ перерождается, взоръ его сверкаетъ, въ сильныхъ рукахъ кипитъ работа, и виденъ въ немъ человѣкъ, привыкшій заставлять повиноваться себѣ морскія волны. Голландецъ тихъ, хладнокровенъ, спокоенъ; но въ душѣ его желѣзная воля, отвага и рѣшимость. Разъ выбравши цѣль, онъ идетъ къ ней твердо, рассчитанно и вѣрно, и никакое препятствіе не заставитъ его сверотить съ дороги.

Голландецъ любитъ строжайшій порядокъ и безукоризненную чистоту, и соблюдаетъ ихъ вездѣ и во всемъ, не только въ домѣ, въ платьѣ, но въ словахъ и поступкахъ. Цвѣты и домашнее хозяйство составляютъ страсть голландца. Онъ любитъ комфортъ; но

когда дѣло дойдетъ до труда, никакая работа не кажется ему ни слишкомъ грязною, ни слишкомъ тяжелою; онъ знаетъ, что нѣтъ такой работы, которая не облагораживала бы человѣка; онъ убѣжденъ, что нѣтъ такого тяжелого труда, котораго не могъ бы побѣдить человѣкъ своимъ постоянствомъ. Болѣе всего на свѣтѣ боится голландецъ нечистоты, беспорядка и лѣни, и видитъ въ нихъ или причину, или слѣдствіе всѣхъ возможныхъ пороковъ, нищеты и невѣжества.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ЛОНДОНЪ СЪ МОРЯ.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, шелъ да шелъ впередъ, и, когда завтракъ въ каютѣ кончился, мы были уже въ Темзѣ. Но гдѣ кончилось море, гдѣ началась рѣка, вѣрно никто изъ насъ не могъ бы сказать. Очертанія береговъ справа и слѣва были еще неясны. Казалось, пароходъ вступилъ въ широкую морскую бухту и только оттого не шелохнется.

Нѣтъ другой рѣки въ мірѣ, которая была бы такъ, какъ Темза, способна къ громаднѣйшему развитію торговой дѣятельности. За то неугомонно-кипучая жизнь, которая завладѣла ея берегами и возмутила ея воды, поражаетъ и подавляетъ своимъ грознымъ движеніемъ каждаго чужестранца. Темза судоходна на протяженіи ста восьмидесяти восьми англійскихъ миль *) и на семьдесятъ миль подвержена вліянію морского прилива и отлива. Отъ Лондонскаго моста не нужно, во время отлива, ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выноситъ васъ безъ хлопотъ въ открытое море.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все чаще и чаще попадались намъ на встрѣчу большія суда и пароходы, отправлявшіеся, можетъ быть, въ очень далекія странствованія, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загороженные лѣсами и черными зданіями верфей.

Скоро показался справа и первый англійскій городъ Грев-

*) Англійская миля—верста три четверти.

зэндъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Контуры его зданій видѣлись, какъ сквозь легкую, прозрачную дымку. Туманъ начиналъ уже тихо подниматься съ рѣки и класть на все свою сѣрую тушевку.

До пристани оставалось намъ еще двадцать двѣ мили, но тутъ и берега, и рѣка начинали уже кипѣть жизнью, и путь не могъ казаться скучнымъ. Кромѣ большихъ и малыхъ пароходовъ, кромѣ парусныхъ судовъ, качавшихся на всѣхъ моряхъ, и новыхъ кораблей, только что спустившихся съ подмостковъ мастерской, намъ безпрестанно попадались большія барки и маленькія лодки съ грудами каменнаго угля и рыбачьи челноки съ крашеными, коричневыми парусами. Запахъ угля становился все сильнѣе, даль все куталась въ туманѣ. Солнца, которое свѣтило очень ярко, когда мы вступали въ устье Темзы, нельзя было узнать. Оно то сквозило краснымъ, раскаленнымъ ядромъ изъ-за густыхъ, черныхъ клубовъ дыма, подымавшася надъ пароходами, то прорѣзывалось тонкимъ золотымъ кольцомъ, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ и растилался по небу мутнымъ пологомъ. У береговъ сѣрый туманъ начиналъ превращаться въ черный, и изъ этого унылаго мрака слышался непрерывный стукъ тысячи молотовъ. Рѣзко и грозно разносились вдоль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ; къ нимъ примѣшивался по временамъ гулъ машинныхъ колесъ и свистъ пилъ.

Почти на протяженіи цѣлой мили тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вуличъ, мрачные навѣсы военной верфи. Подъ нами мы различали порой огромные остовы и ребра кораблей: но ни людей, кующихъ тутъ въ чадной угольной тѣмѣ морское величіе Британіи, ни ихъ тяжелой работы нельзя было разглядѣть, — и тѣмъ грознѣе казался безустанный и неумолчный грохотъ этого невидимаго движенія! За высокой стѣной, ограждающей полосу берега, на которой построена вуличская верфь, изъ-за ея высокихъ навѣсовъ, изъ-подъ глухихъ кровель ея мастерскихъ — солнца не увидишь иначе, какъ въ вѣчномъ затменіи.

Едва началъ становиться за нами глуше и смутнѣе стукъ молотовъ и машинъ, до насъ сталъ доноситься такой-же гулъ и гро-

хоть спереди. Мы миновали мѣстечко Блэкволъ, гдѣ у пристани тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами въ самую середину Сити. Пароходъ нашъ приближался къ громаднымъ вестъ-индскимъ докамъ. Рѣка дѣлаетъ тутъ поворотъ влѣво и, поворачивая дальше вправо, на линію своего прежняго теченія, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ насквозь каналами и бассейнами доковъ.

Пароходъ нашъ пошелъ тише. Темза становилась своей суетой похожа на нашу Садовую въ Вербную субботу; вся разница была въ томъ, что вмѣсто омнибусовъ, каретъ и саней тутъ сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Проѣзжая дорога сузилась. Къ берегамъ тѣсно жались въ нѣсколько рядовъ суда всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Число имъ легіонъ, хотя, можетъ быть, только десятая доля судовъ, стоящихъ у Лондона, стоитъ въ рѣкѣ. Остальныя пристають къ докамъ, и безчисленныя иглы ихъ мачтъ видны изъ-за прибрежныхъ домовъ. Глазу безпрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полосѣ земли, за которою лежитъ если не море, то такая же широкая рѣка, какъ Темза.

Дома или, лучше сказать, черныя кирпичныя стѣны на обѣихъ сторонахъ рѣки жались другъ къ другу все плотнѣе и плотнѣе. На каждой стѣнѣ бѣлѣли большія прописныя буквы надписей, объявлявшихъ, что за стѣной помѣщается или верфь, или мастерская, или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ стѣнъ видѣлся другой рядъ выше, съ такими же надписями, а черезъ него глядѣли опять стѣны и опять вывѣски. Порой, вмѣсто второго и третьяго ряда стѣнъ, снова подымались сотни мачтъ. Мы были около лондонскихъ доковъ св. Екатерины. Въ тѣсныя ущелья между двухъ домовъ то и дѣло осторожно входили или пароходъ, или парусное судно. Оставайся все они на рѣкѣ, по ихъ палубамъ можно было бы пройти, не замочивъ подошвы, отъ Лондонскаго моста до Гревзэнда.

Мы уже почти у пристани. Вотъ и Лондонскій мостъ съ его тяжелыми сѣрыми арками, предѣлъ собственно морской жизни. За

его сводами видны вдали своды другого моста; если бы не туманъ, который здѣсь особенно густъ, мы увидали бы и еще мостъ—третій. Всѣхъ ихъ въ Лондонѣ 13, да еще 5 желѣзнодорожныхъ, и всѣ кипятъ жизнью; но первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Лондонскому мосту. Глядя съ парохода, можно подумать, что въ этой давкъ не пройдешь. Тихо движутся по срединѣ громадныя возы, чудовищныя omnibusы, кареты и кэбы; тысячи круглыхъ мужскихъ шляпъ на тротуарѣ кажутся, изъ-за стѣнъ моста, какимъ-то чернымъ потокомъ.

Почти такая же толкотня, какъ на мосту, и у пристаней по сю и по ту сторону. Однѣ толпы тѣснятся къ пароходамъ, другія бѣгутъ плотною массою съ пароходовъ имъ на встрѣчу, еще толпы пробираются къ станціямъ подземныхъ и надземныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также и электрическихъ. Всѣ голоса и звуки мѣшаются въ одинъ смутный гулъ: и крики матросовъ, и шипѣніе выпускаемаго пара, и шумъ водяныхъ колесъ. Надо родиться на этихъ туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому страшному движенію, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то неиспытаннаго одиночества.

(Изъ ст. Михайлова).

І Е Р У С А Л И М Ъ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Іуден. Въѣхавъ на горы, мы скоро поравнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунгъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесною Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо и, конечно, не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: „Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!“

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовопіе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы въѣхали въ узкій дефилей самой дикой наружности; онъ

задержалъ наше стремленіе. Горы Іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно-вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревьевъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодезевъ. Часы быстро летѣли, и я сторалъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться диче и обнаженнѣе, но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосками мховъ, пріятно оттѣнялъ ихъ. Путь въ нныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святого города при свѣтѣ дня;—я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ,—и, конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: *скоро! скоро!*—Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ; я ему сказалъ все, что зналъ по арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту,—вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ поводья лошади, я бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого священнаго мѣста земного шара, мы спускались уже нѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно,—покровъ печали облегалъ Іерусалимъ... Вожатый сказалъ мнѣ, что если мы не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго уже къ горизонту, ворота Іерусалима затворятся;—это меня испугало—я убоился, чтобы святиня не скрылась отъ меня по грѣхамъ моимъ—и поспѣшилъ въ лоно святого города вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленныя Вилеонскія или Іефскія ворота и очень скоро сошли у дверей патріаршей обители. Это было марта 31-го числа. Сынъ далекаго сѣвера, я не менѣе того вступилъ

въ Иерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ посреди братіи, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что пахожусь близъ гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ; но двери его, стрегомыя мусульманами, были еще заперты. Митрополитъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ къ заутрени.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложѣ привратника, увидѣлъ я сидящихъ, поджавши ноги, турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы;—мое сердце скалось грустью. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами,—это тотъ самый, на которомъ благообразный Иосифъ облакалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Иисусово. „Господи!“ сказалъ я невольно, павъ ницъ со слезами: „Страданія Твои еще не прекратились! Крещенные во святое Имя Твое и искупленные Тобою владычествуютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святилища Твои!“ Но христіане не должны смущаться, что такія великія святыни находятся въ униженіи языческомъ: Спаситель міра и себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до Гроба Спасителя. Тутъ я дышалъ свободнѣе; отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа. Тамъ я пролилъ слезы покаянія, и первая молитва моя была за давшихъ мнѣ жизнь и за близкихъ сердцу моему. Не могу описывать,—и какъ выразить восторгъ, умиленіе и горестъ христіанина-грѣшника у Гроба Спасителя и, наконецъ, на Голгофѣ, у отверстія, гдѣ стоялъ крестъ, у развалины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только что помостъ храма былъ весь покрытъ народомъ, но всѣ придѣлы, всѣ хоры, всѣ галереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Ни-

пѣшій годъ для всѣхъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всѣхъ частей свѣта, — поразительно. Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и беспокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ничѣмъ не развлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей — этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ вайи вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился, съ хоругвями и съ пальмовыми ваями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко Гробу Христову, который находится на противной сторонѣ оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобы охраниться отъ толпы; съ трудомъ покорился я этой необходимости. Впередѣ священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма и съ крикомъ разгонялъ бичемъ напирющую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Иерусалимѣ.

(Изъ пут. Норова).

К І Е В Ъ.

Высоко передо мною—	—«Я оттуда, гдѣ клубится
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;	Безпредѣльный Енисей».
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою	—«Край мой—теплый берегъ Ев-
Переливнымъ серебромъ.	крина!»
Слава, Кіевъ многовѣчный,	—«Край мой—берегъ тѣхъ даль-
Русской славы колыбель!	нихъ странъ,
Слава, Днѣпръ нашъ быстротеч-	Гдѣ одна сплошная льдина
ный,	Оковала океанъ».
Руси чистая купель!	—«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Громко пѣсни раздалися,	Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:	Тамъ страна моя родная!»
«Вы откуда собралися,	—«Мнѣ отчизна старый Псковъ».
Богомольцы, на поклонъ?»	—«Я отъ Ладоги холодной»,
—«Я оттуда, гдѣ струится	—«Я отъ синихъ волнъ Невы»,
Тихій Донъ, краса полей».	—«Я отъ Камы многоводной».

— «Я отъ матушки Москвы». Знаемъ мы: въ вѣка былые,
 Слава, Днѣпръ—сѣдя волны! Въ древню ночь и мракъ глубоки,
 Слава, Кіевъ—чудный градъ! Надъ тобой блеснула Россія
 Мракъ пещеръ твоихъ безмолвныи Солнца вѣчнаго Востокъ!
 Краше царственныхъ палатъ. Хомяковъ.

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній! Кто Царь-колоколь подыметъ,
 Ты вмѣстилъ въ свои концы Кто Царь-пушку повернетъ?
 И посады, и деревни, Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
 И палаты, и дворцы. У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?..
 Опоясанъ лентой пашень, Ты не гнула крѣпкой выи
 Весь пестрѣешь ты въ садахъ: Въ бѣдовой своей судьбѣ;
 Сколько храмовъ, сколько башень Развѣ пасынки Россіи
 На семи твоихъ холмахъ! Не поклонятся тебѣ!

Исполинскою рукою Ты, какъ мученикъ, горѣла,
 Ты, какъ хартія, развитъ Бѣлокаменная!
 И надъ малою рѣкою И рѣка въ тебѣ кипѣла
 Сталь великъ и знаменитъ! Бурнопламенная,

На твоихъ церквахъ старинныхъ И подъ пепломъ ты лежала
 Вырастаютъ деревья; Полоненною,
 Глазъ не схватить улицъ длин- И изъ пепла ты возстала
 ныхъ... Неизмѣнною!..

Это—матушка Москва. Прощѣтай же славой вѣчною,
 Кто, силачъ, возьметъ въ охапку Городъ храмовъ и палатъ!
 Холмъ Кремля-Богатыря? Градъ срединный, градъ сердечный,
 Кто собьетъ златую шапку Коренной Россіи градъ!..
 У Ивана-звонаря? Глинка.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
 Стою надъ снѣгами у края стремнины:
 Орель, съ отдаленной поднявшись вершины,
 Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
 Отсель я вижу потоковъ рожденье
 И первое грозныхъ обваловъ движенье.
 Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
 Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады:
 Подъ ними утесовъ нагія громады;

Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
 А тамъ уже рощи, зеленныя сѣни,
 Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
 И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
 И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
 Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
 И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
 Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣномъ весельи:

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
 Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
 И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
 И лижетъ утесы голодной волной...
 Вотще! нѣтъ ни пици ему, ни отрады:
 Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Пушкинъ.

ФИНЛЯНДІЯ.

Суровый край! Его красамъ, Главу одѣвши въ мохъ печальный,
 Пугаяся, дивятся взоры: Огромнымъ сторожемъ стоитъ
 На горы каменные тамъ На немъ гранитъ пирамидальный.
 Поверглись каменные горы. По дряхлымъ скаламъ бродитъ
 Синѣя всходятъ до небесъ взглядъ;
 Ихъ своенравныя громады; Пришлецъ исполненъ смутной
 На нихъ шумить сосновый лѣсъ, думы:
 Съ нихъ бурно льются водопады. Не міра-ль давняго лежатъ
 Тамъ холмъ очей не веселитъ: Предъ нимъ развалины угрюмы?
 Онъ лавой каменной облитъ. Батюшковъ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

На берегу пустынныхъ волнъ Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
 Стоялъ Онь, думъ великихъ полнъ, Кругомъ шумѣлъ.
 И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко И думалъ Онь:
 Рѣка неслася; бѣдный челнъ «Отсель грозить мы будемъ шведу;
 По ней стремился одиноко. Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
 По мшистымъ, топкимъ берегамъ На зло надменному сосѣду;
 Чернѣли избы здѣсь и тамъ, Природой здѣсь намъ суждено
 Приютъ убогаго чухонца; Въ Европу прорубить окно,
 И лѣсъ, невѣдомый лучамъ Ногою твердой стать при морѣ:

Сюда, по новымъ имъ волнамъ, И ясны спящія громады
 Всѣ флаги въ гости будутъ къ Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
 намъ— Адмиралтейская игла.
 И запируемъ на просторѣ». И, не пуская тьму ночную
 Прошло сто лѣтъ—и юный градъ, На золотыя небеса,
 Полночныхъ странъ краса и диво, Одна заря смѣнитъ другую
 Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи благодать Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.
 Вознесся пышно, горделиво: Люблю зимы твоей жестокой
 Гдѣ прежде финскій рыболовъ, Недвижный холодъ и морозъ,
 Печальной пасынокъ природы, Въгъ санокъ вдоль Невы широкой,
 Одинъ у низкихъ береговъ Дѣвичьи лица ярче розъ;
 Бросалъ въ невѣдомыя воды Люблю воинственную живость
 Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ, Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
 По оживленнымъ берегамъ, Пѣхотныхъ ратей и коней
 Громады стройныя тѣснятся Однообразную красоту;
 Дворцовъ и башенъ; корабли Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
 Толпой со всѣхъ концовъ земли Лоскутьяхъ знаменъ побѣдныхъ,
 Къ богатымъ пристанямъ стремятся; Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
 Насквозь прострѣленныхъ въ бою,
 Въ гранитъ одѣлася Нева; Люблю, военная столица,
 Мосты повисли надъ водами; Твоей твердыни дымъ и громъ,
 Темнозелеными садами Когда полночная царица
 Ея покрылись острова— Даруетъ сына въ Царскій домъ,
 И передъ младшею столицей Или побѣду надъ врагомъ
 Главой склонилася Москва, Россія снова торжествуетъ,
 Какъ передъ новою царицей Или, взломавъ свой синій ледъ,
 Порфиросная вдова. Нева къ морямъ его несетъ
 Люблю тебя, Петра творенье; И, чужа вѣсны дни, ликуеть.
 Люблю твой строгій, стройный видъ, Красуся жъ, градъ Петровъ, и стой
 Невы державное теченье, Неколебимо, какъ Россія!
 Береговой ея гранитъ, Да умирится же съ тобой
 Твоихъ оградъ узоръ чугунный, И побѣжденная стихія:
 Твоихъ задумчивыхъ ночей Вражду и плѣнь старинный свой
 Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный, И тщетной злобою не будутъ
 тревожить вѣчный сонъ Петра!
 Когда я въ комнатѣ моей
 Пишу, читаю безъ лампы,

Пушкинъ.

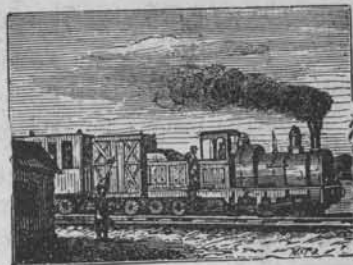
ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОЛГѢ.

(ПИСЬМА КЪ ПРІЯТЕЛЮ).

Письмо 1-е.

Отъ Петербурга до Твери.

Прощаясь съ тобою на Петербургской станціи, я далъ тебѣ слово описать свое путешествіе по Волгѣ. „Не давши слова крѣпись, а давши держись“; вслѣдствіе этой мудрой пословицы, я опишу тебѣ хотя нѣсколько тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на меня эта великая рѣка; но если бы я захотѣлъ рассказать тебѣ все, что видѣлъ, проѣхавъ почти всю Волгу до Астрахани, то долженъ былъ бы написать цѣлую и большую книгу, а не короткое письмо.

Паровозъ быстро унесъ насъ изъ туманнаго Петербурга. Болота, прерывающіяся лужами, мелкіе, жиденькіе еловые лѣски, напоминающіе щетинистую бороду худо выбритаго человѣка, форменныя будки сторожей,—словомъ, окрестности Петербурга быстро мелькали мимо меня въ окошкѣ вагона. Какою печальною представляется мнѣ вся эта низменная и бѣдная страна отсюда, послѣ того, какъ я видѣлъ прекрасные берега Волги! Окрестности сѣверной столицы и такъ не очень пышны, а московская желѣзная дорога, какъ нарочно, летитъ стрѣлою по самымъ неприятнымъ пустырямъ.

Чѣмъ далѣе мы уѣзжали отъ Петербурга, тѣмъ болѣе оживлялась мѣстность: становилась холмистѣе, зеленѣе; лѣса дѣлались гуще и разнообразнѣе; луга и поля суше и цвѣтистѣе; деревни болѣе похожи на добровольныя поселенія людей, чѣмъ тѣ вытянутые въ струну ряды домовъ, которые выдаютъ за села и деревни въ окрестностяхъ Петербурга. Въ воздухѣ было замѣтно болѣе свѣта и тепла и менѣе той зубастой сырости, которая гложетъ

въ Петербургѣ гранитъ и чугуны, а не только уже прохватываютъ до костей бѣднаго человѣка.

Новгородская губернія, въ которую мы въѣхали изъ Петербургской, также не очень привлекательна, но все немного повеселѣе. Когда нашъ поѣздъ готовился переѣзжать мутный Волховъ по великолѣпному мосту, будто висящему въ воздухѣ, я, выйдя на платформу небольшой станціи, въ первый разъ полюбовался окрестностью. По обѣимъ сторонамъ моста—бездна воды; у пристани дымился пароходъ, и къ нему поспѣшали пассажиры, желавшіе подняться вверхъ по Волхову до Великаго Новгорода, который, какъ говорятъ, теперь очень не великій и очень обыкновенный губернской городъ, хотя и стоитъ попрежнему невдалекѣ отъ истока Волхова изъ озера Ильменя. Съ другой стороны моста видно было множество барокъ, которыя отправлялись внизъ по Волхову съ тѣмъ, чтобы оттуда по Ладожскому каналу, мимо южныхъ береговъ бурнаго и каменистаго Ладожскаго озера, войти въ Неву у Шлиссельбурга и прибыть къ вамъ въ Питеръ. Это уже волжскіе гостиницы Петербургу. Когда мы отправились, я спросилъ у одного ладожанина, ѣхавшаго съ нами въ Тверь: есть ли какіе-нибудь слѣды пребыванія Рюрика въ Ладогѣ, оставшіеся съ тѣхъ поръ, когда этотъ князь, призванный новгородцами, поселился тамъ, чтобы запереть другимъ смѣлымъ варягамъ входъ въ устья Волхова—эти ворота въ Новгородскую область?

— Съ тѣхъ поръ прошла уже тысяча лѣтъ, отвѣчалъ мнѣ ладожанинъ: могло-ли же что-нибудь сохраниться? Большихъ построекъ тогда не дѣлали, а защищали страну болѣе грудью. Не доѣзжая до Ладоги, на лѣвомъ берегу Волхова, есть, правда, остатки валовъ и каменныхъ стѣнъ крѣпости; но эта крѣпость строилась позже, для защиты отъ шведовъ, проходившихъ тѣмъ же путемъ грабить богатый Новгородъ. Эти грабежи продолжались бы долго, еслибъ Петръ Великій не завоевалъ сначала Орѣшка, нынѣшняго Шлиссельбурга, а потомъ не завладѣлъ бы устьемъ Невы и не выстроилъ бы Кронштадтской крѣпости, около которой понапрасну когда-то разгуливалъ англо-французскій флотъ. Да,

Кронштадтъ важная крѣпость! За ея пушками мы плаваемъ и торгуемъ здѣсь спокойно. Но не такъ было прежде, и въ воды Волхова много пролито крови, а по берегамъ много могильныхъ холмовъ, показывающихъ, что здѣсь не разъ отстаивали новгородцы свой вольный городъ.

Подъѣзжая къ Валдаю и за Валдаемъ, мѣстность становится очень холмиста; но эти отлогія Валдайскія горы, покрытыя лѣсами и болотами, мало похожи на горы, хотя порядочно затрудняютъ поѣздъ. Желѣзная дорога то подымается на отлогіе бока холмовъ, то опускается съ нихъ; гдѣ же подъемъ или спускъ сколько-нибудь круты, тамъ сдѣланы часто огромныя насыпи, соединяющія два холма; иногда дорога прорѣзываетъ холмы, и тогда зеленые валы стоятъ, какъ крѣпостныя стѣны, по обѣимъ сторонамъ летящаго вагона. Какъ хороши иные мосты, смѣло висящіе въ воздухѣ! Взглянешъ внизъ—голова закружится! Далеко внизу, подъ мостомъ, протекаетъ рѣка, по которой тянутся барки; на берегу—деревни, лѣски, и все такъ миниатюрно, что кажется хорошенькою игрушкой. Хотѣлось бы мнѣ оттуда, снизу, взглянуть на нашъ паровозъ и цѣлый рядъ вагоновъ, несущихся высоко надъ головою.

Какихъ страшныхъ трудовъ и издержекъ стоило провести въ этомъ мѣстѣ желѣзную дорогу,—но не потому, чтобы горы Валдайскія были слишкомъ высоки (это-ли горы?), а потому, что здѣсь неисчислимо множество болотъ, лежащихъ даже по вершинамъ горъ, и очень глубокихъ (до 30 сажень). Говорятъ, что когда нужно было на нѣсколькихъ болотахъ дѣлать насыпи, то вбивали огромнѣйшія сваи, одну за другою, и онѣ, входя въ болото, пропадали, а потомъ, чрезъ нѣсколько времени, выплывали гдѣ-нибудь на озерѣ, версты за три. Это объясняется тѣмъ, что многія изъ здѣшнихъ болотъ—не что иное какъ озера, только сверху заросшія тонкимъ слоемъ торфа, образовавшагося изъ гниющихъ растений и мховъ. Водяное богатство этой страны неизмѣримо. Да и можетъ ли быть иначе, когда она питаетъ три такія рѣки, какъ Волга, Днѣпръ и Западная Двина, и безчисленное множе-

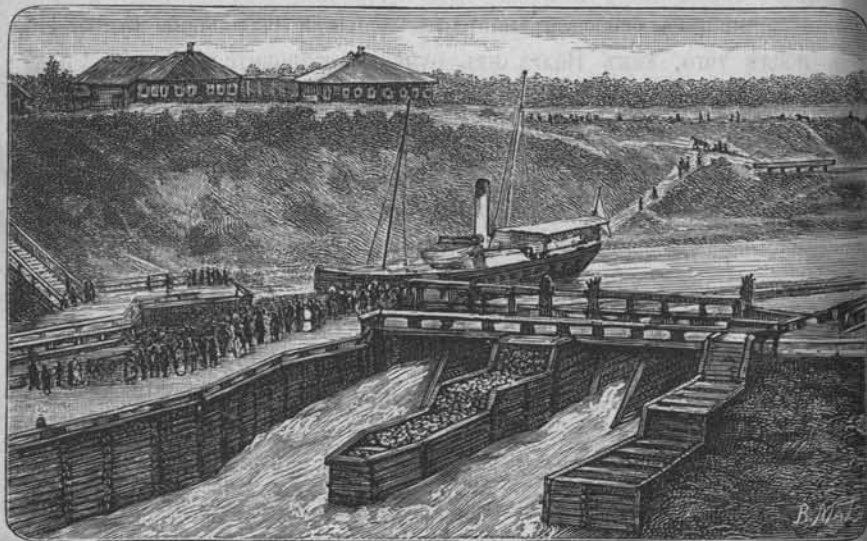
ство мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ? Всѣ эти три громадныя рѣки берутъ свое начало почти въ одномъ мѣстѣ: на холмистыхъ возвышеніяхъ, помѣщающихся въ самомъ центрѣ Европейской Россіи и покрытыхъ лѣсами, болотами и озерами. Говорятъ, что индѣйцы поклоняются источникамъ Ганга, вытекающаго изъ высокихъ ледниковъ Гималая: если бы русскіе, будучи язычниками, знали хорошо географію своей страны и причины ея воднаго богатства, то вѣроятно поклонялись бы болотамъ и озерамъ нынѣшней Тверской и Новгородской губерніи. Эти болота и озера поятъ безчисленныя рѣки Россіи, а эти рѣки поятъ, кормятъ и одѣваютъ десятки милліоновъ русскихъ людей.

Мнѣ также захотѣлось посмотрѣть, гдѣ и какъ начинается „матушка“ и „кормилица“ Волга-рѣка, не затѣмъ, что-бы, какъ язычники, кланяться истокамъ Волги, а чтобы яснѣе представить себѣ, какъ Волга изъ маленькаго родничка становится гигантской рѣкой, бассейнъ которой захватываетъ 21 губернію. Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до станціи Вышній Волочекъ, мнѣ пришлось ѣхать дальше на лошадахъ по почтовой дорогѣ до города Осташкова, который стоитъ у озера Селигера; это озеро посылаетъ въ Волгу черезъ рѣку Селижаровку массу воды и тѣмъ значительно увеличиваетъ ея размѣры. Про городъ Осташковъ могу сказать тебѣ, что жители его ловятъ и продаютъ много рыбы, дѣлаютъ на продажу большое количество косъ и серповъ и шьютъ изъ бѣлой кожи сапоги, которые расходятся отсюда въ разныя стороны и извѣстны подъ названіемъ „осташей“. Изъ Осташкова я проѣхалъ на пароходѣ по Селигеру до деревни Подгорья, а оттуда вереть 15 на лошадахъ до деревни, называемой Волгино Верховье или Волговерховье. Деревня эта расположена на гѣркѣ, у подошвы которой, въ лѣсу, находится одно изъ многихъ болотъ, которыми такъ богата эта мѣстность; изъ этого болота вытекаетъ маленькій ручеекъ; у самаго его истока стоитъ убогая деревянная часовня, а посреди нея—небольшой срубъ, уходящій подъ поломъ въ болото; глубина воды въ немъ—аршина полтора. Ширина ручейка около часовни, и немного дальше, не больше полтора

аршина. Вотъ это и есть начало нашей знаменитой Волги, которая потомъ разливается въ ширину на 4 версты и въ длину на $3\frac{1}{2}$ тысячи верстъ, такъ что ни одна рѣка Европы не можетъ сравняться съ нею.

Ручеекъ, считающійся за начало Волги, постепенно все растетъ; на первыхъ-же 80 верстахъ онъ принимаетъ въ себя цѣлые десятки другихъ ручейковъ и рѣчекъ; протекаетъ рядъ довольно многоводныхъ озеръ, а принявши черезъ рѣку Селижаровку воды озера Селигера, Волга становится судоходною рѣкою, т. е. по ней начинаютъ свободно сплавлять плоты и небольшія суда. Но и послѣ того, какъ Волга изъ ручейка становится рѣчкою, плаванію по ней мѣшаютъ огромныя валуны, покрывающіе русло рѣки и высовывающіеся надъ поверхностью воды: это такъ называемыя *одиницы*; русло рѣки загромождаютъ также многочисленныя *карчи*, или скопленія намокшихъ, темныхъ древесныхъ сучьевъ и столовъ. Опасность отъ мелей особенно усиливается за Тверью, гдѣ начинаютъ уже ходить пароходы. Судоходность Волги здѣсь поддерживается искусственно особымъ сооруженіемъ, называемымъ верхневолжскимъ *бейшлотомъ*; цѣль этого сооруженія—образовать въ верховьяхъ Волги водохранилище, запасы воды котораго можно было-бы употреблять на поднятіе уровня воды въ Волгѣ настолько, чтобы между Тверью и Рыбинскомъ могли ходить суда съ осадкою 16 вершковъ. Сооруженіе это, въ родѣ прочной деревянной плотины, устроено послѣ прохода Волги черезъ озеро Волго и имѣетъ длны болѣе 34 сажень. Съ берегами рѣки эта деревянная плотина соединена двумя земляными дамбами съ мощными камнемъ откосами. Кромѣ двухъ устоевъ у береговъ, плотина опирается на четыре промежуточные опоры (быка). Сверху надъ опорами наложенъ мостъ для прохода и проѣзда. Между устоями и промежуточными быками находятся пролеты съ деревянными полами, и съ подвижными щитами, которыми запирается плотина. Щиты приводятся въ движеніе, т. е. поднимаются и опускаются, при помощи колесъ, расположенныхъ наверху плотины. Средній, болѣе мелкій, пролетъ назначенъ собственно для пропуска спла-

вляемаго лѣса и рыбацкихъ лодокъ съ рыбою. Если закрыть всѣ щиты, то почти всѣ озера и рѣчки на разстояніи 80 верстъ отъ бейшлота вверхъ сливаются въ одно сплошное водное пространство, образующее запасное водохранилище, называемое *верхне-волжскимъ бассейномъ*. Если-же, напротивъ, открыть всѣ щиты и спустить воду изъ бассейна, то уровень Волги повысится на протяженіи 500 верстъ: у Селижаровки на 28 вершковъ, у Твери на 6—10 вершковъ, а у Рыбинска всего на 1 вершокъ. но и

этотъ вершокъ воды иногда очень важенъ для судовъ, предохраняя ихъ отъ опасности сѣсть на мели.

Познакомившись съ двумя важными мѣстами на верховьяхъ Волги—съ ея истоками и съ ея водохранилищемъ—я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ѣхать дальше внизъ до Твери на какой нибудь баркѣ, а поспѣшилъ отправиться на лошадяхъ до станціи желѣзной дороги, чтобы скорѣе пріѣхать въ Тверь. Ближайшей станціею оказался городъ Торжокъ, извѣстный тебѣ изъ исторіи тѣмъ, что онъ, будучи пригородомъ Новгорода, вздумалъ соперничать

съ господиномъ Великимъ Новгородомъ, но безуспѣшно; Новгородцы не хотѣли ни за что уступить Торжку и съ упорствомъ говорили: „Не быть Торжку выше Новгорода!“ За то теперь Торжокъ, пожалуй, превзошелъ своего стараго господина и торговлей, и промышленностью: всякому пріѣзжему бросается въ глаза прежде всего цѣлый рядъ паровыхъ мельницъ и кожевенныхъ заводовъ. Кромѣ того, Торжокъ извѣстенъ своими вышиваніями золотомъ по кожѣ и бархату (торжковскія туфли), а также плетениемъ кружевъ, что составляетъ здѣсь главное занятіе женщинъ, привыкшихъ жить самостоятельно, такъ какъ мужчины обыкновенно уходятъ на работы въ столицы и другія мѣста.

Рано утромъ мы пріѣхали въ Тверь, и городской извозчикъ повезъ меня въ городъ, отстоящій довольно далеко отъ станціи желѣзной дороги, въ гостиницу, стоящую на берегу Волги. Съ большимъ нетерпѣніемъ побѣждалъ я взглянуть на царицу европейскихъ рѣкъ. Пришелъ на набережную и увидѣлъ очень не широкую и очень не полноводную рѣку, втрое уже и бѣднѣе водою нашей прекрасной Невы: ширина Волги у Твери не болѣе 100 саженъ. Тверь—чистенькій городокъ, а множество очень старинныхъ церквей и монастырей говорятъ краснорѣчиво о древности бывшей столицы Великаго Княжества Тверского, соперничавшей когда-то, какъ и Торжокъ, съ Великимъ Новгородомъ.

Изъ церквей въ Твери болѣе всего интересенъ Отрочъ Монастырь, основанный почти 700 лѣтъ назадъ сыномъ князя Ярослава Ярославича, отрокомъ Григоріемъ. Въ этотъ монастырь былъ заточенъ Грознымъ и задушенъ Малютой Скуратовымъ митрополитъ Филиппъ, осмѣлившійся всенародно обличать Грознаго за его жестокости. Побывалъ я также на Тверской Морозовской мануфактурѣ, гдѣ мнѣ показали весь ходъ обработки хлопка: его очистку, трепанье, расческу, вытягиванье, постепенную выработку толстой и тонкой нитки, которую съ катушекъ перематываютъ на большія катушки или валы, кромѣ того, часть пряжи наматываютъ на шпули и такимъ образомъ приготавливаютъ основу и утокъ; валы съ основой и челноки съ уткомъ идутъ въ ткацкіе станки,

которыхъ больше двухъ тысячъ; шумъ отъ этихъ станковъ невообразимый; нужна большая привычка, чтобы пробыть среди такого шума нѣсколько часовъ. Полученный здѣсь суровый холстъ идетъ въ чистильни, оттуда въ громадные отбѣльные котлы, потомъ моется, просушивается и тогда уже поступаетъ на печатныя машины, гдѣ снова проходитъ рядъ мытарствъ, пока не получится до ста сортовъ ситца разнообразныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ хлопокъ, прежде чѣмъ его переработаютъ въ ситець, проходитъ черезъ цѣлый десятокъ или больше различныхъ машинъ—и все это почти безъ участія рукъ человѣческихъ. Совсѣмъ безъ чело-вѣка однако нельзя обойтись и на фабрикѣ: въ помощь машинамъ работаетъ отъ пяти до шести тысячъ рабочихъ; а все населеніе фабрики, съ семействами рабочихъ, въ нѣсколько разъ больше, такъ что фабрика имѣетъ видъ большого села: тутъ есть и лавки, и пекарни, и школа. Послѣ осмотра фабрики я поспѣшилъ на пристань.

Множество тяжело-нагруженныхъ барокъ и 5—6 пароходовъ стояло у пристани. Мнѣ сказали, что готовится цѣлый караванъ барокъ для отправки въ Петербургъ по Вышневолоцкой системѣ рѣкъ и каналовъ. Но я, къ стыду моему, не замѣтилъ даже Тверцы, которая впадаетъ въ Волгу у самой Твери и вверхъ по которой идутъ барки до Вышневолоцкаго канала, соединяющаго Тверцу съ рѣкою Мстою, впадающею въ Ильмень: такъ боялся я опоздать на пароходъ, уже нестово свистѣвшій внизу, подъ крутую лѣстницу, ведущую съ высокой, красивой набережной. Черезъ полчаса пароходъ нашъ уже отчалилъ и понесся—нельзя сказать, чтобы быстро—внизъ по рѣкѣ: „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Пассажи-ровъ было много; они не успѣли еще усѣсться, суетились, возились съ вещами. Я стоялъ у перилъ и смотрѣлъ на знаменитую Волгу. Признаюсь, что, дослѣ Невы, она казалась мнѣ очень узкою и бѣдною рѣкою, на которой съ трудомъ разъѣзжались непре-станно встрѣчающіеся пароходы и барки; бородатый помощникъ еще болѣе бородатаго лоцмана, сидя на носу парохода, непре-станно мѣрилъ глубину, и глубина оказывалась незначительная.

Волга не только не широка, но и не глубока; на ней множество мелей, на которыя попасть неприятно. Мели къ тому-жъ, послѣ весеннихъ разливовъ, несущихъ песокъ, илъ и карчи, очень часто мѣняютъ свое мѣсто и появляются тамъ, гдѣ ихъ въ прошломъ году еще не было. Такія мели на Волгѣ называются *перекатами*. Волжскіе лоцманы, провожающіе суда и пароходы по Волгѣ, должны быть люди очень опытные и зоркіе, должны хорошо знать *фарватеръ* Волги и быть на сторожѣ каждую минуту, чтобы избѣгнуть безчисленныхъ мелей, скрывающихся подъ водою.

Однако письмо мое вышло неприлично длинно; а я еще только начинаю путешествовать; прощай до будущаго письма.

Письмо 2-е.

Отъ Твери до Рыбинска.

Отъ Твери до Рыбинска я видѣлъ мало замѣчательнаго. Берега Волги, впрочемъ, довольно живописны, и холмы появляются то на правой, то на лѣвой ея сторонѣ. Прибрежныя села велики и красивы, во многихъ старинныя каменные церкви. По всему видно, что здѣсь давно живутъ люди и живутъ недурно; благодаря кормилицѣ Волгѣ. Одно изъ этихъ сель—Едимово стало извѣстно, основанной Верещагиннымъ, первой русской школой молочнаго хозяйства (сыроваренія и маслодѣлія). Ниже по Волгѣ другое село—Кимры—красиво раскинулось на лѣвомъ берегу рѣки Волги. Величинѣ и многолюдству Кимръ, насчитывающихъ свыше 6000 жителей, можетъ позавидовать не только захолустная Корчева, въ уѣздѣ которой находится это село, но и многіе другіе наши уѣздные города.

Воспользовавшись остановкою парохода, я пробрался въ самое село. Оно замѣчательно тѣмъ, что производитъ во множествѣ разную обувь, начиная съ грубаго крестьянскаго сапога и кончая изящными дамскими ботинками и туфлями. Кимряки болѣе 200 лѣтъ занимаются сапожнымъ мастерствомъ. Гостинные дворы и магазины въ большихъ городахъ, особенно въ столицахъ, торгуютъ

большей частью кимрскою обувью, да и въ сапожныхъ мастерскихъ этихъ городовъ и хозяева, и подмастерья обыкновенно тѣ же кимряки. Кимряки приучаются къ своему сапожному дѣлу съ ранняго дѣтства. Вотъ отецъ или мать кроить сапоги, набиваютъ ихъ на колодки и шьютъ; тутъ-же дѣти помогаютъ имъ, готовятъ драгву, прибираютъ колодки; которые постарше, тачаютъ голенища, или сидятъ за строчильной машиной и приготавливаютъ разныя части штиблетъ и ботинокъ. Большинство сапожниковъ работаетъ не отъ себя, а на хозяевъ, которые даютъ имъ матеріалъ, а иногда и инструменты и платятъ поштучно за сдѣланную обувь. Такіе промыслы, какъ сапожный у кимряковъ, когда ими занимаются всѣ члены семьи у себя дома въ деревнѣ, обыкновенно въ свободное отъ полевыхъ работъ зимнее время, называются *кустарными* промыслами, а лица, занимающіяся ими, — *кустарями*. Кустарная промышленность развилась преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля уже истощена или ея мало, и она не даетъ крестьянину достаточно средствъ для прокормленія семьи. Почти каждая губернія имѣетъ свою кустарную промышленность; сильнѣе же всего развита она въ губерніяхъ верхняго Поволжья: Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской. Перечислить всѣ отрасли кустарной промышленности почти нѣтъ возможности; можно насчитать нѣсколько сотъ различныхъ промысловъ и ремеслъ. Въ Тверской губерніи, кромѣ сапожнаго дѣла, сильно распространено также и кузнечное производство. Замѣчательно, что въ каждомъ уѣздѣ развилась какая нибудь одна отрасль этого производства. Такъ, въ одномъ уѣздѣ дѣлаются только гвозди, въ другомъ — топоры, въ третьемъ косы и серпы, и т. д.

Проѣхавъ еще нѣсколько незначительныхъ городовъ и селъ, мы стали подходить къ городу Угличу. Онъ стоитъ на высококомъ, довольно живописномъ берегу, и множество старинныхъ церквей даютъ ему оригинальный видъ. Пока пароходъ нашъ запасался дровами, а пассажиры различной провизіей — кто рыбой, кто хлѣбомъ, молокомъ, ягодами, всѣмъ, что продавалось тутъ же у пристани, — я успѣлъ взглянуть на дворецъ несчастнаго Дмитрія Ца-

ревича. Это очень небольшой каменный двухъ-этажный домикъ, возстановленный къ 300 лѣтію страшнаго событія (1591—1891). Въ верхнемъ этажѣ дворца находится одна комната, обращенная въ часовню. Стѣны комнаты украшены портретами русскихъ царей; противъ входа, подъ иконой Спасителя, стоитъ гробница, въ которой около 300 лѣтъ тому назадъ было перенесено тѣло Царевича Дмитрія изъ Углича въ Москву. Предъ домикомъ площадка; стоя на ней, я невольно вспомнилъ прекрасное описаніе страшнаго дѣла, изъ разсказа почтеннаго старца Пимена, въ Пушкинскои драмѣ: „Борисъ Годуновъ“. Помнишь, какъ Пимень разсказываетъ будущему Самозванцу это страшное событіе, имѣвшее такое вліяніе на судьбу Россіи:

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу — лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ;
А тутъ народъ, остервенясь, волочить
Безбожную предательницу — мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Иуда — Витяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмѣстѣ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца.
И чудо! — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ.
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Есть пословица: „живой о живомъ и думаетъ“. Слѣдуя этой пословицѣ, и я отъ мрачныхъ воспоминаній о событіи сѣдой старины обратился къ настоящей жизни Углича и узналъ не мало интереснаго. Гуляя по городу, я зашелъ въ лавку и купилъ себѣ углицкой колбасы, которая извѣстна чуть не всей Россіи. Кромѣ производства колбасы, трудолюбивые угличане коптятъ ветчину, оттого ихъ называютъ „колбасниками и коптильщиками“, разводятъ огородныя овощи, мнутъ кожи, шьютъ мѣшки и строятъ суда. Много угличанъ уходитъ изъ родного города въ столицы и другіе города на работу—въ трактиры, колбасныя, на огороды и т. п. Однимъ словомъ, угличане являются уже настоящими ярославцами по характеру. Здѣсь надо сказать тебѣ, что мы, еще не доѣзжая Углича, въѣхали въ предѣлы Ярославской губерніи. Къ Ярославскому краю собственно даже не подходитъ названіе губерніи. Это скорѣе особая область, жители которой отличаются бойкостью, расторопностью, смѣтливостью; про нихъ говорятъ, они „русской природы, а ярославской породы“. Ярославецъ не задумается ни передъ какимъ новымъ для него занятіемъ и съ увѣренностью берется за все, что ему кажется выгоднымъ; доказательствомъ этому служитъ необыкновенное разнообразіе промысловъ и ремеселъ, которыхъ въ губерніи насчитываютъ до 500. Почти каждый уѣздъ имѣетъ свои промыслы. Въ Ярославскомъ уѣздѣ живутъ ткачи и плотники; въ Ростовскомъ уѣздѣ живутъ сапожники и огородники; изъ Даниловскаго выходятъ печники и лавочники; изъ Рыбинскаго—лоцмана, судорабочіе и столяры; изъ Мышкинскаго—шорники, виноторговцы, горшечники; изъ Любимскаго—трактирщики, буфетчики, повара, половые; въ Романовскомъ славятся овчинники, тулупники и кузнецы.

Ярославцы не только дома занимаются разными промыслами, но ихъ можно встрѣтить въ разныхъ концахъ Россіи, куда они уходятъ на промыслы и проживаютъ тамъ годами, сообщаясь съ родными и семьей только письмами. Такіе промыслы на сторонѣ называются *отхожими промыслами*. Трудно найти въ Россіи трактиръ, гдѣ-бы изъ-за прилавка не выглядывала веселая физіо-

номія ярославца. Въ большей части петербургскихъ и московскихъ мелочныхъ лавокъ и хозяинъ, и мальчикъ—ярославцы. Можно указать многихъ ярославцевъ, которые сами или отцы ихъ пришли въ столицу пѣшкомъ, а теперь сдѣлались миллионерами.

Женщины, въ отсутствіи мужей, какъ самые сильные члены оставшейся семьи, должны нести на своихъ плечахъ не только женскія работы по хозяйству, но и мужскія; онѣ пашутъ, молятъ, косятъ, рубятъ дрова, ловятъ рыбу, чинятъ дороги, возятъ почту и т. д. Не рѣдко здѣсь встрѣтить бабу съ бляхою десятискаго или старосты; есть бабы-ямщики и разсылные. Однимъ словомъ, здѣсь настоящее „бабье царство“ или „бабья сторона“.

Отъ Углича и до Мологи Волга течетъ почти прямо на сѣверъ, а у Мологи круто поворачиваетъ къ юго-востоку. Этотъ большой изгибъ Волги къ сѣверу очень важенъ для торговли, потому что въ этомъ изгибѣ впадаютъ въ Волгу съ лѣвой стороны двѣ большія рѣки: Молога и Шексна, изъ которыхъ первая, Тихвинскимъ каналомъ, соединяетъ Волгу съ Балтійскимъ моремъ, а вторая, Маринскимъ каналомъ—съ Балтійскимъ и Вѣльмъ. Смотри на этотъ изгибъ, кажется, что Волгѣ какъ будто хотѣлось проложить себѣ путь на сѣверъ; но она встрѣтила лѣсистые холмы, называемые *увалами*, идущіе отъ Уральскихъ горъ, и поворотила къ юго-востоку.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы отѣхали отъ Мологи, и я заснулъ въ каютѣ. Но скоро разбудилъ меня страшный шумъ надъ головою: на палубѣ бѣгали, суетились, и до меня долетали какіе-то неистовые крики: „направо! держи лѣвѣй! куда-те несетъ, ока-янный? али ослѣпъ, что-ли? бока проломить! куда прешь, лѣшій, на якорь наѣхаль!“ Эти грубые крики раздавались со всѣхъ сторонъ. „Экъ плоты-то растянули“, кричалъ нашъ капитанъ; „посторонись! берегись!“ ревлѣлъ онъ въ рупоръ. Спать не было никакой возможности. Я вышелъ на палубу и остановился въ изумленіи: пароходъ, чуть пошевеливая колесами, пробирался посреди безчисленнаго множества плотовъ и барокъ, составлявшихъ почти одну сплошную массу во всю ширину рѣки. Лѣтняя ночь была

тепла, но очень темна, не то что у насъ въ Петербургѣ, гдѣ въ это время ночи почти совершенно нѣтъ. Тысячи огоньковъ горѣли на обоихъ берегахъ; разноцвѣтные фонари сверкали наверху пароходовъ; безчисленныя барки казались въ темнотѣ громадами; на нихъ кое-гдѣ шевелились люди; по рѣкѣ разносились громко голоса перебранивающихся рабочихъ, которые особенно сердились на нашъ пароходъ, затесавшійся промежъ барокъ такъ поздно. Мы были въ Рыбинскѣ; но я не видалъ еще города, а только огоньки въ окнахъ его домовъ, сверкающіе въ темнотѣ на высокомъ, правомъ берегу Волги.

Письмо 3-е.

Отъ Рыбинска до Нижняго.

На другой день я проснулся очень рано и тотчасъ же пошелъ въ городъ. Богатые каменные дома, тянувшіеся стройнымъ рядомъ по высокому берегу, прекрасная, устланная камнемъ, набережная, съ хорошенькими перилами, отличный тротуаръ вдоль набережной—все показывало, что жители Рыбинска люди не бѣдные. Городъ еще спалъ; только въ открытыхъ окнахъ трактировъ полные постукивали чашками. Съ высокой набережной открывался прекрасный и очень оригинальный видъ на широкую рѣку, на безчисленныя суда, на противоположный берегъ, застроенный складочными магазинами, амбарами и сараями.

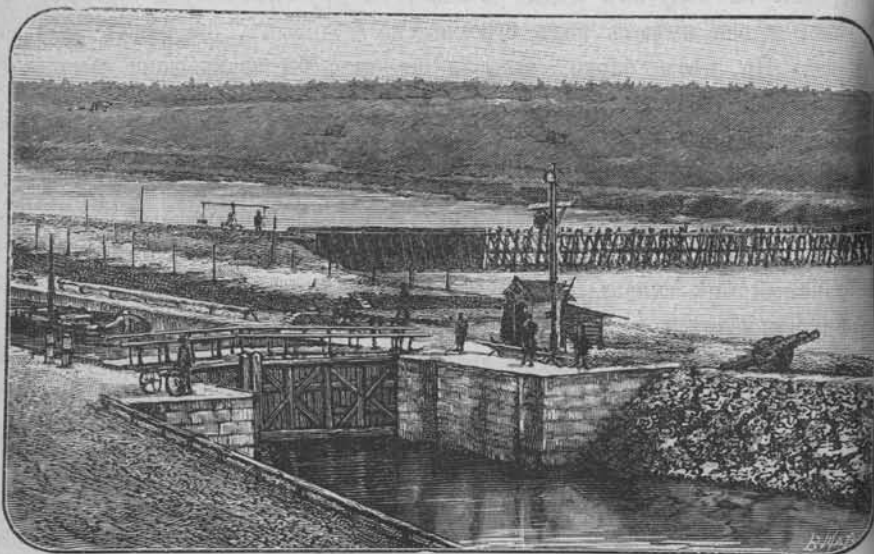
Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ, и суда располагаются у берега правильными отдѣленіями, смотря по тому, съ какимъ они грузомъ и куда идти: плывутъ ли внизъ по Волгѣ; поднимаются ли вверхъ до Твери, съ тѣмъ, чтобы по Тверцѣ пробраться дальше къ Вышнему Волочку; къ Мологѣ ли, имѣя въ виду Тихвинскую систему, или войдутъ тутъ же, у Рыбинска, въ Шексню и по *Маріинской системѣ* рѣкѣ и каналовъ отправятся до петербургскаго порта. Въ Рыбинскѣ происходитъ главная перегрузка товаровъ съ большихъ судовъ на малыя, потому что большія волжскія суда, придя къ Рыбинску съ ни-

зовья—Нижняго, Казани, Саратова, Астрахани,—не могутъ идти далѣе вверхъ по Волгѣ, а тѣмъ болѣе пробираться по узкимъ каналамъ. Всѣ эти суда доставлены въ Рыбинскъ пароходами на буксирѣ, а прежде доставлялись—бурлаками съ помощью лошадей. А какъ разнообразны эти суда! Въ одномъ углу глазъ останавливается невольно на легкой, изящной *блѣзеркѣ* съ двумя стройными мачтами и опрятной палубой; тамъ торчитъ безобразный *шитикъ* съ плоскимъ дномъ, круглыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. Шитикомъ называли судно потому, что прежде шивали доски ивовыми прутьями. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлыя домики; на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ, длинныхъ, широкихъ лодокъ. Но нѣтъ барки, которая не была бы изукрашена самой узорчатой рѣзбой, причемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную роль играетъ топоръ да ножъ, изрѣдка развѣ—долото.

Яростный свистокъ парохода увѣдомилъ меня, что я слишкомъ долго расхаживалъ по рыбинской набережной. На палубѣ знакомый мнѣ купецъ, умывшись, расчесавъ сѣдую голову и бороду, помолвился на рыбинскія церкви и усѣлся за чай. Онъ пригласилъ меня и еще одного своего знакомаго купца, только что прибывшаго изъ Бѣлозерска, распить вмѣстѣ чашку чаю. Между купцами скоро завязался разговоръ, интересный для моего знакомаго, потому что барки его, пробравшись на сѣверъ, вверхъ по Шекснѣ до Бѣла-озера, тянулись теперь по обводному Бѣлозерскому каналу.

Прежде гораздо медленнѣе шли товары въ Петербургъ, рассказывалъ мой знакомый купецъ другому; бывало, по обводнымъ каналамъ могли пробираться только небольшія суда и съ небольшимъ грузомъ отъ 5000 до 15000 пудовъ; а теперь всѣ каналы и рѣчки на Маріинскомъ пути значительно расширены и углублены, и можно пускать суда въ 30 сажень длины и съ грузомъ до 40000 пудовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ воднаго пути, гдѣ рѣчки имѣютъ мелкое, каменистое и порожистое дно, устроены теперь *шлюзы*.

Для этого вся неудобная для плавания часть рѣки перегораживается рядомъ плотинъ на небольшіе водные участки, или пруды. Между каждымъ двумя прудами устраивается узкій проходъ или корридоръ для спуска воды и прохода судовъ. Это и есть собственно шлюзъ. Входя въ шлюзъ изъ одной части рѣки и выходя въ другую, запираютъ ворота, обыкновенно каменные, какъ и стѣны шлюзъ, а у насъ на Мариинскомъ и на другихъ путяхъ—деревянные, бревенчатые, двухстворные или одностворные. Въ воротахъ имѣются подвижныя щиты для впускания воды въ шлюзъ и выпусканія ея.

Въ прудахъ воду удерживаютъ на различныхъ уровняхъ, такъ что одинъ прудъ лежитъ выше другого. Положимъ теперь, что судно входитъ въ шлюзъ со стороны ниже лежащаго пруда. Когда судно вошло въ шлюзъ, за нимъ запираютъ заднія ворота и поднимаютъ щиты въ воротахъ, ведущихъ въ вышележащій прудъ; шлюзъ наполняется водою, и уровень ея сравнивается съ уровнемъ вышележащаго пруда; тогда отворяютъ переднія ворота,

и судно входитъ въ верхній прудъ; если шлюзовъ нѣсколько, то судно пропускается такимъ же способомъ черезъ всѣ шлюзы. Если же судно спускается съ верхняго пруда въ нижній, способъ его чрѣхода черезъ шлюзы такой. Въ нижележащемъ шлюзѣ вода доводится до уровня вышележащаго пруда, и судно впускается въ шлюзъ. Заднія ворота запираются, а въ переднихъ поднимаютъ щиты и доводятъ воду въ шлюзъ до уровня нижележащаго пруда; тогда отворяютъ ворота и впускаютъ судно въ нижній прудъ. Такихъ шлюзовъ на Мариинской системѣ до 30, а на Тихвинской—до 60.

Выѣхавъ изъ Рыбинска, мы вступили во второй *плесъ* Волги, а всю Волгу, отъ Твери до Астрахани, дѣлятъ на четыре главныхъ плеса или судоходныхъ участка: 1) отъ Твери до Рыбинска, 2) отъ Рыбинска до Нижняго Новгорода, 3) отъ Нижняго до Казани или даже до устья Камы и 4) отъ устья Камы до Астрахани. За Рыбинскомъ берега Волги холмисты и красивы и вездѣ очень оживлены. Вотъ мы подъѣзжаемъ къ старинному городу Романову-Борисоглѣбску, красиво раскинувшемуся по обѣ стороны Волги: на правомъ берегу Борисоглѣбскъ, а на лѣвомъ—Романовъ. Города старинные, со множествомъ старинныхъ красивыхъ церквей. Жители Борисоглѣбска занимаются выдѣлкою овчинъ и полушубковъ. У его пристани мы оставались всего нѣсколько минутъ, спустили нѣсколькихъ пассажировъ, приняли новыхъ и полетѣли далѣе.

По дорогѣ отъ Романова къ Ярославлю, я видѣлъ очень печальную картину: громадное судно, расшива, что-ли, право не помню,—нагруженное солью и доплывшее сюда благополучно, можетъ быть, изъ Камы, сѣло на мель и отъ собственной своей тяжести переломилось. Множество народу хлопотало вокругъ него, перекладывая грузъ на двѣ барки. Говорятъ, что бѣда случилась отъ неосторожности лоцмана; но перегрузка обойдется хозяину не дешево.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Ярославля, мы проѣхали мимо Толгскаго монастыря, стоящаго на лѣвомъ берегу Волги. Мнѣ сказали, что противъ этого монастыря скончался на баркѣ

знаменитый патриархъ Никонъ, бывший другъ царя Алексѣя Михайловича, возвращаясь при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ изъ тяжелой ссылки.—Въ монастырскомъ саду много кедровъ, на которыхъ, говорятъ, вырѣваютъ шишки съ орѣхами. Далѣе къ сѣверу, въ лѣсахъ Вологодской губерніи, сибирскій кедръ растетъ уже дико и во множествѣ.

Наконецъ, мы у Ярославля. Какой это хорошенькій, чистенькій городокъ, когда смотришь на него съ Волги! Надъ широкой рѣкой возвышается крутой берегъ, словно высокій крѣпостной валъ. Шесть лоцинь прорѣзываютъ берегъ. По этимъ лоцинамъ, выложеннымъ камнемъ, очень удобно подыматься въ городъ; черезъ нихъ по набережной перекинуты красивые мостики. Съ Волги изъ-за деревьевъ бульвара, идущаго по набережной, видна только передняя часть города съ высокими строеніями, надъ которыми царятъ высокія колокольни многочисленныхъ церквей, по большей части очень старинныхъ. На крутомъ мысу, который образуется при впаденіи рѣки Которосли въ Волгу, бѣлѣтъ въ зелени деревьевъ красивое зданіе Демидовскаго лицея. На лѣвомъ, луговомъ берегу Волги видна еще значительная часть Ярославля; говорятъ, что во время разлива по улицамъ этой части можно плавать на лодкахъ. Пароходъ нашъ оставался у ярославской пристани болѣе часа, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы побывать въ городѣ, столь заманчивомъ издали. Улицы Ярославля красивы, но ни на улицахъ, ни на хорошенькомъ бульварѣ почти не видать людей; посреди огромной пустынной площади, которую окружаютъ липы и присутственные мѣста, стоитъ старинный соборъ и памятникъ основателю лицея, Демидову.

Существованіе въ городѣ высшаго училища или лицея дѣлаетъ Ярославль умственнымъ центромъ всего края, а Волга и желѣзная дорога изъ Москвы черезъ Вологду къ Архангельску и Бѣлому морю, да нѣсколько десятковъ фабрикъ въ городѣ, дѣлаютъ его торговымъ центромъ верхняго Поволжья; въ уѣздѣ-же Ярославскомъ готовятъ лучшія русскія полотна, такъ называемыя ярославскія; особенно этимъ извѣстно село Великое.

Есть преданіе, что городъ Ярославль основанъ великимъ княземъ Кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, который будто бы на этомъ мѣстѣ, гдѣ былъ тогда глухой лѣсъ, убилъ огромнаго медвѣдя. Такъ это или нѣтъ—провѣрить трудно; но медвѣдь попалъ въ гербъ Ярославской губерніи.

Первый большой городъ, который намъ встрѣтился послѣ Ярославля—былъ Кострома. Онъ вытянулся вдоль лѣваго, довольно высокаго, берега Волги версты на три. Многочисленные бѣлыя церкви разбросаны среди зелени въ живописномъ безпорядкѣ; на лѣвомъ концѣ города, при впаденіи въ Волгу Костромы, бѣлѣтъ Ипатьевскій монастырь. Онъ обнесенъ крѣпкими стѣнами съ бойницами, и за этими стѣнами укрывался Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ со своею матерью, когда, предувѣдомленный Сусанинымъ объ отыскивавшей его шайкѣ злодѣевъ, ушелъ изъ своего помѣстья, Домнина. Здѣсь же принялъ онъ 14-го марта 1613 года русскій престолъ, предложенный ему торжественнымъ посольствомъ изъ Москвы, по избранію всей Россіи. Ипатьевскій монастырь строенъ предками царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, и здѣсь похороненъ его дѣдъ, а также отецъ и мать; могила-же самого царя Бориса въ Троицкой лаврѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы. Въ Ипатьевскомъ-же соборѣ похороненъ, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, и крестьянинъ-герой, Иванъ Сусанинъ. Въ Костромѣ есть и памятникъ Сусанину, поставленный по повелѣнію Императора Николая I послѣ посѣщенія имъ Костромы. Въ Угличѣ я былъ на той самой площади, гдѣ началась кровавая драма междуцарствія, гдѣ погибъ послѣдній потомокъ царствовавшего Рюрикова дома. Здѣсь передо мною—тотъ самый монастырь, гдѣ избранъ на царство родоначальникъ новой династіи Романовыхъ; далѣе ждетъ меня городъ, на площади котораго простой человекъ, Мининъ, положилъ начало спасенія Россіи въ тяжелые годы междуцарствія.

Въ настоящее время Кострома не отличается торговымъ оживленіемъ; желѣзная дорога связываетъ только южную часть губерніи съ Москвою, а въ сѣверныя, глухія, но богатія лѣсомъ, части

Костромского края она не заходитъ. Гораздо больше, чѣмъ торговля, развилась промышленность края. Въ городѣ есть нѣсколько бумагопрядильныхъ и льнопрядильныхъ фабрикъ; но особенно много такихъ фабрикъ около Кинешмы, Нерехты и села Вичуга; по имени послѣдняго вся мѣстность эта, богатая лянными и бумажными фабриками, называется „вичугскимъ райономъ“. Больше всего дѣлаютъ на фабрикахъ столовое бѣлье или салфеточный товаръ. На станціяхъ Плесь и Вичуга множество бабъ окружили насъ съ предложеніемъ купить у нихъ скатертей, салфетокъ, полотенецъ, платковъ—частью фабричнаго, частью домашняго или кустарнаго производства *).

На пристани у села Краснаго, которое лежитъ на берегу Волги на 40 верстъ ниже Костромы, пассажиры нашего парохода накупили себѣ въ большомъ количествѣ разныхъ блестящихъ галантерейныхъ и ювелирныхъ издѣлій: колець, браслетъ, серегъ, брошекъ, перстней съ камнями изъ разноцвѣтнаго стекла и хрустала цѣною отъ 1—2 коп. пара, если вещи сдѣланы изъ бронзы или латуни, а если изъ серебра и золота, то дороже: отъ 25 коп. до 1—2 рублей за вещь. Ювелирами такихъ издѣлій являются крестьяне села Краснаго, въ числѣ до трехъ тысячъ, въ избахъ которыхъ, вмѣсто фабрикъ и мастерскихъ, изготовляются всѣ эти вещи. Это одинъ изъ мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ. Издѣлія эти однако расходятся по всей Россіи, идутъ въ Азію и даже за границу.

Ниже Костромы Волга становится все шире, а когда сольется съ Унжей, то разливается на цѣлую версту. Берега ея здѣсь особенно оживлены. При впаденіи Унжи, на берегу Волги стоитъ городъ Юрьеvecъ. Жители его сплавляютъ по Унжѣ въ Волгу огромное количество лѣса и занимаются постройкой судовъ. На берегу виденъ

*) Недалеко отъ Кинешмы есть еще одна фабрика, или скорѣе мельница, которая приготовляетъ муку, но только не изъ хлѣба, какъ ты ожидалъ бы, а изъ камня, который добывается тамъ же по берегамъ Волги и называется *фосфоритомъ*. Его сперва обжигаютъ, очищаютъ, потомъ перемалываютъ въ муку и продаютъ сельскимъ хозяевамъ для удобренія полей.

цѣлый рядъ судовъ, частью уже готовыхъ, а частью только строящихся; это будущія *унжанки*, которыя отсюда вмѣстѣ съ плотами лѣса и разными лѣсными издѣліями сплавляются внизъ по Волгѣ, а съ низовьевъ Волги возвращаются съ новымъ грузомъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Нижняго, мы проѣхали мимо села Городца, бывшаго когда-то столицей удѣльнаго княжества. Надъ Городцомъ господствуетъ высокій холмъ въ видѣ четырехугольника; это бывшая крѣпость Городца, защищавшая его нѣкогда отъ черемисъ и казанскихъ татаръ. На этомъ холмѣ, по преданію, ночью будто бы горятъ огоньки на забытыхъ могилахъ князей городецкихъ. Про другую Городецкую гору, Кирилову, одинъ изъ пассажировъ рассказалъ намъ довольно поэтическое преданіе.

— Если, говорилъ онъ, мимо Кириловой горы раннимъ утромъ проходить судно, на которомъ всѣ люди благочестивы, то Кирилова гора раскрывается, изъ нея выходятъ старые монахи, кланяются и просятъ свезти поклонъ братьямъ ихъ, жигулевскимъ старцамъ (Жигули или Жигулевскія горы, расположенныя на правомъ берегу Волги, въ Симбирской губерніи). Подѣзжая къ Жигулямъ, стоитъ только крикнуть: „жигулевская братія! шлютъ вамъ поклонъ старцы Кириловой горы“,—тогда разступаются Жигулевскія горы, изъ нихъ выходятъ старые монахи и кланяются до земли.

Отъ Юрьевца-Поволжскаго Волга поворачивается почти прямо на югъ, и далѣе, съ каждымъ часомъ ѣзды, воздухъ замѣтно становится теплѣе и теплѣе, холмистые берега зеленѣе, цвѣтистѣе; лѣса и рощи полнѣе, гуще и разнообразнѣе; хвойныхъ деревьевъ видно менѣе, дубъ и липа встрѣчаются чаще и растутъ роскошнѣе. Правый, гористый берегъ Волги здѣсь иногда чрезвычайно живописенъ.

Но я не сказалъ тебѣ еще ничего о моей жизни на пароходѣ, а она стоитъ того, чтобы описать ее подробнѣе. Пассажиры на нашей палубѣ мѣнялись безпрестанно, и, не сходя съ парохода, можно было-бы изучать образцы почти всѣхъ русскихъ племенъ и народностей, встрѣтить представителей всѣхъ губерній и всѣхъ

возможныхъ промысловъ. Изъ Твери почти до самаго Нижняго, но болѣе до Костромы и Ярославля, ѣхало съ нами множество молодыхъ людей и даже мальчиковъ изъ петербургскихъ и московскихъ лавокъ, трактировъ, гостинницъ, кузницъ, слесарень, булочныхъ, пивоварень и т. д. Этотъ молодой народъ, просидѣвъ два, три года въ какой-нибудь лавкѣ, гостинницѣ или мастерской, ѣхалъ теперь домой *на побывку*, т. е. погостить два, три лѣтніе мѣсяца у родныхъ. Приятно было видѣть, какъ счастливы и веселы были эти маленькіе полове, кузнецы, слесаря; съ какимъ нетерпѣніемъ дожидали они той пристани, гдѣ могли выйти на берегъ съ тѣмъ, чтобы отправиться въ родимое село, отстоящее иногда за десятки верстъ отъ берега. Съ узелкомъ за плечами, въ которомъ непременно скрываются гостинцы отцу, матери, сестрѣ или маленькому брату, весело сбѣгаетъ молодой работникъ на пристань и бодро идетъ по знакомой ему дорогѣ. Случалось иногда и такъ, что старикъ-отецъ или старушка-мать встрѣчали тутъ-же на пристани своего ненагляднаго Ванюшу, котораго не видали 5 или 6 лѣтъ. При этомъ не лишнее будетъ замѣтить еще разъ, что костромичи и въ особенности ярославцы цѣлыми толпами уходятъ на заработки въ Петербургъ и Москву, потому что почва этихъ губерній представляетъ мало удобствъ для земледѣлія, но еще больше потому, что бойкому, смѣлливому ярославцу не сидится на мѣстѣ.

Письмо 4-е.

Нижній-Новгородъ.

Отправившись отъ Балахны, мы проѣхали мимо большихъ заводовъ „Сормово“, приготовляющихъ паровозы, вагоны, платформы, разныя желѣзнодорожныя издѣлія и пароходы на нѣсколько милліоновъ рублей въ годъ, и скоро увидели издали Нижній. Это было рано утромъ. Какой-то прозрачный паръ стоялъ надъ Волгою, и сквозь него заблестѣли главы множество старинныхъ церквей и верхушки крѣпостныхъ башенъ. Скоро показался и весь городъ, стоящій на довольно высокой и крутой горѣ, у подошвы которой

сливаются двѣ большія рѣки—Волга и Ока; послѣдняя показалась мнѣ здѣсь немногимъ уже Волги. Цѣлый лѣсъ мачтъ, дымящіяся трубы пароходовъ, множество пристаней, толпы народа, суетившагося по берегу—все это придавало чрезвычайно оживленный видъ Нижнему.

По отлоному, мощенному стѣзду ввезъ меня извозчикъ на высокую гору, на которой расположенъ Верхній Базаръ и Кремль. Улицы въ Нижнемъ мнѣ показались такими-же пустыми, какъ и въ Ярославлѣ. Плохая, грязная, но дорогая гостинница дала мнѣ на время пріютъ. Половой, впрочемъ, утѣшалъ меня, говоря, что въ разгаръ ярмарки я за ту-же самую комнату заплачу-бы въ пять разъ дороже.

Переодѣвшись, поспѣшилъ я прежде всего въ Нижегородскій *Кремль*. Его древняя стѣна и многочисленныя красивыя башни манили меня еще издали. Съ почтѣніемъ взглянулъ я на старинный Спасо-Преображенскій соборъ, существующій уже болѣе 600 лѣтъ. Сколько великихъ историческихъ событій видѣлъ этотъ соборъ на своемъ вѣку! Въ склепѣ подъ соборомъ, среди гробницъ князей и епископовъ, стоитъ и гробница простого человѣка, нижегородскаго мясника, Козьмы Захаревича Минина-Сухорукаго. Надъ каменною лѣстницей, ведущей изъ собора въ нижнюю церковь, возвышается красивая рѣзная часовня въ русскомъ стилѣ. Внутри ея, въ стѣнѣ, надъ мѣстомъ, гдѣ погребенъ Мининъ, поставлены три чугуныя доски съ надписями, древніе образа и знамена. Посѣтивъ здѣшнюю соборную усыпальницу, Петръ Великій поклонился до земли гробницѣ Минина и сказалъ: „здѣсь лежитъ избавитель Россіи“. Другіе императоры и императрицы наши, бывавшіе въ Нижнемъ, не забывали также гробницы нижегородскаго мясника. На площади Кремля, теперь пустынной, совершилось великое событіе, положившее начало побѣдоносному выходу Россіи изъ тяжкой години междоусерствія,—когда толпы поляковъ и шайки разбойниковъ расхаживали по ней изъ конца въ конецъ, города и села обливались кровью, пылали или уже лежали въ развалинахъ, оставленные жителями; когда самое сердце Россіи,

Москва, была въ рукахъ наглыхъ пришельцевъ; когда, наконецъ, русскій народъ еще существовалъ, но русскаго государства уже не было. Въ это безотрадное время великая и необычайно смѣлая мысль зародилась въ умѣ простаго нижегородскаго ремесленника. Онъ задумалъ спасти Россію ея собственными силами, любовью русскаго народа, не призывая на помощь никакихъ иноземцевъ. Нижегородцы знали Минина за честнаго, простодушнаго, умнаго человѣка; но подозрѣвалъ-ли кто-нибудь, что въ этомъ простомъ человѣкѣ скрывается герой, имя котораго переживетъ вѣка? Когда Мининъ началъ говорить о необходимости спасти отечество, то въ его словахъ было столько силы, столько любви къ родной странѣ, что они подѣйствовали на слушавшихъ тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали то-же, о чемъ Мининъ сталъ говорить громко. Сюда, на эту площадь, стекались нижегородцы толпами, принося все свое имущество на дѣло спасенія отчизны; отсюда отправились они освобождать Москву. Въ память этого величайшаго событія русской исторіи стоитъ теперь на кремлевской площади весьма небольшой и не очень красивый памятникъ; но такія событія не нуждаются въ великолѣпныхъ памятникахъ: никто ихъ и безъ памятниковъ не забудетъ.

Осмотрѣвъ соборъ, памятникъ, взглянувъ на дворецъ, въ которомъ живетъ губернаторъ, и на пустынную площадь, окруженную какими-то казармами, оказавшимися Аракчеевскимъ кадетскимъ корпусомъ, я отправился на кремлевскую стѣну, обращенную въ прекрасный бульваръ; дойдя по ней до такъ называемаго „откоса“, я остановился, пораженный необыкновенно обширнымъ и красивымъ видомъ. Внизу, подъ горою, на которой стоитъ Кремль, расположенъ Нижній Базаръ, показавшійся мнѣ гораздо оживленнѣе Верхняго. Устья Оки почти не видно за множествомъ судовъ. На другомъ, плоскомъ берегу ея, въ Заокской или Макарьевской части, называемой также Кунавино, расположены ярмарочныя зданія, между которыми шевелилось множество народа. Нижегородская ярмарка уже начиналась. Какой очаровательный видъ открывается вдаль, внизъ и вверхъ по Волгѣ и на ея луговую сто-

рону, которой кажется и конца нѣтъ! Какое обиліе воды! какія синія волны! какой прозрачный воздухъ и какъ его много! Большая барка посрединѣ Волги кажется отсюда маленькою лодкою, а лодка, поднимавшая свой бѣлый парусъ,—бѣлокрылою чайкою, которая, сверкая на солнцѣ своими крыльями, купается въ синей волнѣ. Въ первый разъ въ моей жизни я видѣлъ такую даль, такое обиліе воды и зеленыхъ луговъ, и потому неудивительно, что, усѣвшись между крѣпостными зубцами, я не могъ оторвать взора отъ очаровательной картины. Не знаю, долго-ли бы я просидѣлъ такъ, еслибы чья-то мощная рука не налегла мнѣ на плечо. Я оглянулся: это былъ мой знакомый старикъ, петербургскій купецъ.

— Ну, что скажете вы теперь о матушкѣ-Волгѣ? спросилъ онъ меня съ улыбкой.

— Удивительно! превосходно! Чудная рѣка! отвѣчалъ я ему. Я сижу здѣсь уже цѣлый часъ и не могу рѣшиться уйти.

— Это понятно: вы въ первый разъ видите Волгу въ Нижнемъ. Я выросъ и состарился на Волгѣ, я проѣхалъ ее съ верху до низу и съ низу въ верхъ безсчетное число разъ; мало этого—что грѣха таить? былъ молодцу не укорь!—истопталъ своими ногами всѣ берега Волги:—а между тѣмъ, всякій разъ, какъ бываю въ Нижнемъ и взойду вотъ сюда на стѣну, то смотрю, смотрю—и не могу насмотрѣться, не могу отвести глазъ! А въ разливъ, когда затопитъ водою вотъ всю ту луговую сторону Волги,—это просто море. Взгляните теперь на ярмарочную площадь; тутъ, батюшка мой, всякаго народу и всякаго товару, что только душа пожелаетъ. Не говоря уже о нашихъ русскихъ, которые съѣзжаются на Макарьевскую ярмарку изъ всѣхъ самыхъ отдаленныхъ губерній,—чего только и кого здѣсь не бываетъ! И нѣмцы-то изъ-за границы, и татары, и турки, греки, армяне, бухарцы, персеяне, башкирцы, киркизы, калмыки. И всякій-то свой товаръ везетъ на Макарьевскую, и всякій съ другимъ товаромъ уѣзжаетъ. Какіе тутъ милліоны воровочаются! Иной разъ товару милліоновъ на 150—180 навезутъ, и милліоновъ на 100—120 продадутъ.

Кромѣ того, на Макарьевской же многіе торговцы сводятъ свои годовые миллионныя счеты: долги платятъ, долги получаютъ товаромъ-ли, деньгами-ли.

— Почему Нижегородская ярмарка называется Макарьевскою?

— Потому что въ 1817 году это ярмарка переведена въ Нижній изъ Макарьева. Однако-же, прибавилъ старикъ, взглянуть на часы,—отъ хорошаго вида сытъ не будешь. Вы гдѣ остановились?

Я назвалъ гостиницу.

— Ба! такъ мы съ вамъ соѣди. Пойдемте-же ко мнѣ завтракать, а за завтракомъ, коли есть охота слушать, еще поболтаемъ о Волгѣ.

Въ гостиницѣ, въ ожиданіи завтрака, купецъ показалъ мнѣ отличную карту Волги, на которой онъ своей рукой сдѣлалъ множество замѣтокъ: крестиковъ, точекъ, черточекъ.

— Вотъ она, матушка, какъ растянулась, говорилъ старикъ, вода пальцемъ по картѣ: почитай, что всю Россію обогнула; начинается тамъ, гдѣ растутъ только елки и сосны, и кончается тамъ, гдѣ можно найти виноградъ и шелковичное дерево; треть Европейской Россіи занимаетъ она своими притоками, связываетъ три далекия моря; а сколько городовъ, губерній, сколько народу живетъ и кормится Волгой! Что была-бы Россія безъ Волги? такая же дикая степь, какъ та, по которой бродятъ теперь киргизы. Да, мой родимый, Волга—величайшій даръ Божій Русской землѣ.

— Вы, кажется, замѣтилъ я,—отлично знаете эту рѣку.

— Да, не дурно, а благодаря ей, и всю Россію: я, батюшка, ногами вытопталъ себѣ русскую географію.

— Какъ такъ?

— Да такъ! моя судьба—преудивительная судьба, и вы, видя меня петербургскимъ купцомъ, конечно, не подозрѣваете, что я въ молодости былъ бурлакомъ, таскалъ лямку по берегамъ Волги и Оки, а потомъ присталъ къ Владимірекимъ офенямъ и, съ коромомъ за плечами, разносилъ бездѣлушки по святой Руси; потомъ ѣздилъ на своей собственной тройкѣ, развозя товары, куда приходилось; потомъ занялся хлѣбной торговлей—и сталъ, какъ ви-

дите, петербургскимъ купцомъ. Теперь у меня и дома каменные, и капиталъ есть, и уваженіемъ добрыхъ людей, слава Богу, пользуюсь; а какъ вспомню свое бурлачество, то, ей-ей, всякій разъ вздохну. Сильно я состарился, семья у меня теперь большая, внуки уже торгуютъ, а не могу отвыкнуть отъ бродячей жизни. Зимую еще туда-сюда, сижу дома, да почитываю кое что, больше-же всего о Волгѣ; но какъ только наступитъ весна, какъ только я завижу на Невѣ первую лодку, слышу первый свистокъ парохода, такъ меня и подмываетъ на родимую мою Волгу: на ней я счастливъ, веселъ, молодъ попрежнему, и только тогда грустно становится, какъ подумаю, что вижу ее, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Пора однако и мнѣ кончить къ тебѣ письмо, а то, пожалуй, его и въ пакетъ не упрячешь. Прощай, будь здоровъ.

Письмо 5-е.

Отъ Нижняго до Казани.

Въ послѣднемъ письмѣ я передалъ тебѣ лишь первое впечатлѣніе отъ осмотра Нижняго, а теперь могу познакомить тебя съ его знаменитой ярмаркой, которую я съ большимъ интересомъ осматривалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Да и трудно было-бы осмотрѣть ее быстрѣе. Такого количества и такого разнообразія товаровъ, какъ на этой ярмаркѣ, пожалуй нигдѣ не найдешь, ни въ Россіи, ни за границей.

На пути въ Нижній мнѣ приходилось слышать, что Нижегородская ярмарка, какъ и другія, сильно падаетъ по мѣрѣ развитія желѣзнодорожной сѣти и расширенія и ускоренія почтовыхъ сообщеній. Тѣмъ не менѣе, значеніе этой ярмарки до сихъ поръ еще очень велико, такъ какъ она единственное мѣсто, куда привозятъ огромныя массы товаровъ и гдѣ происходитъ главнымъ образомъ оптовая, а не розничная торговля. Здѣсь Европа и Азія мѣняются своими произведеніями.

Начну описывать тебѣ ярмарку въ томъ порядкѣ, какъ я съ нею знакомился.

Ярмарка заняла всю обширную мѣстность, прилегающую съ одной стороны къ Волгѣ, съ другой къ Окѣ. Это совершенно особый городъ, живущій два-три мѣсяца въ году бойкой, своеобразной жизнью. Въ этомъ городѣ все свое. начиная отъ церквей (православныхъ, армянской и магометанской), губернаторскаго дома, почтовыхъ и банковыхъ конторъ, и оканчивая всевозможными удобствами обыденной жизни.

Я началъ съ центрального пункта всей ярмарки, съ „Главнаго Дома“. Это — огромный пассажъ, внутри котораго идетъ по обѣ стороны рядъ магазиновъ съ зеркальными окнами, съ самыми разнообразными товарами — галантерейными, ювелирными, модными. Но гораздо интереснѣе торговые ряды: китайскіе, бухарскіе и др. Тамъ самая пестрая толпа, среди которой попадаются лица и костюмы разнообразныхъ народностей Россіи и Азіи; по виду узнаемъ представителей мѣстныхъ инородцевъ: вотъ мордва, въ ихъ пестрыхъ костюмахъ и кокошникахъ; черемисы, чуваша, затѣмъ татары, бухарцы въ пестрыхъ халатахъ; легко узнать также прѣѣзжихъ кавказцевъ въ характерныхъ костюмахъ, калмыковъ и киргизовъ съ ихъ чисто монгольскими лицами, персовъ — по ихъ чернымъ высокимъ шапкамъ, и другихъ.

Проходивши цѣлый день по ярмаркѣ, я страшно усталъ и отправился къ себѣ въ гостиницу, рѣшивши посвятить слѣдующій день знакомству съ важнѣйшими товарами ярмарки. Одними изъ таковыхъ являются хлопчатобумажныя издѣлія нашего промышленнаго раіона, или такъ называемая „мануфактура“; главные виды ея: московскіе и ивановскіе ситцы, платки, саратовская сараника — кустарнаго или ручнаго производства, и др. Эти товары идутъ въ Сибирь, Среднюю Азію, Кавказъ, Персію и Китай, при чемъ для каждой страны приготавливаются особые рисунки и качество товара. Привозъ этихъ издѣлій на ярмарку составляетъ около трети всѣхъ товаровъ. Второе мѣсто занимаютъ привозимые съ Урала металлы и издѣлія изъ нихъ: чугунная посуда, горшки, котлы, сковороды, тульскіе самовары, церковная утварь, ружья; далѣе — серпы, косы, топоры, гвозди и т. д. Но

теперь торговлѣ металлами нанесенъ сильный ударъ соединеніемъ Урала съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ Россіи. Это даетъ возможность отправлять уральскіе металлы въ Россію въ теченіе круглаго года по желѣзной дорогѣ, минуя Нижній, Каму и Волгу. Третье мѣсто по привозу занимаетъ чай изъ Китая; главный складъ его, какъ и большей части азіатскихъ товаровъ — на Сибирской пристани. Въ торговлѣ различаются байховый чай — это тотъ чай, который мы пьемъ, и кирпичный чай въ плиткахъ, который покупаютъ кочевники Европейской Россіи и Азіи. Теперь привозъ чая въ Нижній значительно меньше, чѣмъ прежде, благодаря развитію доставки чая морскимъ путемъ; привозъ чая еще болѣе сократится, благодаря окончанію непрерывнаго желѣзнодорожнаго пути изъ Иркутска въ Москву.

Слѣдующее мѣсто въ торговлѣ принадлежитъ мѣховому товару, который раздѣляется на пушной и овчинный. Пушной товаръ привозится больше всего изъ Сибири и сѣверной части Европейской Россіи; но вмѣстѣ съ этимъ привозятся мѣха кавказскіе, астраханскіе, персидскіе, тибетскіе, американскіе, а также наши мѣха лейпцигской, парижской и лондонской выдѣлки. Привозятся цѣлые милліоны шкурокъ бѣлки — сибирской и каргопольской выдѣлки, — до милліона заячьихъ шкурокъ шуйской, даниловской и арзамаской выдѣлки; много также кошачьихъ мѣховъ арзамаской выдѣлки. Эти мѣха отлично поддѣлываютъ подъ куницу, кенгуру, котикъ и др. дорогіе мѣха. Привозится много и настоящихъ мѣховъ — лисицы простой и чернобурой (отъ 100 до 1000 руб. за шкуру), куницы, соболя, горноста, камчатскаго бобра, морского котика съ Командорскихъ острововъ и др.

На милліоны рублей также привозится овчины: каракуля изъ Бухары и Хивы, мерлушки изъ Касимова и Персіи, простой русской овчины и издѣлій изъ нея — романовскихъ, вятскихъ и калмыцкихъ полушубковъ.

За мѣхами слѣдуютъ кожи. Онѣ привозятся главнымъ образомъ изъ Азіи сырыя, а также выдѣланныя кочевниками, которые, запродавъ свой товаръ, закупаютъ на ярмаркѣ необходимыя для нихъ мануфактурныя, металлическія и другія издѣлія.

Есть на Нижегородской ярмаркѣ и такой уголокъ, въ которомъ легко можно вообразить себя гдѣ нибудь въ тропической странѣ Индіи, Африки или въ пустыняхъ Аравіи; тутъ груды такихъ товаровъ, какъ индиго (кубовая краска), сандалъ (красная краска), охра, гумми, камфора, имбирь, корица, камедь, ладанъ, губки, пробки и проч. и проч.

Но за то такъ называемый щепной товаръ Бурнаковской пристани возвращаетъ насъ на родину—къ промысламъ кустарей Нижегородской губерніи. До 80 мил. одиѣхъ деревянныхъ ложекъ расходятся отсюда по всей Россіи; а сколько веретенъ, деревянныхъ чашекъ, блюде и прочей посуды выдѣлываютъ кустари изъ матерьяла, добываемаго въ ихъ лѣсахъ!

Вотъ тебѣ, другъ мой, въ главныхъ чертахъ описаніе того, что наиболѣе привлекло мое вниманіе на ярмаркѣ; слѣдовало бы упомянуть еще о громадныхъ складахъ всякаго готоваго платья, о товарахъ шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ, — послѣдніе идутъ главнымъ образомъ изъ Кавказа, — но всего не перечестъ.

Осмотръ ярмарки порядкомъ утомилъ меня, и я съ удовольствіемъ возвратился на пароходъ, чтобы продолжать свое путешествіе. Отъ Нижняго, какъ я писалъ тебѣ, начинается третій плесъ Волги, и отсюда уже начинаютъ ходить большіе пароходы, построенные по образцу американскихъ. Это громадныя двухэтажныя судна, вмѣщающія сотни тысячъ пудовъ багажа и множество пассажировъ, которые имѣютъ на пароходѣ всевозможныя удобства. Выѣхали мы изъ Нижняго утромъ, и я цѣлый день не сходилъ съ палубы, — все любовался Волгой. Что за веселая и живописная мѣстность открывается за Нижнимъ! Вдоль рѣки тянется длинный рядъ слободъ и деревень, составляющихъ какъ бы предместья этого города; далѣе идутъ другія живописныя села. На правомъ берегу—Работки, богатое село и хлѣбная пристань; далѣе Лысково и Исады.

Къ вечеру показался на правомъ берегу Волги, весь утопающій въ зелени, г. Васильсурскъ, находящійся при впаденіи въ Волгу рѣки Суры; съ его пристани отправляется много хлѣба.

Вечеромъ мы проплыли мимо рѣки Ветлуги, впадающей въ Волгу слѣва. Ветлужскій край зовется „лычнымъ краемъ“. Народъ тамъ живетъ лѣснымъ промысломъ и особенно драньемъ лыкъ, луба и мочаль. Для этого раннею весною, когда дерево пускаетъ сокъ, крестьяне цѣлыми семьями отправляются въ глухіе липовые лѣса и начинаютъ подрѣзывать молодья липки и драть съ нихъ лыко. Старыя деревья подрубаютъ и снимаютъ съ нихъ кору на лубья и мочалы. Изъ лыка потомъ плетутъ цѣлые миллионы лаптей, изъ лубья дѣлаютъ коробы, изъ мочалы—рогожи, и все это сплавляютъ на Волгу.

Утромъ мы увидѣли бывшую татарскую столицу—Казань, одинъ изъ красивѣйшихъ губернскихъ городовъ, единственный, въ которомъ есть университетъ, на всемъ Поволжьѣ. Уже издали можно различить двѣ части города—русскую, съ бѣлыми домами и колокольнями православныхъ церквей, и татарскую, съ низкими постройками и минаретами мечетей. Рѣзко выдѣляется среди города Кремль, окруженный бѣлыми стѣнами, изъ-за которыхъ выглядываетъ шпиць знаменитой башни Сумбеки. На пристани васъ обступаютъ бѣдно одѣтые татары и настойчиво предлагаютъ вамъ купить мыла, платки, туфли и проч.

Письмо 6-е.

Отъ Казани до Астрахани.

Отъ Казани начинается четвертый, послѣдній и самый широкій плесъ Волги. Проплывши часа три, мы были удивлены слѣдующимъ явленіемъ. Волга, и безъ того широкая, приняла видъ огромнаго воднаго пространства, такъ что казалось, будто изъ рѣки мы попали въ морской заливъ. Это Волга приняла въ себя съ лѣвой стороны самый большой свой притокъ—многоводную Каму. По Камѣ ходятъ большіе пароходы и многочисленныя суда, на которыхъ сплавляются на Волгу много лѣса, а также разные металлы и издѣлія изъ нихъ, которыя мы видѣли въ Нижнемъ на ярмаркѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья Камы и въ 7 верстахъ отъ Волги находятся развалины древняго города Великаго Булгара, бывшей столицы древняго и очень промышленнаго и торговаго государства Болгарскаго, съ которымъ, какъ мы знаемъ изъ лѣтописи Нестора, воевалъ Владиміръ Святой. Это царство, одновременно съ Русью, было разорено и подчинилось Золотой Ордѣ. Развалины Булгара окружены остатками вала и рвомъ. Кое-гдѣ встрѣчаются остатки минаретовъ и башенъ.

Еще нѣсколько селъ, одинъ городокъ—Тетюши, и на крутомъ правомъ берегу Волги показались храмы, бѣлые каменные дома, какая-то изящная башня. Все это на высотѣ воздушной. Точно надъ горою виситъ. Снизу, кажется, и добраться трудно. Это Симбирскъ. Кромѣ красиваго вида, въ Симбирскѣ мало интереснаго, а потому путешественники рѣдко заглядываютъ въ него.

За Симбирскомъ Волга замѣтно ширится. Горы выше и лѣсистѣе. Села уже не на юру, а въ лощинахъ прячутся—поближе къ водѣ. Между деревьями громадныя разстоянія. Десятки верстѣ бѣжить пароходъ вдоль крутого берега, не встрѣчая никакого зыбля. На лѣвой сторонѣ степи тянутся безъ конца, безъ края.

До Жигулей еще далеко, но они уже чувствуются. Вотъ пошли направо мѣлвыя горы, сверкаютъ на солнцѣ яркою бѣлизною скаль, только сверху чуть прикрытыя зеленью. За городомъ Сентилеємъ скоро показались и Жигули. Плыва сверху, прежде всего видишь на правомъ берегу два отдѣльно стоящіе холма или утеса. Затѣмъ горы идутъ сплошною массою, прерываемыя мѣстами глубокими долинами или буераками. Не доходя Ставрополя, противъ села Усоля, возвышается одна изъ самыхъ высокихъ жигулевскихъ вершинъ—Караульный бугоръ, съ высоты котораго, какъ говорятъ, виденъ Симбирскъ и окрестности верстѣ на сотню кругомъ. По берегу Волги Жигули тянутся на разстояніи 90 верстѣ, немного не доходя до Самары. Встрѣтивъ известковую массу Жигулей, Волга должна была на сотню верстѣ отклониться отъ своего теченія къ востоку и образовать изгибъ, или луку, называемую Самарскою. Жигули на всемъ своемъ протяженіи пред-

ставляютъ столько красоты и причудливаго разнообразія, что невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе путника. Въ особенности ночью, при свѣтѣ луны, плаваніе по Волгѣ переноситъ васъ въ какую-то сказочную страну.

Жигули—это сказочное царство. Съ этими горами связано много народныхъ преданій о богатыряхъ, возникшихъ еще въ глубокой древности. Позднѣе богатырей этихъ преданій смѣнили разбойники. Въ густыхъ лѣсахъ и глубокихъ ущельяхъ Жигулей скрывались бродяги, бѣглецы и просто поволжская удалая молодежь изъ бѣглыхъ крестьянъ, которой хотѣлось освободиться отъ крѣпостнаго ига, пожить на просторѣ и попользоваться легкой добычей. Еще недавно мимо Жигулей съ опаскою пробирались купеческія барки. Только развитіе пароходства убило остатки „понизовой вольницы“.

Мы, наконецъ, оставили за собою прелестную картину Жигулей; вдаль уже блеснула, на гребнѣ довольно возвышеннаго лѣваго берега, Самара.

Въ Самарѣ, какъ и въ Симбирскѣ, мало историческихъ достопримѣчательностей, но значеніе Самары, какъ большой хлѣбной пристани, отпускающей въ Россію и за границу много миллионѣвъ пудовъ хлѣба, очень велико, а желѣзная дорога изъ Москвы на Оренбургъ, а особенно черезъ Челябинскъ въ Сибирь и Китай сдѣлаютъ изъ Самары одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ городовъ Россіи. Уже и теперь Самара отпускаетъ по Волгѣ и желѣзной дорогѣ больше десятка миллионѣвъ пудовъ одной пшеницы-бѣлотурки, сотни тысячѣвъ пудовъ табаку, развѣдимаго нѣмецкими колонистами; огромное количество сала, шерсти и проч. Въ Самарѣ и въ самарскихъ степяхъ много кумысолѣчебныхъ заведеній.

За Самарой Волга доканчиваетъ такъ называемую самарскую луку—въ высшей степени благодѣтельную для всего окрестнаго раіона, такъ какъ она приближаетъ къ рѣкѣ маловодныя степи, а самое Поволжье приближается къ Оренбургу, Уралу и Средней Азіи верстѣ на 100.

Городъ Сызрань тѣсно связанъ съ Самарой Волгой и желѣз-

пой дорогой, идущей въ Сибирь. Когда мы подъѣзжали къ Сызрани, то все пассажиры столпились на палубѣ парохода, чтобы полюбоваться длиннѣйшимъ во всей Россіи, да и не въ одной Россіи, желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Волгу, въ 696 сажень.

Главный предметъ вывоза изъ Сызрани—хлѣбъ и особенно лучшаго качества пшено, извѣстное подъ названіемъ сызранскаго.

Горы, окружающія Сызрань, содержатъ громадное количество асфальтоваго известняка, который перерабатывается на Сызранскомъ асфальтовомъ заводѣ въ асфальтъ, и расходится по всей Россіи и даже за границу для устройства мостовыхъ, выдѣлки особой асфальтовой бумаги для крышъ и т. п.

За Сызранью идутъ большіе раскольничьи центры: Хвалыньскъ, за нимъ село Балаково и Вольскъ. Теперь это все большія хлѣбныя пристани; населеніе, состоящее почти исключительно изъ раскольниковъ, пользуется благосостояніемъ, а раньше эти раскольники бѣжали сюда отъ преслѣдованій за привязанность къ старой вѣрѣ или „древнему русскому благочестію“.

Проѣхавъ нѣмецкія колоніи, основанныя здѣсь при Екатеринѣ II-ой, мы скоро увидѣли на правомъ берегу Волги Саратовъ, одинъ изъ многочислнѣйшихъ (болѣе 100 т. жителей) и торговыхъ городовъ нижняго Поволжья. Недавно существуетъ Саратовъ, всего 300 съ небольшимъ лѣтъ, а много пришлось ему видѣть и испытать. Грабили его сперва кочевники, а потомъ и свои русскіе—отряды Стеньки Разина и Пугачева.

Въ настоящее время Саратовъ является большимъ, красивымъ городомъ съ громадною торговлею. Главный предметъ ея—хлѣбъ во всехъ его видахъ. Многоэтажныя мукомольныя мельницы завладѣли всею берегомъ вблизи пристаней. Вместе съ тѣмъ Саратовъ является главнымъ складомъ произведеній нѣмецкихъ колоній. Огромная мель на Волгѣ, образовавшаяся у самаго Саратова, сильно однако затрудняетъ доступъ пароходовъ къ городу.

Продолжая путь отъ Саратова къ Царицыну, мы проѣзжаемъ довольно бойкій и торговый городъ Камышинъ съ пристанью; городъ славится своими арбузами.

Еще одна большая слобода Дубовка съ мукомольными мельницами, и мы пристали къ Царицыну. Это совсѣмъ новый городъ. Проведенные къ нему не такъ давно желѣзнодорожные пути и развившееся судоходство по Каспійскому морю сразу сдѣлали Царицынъ узловой станціей, къ которой потянулись самые разнообразные грузы товаровъ: лѣсъ съ верхней Волги, нефть изъ Баку, соль изъ Баскунчака, рыба изъ Астрахани, вина и также нефть съ сѣвернаго Кавказа (Кизляръ, Грозный) и т. д.

На берегу Волги, нѣсколько вдали отъ города, устроены цистерны, куда сливаютъ сотни тысячъ пудовъ керосина съ приѣзжающихъ по Волгѣ шкунъ, а затѣмъ изъ цистернъ наливаютъ керосинъ въ стоящія тутъ же вагоны. Городъ не успѣлъ даже обстроиться сообразно со своимъ важнымъ положеніемъ, и представляетъ пока большое, но грязное и некрасивое село.

Зато нѣмецкая колонія Сарепта, къ которой мы теперь подъѣзжаемъ, вполне благоустроенное мѣстечко. Нѣмцы устроились здѣсь недурно, ихъ дома тонуть въ зелени тополей, вездѣ видно много фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. На пристани можно найти почти все, чѣмъ промышленныя колонисты: пресловутую сарептскую горчицу, пряники, сарпинку и сарептскій бальзамъ.

Отъ Царицына и Сарепты берега Волги значительно измѣняются. Горы сглаживаются, скоро и совсѣмъ пропадаютъ. И не вѣрится, что это Волга... Гдѣ ея крутые яры, гдѣ ея лѣсистыя горы, бѣлыя скалы, села? Все гладко, пустынно. Всюду длинными языками, да песчаными островами лежатъ желтыя мели. Только и слышится на пароходѣ: „Стой!.. тихій ходъ... задній ходъ“... и медленно идутъ здѣсь пароходы, постоянно мѣряя капризное и опасное дно Волги.

Начиная съ Сарепты, на пристаняхъ Волги: Черный Яръ, Енотаевскъ, а часто и съ береговъ, гдѣ расположились рыболовныя ватаги, на пароходѣ нѣтъ-нѣтъ да и потянетъ запахомъ рыбы. Этотъ рыбный запахъ не оставляетъ насъ до самой Астрахани. Мы попали въ рыбную страну. Какъ въ верхнемъ Поволжьѣ—до Нижняго, народъ живетъ преимущественно кустарными промы-

слами и ярмаркой, въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ—хлѣбопашествомъ, такъ въ самомъ низовьѣ, гдѣ ни хлѣбопашества, ни кустарныхъ промысловъ почти нѣтъ, приволжское населеніе кормится рыбнымъ промысломъ.

Рыба, тотчасъ послѣ улова, должна просаливаться, для чего требуется громадное количество соли. И вотъ природа какъ-бы нарочно позаботилась объ удобствахъ рыбопромышленниковъ, наградивъ этотъ край неисчислимымъ запасомъ прекрасной, чистой, бѣлой, какъ снѣгъ, соли. Весь Астраханскій край покрытъ солеными озерами и болотами, число которыхъ, вмѣстѣ съ сосѣдней Уральской областью, достигаетъ до двухъ тысячъ. Большею частью это небольшія озера и солончаки, но есть громадные источники соли, какъ озеро Элтонъ (площадью 192 кв. версты) и Баскунчакъ (112 кв. версть).

Элтонская соль теперь почти не разрабатывается, такъ какъ озеро лежитъ сѣвернѣе и дальше отъ Волги, чѣмъ другое озеро, Баскунчакское, которое находится въ 72 верстахъ (по желѣзной дорогѣ) отъ пристани Владиміровки. Глубина Баскунчакскаго озера и толщина пласта соли въ немъ опредѣлена только около береговъ, гдѣ идетъ разработка, въ срединѣ же она остается до сихъ поръ не опредѣленной. Вообще средняя глубина его не менѣе $1\frac{1}{2}$ сажени, что даетъ 42 милліона кубическихъ сажень соли. Уже и это количество представляетъ неисчерпаемый источникъ!

Всѣ соляныя озера принадлежать казнѣ и сдаются промышленникамъ въ краткосрочную аренду, за поудную плату отъ 1 копейки и немного болѣе. Добываніе соли производится самими простыми орудіями—ломами, лопатами и т. п.; иногда взрываютъ каменный пластъ соли динамитомъ. Добытая соль просушивается сперва на деревянныхъ платформахъ, укрѣпленныхъ на столбахъ надъ самымъ озеромъ; потомъ, спустя 2—4 недѣли, нагружается въ желѣзнодорожные вагоны или на малороссійскія фуры, запряженные быками, и отправляется на станцію Владиміровку. Здѣсь ее складываютъ въ бугры правильной формы—для опредѣленія объема и вѣса. Соль въ буграхъ лежитъ нѣсколько мѣсяцевъ,

иногда и годъ, и чѣмъ больше она лежитъ, тѣмъ становится чище и бѣлѣе. Отсюда соль уже идетъ на рыбные промыслы и въ другія мѣста. Для того, чтобы получить соль высшаго качества, ее отправляютъ на соляныя мельницы, которыя находятся въ Царицынѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ; есть даже подвижныя мельницы на баркахъ, которыя подходятъ прямо къ рыбнымъ промысламъ и тамъ перемалываютъ соль.

Теперь я познакомлю тебя и съ самыми рыбными промыслами. Прежде всего надо различать рыбу красную, къ которой относятся крупная рыба, какъ напримѣръ: бѣлуга, севрюга и осетръ, и частичковую, мелкую, которую ловятъ частыми сѣтями. Къ частичковой рыбѣ относятся: лещъ, сазанъ, вобла, тарань, сельдь, щука и т. д.

Время промысловаго лова рыбы бываетъ весною и зимою. Самый богатый ловъ бываетъ весною. Въ это время рыба изъ моря идетъ въ рѣку, и ищетъ мелкихъ и спокойныхъ мѣстъ для метанія икры. Какъ только ледъ на Волгѣ вскрыется, все русло ея въ низовьяхъ наполняется громадными стаями или, какъ здѣсь говорятъ, „косяками“ воблы, тарани и бѣшенки или сельди; за ними идутъ также стадами бѣлуги, осетры, сомы и другія рыбы, которыя питаются воблой и прочей мелкой рыбой.

Вмѣстѣ съ началомъ хода рыбы весною, на рыбныхъ промыслахъ или ватагахъ собираются и промышленники.

Пойманную рыбу сперва пластаютъ или раздѣлываютъ, при чемъ крупную красную рѣжутъ на куски и бросаютъ ее на нѣсколько дней въ разсолъ или тузлукъ; послѣ этого рыбу вынимаютъ, посыпаютъ солью, сортируютъ и складываютъ въ бочки. Частиковую рыбу готовятъ и иначе: послѣ пластовки ее засыпаютъ солью, и вѣшаютъ для сушки на солнцѣ.

Чтобы ты имѣлъ представленіе, насколько велико количество рыбы, вылавливаемой ежегодно въ низовьяхъ Волги, довольно тебѣ сказать, что общій вѣсъ приготовленной къ отпуску рыбы принято считать въ среднемъ около 18—20 милл. пудовъ въ годъ, стоимостью около 18—20 милл. рублей; а отдѣльныя породы

рыбъ ловятся десятками миллионъ штукъ; напримѣръ воблы вылавливается ежегодно болѣе 200 мил. штукъ, тарани до 40 мил., сельди или бѣшенки до 65 мил.; красной рыбы ловится гораздо меньше,—до сотни тысячъ штукъ.

Въ заключеніе долженъ сказать тебѣ нѣсколько словъ объ Астрахани, послѣднемъ большомъ городѣ на Волгѣ.

Астрахань расположена на лѣвомъ берегу Волги.

Чтобы легче запомнить, какой губернской городъ на какомъ берегу Волги лежитъ, я сообщу тебѣ одну волжскую примѣту, а именно, что всѣ города женскаго рода, какъ Тверь, Кострома, Казань, Самара, Астрахань, лежатъ на лѣвомъ берегу; а города мужскаго рода, какъ Ярославль, Нижній, Симбирскъ и Саратовъ,—на правомъ.

Мы приблизились къ Астрахани рано утромъ; передъ нами предсталъ огромный полувосточный городъ, съ царящими надъ нимъ бѣлыми стѣнами стариннаго Кремля и пятиглавымъ соборомъ. Городъ широко раскинулся на буграхъ лѣваго берега Волги, окаймленного цѣлымъ лѣсомъ мачтъ стоящихъ у пристани судовъ.

Внутри еще больше, чѣмъ снаружи, Астрахань напоминаетъ восточный городъ: вездѣ встрѣчаешь восточныя лица—калмыковъ, киргизъ, персовъ, татаръ, армянъ, грековъ и др.; тотъ-же восточный характеръ носятъ базары, лавки и гостинный дворъ. Тамъ увидишь разныя матеріи востока, пестрыя шелковыя ткани, бухарскіе и персидскіе ковры, турецкія шали, розовое масло, цѣлыя груды сушеныхъ фруктовъ.

Теперь въ Астрахани среди всей этой пестрой, разноплеменной толпы преобладаетъ и русская народность, и русская рѣчь. Да и пора; вѣдь уже около 350 лѣтъ, какъ русскіе при царѣ Грозномъ отняли, завоевали Астрахань, бывшую столицу Астраханскаго татарскаго царства.

Были тутъ раньше, на мѣстѣ Астраханскаго царства, и другія государства: Золотая Орда съ своею столицею Сараемъ, и хазары съ столицей Итилемъ; но отъ нихъ осталось мало слѣдовъ: кое гдѣ,—напримѣръ, около города Царева, можно видѣть развалины

этихъ исчезнувшихъ городовъ. Видно, что всегда выгодно было жить у устьевъ такой большой рѣки, какъ Волга, гдѣ сходились товары и съ обширной страны по верховьямъ Волги, и изъ странъ, окружающихъ берега Каспія.

Много въ Астрахани слѣдовъ и русской старины: въ церковныхъ ризницахъ увидишь много вещей, оставшихся отъ Петра Великаго, посѣтившаго Астрахань; тамъ-же покажутъ и вещи жены перваго Самозванца, Марины Мнишекъ, бѣжавшей сюда съ своимъ маленькимъ сыномъ подъ защиту атамана Заруцкаго. Разскажутъ также много преданій о бунтахъ Пугачева, Булавина и Стеньки Разина. Много можно услышать въ Астрахани про ея старину, много можно сказать и про нынѣшнее ея положеніе,—про ея обширную торговлю и промыслы, про ея пестрое населеніе.

Говорятъ, что Астрахань находится при устьѣ Волги, но это не совсѣмъ точно: отъ нея до ближайшей морской станціи, называемой „9 футъ“, еще около 8½ верстѣ. Большія морскія суда не входятъ въ Волгу и останавливаются у длинной Бирючьей косы, а пассажиры и грузъ перемѣщаются на суда меньшихъ размѣровъ и направляются по безчисленнымъ рукавамъ волжской дельты до Астрахани.

Въ заключеніе моихъ писемъ о Волгѣ позволь мнѣ, мой другъ, еще разъ оглянуться на эту великую рѣку. Нѣмцы гордятся своимъ Рейномъ и воспѣваютъ его въ пѣсняхъ и стихахъ. Наши малороссы горячо любятъ свой Днѣпръ „широкій и глубокій“, называютъ его „кормильцемъ“ и воспѣваютъ его въ прозѣ и стихахъ (вспомни поэтическое описаніе Днѣпра у Гоголя: „чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ“....); донскіе казаки воспѣваютъ свой „тихий“ Донъ, „красу полей“. Но что эти рѣки въ сравненіи съ Волгой? Волга на тысячу, на двѣ тысячи верстѣ длиннѣй каждой изъ названныхъ рѣкъ; она втрое или вчетверо шире ихъ; она прорѣзываетъ почти всю Россію изъ конца въ конецъ; протекаетъ девять нынѣшнихъ губерній съ тремя десятками миллионъ жителей; а весь бассейнъ ея съ притоками захватываетъ 21 губернію съ 50 миллионами жителей. Волга поить, кормить и возить

это многомиллионное население; своими красотами она вдохновляет лучших сынов своих и дает им материал для их поэтических произведений и художественных картин. Оттого по справедливости и называют Волгу „матушкой“ и „кормилицей“.

ОТДѢЛЪ IV.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ *).

РОЗА И ГВОЗДИКА.

(Образцы самого простого сравненія).

Роза и гвоздика имѣютъ много *сходства*: и роза, и гвоздика—растенія; у обѣихъ есть корень, листья, стволъ и цвѣты; обѣ развиваются изъ почекъ; обѣ цвѣтутъ немного и вянуть очень быстро; цвѣты розы и цвѣты гвоздики имѣютъ пріятный запахъ.

Но между розою и гвоздикою есть также и большое *различіе*: цвѣты ихъ имѣютъ различный запахъ; роза бываетъ одного цвѣта—розовая, бѣлая и желтая; а гвоздика обыкновенно бываетъ разноцвѣтная, пестрая; у розы широкіе, круглые листья; у гвоздики—узкіе и длинныя; на розѣ есть шипы, на гвоздикѣ нѣтъ.

КЛАССНАЯ И ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

(Образецъ сравненія).

Сходство: 1) Классная доска черна и грифельная также. 2) У классной доски четыре угла, у грифельной тоже. 3) Обѣ употребляются для письма. 4) Классная доска сдѣлана изъ дерева, на грифельной тоже есть дерево.

*) Само собою разумѣется, что статьи, собранныя здѣсь въ одинъ отдѣлъ, не могутъ быть читаемы по порядку, а должны сопровождать постоянно чтеніе 2-й части «Дѣтскаго Мира». Кромѣ того, слѣдуетъ предварительно, уже при чтеніи 1-й части, упражнять дѣтей въ логическомъ мышленіи того или другого рода и потомъ уже, прочитавъ статьи логики, возвратиться къ сознанію логическаго закона.

Различіе: 1) Классная доска стоитъ посреди класса на ножкахъ; грифельныя лежатъ на столахъ передъ учениками. 2) Классная доска въ классѣ бываетъ одна, рѣдко двѣ или три; а грифельныхъ бываетъ много: у каждаго ученика должно быть по одной. 3) Классная доска вся черна, грифельная нѣтъ. 4) Классная доска вся изъ дерева, грифельная изъ камня, только рамка у нея деревянная. 5) На классной доскѣ пишутъ мѣломъ, на грифельной—грифелемъ. 6) Классная доска больше грифельной.

Все, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другого, или въ чемъ одинъ предметъ имѣетъ сходство съ другимъ, называется *признакомъ*. Сравнивая два предмета одинъ съ другимъ, мы находимъ въ нихъ сходныя или различныя признаки *).

ЧТО ТАКОЕ РАЗЛИЧІЕ И СХОДСТВО.

Сынъ. Я часто слышу слова: *сходство* и *различіе*, но не всеѣмъ ихъ понимаю.—*Отецъ*. Вотъ два стула стоятъ рядомъ: какъ ты думаешь, похожи-ли они одинъ на другой?—*Сынъ*. Я думаю, что похожи.—*Отецъ*. Я думаю то же. Они имѣютъ очень много сходныхъ признаковъ: оба назначены для того, чтобы на нихъ сидѣть; оба сдѣланы изъ дерева; оба одинаковой величины и одинаковой формы; словомъ, эти стулья различаются только по мѣсту: одинъ стоитъ направо, а другой налево. Вотъ почему мы можемъ сказать, что эти стулья похожи одинъ на другой.—*Сынъ*. Да, они очень похожи.—*Отецъ*. Но вотъ подлѣ стула я поставлю деревянную скамейку: похожа-ли скамейка на стулъ?—*Сынъ*. Нисколько.—*Отецъ*. Чѣмъ-же они различаются?—*Сынъ*. Стулъ обить кожей, а скамейка—нѣтъ; стулъ выкрашенъ черною краскою, а скамейка бѣлая; у стула есть спинка, у скамейки—нѣтъ.—*Отецъ*. Однако-же у нихъ есть сходныя признаки: поинци!—*Сынъ*. Какое-же между ними сходство? Кажется, никакого.—*Отецъ*. Скамейка сдѣлана изъ дерева, а стулъ?—*Сынъ*. Стулъ

*) По образцу этихъ сравненій слѣдуетъ сдѣлать словесно и письменно нѣсколько другихъ.

тоже изъ дерева.—*Отецъ*. У скамейки четыре ножки...—*Сынъ*. И у стула тоже.—*Отецъ*. Стулъ назначенъ для того, чтобы на немъ сидѣть, а скамейка?—*Сынъ*. И скамейка назначена для того же.—*Отецъ*. Стулъ и скамейка, слѣдовательно, составляютъ двѣ различныя вещи, но сходны уже потому, что и стулъ и скамейка—мебель. Вотъ двѣ монеты: сходны-ли онѣ между собою?—*Сынъ*. Нѣтъ, онѣ очень различны.—*Отецъ*. Однако же у нихъ много сходныхъ признаковъ. Посмотри: онѣ обѣ одинаковой величины, обѣ круглы, обѣ тяжелы, обѣ употребляются на то, чтобы на нихъ покупать различныя вещи; обѣ сдѣланы изъ металла.—*Сынъ*. Однако-же одна монета сдѣлана изъ мѣди, а другая изъ серебра, и цвѣтъ у нихъ совершенно различный.—*Отецъ*. Слѣдовательно, между этими двумя монетами есть сходство по величинѣ и по формѣ; но онѣ совершенно различаются по цвѣту, по металлу, изъ котораго каждая изъ нихъ сдѣлана, по цѣнѣ: одна гораздо дороже другой. Слѣдовательно, между этими двумя монетами есть сходство и есть...—*Сынъ*. Есть различіе.—*Отецъ*. Теперь ты понимаешь, что между двумя и нѣсколькими предметами всегда есть сходство и различіе, и если мы, напримѣръ, говоримъ, что одинъ человѣкъ не похожъ на другого, то это только потому, что принимаемъ въ расчетъ одни тѣ признаки, по которымъ двое людей одинъ отъ другого отличаются, и не думаемъ въ то-же время о тѣхъ, по которымъ они сходны. Не правда-ли, что между всѣми людьми много сходныхъ признаковъ?—*Сынъ*. Конечно.—*Отецъ*. Человѣкъ, который-бы не имѣлъ никакихъ человѣческихъ признаковъ, не былъ-бы...—*Сынъ*. Не былъ-бы человѣкомъ.—*Отецъ*. Но нѣтъ и такихъ двухъ сходныхъ предметовъ, между которыми не было-бы никакого различія. Вотъ два листочка съ одного и того-же дерева: кажется, они совершенно похожи одинъ на другой; но всмотришь хорошенько, и ты найдешь между ними различіе. Нѣтъ въ мірѣ двухъ предметовъ, между которыми не было-бы какого-нибудь различія и сходства *).

*) Слѣдуетъ сдѣлать возможно болѣе упражненій съ различіями самыхъ сходныхъ предметовъ и въ отысканіи сходства между самими различными.

РАЗЛИЧІЕ ПРИЗНАКОВЪ.

Отецъ. Мы знаемъ теперь, что называется признакомъ. Признаками могутъ быть: цвѣтъ предмета, запахъ, вкусъ, величина, тяжесть, форма, матеріаль, изъ котораго предметъ сдѣланъ, и т. д. Но вотъ два одинаковые листа бумаги: между ними, вѣроятно, можно-бы найти различіе, но должно очень долго всматриваться; не знаешь-ли ты, какъ-бы различить ихъ съ перваго взгляда?—*Сынъ*. Очень легко: одинъ листъ лежитъ на скамейкѣ, а другой на столѣ.—*Отецъ*. Хорошо; но здѣсь ты различаешь два предмета не по цвѣту, не по формѣ, не по вѣсу, а по положенію. Я могу переложить одинъ предметъ на мѣсто другого, и тогда положеніе ихъ перемѣнится. Но если одинъ листъ будетъ черный, а другой бѣлый, то гдѣ-бы я ни положилъ ихъ, они все будутъ различаться по цвѣту. Тѣ признаки, которые принадлежатъ самому предмету, называются *качествами* или *свойствами* предмета. Положеніе предмета также можетъ быть признакомъ, но не будетъ свойствомъ. Но кромѣ свойствъ и положенія предмета, можно еще различать предметъ по времени. Такъ, мы говоримъ: вчерашній день, вчерашній обѣдъ, вчерашній урокъ, утреннія занятія, вечерній чай; здѣсь мы различаемъ предметы по времени. Вчерашній обѣдъ можетъ быть совершенно похожъ на сегодняшний, но тѣмъ не менѣе онъ вчерашній, и мы имъ сыты не будемъ. Для такого отличія мы употребляемъ названія мѣсяцевъ, дней недѣли, считаемъ часы, числа, годы. Можно еще отличить одинъ предметъ отъ другого по количеству: въ этой комнатѣ шесть стульевъ, въ той двѣнадцать; два аршина сукна меньше трехъ и т. д. Но вотъ двѣ одинаковыя книги: какъ ты думаешь, чѣмъ всего скорѣе можно ихъ различить?—*Сынъ*. Одна изъ нихъ раскрыта, а другая закрыта.—*Отецъ*. Вотъ двѣ одинаковыя монеты: возьми ихъ въ руки и скажи проворнѣе, чѣмъ онѣ отличаются.—*Сынъ*. Одна изъ нихъ холодна, а другая тепла.—*Отецъ*. Вотъ два стула: найди различіе между ними.—*Сынъ*. Одинъ изъ нихъ лежитъ, другой стоитъ. *Отецъ*. Здѣсь предметы разли-

чаются *по состоянію*, въ которомъ они находятся. Одинъ человекъ стоитъ, другой сидитъ, третій читаетъ, четвертый пишетъ, пятый бѣгаетъ: всѣ эти люди различаются по состоянію, въ которомъ они находятся. Можно еще различать предметы *по дѣйствию*, которое производитъ одинъ предметъ на другой, или которое онъ самъ претерпѣваетъ отъ другого дѣйствующаго предмета: одинъ мальчикъ рѣжетъ палочку, а другой пускаетъ змѣя; одинъ крестьянинъ погоняетъ лошадь, а другой рубитъ дрова; одинъ мальчикъ былъ строго наказанъ отцомъ за шалости, а другой былъ награжденъ за прилежаніе. Часто также предметы различаются *по назначенію*: печка назначена для того, чтобы нагрѣвать комнату, а окошко для того, чтобы освѣщать ее; перочинный ножикъ назначенъ для того, чтобы чинить имъ перо, и т. д. Не перечислишь-ли ты мнѣ теперь, какими признаками можно различать предметы? *)

СУЖДЕНІЕ.

Отецъ. Находить сходство и различіе между предметами и приписывать имъ какіе-либо признаки значить *судить*, *разсуждать*; а способность разсуждать называется *разсудкомъ*. Если я говорю, что у лошади нѣтъ роговъ, а у коровы нѣтъ гривы; что у льва втяжные, острые когти, а у лисицы пушистый хвостъ; то, значитъ, я приписываю предметамъ тѣ или другіе признаки, или разсуждаю. Сужденія, какъ ты видишь, могутъ быть *отрицательныя* и *положительныя*. Положительнымъ называется такое сужденіе, въ которомъ я приписываю предмету какой-нибудь признакъ; отрицательнымъ—такое, въ которомъ я утверждаю, что какого-нибудь признака въ предметѣ нѣтъ. Во всемъ, что мы говоримъ и думаемъ, есть непременно сужденіе. Всякая мысль въ нашей головѣ, всякая фраза, если только въ ней есть какой-нибудь смыслъ, непременно заключаетъ въ себѣ *сужденіе*.—*Сынъ.*

*) Слѣдуетъ упражненіе въ перечисленіи признаковъ многихъ предметовъ и въ опредѣленіи каждаго признака.

Неужели? Но если я скажу что-нибудь на удачу?—*Отецъ.* Скажи, что хочешь.—*Сынъ.* Что-бы мнѣ сказать такое? (*подумавъ*). Сегодня холодно.—*Отецъ.* Здѣсь есть сужденіе: сегодняшнему дню ты приписываешь признакъ—холодъ.—*Сынъ.* Я хочу быть большимъ.—*Отецъ.* Опять сужденіе: ты приписываешь себѣ признакъ—желаніе быть большимъ. Придумай еще что-нибудь.—*Сынъ.* Нѣтъ, я ничего не могу придумать: во всемъ, что приходитъ мнѣ на мысль, есть сужденіе: есть предметъ и есть признакъ, который я ему приписываю. Какъ это странно! я никогда объ этомъ прежде не думалъ *).

Т Ъ Л О.

Сынъ. Я вычиталъ сегодня въ книгѣ, что мѣсяць есть *тѣло*; я этого не понимаю: тѣло есть у человека, какое-же у мѣсяца тѣло?—*Отецъ.* Книга говоритъ правду; тѣломъ называется всякій предметъ, который занимаетъ какое-нибудь мѣсто, такъ что другой предметъ въ то-же время того-же мѣста занимать не можетъ.—*Сынъ.* Этого я что-то не понимаю.—*Отецъ.* Налей полный стаканъ воды и брось туда порядочный камешекъ. Что сдѣлалось съ водою?—*Сынъ.* Воды немного вылилось черезъ край.—*Отецъ.* Вотъ видишь-ли, вода уступила свое мѣсто камню: одного и того-же мѣста въ одно и то-же время камень и вода занимать не могли; слѣдовательно, и камень и вода—тѣла. Ты помнишь также, что въ опытѣ, который мы дѣлали надъ воздухомъ, воздухъ не пускалъ воды въ стаканъ, вотъ почему и невидимый воздухъ мы называемъ тѣломъ. Въ этомъ смыслѣ и луна называется тѣломъ. Она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, точно такъ-же, какъ и наша земля.—*Сынъ.* Понимаю; но такимъ тѣломъ можно назвать всякій предметъ. Всѣ предметы—тѣла, не правда-ли?—*Отецъ.* Многіе, очень многіе; но не всѣ. Видаль-ли ты тѣнь, которую оконныя рамы отбрасываютъ въ солнечный день на полъ? Можетъ-ли

*) Упражненіе въ образованіи положительныхъ и отрицательныхъ сужденій по даннымъ предметамъ и признакамъ, а безъ этого.

эта тѣнь помѣшать тебѣ двинуть рукою, или поставить что-нибудь на томъ мѣстѣ, и уходить-ли она прочь, какъ воздухъ, когда ты двигаешь рукою?—*Сынъ*. Нѣтъ, тѣнь хоть и видна, а притронуться къ ней нельзя: притронешься къ полу, а не къ тѣни.—*Отецъ*. Да; но подумай, отчего произошла тѣнь. Солнечные лучи, проходя сквозь прозрачное стекло, не могутъ пройти сквозь непрозрачную раму; вотъ почему фигура рамы изображалась на полу. Тѣнь есть только отсутствіе свѣта, слѣдовательно, ее нельзя назвать тѣломъ; но мы можемъ думать и говорить о тѣни, она можетъ быть предметомъ нашихъ сужденій; слѣдовательно, и тѣнь—предметъ.

РАЗЛИЧІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.

Отецъ. Всѣ предметы, которые занимаютъ какое-нибудь опредѣленное мѣсто, называются *тѣлами*, или предметами *вещественными*. Но, кромѣ тѣни, есть еще множество предметовъ, которыхъ нельзя назвать вещественными.—Посмотри—я напишу на доскѣ слово *столъ*; что это, вещественный предметъ, или нѣтъ?—*Сынъ*. Столъ есть предметъ вещественный.—*Отецъ*. Правда; но то, что я написалъ на доскѣ, есть не самый предметъ, а только названіе предмета вещественнаго. Но вотъ я напишу 3, 4, 5—какихъ предметовъ это названія, вещественныхъ или невещественныхъ?—*Сынъ*. Это цифры.—*Отецъ*. Да, цифра есть названіе числа. Два стола, это будетъ два вещественныхъ предмета, а просто *два* будетъ названіе такого предмета, о которомъ мы можемъ думать, названіе котораго можемъ написать даже на доскѣ, но котораго не можемъ ни видѣть, ни осязать, который, словомъ, не имѣетъ тѣла.—*Сынъ*. Я понимаю, что чиселъ самихъ по себѣ видѣть нельзя.—*Отецъ*. Не однихъ чиселъ. Ты можешь видѣть и размѣрять длину, ширину и толщину какого-нибудь предмета; но можешь-ли ты видѣть или осязать длину, ширину, толщину саму по себѣ, безъ предмета?—*Сынъ*. Конечно, нѣтъ.—*Отецъ*. Ты слышалъ уже, что такое *земная ось*; но неужели земля вертится на своей оси, какъ колесо

на оси телѣги?—*Сынъ*. О, нѣтъ! ось земная есть линія воображаемая, умственная.—*Отецъ*. Однако-же мы говоримъ о ней; даже вычислили, сколько въ ней верстѣ. Видаль-ли ты черныхъ птицъ, черное сукно, черные волосы, черную краску или тушь?—*Сынъ*. Конечно.—*Отецъ*. А видѣль-ли ты черный цвѣтъ?—*Сынъ*. Да.—*Отецъ*. Гдѣ-же ты это видѣль?—*Сынъ*. Да вотъ черная шляпа стоитъ на окнѣ.—*Отецъ*. Это черная шляпа, но не черный цвѣтъ. Видѣль-ли ты черный цвѣтъ самъ по себѣ, а не на какомъ-нибудь тѣлѣ?—*Сынъ*. Конечно, нѣтъ.—*Отецъ*. Однако-же ты говоришь: я люблю черный цвѣтъ, или я не люблю его; слѣдовательно, черный цвѣтъ есть предметъ, о которомъ можно думать и говорить; но не тѣло. Ты видаль добрыхъ мальчиковъ, но доброты самой по себѣ ты никогда не видаль; точно такъ-же нельзя видѣть ни злости, ни храбрости, никакихъ другихъ душевныхъ качествъ, хотя о нихъ можно думать и говорить. Предметы, о которыхъ можно думать и говорить, но которые не состоятъ изъ вещества и отдѣльно отъ другихъ предметовъ сами по себѣ не существуютъ, называются предметами *мысленными*, или *отвлеченными*. Но какъ ты думаешь: можно-ли видѣть или осязать нашу душу?—*Сынъ*. Нѣтъ, я уже знаю, что она безтѣлесна.—*Отецъ*. Но почему-же ты знаешь, что она существуетъ?—*Сынъ*. Потому, что она во мнѣ слышится, видитъ, чувствуетъ, думаетъ, заставляетъ двигаться мое тѣло; безъ души тѣло было-бы мертво.—*Отецъ*. А какъ ты думаешь, видитъ-ли насъ въ это время Господь?—*Сынъ*. Какъ-же не видѣть всего Тому, Кто далъ намъ зрѣніе!—*Отецъ*. Но почему-же мы Его не видимъ?—*Сынъ*. Потому, что Онъ безтѣлесенъ, потому, что Онъ—духъ.—*Отецъ*. Тѣмъ не менѣе, ты знаешь уже, какъ Онъ насъ любитъ; ты знаешь, что Онъ создалъ міръ, что Онъ всѣмъ управляетъ. Такіе предметы, которые, хотя не имѣютъ тѣла, но тѣмъ не менѣе живутъ, чувствуютъ, думаютъ, дѣйствуютъ—называютъ предметами *духовными*. Таковы: Богъ, ангелы и бессмертная душа человѣка, или духъ.—*Сынъ*. Что-же называется предметомъ вообще?—*Отецъ*. Все, о чемъ мы можемъ

только что-нибудь подумать, или чему можемъ приписать какой-нибудь признакъ *).

РОДЫ И ВИДЫ.

Отецъ. Какое общее названіе дашь ты борзымъ, гончимъ, лягавымъ, мордашкамъ, пуделямъ, водолазамъ?—*Сынъ.* Все это собаки.—*Отецъ.* Хорошо; вотъ это будетъ нѣсколько *породъ* одного и того-же собачьяго *вида*. А какое общее названіе дашь ты собакъ, волку и лисицъ?—*Сынъ.* Это все звѣри *псоваго* семейства.—*Отецъ.* Въ зоологін это называется семействомъ; здѣсь же, для однообразія, и семейства, и отряды, и отдѣлы мы будемъ называть *родами* и *видами*. Такимъ образомъ, ты видишь, что и собаки, и лисицы, и волки будутъ тремя *видами* звѣрей одного и того-же *рода*, псоваго. Но какое общее названіе дашь ты звѣрямъ псоваго рода, звѣрямъ кошачьяго рода и медвѣдямъ?—*Сынъ.* Все это будутъ хищные звѣри.—*Отецъ.* Да, это три *вида* одного и того же *рода*, звѣрей хищныхъ. Но, кромѣ хищныхъ звѣрей, ты знаешь еще грызуновъ, копытныхъ, рукокрылыхъ, ластоногихъ, китообразныхъ и проч. Къ какому *роду* будутъ относиться всѣ эти *виды* животныхъ?—*Сынъ.* Къ *роду* животныхъ млекопитающихъ.—*Отецъ.* А животныя млекопитающія, птицы, земноводныя, пресмыкающіяся и рыбы будутъ пятью *видами* одного и того-же рода...—*Сынъ.* Животныхъ позвоночныхъ.—*Отецъ.* Какихъ животныхъ ты знаешь, кромѣ позвоночныхъ?—*Сынъ.* Такихъ, у которыхъ нѣтъ позвоночнаго хребта.—*Отецъ.* Слѣдовательно, животныя позвоночныя и животныя безпозвочныя будутъ двумя *видами* одного и того-же *рода* животныхъ вообще. Но кромѣ животныхъ, не знаешь-ли ты еще какихъ-нибудь органическихъ тѣлъ?—*Сынъ.* Знаю—растенія.—*Отецъ.* Растенія и животныя, слѣдовательно, будутъ двумя *видами* одного и того-же *рода* тѣлъ органическихъ. Но какія есть еще въ природѣ тѣла,

*) Написать сужденіе: 1) о нѣсколькихъ предметахъ вообще, 2) о предметахъ духовныхъ, 3) отвлеченныхъ, 4) вещественныхъ.

кромѣ органическихъ?—*Сынъ.* Тѣла неорганическія: вода, воздухъ, газы, минералы.—*Отецъ.* Тѣла органическія и неорганическія будутъ, слѣдовательно, двумя *видами* тѣлъ вообще; предметы вещественные, отвлеченные и духовные будутъ тремя *видами* одного и того-же *рода*—предмета вообще *). Теперь ты знаешь, что такое *роды* и *виды*. Эти слова ты будешь часто встрѣчать въ *логикѣ*.—*Сынъ.* А что такое логика?—*Отецъ.* Въ ботаникѣ изучаютъ, какъ живетъ растеніе; въ зоологін изучаютъ, какъ живетъ животное; въ логикѣ-же изучается, какъ думаетъ человѣкъ. Ты уже знаешь кое-что изъ логики: знаешь, на примѣръ, что во всякой нашей мысли есть предметъ и признакъ, который мы приписываемъ предмету.

ПРИЗНАКИ ВИДОВЫЕ И РОДОВЫЕ.

Отецъ. Ты вѣроятно не забылъ, какіе отличительные признаки лошади?—*Сынъ.* У лошади на ногахъ по одному копыту.—*Отецъ.* Но и у осла также по одному копыту.—*Сынъ.* Но у осла уши длинныя и хвостъ коровій.—*Отецъ.* Слѣдовательно, лошадь отличается отъ другихъ *видовъ* лошадинаго *рода* хвостомъ и ушами. Но по какимъ признакамъ причисляешь ты лошадь къ звѣрямъ лошадинаго рода?—*Сынъ.* Всѣ звѣри лошадинаго рода имѣютъ на ногахъ по одному копыту.—*Отецъ.* Хорошо. Но по какому признаку ты относишь всю лошадиную породу къ звѣрямъ или млекопитающимъ?—*Сынъ.* По тому, что жеребенокъ питается молокомъ матери.—*Отецъ.* Слѣдовательно, лошадь на всѣхъ млекопитающихъ похожа тѣмъ, что питается жеребятъ своимъ молокомъ; а отличается отъ другихъ млекопитающихъ тѣмъ, что у нея на ногахъ по одному копыту. Тѣ признаки, по которымъ одинъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того-же рода, какъ особый видъ этого рода, называются *видовыми признаками*; а тѣ признаки, по которымъ предметъ при-

*) Слѣдуетъ начертить на доскѣ таблицу этой статьи и по ней научить дѣтей различать роды и виды; это имѣетъ большое значеніе. Таблица чертится такъ-же, какъ и родословныя таблицы.

числяется къ извѣстному роду предметовъ, называются *признаками родовыми*. Скажи мнѣ: къ какому роду предметовъ относятся всѣ искусственные предметы?—*Сынъ*. Къ роду предметовъ вещественныхъ.—*Отецъ*. Какой-же видовой признакъ искусственного предмета?—*Сынъ*. Тотъ, что всякій искусственный предметъ сдѣланъ человѣкомъ.—*Отецъ*. Но какой-же родовой признакъ всякаго искусственного предмета, по которому ты причисляешь его къ роду предметовъ вещественныхъ?—*Сынъ*. Всякій искусственный предметъ есть тѣло, состоящее изъ какого нибудь вещества, занимаетъ извѣстное мѣсто и имѣетъ вѣсъ *).

СПОРЪ.

(Полятиѣ).

Коля. Саша, а Саша, видалъ-ли ты когда-нибудь птицу?—*Саша*. Вотъ нашелъ диковинку! Конечно, видалъ.—*Коля*. А я тебѣ говорю, что ты никогда птицы не видалъ.—*Саша*. Ты шутишь.—*Коля*. Нѣтъ, я не шути говорю тебѣ, что ты никогда не видалъ птицы.—*Саша*. Вотъ вздоръ какой! Да я вотъ и теперь вижу канарейку, что виситъ въ клѣткѣ на окнѣ.—*Коля*. Это канарейка, а не птица.—*Саша*. Да развѣ канарейка не птица?—*Коля*. Канарейка—птица; но я говорилъ, что ты не видалъ не канарейки, а птицъ вообще: не вороны, не курицы, не голубя, а вообще птицы, которая не была-бы никакою особенною птицею.—*Саша*. Ну, такой птицы, конечно, я не видалъ: всѣ птицы бываютъ или канарейки, или голуби, или вороны; а птицы, которая была-бы себѣ просто птицей и болѣе ничѣмъ, — такой нѣтъ.—*Коля*. Но хочешь я тебѣ докажу, что ты и канарейки нигдѣ не видалъ?—*Саша*. Нѣтъ, ужъ этого ты мнѣ не докажешь.—*Коля*. Нѣтъ, докажу. Какого цвѣта наша канарейка?—*Саша*. Желтенькая; но въ крылышкахъ у нея есть и сѣроватая перья.—*Коля*. А на головѣ?—*Саша*. На головѣ у нея хохолокъ.—*Коля*. У всѣхъ-ли канареекъ есть на головѣ хохолокъ, а въ крыльяхъ сѣренькія

*) Упражненія письменныя и словесныя: для возможно бѣльшаго числа предметовъ отыскать признаки видовые и родовые.

перья?—*Саша*. Нѣтъ, у нашего сосѣда канарейка вся желтая и безъ хохолка.—*Коля*. Слѣдовательно, канарейки бываютъ разными, и ты не видалъ всѣхъ канареекъ, какія есть на свѣтѣ. Не правда-ли?—*Саша*. Конечно, нѣтъ.—*Коля*. Слѣдовательно, ты видалъ ту или другую канарейку: нашу канарейку, канарейку нашего сосѣда; а канарейки вообще не видалъ...—*Саша*. Ты, кажется, смѣешься надо мною.—*Отецъ*. Нѣтъ, Саша; Коля говоритъ тебѣ правду. Мы можемъ видѣть только отдѣльные предметы; а говоря, напр., птица, звѣрь, лошадь, мы говоримъ часто о цѣломъ собраніи предметовъ, имѣющихъ общіе признаки. Но ты самъ, если только подумаешь, легко различишь, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ или видѣ предметовъ, и когда о какомъ-нибудь опредѣленномъ *единичномъ* предметѣ. Слушай: у лошади на ногахъ по одному копыту, сзади хвостъ, она ѣсть траву, а потому называется животнымъ травояднымъ;—какъ ты думаешь, говорю-ли я здѣсь объ одной какой-нибудь лошади, или о лошади вообще?—*Саша*. О лошади вообще: у всякой лошади есть грива, хвостъ и цѣльныя копыта, и всѣ лошади ѣдятъ траву.—*Отецъ*. А если я скажу: сегодня я купилъ лошадь.—*Саша*. Здѣсь, конечно, дѣло идетъ объ одной лошади, которую вы купили.—*Отецъ*. Вотъ видишь-ли—*Коля* правъ. Но слушай-же, что теперь я скажу тебѣ: въ мірѣ существуютъ только отдѣльные, единичные предметы, *особи*, какъ еще называютъ ихъ, но вообще лошади, дерева, цвѣтка—нѣтъ, точно такъ же, какъ нѣтъ вообще человѣка, города, села или рѣки. Подъ каждымъ изъ этихъ словъ разумѣется множество единичныхъ предметовъ, которые мы соединяемъ въ одно *понятіе*, потому что находимъ между ними общіе признаки, и даемъ этому *понятію* какое-нибудь названіе: городъ, село, деревня, птица, канарейка, лошадь, человѣкъ—каждое изъ этихъ словъ есть названіе понятія, а не отдѣльнаго предмета. Если же я хочу отличить какой-нибудь единичный предметъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того-же вида или того-же понятія, то я даю этому предмету собственное имя: говорю—Волга, а не рѣка вообще; Тула, Черниговъ, а не городъ вообще; Иванъ, Петръ, а не человѣкъ

вообще. Если же дѣло идетъ о такихъ предметахъ, которымъ собственныхъ именъ не даютъ, то я отличаю одинъ предметъ отъ другого, говоря: *вотъ этотъ* стулъ, *вотъ эта* лошадь, или указываю *мѣсто* и *время*, гдѣ и когда я предметъ видѣлъ; потому что одного и того-же мѣста, въ одно и то же время, два вещественныхъ предмета занимать не могутъ. Имя, которое мы даемъ какому-нибудь единичному предмету, чтобы отличить его отъ всѣхъ предметовъ того-же рода, называется *собственнымъ* именемъ; а то имя, которое мы даемъ цѣлому роду предметовъ, сходныхъ между собою по признакамъ, называется *нарицательнымъ* именемъ. Въ каждомъ собственномъ имени заключается *понятіе* объ единичномъ какомъ-либо предметѣ со всѣми его отличительными признаками; въ каждомъ нарицательномъ имени заключается *понятіе* о цѣломъ родѣ предметовъ или, лучше сказать, о множествѣ признаковъ, которыми эти предметы отличаются отъ другихъ предметовъ. Понятія не существуютъ между вещественными предметами, но суть созданіе нашего ума, и всякое имя, собственное или нарицательное, заключаетъ въ себѣ понятіе, т. е. собраніе родовыхъ или видовыхъ признаковъ, которые мы можемъ перечислить, если это понятіе намъ извѣстно *).

О П Р Е Д ъ Л Е Н І Е.

Всѣ мы очень хорошо знаемъ воду; но попробуйте сказать, что такое вода, и вы увидите, что это не такъ легко, какъ кажется; для этого надобно перечислить всѣ тѣ признаки, которыми вода отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Попробуйте-же перечислить эти признаки.

Прежде всего мы видимъ, что вода есть *предметъ*, какъ и все, о чемъ мы можемъ говорить или думать; потомъ мы видимъ, что, кромѣ того, вода есть *тѣло* (почему?), которое занимаетъ

*) Упражненіе состоитъ въ перечисленіи признаковъ, составляющихъ понятія—дерево, столъ, кошка и т. п. Сначала признаки родовые, потомъ видовые.

мѣсто и имѣеть вѣсъ. Если станемъ отличать воду отъ другихъ вещественныхъ предметовъ, то мы увидимъ, что вода есть тѣло *неорганическое* (почему?). Но мало-ли другихъ неорганическихъ тѣлъ, кромѣ воды? Сравнивая воду съ другими неорганическими тѣлами, мы видимъ, что она есть тѣло *жидкое*, или *жидкость* (чѣмъ это можно доказать?). Соединимъ-же всѣ признаки воды, которые мы до сихъ поръ нашли: *вода есть тѣло неорганическое и жидкое*. Въмѣсто этихъ трехъ признаковъ, мы можемъ назвать только одинъ: сказать просто, что *она есть жидкость*. Само собою разумѣется, что всякая жидкость есть тѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть организмъ. Такихъ организмовъ, которые были-бы совершенными жидкостями,—нѣтъ.

Но, назвавъ воду жидкостью, мы еще ее не отличили отъ другихъ жидкостей, а только отъ всѣхъ твердыхъ тѣлъ, съ одной стороны, и отъ тѣлъ воздухообразныхъ, или газовъ,—съ другой. Чтобы отличить воду отъ другихъ жидкостей, должно сравнивать ее съ другими жидкостями. Сравнивая, напримѣръ, воду со ртутью, мы найдемъ, что ртуть непрозрачна, а вода прозрачна. Прибавимъ-же этотъ новый признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли: *вода есть прозрачная жидкость*.

Но вода не единственная прозрачная жидкость; сквозь постное масло и вино, налитыя въ стаканъ, также отчасти видны предметы. Сравнивая воду съ постнымъ масломъ или съ виномъ, мы найдемъ, что масло и вино имѣютъ имъ свойственный цвѣтъ; у чистой-же воды, взятой въ небольшомъ количествѣ, какое, напримѣръ, помѣщается въ графинъ, своего собственного цвѣта нѣтъ. Прибавимъ-же этотъ признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли, и скажемъ, что *вода есть жидкость прозрачная и безцвѣтная*.

Но спиртъ также есть жидкость безцвѣтная и прозрачная. Чтобы различить эти двѣ жидкости, стоитъ только ихъ понюхать и попробовать: у спирта есть свой особенный, ему свойственный запахъ и особенный вкусъ; у воды нѣтъ ни запаха, ни вкуса. Такимъ сравненіемъ мы нашли для воды еще два признака и можемъ прибавить ихъ къ прежнимъ: *вода есть жидкость про-*

зрачная, безвѣтная, не имѣющая ни вкуса, ни запаха. Если-бы мы нашли другую такую же жидкость, то должны были бы искать новыхъ признаковъ, отличающихъ воду. Но такъ какъ другой такой жидкости мы не знаемъ, то намъ и не нужно отыскивать другихъ признаковъ для воды. Мы отличили ее отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Такое отличіе предмета по его признакамъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ и называется *опредѣленіемъ*. Мы *опредѣлили*, что такое вода.

Каждое понятіе, какъ и понятіе воды, заключаетъ въ себѣ множество признаковъ. Перечислить всѣ тѣ отличительные признаки, которые заключаются въ понятіи предмета, значить опредѣлить предметъ. Чтобы опредѣлить предметъ, должно сравнивать его съ другими предметами того-же рода и отыскивать его отличительные признаки. Тотъ имѣетъ ясное понятіе о предметѣ, кто умѣетъ указать родъ, къ которому предметъ относится, и перечислить отличительные признаки, которыми этотъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того-же рода. Попробуйте опредѣлить нѣсколько знакомыхъ вамъ предметовъ: опредѣлите, что такое бѣлка, что такое кремь, что такое яблоко, что такое неорганическій предметъ, что такое тѣло. Если же мы хотимъ опредѣлить какой-нибудь единичный предметъ, то должны отличить его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того *вида*, къ которому этотъ предметъ принадлежитъ *).

ЯВЛЕНІЕ, ПРИЧИНА И СЛѢДСТВІЕ.

Сынъ. Въ книжкѣ, которую мнѣ дала сестра, я встрѣтилъ на первой-же страницѣ слово *явленіе*, и не понимаю, что оно значитъ.—*Отецъ*. Ты помнишь, какъ я объяснялъ тебѣ слово *признакъ*?—*Сынъ*. Помню.—*Отецъ*. Не можешь-ли ты перечислить признаковъ этой шторы?—*Сынъ*. Она зеленого цвѣта...—*Отецъ*. Довольно: возьмемъ этотъ одинъ признакъ. Штора, говоришь ты,

зеленого цвѣта; но какъ ты думаешь, всегда-ли она останется зеленою?—*Сынъ*. О нѣтъ!—она, вѣроятно, полиняетъ, какъ полиняла старая.—*Отецъ*. Слѣдовательно, ты видишь, что этотъ признакъ шторы не постоянный признакъ, что онъ измѣняется. Но скажи мнѣ: какой главный признакъ воды? Мы объ этомъ уже говорили.—*Сынъ*. Вода жидка: ее можно переливать и разливать; но нельзя ни сыпать въ кучу, какъ песокъ, ни разбивать на куски, какъ сахаръ или камень.—*Отецъ*. Хорошо; но какъ ты думаешь, если я вынесу воду на морозъ, останется-ли она жидкою?—*Сынъ*. Нѣтъ, она замерзнетъ, превратится въ ледъ; а ледъ можно разбивать на куски.—*Отецъ*. Видишь-ли: жидкое состояніе воды не есть постоянный признакъ. Ты, конечно, замѣтилъ, какъ въ теченіе лѣта измѣняется цвѣтъ листьевъ и плодовъ; величина дерева въ теченіе времени также измѣняется. А ты останешься-ли всегда однимъ и тѣмъ-же?—*Сынъ*. Нѣтъ, я вырасту.—*Отецъ*. А потомъ станешь старѣться... У старика волосы сѣдѣютъ, на лицѣ появляются морщины. Животныя также растутъ и старѣются, какъ и люди. Значитъ, признаки всего на свѣтѣ безпрестанно мѣняются. Даже камень, и тотъ измѣняется.—*Сынъ*. Этого я не замѣтилъ.—*Отецъ*. И трудно тебѣ было замѣтить, потому что ты живешь еще очень мало, а камни измѣняются очень медленно; но наблюдательные люди замѣтили, что и камни трескаются и рассыпаются въ песокъ. Да, все измѣняется: только одинъ Богъ вѣченъ и неизмѣненъ. Нѣтъ такого признака ни у одного предмета, который-бы не могъ перемѣниться.—*Сынъ*. Но что-же такое явленіе?—*Отецъ*. Вотъ эта-то *переменная признаковъ предмета и называется явленіемъ*. Дерево растетъ, становится толще, больше; человѣкъ старѣется; вода на морозѣ превращается въ ледъ, а на огнѣ въ паръ; камень, выпущенный изъ руки, перемѣняетъ свое мѣсто, падаетъ на землю; воздухъ переносится съ мѣста на мѣсто, отчего происходитъ вѣтеръ; свѣча горитъ и мало по малу сгораетъ; вода въ рѣкѣ течетъ, т. е. перемѣняетъ свое мѣсто: все это явленія. Явленіе, слѣдовательно, есть переменна признаковъ предмета.—*Сынъ*. Те-

*) Словесныхъ и письменныхъ упражненій въ опредѣленіи предметовъ чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше, по данному образцу.

перь я знаю, что такое явленіе; но отчего происходит эта переменна признаковъ?—*Отецъ*. Эта переменна не дѣлается сама собою, но всегда отъ того, что одинъ предметъ оказываетъ дѣйствіе на другой. Еслибы огонь не дѣйствовалъ на желѣзо, то оно не сдѣлалось-бы мягкимъ; еслибы холодъ не дѣйствовалъ на воду, то она не превратилась-бы въ ледъ; еслибы земля не притягивала къ себѣ тѣлъ, то они никогда-бы не падали; еслибы воздухъ и влага, которая въ немъ находится, не дѣйствовали на камень, то онъ никогда не превратился-бы въ песокъ; еслибы тотъ-же воздухъ не прикасался къ желѣзу, то желѣзо никогда-бы не ржавѣло; словомъ, еслибы одинъ предметъ не дѣйствовалъ на другой, то не было-бы никакихъ явленій. То, что дѣйствуетъ на предметъ и заставляетъ его измѣнять свои признаки, называется *причиною* явленія. Всякое явленіе непременно имѣетъ причину, и безъ причины не бываетъ никакихъ явленій. Какъ ты думаешь, какая причина того явленія, что зимою вода замерзаетъ?—*Сынъ*. Холодъ.—*Отецъ*. А какая причина того явленія, что крылья мельницы вертятся?—*Сынъ*. Вѣтеръ.—*Отецъ*. А какая причина вѣтра?—*Сынъ*. Та, что воздухъ нагрѣвается солнечными лучами неодинаково въ разныхъ мѣстахъ.—*Отецъ*. Теперь ты знаешь, что такое причина. То, что происходитъ отъ той или другой причины, называется *слѣдствіемъ*. Какая причина можетъ превратить кусокъ воску въ жидкость?—*Сынъ*. Жаръ.—*Отецъ*. Какое будетъ слѣдствіе, если кусокъ воску положить на горячую плиту?—*Сынъ*. Онъ растопится и потечетъ, какъ вода.—*Отецъ*. Теперь ты знаешь, что такое явленіе, что такое причина и что такое слѣдствіе. Чѣмъ больше ты будешь учиться, тѣмъ больше будешь узнавать явленій, понимать ихъ причины и знать, отъ какихъ причинъ какихъ должно ожидать послѣдствій. Какъ ты думаешь, если поднести тряпку очень близко къ огню, то какого должно ожидать слѣдствія?—*Сынъ*. Тряпка загорится.—*Отецъ*. Но если сначала помочить тряпку водою,—такъ-же-ли скоро она загорится?—*Сынъ*. Нѣтъ, сначала ей нужно будетъ высохнуть.—*Отецъ*. Но если ты обмакнешь тряпку не въ воду, а

въ спиртъ или масло,—помѣшаетъ-ли это ей загорѣться?—*Сынъ*. Нѣтъ, она загорится еще скорѣе.—*Отецъ*. Почему-же это?—*Сынъ*. Потому, что спиртъ и масло горятъ, а вода—нѣтъ.—*Отецъ*. Но почему же спиртъ и масло горятъ, а вода—нѣтъ?—*Сынъ*. Этого я не знаю.—*Отецъ*. Слѣдовательно, ты не знаешь причины, почему спиртъ загорается. И много еще есть явленій, причинъ которыхъ ты не знаешь. Учись прилежнѣй—узнаешь многое; но узнаешь также, что въ мірѣ есть множество явленій, причинъ которыхъ никто не знаетъ. Скажи же мнѣ теперь нѣсколько причинъ, отъ которыхъ непременно произойдетъ то или другое слѣдствіе *).

ЦѢЛЬ И НАЗНАЧЕНІЕ.

Одни явленія происходятъ безъ участія человѣка и называются *естественными* или *природными*; другія—человѣкъ производитъ по своей волѣ. Вѣтеръ дуетъ въ окно и перевертываетъ листы книги; онъ не можетъ не перевертывать ихъ, если дуетъ. Человѣкъ также перевертываетъ листы книги, но можетъ и не перевертывать ихъ, если захочетъ. Здоровое сѣмя, попавшее въ плодородную и влажную землю, согрѣтое солнцемъ, *непремѣнно* проростетъ; человѣкъ также производитъ множество измѣненій въ предметахъ; но можетъ и не производить ихъ, если ему не захочется.

Если человѣкъ производитъ какое-либо явленіе, то большею частію съ какою-либо *цѣлью*: рубить лѣсъ, чтобы выстроить себѣ домъ; пахать землю, чтобы посѣять хлѣбъ. Предметы бездушные не могутъ имѣть сами никакой цѣли, потому что не сознаютъ того, что съ ними дѣлается. Но тѣмъ не менѣе ничто въ мірѣ не дѣлается безъ цѣли, и если весною идетъ дождь и осенью дуетъ вѣтеръ, то мы знаемъ, для чего это дѣлается. Вѣтеръ и дождь не могутъ имѣть цѣли, но цѣль для нихъ указана

* Упражненія въ отысканіи явленій, ихъ причинъ и слѣдствій,—эти упражненія очень важны.

Создателемъ; такая цѣль называется *назначеніемъ*. Все въ мірѣ имѣетъ свое назначеніе, хотя мы и не знаемъ назначенія многихъ явленій. Присмотритесь къ какому хотите растенію и подивитесь, какъ оно вѣрно выполняетъ свое назначеніе; какъ все въ немъ направлено къ тому, чтобы оно могло расти, приносить плоды и сѣмена, давать жизнь новымъ растеніямъ. Растенія не могутъ имѣть цѣли, потому что ничего не понимаютъ; но какъ они вѣрно выполняютъ свое назначеніе, какъ дѣятельно, какъ успѣшно покрываютъ землю зеленой одеждой и готовятъ пищу безчисленнымъ живымъ существамъ!

Животныя могутъ чувствовать, могутъ желать; а потому могутъ имѣть цѣль. Но цѣли животныхъ весьма однообразны; всякое изъ нихъ заботится только о томъ, чтобы поддержать свою жизнь и жизнь своихъ дѣтенышей: заботится о пищѣ, питьѣ и жилищѣ. Однако-же мы знаемъ, что многія животныя, достигая своей собственной *цѣли*, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняютъ какое-нибудь *назначеніе*. Паукъ, разстилая свою искусную паутину, думаетъ только о томъ, какъ-бы утолить свой голодъ; но, утоливъ голодъ, онъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ. Кротъ, роаясь подъ землю, ищетъ пищи, какъ и паукъ, и нисколько не заботится о корняхъ растеній; а между тѣмъ его острые зубы охраняютъ эти корни отъ червей. Такимъ образомъ мы видимъ, что животныя въ своей дѣятельности имѣютъ *цѣль*, которую сознаютъ, и имѣютъ *назначеніе*, о которомъ ничего не знаютъ.

Человѣкъ также, достигая своихъ собственныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ тѣмъ часто выполняетъ то, что назначено ему сдѣлать, съ тою только разницею, что животное, преслѣдуя свои цѣли, не понимаетъ своего назначенія и выполняетъ его *неволью*, а человѣкъ понимаетъ свое назначеніе и выполняетъ его *свободно*. Такъ крестьянинъ обрабатываетъ землю съ тою цѣлю, чтобы прокормить и одѣть себя и свою семью; но въ то же время понимаетъ, что трудами его и ему подобныхъ кормятся всѣ, и что трудъ его не только полезенъ ему самому, но и его ближнимъ.

Всякій честный человѣкъ старается выбрать для себя такую

дѣятельность, которая была-бы полезна не только ему самому, но и всѣмъ людямъ. Земледѣлецъ, ремесленникъ, купецъ, воинъ, чиновникъ, писатель, учитель, священникъ кормятъ себя и свою семью своими трудами; но эти труды приносятъ пользу всѣмъ людямъ.

Бываютъ, впрочемъ, и такіе *добрые* люди, которые изъ любви къ своимъ *ближнимъ* жертвуютъ своей собственной пользой; бываютъ, наоборотъ, и такіе злые, которые для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей жертвуютъ благомъ другихъ: кормятся и богачѣются,—не только не принося никому пользы, но даже нанося вредъ. Эти несчастные люди живутъ безчестно. Есть и такіе *бѣдныяки*, которые и рады-бы потрудиться для себя и на общую пользу, да не могутъ: таковы безсильныя дѣти, оставшіяся бѣдными сиротами, бѣдные старики и старухи, которые не могутъ уже работать, калѣки, слабоумные и юродивые. Эти бѣдные люди имѣютъ право кормиться трудами здоровыхъ, богатыхъ и сильныхъ: Богъ даетъ намъ здоровье, силу, умъ и богатство не для насъ однихъ *).

ЗАКОНЪ.

Отецъ. Какой урокъ ты долженъ приготовить на завтрашній день?—*Сынъ*. Урокъ изъ Закона Божія.—*Отецъ*. А знаешь-ли ты, что такое Законъ Божій?—*Сынъ*. О, да! Законъ Божій все равно что воля Божія, по которой мы должны поступать.—*Отецъ*. Но откуда-же мы знаемъ, что угодно Господу Богу?—*Сынъ*. Изъ Священнаго Писанія.—*Отецъ*. Ты правъ! Поступая такъ, какъ повелѣно въ Священномъ Писаніи, мы исполняемъ волю Божию. Но какъ ты думаешь: по чьей волѣ растеть дерево, приносить плоды и сѣмена; не по своей-ли собственной?—*Сынъ*. Конечно, нѣтъ; у дерева нѣтъ воли; точно такъ-же, какъ нѣтъ ея у камня, воды и желѣза.—*Отецъ*. Правда твоя. Однакоже ты видишь, что камень, брошенный кверху, снова падаетъ на землю, и чѣмъ

*) Упраж. словесн. и письм.; найти нѣсколько дѣйствій съ *цѣлю*, показать *назначеніе* многихъ явленій и дѣйствій.

болѣе приближается къ землѣ, тѣмъ быстрѣе летитъ; ты знаешь также, что вода сжимается отъ холода, но когда начинаетъ замерзать, то вдругъ расширяется; что намагниченная стрѣлка однимъ концомъ непременно указываетъ сѣверъ, а другимъ югъ; что дерево беретъ изъ земли, воды и воздуха именно тѣ элементы, которые ему нужны, и что на орѣшинѣ не вырастетъ вишня, а на вишнѣ орѣхъ. Откуда-же всѣ эти существа знаютъ, что и какъ они должны дѣлать?—*Сынъ*. Это бездушныя существа; они ничего не знаютъ и знать не могутъ. Они уже такъ созданы.—*Отецъ*. Да, ты говоришь правду: всѣ эти существа уже такъ созданы, что не могутъ дѣлать ничего другого, кромѣ того, что должны дѣлать. Богъ далъ всѣмъ этимъ существамъ такія свойства, что каждое изъ нихъ производитъ только тѣ явленія, для которыхъ оно назначено: камень не можетъ сегодня падать на землю, а завтра не падать; желѣзо не можетъ сегодня тонуть въ водѣ, а завтра плавать по ней. Люди замѣчаютъ, какъ совершается каждое явленіе, и когда замѣтятъ, то говорятъ, что имъ извѣстенъ законъ явленія, по которому всѣ подобныя явленія совершаются непременно. Такъ, напримѣръ, люди замѣтили, что кусокъ дерева плаваетъ на водѣ, а кусокъ камня или желѣза тонетъ; стали сравнивать тѣ тѣла, которыя тонутъ, съ тѣми, которыя плаваютъ; взвѣсили ихъ, взвѣсили и воду, и узнали, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго больше удѣльнаго вѣса воды, тонетъ въ ней, и, наоборотъ, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго меньше удѣльнаго вѣса воды, плаваетъ на ея поверхности. Узнавъ этотъ законъ, люди стали повѣрять его *опытами*, и убѣдились, что онъ совершенно вѣренъ, и что нѣтъ такого тѣла, которое, будучи тяжелѣе воды, плавало-бы на ея поверхности. Вотъ что называется *закономъ явленія*. Законы, по которымъ совершаются всѣ остальные явленія въ природѣ, называются *естественными законами*; а науки, открывающія эти законы—*естественными науками* *).

* Преподователь можетъ самъ вывести по этому образцу нѣсколько законовъ, напр., законъ паденія тѣлъ.

ЗАКОНЪ ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ.

Отецъ. Ты знаешь уже, что естественнымъ закономъ называется такое правило, выраженное Творцомъ въ свойствахъ различныхъ тѣлъ, по которому совершается въ природѣ какое-нибудь естественное явленіе. Законъ этотъ, выраженный въ самыхъ свойствахъ того или другого тѣла, не можетъ быть имъ нарушенъ. Но какъ ты думаешь: всегда-ли люди выполняютъ тотъ законъ, который начерталъ для нихъ Господь въ Священномъ Писаніи?—*Сынъ*. О, нѣтъ, люди часто грѣшатъ и не выполняютъ закона Божьяго.—*Отецъ*. Слѣдовательно, бездушныя вещи поступаютъ лучше людей?—*Сынъ*. Да, это правда.—*Отецъ*. Но бездушныя вещи поступаютъ такъ потому, что не могутъ поступать иначе.—*Сынъ*. Хорошо было-бы, если-бы и люди не могли рѣшать и не могли поступать иначе, какъ по закону Божію.—*Отецъ*. Едва-ли это такъ. Послушай, я расскажу тебѣ сказку. У одного богатаго хозяина было двое дѣтей: одинъ изъ нихъ былъ очень уменъ, любилъ отца и не только всегда охотно исполнялъ его желанія, но даже угадывалъ и предупреждалъ ихъ; другой, напротивъ, былъ очень тупъ и безчувственъ: никого не любилъ и ничего не понималъ, а главное, былъ такъ лѣнивъ, что самъ собою ничего не дѣлалъ, и ко всему его нужно было принуждать. Однажды хозяину понадобилось послать своихъ дѣтей на торгъ, съ тѣмъ, чтобы они продали товаръ и на вырученныя деньги закупили различныхъ необходимыхъ вещей для дома. Одному изъ сыновей отецъ далъ только товаръ и, не говоря больше ничего, отправилъ его въ дорогу, зная, что этотъ сынъ такъ его любитъ и такъ уменъ, что самъ будетъ знать, что ему дѣлать. Но на другого своего сына хозяинъ понадеялся не могъ, и зная, что онъ ничего не сдѣлаетъ по собственному желанію и безъ принужденія, отдалъ его подъ надзоръ двухъ слугъ. Продавъ товары и закупивъ все, что нужно, оба брата воротились домой и оба одинаково хорошо исполнили порученія. Но отецъ одного изъ своихъ сыновей обнялъ и поцѣловалъ, назвалъ своимъ милымъ сыномъ и

посадила обѣдать съ собою, а другому не сказалъ даже спасибо и отправилъ его обѣдать вмѣстѣ со слугами. Какъ ты думаешь, съ которымъ изъ сыновей такъ поступилъ отецъ?—*Сынъ*. Конечно съ тѣмъ, который исполнилъ данныя *ему* порученія подъ надзоромъ слугъ.—*Отецъ*. Но онъ однакоже исполнилъ свое порученіе не хуже брата?—*Сынъ*. Да, но не по своей волѣ; онъ не могъ бы исполнить его дурно, еслибы и хотѣлъ.—*Отецъ*. Ты правъ; теперь ты понимаешь, почему Богъ далъ человѣку свободную волю и, давъ ему законъ, далъ ему возможность исполнять и не исполнять его. Законы *естественные*, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія, не могутъ не исполняться; законъ-же *нравственный*, который данъ человѣку Богомъ и выраженъ въ Священномъ Писаніи и въ совѣти каждаго человѣка, исполняется человѣкомъ *свободно*, изъ любви къ Богу и ближнему и изъ пониманія премудрости божественныхъ законовъ. Вотъ почему Господь одарилъ любимое свое созданіе, человѣка, разумомъ и свободою.

ХРЕСТОМАТІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

СТИХИ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы	Что-то слышится родное
Пробирается луна,	Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
На печальныя поляны	То разгулье удалое,
Льетъ печальный свѣтъ она.	То сердечная тоска...
По дорогѣ зимней, скучной,	Ни огня, ни черной хаты...
Тройка борзая бѣжитъ,	Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ
Колокольчикъ однозвучный	Только версты полосаты
Утомительно гремитъ.	Попадаются однѣ.

А. Пушкинъ.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
 Другая
 Пустая.
 Вотъ первая себѣ безъ шуму и шабломъ
 Плетется;
 Другая вскачь несется;
 Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
 И пыль столбомъ;
 Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жметъся,
 Ее заслышавши издалека.
 Но какъ та бочка ни громка,
 А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

ПРОХОЖІЕ И СОБАКИ.

Шли два пріятели вечернею порой
И дѣльный разговор вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалось съ полсотни.
Одинъ было уже проходной камень взялъ.
— «И, полно, братецъ», тутъ другой ему сказалъ:
«Собака ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздражишь стаю.
Пойдемъ впередъ. Я ихъ натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слышать.

Завистники, на что ни взглянуть,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подь вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
И, гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику!
«Степанушка, родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,

Отнесъ полчерепу медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзною вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ: «за что?»—За что! болванъ!
Чему обрадовался съ дуру?
Знай колеть: всю испортилъ шкуру!»

И. Крыловъ.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подь сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подь кущей зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынь росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноємъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!»

И только замолкли,—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,

Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюды за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукъ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копы на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шума, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поить ихъ студеныи ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій.
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ.
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Видѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ просить,—
Его лишь песокъ раскаленный заносить,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

М. Лермонтовъ

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клетей домовыи
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинуть лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,
Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,

По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери тебѣ
Растворили вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь, подъ окномъ,
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ—
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его.

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень во дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Велѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошить,
Подъ санями хруститъ.
Вѣсь сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ—
 Да подумаю:
 Какъ на свѣтѣ жить
 Одинокому?
 Нѣтъ у молодца
 Друга вѣрнаго,
 Золотой казны,
 Угла теплаго,
 Бороны-сохи,
 Коня-пахаря...
 Вмѣстѣ съ бѣдностью

Даль мнѣ батюшка
 Лишь одинъ талантъ—
 Силу крѣпкую;
 Да и ту какъ разъ
 Нужда горькая
 По чужимъ людямъ
 Всю истратила.
 Сяду я за столъ—
 Да подумаю:
 Какъ на свѣтѣ жить
 Одинокому?

А. Колыцовъ.

СУДЬ ВОЖИЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто, и осень дождливы;
 Были потоплены пажити, нивы;
 Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропагъ;
 Сдѣлался голодь, народъ умиралъ;
 Но у епископа, милостью неба,
 Полны амбары душистаго хлѣба;
 Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
 Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.
 Рвутся толпой и голодный, и нищій
 Въ двери епископа, требуя пищи;
 Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ;
 Общей бѣдою не тронулся онъ.
 Слушать и вопли ему надоѣло;
 Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
 Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
 Слышно, скликаеть епископъ Гаттонъ.
 «Дожили мы до нежданнаго чуда:
 Вынулъ епископъ добро изъ подъ-спуда;
 Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ».
 Такъ говоритъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
 Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
 Старый огромный сарай отворенъ:
 Въ немъ угостить ихъ епископъ Гаттонъ.
 Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарай
 Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
 Какъ же ихъ принять епископъ Гаттонъ?
 Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепель пожарный,
 Думаетъ: «будутъ мнѣ всѣ благодарны;
 Разомъ избавилъ я шуткой моей
 Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей».
 Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
 Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
 Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
 Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
 Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
 Мыши его живописный портретъ,
 Такъ что холстины и признака нѣтъ.
 Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ...
 Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
 «Наша округа мышами полна,
 Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна».

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
 «Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
 Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
 Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ».
 Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный;
 Въ страхѣ епископъ дорогою темной
 Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
 Въ Рейнской башнѣ спасусь»—говоритъ.

Вашня изъ Рейнскихъ водъ подымалась;
 Издали острымъ утесомъ казалась,
 Грозно изъ пѣны торчащимъ, она:
 Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казались слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.
Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стеною глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотреть онъ... кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давить и мучить;
Мечется кошка, не весело ей:
Чуетъ она приближенъе мышей.

Паль на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣны ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбежныя звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?
Зубы объ камни онъ наострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили;
Весь по суставамъ раздернуть былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

В. Жуковский.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.

Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псаря кричатъ: «Ахти, ребята, воры!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Вбѣгутъ иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.

—«Огня!» кричатъ: «огня!»—Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголь задомъ,
Зубами щелкая и ошестиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ наконецъ
Ему расчестъся за овецъ,—
Пустился мой хитрецъ

Въ переговоры,
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный свать и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, оставимъ общій ладъ;
А я не только впредъ не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»—«Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

И. Крыловъ.

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью въ колыбель младенца —Въ день-деньской устало солнце,
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ. И сказалъ ему Господь:
—Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ? «Лягъ, засни—и за тобою
Робко онъ меня спросилъ. Все задремлетъ, все заснетъ».

И взмолилось солнце брату: «Что, голубчикъ, братецъ мой?
«Другъ мой, Мѣсяцъ золотой! Какъ тебя Господь-Богъ носить?
Ты зажги фонарь—и ночью Что ты блѣденъ? что съ тобой?»
Обойди ты край земной. И начнеть разсказъ свой мѣсяцъ,

Кто тамъ молится, кто плачетъ, Кто и какъ себя ведетъ.
Кто мѣшаетъ людямъ спать: Если ночь была спокойная,
Все развѣдай—и поутру Солнце весело взойдетъ.
Приходи и дай мнѣ знать». Если нѣтъ—взойдетъ въ туманѣ;

Солнце спать, а Мѣсяцъ ходить, Вѣтеръ дунеть, дождь пойдетъ:
Сторожить земли покой, Въ садъ гулять не выйдетъ няня
Завтра-жъ рано-рано къ Солнцу И дитя не поведетъ.
Постучится братъ меньшей. И задумался младенецъ,

«Стукъ-стукъ-стукъ!»—отво- Долго на небо глядѣлъ,
рять двери. Долго онъ молчалъ и няню
«Солнце, встань! Грачи летять, Онъ позвать къ себѣ велѣлъ,
Пѣтухи давно пропѣли, И велѣлъ старушкѣ нянѣ
И къ заутренѣ звонять!» Богородицу читать,

Солнце встанетъ, солнце спро- И за ней, сложа ручки,
ситъ: Сталь молитву повторять.

Я. Полонскій.

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего-же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
У меня-ль плечо—
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молоко зажгла

Зорю красную;
Кудри черныя
Лежать скобкою;
Что работаю—
Все мнѣ спорится!
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣтъ,
Заупрямился!

За кого-же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...

Я-ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ей
Богачемъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь...
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!..

Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости-прощай,
Село родное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я...

Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальнѣе
Пойдетъ молодецъ:
Что внизъ по Дону,
По набережью.
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,

Широко лежить,
Ковылемъ-травой
Разстиляется!..

Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косою вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося!..

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошоная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!..
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ,—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь въ село—

Прямо къ старостѣ:
 Не разжалобилъ
 Его бѣдностью,

Такъ разжалоблю
 Золотой казной!..

А. Кольцовъ.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ,
 И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
 И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
 Внимали той пѣснѣ святой.
 Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
 Подъ кущами райскихъ садовъ,
 О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
 Его непритворна была.
 Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
 Для міра печали и слезъ,
 И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
 Остался безъ словъ, но живой.
 И долго на свѣтѣ томилась она,
 Желаніемъ чуднымъ полна,
 И звуковъ небесъ замѣнить не могли
 Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

ВОДОПАДЪ.

Алмазна сыплется гора
 Съ высотъ четырема скалами;
 Жемчугу бездна и сребра
 Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
 Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
 Далеко ревъ въ лѣсу гремитъ.
 Сѣдая пѣна по брегамъ
 Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
 Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
 Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ.
 О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
 Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами-ль сосны пораженны
 Ломаются въ тебѣ въ куски;
 Громами-ль камни отторженны
 Стираются тобой въ пески.
 Сковать-ли воды льды держаютъ—
 Какъ пыль стеклянна ниспадають.

Державинъ.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
 Когда весенній первый громъ,
 Какъ-бы рѣзвися и играя,
 Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
 Гремятъ раскаты молодые...
 Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
 Повисли перлы дождевые,
 И солнце нивы золотитъ.
 Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
 Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
 И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
 Все вторитъ весело громамъ.

Ө. Готчевъ.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
 Стараньемъ кумушки лисицы
 Слово о немъ замолвлено у лвицы.
 Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
 И не сказали-бы, что смотритъ левъ на лица,—
 То велѣно звѣриный весь народъ
 Созвать на общій сходъ,
 И разспросить того, другого,
 Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худого.
 Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны;
 На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
 Но противъ волка нѣтъ ни слова,—
 И волка велѣно въ овчарню посадить.

Да что-же овцы говорили?
 На сходкѣ вѣдь онѣ ужь, вѣрно, были?—
 Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
 А ихъ-то-бы всего нужнѣй спросить.

ДВА МУЖИКА.

«Здорово, кумъ Ѡаддей!»—«Здорово, кумъ Егоръ!»
 — «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
 — «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
 Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ,
 И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
 — «Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
 — «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
 Я со свѣчей пошелъ дать корму лошади.»
 Признаться, въ головѣ шумѣло;
 Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
 А дворъ и все добро сгорѣло.
 Ну, ты какъ?»—«Охъ, Ѡаддей, худое дѣло!
 И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
 Ты видишь—я безъ ногъ;
 Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
 Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
 И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
 Съ друзьями полугара;
 А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожара,
 Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ.
 Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
 Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
 И вотъ я съ той поры калѣка».
 — «Пеняйте на себя, друзья!»
 Сказалъ имъ свать Степанъ: «коль молвить правду, я
 Совсѣмъ не чту за чудо,
 Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
 Для пьянаго и со свѣчою худо,
 Да врьдъ не хуже-ль и въ потьмахъ».

П. Крыловъ.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
 Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
 Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даиіе благо;
 Кушайте, свѣты мои, на здоровье. Господь васъ помилуй!
 Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
 Вотъ Господь-Богъ сказалъ: «поди домой, не заботься;
 Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ».—
 Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
 Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго
 Спитъ онъ, какъ въ люлкѣ, не ѣсть и не пьетъ и не пикнетъ, доколѣ
 Въ рыхлую землю его не положить и въ ней не согрѣютъ.
 Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
 Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
 Сокъ изъ родного зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
 Вотъ уползъ изъ челенокъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
 Роеся въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
 Что-же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ... «Какъ-бы провѣдать,
 Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, творится?..» Тайкомъ, боязливо
 Выглянулъ онъ изъ земли... «Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!»—
 Смотришь,—Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба:
 «Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй!»
 Пьетъ онъ... ахъ! какъ-же малютчкѣ сладко, свѣжо и свободно.
 Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
 На горы вышло съ своимъ руководѣемъ; идетъ по небесной
 Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
 Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбулось,
 Такъ улыбулось, что всѣ корешки молодые выжили.
 «Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
 Въ чемъ-же его руководѣе? Точитъ облачко дождевое.
 Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
 Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
 «Нѣтъ (говоритъ онъ), теиерь ужъ подъ землю меня не замаянть.
 Что мнѣ въ потемкахъ! здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ!»
 Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.

Ждетъ и малюточку тяжелое время: темныя тучи
 День и ночь на небѣ стоять, и прячется солнце;
 Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
 Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ-же онъ зябнетъ, какъ поетъ!
 Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
 «Гдѣ-же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ?
 Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
 Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко? Дома
 Было мнѣ лучше; сидѣть-бы въ пріютномъ теплѣ подѣ землею».
 Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
 Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая.
 Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
 «Худо мнѣ; лучше-бы дома сидѣть у родимой за печкой»...
 Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
 Будетъ и вамъ, какъ былинчкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
 Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло,
 Смотрить, гдѣ нашъ зародышекъ, что съ нимъ, и крошку цѣлуешь.
 Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнить.
 Мало-по-малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
 Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
 Гуще становится рожь и ячмень, и пшеница, и просо;
 Наша былинчочка думаетъ: «Я назади не останусь!»
 Кстати-ль! листки распустила... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
 Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жилочки въ жилку
 Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
 Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колось...
 Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
 Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ шелковыхъ нитяхъ?
 Ангелы! кто-же другой? Они, отъ былинки къ былинкѣ,
 По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
 Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
 Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчалномъ.
 Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
 Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: «Я знаю, что будетъ».
 Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
 Пляшутъ, толкуются кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта;

Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
 Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ—посвѣтитъ ей въ
 потемкахъ.

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
 Вотъ ужъ и Троицынъ день миноваль, и сѣно скосили;]
 Собраны вишни; въ саду ни одной не осталось сливы;
 Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
 Ужъ и на жниво собирать босикомъ ребятишки сходились
 Колось оброненный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
 Что-то былинчочка дѣлаетъ? О! ужъ давно пополнила;
 Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: «полно!
 Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
 Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
 Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуниша,
 Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
 Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
 Съ трехъ часовъ по утру до пяти пополудни на ригѣ;
 Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
 Началъ жерновъ молоть, и зернышки стали мукою;
 Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
 Полный горшечекъ; сварила кисель, чтобы дѣтушкамъ кушать.
 Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: «спасибо!»

В. Жуковский.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межей,
 Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
 Куда ни оглянусь—повсюду рожь густа!
 Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
 Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
 И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклонясь,
 Какъ будто-бы отъ пчелъ тревожныхъ отбегаясь,
 Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
 Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день
 О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
 Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!

Заботы полные, колосья надо мной
 Бесѣду важную ведутъ между собой.
 Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
 И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
 Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
 Вонъ—на зарѣ стучать проворные цѣпы;
 Въ амбарахъ воздухъ полнь и розана, и меда;
 Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
 На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
 Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
 Нагнувши головы, плечами напирая,
 И длинной бичевой по влагѣ ударяя...

А. Майковъ.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясно утро. Тихо вѣетъ	Скачутъ босикомъ.
Теплый вѣтерокъ;	Два мальчишка загорѣлыхъ
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ;	На прутахъ верхомъ.
Въ заревѣ востокъ.	Крупный потъ съ нихъ градомъ
Окаймленное кустами	льется,
Молодыхъ ракиль,	И лицо горить;
Разноцвѣтными огнями	Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Озеро блеститъ.	Голосокъ звенить.
Тишинѣ и солнцу радо,	«Ну, катай на перегонки!»
По равнинѣ водъ	А на шалуновъ,
Лебедей ручное стадо	Съ тайной завистью, дѣвчонка
Медленно плыветъ.	Смотрить изъ кустовъ.
Вотъ одинъ взмахнулъ лѣнливо	«Тянуть, тянуть!» закричали
Крыльями—и вдругъ	Рябятишки вдругъ:
Влага брызнула игриво	«Вдоволь, чай, теперь поймали
Жемчугомъ вокругъ.	И линей, и шукъ».
Привязавъ къ ракитамъ лодку,	Вотъ на берегъ отлогомъ
Мужички, вдвоемъ,	Показалась сѣть.
Близъ осоки, втихомолку,	— «Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ,
Тянуть сѣть съ трудомъ.	Нечего глядѣть!»
По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,	Такъ сказалъ старикъ высокій,

Весь какъ лунь сѣдой,
 Съ грудью вышукло-широкой,
 Съ длинной бородой.
 Сѣть намекшую подняли
 Дружно рыбаки;
 На пескѣ затренитали
 Окуня, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
 «Будетъ на денекъ!»
 И на корточки присѣли
 Рыбу класть въ мѣшокъ.

«Ты, подкидышь, къ намъ откуда? Да теперь беретъ досада
 Не зови,—придетъ...
 Убирайся-ка отсюда!
 Не пойдешь,—такъ вотъ!..»

И подкидыша мальчишка
 Оттолкнулъ рукой.
 — «Ну, за что ее ты, Мишка?»
 Упрекнулъ другой.

— «Эко малый уродился
 Говорить старикъ:
 Все-бъ дрался онъ да бранился,
 Экой озорникъ!
 Ты-бы внука-то маленько
 За вихоръ подралъ:
 Онъ взять волю-то раненько!»

МЕЛЬНИЦА.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ;	Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ;
На мельницѣ и стукъ, и громъ;	Шумитъ вода, рукавъ трясетъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,	На камни рожъ дождемъ течетъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;	Подъ жерновомъ муку родитъ;
Отъ цѣпы-то бугоръ стоитъ;	Идетъ мука,—въ глаза пылитъ.

НОЧЛЕГЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,	Соръ на лавкахъ, паутины
Подъ ногами соръ,	По угламъ узоръ;

Закопѣлыя палаты, Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Черствый хлѣбъ, вода, Нищимъ умереть...
Кашель пряхи, плачь дитяти... Вотъ гдѣ нужно-бы учиться
О, нужда, нужда! Вѣрить и терпѣть.

И. Никитинъ.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай».
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло». — «Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ». «И, полно,—что за счеты!
Лишь стало-бы охоты,—
А то, во здравье, ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ будто янтарею подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лецикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдь-Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.—«Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схвати въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

ТРИ МУЖИКА.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли,

Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали.
А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать.
То ужинать себѣ спросили гости наши.

Въ деревнѣ что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ,—да не о томъ ужъ рѣчь;
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички перекрестились
И къ чашкѣ пріютились.

Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
«Ребята», говоритъ: «вы знаете Фому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забреютъ лобъ ему».
— «Какой наборъ?» — «Да такъ! Есть слухъ: война съ Китаемъ».
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ».
Тутъ двое принялись судить и рассуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и, подчасъ, реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустились мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гуту—и щи, и кашу—все пріѣлъ.

И. Крыловъ.

КАКЪ МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ.

(Разсказъ мышенка).

Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать, царица Прасковья,

Съ крысой Онуфриемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили
 Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
 Выглянулъ: вижу, тамъ высланный дворъ; освѣщало
 Солнце его, и окна сѣраго дома свѣтились;
 Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
 Вышли не смѣя, смотрю я изъ щелки, и вижу: на дальнемъ
 Краѣ двора звѣрекъ усатый, сизая шкурка,
 Розовый носикъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
 Тихо сидитъ и за птичками смотреть; а хвостикъ, какъ змѣйка,
 Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
 Началъ усатое рыльце себѣ умыть. Облилося
 Радостью сердце мое, и я ужъ собирался покинуть
 Щелку, чтобъ съ милымъ звѣрькомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
 Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
 Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
 Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые
 Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
 Длинныя космы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
 Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ, и какъ-будто
 Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись,
 По носу бился; а сзади какіе-то длинные крючья
 Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
 Въ память прийти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
 Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
 Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня, какъ дубиной,
 Треснуло. Какъ приближалъ я назадъ въ подполье, не помню.
 Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
 Такъ и ахнулъ. «Тебя помиловалъ Богъ», онъ сказалъ мнѣ;
 «Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
 Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
 Сторожъ-пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забѣяка;
 Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
 Знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель,
 Какъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
 Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
 Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ

къ этому плуту подѣхалъ: тебя-бъ онъ порядкомъ погладилъ
 Бархатной лапкой своей; будь же впередъ остороженъ».

Долго рассказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
 Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Расскажу я
 Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
 Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
 Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
 Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырганье, пляска,—
 Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
 Съ радости такъ напился, что подрался съ царницей, и въ дракѣ
 Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
 Что-же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
 Вздумали мы kota погребать; и надгробное слово
 Тотчасъ посѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный,
 Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
 Дали ему за то, что, читая стихи, всегда онъ
 Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стучалъ.
 Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
 Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду
 Котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ
 За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
 Вытянуть весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы
 Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ, не моргая.
 Всѣ защищали мы хоромъ: «повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
 Котъ окаанный! довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
 Нынче и мы». И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
 Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но лапы
 Сами держались, когтями вѣшавшись въ бревно, а веревки
 Не было тамъ никакой; и лишь только къ нимъ прикоснулись
 Наши ребята, какъ вдругъ распустились когти, и на полъ
 Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались
 Въ страхъ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ,
 Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ—да и только.
 Вотъ, ободраясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
 Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
 Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнить

Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣ,
 Тотъ, подкрившись, хвостомъ въ носу у него пощекочеть.
 Котъ ни съ-мѣста, какъ пень. «Берегись», тогда намъ сказала»
 Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
 Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и насилу
 Какъ-то она отъ него ушла): «берегитесь! Мурлыка
 Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
 Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него». То услыша,
 Громко мы всѣ засмѣялись. «Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
 Мышь Степанида сказала опять,—а я не товарищъ
 Вамъ». И поспѣшно, созвавъ мышенятъ своихъ, убралася
 Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
 Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
 Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ
 Климы, по прозванью Бѣшеный хвостъ, на Мурлыкино пузо
 Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
 Мы-же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ:
 «Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,
 Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы, какъ у турка;
 Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
 Радуйся наше подполье!..» Но только успѣлъ проповѣдникъ
 Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
 Мы бѣжать... Куда ты! Пошла ужасная трагедия.
 Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
 Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннѣмъ пузомъ,
 Тотъ безъ уха, другой съ отгѣденной мордой; иному
 Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
 Спины, что шкурки мотались, какъ тряпки; царицу Прасковью
 Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
 Царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу; но премудрый
 Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
 Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

В. Жуковскій.

НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАВЛЬ.

I.

Поставщикъ товаровъ, Мингерръ Ванъ-Коекъ,
 Въ каютѣ ведетъ свои счеты:
 Примѣрную прибыль и грузъ корабля
 Считаетъ онъ, полонъ заботы.

«Всѣхъ триста боченковъ и тюковъ: дадутъ
 И перецъ, и гумми доходецъ;
 Слоновая кость тоже славный товаръ,
 Но прибыльнѣй черный народецъ.

Смѣхъ дешевы эти рабы: я шестьсотъ
 Отмѣнныхъ досталъ въ Сенегалѣ,
 По твердости мяса, по крѣпости жилъ,
 Все вылитыхъ будто изъ стали.

Даль бусь я въ обмѣнъ, да желѣзныхъ вещицъ,
 Да водку; а славное дѣло!
 Пускай половина живетъ: восемьсотъ
 Процентовъ рассчитывай смѣло.

Да, пусть только триста негровъ свезу
 До гавани Рио-Жанейро,
 По сотнѣ дукатовъ за штуку возьму
 Я съ фирмы Гонзалесъ Перейра».

Такъ высчиталъ вѣрно Мингерръ Ванъ-Коекъ,
 И этою мыслию дѣльной
 Былъ занятъ, какъ вдругъ появился къ нему
 Ванъ-Смиссенъ, хирургъ корабельный.

То былъ господинъ самъ, какъ щепка, сухой.
 А носъ угреватый, багровый.
 «Ну, что мои дѣтки?» спросилъ Ванъ-Коекъ:
 «Что черные? всѣ-ли здоровы?»

И докторъ сказалъ: «честь имѣю донести,
Что мы, къ сожалѣнью, въ потерѣ:
Усилилась смертность въ послѣднюю ночь
Межъ ними въ значительной мѣрѣ».

Въ день по двое гибло ихъ среднимъ числомъ,
А нынче мы семь потеряли:
Четыре мужчины, три женщины вдругъ...
Отмѣтилъ я убыль въ журналѣ.

Всѣ трупы я тщательно самъ осмотрѣлъ:
Порой плутовскому народу
Прикинутыя мертвымъ приходятъ на мысль,
Чтобъ только ихъ бросили въ воду.

Оковы я снялъ съ мертвецовъ, и потомъ,
Какъ это устроено мною,
Всѣ трупы я выкинуть въ море велѣлъ
Ранехонько утромъ съ зарею.

Посмотришь, ужъ цѣлая стая акулъ
Шныряетъ, отколь ни взялася:
Мои вѣдъ нахлѣбники это, онѣ
Такъ падки до чернаго мяса.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы отплыли, гнались онѣ
За нами съ какою-то страстью:
Ужъ чуютъ у насъ мертвечину, скоты,
И жадною чавкаютъ пастью.

Забавно глядѣть, какъ порой этотъ звѣрь
Несчастные трупы хватаетъ:
Тотъ голову цапнетъ, тотъ ногу порой,
А этотъ обрывки глотаетъ.

Какъ все ужъ проглотятъ—вокругъ корабля
Тѣснится, ликуетъ ихъ стая:
Таращитъ глаза на меня, будто мнѣ
За завтракъ любовь изъявляя».

Но грустно прервалъ его рѣчь Ванъ-Коекъ:
«Какое-же злу облегченье?
Въ виду возрастающей смертности сей,
Какое принять намъ рѣшенье?»

«Да черные сами, хирургъ отвѣчалъ,
Виною, что такъ умираютъ:
Въ каютѣ имъ тѣсно, а воздухъ они
Дыханьемъ еще заражаютъ».

Притомъ въ меланхолии многіе мрутъ,
Тоска ихъ смертельная гложетъ;
Но музыка, пляска и воздухъ, какъ разъ,
Все это въ болѣзни поможетъ».

«Совѣтъ превосходный! вскричалъ Ванъ-Коекъ:
Мой докторъ искуснѣе второе,
Чѣмъ самъ Аристотель, имѣвшій своимъ
Птенцомъ Александра героя».

Да, музыки, музыки! Черныхъ плясать
На палубѣ здѣсь мы принудимъ,
А кто заупрямится прыгать, того
И плеткою пользоваться будемъ».

II.

Въ далекой и ясной тверди голубой
Несчетныя звѣзды мерцаютъ;
Большія и умныя, нѣгой онѣ,
Какъ очи красавицы, сияютъ.

Глядятъ на широкое море съ небесъ,
Свѣти фосфорическимъ блескомъ:
Далеко пурпурное льется оно
Съ чуть слышнымъ и сладостнымъ плескомъ.

Какъ будто совсѣмъ разснащенный, корабль
Недвиженъ, и парусъ не вьется,—

На палубѣ только блестятъ фонари
И музыки гулъ раздается.

Тамъ штурманъ усердно на скрипкѣ гудить,
Сталь поваръ неволею флейщикъ,
И юнга гремитъ въ барабанъ, а въ трубу
Тамъ трубить нашъ докторъ затѣйщикъ;

До сотни невольничьихъ дѣвъ и мужчинъ
Ликуютъ и, въ дикомъ весельи,
Кружатся и скачутъ: при каждомъ прыжкѣ
Въ тактъ музыкѣ цѣпи звенѣли...

А maître des plaisirs все глядитъ палачемъ;
Имѣя веселье въ предметѣ,
Лѣнивыхъ танцоровъ не разъ попукалъ
Онъ бойко ударами плети.

(Изъ Гейне, перев. В. Водовозова).

ПОССЕ И ОБЫКНОВЕННАЯ ДОРОГА.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога:
Ты въ даль протянулась, прима какъ стрѣла;
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта;
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!..
Въ тебѣ, что ни шагъ, то мужикъ работаетъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято,
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковья просѣкъ...
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человекъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка!

Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слынешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата;
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

И. Аксаковъ.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ, Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
По тропинкамъ и по мхамъ, Ниче пахнетъ табачищемъ...
Вхалъ всадникъ, пробираясь Ходитъ въ мѣрѣ, ходитъ грѣхъ!
Къ свѣтлымъ невискимъ берегамъ. Чуть кого вдали завидишь—
Только вотъ—рыбачья хата; Смотришь, въ лѣсъ-бы... Вѣдь
У рѣки старикъ стоялъ, грѣшно!..
Челнъ осматривалъ дырявый, Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И бранился и вздыхалъ. И давай рубить ей дно...
Всадникъ подлѣ—онъ не смо- Да, ужъ стала здѣсь сторонка
трить. За теперешнимъ паремъ!..
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, Изъ подъ Пскова вѣдь на лѣто
дѣдь!» Промышлять сюда идемъ».
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ Всадникъ прочь съ коня, и молча
На привѣтствіе въ отвѣтъ. За работу принялся;
Все ворчалъ себѣ онъ подъ ность: Живо дѣло закинулъ
«Поздоровится тутъ, жди! И поспѣло въ полчаса.
Времена ужъ не такія... Самъ топоръ вотътакъ и ходитъ,
Жди, да у моря сиди. Такъ и тычетъ долото—
Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ; И челнокъ на славу вышелъ,
А челнокъ для рыбака— А вѣдь былъ что рѣшето.
То-жъ, что бабѣ веретѣна, «Ну, старикъ, теперь готово,
Али конь для сѣдока. Хоть на Ладугу ступай,
Шведы-ль, наши-ль шли тутъ Да закинуть сътъ на счастье
утремъ, На Петрово понытай».

«На Петрово! эко слово
Молвил!—думаетъ рыбакъ—
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?..»

И развелъ старикъ руками,
Шанку снятъ и смотритъ въ лѣсъ.
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

ПѢСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.
Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольца
Молодецка удалъ.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По шучью вельню
Все тебѣ готово.
Чего душа хочеть—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползеть и валится.
Что шутя задумалъ,—
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями,—
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо,—смотришь,
По водѣ поплыло.

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!
Во-время да въ пору
Медомъ рѣчи льются,
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется!
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удастся.
Не подь шанку горе
Головъ кудрявой!
Разливайтесь пѣсни!
Ходи, парень, браво!

А. Кольцовъ.

Н И Ц І Е.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради, на помощь зоветь.
Надъбааетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,—

Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой.

И. Никитинъ.

КАПИТАНЪ ВОПШЪ.

На кораблѣ купеческомъ Медузѣ,
Который плыль изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Вопшъ, морякъ искусный,
Но человѣкъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ,
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ, и капитану-бъ
Не одобровать... но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ;
Надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всѣми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужъ дни четыре,
Снѣдаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: «каковы
Вы, капитанъ?»—То мальчикъ Робертъ былъ,
Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: «тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!»
Однако, на другой день мальчикъ снова

Вошелъ въ каюту и спросилъ: «не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?»—«Ты это, Робертъ?»
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной.
—«Я, капитанъ».—«Ахъ, Робертъ! я страдаю
Всю ночь».—«Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить».—Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ?» Это также было
Ему позволено. Потомъ больного Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши,
Сказалъ: «теперь я напою васъ чаемъ».
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ ни говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась, и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ, и наконецъ
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть
Проснулася въ немъ; но ей не поддалась бы

Его желѣзная душа; онъ молча-бѣ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Не примиренный, еслибъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ, однажды,
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: «не лучше ли вамъ, капитанъ?»
Онъ простоналъ отчаянно: «Ахъ! Робертъ,
Мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.
А съ бѣдною моею душою!.. Что
Мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего иного
Не заслужилъ! я грѣшникъ, я на вѣки
Погибшій человекъ».—«Нѣтъ, капитанъ,
Васъ Богъ помилуетъ; молитесь».—«Поздно
Молиться; для меня ужъ болѣ нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?»—Такъ
Свое дотолъ безчувственное сердце
Онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ;
И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость—но напрасно. Разъ, когда
По прежнему вошелъ къ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
«Послушай, Робертъ; мнѣ пришло на умъ,
Что, можетъ быть, на кораблѣ найдется
Евангеліе: попробуй, поищи».
И подлинно, Евангеліе нашлося.
Когда его больному подаль Робертъ,
Въ его глазахъ сверкнула радость.—«Робертъ,
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю,
Чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье.
Сядь, Робертъ, здѣсь; читай: я буду слушать».
«Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?»

«Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки
 Не бралъ Евангеля; читай, что хочешь.
 Безъ выбора, какъ попадется». Робертъ
 Раскрылъ Евангелю и сталъ читать,
 И два часа читалъ онъ. Капитанъ
 Къ нему съ постели голову склонивъ,
 Его съ великой жадностію слушалъ;
 Какъ утопающій за доску, онъ
 За каждое хватался слово; но
 При каждомъ словѣ молніею страшной
 Душа въ немъ озарялась; онъ вопли
 Все недостойнство свое постигнулъ,
 И правосудіе Творца предстало
 Ему съ погибелью неизбѣжимой;
 Хотя и слышалъ онъ святое имя
 Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
 Спасенію. Оставшия одинъ,
 Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
 Что было читано; но въ этихъ мысляхъ
 Его душа отрады не нашла.
 На слѣдующій день, когда опять
 Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему
 Сказалъ: «мой другъ, я чувствую, что мнѣ
 Земли ужъ не видать; со мною дѣло
 Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду
 Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
 Теперь боюсь я... что съ моею душою,
 Съ моею бѣдною душою будетъ!
 Ахъ, Робертъ, я погибъ, погибъ на вѣки!
 Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися,
 Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь?»
 «Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой
 Молитвы, кромѣ «Отче нашъ», не знаю;
 Я съ матерью вѣднѣвно поутру
 И ввечеру ее читалъ». — «Ахъ, Робертъ,
 Молися за меня; стань на колѣна;

Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердіе;
 За это Онъ тебя благословитъ.
 Молися, другъ, молися о твоёмъ
 Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ». —
 Но Робертъ медлил; а больной его
 Просилъ и убѣждалъ, ежеминутно
 Со стономъ восклицая: «Царь Небесный,
 Помилуй грѣшника меня!» И оба
 Рыдали. — «Ради Бога, на колѣна
 Стань, Робертъ, и молися за меня». —
 И увлеченный жалостію, мальчикъ
 Сталъ на колѣна и, сложивши руки,
 Въ слезахъ воскликнулъ: «Господи, помилуй
 Ты моего больного капитана!
 Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него
 Молился—я молиться не умѣю.
 Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ, бѣдный,
 Бойся, что ему погибнуть должно—
 Ты, Господи, не дай ему погибнуть;
 Онъ говоритъ, что быть ему въ аду—
 Ты, Господи, возьми его на небо;
 Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
 Его душой—Ты, Господи, вели,
 Чтобъ ангелъ Твой вступился за него!
 Мнѣ жалокъ онъ; его больного всѣ
 Покинули; но я, пока онъ живъ,
 Ему служить не перестану; только
 Спасти его я не умѣю; сжался
 Надъ нимъ Ты, Господи, и научи
 Меня молиться за него». — Больной
 Молчалъ; невинность чистая, съ какою
 Ребенокъ за него молился, всю
 Его проникла душу; онъ лежалъ
 Недвижимъ, стиснувъ руки, погруживъ
 Въ подушки голову, и слезъ потоки
 Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ

Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
 Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
 Перевода, на палубѣ стоялъ
 И, перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
 На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
 Къ больному, до ночи ему читалъ
 Евангеліе, и капитанъ его
 Съ невыразимымъ слушалъ умилениемъ.
 Когда же Робертъ на другое утро
 Опять явился, онъ былъ пораженъ,
 Взглянувъ на капитана, перемѣной,
 Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
 Усиливалъ естественную дикость
 Его лица, носившаго глубокой
 Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
 Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
 Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
 Смирненное, веселое, святое;
 Какъ будто лучъ той свѣтлой благодати,
 Которая отъ Бога къ намъ на вопль
 Молящаго раскаянья нисходитъ.
 «Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной
 Сказалъ, какую ночь провелъ я! Что
 Со мною было! Я того, мой другъ,
 Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
 Когда вчера меня оставилъ ты,
 Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
 Была полна евангельской святости,
 Которая проникнула въ нее,
 Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
 Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
 Увидѣлъ я—кого же? Самого
 Спасителя Христа; Онъ пригвожденъ
 Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
 Что будто всталъ я, и приползъ къ Его
 Ногамъ, и закричалъ, какъ тотъ слѣпой.

О коемъ ты читалъ мнѣ: Сынъ Давидовъ,
 Иисусъ Христосъ, помилуй! И тогда
 Мнѣ показалось, будто на меня —
 Да! на меня, мой другъ, на твоего
 Злодѣя капитана, Онъ взглянулъ...
 О, какъ взглянулъ! Какими описать
 Словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ;
 Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
 Наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ,
 Но и съ надеждой, я къ Нему поднять
 Осмѣлился глаза... и что же? Онъ...
 Да, Робертъ!.. Онъ отверженному мнѣ
 Съ небесной милостию улыбнулся!
 О, что со мною сдѣлалось тогда!
 На это словъ языка мой не имѣеть.
 Я на Него глядѣлъ... глядѣлъ... и ждалъ...
 Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
 Мое трепещущее сердце знало.
 А Онъ съ креста, который весь былъ кровью,
 Бѣжавшею изъ ранъ Его, облить,
 Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбною
 И нѣжной жалостию на меня...
 И вдругъ Его уста пошевелились,
 И я Его услышалъ голосъ... чистый,
 Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
 И Онъ сказалъ мнѣ: «ободришь и вѣруй!»
 Отъ радости разорвалось сердце
 Въ моей груди, и я передъ крестомъ
 Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но
 Видѣніе исчезло; и тогда
 Очнулся я; мои глаза открылись...
 Но сонъ ли это былъ? Нѣтъ, не сонъ.
 Теперь я знаю: Тотъ меня спасетъ,
 Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
 Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,
 Что Онъ сказалъ на Вечери Святой.

Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
 Вино во оставленіе грѣховъ.
 Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
 Мой Искупитель живъ; мои грѣхи
 Мнѣ будутъ прощены. Выздоровлены
 Не жду я болѣе и не желаю;
 Я чувствую, что съ жизнію разстаться
 Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
 Теперь я радъ»...—При этомъ словѣ Робертъ,
 Дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
 Съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,
 Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете».
 На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
 «Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
 Свое мнѣ милосердіе; и теперь
 Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
 Родного жаль; ты долженъ здѣсь остаться
 На кораблѣ, межъ этихъ нечестивыхъ
 Людей, одинъ, неопытный ребенокъ...
 Съ тобою будетъ то же, что со мной!
 Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
 На страшную мою дорогу; видишь,
 Куда ведетъ она. Твоя любовь
 Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
 Тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
 Былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ,
 И самъ того не зная, путь спасенья;
 Благослови тебя за то Всевышній!
 Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи
 Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
 Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
 Что я за нихъ молюсь».—Весь этотъ день
 Больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ
 Вниманіемъ Евангеліе слушалъ.
 Когда-жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ
 Простился, онъ его съ благословеніемъ.

Любовію и грустью проводилъ
 Глазами до дверей каюты. Рано
 На слѣдующій день приходитъ Робертъ
 Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
 Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
 Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
 Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
 Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
 Лицомъ, въ дугу согнувшись, головой
 Припавъ къ постели, бѣгло стиснувъ руки,
 Лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя,
 Встревоженный въ дверяхъ каюты Робертъ
 Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
 Не смѣя тронуться; минуты двѣ
 Прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ
 Тихонько: «капитанъ!»—отвѣта нѣтъ.
 Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
 Погромче: «капитанъ!» но тихо все,
 И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
 Къ постели. «Капитанъ!» сказалъ онъ вслухъ.
 По прежнему все тихо. Онъ рукой
 Его ноги коснулся: холодна
 Нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
 Онъ громко: «капитанъ!» и за плечо
 Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
 Перемѣнилось; медленно онъ навзничъ
 Упалъ; и тихо голова легла
 Сама собою на подушку; были
 Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
 Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

В. Жуковский.

БѢДА-ПРОПОВѢДНИКЪ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
 Пустынной тропою шелъ Бѣда слѣпой;
 На мальчика онъ опирался рукой,

По камнямъ ступая босыми ногами.
 И было все глухо и дико кругомъ:
 Однѣ только сосны росли вѣковыя,
 Однѣ только скалы торчали сѣдые,
 Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.
 Но мальчикъ усталъ; ягоды свѣжихъ отвѣдать,
 Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
 «Старикъ!—онъ сказалъ—я пойду отдохнуть;
 А ты, если хочешь, начни проповѣдать—
 Съ вершинъ увидали тебя пастухи;
 Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
 Вонъ жены съ дѣтьми; говори имъ о Богѣ,
 О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»
 И старца лицо просіяло мгновенно.
 Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
 Изъ усть его блѣдныхъ живую волной
 Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
 Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
 Казалось—слѣпцу въ славѣ небо являлось;
 Дрожащая къ небу рука поднималась,
 И слезы текли изъ потухшихъ очей!
 Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая
 И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ,
 Въ ущелья повѣяла сырость ночная...
 И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ—
 Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
 «Довольно, пойдемъ! никого уже нѣтъ...»
 Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
 Но только замолкъ онъ—отъ края до края
 «Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

Я. Полонскій.

КУБОКЪ.

«Кто, рыцарь ли знатный или латникъ простой,
 Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
 Бросаю мой кубокъ туда золотой:
 Кто сыщеть въ тмѣ глубины

Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
 Тому онъ и будетъ наградой побѣдной».

Такъ царь возгласилъ—и съ высокой скалы
 Висѣвшей надъ бездною морекою,
 Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
 Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
 «Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
 Кто сыщеть мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижны стоятъ;
 Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
 Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
 За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
 И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
 «Отыщется-ль смѣлый на подвигъ опасный?»

И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой
 Смиренно и дерзко—впередъ;
 Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой,
 Ихъ молча на землю кладезь...
 И дамы, и рыцари мыслятъ, безгласны:
 «Ахъ юноша! Кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
 И взоръ устремилъ въ глубину...
 Изъ чрева пучины бѣжали валы,
 Шумя и гремя, въ вышину;
 И волны спирались, и пѣна кипѣла,
 Какъ будто гроза, наступающая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
 Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
 Волна за волною; и къ небу летитъ
 Дымящимся пѣна столбомъ;
 Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
 Не море-ль изъ моря извергнуться хочеть?
 И вдругъ, успокоясь, волнение легло;

И грозно из пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упреля разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ:
«Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ!»
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила!

Надъ бездною утихло... въ ней глухо шумить...
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердить:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престоль мой раздѣлитъ со мной!
Меня твоей престоль не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не расскажетъ живая.

«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна...»
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...

И брызнула потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зияющимъ зѣвомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны—
И борется, спорить съ волной...
И видать—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою править, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжело дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый, съ весельемъ, «онъ живъ!» повторялъ:
«Чудеснѣ подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
Спасъ душу живую красавецъ отважный».

Онъ на берегъ вышелъ, онъ встрѣчаетъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселится!
Но страшно въ подземной, таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смиришь:
И мыслью своею не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

«Стрѣлю стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ:
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ.
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груди,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скать,
И ужасъ морей—однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гѣна морская.

«И былъ я одинъ съ неизбежной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого.

«И я содрагался... вдругъ слышу: ползеть
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочеть схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасъ прочь отъ скалы!..
То было спасенъ, я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».

Чудесенъ рассказъ показался царю:
«Мой кубокъ возьми золотой,
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,

Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морского».

То слыша, царевна съ волненъемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершить?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не жажа младого».

Но царь, не внимая, свой кубокъ золотой
Въ пучину швырнулъ съ высоты;
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротиться ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣеть, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель—онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумить...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Проходить, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

В. Жуковский.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумять,
И, молча, въ открытыя люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни-почемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарыть.

Зарыть онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежить на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристасть.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится,
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наследника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но снять усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,—
И снова ихъ громко зоветъ;

Зоветъ онъ любимого сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему общается полміра,
А Францію только—себѣ.

Но, въ цвѣтѣ надежды и силы,
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ;—

Стоитъ онъ и тяжело вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

М. Лермонтовъ.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачетъ, кто мчится подь хладною мглой?
Бздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
—Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
«Родимый, Лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой».
—О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—
«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои».
«Родимый, Лѣсной Царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».
—О, нѣтъ, мой младенецъ; ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—
«Ко мнѣ, мой младенецъ: въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять».
«Родимый, Лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».
—О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—
«Дитя! я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, Лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжело дышать».

Бздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Бздокъ погоняетъ, Бздокъ доскакалъ—
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

В. Жуковский.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ уже мертвецъ!

Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащигъ
И отъ берега кругого
Оттолкнулъ его весломъ.
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Судь найдеть, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего!.. Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ?—«Вотъ, тятя,
э-вотъ!»

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой.
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
—Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу.
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу.

Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спать, хозяйка дремлетъ,
На палатихъ мужъ лежитъ;
Буря воеетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взять волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—

«Кто тамъ?»—Эй,пусти, хо-
зяинь!

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ сѣвшитъ...

«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!

Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.
И лѣнливою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится—
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открыть и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,

Такъ и обмеръ. «Чтобы ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ ябшались,
Трасся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гости ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

А. Пушкинъ.

ОТДѢЛЪ II.

ПРОЗА.

ПШЕНИЦА и ПЛЕВЕЛЫ.

(Притча).

Послалъ однажды хозяинъ работниковъ своихъ въ поле и приказалъ имъ засеять его пшеницею. Работники, засеявъ поле, легли отдохнуть и заснули; когда они спали, пришелъ на поле недругъ ихъ хозяина и посеялъ между пшеницею плевелы. Взшла и выросла пшеница; взшли и выросли плевелы. Работники скоро замѣтили ихъ, пришли къ хозяину и сказали ему: „Господинъ, между пшеницею выросли плевелы; не сходить-ли намъ въ поле и не повырывать-ли ихъ?“ — „Нѣтъ, не ходите“, отвѣчалъ имъ хозяинъ: „вырывая плевелы, вы печально можете вырвать и

пшеницу; пускай они растутъ вмѣстѣ, пока придетъ жатва. Когда же придетъ время жатвы, тогда я прикажу моимъ жнецамъ собрать отдѣльно плевелы и, связавъ ихъ въ снопы, сжечь,— а пшеницу перевезти ко мнѣ въ житницу“.

ВОСПИТАНІЕ.

Ребенокъ видѣлъ, какъ отецъ посадилъ въ своемъ саду дикую, лѣсную яблоньку. „Зачѣмъ ты это дѣлаешь?“—спросилъ онъ отца: „вотъ ужъ такому негодному деревцу я бы не далъ мѣста въ саду“.

— А почему ты знаешь, что это деревцо никуда не годится?—спросилъ отецъ.

„Это видно съ перваго взгляда“,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Да, оно, конечно, мало и незавидно; но въ немъ скрывается большая сила, и современемъ оно можетъ вырасти и приносить плоды.

Черезъ нѣсколько времени мальчикъ опять увидѣлъ, что отецъ его заботливо возится около новой яблоньки: ставитъ колья, привязываетъ къ нимъ однѣ вѣтки, а другія срѣзываетъ.

„Зачѣмъ ты не даешь деревцу расти свободно?“ спросилъ мальчикъ.

— Затѣмъ, чтобы вѣтеръ его не сломалъ и чтобы оно могло расти прямо и стройно.

Потомъ отецъ вскопалъ землю около корня и окружилъ деревцо кольями, чтобы скотъ не могъ его сломать.

— Посмотри,—сказалъ онъ сыну,—какъ я люблю это молодое деревцо; а люблю я его за ту жизненную силу, которая въ немъ скрыта, и о ней-то я хлопочу и забочусь.

На слѣдующую весну отецъ пришелъ къ деревцу съ отроскомъ, срѣзаннымъ съ другой, хорошей яблони, и съ ножемъ въ рукахъ: онъ разомъ срѣзалъ всю верхушку молодого деревца.

„Что ты дѣлаешь?“ вскричалъ мальчикъ въ испугѣ: „теперь все твои труды пропали даромъ!“

Но отецъ улыбнулся, раскололъ немного стволъ деревца и, всадивъ въ него принесенную имъ вѣточку, заклеилъ разрѣвъ замазкою и тщательно обвязалъ тряпкою.

— Вотъ видишь-ли,—сказалъ онъ сыну, когда работа была кончена: еслибъ деревцо осталось въ лѣсу, оно было-бы и криво, и сучковато, и приносило-бы современемъ такую кислицу, которой ѣсть было-бы невозможно. Но я позаботился, чтобы оно росло прямо; а теперь, при наступленіи весны, далъ скрытымъ въ немъ силамъ новое, лучшее направленіе, прицепивъ къ нему вѣточку отъ хорошаго дерева, плоды котораго уже извѣстны.

Скоро молодое деревцо выросло, пустило новыя вѣтви и покрылось почками и цвѣтами; а къ осени вѣтки его уже гнулись подъ тяжестью большихъ румяныхъ яблокъ.

— Ну, что скажешь теперь?—спросилъ отецъ сына.

„Ахъ“, отвѣчалъ тотъ, „какое это прекрасное, благодарное дерево; труды твои не пропали даромъ“.

— Дай Богъ,—продолжалъ отецъ,—чтобы ты такъ-же отблагодарилъ меня за заботы о твоёмъ воспитаніи.

ОТЦОВСКІЙ ДОЛГЪ.

Происшествіе, о которомъ веду я свой разсказъ, не вымышленное: я слышалъ его отъ достовѣрныхъ людей. Случилось оно въ Московской губерніи, кажется, въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобы зажиточный, а хорошимъ домою, человекъ работящій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей да сына молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антоновъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Нова изба, которую началъ было онъ строить, собираясь женить своего Ваню, осталась недоконченною,—и долговъ нашлось на немъ не мало: сосѣдямъ—кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пятьсотъ. Деньги браны были, какъ водится у простаго

народа, на честномъ словѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ. Должникъ умеръ; кажется, и дѣлу-бы конецъ, анъ нѣтъ; по крестьянскому разумѣнію, отдать надобно: честное имя должно остаться незапятнаннымъ. Пристаютъ кредиторы ко вдовѣ; одинъ даже грозить жаловаться начальству... — „Подождите, кормильцы,— молитъ она: вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню толать пару да лошадь продамъ...“ Куда, и слышать не хотятъ. Что дѣлать? Словно ножъ въ сердце было слышать Ивану Захарову, какъ корятъ память отца: такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости!.. „Эх-ма!..“ и задумалъ онъ что-то.

По губерніи былъ объявленъ рекрутскій наборъ; въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, чередъ выставлять рекрута палъ на одинъ семейный, но богатый домъ. Приходится отдавать одного изъ трехъ взрослыхъ парней. Рады-бы они нанять охотника, да негдѣ взять: время горячее, спѣшное.—„Да не возьмешь-ли меня?“ спрашиваетъ Иванъ Захаровъ у сосѣда.

— Иль шутить вздумалъ, Ванюха?—проговорилъ тотъ съ сердцемъ.—„Какія шутки! пойду я за твою семью служить Богу и великому Государю“.—„Да какъ-же, любезный ты мой, мать-то твоя... того... вѣдь ты одинъ у нея, какъ персть...—„Ну, ужъ это мое дѣло! Сколько-же дашь?“—„Ахъ, родной, выручи! Тысячу рублей новенькими бумажками тебѣ отсчитаю; избу дострою.—„Эва, дешево только! Миѣ непременно надо двѣ, и копѣйки не уступлю!“—„Побойся Бога, Ваня, разорить хочешь.—„Вотъ то-то и есть, дядя Герасимъ: за пару хорошихъ коней, что ѣздятъ у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почестъ тысячу, а тутъ... Небойсь, не оскудѣешь!“

И какъ ни жался Герасимъ, а долженъ былъ порѣшиться съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца. — „Что, привезъ деньги?“ спрашиваетъ тотъ.—„Со мною теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день прийти вотъ въ такой-то домъ, и получите, что слѣдуетъ. Только лишь росписочку изготовьте.—„Ладно“.

И прочимъ кредиторамъ повѣстить онъ то-же самое.

На другой день всѣ они появились въ рекрутское присутствіе. Гладь, Иванъ, въ чемъ мать родила, стоитъ уже въ приемной: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списокъ.

— Какъ-же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

— Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

— Какъ слѣдуетъ? Что-нибудь да не такъ! Позвать сюда мать. Старушка подошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, тоже заплаканныя.

— Вѣрно, забубенная голова твой сынъ?—говорять ей.

— Избави Богъ, батюшка, ваше сіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки...

— Ну, такъ, знать, дѣло не спорится у него?

— Да работающѣ его во всей деревнѣ нѣтъ... Да я-бы, ваше благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ разстаться съ нимъ... да вотъ долгъ-то... Вишь, онъ не хочетъ; бантъ, успокою батюшку.

— Какой долгъ?

— Матушка!—крикнулъ Иванъ, прерывая мать, которая начала было свой разсказъ:—полно плакать-то! А вы, ваше благородіе, не извольте беспокоиться на счетъ этого. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ передъ вашей милостью, семнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной Горкѣ она и невѣста. Мы ужъ и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ; онъ малый знатный, у кого хотите извольте спросить. Такъ ужъ не беспокойтесь... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на царскую службу.

Дѣлать нечего, поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: лобъ!

Получивъ отъ покушника деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ: — „Вотъ тебѣ, Стенанъ Кузьмичъ, пятьсотъ рублей; ты, свать Андрей, получай свои безъ

четверти двадцать-пять“... тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копейки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги; иные стали отговариваться, не брать; кто предлагаетъ ихъ ему на дорогу.— „Ничего не надо мнѣ, родимые: деньги не мои, а батюшкины; не поминайте-же его лихомъ, не говорите, что заѣлъ чужое добро... А ужъ коли кто хочетъ наградить меня, такъ пусть запишетъ имя раба Божія Захарія въ свое поминаніе да отслужить по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ не прошу. Да вотъ, если матушкѣ случится какая нужда“...—Не покинемъ сиротъ, отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ заимодавцы.

Послѣ расплаты остается у молодого рекрута только два полуперіала... Одинъ отдаетъ онъ матери, другой сестрѣ на новую шубку, какъ пойдетъ замужъ.

— Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ-же ты самъ-то останешься! со слезами промолвливаетъ мать.

— Меня будетъ кормить самъ надежа-Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь-же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду... Благослови меня, родная.

Рыдая, сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ и надѣла его на своего ненаглядного. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое, — заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъ-же дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особенное представленіе—и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поступилъ въ царскую гвардію.

И. Кокоревъ.

ВЪЛЕНЬКІЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

За городомъ, у самой дороги, стоялъ хорошенькій хуторокъ, окруженный прекраснымъ садомъ. Въ саду былъ богатый цвѣтникъ съ гордыми, блестящими цвѣтами; а на валу, окружавшемъ садъ, въ густой зеленой травѣ, росъ, ни для кого незамѣтно,

самый скромный маленькій дикій цвѣточекъ съ бѣлыми лепестками, съ золотымъ сердечкомъ. Доброе солнце освѣщало и грѣло его съ такою-же любовью, какъ и великолѣпные цвѣты въ прекрасныхъ клумбахъ. Дикій, бѣленькій цвѣточекъ не думалъ о томъ, что на его долю выпала такая скромная жизнь; былъ доволенъ своею судьбою, поворачивалъ свою головку за солнцемъ, любуясь его блескомъ, и заслушивался серебряныхъ трелей жаворонка, вьющагося высоко въ воздухъ.

Въ одно свѣтлое утро маленькій цвѣточекъ былъ такъ счастливъ, какъ-будто-бы для него наступилъ великій праздникъ, а между тѣмъ это былъ только понедѣльникъ, и всѣ дѣти сидѣли въ школѣ; но тогда какъ они сидѣли на своихъ скамьяхъ и учились,—бѣленькій цвѣточекъ также сидѣлъ на своемъ маленькомъ стебелькѣ и также учился у грѣющаго солнца и у всего, что видѣлъ вокругъ, учился, какъ добръ и милостивъ Создатель. Бѣленькому цвѣточку казалось, что маленькій жаворонокъ въ своихъ звонкихъ пѣняхъ выражалъ прекрасно эти-же самыя чувства, и цвѣточекъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на счастливую птичку, которая могла пѣть и летать, и несколько не огорчался, что самъ остается на одномъ мѣстѣ и не имѣетъ такого прекраснаго голоса. „Я слышу и вижу все это, думалъ цвѣточекъ; солнце освѣщаетъ меня и грѣетъ, вѣтерокъ цѣлуетъ мои лепестки... О, какъ я счастливъ!“

Въ саду возвышалось очень много важныхъ цвѣтовъ, и чѣмъ меньше у нихъ было запаха, тѣмъ болѣе они важничали. Яркіе красные піоны раздувались изо-всѣхъ силъ, чтобы быть больше и пышнѣе розъ! но величина и пышность не едѣлаютъ еще піона розой. Яркіе-цвѣтные, пестрые тюльпаны знали очень хорошо, что они красивы, и держались прямо, чтобы всѣ могли любоваться ихъ красотою. Они, конечно, не замѣчали, что тамъ, на валу, цвѣтетъ маленькій цвѣточекъ; но за то онъ смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза, — смотрѣлъ и думалъ: „какъ они богаты и прекрасны! къ нимъ, навѣрное, къ нимъ слетитъ чудная птичка. Слава Богу, что я расту такъ близко и могу видѣть все это“.—

Въ самомъ дѣлѣ, крикъ птички раздался близехонько, и она спустилась на землю... только не къ величественнымъ піонамъ и не къ гордымъ тюльпанамъ, а въ зеленую траву, около самаго бѣленькаго цвѣточка, у котораго отъ счастья занялось дыханіе.

Маленькая птичка весело прыгала вокругъ цвѣтка, прыгала и щебетала: „Ахъ, какая мягкая, зеленая, какая свѣжая травка! ахъ, какой хорошенькій, маленькій цвѣточекъ, сердечко золотое, платье серебряное!“

Какъ былъ счастливъ маленькій бѣленькій цвѣточекъ, я и рассказать вамъ не могу: о, какъ онъ счастливъ! — Жаворонокъ осторожно клоннулъ носикомъ въ самую середину цвѣточка, прошебеталъ что-то милое, очень милое, вспорхнулъ и снова полетѣлъ въ голубую высь.

Прошло вѣрно не менѣе получаса, какъ цвѣточекъ успѣлъ опомниться отъ своего счастья. Ему даже было немножко стыдно, но каждый листочекъ его трепеталъ отъ восторга. Болзливо взглянулъ цвѣточекъ на гордые тюльпаны: они видѣли, какое счастье выпало на долю бѣленькаго цвѣточка, и должны понимать, какою радостью бьется его золотое сердечко.

Но тюльпаны стояли по-прежнему прямо, и, вѣрно отъ зависти, краснѣли еще больше и отъ досады подымали свои головы еще выше. Какое счастье, что тупоголовые піоны не могутъ говорить, а то-бы они наговорили много дерзостей маленькому бѣленькому цвѣточку. Счастливцу казалось, что пышные цвѣты не въ духѣ, и онъ отъ всей души пожалѣлъ о нихъ.

Въ это самое время пришла въ садъ дѣвушка съ острымъ блестящимъ ножомъ въ рукахъ — пошла прямо къ тюльпанамъ и посрѣзывала ихъ гордые головы.

— Охъ! почти вскрикнулъ бѣленькій цвѣточекъ: какъ это страшно; теперь для нихъ все кончено!

Цвѣточекъ радовался, что спрятанъ въ травѣ и что онъ не болѣе, какъ простой бѣленькій цвѣточекъ; а когда зашло солнце, свернулъ свои листики и спокойно заснулъ. Но и во снѣ онъ видѣлъ солнце и милую птичку. Утромъ бѣленькій цвѣточекъ, пол-

ный счастья, снова распустил свои серебряные лепестки и скоро услышал пѣніе жаворонка. Но, Боже мой, какую печальную пѣсню пѣла теперь птичка! И было чего печалиться: бѣдный жаворонок попался въ клѣтку, которая висѣла у открытаго окна. Птичка оплакивала свою свободную и счастливую жизнь, открытое поле, и съ тоской вспоминала, какъ свободно порхала она еще вчера въ чистомъ синемъ воздухѣ. Бѣдная птичка была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: она сидѣла въ клѣткѣ.

Маленькій бѣленькій цвѣточекъ желалъ отъ всей души помочь бѣдной птичкѣ; но трудно было что-нибудь придумать. Цвѣточекъ позабылъ, какъ все вокругъ него прекрасно, позабылъ даже яркое, теплое солнышко, и думалъ только о плѣнной птичкѣ, которой не могъ помочь ничѣмъ — рѣшительно ничѣмъ.

Въ это самое время вошли въ садъ два мальчика, и въ рукахъ одного изъ нихъ блестѣлъ тотъ самый острый ножъ, которымъ дѣвушка срѣзала вчера головы гордымъ тюльпанамъ. Мальчики шли прямо къ бѣленькому цвѣтучку, но онъ рѣшительно не понималъ, что имъ отъ него нужно.

— Вотъ гдѣ мы можемъ вырѣзать прекрасный кусокъ дерна для нашего жаворонка, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, и вырѣзалъ ножомъ изъ дерна четверугольникъ, въ срединѣ котораго остался и бѣленькій цвѣточекъ.

— „Сорви цвѣточекъ“, сказалъ другой мальчикъ, и бѣленькій цвѣточекъ задрожалъ: ему такъ хотѣлось жить именно теперь.

„Зачѣмъ?“ сказалъ первый мальчикъ: „онъ такъ мило выглядываетъ изъ зеленой травы“. Бѣленькій цвѣточекъ остался и былъ отнесенъ вмѣстѣ съ дерномъ въ клѣтку къ жаворонку.

Но бѣдная птичка громко оплакивала свою потерянную свободу, билась крылышками о желѣзные прутья клѣтки; а бѣленькій цвѣточекъ, не смотря на все желаніе, не могъ сказать ей ни одного утѣшительнаго слова. Такъ прошло все утро.

„Здѣсь нѣтъ воды“, щебетала бѣдная птичка; „они все ушли и забыли оставить мнѣ хоть одну каплю воды; горлышко мое пересохло, я вся горю, я не могу дышать; ахъ, я должна умереть,

должна покинуть навсегда теплое солнышко, свѣжую зелень—все, все!“ И птичка сунула свой носикъ въ холодный кусокъ дерна, чтобы освѣжиться хоть немного — тутъ увидала она знакомый бѣленькій цвѣточекъ, поцѣловала его въ самое сердечко и сказала: „И ты долженъ здѣсь засохнуть, ты бѣдный маленький цвѣточекъ! Тебя и маленький кусочекъ зеленого дерна—вотъ все, что дали мнѣ люди—взаимѣ цѣлаго міра. Ахъ, вы напоминаете мнѣ только, какъ я много потеряла“.

Что-же тебя можетъ утѣшить? думалъ съ тоскою бѣленькій цвѣточекъ, но не могъ двинуть ни однимъ листикомъ. Птичка однако же поняла его мысль, и хотя отъ тоски и жажды вырывала она изъ дерна травку за травкой, но бѣленькаго цвѣточка не тронула.

Наступилъ вечеръ, и никто не принесъ воды бѣдной птичкѣ. Она распустила свои длинныя крылышки, упала, склонившись головкой къ цвѣтучку, задрожала—и умерла отъ тоски и жажды. Бѣленькій цвѣточекъ не могъ уже, какъ вчерашній вечеръ, свернуть своихъ листочковъ и заснуть спокойно: онъ увялъ, и головка его печально повисла.

Только уже на другой день утромъ пришли мальчики, и когда увидали мертвую птичку, то горько заплакали и плакали долго; потомъ вырыли хорошенькую могилку, убрали ее цвѣтами, положили птичку въ хорошенькій ящичекъ и зарыли въ землю съ большою почестью. Бѣдная птичка! когда она жила и пѣла, все ее забывали, оставляли сидѣть въ клѣткѣ, заставляли терпѣть голодь и жажду; а теперь, когда она замолкла навсегда, ее оплакиваютъ и убираютъ цвѣтами.

Кусокъ дерна съ увядшимъ бѣленькимъ цвѣточкомъ выбросили изъ клѣтки на пыльную дорогу; никто не подумалъ о томъ, кто больше всехъ на свѣтѣ любилъ маленькую птичку и такъ сильно желалъ ее утѣшить.

ГОСТИННИЦА ВЪ СТЕПИ.

Въ одну изъ тѣхъ декабрьскихъ ночей, когда, какъ говорится, свѣту Божьяго не видно, а вьюга злится и коетъ; когда ставни

дрожать, а старушка, сидя на лежанкѣ, охаетъ и крестится,— шель по безлюдной степи молодой студентъ семинаріи; шель онъ на рождественскіе праздники изъ города, гдѣ учился, въ село, въ которомъ отецъ его былъ священникомъ. Отъ города до села было верстѣ сорокъ. Студентъ вышелъ рано утромъ и къ вечеру надѣялся быть дома. Уже мечталъ бѣднякъ, какъ встрѣтитъ его старикъ отецъ, какъ обрадуется ему добрая мать, какъ заблестятъ глазки сестры, которую онъ очень любилъ, какъ выбѣгутъ къ нему на встрѣчу два младшіе брата, для которыхъ были у него въ карманѣ двѣ недорогія игрушки. Но съ полудня началась метель, и студентъ, должно быть, сбился съ дороги; потому-что ночь уже наступила, а родимаго села все еще не было видно.

Не хорошо было бѣдняку: темно, холодно; яростная выюга била ему прямо въ грудь и въ лицо, засыпала его мокрымъ снѣгомъ. Она какъ-будто задала себѣ задачу свалить съ ногъ бѣднаго молодого человѣка; а упали онъ только—и въ полчаса она намела-бы надъ нимъ страшный сугробъ снѣгу.

Странникъ уже выбился изъ силъ и едва передвигалъ ноги, самъ не зная, куда идетъ; колѣни его подгибались, мысли путались, чувства переставали дѣйствовать: онъ почти ничего не видѣлъ, не слышалъ. Ему хотѣлось покориться своей судьбѣ: упасть на землю и заснуть,—заснуть, во что-бы то ни стало; но онъ понималъ еще смутно, что если поддѣстся этому желанію, то неминуемо погибнетъ. Еще минутъ десять, съ отчаяніемъ въ душѣ, боролся онъ съ непогодою; съ усиліемъ вытаскивалъ свои ноги изъ глубокаго снѣга, но мало подвигался впередъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, поручивъ себя милосердію Божію, въ изнеможеніи упалъ на снѣгъ.

Погибъ-бы бѣднякъ непременно, если-бъ чья-то сильная рука не подняла его и не повлекла насильно впередъ. Безъ мысли, безъ чувства, машинально шель студентъ, куда влекла его невидимая рука, и минутъ черезъ пять очутился передъ огромнымъ, ярко-освѣщеннымъ домомъ, откуда неслись звуки музыки и веселые голоса гостей. Студентъ смутно ощущалъ, какъ невѣдомый благодѣ-

тель ввелъ его на крыльцо, отворилъ передъ нимъ двери свѣтлаго дома и почти втокнулъ его въ большую, теплую и освѣщенную комнату. Переходъ изъ глубокой тьмы къ яркому свѣту былъ такъ неожиданъ, что бѣднякъ студентъ лишился чувствъ и непременно-бы упалъ, но встрѣтившіе его люди поддержали и усадили на диванъ.

Скоро студентъ почувствовалъ, какъ отрадная теплота начала разливаться по его околѣвшимся членамъ, и открылъ глаза. Передъ нимъ стояла прекрасная женщина; въ своихъ теплыхъ рукахъ отогрѣвала она его оледенѣвшія руки и глядѣла ему прямо въ лицо такъ ласково и нѣжно, что бѣднякъ полюбилъ ее съ перваго взгляда.

— Ты усталъ, бѣдняжка, и вѣрно очень голоденъ, сказала она студенту;—поди же за мною, я накормлю тебя.

Студентъ, не говоря ни слова, повиновался этому ласковому голосу: ему казалось, что это былъ голосъ его матери. Въ роскошно-убранной, теплой и свѣтлой комнатѣ, куда прекрасная женщина привела студента, было накрыто множество столовъ, а за столами пировало множество людей. Студенту было неловко войти въ такое многолюдное собраніе въ своемъ старомъ, измокшемъ, изорванномъ платьѣ; но взглянувъ въ большое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, онъ увидѣлъ, что платье на немъ было уже переѣнено, вѣроятно въ то время, когда онъ лежалъ безъ чувствъ.

— Вотъ мѣсто, которое я тебѣ приготовила, мой милый гость, сказала прекрасная женщина студенту, подводя его къ одному изъ столовъ и указывая на свободный приборъ: садись и кушай.

Студентъ не заставилъ себя долго упрашивать; онъ чувствовалъ сильный голодъ, и кушанья, которыя подавала ему добрая женщина, исчезали мгновенно. Сама-же она сидѣла противъ него, облокотясь на столъ, и, казалось, наслаждалась его аппетитомъ. Она предлагала ему одно блюдо за другимъ и, когда онъ уже былъ совершенно сытъ, спросила его, не хочется-ли ему еще чего-нибудь.

— Мнѣ остается только благодарить тебя за твою доброту, за

твою материнскую доброту. Скажи, какъ мнѣ называть тебя, моя счастливица?

— Зови меня матерью, если это тебѣ нравится, отвѣчала добрая женщина: а я буду тебя звать сыномъ; но благодарить меня тебѣ не за что. Все, что я дала тебѣ, не мое; я сама здѣсь така же гостя, какъ и ты. Но если въ твоемъ сердцѣ говорить благодарность, то обратись съ нею къ доброму Господину этого дома, къ тому, кто выстроилъ его для бѣдныхъ странниковъ пустыни, освѣтилъ, обогрѣлъ, приготовилъ въ немъ пищу и питье. Онъ-то и замѣтилъ тебя во мракѣ, подалъ тебѣ руку помощи, ввелъ сюда и поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ, какъ о родномъ сынѣ.

— Кто-же Господинъ этого дома, и гдѣ найти его? Укажи мнѣ его, матушка: сердце мое переполнено благодарностію.

— У тебя хорошее, благодарное сердце, сынъ мой, сказала ему названная мать:—но Господинъ этого прекраснаго дома не показывается гостямъ, и никто его изъ насъ не видалъ.

— Какъ-же мнѣ поблагодарить его?

— Мы его не видимъ, но онъ насъ видитъ; онъ даже знаетъ, что мы думаемъ и чувствуемъ, и теперь уже видитъ твою благодарность. Но мало быть благодарнымъ на словахъ; должно быть благодарнымъ на дѣлѣ.

— Чѣмъ-же я, бѣдный студентъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, могу отблагодарить хозяина такого роскошнаго дома? Ты знаешь, что самое платье, которое на мнѣ—не мое, прибавилъ онъ, краснѣя.

— Не стыдись этого, сынъ мой! Здѣсь всѣ, кого ты видишь, одѣты и накормлены его щедрою рукою; все, что есть, принадлежитъ ему; но, тѣмъ не менѣе, ты можешь на дѣлѣ показать свою благодарность Господину дома.

— Скажи-же скорѣе—чѣмъ? Что я могу для него сдѣлать? Я всѣмъ ему обязанъ—своею жизнью, и готовъ для него отдать ее.

— Онъ требуетъ очень немногаго, сказала, улыбаясь, добрая женщина:—помни только всегда, что ты здѣсь гость; не безчинствуй въ его домѣ, веди себя, какъ слѣдуетъ порядочному чело-

вѣку въ гостяхъ; будь вѣжливъ, ласковъ, услужливъ съ другими гостями и одолай каждого изъ нихъ, чѣмъ можешь—вотъ и все, чего желаетъ Владыка дома.

— Боже мой! отвѣчалъ студентъ:—да это долгъ каждого порядочнаго человѣка, который пришелъ въ гости и знаетъ, что такое вѣжливость. Но скажи мнѣ, матушка, долго ли я могу пробыть въ этомъ прекрасномъ домѣ? прибавилъ молодой человѣкъ, невольно содрогаясь, потому что въ это самое время онъ поднялъ глаза на окно, въ которое смотрѣла со двора угрюмая, непроглядная ночь.

— Тебѣ еще рано думать объ этомъ, отвѣчала мать:—для каждого изъ гостей, рано или поздно, приходитъ время опять пуститься въ путь; невидимый крылатый слуга Господина является, налагаетъ свою невидимую руку на того, кому уже пришелъ срокъ, и уводитъ его изъ дома навсегда. Но не бойся, милый сынъ мой, прибавила она, замѣтивъ, что студентъ печально опустил голову: у нашего Господина не одинъ, а множество такихъ прекрасныхъ домовъ. Подойди со мною къ окну и взгляни безъ робости въ эту непроглядную тьму. Видишь-ли ты, сколько тамъ, вдали, блестятъ огоньковъ? и числа имъ нѣтъ! Это все такіе же дома, какъ и тотъ, въ которомъ мы теперь гостимъ. Кто ведетъ себя здѣсь, какъ слѣдуетъ порядочному гостю, того невидимый слуга Владыки переноситъ мгновенно въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ домовъ; но кто забываетъ обязанности гостя, того оставляетъ онъ блуждать въ этой мрачной пустынѣ. Нашъ хозяинъ богатъ, могучъ, мудръ и добръ—добръ до безконечности. Довѣрься ему, какъ довѣряется сынъ любимому отцу, и онъ не покинетъ тебя ни здѣсь, ни тамъ!—прибавила прекрасная женщина, указывая рукою на окно, за которымъ, посреди мрака пустыни, горѣли, какъ звѣздочки, тысячи яркихъ огоньковъ.

Сердце юноши исполнилось живою благодарностію и благоговѣніемъ къ невидимому Владыкѣ дома, и онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ видѣть его и со слезами благодарности припасть къ его стопамъ.

Прекрасная женщина угадала мысль своего названного сына.

— Живи, какъ онъ хочетъ, сказала она: не забывай его никогда и люби его, исполняй его волю: люби гостей его, какъ своихъ братьевъ, служи и помогай имъ, чѣмъ можешь — и ты увидишь его самого, когда придетъ время.

— Но ты сама видѣла его? спросилъ студентъ.

— Я уже сказала тебѣ, что никто изъ живущихъ здѣсь его не видалъ; мы всѣ только гости, смѣнившіе другихъ гостей: пришли не надолго и уйдемъ скоро, уступая свое мѣсто другимъ.

— Откуда же ты узнала все, что говорила мнѣ?

— Прежде всего, отвѣчала она, — мнѣ сказало это мое собственное сердце. Я, такъ же какъ и ты, стала отыскивать, кого бы мнѣ поблагодарить за жизнь въ этомъ прекрасномъ домѣ, за тепло, за свѣтъ, за пищу, за все счастье, которое мы здѣсь испытываемъ; скоро нашла я почтеннаго старика, который живетъ здѣсь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выстроены этотъ домъ, видѣлъ хозяина лицомъ къ лицу и рассказываетъ о немъ всѣмъ, кто только хочетъ слушать. Вотъ этотъ старикъ! онъ идетъ сюда; я хочу тебя съ нимъ познакомить.

Въ это время къ нимъ подошелъ старикъ, сѣдой, какъ лунь, но высокій и бодрый. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное бархатное платье, похожее на одежду священника, и опирался на толстый костыль. Обнаженное высокое чело его говорило о глубокой мудрости; голубые задумчивые глаза смотрѣли привѣтливо, хотя немного грустно; бѣлая, какъ снѣгъ, борода разстилалась по широкой груди.

— Святой отецъ, сказала старику, цѣлуя его руку, названная мать студента: — вотъ сынъ мой; молю тебя: не оставь его, какъ не оставлялъ ты меня во всю мою жизнь здѣсь; научи его, чему меня училъ; не допусти его сбиться съ дороги и, когда удасться ему часть, приведи его къ Владыкѣ дома; будь ему отцомъ, наставникомъ и другомъ; замѣни ему меня: мой же часъ насталъ.

— Ты знаешь, отвѣчалъ старикъ, глядя ласково на юношу, — что я никому не отказываю въ своемъ совѣтѣ и покровительствѣ;

но ты знаешь также, что не всѣ хотятъ ими пользоваться. Я надѣюсь, впрочемъ, что сынъ твой будетъ похожъ на тебя; тогда мы не разстанемся съ нимъ, и я дамъ его съ рукъ на руки крылатому слугѣ Владыки.

— Намъ пора разстаться, сказала прекрасная женщина, обращаясь къ студенту: — иди за святымъ отцомъ, не оставляй его ни на минуту; онъ покажетъ тебѣ все, что здѣсь есть. Люби его и слушайся, сынъ мой!

Голосъ женщины дрожалъ. Студентъ взглянулъ на нее: лицо ея было грустно и страшно-страшно блѣдно.

— Прощай, сказала она ему, протягивая руку, холодную, какъ ледъ. — Если ты любишь меня, люби и слушайся его, прибавила она, указывая на старика: прощай, будь счастливъ!

Студентъ хотѣлъ схватить руку прекрасной женщины — ему было смертельно жаль разстаться съ нею; но ея уже не было видно: невидимый слуга Владыки унесъ ее.

Какъ грустно, какъ тяжело стало бѣдному юношѣ! Онъ оглянулся вокругъ — все чужія, незнакомыя лица; одинъ только старикъ стоялъ передъ нимъ и ласково смотрѣлъ на него.

— Пойдемъ, сынъ мой, сказалъ онъ юношѣ: — я любилъ твою мать и, надѣюсь, мы будемъ друзьями. Пойдемъ, я покажу тебѣ все, что здѣсь есть: полюбуйся и восхвали мудрость и доброту Владыки этого дома. Не тоскуй о своей матери; слушайся меня — и ты увидишься съ нею, когда придетъ твое время.

Студентъ пошелъ за старикомъ по безчисленнымъ комнатамъ дома и былъ пораженъ и восхищенъ убранствомъ, роскошью и красотой зданія. Высокіе потолки темно-синяго цвѣта сдѣланы были сводомъ и такъ искусно, что, казалось, уходили въ небо; они были украшены золотыми и серебряными звѣздами, и легкія облака были разбросаны по нимъ тамъ и сямъ рукою отличнаго художника. Стѣны почти было совершенно не видно: такъ убраны были онѣ роскошными живыми растеніями; многія изъ растений были въ полномъ цвѣтѣ, другія съ плодами; на вѣткахъ перепархивали рѣдкія птицы. Прекрасныя картины, нарисованныя до

того искусно, что глазъ обманывался ими, видны были во множествѣ; фонтаны прохладжали воздухъ, наполненный ароматами, а полы были устланы мягкими зелеными коврами. Комнатъ было такое безчисленное множество, что, казалось, счету имъ не было: дѣйствительно, можно было подумать, что этому великолѣпному зданію нѣтъ предѣловъ, если-бы повсюду въ окна не глядѣла темная, непроглядная ночь.

Все, что сдѣлалъ хозяинъ, было удивительно хорошо и показывало его безконечную мудрость и неистощимую доброту; но Боже мой! какъ странно, какъ неприлично вели себя многіе гости!

Въ одной изъ комнатъ, за большимъ столомъ, десятка два гулякъ безчинствовали до того, что молодой человѣкъ остановился и съ удивленіемъ поглядывалъ то на нихъ, то на сѣдого спутника. Драгоцѣнное вино лилось и по столу, и на полъ; пьяныя, безумныя рѣчи, брань, неистовые крики раздавались громко; нѣкоторые изъ пирующихъ уже лежали подъ столомъ; другіе, задыхаясь отъ обжорства, все еще протягивали руки къ роскошнымъ кушаньямъ и драгоцѣннымъ винамъ.

— Боже мой! сказала молодой человѣкъ, отворачиваясь отъ этой сцены и спѣша уйти изъ комнаты за своимъ проводникомъ:— Боже мой! какъ должно быть прискорбно Владыкѣ дома смотрѣть на эту отвратительную сцену: видѣть, какъ неприлично, какъ безумно растрачиваются его драгоцѣнные дары.

— О! ему не даровъ своихъ жаль, возразилъ старикъ:— богатствамъ его нѣтъ счета! Ему жаль этихъ безумцевъ; ему грустно видѣть ихъ развращенныя лица, слышать ихъ безумныя рѣчи и знать, что они позабыли обязанности гостей и употребляютъ его богатые дары на то, чтобы уподобиться животнымъ.

Въ другой комнатѣ видѣлъ юноша сцену еще болѣе отвратительную: гости передрались между собою за хозяйскія серебряныя блюда и до того разсвирѣпѣли, что здѣсь уже не вино, а кровь лилась рѣкою. Безумцы схватились за ножи, душили другъ друга за горло и спорили на смерть за то, что никому изъ нихъ

не принадлежало и съ чѣмъ они должны были такъ скоро разстаться навсегда.

Въ одной изъ комнатъ увидѣлъ молодой человѣкъ страннаго, отвратительнаго старика, безуміе котораго превосходило все, что только можно себя вообразить: дряхлый, изможденный; дрожащій, едва переводя дыханіе, сидѣлъ онъ въ углу, стараясь прикрыть собою кучу серебряныхъ стакановъ, кубковъ и тарелокъ. Онъ умиралъ отъ голода, но боялся отойти отъ сокровищъ, чтобы кто-нибудь не воспользовался его отсутствіемъ и не унесъ ихъ.

— Посмотри, до чего можетъ дойти безуміе человѣческое! сказалъ студенту его сѣдой спутникъ;—черезъ пять минутъ этого старика здѣсь больше не будетъ, онъ не возьметъ съ собою ни одного изъ этихъ серебряныхъ кубковъ, ни одной изъ этихъ золотыхъ чашъ: все останется, его самого только не будетъ болѣе здѣсь. Но погляди, какими волчьими глазами смотритъ онъ на каждаго, кто только близко подойдетъ къ нему: такъ онъ боится, чтобы кто-нибудь не коснулся сокровищъ его.

Не смотря на роскошь и изобиліе, царствовавшія повсюду, молодой человѣкъ съ удивленіемъ видѣлъ множество несчастныхъ, оборванныхъ, голодныхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на роскошные столы, занятые другимъ, и часто безъ пользы молили о кускѣ хлѣба.

— Развѣ это не такіе-же гости, какъ и всѣ? спросилъ юноша у старика, указывая на этихъ несчастныхъ.

— Да, это такіе-же гости, отвѣчалъ старикъ:—по ты видишь, какъ поступаютъ съ ними тѣ, кто послыше и попроворише. Владыка дома предоставилъ его въ распоряженіе гостей своихъ, и вотъ что они здѣсь дѣлаютъ!

— Но почему-же онъ не прогонитъ отсюда такихъ гостей? вскричалъ юноша:—зачѣмъ онъ позволяетъ имъ безчинствовать?

— Видишь-ли, сынъ мой, онъ любитъ своихъ гостей; онъ знаетъ, какая страшная ночь, какой лютый холодъ и непроглядный мракъ ожидаютъ ихъ за стѣнами этого дома, и ему жаль этихъ безумцевъ: онъ все ждетъ, не исправятся-ли они.

Юноша вспомнил, что испытывалъ онъ въ открытой степи, и невольно содрогнулся.

— О, да! сказалъ онъ старику: — ихъ дѣйствительно жаль. Пойдемъ-же къ нимъ, напомнимъ имъ, чѣмъ они были, чѣмъ обязаны хозяину этого дома и что съ ними будетъ, если они не исправятся.

— Не думай, чтобы они этого не знали, отвѣчалъ старикъ: — впрочемъ, слѣдуй внушенію твоего добраго сердца: напоминай имъ ихъ обязанности, напоминай имъ о Владыкѣ дома; старайся помогать тѣмъ, которые страдаютъ; но знай, что при этомъ ты встрѣтишь много препятствій. Чтобы ты могъ судить, какъ Владыка дома любить своихъ гостей и какъ сожалѣть о нихъ, я разскажу тебѣ, что случилось здѣсь нѣсколько времени назадъ. Видя, что безчинство страшно возросло, что гости грабятъ и убиваютъ другъ друга, что сильные притѣсняють слабыхъ, что всѣ забыли о томъ, кто хозяинъ всему дому, Владыка послалъ къ нимъ единственнаго Сына своего, чтобы тотъ напомнилъ имъ ихъ обязанности и показалъ примѣромъ, какъ должны они жить. Сынъ Владыки явился сюда подъ видомъ скромнаго гостя. Онъ не сѣдился за столы съ знатными и богатыми; но жилъ въ обществѣ бѣдныхъ, помогалъ несчастнымъ, излѣчивалъ больныхъ, кормилъ голодныхъ, и всѣмъ говорилъ о Владыкѣ дома, всѣхъ хотѣлъ спасти отъ предстоящей имъ злой доли. Во все свое недолгое пребываніе здѣсь онъ не только не обидѣлъ никого, не только чего-нибудь не отнялъ у другихъ, но помогалъ всѣмъ, кто только нуждался въ его помощи. Не было и не будетъ здѣсь никого, кто-бы вель себя скромнѣе Сына Владыки дома; онъ говорилъ только о любви, и хотѣлъ примирить всѣхъ и всѣхъ обратитъ къ Отцу своему. Что-же, ты думаешь, сдѣлали съ нимъ гости? Озлобленные его словами, въ которыхъ было много горькой для нихъ правды, они собрались и убили Сына Владыки, убили за то, что, будучи полновластнымъ властелиномъ всего, онъ жилъ нищимъ, — за то, что онъ помогалъ несчастнымъ, за то, что хотѣлъ спасти всѣхъ: Поступать, какъ онъ поступалъ, ты не можешь, сынъ

мой; но старайся сдѣлать все, что только можешь изъ того, что онъ дѣлалъ.

Рѣчь старика глубоко запала въ сердце юноши. Кроткій образъ Сына Владыки съ тѣхъ поръ стоялъ неотступно передъ его глазами. Вмѣшавшись въ толпу нищихъ, старыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, студентъ старался помочь всякому, чѣмъ только могъ. Долго ходилъ онъ со старикомъ изъ комнаты въ комнату, помогая бѣднякамъ, стараясь помирить противниковъ, напоминая о Владыкѣ дома всѣмъ тѣмъ, которые о немъ позабыли. Были такіе, на которыхъ подѣйствовали слова и примѣръ юноши, и они исправились; но были и такіе, которые встрѣчали совѣты молодого человѣка грубо и отвергали ихъ съ презрѣніемъ; другіе бранили дерзкаго выскочку; третьи осыпали его насмѣшками; нашлись даже и такіе между гостями, которые замахивались на юношу чѣмъ попало — такъ глубоко кололи ихъ слова истины! Но когда гордость молодого человѣка возмущалась противъ такого обращенія съ нимъ, тогда старикъ, непокидавшій его ни на минуту, напоминалъ ему о Сынѣ Владыки дома, который, будучи хозяиномъ всему, безъ злобы выносилъ насмѣшки, брань, побои и вынесъ даже самую смерть отъ тѣхъ, кто жилъ и питался щедрыми дарами Отца его.

Страшный шумъ въ одной изъ комнатъ привлекъ вниманіе молодого человѣка и его сѣдого спутника. Они заглянули туда и увидѣли кровопролитную драку. Роскошный столъ былъ опрокинутъ; черепки разбитыхъ блюде и вазъ, раскиданная серебряная посуда, обрывки дорогихъ цвѣтовъ попирались ногами дерущихся. Одни изъ гостей отчаянно боролись, другіе вѣпились другъ другу въ волосы, третьи кусались, какъ волки; у большей части въ рукахъ блестѣли ножи; на полу уже было нѣсколько убитыхъ и множество раненыхъ, и послѣдніе, попираемые безжалостно ногами своихъ братьевъ, страшно вопили. Юноша поблѣднѣлъ, взглянувъ на эту сцену; но болѣе всего поразило его лицо одной женщины, которая, стоя на колѣняхъ, съ растрепанными волосами, въ изорванномъ и забрызганномъ кровью платьѣ, старалась закрыть собою

матенькихъ дѣтей; а они, блѣдныя, дрожація, прижимались къ ней въ испугѣ. Несчастливая мать порывалась было нѣсколько разъ уйти изъ комнаты, но у двери шла страшная свалка; надъ головою бѣдняжки поминутно сверкали ножи, и она каждую минуту могла ожидать, что тотъ или другой изъ разъяренныхъ бойцовъ раздавитъ или задѣнетъ ножомъ ея дорогихъ дѣтей. Она вопила, громко призывая хозяйина дома.

Юношѣ показалось, что кто-то сказалъ ему въ ту минуту: „иди и спасай!“ Не думая долго, онъ пробился сквозь толпу сражающихся и, не замѣчая ударовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, почти вынесъ на рукахъ бѣдную женщину и ея малютокъ.

Когда они были уже въ другой комнатѣ, то спасенная жепчина кинулась на колѣни передъ молодымъ человѣкомъ и, крѣпко прижимая къ груди своихъ дѣтей, со слезами благодарила его за спасеніе. Старикъ, спутникъ молодого человѣка, былъ тутъ же, смотрѣлъ на юношу, ласково улыбаясь, и говорилъ ему: „ты кончилъ свое дѣло, теперь усни спокойно“.

Въ эту самую минуту студентъ почувствовалъ сильную боль въ груди и, оглянувшись на себя, увидѣлъ, что былъ тяжело раненъ ножомъ въ грудь и изъ широкой раны обильно струилась горячая кровь. Ноги подкосились у молодого человѣка, и онъ непременно упалъ-бы на полъ, если-бъ старикъ не поддержалъ его на своей широкой груди.

„Я умираю“, подумалъ молодой человѣкъ, и въ это самое мгновеніе увидѣлъ передъ собою крылатаго юношу ослѣпительной красоты, одѣтаго въ бѣлыя ризы, блестяція, какъ снѣгъ. Крылатый юноша протягивалъ молодому человѣку руку и говорилъ ему: „ты кончилъ свое дѣло, пойдемъ за мною. — Владыка дома зоветъ тебя“.

Невыразимо пріятное чувство разлилось по всему существу умирающаго: онъ затрепеталъ и вскрикнулъ отъ восторга, вскрикнулъ... и проснулся.

Передъ нимъ, вмѣсто ангела, стояла его добрая сестра и дер-

жала его за руку; голова его дѣйствительно покоилась на груди отца, стараго священника; а мать съ младшими братьями, стоя на колѣняхъ передъ образами, молилась Богу, чтобы Онъ возвратилъ ей старшаго сына. На столѣ, у образовъ, передъ которыми теплилась лампадка, лежала Библия въ истертомъ бархатномъ переплетѣ.

— Слава Богу! ты наконецъ очнулся, сказала сестра, увидѣвъ, что братъ ея открылъ глаза.

Нужно-ли говорить, въ какомъ восторгѣ была вся семья.

Молодой человѣкъ, идя по стени, изнемогъ и упалъ; онъ вѣроятно погибъ-бы, но одинъ крестьянинъ, ѣхавшій въ это время въ стени, поднялъ его. Узнавъ въ безчувственномъ молодомъ человѣкѣ сына своего священника, добрый мужичокъ привезъ его домой, прямо къ отцу; но не раньше, какъ черезъ часъ, успѣли привести студента въ чувство.

Молодой человѣкъ жилъ долго послѣ того, но никогда не забывалъ своего сна; ему всегда казалось, что весь этотъ міръ не болѣе какъ гостинница, за дверьми которой ждетъ насъ ея невидимый хозяинъ.

Окончивъ курсъ семинаріи, студентъ сдѣлался священникомъ и былъ благодѣтелемъ своего прихода; всѣ несчастные, бѣдные, какъ-бы видѣли въ немъ истиннаго отца. Онъ не щадилъ денегъ на добрыя дѣла, и хотя самъ былъ бѣденъ, но раздавалъ все, что имѣлъ. Когда сосѣди и знакомые упрекали его въ такой, какъ они говорили, безразсудной щедрости, то онъ всякій разъ отвѣчалъ имъ:

— Все это не мое и не ваше; все это принадлежитъ Хозяину земли; всѣ мы здѣсь гости и должны помогать другъ другу.

Такъ глубоко врѣзался сонъ въ его душу.

ИСТИННО-ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Въ одной изъ гористыхъ мѣстностей Франціи, среди скалистыхъ Вогезовъ, вдали отъ богатыхъ городовъ и большихъ путей

сообщенія, расположено нѣсколько деревень, составляющихъ одинъ округъ, который и носить названіе *Скалистаго*. Жители этого округа, дѣтъ семьдесятъ назадъ, отличались бѣдностью, невѣжествомъ, предразсудками, грубостью нравовъ и вообще были очень несчастны. Они лѣниво обрабатывали свои покрытыя камнями поля, не знали никакихъ ремеслъ, рѣдко сообщались съ остальнымъ міромъ по причинѣ дурныхъ и опасныхъ горныхъ дорогъ, не имѣли ни садовъ, ни порядочныхъ огородовъ, ни больницъ, ни школъ—и толпы нищихъ осаждали рѣдкаго путешественника, попавшаго случайно въ эту полудикую страну.

Въ этотъ-то глухой округъ, въ 1767 году, назначенъ былъ священникомъ Жанъ Фридрихъ Оберлейнъ, человекъ еще очень молодой, сынъ бѣднаго учителя страсбургской гимназій, получившій, впрочемъ, отличное воспитаніе. Прибывъ на мѣсто, въ мѣстечко Вальдбахъ, гдѣ стоялъ скромный священническій домъ, Жанъ Оберлейнъ скоро убѣдился въ жалкомъ положеніи своихъ прихожанъ, жившихъ какъ въ Вальдбахѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Другой, быть можетъ, искалъ-бы себѣ случая убѣжать изъ такой глуши; но молодой священникъ думалъ, что здѣсь-то именно и нужна его дѣятельность, и положилъ цѣлью своей жизни: извлечь несчастныхъ горцевъ изъ ихъ жалкаго состоянія.

„Прежде всего надобно ихъ учить“, сказалъ самъ себѣ Оберлейнъ: „люди, лишенные образованія, не могутъ понимать даже и собственной своей пользы; и такъ съ учрежденія школы должно начать преобразование моего прихода“.

Но невѣжество горныхъ жителей было такъ велико, что когда Оберлейнъ купилъ для постройки школьнаго дома кусокъ земли въ Вальдбахѣ, то горожане допустили его приступить къ постройкѣ школы не иначе, какъ получивъ отъ него формальное обязательство, что онъ не будетъ требовать отъ нихъ денегъ на содержаніе школы. Оберлейнъ далъ это обязательство и тридцать лѣтъ содержалъ школу изъ своихъ собственныхъ, всегда очень скудныхъ средствъ. Но въ продолженіе этого времени школа, основанная Оберлейномъ, оказала свое дѣйствіе: прихожане поняли

пользу ученія и уже сами учредили мало-по-малу пять школъ въ различныхъ деревняхъ своего округа.

Но не одно обученіе дѣтей занимало Оберлейна: онъ скоро сдѣлался ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ своего прихода. То онъ являлся утѣшителемъ въ семейства, пораженные какимъ-нибудь горемъ, то исправлялъ увѣщаніями людей, увлекшихся какими-нибудь дурными стремленіями; то помогалъ бѣднымъ, то посѣщалъ больныхъ. Ни дурная погода, ни опасности пути не могли удержать его, когда онъ шель на какое-нибудь доброе дѣло. Нерѣдко горцы видѣли, какъ Оберлейнъ, поздно вечеромъ, верхомъ на своей лошаdkѣ, отправлялся въ Страсбургъ, до котораго было десять миль очень труднаго и опаснаго пути. Тамъ цѣлый день онъ хлопоталъ безъ устали по дѣламъ своего прихода и, чтобы не терять даромъ драгоценнаго времени, возвращался домой снова поздно вечеромъ; а рано по утру онъ уже разносилъ по больнымъ лѣкарства, купленные въ городѣ.

Но минутной помощью тѣмъ, которые въ ней нуждались, Оберлейнъ не ограничивался. Онъ хотѣлъ по возможности уничтожить самыя причины бѣдствій и старался вводить между своими прихожанами разныя полезныя учрежденія.

Понятно само собою, что нововведенія, которыя задумывалъ Оберлейнъ, встрѣчали сильное сопротивленіе въ людяхъ, заглубившихъ въ своей невѣжественной жизни, и они часто осыпали Оберлейна не только насмѣшками, но и угрозами. Но пасторъ побѣдилъ всѣ эти препятствія своею твердостью, хладнокровіемъ, благоразуміемъ, такъ что современемъ самыя жаркіе его противники сдѣлались самыми ревностными его сотрудниками въ дѣлѣ преобразованій.

Сообщеніе между жилими мѣстами прихода было очень затруднительно: Оберлейнъ уговорилъ прихожанъ исправить дороги. Но у пастора былъ планъ еще болѣе обширный: нужно было проложить удобный выходъ изъ Скалистаго округа до большой дороги въ Страсбургъ; сдѣлать это было очень трудно; однако-же неутомимый пасторъ не испугался затрудненій. Вооружившись самъ

ломомъ, онъ прилежно принялся за работу; примѣръ его подѣйствовалъ на всѣхъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасная дорога, версты въ три длиною, открыла для жителей прихода удобное сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Рѣчка Ла-Врѣшь, сбѣгая быстро съ горъ, не имѣла опредѣленнаго русла и затопляла поля; пасторъ и прихожане вырыли ей русло и построили на ней нѣсколько мостовъ.

Чтобы избавить жителей Скалистаго округа отъ бѣдности, Оберлейнъ старался улучшить хозяйство крестьянъ: подъ его руководствомъ они очистили поля отъ камней, и теперь эти камни, мѣшавшіе прежде хлѣбопашеству, показываютъ границы полей и ограждаютъ посѣвы отъ скота. Оберлейнъ сообщалъ молодымъ людямъ полезныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и постановилъ правиломъ, чтобы каждый молодой человѣкъ, прежде чѣмъ будетъ допущенъ къ св. причащенію, посадилъ собственными своими руками, по крайней мѣрѣ, два дерева. Земледѣльцы съ большимъ трудомъ и съ большими издержками доставали земледѣльческія орудія: пасторъ устроилъ лавку, гдѣ необходимыя для земледѣльца орудія продавались по возможно дешевой цѣнѣ и притомъ въ долгъ. Крестьяне Скалистаго округа знали только дикую яблоню: Оберлейнъ собственнымъ примѣромъ побудилъ ихъ воспитывать плодовые деревья лучшихъ сортовъ; а чтобы побѣдить ихъ отвращеніе къ этому нововведенію, собственными руками развелъ садъ у самой дороги, такъ что всѣ, проходя мимо, могли видѣть плоды трудовъ его. Земля, истощенная невѣжественною обработкой, плохо вознаграждала трудъ земледѣльца: Оберлейнъ научилъ крестьянъ удобрять землю, улучшить породу домашняго скота, ввелъ искусственные луга и искусственное орошеніе. Картофель, главная пища жителей, на плохой землѣ выродился совершенно: Оберлейнъ выписалъ новыя сѣмена изъ Швейцаріи и Голландіи — и картофель сдѣлался главнымъ предметомъ торговли для жителей Скалистаго округа. Оберлейнъ ввелъ посѣвъ клевера и выписалъ лучшія льняныя сѣмена изъ Риги. Всякое нововведеніе онъ прежде испытывалъ самъ; а чтобы поддерживать улучшение, устроилъ изъ крестьянъ общество сельскаго хозяйства.

Ремесла почти были неизвѣстны жителямъ Скалистаго округа: Оберлейнъ уговорилъ нѣсколькихъ родителей отдать своихъ дѣтей въ ученіе различнымъ ремесленникамъ. Онъ ввелъ пряжу хлопчатой бумаги и этимъ занятіемъ поправилъ очень скоро состояніе жителей.

Во время болѣзней жители Скалистаго округа оставались безъ всякой помощи: не было ни лѣкарствъ, ни медиковъ. Оберлейнъ завелъ аптеку въ собственномъ своемъ домѣ, гдѣ лѣкарства раздавались даромъ, и послалъ одного смѣшленнаго человѣка въ Страсбургъ учиться медицинѣ и хирургіи, а нѣсколько женщинъ приучилъ ходить за больными; кромѣ того, онъ распространилъ между крестьянами свѣдѣнія, какъ помогать утопленникамъ, замерзшимъ и задохшимся. Пожары часто истребляли жилища крестьянъ, — и Оберлейнъ завелъ нѣсколько пожарныхъ инструментовъ: крючья, лѣстницы, пожарныя трубы.

Въ этой отдаленной и мало извѣстной мѣстности, заброшенной въ средину Вогезскихъ горъ, Оберлейнъ ввелъ множество такихъ учреждений, облегчающихъ жизнь человѣка, которыя мало были распространены тогда даже въ самыхъ богатыхъ странахъ. Такъ, на примѣръ, онъ учредилъ сберегательную кассу съ тѣмъ условіемъ, что тотъ, кто хочетъ принять въ ней участіе, долженъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Изъ этой кассы деньги раздавались въ долгъ безъ заклада и процентовъ, — чѣмъ мало по малу было совершенно уничтожено нищенство въ Скалистомъ округѣ. Чтобы поддерживать и распространять между крестьянами образованіе, Оберлейнъ завелъ *странствующую* бібліотеку и первый подаль примѣръ тѣхъ странствующихъ бібліотекъ, которыхъ теперь такъ много развелось въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ дни своей жизни посвящалъ Оберлейнъ благу своихъ прихожанъ, и во всемъ приходѣ не было радости, которой онъ, хотя отчасти, не былъ бы виновникомъ; не было горя, котораго бы онъ не облегчилъ по возможности; не было ссоры, въ которой бы онъ не былъ посредникомъ и примирителемъ. Его безчисленныя благодѣянія приобрѣли ему такое уваженіе и такую любовь при-

хожанъ, что всё повиновались ему, какъ отцу; онъ приобрѣлъ большую власть надъ ихъ умами и былъ между ними самымъ могущественнымъ законодателемъ. Вотъ поразительный примѣръ его могущества: когда ассигнаціи потеряли во Франціи всякую цѣну, отчего многіе разорились совершенно и впади въ нищету, Оберлейнъ своимъ авторитетомъ поддержалъ цѣнность ассигнацій въ Скалистомъ округѣ. Не желая, чтобы ущербъ, происходящій отъ упадка ассигнацій, упалъ на нѣкоторыхъ, а лучше разложился по-немногу на все народонаселеніе, Оберлейнъ постановилъ, чтобы ассигнаціи, переходя изъ рукъ въ руки, уменьшались въ цѣнѣ своей на десять сантимовъ при каждомъ переходѣ.

Нужно-ли говорить, что всё жители прихода видѣли въ Оберлейнѣ своего отца и благодѣтеля? Они и не называли его иначе, какъ отцомъ. Когда же, удрученный годами, онъ не могъ уже болѣе взбираться на скалы, чтобы посѣщать деревни своего прихода, тогда крестьяне возили его на смирной и спокойной лошаdkѣ, и день, когда Оберлейнъ посѣщалъ какую-нибудь деревню, былъ для нея праздникомъ.

Оберлейнъ прожилъ 86-ть лѣтъ и до конца своей жизни сохранилъ въ полной свѣжести всё свои душевныя силы, хотя ослабѣвшее тѣло и отказывалось служить ему.

1826 года 1-го іюня, въ шесть часовъ утра, еще разъ помолвившись за своихъ дорогихъ прихожанъ, патріархъ Скалистаго округа уснулъ вѣчнымъ сномъ. Общая горестъ и общій трауръ проводили его до могилы. Памятникъ, изваянный знаменитымъ художникомъ и представляющій добрыя, кроткія черты истинно великаго человѣка, стоитъ теперь въ вальдбахской церкви, но и безъ этого памятника жители Скалистаго округа не забудутъ никогда Жана Оберлейна.

Вотъ, друзья мои, біографія истинно-великаго человѣка, болѣе великаго, чѣмъ всевозможные Цезари, Наполеоны, Августы и Александры Македонскіе.

А какъ сильно и благодѣтельно дѣйствовалъ на прихожанъ высокій примѣръ истинно-христіанской жизни пастора! Одна

шестнадцатилѣтняя крестьянка Скалистаго округа, Луиза Шеплеръ, хотя имѣла свое состояніе и могла бы жить самостоятельно, поступила въ услуженіе къ Оберлейну и, не получая никакой платы за свою службу, около пятидесяти лѣтъ была самою ревностною исполнительницею его добрыхъ намѣреній, а послѣ смерти Оберлейна еще долго оставалась ангеломъ-утѣшителемъ для дѣлаго округа. Имя Луизы Шеплеръ, не смотря на ея скромныя обязанности, должно сохраниться въ исторіи, потому что она, пораженная тѣмъ, что дѣти, по уходѣ родителей на полевые работы, остаются совершенно одни, безъ всякаго призора, изобрѣла *дѣтскіе пріюты*, и это благодѣтельное учрежденіе быстро распространилось по всей Европѣ. Какъ было бы хорошо, еслибы и въ наши деревни, гдѣ дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, часто производятъ пожары, дѣлаются сами калѣками на всю жизнь и портятъ другъ друга нравственно, проникло благодѣтельное учрежденіе Луизы Шеплеръ, и дѣти, собираясь въ одинъ домъ, подъ присмотръ какой-нибудь доброй и умной женщины, проводили бы время не только безъ вреда для себя, но даже и съ пользою: пріучались къ порядку, опрятности и, играя, учились читать и писать! Сколько уже по всей Европѣ спасено дѣтей—христіанской идеею смиренной служанки Оберлейна!

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ.

Молодой человѣкъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки и попросилъ лодочника, чтобы тотъ перевезъ его на другую сторону. Деревня, куда нужно было прибыть юношѣ, лежала на другой сторонѣ, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ; но перевозчикъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать, куда хотѣлъ молодой человѣкъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ и давно уже миновалъ деревню.—„Куда-же ты ѣдешь, пріятель?“ спросилъ его юноша.—„Прямо туда, куда нужно“.—отвѣчалъ перевозчикъ.—„Если это называется прямо“, сказалъ юноша, „то я ужъ и не знаю, что значить криво. Если мы будемъ все такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ де-

ревни“.—„Да, мой добрый баринъ, еслибъ мы все такъ ѣхали“, возразилъ перевозчикъ: „но когда мы выѣдемъ на середину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка—дай Богъ ему царство небесное!—говаривалъ часто: хроній перевозчикъ, который хочетъ переѣхать прямо черезъ рѣку, точно такъ-же, какъ и хорошій христіанинъ, должны поставить себѣ цѣль повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другого теченіе жизни“. И дѣйствительно, подѣзжая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы, чтобы не пристать ниже деревни. Выходя изъ лодки, молодой человекъ заплатилъ перевозчику двойную плату.—„Вотъ тебѣ“, сказалъ онъ, „за перевозъ и за добрый совѣтъ“.

СМЕРТЬ И СОНЪ.

Обнявшись по-братски, пролетали надъ землею Ангелъ смерти и Ангелъ сна. Это было вечеромъ, и они остановились на холмѣ, недалеко отъ людскихъ жилищъ. Кругомъ царствовала глубокая тишина. Тихо, молча, сидѣли оба благодѣтельные гения человечества. Ночь наступила.

Тогда поднялся Ангелъ сна на своихъ крыльяхъ и началъ неслышимо сѣять вокругъ невидимыя сѣмена дремоты. Вечерній вѣтерокъ понесъ ихъ къ тихимъ жилищамъ усталыхъ крестьянъ;—сладкій сонъ обнялъ жителей мирныхъ жилищъ: отъ старика, опирающагося на посохъ, до грудного младенца, лежащаго въ колыбели, все наслаждалось сномъ. Больной забылъ свою болѣзнь, печальный—свое горе, бѣднякъ—свои заботы. Окончивъ свое дѣло, благодѣтельный Ангелъ сна воротился къ своему грустному брату.—„Когда настанетъ утро“, сказалъ онъ веселый и счастливый, „тогда поблагодарятъ меня люди, какъ своего друга и благодѣтеля. О, какъ приятно—незримо, въ тиши, разсыпать благодѣнія! Какъ счастливы мы съ тобою, милый братъ! Какъ прекрасно наше назначеніе!“ Такъ говорилъ дружественный Ангелъ сна. Ангелъ смерти посмотрѣлъ на брата съ горестью, и слезы заблестали въ его большихъ, темныхъ глазахъ.—„Ахъ!“ сказалъ онъ:

„почему и я вмѣстѣ съ тобою не могу наслаждаться благодарностью людей? Жители земли зовутъ меня самымъ страшнымъ врагомъ своимъ!“ — „О, братъ мой“, отвѣчалъ Ангелъ сна, „но развѣ, пробудившись, они не вспомнятъ тебя съ благодарностью и не пошлютъ тебѣ благословенія, какъ своему другу и благодѣтелю? Развѣ мы не братья съ тобою и не посланники одного и того же Небеснаго Отца?“

Такъ говорилъ Ангелъ сна и оба брата обнялись еще нѣжиѣе.

В О Р О В Е Й.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ-бы зачюявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва пророставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой — и весь взъерощенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И, все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. — Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

И. С. Тургеневъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я права отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика; ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ вожжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рошу и черезъ десять минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось: я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружескій съ всеми ими цѣлуясь. Мои потѣшные мальчишки были мужиками, а дѣвочки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Мужчины плакали, женщинамъ я говорилъ безъ церемоніи: „какъ ты постарѣла!“ И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: „какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!“ Повели меня на заднее крыльцо; на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить

баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвучками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той комнатѣ, въ которой за двадцать три года родился.

А. Пушкинъ.

ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ ГИМНАЗИСТА.

Мы кое-какъ пообедали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ К—и, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ каретѣ. На разсвѣтѣ безъ всякаго шума заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ К—и. Когда я проснулся, яркое солнце свѣтило въ карету. Это было 19 мая, день рожденія моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленныя, молодые хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами всѣ края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ и бѣгать, и прыгать, какъ самое рѣзвое пяти-лѣтнее дитя; тутъ только я вполнѣ почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсеича и Федора *), поздоровался съ кучеромъ и фореиторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также и со всѣми лошадьми: Евсеичъ взялъ меня на руки, поднималъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это былъ славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нѣтъ въ Оренбургской губерніи, но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Дѣдушка мой вывелъ такую породу; лошади были крупныя, четырехвершковыя,

*) Евсеичъ — дядька мальчуга, отправляющагося въ деревню родителей, а Федоръ—слуга.

сильные до невѣроятности, рысистыя, незадушливыя на бѣгу и пезнавшія устали. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и 90 верстѣ въ день. Боже мой, какъ было мнѣ весело! Насилу усадили меня въ карету, но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ, сверкнула полоса воды— это была рѣка Меша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной парѣ, а карету едва перевезли; ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей и, не смотря на то, плотъ погружался въ воду. Мы съ матерью переѣхали прежде всѣхъ на другой берегъ; цвѣтущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Запасливый фореиторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совѣзмъ готовую удочку съ удищемъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ; ее сейчасъ отвязали и, покуда совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Демы, я не видывалъ рѣки рыбнѣе Мешы: рыба кипѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только успѣвай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна, эта кормежка показалась мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на дорожномъ таганѣ приготовить намъ Евсеичъ, который былъ немножко и поварь! Скородка жареной рыбы также показалась очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отѣхали тридцать верстѣ отъ К—ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю, и ѣхать было и не жарко, и не пыльно: сначала ѣхали шагомъ, а потомъ побѣжали такою рысью, что уѣзжали болѣе десяти верстѣ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отѣхали еще сорокъ верстѣ и остановились почевать въ полѣ, потому что въ кормежкѣ запасились всѣмъ нужнымъ для ночевки.

Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли, спутали лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркій огонь, наложили дорожный самоваръ, то есть огромный чайникъ съ трубою, постлали кожу возлѣ кареты, поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа наполни остывшихъ копей, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и припустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью улеглись въ каретѣ, и сладко заснулъ я, слушая, какъ жевали кони овесъ и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день поутру мы переправились немного повыше Шурана черезъ Каму, которая была еще въ разливѣ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась *посуда* *) большая и новая; на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее, опустили даже гардинки и подняли жалюзи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я, сверхъ того, закуталъ голову платкомъ и все таки дрожалъ отъ страха во все время переправы: дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзихѣ; лѣтомъ она спускалась нѣсколько верстѣ ниже. Мать отыскала въ Мурзихѣ своихъ провожатыхъ: она всѣмъ привезла хорошіе гостинцы; подарки были приняты безъ удивленія, но съ удовольствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстѣ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день пріѣхали мы почевать въ деревню Татарскій Байтуганъ, лежавшую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но, боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а фореиторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотницъ. Поднявшись съ почлега по обыкновенію на зарѣ, мы имѣли возможность не заѣхать въ село Неклюдово, гдѣ жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Куневскіе, а также въ Бахметевку, гдѣ недавно посе-

*) Такъ называются завозни, досчанки, паромы и проч.

лился новый помѣщикъ Осоргинъ съ молодою женою: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся: точно кто разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ Колкомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше село Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домовъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: „не видно-ли деревни?“ И когда онъ сказалъ, наконецъ, наклоняясь къ переднему окошку: „вотъ наше Аксаково, какъ на ладонѣ“,—я сталъ такъ убѣдительно просить свою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!..

С. Аксаковъ.

ЕРМОЛАЙ И ЕГО ВАЛЕТКА.

Мы съ Ермолаемъ отправились на охоту; но извините, господа: я долженъ васъ сперва познакомить съ Ермолаемъ.

Вообразите себѣ человѣка лѣтъ сорока пяти, высокаго, худого, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазами, взъерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму, и лѣто въ желтоватомъ панталоновомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синіе шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, въ веселый часъ, разорившимся помѣщикомъ. Къ кушаку привязывались два мѣшка, одинъ спереди, искусно перекрученный на двѣ половины, для пороху и для дробы, — другой сзади — для дичи; хлопки-же Ермолай доставалъ изъ собственной, повидному, неистощимой шапки.

Онъ бы легко могъ на деньги, вырученныя имъ за продажную дичь, купить себѣ патронташъ и суму, но ни разу даже не подумалъ о подобной покупке, и продолжалъ заряжать свое ружье попрежнему, возбуждая изумленіе зрителей искусствомъ, съ ка-

кимъ онъ избѣгалъ опасности просыпать или смѣшать дробь и порохъ. Ружье у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное притомъ скверной привычкой жестоко „отдавать“, отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлѣе лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ этого ружья—и хитрому человѣку не придумать, но попадалъ. Была у него лягавая собака, по прозванію Валетка, предудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. „Стану я пса кормить“, разсуждалъ онъ—„притомъ песь—животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитаніе“. И, дѣйствительно, хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своею чрезмѣрной худобой, но жилъ и долго жилъ; даже, не смотря на свое бѣдственное положеніе, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанія покинуть своего хозяина. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Онъ обыкновенно сидѣлъ подвернувши подъ себя свой куцый хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался. (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться). Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздный дворовый человѣкъ не упустилъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но все эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые тотчасъ отрывались отъ дѣла, и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ по слабости, свойственной не одиѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно-теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неустойчивостью и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ пораненнаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ діалектахъ.

Ермолай принадлежалъ одному изъ моихъ сосѣдей, помѣщику стариннаго покроя. Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропа-

токъ, а впрочемъ позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка, ни на какую работу негоднаго — „лядащаго“, какъ говорится у насъ, въ Орлѣ. Пороху и дроби, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человѣкомъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ погами и переваливался съ боку на бокъ, — и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ шестьдесятъ въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ на болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ въ-заперти на чердакахъ, въ погребкахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго, — и все-таки черезъ нѣсколько времени возвращался домой одѣтый, съ ружьемъ и собакой. Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чужакомъ. Ермолай любилъ покалякать съ хорошимъ человѣкомъ, особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ бывало и пойдетъ. — „Да куда ты, чортъ, идешь? Ночь на дворѣ“ — „А въ Чаплино“ — „Да на что тебѣ тащиться въ Чаплино за десять верстъ?“ — „А тамъ у Софрона-мужичка переночевать“ — „Да ночуй здѣсь“ — „Нѣтъ ужъ, нельзя“. И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь, черезъ кусты и водомойни; а мужичокъ Софронъ его, пожалуй, къ себѣ и на дворъ не пуститъ, да еще, чего добраго, шею ему наплетъ: не безнокой-де честныхъ людей. За то никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полулю воду, рыбу, доставать руками раковъ и отыскивать по чутью дичь, подманивать перенеловъ, выпашивать ястребовъ, добывать соловьевъ.

Л Ъ Г О В Ъ .

— Поѣдемте въ Льговъ, сказалъ мнѣ однажды уже извѣстный читателямъ Ермолай: — мы такъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно плѣнительнаго; но, за неимѣніемъ пока другой дичи, я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ — большое степенное село, съ весьма древней каменной, одноглавою церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка верстъ за пять отъ Льгова превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кое-гдѣ посреднѣ заросшіи густымъ тростникомъ, по орловскому — майеромъ. На этомъ-то прудѣ въ заводяхъ или затишьяхъ, между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всевозможныхъ породъ: кряковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то и дѣло перелетывали надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: Фу-у! Мы пошли было съ Ермолаемъ вдоль пруда, но, во-первыхъ, у самаго берега утка, птица осторожная, не держится, во-вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лился жизни, то достать его изъ сплошнаго майера наши собаки не были въ состояніи: не смотря на самое благородное самоотверженіе, онъ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоценные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ, промолвилъ, наконецъ, Ермолай: — дѣло неладно: надо достать лодку... Поѣдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ на встрѣчу изъ-за густой ракиты выбѣжала довольно дряпаная лягавая собака, и велѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ гри-де-лень или блеп-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемоналомъ, снюхивались съ новой для нихъ личностью, которая видимо трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро переворачивалась

всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы, — незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать-пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижно косицами; небольшие каріе глазки привѣтливо моргали; все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я здѣшній охотникъ — Владиміръ... Услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги!

Охотникъ Владиміръ говорилъ, ни дать ни взять, какъ провинціальныи молодой актеръ. Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамоту, почитывалъ, сколько я могъ замѣтить, кой-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постоянного занятія, питался только-что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и видимо щеголялъ своими манерами. Между прочимъ, онъ мнѣ далъ замѣтить, что посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знается. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно; но все-таки не терялъ чувства собственного достоинства и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъяснить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ не слишкомъ образованныи и уже вовсе не „субтильный“, началъ было его „тыкать“. Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: вы-съ...

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ? спросилъ я его. — Зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ, возразилъ онъ:—это болѣе пагубное слѣдствіе осторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-съ, но вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-съ. Вотъ-съ въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: „любезный другъ мой, возьми меня на охоту, я любопытствую узнать—въ чемъ состоитъ эта забава“. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ ему, съ своей стороны, ружье-съ и взялъ его на охоту-съ. Вотъ-съ мы, какъ слѣдуетъ, поохотились; наконецъ, вздумалось намъ отдохнуть-съ. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ-же, напротивъ того, съ своей стороны началъ выкидывать ружьемъ артикуль-съ, причемъ цѣлился въ меня. Я попросилъ его перестать, но, по неопытности своей, онъ не послушался-съ. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владиміръ и Ермолай оба рѣшили, что безъ лодки охотиться невозможно.

— У Сучка есть досчаникъ *), замѣтилъ Владиміръ:—да я не знаю, куда онъ спряталъ. Надо сбѣгать къ нему.

— Къ кому? спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви, и сталъ разматривать могилы на кладбищѣ...

Приходъ Ермолая, Владиміра и человѣка съ страннымъ прозвищемъ Сучокъ—прервалъ мои размышленія.

Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? спросилъ я.

— Лодка есть, отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ:— да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась, да изъ дырвевъ клепки повывалились.

*) Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.

— Велика бѣда! подхватишь Ермолай:— паклей заткнуть можно.

— Известно, можно, подтвердилъ Сучокъ.

— Ды ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой несправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной, съ важностью прибавилъ мой охотникъ.

— Ну, сказалъ я Ермолаю:— поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй!

Ермолай ушелъ.

— А вѣдь этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдёмъ? сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ, отвѣчалъ онъ.— Во всякомъ случаѣ должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

— Да, онъ не глубокъ, замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно съ просонья:— да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже и колдобины *).

— Однако же, если трава такъ сильна, замѣтилъ Владиміръ:— такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто-жъ на досчаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ,— а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, сказалъ Владиміръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличія, нѣсколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ руки за спиной.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли на досчаникѣ Сучка. (Собаки мы оставили въ избѣ подъ надзоромъ кучера Іегудіила). Намъ не очень было ловко, но охотники — народъ не разборчи-

*) Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

вый. У тупого задняго конца стоялъ Сучокъ и „пихался“; мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самаго носа. Не смотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ погами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдерживалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ; сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ, мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, „срывались“ съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ; выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними, и весело было видѣть, какъ эти кургузья, тяжелыя птицы кувыркалися на воздухѣ, тяжело шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя ныряли; иныя, убитыя на повалъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но все-таки къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично и послѣ cadaго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно; я — довольно плохо, по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами человѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: „вонъ, вонъ еще утица!“— и то-и-дѣло почесывалъ спину— не руками, а приведенными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ. Мы уже собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе,

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу

все набиралась въ досчаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стаями, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего досчаника, — какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и вѣзмъ тѣломъ палегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнуло и торжественно пошло ко дну, къ счастью, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно: черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быть по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шесть свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тыфу ты пропасть! пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду: — какая оказія! А все ты, старый чортъ! прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку: — что это у тебя за лодка?

— Виновать, пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра: — чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты...

Но Владиміру было ужъ не до возраженій: онъ дрожалъ, какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно безмысленно улыбался. Куда дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственнаго достоинства!

Проклятый досчаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ,

я оглянулся; кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали, надъ ихъ верхушками, видѣлся берегъ. „Плохо!“ подумалъ я.

— Какъ намъ быть? спросилъ я Ермолая.

— А вотъ посмотримъ: не ночевать-же здѣсь, отвѣтилъ онъ. — На, ты, держи ружье, сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду сыну бродъ, продолжалъ Ермолай съ увѣренностью, какъ будто во всякомъ прудѣ непременно долженъ существовать бродъ, — взялъ у Сучка шесть и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь-ли плавать? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю, раздался его голосъ изъ-за тростника.

— Ну, такъ утонетъ, равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь, совершенно успокоенный, только изрѣдка отдувался и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ-сь, жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ умолкъ совершенно. Въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межъ собою мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами; инья собирались съѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорятся, „коломъ“, и съ крикомъ улетали. Мы начинали костепѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать располагался.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу, бродъ нашель... Пойдемте.

Мы хотѣли было тотчасъ отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ

за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухъ-сотъ шаговъ. Ермолай шель смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: „лѣвѣй,—тутъ направо колдобина!“ или: „правѣй,—тутъ на лѣво завязнешь“... Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри.—„Ну, ну, ну!“ грозно кричалъ на него Ермолай,—и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обесушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ и собирались ужинать. Кучеръ Іегудилъ, человѣкъ чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно потчивалъ табаккомъ Сучка. (Я замѣтилъ, что кучера въ Россіи очень скоро дружатся). Сучокъ похалъ съ остервенѣніемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, повидимому, чувствовалъ большое удовольствіе. Владиміръ принималъ томный видъ, наклонялъ голову на бокъ и говорилъ мало. Ермолай вытиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертели хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подъ навѣсомъ... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстлались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна... На селѣ раздавались пѣсни.

И. Тургеневъ.

ШТОЛЬЦЫ: ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

Штольцъ былъ нѣмецъ только вполнину, по отцу: мать его была русская; вѣру онъ исповѣдывалъ православную; природная рѣчь его была русская: онъ учился ей у матери и изъ книгъ въ университетской аудиторіи и въ играхъ съ деревенскими мальчишками, въ толкахъ съ ихъ отцами и на московскихъ базарахъ. Нѣмецкій-же языкъ онъ наследовалъ отъ отца да изъ книгъ. Въ

селѣ Верхлевѣ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ, Штольцъ выросъ и воспитывался. Съ восьми лѣтъ сидѣлъ онъ съ отцомъ за географической картой, разбиралъ по складамъ Гердера, Виланда, библейскіе стихи и подводилъ итоги безграмотнымъ счетамъ крестьянъ, мѣщанъ и фабричныхъ, а съ матерью читалъ священную исторію, училъ басни Крылова и разбиралъ по складамъ-же „Телемака“. Оторвавшись отъ указки, бѣжалъ разорять птичьи гнѣзда съ мальчишками, и, перѣдко, среди класса или за молитвой, изъ кармана его раздавался пискъ галчаты. Бывало и то, что отецъ сидитъ въ послѣобѣденный часъ подъ деревомъ въ саду и курить трубку, а мать вяжетъ какую-нибудь фуфайку или вышиваетъ по канвѣ: вдругъ съ улицы раздается шумъ, крики, и цѣлая толпа людей врывается въ домъ.

— Что такое? спрашиваетъ испуганная мать.

— Бѣрно, опять Андрея ведутъ, хладнокровно говоритъ отецъ.

Двери распахиваются, и толпа мужиковъ, бабъ, мальчишекъ вторгается въ садъ. Въ самомъ дѣлѣ, привели Андрея, но въ какомъ видѣ?! безъ сапогъ, съ разорваннымъ платьемъ и съ разбитымъ носомъ, или у него самого или у другого мальчишки. Мать всегда съ безпокойствомъ смотрѣла, какъ Андрюша исчезалъ изъ дома на полсутки и, еслибъ только не положительное запрещеніе отца мѣшать ему, она бы держала его возлѣ себя. Она его обмоетъ, переменитъ бѣлье, платье, и Андрюша полсутки ходитъ такимъ чистенькимъ благовоспитаннымъ мальчикомъ, а къ вечеру, иногда и къ утру, опять его кто-нибудь притащитъ выпачканнаго, растрепаннаго, неузнаваемаго, или мужики привезутъ на возу съ сѣномъ, или, наконецъ, съ рыбаками пріѣдетъ онъ на лодкѣ, заснувши на неводу. Мать въ слезы, а отецъ ничего, еще смѣется.

— Добрый буршъ будетъ, добрый буршъ! скажетъ иногда.

— Помилуй, Иванъ Богдановичъ, жаловалась она: — не проходитъ дня, чтобъ онъ безъ синяго пятна воротился, а наменишь пось до крови разбилъ.

— Что-же за ребенокъ, если ни разу носа себѣ или другому не разбилъ? говорилъ отецъ со смѣхомъ.

Мать поплачетъ, поплачетъ; потомъ сядетъ за фортепьяно и забудетъся за Герцомъ: слезы каплютъ, одна за другой, на клавиши. Но вотъ приходитъ Андриша, или его приведутъ; онъ начнетъ рассказывать такъ бойко, такъ живо, что раземѣшитъ и ее; притомъ онъ такой понятливый! Скоро онъ сталъ читать „Телемака“, какъ она сама, и играть съ ней въ четыре руки. Однажды онъ пропалъ уже на недѣлю; мать выплакала глаза, а отецъ ничего—ходить по саду да курить.

— Вотъ, еслибъ Обломова сынъ пропалъ, сказалъ онъ на предложеніе жены—поѣхать, поискать Андрея:—такъ я бы поднялъ на ноги всю деревню и земскую полицію, а Андрей придеть. О, добрый буршъ!

На другой день Андрея нашли преспокойно спящаго въ своей постели, а подъ кроватью лежало чье-то ружье и фунтъ пороху и дробы.

— Гдѣ ты пропадалъ? Гдѣ взялъ ружье? засыпала мать вопросами:—что-жъ молчишь?

— Такъ! Только и было отвѣта.

Отецъ спросилъ; готовъ-ли у него переводъ изъ Корнелія Непота на нѣмецкій языкъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Отецъ взялъ его одной рукой за воротникъ, вывелъ за ворота, надѣлъ ему на голову фуражку и ногой толкнулъ его сзади такъ, что сшибъ съ ногъ.

— Ступай, откуда пришелъ, прибавилъ онъ, и приходи опять съ переводомъ, вмѣсто одной, двухъ главъ, а матери выучи роль изъ французской комедіи, что она задала: безъ того не показывайся!

Андрей воротился черезъ недѣлю, принесъ переводъ и выучилъ роль.

Когда онъ подростъ, отецъ сажалъ его съ собой на рессорную телѣжку, давалъ вожжи и велѣлъ везти на фабрику, потомъ въ поля, потомъ въ городъ, къ кушчамъ, въ присутственныя мѣста; потомъ посмотрѣть какую-нибудь глину, которую возьметъ на па-

лець, попохаетъ, иногда лизнетъ, и сыну дать понюхать, и объяснить, какая она, на что годится. Не то, такъ отправятся посмотреть, какъ добываютъ поташъ или деготь, топятъ сало. Четырнадцати, пятнадцати лѣтъ, мальчикъ отправлялся частенько одинъ, въ телѣжкѣ или верхомъ, съ сумкой у сѣдла, съ порученіями отъ отца въ городъ, и никогда не случалось, чтобы онъ забылъ что-нибудь, переначилъ, не доглядѣлъ, даль промахъ. „Recht gut, mein lieber Junge!“ говорилъ отецъ, выслушавъ отчетъ и трепля его широкой ладонью по плечу, давалъ два, три рубля, смотря по важности порученія. Мать послѣ долго отмываетъ копоть, грязь, глину и сало съ Андриши.

Ей не совсѣмъ нравилось это трудное, практическое воспитаніе. Она боялась, что сынъ ея сдѣлается такимъ же нѣмецкимъ бюргеромъ, изъ какихъ вышелъ отецъ. На всю нѣмецкую націю она смотрѣла какъ на толпу патентованныхъ мѣщанъ, не любила грубости, самостоятельности и кичливости, съ какими нѣмецкая масса предъявляетъ вездѣ свои тысячелѣтніе выработанныя бюргерскія права, какъ корова носить свои рога, не умѣя кстатѣ ихъ спрятать. На ея взглядъ, во всей нѣмецкой націи не было и не могло быть ни одного джентльмена. Она въ нѣмецкомъ характерѣ не замѣчала никакой мягкости, деликатности, снисхожденія, ничего того, что дѣлаетъ жизнь такъ пріятною въ хорошемъ свѣтѣ, съ чѣмъ можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общій обычай, не подчиниться уставу. Нѣтъ, такъ и ломаютъ эти невѣжи, такъ и напираютъ на то, что у нихъ положено, что заберутъ себѣ въ голову: готовы хоть стѣну пробить лбомъ, лишь-бы поступить по правиламъ. „Какъ ни ряди нѣмца“, думала она: „какую тонкую и бѣлую рубашку онъ ни надѣнетъ, пусть обуется въ лакированные сапоги, даже надѣнетъ желтыя перчатки, а все скроется какъ будто изъ сапожной кожи; изъ-подъ бѣлыхъ манжетъ все торчатъ жесткія красноватыя руки; и изъ-подъ изящнаго костюма выглядываетъ, если не булочникъ, то буфетчикъ. Эти жесткія рука такъ и просятъ приняться за шило, или много, много—что за смѣчекъ въ оркестрѣ“. А въ сыгѣ ей мерещился идеаль

барина, хотя выскочки, изъ чернаго тѣла, отъ отца-бюргера, по все-таки сына русской дворянки, все-таки бѣленькаго, прекрасно-сложеннаго мальчика, съ такими маленькими руками и ногами, съ чистымъ лицомъ, съ яснымъ бойкимъ взглядомъ, такого, на какихъ она наглядѣлась въ русскомъ богатомъ домѣ и тоже за границею, конечно, не у нѣмцевъ. И вдругъ онъ будетъ чуть не самъ ворочать жернова на мельницѣ, возвращаться домой съ фабрикъ и полей, какъ отецъ его, въ салѣ, въ навозѣ, съ красно-грязными, загрубѣвшими руками, съ волчьимъ аппетитомъ! На бѣду Андрюша отлично учился, и отецъ сдѣлалъ его репетиторомъ въ своемъ маленькомъ пансіонѣ. Ну, пусть бы такъ; но онъ положилъ ему жаловенье, какъ мастеровому, совершенно по-нѣмецки: по десяти рублей въ мѣсяцъ, и заставлялъ его расписываться въ книгѣ.

Утѣшься, добрая мать: твой сынъ выросъ на русской почвѣ— не въ будничной толпѣ, съ бюргерскими коровьими рогами, съ руками, ворочающими жерновами. Вблизи была Обломовка: тамъ вѣчный праздникъ! Тамъ сбываютъ съ плечъ работу, какъ иго; тамъ баринъ не встаетъ съ зарей и не ходитъ по фабрикамъ около намазанныхъ саломъ и масломъ колесъ и пружинъ. Да и въ самомъ Верхлевѣ стоитъ, хотя большую часть года пустой, запертый домъ, но туда частенько забирается шаловливый мальчикъ, и тамъ онъ видитъ длинныя залы и галлерей, темныя портреты на стѣнахъ, не съ грубой свѣжестью, не съ жесткими большими руками, видитъ томные голубые глаза, волосы подъ пудрой, бѣлые изнѣженные лица, нѣжныя съ синими жилками руки въ трепещущихъ манжетахъ, гордо положенныя на эфесъ шпаги; видитъ рядъ благородно-безполезно въ нѣгѣ протекшихъ поколѣній, въ парчѣ, въ бархатѣ и кружевахъ. Онъ въ лицахъ проходитъ исторію славныхъ временъ, битвъ, именъ, читаетъ тамъ повѣсть о старинѣ, не такую, какую рассказывалъ ему сто разъ, поплеывая, за трубкой, отецъ о жизни въ Саксоніи, между брюквой и картофелемъ, между рынкомъ и огородомъ.

Года въ три разъ этотъ замокъ вдругъ наполнялся народомъ,

кипѣлъ жизнью, праздниками, балами; въ длинныхъ галлерейхъ сіяли по ночамъ огни. Пріѣзжали князь и княгиня съ семействомъ: князь, сѣдой старикъ, съ выпѣвшимъ, пергаментнымъ лицомъ, тусклыми, на выкатѣ глазами и большимъ плѣшивымъ лбомъ, съ тремя звѣздами, съ золотой табакеркой, съ тростью съ яхонтовымъ набалдашникомъ, въ бархатныхъ сапогахъ; княгиня—величественная красотой, ростомъ и объемомъ женщина. Она казалась выше того міра, въ который нисходила въ три года разъ; ни съ кѣмъ не говорила, никуда не выѣзжала, а сидѣла въ угольной зеленой комнатѣ, съ тремя старушками, да черезъ садъ, пѣшкомъ, по крытой галлерей, ходила въ церковь и садилась на стулъ за ширмы.

Зато въ домѣ, кромѣ князя и княгини, былъ цѣлый такой веселый и живой міръ, что Андрюша дѣтскими зеленѣющими глазами своими смотрѣлъ вдругъ въ три или четыре разныя сферы, бойкимъ умомъ жадно и бессознательно наблюдалъ типы этой разнородной толпы, какъ пестрыя явленія маскарада. Тутъ были князья Петръ и Мишель, изъ которыхъ первый тотчасъ преподавалъ Андрюшѣ, какъ бьютъ зорю въ кавалеріи и пѣхотѣ, какія сабли и шпоры гусарскія и какія драгунскія, какихъ мастей лошади въ каждомъ полку и куда непременно надо поступить послѣ ученья, чтобъ не опозориться. Другой, Мишель, только лишь познакомился съ Андрюшей, какъ поставилъ его въ позицію и началъ выдѣлывать удивительныя штуки кулаками, попадая ими Андрюшѣ то въ носъ, то въ брюхо, потомъ сказалъ, что это англійская драка. Для черезъ три Андрей, на основаніи только деревенской свѣжести и съ помощью мускулистыхъ рукъ, разбилъ ему носъ и по англійскому и по русскому способу, безъ всякой науки, и приобрѣлъ авторитетъ у обоихъ князей. Были еще двѣ княжны, дѣвочки одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ, высокенькія, стройныя, нарядно одѣтыя, ни съ кѣмъ не говорившія, никому не кланявшіяся и боявшіяся мужиковъ. Была ихъ гувернантка, m-lle Ernestine, которая ходила пить кофе къ матери Андрюши и научила дѣлать ему кудри. Потомъ былъ нѣмецъ, который точилъ на станкѣ табакерки и

пуговицы, потомъ учитель музыки, который напивался отъ воскресенья до воскресенья, потомъ цѣлая шайка горничныхъ, наконецъ стая собакъ и собаченокъ. Все это наполняло домъ и деревню шумомъ, гамомъ, стукомъ, кликами и музыкой.

Съ одной стороны Обломовка *), съ другой—княжескій замокъ, съ широкимъ раздольемъ барской жизни, встрѣтились съ нѣмецкимъ элементомъ, и не вышло изъ Андрея ни добраго бурша, ни даже филистера.

* Отецъ Андриюши былъ агрономъ, технологъ, учитель. У отца своего, фермера, онъ взялъ практическіе уроки въ агрономіи, на саксонскихъ фабрикахъ изучилъ технологию, а въ ближайшемъ университетѣ, гдѣ было около сорока профессоровъ, получилъ призваніе къ преподаванію того, что кое-какъ успѣли ему растолковать сорокъ мудрецовъ. Дальше онъ не пошелъ, а прямо повернулся назадъ, рѣшивъ, что надо дѣлать дѣло, и возвратился къ отцу; тотъ далъ ему сто талеровъ, новую котомку, и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Съ тѣхъ поръ Иванъ Богдановичъ не видалъ ни родины, ни отца. Шесть лѣтъ пространствовалъ онъ по Швейцаріи, Австріи, а двадцать лѣтъ живетъ въ Россіи и благословляетъ свою судьбу.

Онъ былъ въ университетѣ и рѣшилъ, что сынъ его долженъ быть также тамъ — нужды нѣтъ, что это будетъ не нѣмецкій университетъ, нужды нѣтъ, что университетъ русскій долженъ будетъ произвести переворотъ въ жизни его сына и далеко отвести отъ той колѣн, которую мысленно проложилъ отецъ въ жизни сына. А онъ сдѣлалъ это очень просто: взялъ колею отъ своего дѣда и продолжалъ ее, какъ по линейкѣ, до будущаго своего внука, и былъ покоенъ, не подозрѣвая, что варіаціи Герца, мечты и рассказы матери, галерея и будуаръ въ княжескомъ замкѣ обратятъ узенькую нѣмецкую колею въ такую широкую дорогу, какая не снилась ни дѣду его, ни отцу, ни ему самому! Впрочемъ, онъ не

*) Сосѣдняя помѣщичья деревня, откуда Обломовъ, сынъ помѣщика, приходилъ учиться въ маленькій пансіонъ къ Штольцу.

былъ педантъ въ этомъ случаѣ и не сталъ бы настаивать на своемъ: онъ только не умѣлъ бы начертать въ своемъ умѣ другой дороги сыну.

Онъ мало объ этомъ заботился. Когда сынъ его воротился изъ университета и прожилъ мѣсяца три дома, отецъ сказалъ, что дѣлать ему въ Верхлевѣ больше нечего, что вонъ уже даже Обломова отправили въ Петербургъ, что, слѣдовательно, и ему пора. А отчего нужно ему въ Петербургъ, почему не могъ онъ остаться въ Верхлевѣ и помогать управлять имѣніемъ—объ этомъ старикъ не спрашивалъ себя; онъ только помнилъ, что когда онъ самъ кончилъ курсъ ученья, то отецъ отослалъ его отъ себя. И онъ отослалъ сына — таковъ обычай въ Германіи. Матери не было на свѣтѣ и противорѣчить было некому.

Въ день отъѣзда Иванъ Богдановичъ далъ сыну сто рублей ассигнаціями.

— Ты поѣдешь верхомъ до губернскаго города, сказалъ онъ:— тамъ получи отъ Калининкова триста-пятьдесятъ рублей, а лошадь оставь у него. Если-жъ у него нѣтъ, продай лошадь, тамъ скоро ярмарка; дадутъ четыреста рублей и не на охотника. До Москвы доѣхать станеть тебѣ рублей сорокъ, оттуда въ Петербургъ — семьдесятъ-пять; останется довольно. Потомъ—какъ хочешь. Ты дѣлалъ со мной дѣла, стало быть знаешь, что у меня есть нѣкоторый капиталъ, но ты прежде смерти моей на него не рассчитывай, а я, вѣроятно, еще проживу лѣтъ двадцать, развѣ только камень упадетъ на голову. Лампада горитъ ярко, и масла въ ней много. Образованъ ты хорошо; передъ тобой всѣ карьеры открыты: можешь служить, торговать, хоть сочинять, пожалуй—не знаю, что ты выберешь, къ чему чувствуешь больше охоты...

— Да я посмотрю, нельзя ли вдругъ по всѣмъ, сказалъ Андрей.

Отецъ захохоталъ изо всей мочи и началъ трепать сына по плечу такъ, что и лошадь бы не выдержала. Андрей ничего.

— Ну, а если не станеть умѣнья, не съумѣешь самъ отыскать вдругъ свою дорогу, понадобится посовѣтовать, спросить — зайди

къ Рейнгольду: онь научить. О! прибавилъ онь, поднявъ пальцы вверхъ и тряся головой: — это... это... (онъ хотѣлъ похвалить и не нашелъ слова). Мы вмѣстѣ изъ Саксоніи пришли. У него четырехъ-этажный домъ. Я тебѣ адресъ скажу...

— Ненадо, не говори, возразилъ Андрей:—я пойду къ нему, когда у меня будетъ четырехъ-этажный домъ, а теперь обойдусь безъ него...

Опять трепанье по плечу.

Андрей вспрыгнулъ на лошадь. У сѣдла были привязаны двѣ сумки: въ одной лежалъ клеенчатый плащъ и видны были толстые, подбитые гвоздями сапоги, да нѣсколько рубашекъ изъ верхлевскаго полотна, вещи купленные и взятые по настоянію отца; въ другой лежалъ изящный фракъ тонкаго сукна, мохнатое пальто, дюжина тонкихъ рубашекъ и ботинки, заказанныя въ Москвѣ, въ память наставленій матери.

— Ну! сказалъ отецъ.

— Ну! сказалъ сынъ.

— Все? спросилъ отецъ.

— Все! отвѣчалъ сынъ.

Они посмотрѣли другъ на друга молча, какъ будто пронзали взглядомъ одинъ другого насквозь.

Между тѣмъ около собралась куча любопытныхъ сосѣдей, посмотрѣть съ разинутыми ртами, какъ управляющій отпустить сына на чужую сторону. Отецъ и сынъ пожали другъ другу руки. Андрей поѣхалъ крупнымъ шагомъ.

„Каковъ щенокъ: ни слезинки!“ говорили сосѣди. „Вонъ двѣ вороны, такъ и надсѣдаются, каркаютъ на заборѣ: накаркаютъ онѣ ему—погоди уже!“— „Да что ему вороны! Онъ на Ивана Купалу по ночамъ въ лѣсу одинъ шатается: къ нимъ, братцы, это не пристаешь. Русекому бы не сошло съ рукъ!“— „А старый-то нехристь хорошъ“, — замѣтила одна мать: „точно котенка выбросилъ на улицу: не обнялъ, не взвылъ!“

— Стой! стой, Андрей! закричалъ старикъ.

Андрей остановилъ лошадь.

„А! заговорило видно ретивое!“ сказали въ толпѣ съ одобреніемъ.

— Ну? спросилъ Андрей.

— Подпруга слаба, надо подтянуть.

— Доеду до Шамшевки, самъ поправлю. Время тратить чего, надо засвѣтло приѣхать.

— Ну! сказалъ, махнувъ рукой, отецъ.

— Ну! кивнувъ головою, повторилъ сынъ и, нагнувшись немного, только хотѣлъ прищипорить коня.

— „Ахъ, вы собаки, право собаки! словно чужіе!“ говорили сосѣди. Но вдругъ въ толпѣ раздался громкій плачь: какая-то женщина не выдержала.

— Батюшка ты, свѣтикъ! проговорила она, утирая концомъ головного платка глаза, — сиротка бѣдный! нѣтъ у тебя родимой матушки, некому благословить тебя... Дай хотя я перекрещу тебя, красавецъ мой!..

Андрей подѣхалъ къ ней, соскочилъ съ лошади, обнялъ старуху, потомъ хотѣлъ-было ѣхать—и вдругъ заплакалъ, пока она крестила и цѣловала его. Въ ея горячихъ словахъ послышался ему будто голосъ матери, возникъ на минуту ея нѣжный образъ. Онъ еще крѣпко обнялъ женщину, наскоро отеръ слезы и вскочилъ на лошадь. Онъ ударилъ ее по бокамъ и исчезъ въ облакѣ пыли; за нимъ съ двухъ сторонъ отчаянно бросились въ догонку три дворняжки и залились лаемъ.

И. Гончаровъ.

